АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

Георгий Алексеевич
ДЗИДЗАРИЯ

ТРУДЫ

II ТОМ

АбИГИ
Сухум – 2015

ББК 63.3 (5Абх)
Д43

Утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

Редакционная коллегия:
Авидзба В. Ш., Авидзба А. Ф., Бгажба О. Х., Куправа А. Э., Лакоба С. З., Салакая С. Ш., Хашба А. М., Чкок-Эшба Э. М.

Георгий Алексеевич Дзидзария. ТРУДЫ. II том.
«Дом печати». Сухум, 2015 г. – 704 с.

Во второй том трудов Г. А. Дзидзария вошли его малоизвестные ныне работы, посвященные в основном периоду Кавказской войны и первая его крупная монография «Восстание 1866 года в Абхазии».

© АбИГИ им Д. И. Гулиа, 2015

ДЕКАБРИСТЫ В АБХАЗИИ[1]

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Кавказ играл совершенно особенную роль в истории русского общества и русской литературы.

Кавказ XIX века – это Пушкин и Грибоедов, это Лермонтов и Толстой, это декабристы – Одоевский и Бестужев-Марлинский, это значительная часть лиц, входящих в нашем сознании в пушкинское окружение, это первые, часто романтические страницы русских литературных связей с Кавказом.

Кавказ, в особенности первой половины XIX века, – это место военной службы многих русских людей, тогда же, в годы этой своей службы на Кавказе, или впоследствии, прославивших себя в истории русской культуры.

Колонизаторская политика русского царизма по отношению к горцам Кавказа ставила сложные политические и нравственные проблемы перед теми передовыми деятелями русской культуры, которые, будучи по долгу военной службы винтиками русской императорской военной машины, в то же время имели свой собственный взгляд на вещи – и на горцев Кавказа, в покорении которых они так или иначе участвовали, и на будущие судьбы России, и на императорский режим, и на современное им русское общество.

В особенно сложном положении оказались на Кавказе сосланные туда декабристы, разжалованные в солдаты и заново выслужившиеся из солдат в первые офицерские чины.

Небольшое по объему, но полное новых и интересных фактов и исторических наблюдений, исследование абхазского историка Геор-

[1] Книга «Декабристы в Абхазии» впервые опубликована в 1970 году в издательстве «Алашара», Сухуми. – *Ред.*

гия Дзидзария дает немало материала для размышлений и над судьбами Абхазии и всего восточного побережья Черного моря во второй четверти прошлого столетия, и над судьбами многих, чаще всего, не своей волей оказавшихся в то время в этих краях передовых людей России.

Декабристы в Абхазии – не только любопытная и пока еще недостаточно исследованная страница истории этого замечательного уголка нашей Родины, но и одна из сложных и трагических страниц истории русской культуры.

Двойственность положения ссыльных декабристов, их участие в военных действиях русских войск против исконных жителей края, с одной стороны, их первые дружественные связи с жителями края – с другой, их личное свободолюбие и свободомыслие и их прикованность к своим военным обязанностям, их взгляды на все происходящее, носившее на себе печать многих неустранимых противоречий, – обо всем этом думаешь читая маленькую, но очень весомую по своему значению книжку профессора Дзидзария.

И как знать, не подтолкнет ли она кого-то из русских, абхазских или грузинских писателей к разработке этой же интереснейшей темы, но уже средствами художественными.

Я, во всяком случае, именно с такой мыслью закрывал эту книжку, которую мне от души хочется рекомендовать самому широкому кругу любознательных читателей.

Константин Симонов
Сухуми, 1969.

* * *

Вопрос о пребывании декабристов на Кавказе не случайно привлекает внимание многих исследователей. Изучение деятельности декабристов и их единомышленников на земле кавказских народов раскрывает прогрессивную роль передовых людей России, подлинно дружеские отношения, которые установились между ними и свободолюбивыми народами этого древнего края в первые десятилетия XIX века.

В настоящей работе ставится цель осветить указанную тему в рамках Абхазии и частично всего Западного Кавказа в целом. В подобном разрезе она не была еще объектом исследования. Между тем с этим краем связаны весьма любопытные факты. Здесь находились многие деятели декабристского движения и примыкавшие к ним лица, а также участники польской национально-освободительной борьбы.

Речь идет не только о дворянских революционерах-офицерах, но и о рядовых солдатах-декабристах. Правда, об этих «нижних чинах», к сожалению, нет подробных сведений[1]. Вообще, по справедливому замечанию профессора М. Н. Гернета, «о пребывании декабристов на Кавказе нам известно очень мало»[2]. Между тем в рядах Отдельного Кавказского корпуса в 1827 году, например, насчитывалось не менее 2 800 солдат-декабристов, в том числе служивших на территории Западного Кавказа, в частности, в Абхазии. Здесь среди «нижних чинов» было также немало «штрафных» и «ссыльных»,

[1] Можно, однако, указать, например, на статью В. А. Романовского «Солдаты-декабристы на Кавказе», напечатанную в «Сборнике трудов» историко-филологического факультета Ставропольского пединститута, Ставрополь, 1958, вып. 13 – С. 15–37.

[2] Гернет М. А. История царской тюрьмы, т. 2, М., 1961. – С. 195.

участников крестьянских, солдатских и иных выступлений, а среди офицеров – лиц, направленных сюда за политическую неблагонадежность и не желавших примириться с реакционным режимом, который усиленно насаждался в стране и в армии после Отечественной войны 1812 года[1].

Если Кавказ в целом слыл тогда «теплой Сибирью», как окрестил его Александр I, то Абхазия и Черноморье были чуть ли не «самыми суровыми» и «опасными» районами этого края. По этому поводу Василий Андреев, служивший в рассматриваемое время в войсках Отдельного Кавказского корпуса, писал:

«Как в Сибири есть еще другая Сибирь, вроде Якутска или Охотска, так и на Кавказе есть еще Кавказ, представляющий местности тогдашнего Дербента, Таркова или Сухума»[2].

Не случайно в 1840 году царское правительство объявило, что всякому офицеру, служащему или отставнику, при переводе или назначении в черноморские линейные батальоны будет выдаваться годовое жалованье и прогоны на любое расстояние, а женатым – то и другое вдвойне[3].

В ту пору здесь почти каждый царский гарнизон находился фактически в осадном положении; военные действия в крае все более разгорались. Генерал Н. Н. Раевский свидетельствовал: «Большая часть укреплений на Восточном берегу [Черного моря] находится в беспрестанной блокаде от горцев и не имеет другого сообщения как морем»[4].

Но особенно пагубно влиял на северян непривычный сырой климат этих мест, порождавший малярию. Гарнизонные солдаты, в большинстве уроженцы центральных губерний, массами погибали от этой болезни. Доктор медицины Н. Торопов писал: «О том, какая страшная была смертность в наших укреплениях бывшей

[1] Фадеев А. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе. «Вопросы истории», 1951, № 4. – С. 100.

[2] Андреев В. Воспоминания из кавказской старины. «Кавказский сборник», т. 1, Тифлис, 1876. – С. 90.

[3] Филипсон Г. И. Воспоминания. «Русский архив», 1883, кн. 6. – С. 348–349.

[4] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР, ф. 38, оп. 30/286, 1840 г., св. 40, д. 104, л. 9. Копия отзыва начальника Черноморской береговой линии Раевского начальнику штаба корпуса горных инженеров Чевкину от 4 октября 1840 г.

Черноморской береговой линии, можно судить уже по тому, что там считали делом весьма обыкновенным, когда в год вымирало более десятой части всего гарнизона. Но были и такие укрепления, где в течение 3–4 лет целый состав гарнизона переменялся, т. е. вымирал»[1]. Генерал Г. И. Филипсон, служивший в 30–40 годах на Черноморском побережье, свидетельствовал: «Среди этой роскошной природы (Абхазии. – Г. Д.) царствует знаменитая абхазская лихорадка, которая уносила во сто раз более жертв, чем все военные действия и другие болезни»[2]. В другом месте мы читаем: «Сухум казался каменным гробом: нельзя было встретить свежего, здорового лица... В Сухум мы ежегодно посылали 16 % штатного числа нижних чинов на укомплектование, т. е. средняя жизнь считалась там почти в шесть лет»[3].

Английский журналист Эдмунд Спенсер, побывавший в 1836 году в Бамборском укреплении, писал, что он застал стоявший здесь гарнизон, да и другие гарнизоны на побережье, «жестоко страдающими от лихорадки и, конечно, ужасная смертность, господствующая в армиях Кавказа, является объектом будущего размышления... Жалкие сараи... в соединении с другими пагубными условиями создают возможность того, что солдат найдет при приеме в госпиталь скорее паспорт на небо...». Далее он отмечал, что «большая часть этих гарнизонов состоит из непослушных подданных... Ордер на исправление в армии Кавказа рассматривается военными властями в России как равносильный гражданской ссылке. ...Русские гарнизоны ежедневно уменьшались от заразы и меча»[4]. «Сотни деревянных крестов теснились» около укреплений, огороженных четырьмя валами, «и придавали самим укреплениям вид раскрытых могил»[5]. «Число больных в батальонных лазаретах бывает втрое и вчетверо больше штатного», – писал и лекарь Бамборского военного госпиталя П. К. Баженов[6].

[1] Торопов Н. Опыт медицинской географии Кавказа, СПб., 186. – С. 165–166.

[2] Филипсон Г. И. Указ. соч. «Русский архив», 1883, кн. 6. – С. 305.

[3] Там же, 1884, кн. 1. – С. 204, 211.

[4] Spenser E. Travels in Circassia, Krim Tartary, vol. I, London, 1838. – С. 325–327.

[5] Потто В., Марлинский (Бестужев) А. А. Газета «Кавказ», № 345, 31 декабря 1897 г.

[6] Баженов П.К. Медико-топографический взгляд на места, русскими войсками занятые в Абхазии. «Военно-медицинский журнал», 1838, ч. XXXI, № 1. – С. 24.

Обстановка службы на Кавказе для декабристов была особенно тяжелой. Прежде всего они оказались под строгим политическим наблюдением. В секретной записке директора канцелярии Военного министерства от 21 июня 1837 года говорилось об определении декабристов рядовыми в Отдельный Кавказский корпус, «назначив их в разные батальоны под строгий присмотр и с тем, чтобы они непременно несли строевую службу по их званию и без всяких облегчений»[1]. Согласно предписанию Инспекторского департамента Главного штаба, данному на основании личного распоряжения Николая I, командиру корпуса вменялось в обязанность ежемесячно доводить до сведения императора «на счет службы и поведения декабристов»[2]. Переписку декабристы могли вести не иначе, как через полевой штаб, где каждая написанная ими строка подвергалась самой строгой цензуре. Их обычно направляли в наиболее опасные места Кавказского фронта. Малейшее попустительство или проявление либерализма по отношению к декабристам грозило крутой расправой. К этому надо еще добавить, что в связи с политическим процессом над группой декабристов (Е. С. Мусин-Пушкин, И. П. Акулов, А. А. Фок) в Кутаисе в 1831 году командиру 44-го Егерского полка (части которого в основном были дислоцированы в Абхазии) полковнику Пацовскому Николаем I было строго предписано, «дабы он усугубил секретный надзор за всеми присланными в сей полк лицами, принадлежавшими к тайным обществам»[3].

После жестокого подавления царским правительством в 1831 году Польского восстания и народных волнений, известных под именем «холерных бунтов», в стране началась новая волна реакции, и притеснения, чинимые над декабристами на Кавказе, еще более усилились.

Тем не менее тех, кто томился долгие годы в рудниках настоящей Сибири, Кавказ манил и красотой своей природы, и возможностью ценой боевых отличий приобрести право возвращения на родину.

Русские «беспокойные» вольнодумцы, сосланные на Кавказ, сурово осуждали военно-феодальный колониальный режим, уста-

[1] Цит. по указ.соч. Гернета М. Н. Т. 2. – С. 195.

[2] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 1, д. 77, л. 13 об.

[3] Цит. по кн. Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность, Тбилиси, 1958. – С. 212.

навливавшийся здесь царизмом, хотя в силу своей классовой ограниченности и не являлись сторонниками предоставления кавказским народам права на национальное самоопределение[1]. Декабристы хотели видеть народы Кавказа в благополучии, в мире и дружбе с русским народом. Уезжая на родину, декабрист А. Е. Розен писал: «Прощай, Кавказ! Красуйся не одною природою, но и благосостоянием твоих обитателей»[2].

В условиях наивысшего разгула николаевской реакции такие высказывания звучали как проповедь подлинного гуманизма. Уважая национальные традиции кавказских народов, декабристы проявляли глубокий интерес к их богатому прошлому, самобытной древней культуре, языку, общественному и семейному быту, экономическому положению[3].

Сочувственно относились к народам Кавказа и многие солдаты, часть которых открыто переходила на сторону борющихся горцев. Офицер Генерального штаба В. И. Мочульский писал, что такое явление было обусловлено тем, что «изнуренные от беспрерывных и самых утомительных походов нижние чины не имели ни необходимого отдыха, ни удобностей для жизни, постоянно предоставлены нападениям горцев и весьма тягостной домашней службе». Они, уходя в горы, «постоянно находят приют у... неприятелей. Им дают... пищу, одежду и помещение... Их принимают с радостью... По пробытии ими некоторого времени в горах, горцы дают им жен и земли... Они вступают во все права коренных жителей...»[4].

Автор книги «Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846» Ракович писал: «Дезертирство вообще было больное место во всех армиях с рекрутской системой и долговременной службой; в кавказских же войсках, служивших издавна ссыльным местом, оно было еще чувствительнее[5]. В одном нашем полку в 1831 году числилось в бе-

[1] «История СССР», т. IV, М., 1967. – С. 448.

[2] Розен А. Записки декабриста, СПб., 1907. – С. 262.

[3] Фадеев А. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе. – С. 102.

[4] Мочульский В. Война на Кавказе и Дагестане, ч. 1. Политическая. 1884 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, лл.73–74.

[5] Между прочим, некий «кавказский ветеран», служивший впоследствии в том же Тенгинском полку, вспоминал следующую песню, распевавшуюся по русским деревням в начале 50-х годов (см. газету «Черноморский вестник», 5 марта 1900 г., Батум):

гах 131 человек; на комплектование же поступило из российских полков 99 штрафованных солдат»[1]. Известно также, что у Шамиля в Дарго в 40-х годах насчитывалось до 300 таких людей[2], а близ Ведено, по сообщению зятя Шамиля, было целое поселение бывших царских солдат[3]. Некоторые из них помогали горцам в военных действиях, в изготовлении пушек[4].

Переход русских солдат на сторону горцев был обусловлен также ненавистью к самодержавию, сознанием общности интересов с интересами местных крестьян.

Так было и в Абхазии. Французский путешественник и коммерсант Поль Гибаль, сведения которого относятся еще к 1820 году, сообщает, что в Абхазии «очень много» русских пленных, численность которых, «по подсчетам турок и некоторых русских», достигает 3 тыс. человек. «Судя по многим данным, – замечает Гибаль, – эта цифра мало преувеличена». Он отмечал также, что «лишь только немногие были взяты в плен, а большинство из них – дезертиры»[5].

Действительно, русские солдаты часто совершали побег с береговых укреплений в горные районы, которые оставались еще неподвластными царской военной администрации и фактически не признавали их ставленника – абхазского владетеля. Поэтому сюда, где веками жили «вольные» абхазские общества, массами стекались и местные крестьяне. Эти районы, отгороженные высокими хребтами и окруженные густыми лесами, под сенью традиционного гостеприимства их обитателей были надежным убежищем для бежавших с побережья абхазских крестьян и русских солдат.

Глянь в деревни, все ревут:
Ваньку в некруты берут,
Пальцы рубит, зубы рвет,
В службу царскую нейдет.

[1] Ракович. Указ. соч., Тифлис, 1900. – С. 107.

[2] Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля, М.-Л., 1939. – С. 130.

[3] Даниялов А. Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. «Вопросы истории», 1966, № 10. – С. 24.

[4] «История Дагестана», т. II, М., 1968. – С. 105.

[5] Journal de man voyage entre la mer Caspienne Astrakhan et Taganrog etrepris la 21 mais 1820 et fini le 24 decembre de memeannee. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) СССР, ф. 1261, д. 2896, л. 138 об.

Главноначальствующий на Кавказе генерал Г. В. Розен в мае 1837 года застал в Цебельде 129 «беглых» русских солдат и матросов, среди которых были жившие здесь по 15–25 и даже 30 лет; большинство имели семейства и оседлость и даже, по здешним понятиям, некоторый достаток»[1]. Многие из этих солдат, указывал Розен, когда их вели в лагерь, «бежали с дороги», не желая явиться к царскому командованию[2]. Преемник Розена генерал Е. А. Головин в своем рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева от 8 сентября 1838 года писал, что от солдатских семей, рассеянных по разным местам горной Цебельды, «никакой не может проистекать пользы для правительства», так как они живут одной жизнью с местным населением[3].

Когда генерал Н. Н. Раевский в 1840 году построил в Цебельде укрепление Мрамба, то около него возникло поселение под названием Богоявленское, жители которого – до 70 человек – состояли из беглых и пленных солдат. Некоторые из них были уже глубокими стариками, проживавшими в этих местах десятки лет, совершенно забывшими родной язык. Между прочим, среди этих жителей было 13 поляков. По этому поводу К. Д. Мачавариани писал: «В этих краях нередко можно было наблюдать такую картину: глава семьи – Станислав Янковский, жена – Гугу, сын – Тухи, дочь – Фатьма»[4].

Вопреки реакционной политике царизма, попавшие на Кавказ прогрессивные представители русской интеллигенции в меру своих возможностей оказывали плодотворное влияние на все развитие его народов. Среди этих деятелей особое место занимали «участники декабристского дела». Вокруг них «создавалась сочувствующая социальная среда, завязывались связи с местным населением, возникало благотворное взаимодействие первых русских революционных борцов и передовых представителей местных народов»[5].

Первым из дворянских революционеров-декабристов и «прикосновенных», попавших в Абхазию, был, видимо, Павел Александрович Бестужев (1808–1846) – младший из пяти братьев Бестуже-

---

[1] «Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею» (АКАК), т. VIII. ч. 1, № 345. – С. 459. Отношение Г. В. Розена А. И. Чернышеву от 8 мая 1837 г.

[2] Там же.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6349, лл. 15–16.

[4] К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу, Сухум, 1913. – С. 267–268.

[5] Нечкина М. В. Движение декабристов, т. II, изд. АН СССР, М., 1955. – С. 448.

вых, «погибших в водовороте 14 декабря». После восстания декабристов он был арестован; год пробыл в заключении в Бобруйской крепости, а затем служил на Кавказе, куда его сослали в 1827 году[1]. Первоначально Бестужев прибыл, как было положено подобным ему лицам, в Тифлис, который в то время являлся, по словам К. Маркса, «центром русского господства в Азии»[2], административной «сердцевиной» всего Кавказского края, средоточием военных и гражданских властей. 15 августа 1829 года Бестужев писал домой, в Петербург: «Я в Грузии. Надо мной тает тлетворное Тифлисское небо, и за мной: белеют вдали снежные хребты Кавказа. Наконец я видел Кавказ, который жаждал видеть с самого детства, и до сих пор не насытился этим великолепным зрелищем»[3].

Поручик П. А. Бестужев служил в артиллерии и прославился в войне 1826–1829 годов с Турцией и Персией как мужественный и искусный офицер. Некоторое время был в Абхазии, в Сухумском артиллерийском гарнизоне[4]. Между прочим, Бестужев изобрел особое приспособление к пушкам, известное под названием «бестужевский прицел», в связи с чем в 1834 году получил разрешение возвратиться на службу в Петербург, а в следующем году вышел в отставку в чине прапорщика[5].

23 апреля 1836 года из Геленджика А. А. Бестужев-Марлинский писал Павлу Александровичу: «Любезный Поль. Несколько дней тому назад, прогуливаясь в Сухуме по окрестностям, я любовался развалинами какой-то башни – и что же? Я не верил глазам своим: на одном камне читаю твоею рукой написанную надпись П. Б.! Уголь не стерся в течение 8 лет, и вот судьба привела другого брата завидовать тому месту, где ты был в изгнаньи!»[6].

Павел Бестужев был одаренным литератором. Его перу, в частности, принадлежит статья «Замечания на статью «Путешествие в

[1] «Декабристы и их время. Материалы и сообщения». Изд. АН СССР, М.-Л, 1951. – С. 98.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 11. – С. 639.

[3] «Русский вестник», 1870, т. 87, № 6. – С. 493.

[4] Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе. «Русская старина», 1903, т. 114, кн. VI. – С. 497.

[5] Семевский М. И. Александр Бестужев на Кавказе. «Русский вестник», т. 87, № 6, 1870. – С. 489.

[6] «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7. – С. 58–59.

Грузию»», помещенная в журнале «Сын Отечества» за 1838 год. Эта статья отличается характерным для декабристов воззрением на русско-кавказскую проблему. Выступление Бестужева носило политический характер – он разоблачал автора «Путешествия», распространявшего клеветнические измышления о Кавказе и кавказцах[1]. Подобно своему брату Александру, Павел Бестужев сетовал на то, что «у нас мало писано о Кавказе, да и то неверно или недостаточно»[2].

Почти одновременно с П. А. Бестужевым в Абхазии был декабрист Сергей Иванович Кривцов (1802–1864). Сын помещика Волховского уезда Орловской губернии, он первоначально воспитывался в московском университетском пансионе, а пятнадцати лет был отправлен учиться на казенный счет в первоклассное, по тому времени, европейское учебное заведение – Институт Федленберга в Швейцарии, где в числе его преподавателей был знаменитый педагог-демократ Песталоцци[3]. По возвращении из Европы в Петербурге, служа в лейб-гвардии конной артиллерии, Кривцов вступил в тайное «Северное общество» декабристов. Это было в 1823 году. Он «желал представительного правления, а между разговорами слышал о намерении ввести республиканское правление и о удобности истребить императорскую фамилию на придворном бале»[4].

В июле 1826 года С. И. Кривцов «за прикосновение к тайному обществу» верховным уголовным судом был приговорен к каторжным работам в Сибири на один год, а потом – на поселение с лишением чинов и дворянства. После нескольких лет пребывания в Читинском остроге и в ссылке в Туруханске и Минусинске, по ходатайству матери, в декабре 1831 года Кривцов был определен рядовым в действующие войска Отдельного Кавказского корпуса, в 44-й Егерский полк[5].

Вначале С. И. Кривцов прибыл в Тифлис, а оттуда – в Редут-Кале (Кулеви), где застрял на два месяца: море было бурное, суда не

[1] Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. – С. 329.

[2] «Декабристы и их время. Материалы и сообщения». – С. 98–99.

[3] Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья, М., 1914; «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, Л., 1925. – С. 334.

[4] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССП, ф. 109 са, оп. 1, 1826 г., д. 61, ч. 96, л. 35.

[5] ЦГАОР СССР, ф. 109 са, оп. 1, 1826 г., д. 61, ч. 96, лл. 34–34 об. Докладная записка С. И. Кривцова от 26 марта 1845 г.

ходили; он сильно скучал в «грязном местечке»; просил отправить его сухим путем, но в этом ему отказали, «так как дорога была неспокойна». Добравшись, наконец, до Гагры, где стоял его батальон, Кривцов заболел воспалением легких и пролежал месяц. Для поправки его перевели в полковую штаб-квартиру в Бамбору (вблизи нынешнего города Гудаута)[1]. Местечко Бамбора, расположенное в нескольких километрах от резиденции абхазского владетеля в Лыхнах, в то время было центром русской военной администрации в Абхазии. Здесь находились начальник войск в крае и полевой штаб 44-го Егерского полка, а также один из батальонов этой части – 6-й Черноморский линейный батальон, «все главные военные заведения» и склады для войск, размещенных в Абхазии. Бамборское укрепление было расположено в обширной долине речки Пшандра и имело форму большого параллелограмма, огражденного земляным бруствером. Разбитое на 6 кварталов, оно было обстроено небольшими домами, казармами и магазинами. Бамбора в то время являлась также основным торговым пунктом в Бзыбской Абхазии[2]. Кстати, солдатами Бамборского укрепления на одной из ближайших рек был построен лесопильный завод, который снабжал строительными материалами воинские части, расположенные на окрестной территории. Вместе с тем это предприятие служило «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями»[3]. Офицер С. Смоленский, находившийся в Бамборе в 1859 году, отмечал, что у местных крестьян были дети, крещенные по-русски; восприемниками их были фельдфебели, унтер-офицеры и их жены[4].

В Бамборе, едва оправившись от простуды, Кривцов в августе 1832 года заболел малярией, впоследствии не раз к нему возвращавшейся. Два года он провел в бездействии, живя то в Бамборе, то в Сухуме. В Бамборе Кривцов обзавелся собственным домиком в две комнаты с кухней и террасой. Вскоре к нему приехал крепостной человек, присланный родными для услуг. Это была первая живая весть от них со времени разлуки.

[1] Гершензон М. Указ. соч. – С. 255.

[2] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, М., 1864. – С. 31–32.

[3] Там же. – С. 36.

[4] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный «сборник», 1872, № 9. – С. 151.

Летом 1833 года Кривцов из Моздока получил письмо от своего друга – ссыльного декабриста З. Г. Чернышева. В том же году он встретился с известным французским ученым-исследователем Кавказа Фредериком Дюбуа де Монперэ. Путешествуя по Черноморскому побережью, Дюбуа в июне 1833 года посетил Бамбору. В качестве переводчика к нему был приставлен С. И. Кривцов, имя которого ученый в своей книге «Путешествие вокруг Кавказа», изданной в Париже в 1839 году, обозначил инициалами «М. К.». Некоторые авторы полагали, что Дюбуа, желая скрыть имя русского декабриста, сознательно исказил его инициалы[1]. Однако эту «загадку», как нам кажется, убедительно раскрыла переводчица первого тома названной книги на русский язык, изданного в Сухуми в 1937 году, Н. А. Данкевич-Пущина. Она полагает, что «М» есть первая буква французского слова. «monseieur», а «К» – начальная буква фамилии Кривцова. Это обычная форма вежливости во французском языке. В письменной передаче данное слово, когда говорят о третьем лице, сокращается в «М», или «Мг»[2].

Что же сообщает Дюбуа о С. И. Кривцове? «Во время этой прогулки вместе с М. К. по восхитительному лабиринту волшебного пейзажа, – пишет он, – я имел удовольствие ближе познакомиться с этим замечательным (distique) человеком и поговорить о Швейцарии и общих друзьях. Превратности судьбы сильно изменяют человека... Те, кто знал М. К. в Петербурге, сильно изумились бы той перемене, какая произошла в нем с тех пор.

Во всем есть своя хорошая сторона, – говорил он мне, – из petit maitre'a, каким меня знал Петербург, я обратился в философа. Когда я служил в гвардии, я стремился, снедаемый честолюбием, только к почестям; я знал жизнь только со стороны ее интриг, светских развлечений и надменного довольства, свойственного привилегированным классам. Я видел в себе и других только эполеты и мундир...

Внезапно из человека, все достоинство которого заключалось в его блестящем мундире, я обратился в человека, ценного только

[1] См. заметку: Польская Е. Загадка «.М. К.». Газета «Советская Абхазия», 27 декабря 1960 г.; ее же. Загадочные инициалы. Газета «Советская Кубань», 24 сентября 1965 г.

[2] Данкевич-Пущина Н. А. Еще о загадке «М. К.». Газета «Советская Абхазия», 8 января 1961 г.

как личность. Мое я и мое сердце – вот все, чем я обладал. Вычеркнутый из жизни, обреченный на гражданскую смерть, лишенный чести и всякой надежды, я был низвергнут осуждением, когда-то светлый ангел, в бездну мрака, вместе со всеми другими, мятежными ангелами, и сослан в близкие с полюсом края, – какие ужасные воспоминания! И вместе с тем это великий прекрасный урок, на который обрекла меня судьба. Заглянув в самого себя, я ужаснулся своей внутренней пустоте. Мне казалось, что, отняв у меня мундир, у меня отняли все...

Мне захотелось быть человеком; они могли: закрыть мне двери ко всякому общественному положению, но они не могли мне запретить стать человеком. Я старался быть им в окружающем меня мире, насколько позволяли его пределы... Свою душу стремился я украсить свойствами, действительно полезными, научась оценивать все явления по их истинной стоимости... Государю угодно было вернуть меня из ссылки и отправить в Абхазию; я – рядовой, я то, что представляют из себя многие другие честные лица braves. Поверьте мне, что, хотя это положение простого солдата для меня самое тяжкое из всех, которое они могли только мне предложить, я принял известие о своем разжаловании со слезами радости, так как это роднило меня с другими сынами России».

Далее Дюбуа замечает: «Не думайте, что я измышляю эту повесть... Это истинные слова М. К., и нет необходимости прибегать к измышлению, чтобы вызвать интерес к подобному человеку».

Автор так описывает внешность С. И. Кривцова: «Высокий рост, черные глаза, открытое выражение лица составляли контраст с его болезненным, страдальческим видом. Он так же, как и другие, отдал дань климату и перенес несколько возвратов перемежающейся желчной лихорадки, которая оставила у него осложнения, обычные здесь последствия этих болезней, – несколько раз наша беседа прерывалась из-за его страданий»[1].

В августе 1834 года С. И. Кривцов, снова по просьбе матери, был переведен в стоявшую в Ставрополе 20-ю артиллерийскую бригаду. Он принимал участие во многих военных экспедициях тех лет. Кавказский военный полицмейстер подполковник корпуса жандармов

[1] Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1, Сухуми, 1937. – С. 124–126.

Казасси 21 сентября 1835 года доносил барону Розену, что он распорядился в отряде «не допускать молодых офицеров... сближаться и иметь какие-либо сношения» с А. А. Бестужевым и С. И. Кривцовым (в это время последний находился в Екатеринодаре по болезни) – с «преступниками, одаренными большею частью способностями и талантами»[1].

В апреле 1837 года Кривцов попал в экспедицию и выступил с полком из Ольгинского укрепления к Геленджику. В ноябре того же года он был произведен в офицеры, после чего еще целых полтора года тянул лямку на Кавказе. Летняя экспедиция 1837 года была последней, в которой ему пришлось участвовать. С этого времени он жил «оседло», преимущественно в Ставрополе, где часто встречался с другими ссыльными декабристами[2]. В 1839 году Кривцов вышел в отставку и покинул Кавказ. Но ему воспретили въезд в обе столицы империи и учредили за ним секретный надзор полиции[3].

Несомненно, С. И. Кривцов общался с первыми абхазскими офицерами С. Т. Званба и Н. Н. Шакрыл, которые служили тогда на побережье и являлись переводчиками и проводниками при дворе владетеля в Лыхнах. Шакрыл, кроме того, числился в батальоне 44-го Егерского полка, стоявшего в Бамборе. Он погиб в 1835 году[4].

В 1835 году в Бамбору прибыл другой «государственный преступник» – Василий Сергеевич Норов (1793–1853). Он – участник Отечественной войны 1812 года (был ранен в ногу), а с 1822 (года – подполковник Московского гренадерского полка. За причастность к декабристскому движению (в 1818 году вступил в «Союз Благоденствия») подполковник Норов был разжалован и с 1825 по 1835 год просидел в Петропавловской, Свеаборгской и Бобруйской крепостях[5]. Перевод Норова на Кавказ был разрешен по просьбе его матери, на ходатайстве которой имеется резолюция: «Велено (царем. – Г. Д.): преступника Норова определить рядовым в один из линей-

[1] АКАК, т. VIII, ч. II, № 919. – С. 967.

[2] Гершензон М. Указ. соч. – С. 172, 278.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 109 са, оп. 1, 1826 г., д. 61, ч. 96, лл. 34–35.

[4] Дзидзария Г. А. Соломон Теймуркович Званба. В кн.: С. Т. Званба. Этнографические этюды, Сухуми, 1955. – С. 8, 26.

[5] «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII. – С. 365; сб. «Декабристы Дмитровского уезда». «Музей Дмитровского края», вып. 3. Дмитровск, 1925; ЦГВИА, ф. 395. оп. 272, д. 16, лл. 3–3об, 6.

ных черноморских батальонов, отправив его секретно... а барону Розену сообщить, чтобы Норов был зачислен в такой батальон, в котором нет других преступников по одному с ним делу»[1]. Такой воинской частью был признан 6-й Черноморский линейный батальон в Бамборе, куда он 7 апреля 1835 года был «доставлен исправно... и зачислен в списочное состояние» этого батальона[2].

15 апреля 1835 года Норов писал: «И вот теперь я в Кутаисе, сделав более ста верст верхом. Проехал я Сурам и Багдад; остается мне еще 200 верст до Бомбор на берегу Черного моря. Там собирается наш отряд под начальством генерала Ахлестышева... Из Бомбор мы пойдем на горцев в Абхазию...»[3].

Еще осенью 1829 года главнокомандующий на Кавказе граф И. Ф. Паскевич, исходя из повеления Николая I[4], разработал план завоевания Черноморского побережья Кавказа от Анапы до Поти. Попытка осуществить этот план была предпринята летом 1830 года (т. н. «Абхазская экспедиция»). Отряд генерала К. Ф. Гессе занял несколько пунктов на Абхазском побережье: Бамбору, Пицунду и Гагру, где были возведены укрепления и оставлены гарнизоны. Однако дальнейшее продвижение царских войск на север от Гагринских теснин, которые Паскевич назвал «Кавказскими Фермопилами», разбилось о героическое сопротивление абхазских и убыхских племен[5]. Таким образом, берег моря от этого пункта до Анапы оставался свободным, а укрепления, находившиеся на побережье Абхазии, были связаны между собой только по морю.

В 1834 году царское командование решило продолжить сухопутное сообщение вдоль восточного берега Черного моря, «дабы тем совершенно отрезать непокорных горских народов»[6]. С этой

[1] «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, стр. 365; ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, л. 1.

[2] ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, лл. 15–16.

[3] «Русский архив», 1900, кн. 2. – С. 294.

[4] Через три недели после подписания Андриапольского трактата Николай I в рескрипте на имя Паскевича от 25 сентября 1829 года писал: «Кончив таким образом одно славное дело (войну с Турцией. – Г. Д.), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, и в рассуждении прямых польз гораздо важнее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных...» (Щербатов. Генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриванский, т. III, СПб., 1891. – С. 229–230).

[5] ЦГВИА, ф. ВУА, дд. 6234 и 6239.

[6] Там же, д. 6302, л. 3.

целью, для прокладки вдоль побережья военной дороги, соединявшей береговые укрепления, в Абхазию летом 1834 года были двинуты военные силы под начальством управляющего Имеретией генерала Д. Д. Ахлестышева, которые в октябре достигли Бамборы, а летом 1835 года – Гагры[1].

В этот район и на все восточное побережье Черного моря уже летом 1836 года была для обозрения направлена специальная экспедиция на корвете «Ифигения» в сопровождении парохода «Петр Великий». В составе этой экспедиции находились известный русский художник академик Н. Г. Чернецов и любитель древностей и природы Южной России С. В. Сафонов[2], которые дали интересный материал о крае: первый – зарисовками и картинами[3], а второй – «дневными записками» «О поездке к восточным берегам Черного моря, на корвете «Ифигения», в 1836 году», изданными в Одессе в 1837 году. Экспедиция заезжала в Гагру, Пицунду, Бамбору и Сухум, т. е. в места, где в это время бывали Норов, Бестужев-Марлинский и другие ссыльные декабристы. Сафонов упоминает, например, А. А. Бестужева-Марлинского, который ехал вместе с ним на «Ифигении».

В 1837 году была организована военная экспедиция в Цебельду и Адлер. Норов, как опытный военный, был невольным участником и этих походов[4], «играл в военных советах крупную роль»[5].

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве хранится рукопись Норова на французском языке (ф. 201, В. С. Норова, № 56). В ней содержатся его замечания на французское издание книги «Журнал о пребывании в Черкессии в 1837, 1838 и 1839...» (Париж, 1841), автором которой является Джемс Станислав Белл, английский купец-авантюрист, подвизавшийся в 30-х годах XIX века на Северо-Западном Кавказе среди чер-

[1] См. Отдел письменных источников Государственного исторического музея СССР, ф. 6, Г. В. Розена, т. 7.

[2] О нем: АКАК, т. X, ч. I, стр. XXX; «Архив Раевских», т. III, СПб., 1910. – С. 650.

[3] На Н. Г. Чернецова произвели большое впечатление живописные берега Абхазии, памятники архитектуры. Будучи в Абхазии, он сделал ряд зарисовок и картин, хранящихся ныне в фондах Русского музея в Ленинграде. Некоторые из них мы здесь воспроизводим.

[4] Архив Дмитровского краеведческого музея, ф. 89, Полевых.

[5] Смирнов И. А. Декабрист Василий Норов. Сб. «Декабристы Дмитровского уезда». – С. 62.

кесов и абхазов в качестве агента-разведчика английского правительства, будучи вместе с тем связанным с Турцией[1]. Еще декабрист Н. И. Лорер отмечал «таинственную роль» Белла, руководившего снабжением «горцев» оружием в борьбе с Россией[2]. Это о нем писал К. Маркс в 1853 году в памфлете «Лорд Пальмерстон»[3].

В указанной рукописи В. С. Норов пишет: «Вследствие различных несчастных обстоятельств, о которых говорить здесь бесполезно, судьба бросила меня... на побережье Абхазии, назначенное быть местом моего изгнания»[4]. Предпочитая умереть от пули, чем от тоски и лихорадки, он стал участником всех экспедиций, имевших место на Абхазском побережье с 1835 по 1838 год. «Признаюсь, – заявляет Норов, – что я шел в бой за дело, которое было мне совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением»[5].

В. С. Норов вскрывает ошибки и клеветнические измышления Белла на примерах тех событий, участником которых он был. Он делает ряд замечаний, касающихся военных действий в Абхазии и Черкессии, а также политики России на Кавказе, замечая при этом: «Сколько линий на этой странице, столько неправды... Все это ложь. Господин Белл написал свою книгу совершенно не зная обстоятельств» и т. д. Например, о занятии русскими войсками Адлера Норов пишет: «Мне пришлось присутствовать при этой битве, и я могу доказать, что дело было не так», как утверждает Белл[6].

Норов сообщает ряд интересных фактов о крае. При занятии Адлера абхазы, участники десанта, как писал он, «стреляли в воздух... и вскоре их отправили по своим домам»; среди убитых «был писатель Бестужев». Возражая Беллу, Норов ссылается на средневековых авторов, свидетельствующих об абхазах «как о многочисленном народе, который с незапамятных времен жил всегда в той

[1] Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 177; С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70 гг. XIX в.), М., 1955. – С. 42–48.

[2] Лорер Н. И. Записки, М., 1931. – С. 25.

[3] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 9. – С. 422–424.

[4] Норов В. С. Указ. рукопись, л. 2.

[5] Норов В. С. Указ. рукопись, лл. 2 об – 3.

[6] Там же, л. 18.

же местности, что и теперь»[1]. В этой полемике с Беллом, который «в силу своей страшной ненависти к русским» «забывал» о достоверных фактах, Норов приводит некоторые данные об абхазском владетеле Михаиле Шервашидзе: «Родился он христианином; его отец – Сафарбей... Абхазия и прежде была христианской страной и образовала одно царство с Грузией... До сих пор в Пицунде находятся развалины, хорошо сохраненные, древней и патриархальной церкви... Никаким образом князь Михаил не был отступником от своей веры, т. к. он родился христианином и остался им. Не был он и предателем, т. к. никогда не изменял своей стране»[2].

Норов говорит о жестоких репрессиях царских карательных отрядов и сочувственно отзывается об абхазском населении. Поход в Цебельду в 1837 году он называет «тяжелой экспедицией», когда в течение месяца войска «занимались тем, что лазили по горам, по долинам Кодора и били цебельдинцев». Далее Норов пишет: «30 апреля мы отправились в Сухум-Кале и прошли через долину Келасур в начале до Антопира, затем до подножья Маруха, через южное ущелье, под беспрерывной перестрелкой. Эта была настоящая охота на людей. Мы потеряли там мало людей, ибо цебельдинцы были плохо вооружены, но мы были обессилены от усталости, взбираясь по скалам и проходя через густые чащи. Наконец, подчинив основных «князей Цебельды, таких как Маршани Хирипса и других... заставив их нам выдать всех наших дезертиров и пленников, из которых многие были в их руках в течение пятидесяти лет (?), мы вернулись в Сухум-Кале 25 мая и 4 июня отправились в экспедицию на Адлер...»[3].

Вместе с тем В. С. Норов, как и другие декабристы, в своих письмах домой рисует тяжелую жизнь русских воинских частей в Абхазии. Кавказские войска, по словам русского офицера Ф. Ф. Торнау, в 1835 году находившегося в Бамборе, «обыкновенно страдали и гибли несравненно более от болезней, чем от неприятельского огня»[4]. Особенно пагубно влиял на них, как отмечалось выше, непривычный сырой климат Черноморского побережья с его страшной малярией.

[1] Норов В. С. Указ. рукопись, л. 42.

[2] Там же, л. 62.

[3] Норов В. С. Указ. рукопись, л. 49.

[4] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С.22.

В письме из Бамборы от 1 сентября 1835 года В. С. Норов писал: «Я, слава богу, совершенно здоров, несмотря на климат, который здесь ужасен. Если хотите иметь понятие о нем, прочтите экспедицию французов в С[анто]-Доминго, где желтая горячка в три месяца уничтожила всю армию: то же и здесь. Мы, к несчастью, имеем шестьсот человек больных; половина из них уже умирающие в проклятом месте, куда мы заброшены»[1]. В письме от 7 сентября того же года Норов сообщал, что неблагоприятный климат в лагере вблизи Бамборы «убивает до 50 человек в месяц». В письме от 1 сентября 1835 года Норов, кроме того, писал, что чума «часто посещает и Абхазию», где теперь он, Норов, имеет «счастье находиться»[2]. Действительно, этот страшный бич время от времени косил население Абхазии. Так, например, по свидетельству современника Р. де Скасси[3], в 1811 и 1812 годах голод и чума, разразившиеся по всей Грузии[4], охватили и Абхазию, где в результате этого погибла чуть ли не половина всего населения[5]. Далее Норов, говоря об осадном положении царских гарнизонов, указывал, что «здесь враг повсюду; он обыкновенно скрыт или в густом лесу, или за скалами...»[6].

Одновременно В. С. Норов восхищался красотой края, его редкостными богатствами, разнообразием растительного и животного мира. «Впрочем, – писал он в указанном письме, – если бы не климат... страна здесь интересная: вообразите себе пальмовые (самшитовые. – Г. Д.) леса, кактусы, лимонные деревья, леопарды, гиены, шакалы и проч.»[7].

В апреле 1837 года В. С. Норов был произведен в унтер-офицеры, а в мае следующего года уволен со службы. Он жил сперва в имении отца в Дмитровском уезде Московской губернии, а с 1839

[1] «Русский вестник», 1900, кн. 2. – С. 294.

[2] Там же. – С. 295.

[3] О нем: «Кавказский этнографический сборник (КЭС), I, М., 1955. – С. 301–302; II, 1958. – С. 201.

[4] Только в Имеретии в течение одного года умерло от чумы 32 750 чел.; 7 450 чел. переселились в другие места, а 2 000 чел. были проданы в качестве пленных. (Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа и др. История Грузии, I. Учебное пособие. Тбилиси, 1962. – С. 433).

[5] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[6] «Русский вестник», 1900, кн. 2. – С. 294.

[7] «Русский вестник», 1900, кн. 2. – С. 295.

года в городе Ревеле. В 1853 году у Норова открылось рожистое воспаление в ноге. Он просил брата Авраама Сергеевича, в то время министра народного просвещения[1], приехать проститься с ним: больной чувствовал приближение своего смертного часа. Но Николай I решил мстить до конца[2]. Он не разрешил своему министру проститься с братом, и Василий Сергеевич был похоронен лишь дворовым слугой[3].

В 30-х годах в Абхазии находился один из самых замечательных представителей «фаланги героев», как назвал Герцен людей 14 декабря, Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1797–1837), единомышленник К. Ф. Рылеева, друг А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова, известный русский писатель, пропагандист передовых для того времени свободолюбивых идей.

А. А. Бестужев окончил Горный кадетский корпус и в 1816 году поступил в лейб-гвардии Драгунский полк. Как член «Северного общества» декабристов и активный участник выступления 14 декабря на Сенатской площади, Бестужев был осужден по первому разряду; сначала он содержался в Петропавловской крепости и в форте «Слава» в Финляндии, а в 1827 году был сослан на поселение в Якутск. В 1829 году Бестужев, по его просьбе, был определен рядовым в действующие полки Отдельного Кавказского корпуса[4]. До 1834 года он служил в Дагестане и Азербайджане, а в августе

[1] Норов А. С. был ученым и литератором, прославившимся своими путешествиями по Ближнему Востоку. (См. Т. Поливанова. В. С. Норов по воспоминаниям современников и неизданным письмам. Сб. «Декабристы: Дмитровского уезда». – С. 30; Р. Хохлов. История неразделенной любви. Газ. «Путь Ильича», 24 мая 1969 г., Дмитровск. Речь идет о сестре декабриста Е. С. Норовой и ее отношении к П. Я. Чаадаеву; семья Норова стояла также близко к А. С. Пушкину и ко многим декабристам).

[2] Николай I давно не любил и преследовал В. С. Норова. (См. М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, М., 1947. – С. 258). Однажды император стал браниться, чем вызвал замечание Норова, что в его положении это недопустимо. «Ах, вы не представляете себе, как Наполеон обращается со своими маршалами», – как бы оправдываясь, сказал Николай. «Мне далеко до маршалов Наполеона, – возразил в свою очередь Норов, – так же, как вам до Наполеона».

Современники полагали, что такие столкновения и послужили причиной ареста Норова. (Е. Милашевич. Декабрист В. С. Норов. Газета «Путь Ильича», № 127, 21 сентября 1965 г.).

[3] Поливанова Т. Указ. соч. – С. 49.

[4] Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. – С. 158–160.

того же года был откомандирован в распоряжение командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерала А. А. Вельяминова. Жизнь опального декабриста сперва протекала в Ставрополе, затем в Екатеринодаре, Пятигорске. В июле 1835 года он был произведен в унтер-офицеры и назначен в 3-й Черноморский линейный батальон, в крепость Геленджик[1].

С этого времени начинается жизнь Бестужева, ставшая последним этапом «земных страданий», на Черноморье, в том числе Абхазском побережье. В Абхазии ему пришлось жить попеременно в Сухуме, Гагре[2] и Пицунде, бывать в Цебельде и других местах, находясь в рядах 5-го и 10-го черноморских линейных батальонов. А. А. Бестужев еще 16 декабря 1831 года в письме Н. А. Полевому сообщал: «Был не раз в походах, и скажу вам, что горцы – достойные дети Кавказа... Сами бесы не могли бы драться отважнее, стрелять цельнее»[3].

А. А. Бестужев был на Кавказе в пору расцвета своего таланта. Он глубоко изучал кавказоведческую литературу, знакомился с жизнью местного населения. Одесский профессор зоологии А. Д. Нордман во время своего путешествия по Западному Кавказу весной 1835 года в сопровождении Деллингера, сына баварского профессора физиологии, от Геленджика до Сухума ездил (на фрегате «Бургас») вместе с А. А. Бестужевым[4]. В кратком отчете об этом путешествии ученый отмечал: «Находившийся на нашем фрегате известный прозаик Марлинский, которому я много одолжен за сообщаемые мне известия о Кавказе, помогал мне снимать виды. Рисуя мысы Мамая и Адлера и будучи очарован великолепным видом

[1] Попов А. В. Декабрист А. А. Бестужев в Ставрополе. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. I, Ставрополь, 1949. – С. 113–124.

[2] Кстати, в Гагре, в ущелье речки Жоэквара, в 1841 году, т. е. через 4 года после гибели А. А. Бестужева- Марлинского, была построена стратегического значения башня, известная под названием «Башня Марлинского»; развалины ее существуют и поныне. (А. Г. Передельский. Гагры. СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. 38. – С. 161). В строительстве этой башни принимал участие друг и секундант А. С. Пушкина К. К. Данзас в то время «служивший в Гагринской крепости.

[3] «Русский вестник», 1861, т. 32, III. – С. 313.

[4] Нордман А. Д. в 30–40 гг. был профессором Одесского лицея, затем Гельсингфорского университета. Во время указанного путешествия ученый обследовал, в частности, центральный и северо-западные районы Абхазии. Он собирал и изучал материал не только по зоологии и ботанике, но также географии, этнографии, истории и археологии. См. подробнее: И. И. Пузанов. А. Д. Нордман. М., 1969.

лежащего пред ним ландшафта, он не знал и не предчувствовал, что рука его обрисовала очерки того места, на котором спустя год ему суждено было пасть»[1]. Нордман встречался в Бамборе и с польским революционером Ф. Я. Лисовским, «любознательность» которого также ему «много помогла»[2].

В 1836 году Бестужев поразил своим глубоким знанием Кавказа С. В. Сафонова, путешествовавшего по восточному берегу Черного моря на корвете «Ифигения». Последний писал: «Знаете ли, сказал наш знаменитый литератор, так хорошо знакомый с Кавказом, А. А. Марлинский, – знаете ли, как горцы вытаскивают на берег лодки?» И далее рассказывается об этом способе[3].

А. А. Бестужева в Абхазии видел и В. Андреев, который потом вспоминал, что в Абхазскую экспедицию «были прикомандированы из других полков Александр Бестужев и Норов – брат бывшего министра»[4].

Хочется еще привести следующее сообщение Эдмунда Спенсера: «Один из... политических преступников, М., – был введен ко мне (в лагере у Суджук-Кале. – Г. Д.)... Он был очень известным автором и считался одним из самых ученых людей в империи, но так как он, к несчастью, принимал выдающееся участие в хорошо известном революционном движении в С.-Петербурге, то был наказан за свою вину, а это наказание было смягчено, принимая во внимание его литературный талант, изгнанием на Кавказ»[5]. Не вызывает сомнения, что здесь речь идет о А. А. Бестужеве-Марлинском, который, действительно, в это время, в 1836 году, и позже бывал в данном районе. Но дальше автор сбивает нас своим заявлением о том, что упомянутый «политический преступник» служил на Кавказе 12 лет в качестве солдата и «таковы были его храбрость и хорошее поведение, что он был прощен и награжден парою эполет. Однако прощение и почести пришли слишком поздно, так как бедный малый умер от чахотки»[6]. Здесь Спенсер явно путает. Вероятно, в этом случае речь идет об А. И. Одоевском, хотя и тот умер вовсе не от чахотки и служил на Кавказе очень мало.

[1] «Журнал Министерства народного просвещения», 1838, ч. XX, № 11. – С. 404.

[2] Там же. – С. 419.

[3] Сафонов С. Указ. соч. – С. 22.

[4] Андреев В. Указ. соч. – С. 85.

[5] Spenser E. Указ. соч. – С. 270.

[6] Там же. – С. 270–271.

А. А. Бестужев осуждал жестокую политику царского самодержавия на Кавказе и в то же время выступал против идеализации «азиатской патриархальщины», сковывавшей развитие кавказцев. Он не сомневался в том, что присоединение к России принесет Кавказу большой прогресс. «Дайте Кавказу мир, и не ищите земного рая на Евфрате... он здесь, – он здесь!», – восклицал Бестужев[1].

С горечью отмечая, что сведения о Кавказе «текут к нам сквозь иностранное решето», А. А. Бестужев критически отзывался о сочинениях иностранных кавказоведов, неверно или неточно рассказывавших об этой земле и остававшихся совершенно равнодушными к животрепещущим вопросам социальной жизни кавказских народов. «Слов нет, – писал он, – чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике... Все это необходимо в области наук; но для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними Меланхленами и спорить, происходят ли Бжедухи от Стробоновых Скептухов, коих, бог знает почему, г. Броневский назвал Скиптроносцами»[2].

Упрекал Бестужев и отечественных ученых, не уделявших должного внимания Кавказу. Его не удовлетворяли также газетные сведения.

В художественной же литературе Кавказ нередко идеализировался. 13 апреля 1837 года, прочитав новую повесть П. П. Каменского «Келиш-бей», об абхазском владетеле конца XVIII – начала XIX века Келешбее Шервашидзе (Чачба)[3], А. А. Бестужев-Марлинский писал своему брату Павлу Бестужеву: «Кланяйся Каменскому, читал я его Келиш-Бея – недурно, только зелено и чересчур пахнет Позою в «Дон-Карлосе»»[4]. П. П. Каменский в 1833–1837 годах находился в Грузии (Тифлис, Гори), куда он был сослан за какие-то «свободные

[1] Марлинский А. Путь до города Кубы. Полное собрание сочинений. Часть X. «Кавказские очерки». СПб., 1838. – С. 204.

[2] Марлинский А. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. Полное собрание сочинений. Часть X. «Кавказские очерки». СПб., 1838. – С. 10–11.

[3] Названная повесть П. П. Каменского, рассказывающая о жестокой борьбе различных политических ориентаций в Абхазии в начале XIX века, о стремлении абхазского народа к сближению с Россией, была опубликована в «Литературном прибавлении» к «Русскому инвалиду» от 20 и 28 января 1837 года.

[4] «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7. – С. 75.

разговоры»[1]. Служа здесь юнкером, он сперва дружил с Павлом Бестужевым, а затем «сделался закадычным другом Марлинского»[2]. В то время Каменский пользовался славой талантливого писателя; особый успех имели его кавказские повести.

Всюду, куда бы судьба не забрасывала А. А. Бестужева, он очень легко приобретал новых друзей и почитателей[3]. В Абхазии Бестужев сближается с первым абхазским ученым-этнографом С. Т. Званба (1809–1855)[4]. Некоторое время они служили в одной воинской части. Есть основания полагать, что А. А. Бестужев и другие русские дворянские революционеры оказали определенное влияние на развитие общественно-политических взглядов Званба. Деятельность Званба была ярким проявлением культурного влияния России на абхазов, подобно, скажем, деятельности Шоры Ногмова (1801–1844) у адыгов, вместе с декабристами служившего в Отдельном Кавказском корпусе[5], проживавшего несколько лет в Тифлисе и занимавшегося научными изысканиями[6].

Под влиянием Бестужева-Марлинского, в частности, у Соломона Званба, очевидно, возник глубокий интерес к изучению этнографии Абхазии. Сотрудничая в Тифлисской газете «Кавказ», Званба в первой половине пятидесятых годов опубликовал несколько ценных очерков, положивших начало серьезному этнографическому изучению быта абхазского народа и составивших крупный вклад в абхазоведение. Сборник статей Званба в 1955 году был издан в Сухуми под названием «Этнографические этюды».

Как известно, А. А. Бестужев был прекрасным знатоком этнографии. Кавказские повести и очерки писателя, по словам Н. И. Греча, «созданные... под солдатскою шинелью в ущельях Кавказа»[7], свидетельствуют о его серьезном интересе к истории, обычаям,

[1] Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. – С. 225–226.

[2] Каменская М. Ф. Воспоминания. «Исторический вестник», 1894, т. 58, X. – С. 55.

[3] Васильев М. Декабрист А. А. Марлинский, как писатель-этнограф. «Научно-педагогический сборник», 1, Казань, 1926. – С. 57.

[4] О нем: Дзидзария Г. А. Указ. соч.

[5] «Очерки истории Адыгеи», т. I, Майкоп, 1957. – С. 321.

[6] Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д. и др. История Грузии, I. Учебное пособие. Тбилиси, 1962. – С. 504.

[7] Греч Н. И. Записки о моей жизни. «Academia», М. – Л., 1930. – С. 474.

фольклору народов этого края. Они «славились не только своей занимательностью, но ценились и с фактической стороны»[1]. Бестужев сыграл важную роль в развитии русского кавказоведения[2].

В Сухуме в 1837 году А. А. Бестужев встречался и со своим азербайджанским другом Мирзой-Фатали Ахундовым. В мае того же года в горную Цебельду была предпринята военная экспедиция под начальством главнокомандующего на Кавказе Г. В. Розена. При нем находились также А. А. Бестужев, В. С. Норов, М.-Ф. Ахундов, С. Т. Званба, начальник штаба Кавказского корпуса В. Д. Вольховский.

По окончании Цебельдинской кампании русский отряд возвратился в Сухум. Здесь его поджидали суда, на которых он должен был отправиться к мысу Адлер. За три дня до отплытия барон Розен дал обед, на котором присутствовали Бестужев и Ахундов. За обедом Розен просил Бестужева совместно с автором «Восточной поэмы на смерть А. С. Пушкина» – Ахундовым перевести эту поэму на русский язык. Поэма вышла в свет в прозаическом переводе[3]. В более позднем стихотворном переводе этой поэмы великого азербайджанского писателя и мыслителя, написанной под свежим впечатлением известия о трагической гибели А. С. Пушкина, имеются такие строки:

Пусть Николай царит от Волги до Китая,
но покорил весь мир лишь Пушкин – исполин![4]

Ценные сведения об Абхазии содержатся в письмах Бестужева-Марлинского. Правда, он, как утверждает в своих воспоминаниях Я. И. Костенецкий, вообще «был очень осторожен в своей переписке»[5]. Это и естественно. Военный министр граф Чернышев 9 декабря 1834 года писал начальнику Почтового департамента князю А. Н. Голицыну: «...Государю императору благоугодно, дабы обращено было особое внимание почтового начальства на переписку Александра Бестужева с Полевым»[1].

[1] Мордовченко Н. А. А. Бестужев-Марлинский. В кн.: А. Бестужев-Марлинский. Полное собрание стихотворений. Л., 1961. – С. 39.

[2] Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. – С. 161–163.

[3] Мирза-Фатали Ахундов. Сочинения, Тбилиси, 1938. – С.. 361.

[4] «Антология азербайджанской поэзии», т. II, М., 1960. – С. 173. Перевод П. Антокольского.

[5] «Русская старина», 1900, т. 104. – С. 456.

В один из весенних дней 1836 года Бестужев совершил прогулку по окрестностям Сухума. Его внимание привлекли развалины башни, видимо, Великой абхазской (келасурской) стены у моря, или замка Баграта, находящегося неподалеку от этого памятника. Несомненно, под впечатлением этой прогулки Бестужев писал своему брату Павлу 23 апреля 1836 года из Геленджика: «В самом деле, как можно сравнить природу и воды около Сухума с нищими окрестностями Геленджика, а что до гибельности «климата – все один черт по всему берегу Черного моря»[2].

А. А. Бестужев в своих письмах с болью говорит о гнетущей, невыносимой для воинских частей жизни в Абхазии. В письме к своим братьям Николаю и Михаилу от 19 июля 1836 года из Керчи он писал: «Не знаю, как-то перенесу предлежащее мне испытание в Абхазии, куда я назначен. Батальон этот расположен в Гагре и Пицунде, в самых гробовых местах Черноморского прибрежья. Места эти имеют только морем сообщение между собою, и то чрезвычайно редко. Нет ни зелени, ни живности, потому что за вал нельзя высунуть носа, а в самой крепости ходить – пули врагов с окрестных скал бьют людей даже на койках. Полтора комплекта в год поедается там цынгою и лихорадками, и не было примера, чтобы кто-нибудь выжил там более двух лет или после двух лет без страданий до конца жизни, – а жизнь коротка после Гагр»[3].

В тот же день Бестужев отправил письмо братьям Николаю и Ксенофонту Полевым, издателям журнала «Московский телеграф», в котором писал: «Вы должны были получить одно мое письмо через Севастополь, писанное на фрегате Бургас, после поездки в Сухум-Кале и Мингрелию. Да или нет? Я часто хожу теперь по морю, и все мое младенчество обновляется мне, когда рыщу по валам Черного моря... Я переведен в ужасный климат Абхазии. Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор.

[1] Цит. по ст.: Гиреев Д. и Недумов С. Декабристы на Кавказе. «Известия» Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XIX, Орджоникидзе, 1957. – С. 158.

[2] «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7. – С. 59.

[3] «Русский вестник», 1870, т. 88, № 7. – С. 68.

Туда не залетает ветер; жар там от раскаленных скал нестерпим, и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и превращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех высот в окошки; где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как с смертоносными обструкциями или водянкою. Там стоит 5-й Черноморский батальон, который не иначе может сообщаться с другими местами как морем, и, не имея пяди земли для выгонов, круглый год питается гнилою солониной. Одним словом, имя Гагры, в самой гибельной для русских Грузии, однозначаще со смертным приговором»[1].

Бестужев писал еще о Гагре в письме графу А. Х. Бенкендорфу от 13 июля 1836 года следующее: «...Я убежден, что его императорское величество, назначая меня при производстве в 5-й Черноморский батальон в крепость Гагры, не предполагал, сколь смертоносен этот берег Черного моря, погребенный между раскаленных солнцем скал, лишенный круглый год свежей пищи и воды, даже воздуха... Для меня, полуживого, Гагры будут неизбежным гробом...» Далее Бестужев просил спасти его «от верной гибели каким-либо переводом», ибо здоровье поражено «тлетворным дыханием Гагр»[2].

А вот описание Гагры, данное С. В. Сафоновым, посетившим местечко через три дня после этого письма Бестужева, т. е. 16 июля 1836 года: «Мы пришли в крепость Гагра. Вообразите себе, у подошвы двух высоких, отвесных гор, притиснутое к самому морю небольшое четырехугольное строение, не более 60 сажен длины в одном фасаде, обнесенное деревянным забором с плетневыми турами и с деревянными по углам башенками; посреди этого строения несколько домиков, мазанок, балаганов, и это крепость Гагра; и эта крепость, отдаленная от всяких сообщений сухим путем, окруженная горами, с которых горцы пускают прямо в середину крепости пули, – защищается двумя ротами солдат... Здесь жизнь есть ни что иное, как цепь постоянных лишений, беспокойств и опасности. Жители Гагры с одной только стороны спокойны, именно со стороны моря. Слабое утешение! От того-то они с такой радостью, с таким наслаждением смотрят на всякое судно, приходящее к их берегам.

[1] «Русский вестник»; 1861, т. 32, IV. – С. 479–480.
[2] Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух томах, т. 2, М., 1958 – С. 670–671.

Они видят в нем как бы посредника, соединяющего их с остальной частью мира...». Горцы часто «пускают пули в середину самой крепости со скалы, отвесно стоящей над нею, и часто солдаты, говоря их языком, отыскивают в каше черкесские пули»[1].

Э. Спенсер, посетивший Гагру в том же 1836 году, свидетельствовал, что горцы «владеют верхней частью ущелья и горами, которые господствуют над фортом, так что военные люди моментально подвергаются их нападению...»[2].

К этим свидетельствам можно присоединить признание Г. И. Филипсона: «Продовольствие войск было скудно в сравнении с нашими приморскими укреплениями... Очень часто нижние чины не имели свежего мяса. Стеснение, скука, лишения и тревога при вредном климате опустошали гарнизон абхазскою лихорадкою и цынгою. Гагры были ссыльным местом»[3].

Начальник второго отделения Черноморской береговой линии генерал Ольшевский в рапорте на имя Н. Н. Раевского от 5 июля 1839 года отмечал, что в Гагре больных – 67 человек, а в околотке – 80. «После осмотра Гагры, – писал он далее, – у меня кровь бросилась в голову. Боюсь, что я совершенно заболею, ежели проживу в этом аду несколько дней. Надобно уничтожить это заразительное гнездо»[4].

В том же 1839 году Николай I в разговоре с кавказским офицером, побывавшим в плену у Шамиля, спросил о состоянии Черноморской береговой линии. Офицер ответил: «Укрепления малы, гарнизоны слабы, изнурены болезнями, едва в силах обороняться от горцев, которых не они, а которые их держат в постоянной блокаде»[5].

Все это – губительный климат, продолжительное пребывание в сырых землянках, цынга и другие болезни довели Бестужева до крайнего физического изнеможения. «Я похож на тень, и только по боли чувствую, что я тело», – писал он в те дни[6].

Именно сюда А. А. Бестужев был загнан по личному повелению Николая I. В ответ на попытку облегчить участь прославленного писа-

[1] Сафонов С. Указ. соч. – С. 30–32, 35.
[2] Spenser E. Указ. соч. – С. 286.
[3] Филипсон Г. И. Указ. соч., «Русский вестник», 1886, кн. 6. – С. 306.
[4] «Архив Раевских», т. III, СПб., 1910. – С. 174–175.
[5] «Русский архив», 1881, кн. 2. – С. 242.
[6] «Русский вестник», 1861, т. 32, IV. – С. 480.

теля-декабриста венценосный палач ответил: «Я против того мнения, гораздо лучше его оставить там и подальше от прочих, произведя в у.-о. в один из черноморских линейных батальонов в Гаграх или подобном месте»[1]. Таким образом, Гагринское укрепление было «выбрано для него потому, что славилось своим губительным климатом»[2].

А. А. Бестужев в последний раз обращается с такой же просьбой к царю через новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова. В личном письме последнего Николаю I с ходатайством о Бестужеве говорилось: «У него не проходит лихорадка, и очень скверная лихорадка уже с давних пор; климат Гагр, в котором находится его гарнизон, возможно прикончит его в короткое время»[3]. Наконец приказом от 18 октября 1836 года А. А. Бестужев был переведен, как сообщал он своим братьям Николаю и Михаилу 23 ноября 1836 года, «из смертоносного места Гагр в город Кутаис» в 10-й Черноморский линейный батальон. Хотя «в сравнении с Гаграм Кутаис – столица», но и здесь в то время свирепствовали «мингрельские лихорадки»[4]. «Климат там – отечество лихорадок», – писал Бестужев в другом письме[5].

13 апреля 1837 года он извещал мать, что его часть двинется сперва в Цебельду, а потом – «мимо Гагр, на мыс Адлер... Путь туда по склонам и стремнинам, по берегу моря; Фермопилы[6] перед этой дорогой – Невский проспект»[7]. В тот же день А. А. Бестужев послал письмо и своему брату Павлу, в котором содержатся такие любопытные сведения: «Борис Чиляев (Чилашвили. – Г. Д.) в Бамборы. Норденстам[8] секретно осмотрел дорогу по хребту от Гагр к Адлеру: это ужас! и по ней поделаны завалы... от природы и недостатка фуража мы потерпим много. Теперь выступаем в Цебельду, оттуда недели через две-три воротимся... Опять увижу Черное море, опять

[1] Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. – С. 218.
[2] Филипсон Г. И. Указ. соч., «Русский архив», 1883, кн. 5. – С. 181.
[3] Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух томах, т. 2. – С. 719.
[4] «Русский вестник», 1870, т. 88, № 7. – С. 70.
[5] Там же, 1861, т. 32, IV. – С. 483.
[6] Фермопилы – горный проход в Греции. Здесь в 480 году до н. э. произошла битва между огромной армией персидского царя Ксеркса и горсткой спартанцев во главе с царем Леонидом, героически защищавших Фермопильский проход.
[7] «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7. – С. 74.
[8] АКАК, т. X, ч. I, стр. XXVIII; КЭС, I. – С. 304.

на нем поплаваю... Виды здесь – прелесть; природа утешает меня за злость людей»[1].

Обращает внимание сообщение Бестужева о Чиляеве (Чилашвили), который в 1837 году являлся командующим войсками в Абхазии. Борис Гаврилович Чилашвили (1798–1850) – видный деятель грузинской культуры первой половины XIX века, связи которого со многими декабристами, в первую очередь с А. А. Бестужевым – «старым однокашником» (они вместе воспитывались в Горном кадетском корпусе), представляют большой интерес[2]. Надо сказать, что Борис и его брат Егор Чилашвили были хорошо известны в Петербурге и Москве[3]. Последний, например, до приезда в Грузию играл заметную роль в московских масонских кругах и пользовался известностью как писатель и переводчик Монтескье и Мабли[4]. А в Грузии он вместе с С. Додашвили, А. Чавчавадзе и другими передовыми представителями грузинской феодальной интеллигенции был втянут в заговор 1832 года[5].

12 мая 1837 года А. А. Бестужев написал письмо К. А. Полевому, названное им «В сердце Цебельды». «Вот уже три недели, – сообщал он, – как я шляюсь по новому для меня краю Мингрелии, Абхазии, и новому для русских вообще краю Цебельды. Виды – прелесть, но люди... бедны, как нельзя более, в краю, роскошном дарами природы...» Некоторые русские солдаты, бежавшие в этот горный район, «провели тут до 36 лет, женились, вывели детей... Около 1-го июня мы двинемся за Гагры, там народ боевой и природа ужасная трудностями; надо будет по отвесным скалам пробивать дорогу под пулями врагов, под градом каменьев и стрел...»[6].

Два письма, адресованные А. А. Бестужеву, утонули в бурной реке Кодор с почтой. В связи с этим он писал из Сухума матери 30 мая 1837 года: «Реки здесь страшнее всех тигров и черкесов вместе»[7].

[1] «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7. – С. 75.
[2] Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. – С. 554–555.
[3] АКАК, т. X, ч. I, стр. XXXIII; КЭС, I. – С. 303.
[4] Маркова О. П. Финансово-экономическое обследование Грузии в первой трети XIX в. «Исторические записки», 1949, № 30. – С. 193–194.
[5] Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д. и др. История Грузии, т. 1. – С. 458.
[6] «Русский вестник», 1861, т. 32, IV. – С. 485.
[7] Там же, 1870, т. 88, № 7. – С. 75.

В начале июня 1837 года Г. В. Розеном, под непосредственным командованием генерала В. Д. Вольховского, была начата военная экспедиция на Адлер. В ней участвовали А. А. Бестужев, который в это время состоял адъютантом при Вольховском, а также М.-Ф. Ахундов, В. С. Норов и С. Т. Званба. Это был последний поход Бестужева. Он словно предчувствовал приближение развязки своей многострадальной жизни. Утром 7 июня на фрегате «Анна», на виду мыса Адлер, Бестужев составляет духовное завещание[1] и в тот же день уходит из жизни. Тело декабриста таки не было найдено, что дало повод к различный домыслам. Правда, имя его значится в ведомости об убитых и раненых при занятии десантом мыса Адлер[2].

Спустя два года, 15 августа 1839 года, недалеко от места гибели Бестужева, в только что отстроенном форте Лазаревском, в устье реки Псезуапе, от злокачественной малярии умер другой декабрист – замечательный русский поэт А. И. Одоевский[3]. Он скончался на руках декабриста Н. А. Загорецкого. Похоронили Одоевского у самого морского обрыва. Существует предание, что когда весной 1840 года горцы овладели царскими фортами, построенными на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа, они отдали могиле Одоевского воинские почести, узнав что в ней покоится прах поэта-мученика[4]. Эту могилу поэта увековечил его великий друг М. Ю. Лермонтов в стихотворении, посвященном памяти Одоевского:

И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вкруг твоей могилы неизвестной,
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;

[1] См. «Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7. – С. 79.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6331, л. 5; ф. 548 (гр.), оп. 3, д. 188, л. 68.

[3] Между прочим, при возведении форта Лазаревск, 24 марта 1839 года, в гарнизоне его была оставлена 4-я мушкетерская рота Тенгинского полка в количестве 200 солдат с соответствующим числом унтер-офицеров. К 1 января 1840 года в ней оставалось налицо 108 солдат и 15 унтер-офицеров; остальные умерли. («Военный сборник», 1874, № 9. – С. 10, сн. 1).

[4] Попов А. В. А. И. Одоевский на Кавказе. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 4, Ставрополь, 1952. – С. 238.

Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая[1].

С Абхазией, как мы видели, соприкасался и Владимир Дмитриевич Вольховский (1798–1841) – лицейский друг А. С. Пушкина, который состоял членом тайных революционных обществ декабристов[2]. На Кавказ он, как находившийся «на замечании», был «переведен» в 1826 году. Участник войн 1826–1829 годов с Персией и Турцией, Вольховский известен как выдающийся военный деятель. В 1830 году он являлся генеральным консулом в Египте. «Дружеские связи Вольховского с декабристами на Кавказе, его родственные связи с декабристом-свояком Розеном – могли тоже повлиять на его службу... Вольховский не пользовался расположением Паскевича, напротив, был ненавидим им. Паскевич же пользовался особым расположением» Николая I[3].

С 1832 года Вольховский в чине генерал-майора состоял начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса[4]. Он был избран на эту должность новым главнокомандующим на Кавказе Г. В. Розеном, известным как очень осторожный «покровитель» декабристов. Вольховский же, как отмечалось, «делал все, чтобы... облегчить положение ссыльных» дворянских революционеров[5]. Лица, близко знавшие его, писали, что он являлся «ангелом-хранителем всей довольно многочисленной семьи декабристов, поступивших на Кавказ»[6]. Вольховский, в частности, заботился об А. А. Бестужеве, приглашал его к себе, «неоднократно удерживал от опасностей»[7].

[1] Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах, т. 1, М. – Л., 1961. – С. 463.

[2] Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. – С. 71, 130, 580.

[3] Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому царскому лицею, т. I, СПб., 1912. – С. 138–139.

[4] АКАК, т. VIII, ч. I. – С. XI.

[5] Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. – С. 216–217.

[6] Ениколопов И. Грибоедов и Восток, Ереван, 1954. – С. 89.

[7] «Харьковские губернские ведомости», № 93, 1891, стр. 2. Цит. по указ. соч. В. Шадури. – С. 221.

Вольховский и Грибоедов были питомцами Московского университета, но особенно они сблизились на Кавказе. Вольховский разделял идеи авторов Проекта создания Российской закавказской комиссии, принципиально отрицавших крепостное право[1].

В 1837 году В. Д. Вольховский участвовал в военных действиях в Абхазии, а также командовал десантным отрядом при занятии Адлера. Здесь он встречался с А. А. Бестужевым-Марлинским, М.-Ф. Ахундовым, С. Т. Званба. В том же году Вольховский был «переведен» с понижением в должности в Литву, а в 1839 году вышел в отставку[2]. «Двадцать лет, – писал Вольховский, – продолжал я службу... но 1837 год был пределом моего благополучия»[3]. Кавказ вынужден был покинуть также Г. В. Розен. Николай I, посетивший край в 1837 году и оставшийся недовольным положением дел, отстранил и некоторых других служивших здесь офицеров, сочувственно относившихся к ссыльным декабристам. В связи с этим положение последних еще более ухудшилось.

В. Д. Вольховский, по характеристике русского офицера Ф. Ф. Торнау, знавшего его хорошо по Кавказу в 30-х годах, был умный, скромный и честный человек[4]. Он «во всю жизнь не мог избавиться от врожденной застенчивости и резко смотрел в глаза только человеку, имевшему несчастье его рассердить»[5].

Прослужив много лет на Кавказе, Вольховский приобрел обширные познания о данном крае и его населении. Об этом свидетельствует составленная им «Ведомость народам, обитающим между морями Черным и Каспийским, на пространстве, подвластном России, с означением народонаселения сих племен, степени их покорности к правительству и образа правления. 15 июня 1833 года». К этой «Ведомости» приложена «Карта народов, обитающих между морями Черным и Каспийским, на пространстве, подвластном России»[6]. В «Ведомости» и легенде на упомянутой карте приводятся названия народов и племен, населявших значительную часть территории Кавказа, обозначения их численности и отметки об их политической ориентации. В числе этих народов – грузины, абхазы, адыги (черкесы) и другие.

[1] Ениколопов И. Указ. соч. – С. 158–159.

[2] Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. КЭС, II. – С. 181.

[3] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, д. 27, л. 1.

[4] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 171.

[5] Торнау Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии. «Русский вестник», 1869, т. 79, № 2. – С. 405.

[6] ЦГВИА. ф. ВУА, д. 1060, ч. 1, лл. 68–79 и карта.

Следует полагать, что в изучении Абхазии, как и всего Западного Кавказа, большой интерес для Вольховского представили сведения русского военного лазутчика Ф. Ф. Торнау (1810–1890)[1]. Именно ему поручил Вольховский «осмотреть тайным путем морской берег»[2]. В рапорте на имя генерала Раевского от 20 февраля 1835 года из Бамборы Торнау так и писал: «Вследствие приказания, данного мне вашим превосходительством, я по прибытии своем в Абхазии немедленно занялся изучением способа к проезду от Гагр к Геленджику для осмотра дорог, пролегающих между сими местами»[3]. Вольховский встретил Торнау в Тифлисе «с предложением отказаться на долгое время от общества и от всех его удовольствий, преобразоваться с виду в черкеса, поселиться в горах и посвятить себя на сообщение сведений»[4].

Сухопутное сообщение вдоль восточного берега Черного моря в 1835 году было доведено только до Гагры. Его продолжение требовало предварительной военной разведки. В самой Абхазии «непокорными» оставались горные районы (Цебельда, Дал, Псху и др.) и кавказское командование нуждалось в топографических и политических сведениях и об этих районах и их населении.

Засылка разведчиков в «непокорные» местности Кавказа практиковалась уже сравнительно давно. В 1829 и 1830 годах, перед так называемой «Абхазской экспедицией», дважды побывал у черкесов Г. В. Новицкий[5]. Как он сам сообщал, его целью было обследование «всего Закубанья, Большой и Малой Кабарды и местности на восточном берегу Черного моря, между Гагрой и Анапой, населенной племенами адыге и абазде»[6]. В 1830 году барон И. К. Аш[7] составля-

[1] АКАК, т. XII, ч. I, стр. XII; КЭС, I. – С. 150, 162.

[2] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 13.

[3] Центральный государственный архив Грузинской ССР в Тбилиси (ЦГАГТ), ф. 416, оп. 2, 1835 г., д. 23, л. 10.

[4] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 13.

[5] О нем: АКАК, т. X, ч. 1, стр. XXVII; КЭС, I, стр. 300; II. – С. 201.

[6] КЭС, I. – С. 300.

[7] О нем: КЭС, II. – С. 150.

ет «Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелией, крепостью Анапою, Черным морем и северо-западною частью Кавказского станового хребта»[1]. Он же – автор «Описания Цебельды и дорог, ведущих из оной в Абхазию и закубанскую сторону к карачаевцам и чеченцам»[2]. В 1834 году И. В. Шаховский[3] прошел из Грузии (через Сванетию) в Кабарду и обратно[4]. Эти офицеры дали рад ценных для кавказского командования сведений, хотя пребывание их у горцев было довольно кратковременным, а маршрут коротким.

Барону Торнау было поручено произвести военную разведку в горах Абхазии и на Черкесском берегу Черного моря. Полковник барон фон-дер Ховен 25 июля 1835 года писал: «Дабы в будущее время можно было продолжать таковое полезное предприятие (устройство военной дороги. – Г. Д.) от Гагры далее к Геленджику, то предварительно необходимо получить нам нужно топографических и статистических сведений о совершенно еще неизвестных нам сих странах...»[5].

Торнау прибыл в Абхазию в декабре 1834 года. Всю зиму он посвятил ознакомлению с приморской Абхазией и установлению связей с преданными царизму местными феодалами. К нему был прикомандирован абхазский офицер Н. Н. Шакрыл в качестве переводчика и проводника, и он, по словам Торнау, служил «как нельзя лучше»[6]. Действительно, владея несколькими языками (абхазским, русским, черкесским, турецким) и «зная основательно свою родину», он вместе с С. Т. Званба много помог Торнау в сборе физико-географических, историко-этнографических и статистических сведений об Абхазии[7], а также в знакомстве его с «языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью»[8]. И когда Шакрыл

[1] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 103212, лл. 1–34.

[2] Там же, ф. 563, Н. Н. Раевского, д. 146.

[3] О нем: КЭС, I. – С. 325; II. – С. 207.

[4] Косвен М. О. Материалы по истории этнографии в русской науке. КЭС, I, стр. 325; II. – С. 207.

[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 2.

[6] ЦГАГТ, ф. 416, оп. 2, 1835 г., д. 23, л. 21.

[7] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, лл. 1–2. Рапорт Х. Косвена Ф. Шуберту от 25 июля 1835 г.; [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 40–41, 70.

[8] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 72, 112.

в 1835 году утонул в р. Бзыбь, во время переправы на пароме, то «это известие, – писал Торнау, – чрезвычайно огорчило, потому что я привык видеть в Шакрылове моего неразлучного товарища и любил его за добрый нрав и за качество ума...»[1].

Но в ту пору, несмотря на все свои старания, Торнау не мог найти удобного случая проникнуть в Гагры и далее. Потерпевший неудачу на прямом пути, он по совету абхазского дворянина Миканба решил пробиться на Черкесское побережье обходным путем. В мае 1835 года Торнау направился из Абхазии по ущелью реки Гумиста, через Главный Кавказский хребет на Северный Кавказ, где опустился в долину реки Зеленчук. Здесь он устанавливает связь с некоторыми абазинскими дворянами, а в конце июня 1835 года является в расположение царских войск в Баталпашинской станице. Этим закончилось первое путешествие Торнау. В августе 1835 года он снова отправился в горы. Поднявшись вверх по ущелью реки Малой Лабы, перешел через Главный хребет и по долинам рек Мзымта и Саше (Сочи) направился в землю убыхов. Отсюда он повернул на юг и через три дня явился в Гагринское укрепление, откуда поехал в Тифлис. Третий раз Торнау отправился в разведку летом 1836 года для обозрения участка побережья от Сочи до Геленджика. Но во время этого путешествия счастье изменило ему: он был опознан и на реке Курджипсе взят в плен, из которого сумел бежать лишь в ноябре 1838 года[2].

Однако до пленения Торнау успел отослать все добытые им сведения военного характера, касающиеся топографии, экономической географии, военной и политической ситуации в горных районах Северо-Западного Кавказа, чем воспользовалось кавказское командование при организации так называемой Черноморской береговой линии и в дальнейшем осуществлении своей завоевательной политики в этом районе.

Многочисленные отчеты и рапорты Торнау, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве (Москва), Центральном государственном архиве Грузинской ССР (Тбилиси) и Государственном архиве Краснодарского края (Краснодар), вме-

[1] Там же. – С. 75.

[2] См. ЦГАГТ, ф. 416, оп. 2, 1835 г., д. 23; Е. Вейденбаум. Предисловие к т. XII «Актов, собранных Кавказскою археографическою комиссиею» (АКАК), ч. I, Тифлис, 1904. – С. XII.

сте с тем «пролили первый свет на неведомые до сих пор части Кавказа»[1]. Впоследствии содержание их вошло в его сочинения «Воспоминания кавказского офицера» (М., 1864), «Воспоминания о Кавказе и Грузии» («Русский вестник», 1869, т. 79, 1–4) и др.

С 1837 года на Кавказском Черноморье начинается деятельность генерала Николая Николаевича Раевского (1801–1843), что имело важное значение для этого края и судеб находившихся здесь декабристов.

Н. Н. Раевский – друг А. С. Пушкина (как известно, великий поэт посвятил ему свою поэму «Кавказский пленник»), деятель декабристского круга, сын знаменитого героя Отечественной войны 1812 года, показавшего чудеса храбрости в сражении с кавалеристами наполеоновского маршала Даву[2]. Полковник Н. Н. Раевский вместе с братом Александром в 1825 году был арестован по делу декабристского движения. Правда, вскоре братьев Раевских освободили, но, как свидетельствовал декабрист Н. И. Лорер, их «взяли на замечание и считали либералами и опасными людьми»[3]. Сестра Раевских, Мария Николаевна, жена декабриста С. Г. Волконского, самоотверженная русская женщина, последовавшая за мужем в Сибирь. По словам Г. И. Филипсона, Н. Н. Раевский еще в молодости увлекался героями Великой французской революции и «был замешан в драме, окончившейся кровавою развязкою 14 декабря»[4]. Между прочим, и сам Г. И. Филипсон, который во время восстания декабристов учился в школе юнкеров в г. Могилеве, «попал на дурное замечание у начальства»[5].

В 1826 году находившийся «на подозрении» Н. Н. Раевский был «переведен» в Грузию. Он отличился в войнах 1826–1829 годов с

[1] Вейденбаум Е. Указ. соч. – С. XII.

[2] На театр военных действий генералом Раевским был взят и Николай вместе с другим своим сыном. Подвиг Раевского и его молодых сыновей был воспет В. А. Жуковским в его известном стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

[3] Лорер Н. И. Записки, М., 1931. – С. 203.

[4] Филипсон Г. И. Указ. соч., «Русский архив», 1883, кн. 6. – С. 268.

[5] Там же, кн. 5. – С. 180.

Персией и Турцией, командуя драгунским Нижегородским полком[1]. Недаром Пушкин в «Путешествии в Арзрум» рисует его как одного из талантливейших военачальников. Между прочим, в рядах Нижегородского полка было немало грузинских воинов-солдат и офицеров, со многими из которых мог познакомиться великий поэт во время своего пребывания в этом полку. Поэт Александр Чавчавадзе, например, уважал Раевского и сочувствовал ему[2].

С 1837 года деятельность Раевского переносится на Кавказское Черноморье, где с января 1839 года он являлся начальником всей Черноморской береговой линии, которой царское правительство придавало большое значение для прочного завоевания северо-западной части Кавказа. Эта линия, с одной стороны, отрезала горцев от морских сношений с Турцией, а с другой, лишала их возможности пользоваться зимой пастбищами в прилегающей к морю зоне, что в суровые зимы приводило к массовому падежу скота. Словом, учреждение Черноморской береговой линии и занятие побережья русскими укреплениями, говоря словами Ф. А. Щербины, «было логическим следствием тех задач, которые преследовала Россия в своих отношениях к Турции и Кавказу»[3].

Эта система военных укреплений, построенная в 30–40-х годах XIX века, играла важную роль также в борьбе против работорговли и контрабандного ввоза товаров. Не лишена была она и известного экономического значения.

К созданию надежной системы защиты Черноморского побережья Кавказа Россия приступила тотчас же после Адрианопольского мира 1829 года, когда началось вмешательство иностранцев в ее войну с горцами. Русское правительство вместе с тем усиливает блокаду берегов в данном районе, что создает угрозу колониальной торговле Англии. Во внешнеполитических же планах последней Северо-Западный Кавказ занимал особое место. Англия вместе

[1] Когда-то, во времена императрицы Екатерины II, этим полком командовал его отец Николай Николаевич Раевский, который в возрасте 22 лет, женившись на племяннице М. В. Ломоносова, получил назначение на Кавказ. Он принимал участие во многих походах и боевых делах, показал себя талантливым и храбрым офицером. (Н. Задонский. Денис Давыдов, М., 1959. – С. 61).

[2] Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. – С. 201.

[3] Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска, т. II, Екатеринодар, 1913. – С. 292.

с Турцией всячески стремились помешать укреплению береговой линии, ослабить Россию с тем, чтобы самим укрепиться на северо-восточном берегу Черного моря[1]. Они разжигали борьбу горцев против присоединения Кавказа к России. За один только 1830 год к берегам Кавказа прибыло из Турции до 200 английских и турецких судов с военными грузами[2].

Такой активности способствовала, особенно в ночное время, незащищенность побережья, открытого с моря. Поэтому форсированию строительства охранной береговой линии уделялось большое внимание. Наиболее рациональной представлялась идея адмирала М. П. Лазарева, предложившего взамен сооружения дорогостоящей прибрежной дороги высадку охранных десантов с моря. Лазарев учитывал, что прокладке дороги мешали горы, а строительные отряды постоянно подвергались нападениям[3]. При этом он опирался на возросшие возможности Черноморского флота, которым командовал с 1831 года и довел его до состояния высокой боеспособности[4]. Высадкой десантных войск обычно руководил сам Лазарев. Он действовал в тесном контакте с командующим десантным отрядом Раевским, который, в свою очередь, высоко ценил способности Лазарева и был готов постоянно работать с ним. Заметим также, что руководимый адмиралом Лазаревым Черноморский флот играл большую роль в борьбе с контрабандой и работорговлей в рассматриваемом районе[5].

Вся система Черноморской береговой линии (укрепления, крепости и форты – в устьях рек, населенных пунктах и плодородных долинах) разделялась на три отделения: первое из них простиралось от устья Кубани до середины расстояния между Новороссийской и Геленджикской бухтами, второе – между Геленджиком и фортом Головинским, третье начиналось фортом Навагинским и тянулось до поста св. Николая, т. е. до турецкой границы. На территории Абхазии, включенной в третье отделение, находились укрепления Гагра, Пицунда, Бамбора и Мрамба (в Цебельде), крепость Сухум

[1] Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. – С. 27–29.

[2] Островский Б. Лазарев. «ЖЗЛ». М., 1966. – С. 150.

[3] Там же. – С. 150–151.

[4] Литвинов М. Черное море, СПб., 1881. – С. 51–52.

[5] Островский Б. Указ. соч. – С. 150, 152.

(местопребывание начальника отделения) и посты Дранда, Квитоул и Илори. Рядом с крепостями было организовано прибрежное плавание; суда Черноморского флота постоянно крейсировали вдоль этой линии[1].

Гарнизоны укрепления составлялись преимущественно из черноморских линейных батальонов. Эти части оставались на одних и тех же местах без смен во все время существования Черноморской береговой линии, т. е. до Крымской войны. «Через это люди, оставаясь как будто взаперти, впадали в уныние и подвергались болезням, усиливавшимся еще более вследствие губительного для здоровья климата и изнурения сил, происходившего от тревожной жизни»[2]. Гарнизонам, находившимися «в постоянной борьбе как с климатом, так и с врагом», «приходилось иногда по целым месяцам питаться черствыми сухарями и кониною»[3].

Поэт-моряк пушкинского времени Е. П. Зайцевский в стихотворении «Е. Ф. Р-ой»[4] так отразил положение и настроение указанных гарнизонов[5]:

[1] «Военно-стратегическое обозрение Российской империи», т. XVI, СПб., 1853. – С. 36–37; ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 21, лл. 83 об – 85. Лекции графа Н. П. Игнатьева в Военной академии генштаба по военной географии на тему «Кавказский край», 1852.

[2] Васильев Е. Черноморская береговая линия. 1834–1835 гг. (Из Кавказской войны). «Военный сборщик», 1874, № 9. – С. 8.

[3] Литвинов М. Указ. соч. – С. 50.

[4] Шадури В. Русские писатели о Грузии. Т.1, Тбилиси, 1948. – С. 409-410.

[5] Между прочим, Зайцевский в стихотворении «Абазия», написанном в Сухуме в 1823 году и посвященном Абхазии (напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1825 г.), восторженно писал об абхазской природе, выражая горячую любовь к этому краю (см. В. Шадури. Русские писатели о Грузии, т. I. – С. 410– 411, 507):

Забуду ли тебя, страна очарований!
Где дикой красотой пленялся юный ум,
Где сердце силою пленительных мечтаний
Узнало первые порывы смелых дум
И в даль несло восторг живейших удивлений!
Волшебный край, приют цветов!
Страна весны и вдохновений!
Где воздух напоен дыханием садов
И горный ветерок жар неба прохлаждает,
Где нега томная в тиши густых лесов
К забвенью и мечтам так сладостно склоняет!

И вот теперь живем в Сухуме!..
Горим на солнечных лучах,
Тоску любви, разлуки горе
Кой-как влачим на Черном море
И озираемся назад,
Не йдет ли сменный нам отряд.

Потому именно в эти войска и направлялись многие декабристы и их единомышленники. Многие из них стремились попасть в части к Раевскому.

Начало деятельности Раевского на Черноморье совпало с усилением наступления царизма на Северо-Западном Кавказе с целью окружить горские племена и отрезать их от Черного моря. В апреле 1839 года, в связи с предстоящей экспедицией генерала Раевского, в Тамани встретились старые товарищи по сибирской ссылке – декабристы А. И. Одоевский, Н. И. Лорер, А. И. Черкасов, М. И. Нарышкин, В. Н. Лихарев, К. Г. Игельстром, Н. А. Загорецкий. Друзья шумно отпраздновали свою встречу. На вечеринке был также брат А. С. Пушкина Лев Пушкин[1].

Примечательным событием была и встреча выдающегося революционного демократа Н. П. Огарева со ссыльными декабристами в лагере у Тамани. Он посвятил им свои вдохновенные стихотворения «И если б мне пришлось прожить еще года...» и «Я видел вас, пришельцы дальних стран»[2]. Эта встреча – яркий показатель связи между русскими революционерами двух поколений. «Встреча с Одоевским и декабристами, – писал Огарев, – возбудила все мои симпатии до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к

Где поражают робкий взор
Кавказа льдяные зубчатые вершины,
Потоки быстрые, леса по цепи гор,
Аулы дикие и темные долины!
Где все беседует с восторженной душой!
Там сладостно ночей теченье,
Роскошны сны и тих покой!
Там в грудь мою лились восторг и наслажденье, –
И я дышал огнем поэзии святой!

1 Попов А. В. Одоевский на Кавказе. – С. 236.

2 Олонецкий А. А. Из истории великой дружбы, Тбилиси, 1954. – С. 48–49.

лицу с нашими мучениками, и я – идущий по их дороге, я – обрекающий себя на ту же участь... Это чувство меня не покидало»[1].

В мае 1839 года все упомянутые декабристы участвовали под командованием Раевского в занятии устьев рек Шахэ и Субаши. В десантном отряде находились также секундант А. С. Пушкина К. К. Данзас и художник И. К. Айвазовский, написавший известную картину «Высадка в Субаши»[2]. Знаменитый маринист участвовал и в других десантных действиях Черноморского флота. Ему довелось трижды плавать с М. П. Лазаревым, а также с его сподвижниками В. А. Корниловым, С. П. Нахимовым и другими к кавказским берегам. Плодом этих плаваний явился ряд мастерски исполненных Айвазовским картин[3]. После занятия устья Субаши последовала высадка у устья реки Псезуапе, а затем – у Анапы, в результате чего были заложены форты Головинский, Лазаревский, Раевский и другие[4].

В этих опасных операциях декабристы находились под наблюдением Раевского, им симпатизировавшего. Как отмечал Е. Г. Вейденбаум, он вообще «не уклонялся вне службы от общества разжалованных офицеров»[5]. Еще в 1829 году о Раевском говорили, что он, будучи командиром драгунского Нижегородского полка, «наполнил свой штаб большей частью из декабристов и ссыльных офицеров»[6]. Главнокомандующий на Кавказе – «ревнивый к своей славе» царский фаворит И. Ф. Паскевич, который пытался выместить на талантливом и популярном молодом генерале свою зависть и злобу, в письме на имя императора случай встречи Раевского с декабристом З. Г. Чернышевым и с разжалованными за принадлежность к польским тайным обществам Николаем Ворцелем и Станиславом Карвицким и другими опальными лицами расценивал как признак

1 Огарев Н. П. Кавказские воды. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952. – С. 406.

2 «Архив Раевских», т. III, стр. 122–123; А. В. Попов. Указ. соч. – С. 235–236.

3 Островский Б. Указ. соч. – С. 154.

В числе этих картин – «Буря у берегов Абхазии», показания в Париже на выставке в Лувре в 1843 году. Во время своего второго путешествия по Кавказу в 1868 году Айвазовский, среди других картин на кавказские темы, создал «Восточный берег близ Сухума».

4 «Архив Раевских», т. III. – С. IV.

5 Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе. «Русская старина», 1903, т. CXIV, кн. VI. – С. 489.

6 «Воспоминания братьев Бестужевых», Пг., 1917. – С. 87.

того, что «дух сообщества существует», и считал удаление Раевского делом весьма полезным[1]. Было произведено следствие над Раевским «за проезд его в обществе государственных преступников...»[2]. В результате Раевский был отстранен от командования полком и даже получил домашний арест на 8 дней.

Правда, впоследствии Раевский, стремясь оградить себя от возможных новых неприятностей, в отношениях с декабристами стал более осторожен. А в подписанном им в Тамани приказе от 26 апреля 1838 года даже говорилось: «Предлагаю гг. полковым командирам и частным начальникам иметь бдительный надзор, дабы разжалованные не имели с гг. офицерами никаких общественных сношений, не соответствующих их положению»[3]. И сами декабристы устами Н. И. Лорера заявляли: «Наученный опытом, Раевский нас боялся, да и мы его избегали, чтобы невольно не ввести его в неприятное положение, т. к. доносчиков расплодилось многое множество»[4].

Но Раевский в этом вопросе все же в чем-то оставался самим собой. Будучи начальником Черноморской береговой линии, он выступает с острой критикой официальной политики на Кавказе, что усугубило неприязненное отношение к нему со стороны кавказского начальства. Положение Раевского осложнялось тем, что в это время главнокомандующим на Кавказе был генерал Е. А. Головин – ярый реакционер, мистик и психопат, один из активных участников подавления восстания декабристов.

На «устройство нового, своеобразного края» Н. Н. Раевский направил «всю свою исключительную энергию и свои недюжинные военные и административные дарования»[5]. Он хорошо понимал значение этих обширных и богатых земель. «Я опять повторяю, – писал он военному министру А. И. Чернышеву 27 декабря 1840 года, – что мы еще не умеем ценить важность приобретения восточного берега Черного моря. Оно удвоило пространство принадлежащих нам берегов сего моря. Его протяжение обширнее берега Франции

[1] Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. III, СПб., 1894. – С. 147.

[2] Потто В. Указ. соч., т. III. – С. 147, 168.

[3] Цит. по указ. статье Д. Гиреева и С. Недумова. – С. 150.

[4] «Русский вестник», 1874, кн. I. – С. 408.

[5] Модзалевский Б. Л. Предисловие к «Архиву Раевских», т. III. – С. III.

на Средиземном море; соседство моря даст со временем сему краю первенство над Кавказской областью и Закавказским краем. Суда найдут надежное убежище в Новороссийске, Геленджике и Сухуме. Сии пристани не уступают пристаням Франции на Средиземном море. Долины восточного берега лежат под столь же теплым небом и изобильно орошены истоками ледяных гор и заключают обширные луга и богатые нивы. Горы, образующие сии долины, покрыты мачтовым и строевым лесом и, по свидетельству древних, там находятся в недрах земли другие источники богатства»[1].

Раевский особое внимание обращал на установление прочной экономической связи России с Кавказским краем, а существовавшие на Черноморском побережье укрепления рассматривал не только как военные форпосты, но и как опорные пункты для развития торговли. Это было одним из откликов среди передовой части офицерства Отдельного Кавказского корпуса на взгляды декабристов, резко осуждавших завоевательную политику царизма и ратовавших за мирное сотрудничество с народами Кавказа[2].

Н. Н. Раевский заявлял, что «бесполезное кровопролитие» надо заменить «средствами мирными». Он утверждал: «Десятилетнее спокойствие и мирные сношения улучшили состояние края и сблизили жителей с русскими»[3]. «Я с торжеством читаю, – писал он в рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева от 28 февраля 1841 года, – все, что полк. Астафьев доносит... о развитии торговли с горцами»[4]. Ставя вопрос о своем уходе с должности начальника Черноморской береговой линии, Раевский давал такое наставление своему преемнику: «Наследнику моему предстоит блестящее поприще, если он убедится, что набеги и опустошения вредят примирению края, и если он устоит против общего влечения к сим мнимым военным подвигам»; если он будет действовать в направлении осуществления плана «об устройстве и поселении края, основании городов в Новороссийске, Геленджике и Сухуме и развитии торговли с горцами»[5].

[1] ЦГВИА, ф. 1396, (гр.), оп. 1, д. 70, лл. 10–12.

[2] Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. – С. 367–368.

[3] Раевский. Записка о торговле с горцами и переселении на Восточный берег. АКАК, т. IX, ч. I, № 414. – С 471.

[4] Там же. – С 505.

[5] АКАК, т. IX, ч. I, № 268, стр. 268. Рапорт ген.-л. Раевского ген.-л. Головину от 24 января 1841 года.

Н. Н. Раевский отмечал безынициативность русских купцов, высказывался против «странного способа» снабжения «русскими произведениями» Закавказья. Он просил правительство, поощряя развитие торговли на берегах Абхазии и Черкесии, предоставить русским купцам и ремесленникам, желающим переселиться туда, льготы, чтобы привлечь к экономическому развитию края «достойных негоциантов». Раевский предлагал привлечь частный капитал к установлению торговых отношений с горцами, призывал к усилению борьбы против английской и турецкой контрабандной торговли, для чего должны были служить и укрепления на Черноморской береговой линии[1]. А о вреде этой торговли со стороны султанской Турции, в частности, Раевский замечал: «Торговля с восточными берегами снабжала невольниками всю Турецкую империю, работниками – трапезундские медные рудники и женами – восточные гаремы»[2].

Высказывания Н. Н. Раевского, идущие вразрез с политикой правительства, естественно, вызывали враждебное отношение к нему прежде всего непосредственных его начальников на Кавказе Е. А. Головина и П. Х. Граббе. Ему стали приписывать вину за все неудачи на Черноморской береговой линии, упрекать за то, что его «оборонительная и миролюбивая система в отношении горцев» якобы поощряла их сопротивление. Придравшись к тому, что Раевский по своему почину предпринял постройку укрепления в Цебельде, Николай I объявил ему выговор. Узнав об этом, Раевский немедленно подал заявление об отставке. Просьба была удовлетворена[3].

Уезжая навсегда с Кавказа, Раевский писал военному министру 28 февраля 1841 года: «...Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе, и от этого вынужден покинуть край». По поводу жестоких действий царских войск на Кавказе Раевский заявлял: «Я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоеваний Пицара (Pizarre) и Кортеца (Cortez) ...»[4]. Характерно, что в заключение этого своего письма графу Чернышеву Раевский просил, чтобы в предполагаемых военных действиях войск не переходили реки Белой – естественной границы Кавказской линии, так как «иначе это уничтожит весь успех стараний о мирных сношениях и торговле с горцами»[1]. Известно также обличение генералом Раевским «произвола, злоупотребления и беспорядков», царивших в органах царской администрации на Кавказе. «В областях Кавказского края, – писал он, – где не введено гражданское управление, мы, частные начальники, более похожи на турецких пашей, чем на русских чиновников»[2].

Живя в Керчи, где находились штаб и управление Черноморской береговой линии, Раевский часто предпринимал поездки на пароходе по всем укреплениям вверенного ему края и в описании этих своих поездок оставил чрезвычайно интересный и ценный исторический материал для всестороннего ознакомления с положением как в Абхазии, так и на всем Черноморском побережье в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века. Таковы, например, «Обозрение восточного берега Черного моря» (1839 г.)[3], «Записка... о торговле с горцами и переселении на Восточный берег» (1840 г.)[4], рапорты генералу Е. А. Головину от 8 апреля 1838 года[5] «касательно известных английских и других иностранных авантюристов», действующих на Кавказе[6], и военному министру А. И. Чернышеву от 16 июля 1840 года о покорении псхувцев и способах действий против убыхов[7], а также его записка (начало 1840 года) «О женитьбе абхазского владетеля М. Шервашидзе»[8] и др. А надо сказать, что Раевский, по словам начальника его штаба Г. И. Филипсона, «говорил и писал очень хорошо»[9]. Причем свои донесения он, как правило, диктовал состоявшим при нем капитану Л. С. Пушкину и прапорщику П. А. Антоновичу[10].

---

[1] Раевский. Записка о торговле с горцами. – С. 474.

[2] Раевский Н. Н. Обозрение восточного берега Черного моря. «Архив Раевских», т. III. – С. 52.

[3] Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети: XIX в. – С. 369.

[4] АКАК, т. IX, ч. I, № 434. – С. 505.

[1] АКАК, т. IX, ч. I, № 434. – С. 505.

[2] Цит. по ст.: Фадеев А. В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке. «Вопросы истории», 1955, № 6. – С. 74.

[3] «Архив Раевских», т. III. – С. 47–100.

[4] АКАК, т. IX, ч. I, № 414. – С. 470–480.

[5] Там же, ч. I, № 394. – С. 454–455.

[6] Там же, стр. 453. Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву от 6 мая 1838 г.

[7] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6422, лл. 1–4.

[8] АКАК, т. IX, ч. I, № 208. – С. 180.

[9] Филипсон Г. И. Указ. соч., кн. 6, 1883. – С. 268.

[10] «Архив Раевских», т. III. – С. 48.

В Абхазии Раевский общался прежде всего с владетельным князем Михаилом Шервашидзе. Политика Раевского сводилась к тому, чтобы сделать его «действительным владетелем Абхазии»[1].

Н. Н. Раевский ставил вопрос о поощрении в Абхазии торгового земледелия, рыбного промысла и т. д. Он, в частности, выдвигал проект о развитии технических культур, учитывая природно-климатические условия данного края: «От севера и востока Абхазия заслонена Кавказским хребтом; от соседства моря жара в ней несравненно сноснее, чем в южной части Каспийской области, а зимою холода несравненно меньше, потому что сия последняя не закрыта от востока». Далее Раевский писал: «Край изобильно производит виноград, шелковицу, оливку, рис (просо?) и хлопчатую бумагу; некоторые опыты дают надежду, что там будут произрастать пробочный дуб, апельсинное, чайное, камфорное деревья, индиго и лен Новой Зеландии»[2]. Раевский внедрял в крае, например, виноградные лозы (изабелла); в начале 1840 года он их «сам развез по укреплениям» из садов графа М. С. Воронцова и Никитского ботанического сада (Крым)[3], сыгравшего, как известно, важную роль в распространении субтропических культур в Крыму и на Кавказе. В этом саду были собраны наилучшие коллекции отечественных и зарубежных растений, в том числе из тропиков и субтропиков.

В 1840 году Раевским, «любителем изящной флоры»[4], было положено начало существования Сухумского ботанического сада, возникшего на базе любительского сада В. И. Багриновского. Сад был взят в военное ведомство и преобразован в «Военно-ботанический сад»[5]. Заведовать им Раевский поручил лекарю 6-го линейного батальона Багриновскому, которого он случайно узнал как ботаника в укреплении Вельяминовском[6]. Целью Сухумского сада становится: «Служить рассадником для края лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и многих экзотических растений»[7] – местных и зарубежных. Для ухода за садом Багриновскому ежедневно выделяли по 10 солдат. Сад находился на попечении сухумского коменданта майора Конийского. Если первоначальная площадь сада равнялась 0,5 десятины, то в 1841 году было прибавлено еще 3 десятины[1].

[1] Филипсон Г. И. Указ. соч. «Русский архив», 1884, кн. I. – С. 209.

[2] Раевский. Записка о торговле с горцами. – С. 471.

[3] Филипсон Г. И. Указ. соч. «Русский архив», 1883, кн. 6. – С. 347.

[4] Радожицкий Ил. Взгляд на флору Восточного берега Черного моря. «Журнал садоводства» РОЛС, № 5, М., 1942. – С. 42.

[5] Там же. – С. 42–43.

[6] Филипсон Г. И. Указ. соч. «Русский архив», 1883, кн. 6. – С. 347.

[7] Свешников В. Из письма о Сухуме, «Кавказ», 23 декабря 1853 г.

В устройстве сада в Сухуме большую помощь оказал директор Никитского ботанического сада Н. А. Гартвис, который посылал Раевскому семена и саженцы, а также направил садовника Витмана для организации питомника древесных растений[2]. Гартвис был знатоком природы и сельского хозяйства Кавказа. В 1837 году он организовал научную экспедицию по побережью Черного моря, которая обследовала Пицунду, Бамбору и Сухум. В 1839 году им направляется вторая экспедиция по Кавказу, в том числе Абхазии. Третья экспедиция была направлена в 1847 году, а четвертая – в 1850 и 1851 годах. Изучая местную флору, члены экспедиции одновременно собирали саженцы для Никитского ботанического сада[3].

По сведениям К. Д. Мачавариани, ботанические сады «благодаря Раевскому и приглашенному им доктору-садовнику Багриновскому» были устроены также в Бамборе, Пицунде и Гагре[4]. Н. Н. Раевский уделял большое внимание закладке культурных растений («красивых и полезных») вообще во всех укреплениях береговой линии, израсходовав на это значительную сумму денег[5]. Таким образом, действительно, «среди тех лиц, которые много сделали в деле интродукции растений на Черноморском побережье Кавказа и на южном берегу Крыма, одно из видных мест занимает генерал Н. Н. Раевский (младший)»[6].

Н. Н. Раевский рассматривал значение Сухума не только с точки зрения перспектив развития субтропической флоры в крае, но и развития торговли. «Новороссийску, – писал он, – предстоит важность как военной гавани; но не менее важности приобретает Сухум торговлею». «...Сухуму, – развивал Раевский свою мысль, –

[1] Радожицкий Ил. Указ. соч. – С. 42.

[2] Некрасова В. Л. Николай Николаевич Раевский. «Труды» Государственного Никитского ботанического сада, Симферополь, 1948, т. XXV, в. 1–2. – С. 188.

[3] Орагвелидзе И. Ш. Развитие чайного хозяйства в Грузии, Тбилиси, 1962. – С. 41.

[4] Мачавариани К. Абхазские вина. – С. 1. «Труды» Кавказского общества сельского хозяйства, Тифлис, 1888, № 3.

[5] Радожицкий Ил. Указ. соч. – С. 21, 29, 34–35.

[6] Некрасова В. Л. Указ. соч. – С. 179.

предоставлено быть... центром торговли с окружающими его горцами... В настоящем положении дел он (Сухум. – Г. Д.) прекрасный и единственный порт для торговли Западной России с Закавказским краем, Персиею и восточною частью Азиатской Турции. Посему развитие торговли в Сухуме неминуемо превзойдет развитие Новороссийска и Геленджика в сем отношении»[1].

Раевский считал, что на всем пространстве между Геленджиком и границей Азиатской Турции Сухумский рейд – единственный, который может служить для самых мелких и самых больших судов безопасным убежищем во всякое время, так как «рейд сей обширен и закрыт от морского ветра; грунт его надежен: на нем спокойно устояли суда во время гибельной бури 30 мая 1818 года». «Сухум, – заключал Раевский, – есть порт Закавказского края и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области: ему предназначено, как выше я сказал, быть путем торговли Западной России с Персиею и Азиатскою Турциею»[2]. Он предлагал Сухум сделать местом центрального управления карантинами восточного берега, а также учредить в нем градоначальство.

Вместе с тем с именем Раевского связана первая попытка благоустройства Сухума. По его инициативе в 1840 году приступили к осушению болот в Сухуме, который, упрекал Раевский, в продолжение тридцати лет «не обратил на себя внимания местного начальства»[3]. Для воинских частей, расположенных в Сухуме и страдавших от злокачественной малярии, было начато строительство казарм госпиталя на холмах, расположенных вблизи Сухумской крепости. В это время, по сообщению Раевского, смертность войск в Сухуме от малярии и других болезней в среднем в год достигала 154 человек (из 659 человек гарнизона).

Все это, ко всему прочему, было направлено на облегчение тяжелой участи солдат. С этой же целью Раевский в береговых укреплениях усиленно распространял культурные растения, считая, что они нужны не только для украшения, но и как средство борьбы с цингой. Овощи и фрукты, с одной стороны, физическая работа – с

[1] Раевский. Записка о торговле с горцами. – С. 471.
[2] Раевский. Записка о торговле с горцами. – С. 477.
[3] Там же. – С. 171.

другой, были необходимы для здоровья солдат[1]. Эти и им подобные меры снискали Раевскому большую популярность среди солдатской массы. Между прочим, в частях Черноморской береговой линии нередко распевалась лихая песня, сложенная в честь бравого генерала еще в период войны с Турцией, когда он командовал Нижегородским полком[2]:

Наш Раевский храбр и смел,
Льва сомнет за Русь святую;
На скалу, куда крутую,
Соколом взлетел...
Век служи Раевский с нами;
Мы с тобой, отец, штыками
Опрокинем свет.

Н. Н. Раевский принимал меры к изысканию полезных ископаемых в крае, в частности, каменного угля, что могло иметь немалое значение в связи с созданием Черноморского парового флота[3]. С этой целью он направил во вверенный ему край инженер-капитана Анисимова. Правда, последний успел произвести лишь «поверхностный обзор», но и это было очень важно, поскольку, как писал Раевский, он «доказал возможность рождения каменного угля в этом краю и подтвердил местные сведения жителей. В особенности Абхазия как по естественному образованию страны, так и по причине совершенного спокойствия жителей представляет все удобства для основательных разысканий, которых счастливый результат дает неоценимые выгоды для края, для всей береговой линии и наконец для Черноморского флота»[4].

[1] Орагвелидзе И. Ш. Указ. соч. – С. 41.
[2] См. Потто В. Указ. соч., т. III. – С. 148.
[3] Это был период, когда адмирал М. П. Лазарев добивался оснащения Черноморского флота винтовыми пароходами и в связи с этим был озабочен проблемой топлива для судов. (Б. Островский. Указ. соч. – С. 149–150). Он нашел его в районе Северного Донца (Донбасс). Раевский же продолжал поиски угля на Кавказском побережье.
[4] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1840 г., св. 40, д. 104, лл. 8 – 8 об. Копия с отзыва Н. Н. Раевского начальнику штаба корпуса горных инженеров ген.-м. Чевкину от 4 октября 1840 г.

Возможно, что здесь имеется в виду ставшее известным позднее Ткварчельское месторождение.

Следует, наконец, отметить, что Раевский, как и Вольховский, разделял идеи авторов Проекта создания Российской закавказской комиссии, против которых резко выступал Паскевич.

Приведенные факты достаточно убедительно характеризуют Н. Н. Раевского как прогрессивно настроенного и инициативного, для своего времени, деятеля. В этом, можно сказать, и секрет его традиционной популярности на Кавказе. Но нельзя, однако, и замалчивать практическое участие генерала Раевского, в силу его служебного положения, в проведении жестокой завоевательной политики царизма на Кавказе.

Раевский был, конечно, не единственный русский офицер-«кавказец», кого глубоко волновало положение дел на Кавказе и кто подвергал критике порядки в этом крае.

В рассматриваемое время на Кавказе, в войсках Кавказской линии и Черноморья, находился (в годичной командировке), например, молодой гвардейский офицер Д. И. Милютин[1], будущий военный министр России, основные положения мировоззрения которого в 40–50-х годах, профессор П. А. Зайончковский определяет следующим образом: «Отрицательное отношение к существующей николаевской действительности и крепостному праву в особенности, предпочтение буржуазных форм общественной жизни»[2].

Ознакомившись с положением на Кавказе, Милютин также пришел к выводу о необходимости изменить как систему военных действий, так и политику по отношению к горским народам. Эти мысли нашли свое отражение в его записке «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе», составленной в 1840–1841 годах. Милютин писал: «...Чтобы горцы терпеливо несли иго русского владычества, одно необходимое условие то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни... Мы должны всеми силами стараться согласовать

[1] Милютин Д. И. за свою жизнь служил на Кавказе трижды: в 1839–1840, 1843–1845 и 1856–1860 гг. Но боевого, непосредственного участия в Кавказской войне он почти не принимал, занимая ряд должностей в высших штабах. (Н. И. Беляев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг., М., 1956. – С. 20).

[2] Зайончковский П. Д. И. Милютин. Биографический очерк. В кн.: «Дневник Д. И. Милютина. 1873–1875», т. I, М., 1947. – С. 20.

наше владычество с интересами самих горцев как материальными, так и нравственными... Не в таком духе действовали мы до сих пор на Кавказе... Это заставляет их (горцев. – Г. Д.) смотреть на русских как на грабителей, приходящих к ним для обогащения своего, точно так же, как некогда монголы были для России»[1].

Среди примечательных личностей России второй четверти XIX века, игравших в целом прогрессивную роль по отношению к Абхазии и Черноморью, нельзя не упомянуть И. Т. Радожицкого (1788–1861). Офицер-артиллерист, участник Отечественной войны 1812 года, Радожицкий с 1823 года перешел на службу на Кавказ, приняв затем участие в русско-турецкой войне 1828–1829 годов. С 1839 года он вновь на строевой службе на Кавказе, а в 1850 году выходит в отставку в чине генерал-майора.

И. Т. Радожицкий известен как выдающийся ботаник, этнограф, публицист[2]. Член «Московского общества испытателей природы», И. Т. Радожицкий в «Журнале садоводства» опубликовал свои работы: «Взгляд на флору Восточного берета Черного моря» (1842, № 5; 1843, № 3), «Список экзотическим растениям Сухум-Кальского Военно-ботанического сада, произрастающим открыто» (там же) и другие[3]. Посетив Сухум в 1842 году, Радожицжий ставил вопрос о создании здесь «правильно устроенного сада» с «надлежащими пособиями» и квалифицированными работниками, который мог бы из «первоначально набросанного эскиза» превратиться со временем в «рассадник изящнейших и полезнейших экзотических растений». «Мы бы, – мечтал Радожицкий, – могли иметь свои апельсины, лимоны, миндаль, маслины, хлопчатую бумагу, наилучший табак, может быть, кофе, чай, пробку и множество аптечных растений»[4].

В общественной жизни Черноморья в указанный период активную роль играли и многие сыны польского народа, среди которых

[1] Зайончковский П. Д. И. Милютин. Биографический очерк. В кн.: «Дневник Д. И. Милютина. 1873–1875», т. I, М., 1947. – С. 10–11.

[2] См. Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. КЭС. I. – С. 308; М. А. Полиевктов. Европейские путешественники по Кавказу. 1800–1830 гг. Тбилиси, 1946, стр. 45–47.

[3] См. Липшиц С. Ю. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940), М., 1940. – С. 97–98.

[4] Радожицкий Ил. Взгляд на фауну восточного берега Черного моря. – С. 43.

находилось немало «отличных офицеров и солдат»[1]. Это были преимущественно участники польского национально-освободительного движения. Кроме того, из Польши на Кавказ направлялись большие партии рекрутов.

Декабристы, как известно, проявляли живейший интерес к польскому национально- освободительному движению. Русские революционеры зафиксировали в своей программе, что Польша должна стать независимым государством. Пестель в «Русской правде» выражал надежду видеть будущую Польшу республикой. Декабристы призывали поляков действовать совместно против общего врага – самодержавия. И подлинные польские патриоты, естественно, искали союза с русскими революционерами[2].

В 1828 году на Кавказ были сосланы студенты Виленского университета Ф. Я. Лисовский, А. Ф. Тржасковский и К. И. Зах за принадлежность к тайному политическому обществу[3]. Им пришлось в основном служить на Черноморской береговой линии, главным образом на территории Абхазии. В 1837 году Лисовский был назначен приставом в Цебельде. Объясняя этот свой выбор, барон Розен писал военному министру А. И. Чернышеву, что прапорщик Лисовский «в продолжении долговременного служения в Абхазии хорошо ознакомился с характером, обычаями здешних народов и может даже объясняться с цебельдинцами на их языке», т. е. на абхазском языке[4].

Лисовский тщательно изучает Цебельду – этот обширный горный район Абхазии, устанавливает с его населением дружественные отношения. Вместе с тем, начиная с 1834 года, ему, «как имеющему основательные сведения в топографии», неоднократно поручалась рекогносцировка других районов – Гагры и ее окрестностей, перевальных путей, а в 1842 году – описание Сванетии. В октябре того же года он с группой местных знатоков горных путей совершил труднейший двухкратный переход через Главный Кавказский хребет – из Абхазии на Лабинскую линию, за что был произведен в следующий чин (капитана)[5].

[1] Филипсон Г. И. Указ. соч. «Русский архив», 1833, кн. 6. – С. 348.
[2] «История Польши», т. 1, М., 1956. – С. 524–526.
[3] См. Долгорукий В. П. В рядах драгунского Нижегородского полка. «Русская старина», 1882, т. XXXV, № 8. – С. 447–448; АКАК, т. XII, ч. I. – С. XII; «Архив Раевских», т. III. – С. 189.
[4] АКАК Т. VIII, ч. I, № 346. – С. 461.
[5] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 910, лл. 1–10.

В отчетах Лисовского об этих экспедициях, а также в его различных официальных донесениях по начальству содержатся интересные сведения по истории, этнографии и исторической географии Абхазии и сопредельных с ней районов.

Представляют большой интерес и материалы А. Ф. Тржасковского. Например, в его публикации о Гурии дается характеристика сословных отношений Гурийского княжества перед его присоединением к России и тех изменений, которые в этой области произошли после присоединения[1].

Тржасковский в 1838 году был произведен в прапорщики и заведывал канцелярией управляющего Абхазией, Мегрелией и Гурией генерала Эспехо; одно время состоял при абхазском владетеле Михаиле Шервашидзе[2]; в 40-х годах был старшим адъютантом в управлении Черноморской береговой линии; в 50-х годах, будучи отставным майором, управлял имениями жены Н. Н. Раевского (младшего)[3].

Особого внимания заслуживает Владислав Иванович Багриновский[4]. Он в 1838 году за участие в тайной польской организации был исключен из Виленской медико-хирургической академии и привлечен к суду по делу о «конарщине»[5]. Багриновский был отдан в солдаты и в числе более чем 20 других студентов-медиков выслан на Кавказ. Здесь он начал службу на Черноморской береговой линии и вскоре обосновался в Сухуме в качестве лекаря по обслуживанию воинских частей. Как отмечал генерал А. И. Будберг, «всегдашняя его готовность и опытность в лечении местных болезней приобрели ему известность и доверие между туземными жителями»[6]. Багриновского возили за несколько десятков верст, в глубь страны, «даже к непокорным горцам», для оказания медицинской помощи[7]. Кстати, в этом отношении Багриновский мог воспринять определенный опыт от своего предшественника – врача Сухумского военного госпиталя, имя которого Ф. Ф. Торнау скрыл под буквой «К». Это был, по характеристике названного автора, «хороший доктор и очень ум-

[1] См. газету «Кавказ», № 40, 4 октября 1847 г.
[2] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, д. 217, 1843 г., л. 10.
[3] О нем: АКАК, т. XII, ч. I, стр. XII; КЭС, II. – С. 206.
[4] АКАК, т. XII, ч. I. – С. III.
[5] См. ЦГИА Литовской ССР, ф. 1269, оп. 1, д. 6, лл. 317–324, 429–439.
[6] См. ЦГАГТ, ф. 548, оп. 3, д. 518, лл. 14–16.
[7] Селезнев М. С. Руководство к познанию Кавказа, кн. II, М., 1847. – С. 178.

ный человек, пользовался уважением всего сухумского общества... Он был беден и своими трудами не мог ничего нажить...»[1].

Багриновский вместе с тем усердно занимался возделыванием сада, на базе которого и возник нынешний Сухумский ботанический сад. Назначенный генералом Раевским в 1840 году заведующим этим садам, он сыграл большую роль в его дальнейшем развитии. М. А. Селезнев, посетивший Сухум в 1841 году, писал, что ботанический сад находится под надзором «умного ботаника, абхазского доктора». В устройстве сада Багриновскому содействовало местное население[2].

В 1844 году в Отдельный Кавказский корпус были отправлены солдатами 21 человек, которые являлись «виновными по следственному делу... о существовании в Царстве Польском заговора» в том же году[3]. Очевидно, речь идет о деятельности революционной организации, возглавляемой Петром Сцегенным («Заговор Сцегенного»)[4].

Говоря о польских политических ссыльных на Кавказе в рассматриваемый период, надо подчеркнуть, что некоторые из них продолжали вести активную революционную деятельность, вступая порой в контакт с сосланными сюда же декабристами. Вот два наиболее показательных факта, связанных с ближайшими к Абхазии районами. В архивном фонде Отдельного Кавказского корпуса хранится «Дело штаба Отдельного корпуса по дежурству Особого отделения о патриотических сочинениях, отобранных у нижних чинов – военно-рабочих рот, в Анапе состоящих»[5]. В этом «Деле» имеется рапорт командующего войсками на Кавказской линии и Черноморье генерала А. А. Вельяминова на имя барона Г. В. Розена от 4 ноября 1836 года, в котором говорится, что анапский комендант граф Н. Е. Цукато 7 сентября того же года представил отобранные у польских солдат 40-й и 41-й военно-рабочих рот «разного рода польские стихотворения, между коими находятся патриотические мотивы и песни», «непозволительные сочинения», на 21 странице[6]. Дальше приводится список всех найденных сочинений с указанием лиц, у кого они были изъяты.

[1] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. 1. – С. 49.
[2] Селезнев М. Указ. соч. – С. 178.
[3] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 656, лл. 82–87.
[4] См. «История Польши», т. I. – С. 619– 620.
[5] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, Д. 845.
[6] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 845.

Выше были упомянуты Николай Ворцель и Станислав Карвицкий[1], которые фигурировали в «деле Раевского». Они являлись видными деятелями польского движения, сосланными в качестве солдат на Кавказ, где не прекращали общественной деятельности. Так, в 1831 году Карвицкий, находившийся в Редут-Кале (Кулеви), проходит по политическому процессу в Кутаисе[2]. Декабристы Е. С. Мусин-Пушкин, Н. П. Акулов, А. А. Фок и Карвицкий вместе с другими опальными лицами распространяли «мысли вольные и буйные, одобряют и выхваливают дух буйный некоторых европейских держав»[3].

Мы здесь не говорим о тех поляках, которые, как и многие русские солдаты, принимали бескорыстное и активное участие в борьбе кавказских горцев за свою независимость.

Сосланные на Кавказ декабристы и их единомышленники продолжали оставаться на идейных позициях, характерных для русских, дворянских революционеров. Они, конечно, были далеки от народных масс, их коренных интересов. Но эти декабристы, как и вся их плеяда, являлись теми передовыми деятелями своего времени, которые, по словам В. И. Ленина, «помогли разбудить народ»[4]. Они, как прогрессивные люди России, осуждали реакционную политику царизма на Кавказе, сочувственно относились к борьбе его народов за свою свободу, против социального и национального гнета. Они ратовали за тесное содружество русского народа с народами Кавказа, за их экономическое и культурное развитие. Их пребывание на кавказской земле оставило памятный след в ее истории.

[1] О них: «Декабристы. Новые материалы. Редакция» М. К. Азадовского, примечания С. В. Житомирской. М., 1955. – С. 113–114.
[2] См. подробнее об этом ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, лл. 1–54; Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. – С. 209–212.
[3] ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л. 17 об. Выписка из секретного разыскания по донесениям строительного отряда путей сообщения подпоручика Рельи.
[4] Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 23. – С. 398.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Айвазовский И. К. – 45
Акулов Н. П. – 8, 59
Александр I – 6
Андреев В. – 6, 25
Анисимов – 53
Антонович П. А. – 49
Астафьев – 47
Ахлестышев Д. Д. – 18, 19
Ахундов М.-Ф. – 28, 34, 36
Аш И. К. – 37
Багриновский В. И. – 50, 51, 57, 58
Баженов П. К. – 7
Белл Д. С. – 19, 20
Бенкендорф А. Х. – 30
Бестужев-Марлинскии А. А. – 3, 12, 17, 19, 20, 23, 36
Бестужев М. А. – 32
Бестужев Н. А. – 32
Бестужев П. А. – 11-13, 26, 27
Броневский С. М. – 26
Будберг А. И. – 57
Вейденбаум Е. Г. – 45
Вельяминов А. А. – 24, 58
Витман – 51
Волконский С. Г. – 40
Вольховский В. Д. – 28, 34-37, 54
Воронцов М. С. – 32, 50
Ворцель Н. С. – 45, 59
Гартвис Н. А. – 51
Гернет М. Н. – 5
Герцен А. И. – 23
Гессе К. Ф. – 18
Гибаль Поль – 10
Голицын А. И. – 28
Головин Е. А. – 11, 46, 48, 49
Граббе П. Х. – 48
Гревцев А. Т. –
Греч Н. И.– 27
Грибоедов А. С. – 3, 23, 36
Даву Л. Н. – 40
Данзас К. К. – 45
Данкевич-Пущина Н. А. – 15
Делба В. М. –
Деллингер – 24
Дзидзария Г. А. – 4
Додашвили С. – 33
Дюбуа М. Ф. – 15, 16
Екатерина II – 41
Жуковский В. А. – 40
Загорецкий Н. А. – 34, 44
Зах К. И. – 56
Зайончковский П. А. – 54, 55
Зайцевский Е. П. – 43
Званба С. Т. –17, 27, 28, 34, 36, 38
Игельстром К. Г. – 44
Каменский П. П. – 26, 27
Карвицкий С. С. – 45, 59
Конийский – 51
Корнилов В. А. – 45
Костенецкий Я. И. – 28
Кривцов С. И. – 13-17
Лазарев М. П. – 42, 45
Лермонтов М. Ю. – 3, 34
Лисовский Ф. Я. – 25, 56, 57
Лихарев В. Н. – 44
Лорер Н. И. – 20, 40, 44, 46
Маркс К. – 12, 20
Маршания Х. – 21
Мачавариани К. Д. – 11, 51
Милютин Д. И. – 54, 55
Мочульский В. И. – 9
Мусин-Пушкин Е. С. – 8, 59
Наполеон I –
Нарышкин М. И. – 44
Нахимов С. П. – 45
Николай I – 7, 8, 28, 31, 32
Новицкий Г. В. – 37
Ногмов Ш. Б. – 27
Норденстам И. И. – 32
Нордман А. Д. – 24, 25
Норов А. С. – 23
Норов В. С. – 17-23, 25, 28, 34
Огарев Н. П. – 44
Одоевский А. И. – 3, 25, 34, 44
Ольшевский М. М. – 31
Паскевич И. Ф. – 18, 35, 45, 54
Пацовский – 7
Пестель П. И. – 56
Песталоцци И. Г. – 13
Полевой К. А. – 29, 33
Полевой Н. А. – 24, 29
Пушкин А.С. – 3, 23, 28, 45
Пушкин Л. С. – 44, 49
Радожицкий И. Т. – 55
Раевский А. Н. – 40
Раевская М. Н. – 40
Раевский Н. Н. (мл.) –6, 11, 31, 40-42, 44-54, 57, 58
Раевский Н. Н. (ст.) – 40, 41
Ракович – 9
Розен А. Е. – 9, 35
Розен Г. В. – 11, 17, 18, 28, 34-36, 56, 58
Рылеев К. Ф. – 23
Сафонов С. В. – 19, 25, 30
Селезнев М. А. – 58
Скасси Р. А. – 22
Смоленский С. – 14
Спенсер Э. – 7, 25, 31
Сцегенный П. – 58
Толстой Л. Н. – 3
Торнау Ф. Ф. – 21, 36-39, 57
Торопов Н. – 6, 7
Тржасковский А. Ф. – 56, 57
Тропинин В. А. –
Филипсон Г. И. – 6, 7, 31, 40, 49
Фок А. А. – 8, 59
Ховен Х. Х. – 38
Цукато Н. Е. – 58
Чаадаев П. Я. – 23
Чавчавадзе А. Г. – 33, 41
Черкасов А. И. – 44
Чернецов Н. Г. – 19
Чернышев А. И. – 11, 28, 46-49, 56
Чернышев З. Г. – 15, 45
Чиляев (Чилашвили) Б. Г. – 32, 33
Чиляев (Чилашвили) Е. Г. – 33
Шамиль – 10, 31
Шакрыл Н. Н. – 17, 38, 39
Шаховский И. В. – 38
Шервашидзе Келешбей – 26
Шервашидзе М. Г. – 21, 49, 50, 57
Шервашидзе Сафарбей (Георгий) – 21
Щербина Ф. А. – 41
Эспехо Я. М. – 57

ССЫЛЬНЫЕ ДЕКАБРИСТЫ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ[1]

Следует сразу же оговорить, что название книги не совсем точное, в том смысле, что в ней речь идет не только о «чистых» декабристах, но и о деятельности целого круга лиц, так или иначе, иногда по единомыслию, иногда по службе, связанных с сосланными на Кавказ героями 14 декабря 1825 года.

Автор хотел написать свой труд со всей любовью и признательностью к деятелям, по характеристике В. И. Ленина, первого, дворянского этапа революционного движения в России[2]. К их светлой памяти он с юношеских лет, с того уже столь далекого и незабываемого времени, когда он впервые осмысленно и с восторгом прочитал знаменитое стихотворение знаменитого декабриста «Струн вещих пламенные звуки...»

Удалось ли ему это – не он судья.

Что касается цели такой попытки и значения самой постановки вопроса, то это прекрасно раскрыто в словах выдающегося советского писателя Константина Симонова, предпосланных работе автора «Декабристы в Абхазии» (Сухуми, 1970). И приводятся они здесь целиком:

«Кавказ играл совершенно особенную роль в истории русского общества и русской литературы.

Кавказ XIX века – это Пушкин и Грибоедов, это Лермонтов и Толстой, это декабристы – Одоевский и Бестужев-Марлинский, это

[1] Печатается по изданию: Г. А. Дзидзария. Труды. Книга вторая. Сухуми: «Алашара», 1990. – С. 111–228. В данной работе встречаются места, совпадающие с текстом книги «Декабристы в Абхазии» (стр.3-61 данного тома). Однако ред. коллегия решила сохранить данный текст без изменений.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25. – С. 93.

значительная часть лиц, входящих в нашем сознании в пушкинское окружение, это первые, часто романтические страницы русских литературных связей с Кавказом.

Кавказ, в особенности первой половины XIX века, – это место военной службы многих русских людей, тогда же, в годы этой своей службы на Кавказе, или впоследствии, прославивших себя в истории русской культуры.

Колонизаторская политика русского царизма по отношению к горцам Кавказа ставила сложные политические и нравственные проблемы перед теми передовыми деятелями русской культуры, которые, будучи по долгу военной службы винтиками русской императорской военной машины, в то же время имели свой собственный взгляд на вещи – и на горцев Кавказа, в покорении которых они так или иначе участвовали, и на будущие судьбы России, и на императорский режим, и на современное им русское общество.

В особенно сложном положении оказались на Кавказе сосланные туда декабристы, разжалованные в солдаты и заново выслужившиеся из солдат в первые офицерские чины.

Небольшое по объему, но полное новых и интересных фактов и исторических наблюдений, исследование абхазского историка Георгия Дзидзария дает немало материала для размышлений и над судьбами Абхазии и всего восточного побережья Черного моря во второй четверти прошлого столетия, и над судьбами многих, чаще всего, не своей волей оказавшихся в то время в этих краях передовых людей России.

Декабристы в Абхазии – не только любопытная и пока еще недостаточно исследованная страница истории этого замечательного уголка нашей Родины, но и одна из сложных и трагических страниц истории русской культуры.

Двойственность положения ссыльных декабристов, их участие в военных действиях русских войск против исконных жителей края, с одной стороны, их первые дружественные связи с жителями края – с другой, их личное свободолюбие и свободомыслие и их прикованность к своим военным обязанностям, их взгляды на все происходящее, носившее на себе печать многих неустранимых противоречий, – обо всем этом думаешь, читая маленькую, но очень весомую по своему значению книжку профессора Дзидзария.

И как знать, не подтолкнет ли она кого-то из русских, абхазских или грузинских писателей к разработке этой же интереснейшей темы, но уже средствами художественными.

Я, во всяком случае, именно с такой мыслью закрывал эту книжку, которую мне от души хочется рекомендовать самому широкому кругу любознательных читателей».

Хотелось бы также привести выдержки из письма писателя к автору от 14 июня 1969 года по поводу той же книги. «Я прочел эту работу (в рукописи. – Г. Д.) с очень большим интересом. Для меня в ней очень много нового, заставляющего еще раз заново обдумывать эту интересную и сложную эпоху, эти драматические и в какой-то мере героические людские судьбы.

Меня очень привлекло в Вашей работе то, что Вы не обходите в ней острых углов, не боитесь тех сложностей, которые обусловлены двойственным положением декабристов на Кавказе – с одной стороны, противников николаевского режима, с другой – по долгу военной службы, его слуги в деле покорения Кавказа.

А впрочем, из таких противоречий вообще соткана история, и попытки их сгладить превращают соответствующие сочинения из кудрявых деревьев в гладко обструганные телеграфные столбы. А это, по-моему, не нужно»[1].

Для автора очень дорого и мнение замечательного поэта А. Т. Твардовского. В письме к народному поэту Абхазии Б. В. Шинкуба от 16 июля 1969 года он писал: «Работу Г. Дзидзария «Декабристы в Абхазии» прочел я и В. Я. Лашкин. Она, по нашему вполне согласному мнению, представляет несомненный интерес не только в узких «краеведческих рамках», но и более широком историческом плане. Факты жизни и деятельности в Абхазии декабристов А. Бестужева, С. Кривцова, В. Норова, Н. Н. Раевского и других впервые собраны с такой полнотой и тщательностью»[2].

Следовательно, вопрос о пребывании декабристов вообще на Кавказе не случайно привлекает внимание многих исследователей, как проблема, изучение которой дает большие возможности для глубокого раскрытия прогрессивной роли передовых людей России на древней земле свободолюбивых кавказских народов, подлинно дружественных отношений, устанавливавшихся между ними и последними в первых десятилетиях XIX столетия.

[1] См.: Константин Симонов в Абхазии. Сухуми, 1981. – С. 67–68.

[2] ЦГАА, ф. 839, д. 62.

Таким образом, деятельность декабристов на Кавказе занимает важное место в русско-кавказских связях, «хотя в их переписке, в целом свободной от великодержавного шовинизма, колониализма и презрения к народам края, все же нередко проскальзывают монархические идеи»[1].

В работе ставится цель осветить проблему в рамках Западного Кавказа, имея в виду главным образом его Черноморское побережье. В подобном аспекте она не была еще объектом специального изучения, если не учитывать в известной мере названную выше книжку автора и очерков Н. Ф. Веленгурина «Дорога к лукоморью» (Краснодар, 1976).

Для полноты и объективности освещения темы надо было прочесть все, или почти все, что писалось об интересующих нас декабристах, скрупулезно собрать содержащиеся в их произведениях, мемуарах и письмах факты, разыскать о них материалы, в том числе неизвестные прежде архивные документы.

Между тем с рассматриваемым регионом, ставшим фактически одним из мест политической ссылки, связаны весьма любопытные факты и события. Здесь находились и действовали, можно сказать, многие, говоря словами А. И. Герцена, «люди 14 декабря» и другие «провинившиеся» перед самодержавием лица. При этом речь идет не только о дворянских революционерах-офицерах, но и о солдатах-декабристах. Правда, об этих «нижних чипах», к сожалению, нет подробных сведений[2]. Вообще же в определенной степени остается еще в силе сделанное когда-то замечание профессора М. Н. Гернета о том, что «о пребывании декабристов на Кавказе нам известно очень мало»[3]. В определенной степени, потому что, как увидим в дальнейшем изложении, за последний период все же вышел ряд ценных работ, посвященных деятельности ссыль-

[1] Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М., 1969. – С. 8.

[2] Можно, однако, указать, например, на статью В. А. Романовского «Солдаты-декабристы на Кавказе», напечатанную в «Сборнике трудов» историко-филологического факультета Ставропольского пединститута (Ставрополь, 1958, вып. 13. – С. 15–37).

[3] Гернет М. А. История царской тюрьмы, т. 2, М., 1961. – С. 195.

ных декабристов и их единомышленников в различных регионах Кавказа.

В рядах Отдельного Кавказского корпуса, например, в 1827 году насчитывалось не менее 2800 солдат-декабристов, в том числе служивших на территории Западного Кавказа. Значительность этой цифры станет ясной, если иметь в виду, что в то время войска Кавказской армии не превышали 20 000 солдат. Среди «нижних чинов» в интересующем нас крае было также немало «штрафных» и «ссыльных» – участников крестьянских, солдатских и иных выступлений, а среди офицеров – лиц, направленных сюда за «политическую неблагонадежность» и не желавших примириться с реакционным режимом, который особенно усиленно насаждался в стране и в армии после Отечественной войны 1812 года[1].

Это было время, когда даже воспитанники гражданских учебных заведений, замеченные в «вольнодумстве», отдавались для «исправления» в солдаты. И это, как известно, называлось «выбить дурь из головы»[2].

После жестокого подавления восстания декабристов, по словам самого Николая I, как «внушительный пример»[3], в жизни России наступила еще более мрачная пора. Венценосный палач, смертельно напуганный «декабрьским мятежом», всемерно стремился превратить огромную страну в казарму для русского народа, а для «инородцев» – в настоящую тюрьму. Малейшее проявление свободомыслия беспощадно преследовалось и подавлялось. Таким образом, Николай I был зловещим олицетворением самодержавия.

Надо сказать, что Отдельный Кавказский корпус (до 1819 года – Отдельный Грузинский корпус), в различные части которого направлялись все эти «неблагонадежные» лица, занимал особое положение среди других соединений царской армии, будучи в меньшей степени зараженным губительным влиянием аракчеевского режима. Объяснялось это в значительной степени особенностями организации и комплектования его полков.

[1] Фадеев А. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе. – «Вопросы истории», 1951, № 1. – С. 100.

[2] Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. – С. 269.

[3] Эти слова были сказаны им (см.: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.– Л., 1926. – С. 145.) уже в самый момент восстания, что свидетельствует о предрешенности участи декабристов. Как известно, следствие над последними производилось под непосредственным наблюдением императора, коронованного сыщика, и он сам распоряжался допросами и пытками главнейших обвиняемых.

После 1815 года на Кавказ было переведено немало участников Отечественной войны и европейских походов[1]. А количество, с точки зрения официальной России «неблагонадежных», которыми пополнялся корпус, стало настолько внушительным, что, например, все части Черноморской береговой линии состояли именно «из разжалованных или по крайней мере не по своей воле прибывших на Кавказ»[2]. Были и такие, которые по тем или иным причинам сами стремились укрыться за Кавказским хребтом. Здесь нельзя не вспомнить знаменитые лермонтовские строки:

Прощай, немытая Россия,
……
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Так среди кавказского офицерства возрастал процент изгнанников, которых объединяла ненависть к николаевской реакции. В числе последних было немало декабристов, особенно после их восстания. Вообще же, например, в 1826–1829 годах в рядах корпуса числилось свыше 65 «переведенных» и разжалованных офицеров-декабристов[3].

Установлено, что еще до 14 декабря 1825 года декабристы тайную работу вели и на Кавказе, в частности среди офицеров и солдат Кавказской армии. Не случайно, разумеется, одно из дел фонда декабристов Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (Москва) называется «О тайном обществе в Отдельном Кавказском корпусе»[4].

[1] Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958. – С. 216–227.

[2] Филипсон Г. И. Воспоминания. М., 1885, с. 209.

[3] Всего же на Кавказ было сослано 578 декабристов (Агаян Ц. П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978. – С. 227).

[4] См.: ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 6.

Таким образом, говоря словами армянского историка В. А. Парсамяна, «Кавказ не был и не мог быть в стороне от движения декабристов»[1]. Особого внимания заслуживает и тот факт, что ввиду постоянного недостатка в подготовленных и образованных офицерах в Кавказском корпусе иногда даже ссыльные декабристы выдвигались на ответственные посты (И. Г. Бурцов, И. И. Пущин, А. М. Миклашевский, В. Д. Сухоруков и др.)[2]. Это относится также к генералам В. Д. Вольховскому и Н. Н. Раевскому, причастным к декабризму.

Все это способствовало развитию в кавказских войсках прогрессивных традиций суворовской и кутузовской военной школы. Как и во всей русской армии, в Кавказском корпусе «имелась прослойка, выделявшая искренних патриотов и талантливых полководцев, которые честно служили Родине и, наперекор давлению сверху, улучшали действительно боевые качества армии, поднимая ее авторитет на полях сражений»[3].

Декабристы, в частности, смогли оказать решающее влияние на ход войны с Ираном и Турцией. И сам главнокомандующий на Кавказе И. Ф. Паскевич своими военными успехами был обязан прежде всего декабристам. Кстати, последних по приказу Николая I оправляли на самые опасные участки. Но после военных событий они оказались ненужными царскому фавориту. Беззаветная храбрость и отличная боевая служба декабристов в частях отдельного Кавказского корпуса в период этих событий не избавили их даже от его секретного надзора.

Подозрительность Николая I доходила до того, что еще в начале 1826 года, направляя в качестве чрезвычайного посла в Иран князя А. С. Меньшикова, поручил ему собрать по пути подробные сведения о духе войск и порядке службы в Кавказском корпусе. При этом, поскольку Меньшиков, ехавший в Иран через Владикавказ и Тифлис, не мог посетить Западную Грузию, сопровождавшему его полковнику Ф. Ф. Бартоломею было поручено следовать до Тифлиса другим путем – через Севастополь, Поти. Редут-Кале (Кулеви) и

[1] Парсамян В. А. Декабристы в Армении. Ереван, 1975. – С. 33.

[2] Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе. – РС, 1903, № 6. – С. 498–500; Фадеев А. В. Указ. соч. – С. 227; Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе. М., 1973. – С. 237.

[3] Калинин М. И. О моральном облике нашего народа. – Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и военном долге. М., 1967. – С. 662.

Кутаис с тем, чтобы «секретно разузнать» о настроениях в частях, дислоцированных в этих пунктах.

Между прочим, в Редут-Кале Бартоломей встречался с молодым владетельным князем «возмутившейся» Абхазии Михаилом Шервашидзе (Чачба), который в это время вынужден был проживать здесь[1].

Любопытно, в Редут-Кале с абхазским владетелем в том же году познакомился и выдающийся русский ученый, академик Э. И. Эйхвальд[2].

И граф Паскевич, который не так давно заседал в Верховном уголовном суде над декабристами, на сосланных сюда из них «взглянул не сострадательно, а начальническим оком». Он, как известно, сменил «проконсула Кавказа» А. П. Ермолова, популярного в декабристских кругах человека. После того, как надо полагать, именно за связь с декабристами, в первую очередь, он в марте 1827 года и был отозван с Кавказа, а в ноябре того же года уволен в отставку[3]. По доносу Паскевича Николаем I «были даны предписания командирам полков строго смотреть за декабристами, употреблять их на действительную службу[4], не позволять им иметь никаких сношений с офицерами и проч.»[5] «Граф Эриванский», кроме того, был инициатором создания секретной полиции на Кавказе, одной из главных задач которой было наблюдение за ссыльными декабристами[6].

При всем этом, однако, не следует забывать классовую сущность Кавказской армии, которая была призвана защищать и осуществлять политику царизма, тем более, что со временем и в ее частях резко меняется обстановка и режим. Царское правительство стремилось армию держать «подальше от народа», и она не могла быть «патриотичной в нашем смысле этого слова»[7].

[1] Посольство князя Меньшикова в Персии в 1826 году (Из дневника генерал-лейтенанта Ф. Ф. Бартоломея). – РС, 1904, т. 118, № 4. – С. 66–69.

[2] См.: Библиотека для чтения, 1938, т. 26, ч. 2, № 2. – С. 196.

[3] БСЭ, т. 9. – С. 96.

[4] Докладывая Дибичу о поведении вверенных ему ссыльных декабристов, Паскевич в порыве откровенности писал 15 июля 1828 года: «Вообще разжалованных употреблял я во всех сражениях в первых рядах или в стрелках, и всегда там, где представлялось наиболее опасности... Все они вели себя отлично храбро...» (Цит. по: Цверава Г. Декабристы в Ахалцихе. – Новый путь (г. Бокситогорск), 31 октября 1978 г.

[5] Александр Александрович Бестужев (Марлинский) (Из воспоминаний Я. И. Костенецкого). – РС, 1900, т. 104, № 10–12. – С. 450.

[6] АКАК, т. VII. – С. 343–345.

[7] Калинин М. И. Указ. соч. – С. 662.

Если в первые десятилетия XIX века Кавказ в целом слыл «южной» или «теплой» Сибирью, как окрестил его Александр I, то отдельные районы интересующего нас края считались чуть ли не самыми «суровыми» и «опасными» местами этой территории. По этому поводу Василий Андреев, служивший в 1816–1836 годах в войсках Кавказского корпуса, писал: «Как в Сибири есть еще другая Сибирь, вроде Якутска или Охотска, так и на Кавказе есть еще Кавказ, представляющий местности тогдашнего Дербента, Таркова или Сухума»[1]. Не случайно в 1840 году царское правительство объявило, что всякому офицеру, служащему или отставнику, при переводе или назначении в черноморские линейные батальоны будет выдаваться годовое жалованье и прогоны на любое расстояние, а женатым – то и другое вдвойне»[2].

В ту пору здесь почти каждый царский гарнизон находился фактически в осадном положении, конец Кавказской войны был еще далеко. Генерал Н. Н. Раевский свидетельствовал: «Большая часть укреплений на Восточном берегу (Черного моря) находится в беспрестанной блокаде от горцев и не имеет другого сообщения как морем»[3].

Кроме того, на северян пагубно влиял непривычный сырой климат этих мест, порождавший злокачественную тропическую малярию. Гарнизонные солдаты, в большинстве уроженцы центральных губерний России, не обладая иммунитетом, массами погибали от этой болезни, а также плохих условий жизни[4*]. Доктор медицины Н. Торопов писал: «О том, какая страшная была смертность в наших укреплениях бывшей Черноморской береговой линии, можно судить уже по тому, что там считали делом весьма обыкновенным, когда в год вымирало более десятой части всего гарнизона. Но были и такие укрепления, где в течение 3–4 лет целый состав гарнизона переменялся, т. е. вымирал»[5]. Генерал Г. И. Филипсон, служивший в

[1] Андреев В. Воспоминания из кавказской старины. – КС, 1876, т. I. – С. 90.

[2] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 236–237.

[3] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1840, св. 40, д. 104, л. 9.

[4] *Между прочим, тяжелым очагом тропической малярии в XIX веке была и Греция. Предполагают, что, например, великий Байрон умер здесь в 1810 году именно вследствие того, что заболел одной из форм тропической малярии с характерным для человека приезжего злокачественным течением (Попова В. Ошибка в диагнозе? – Неделя, 1980, № 51. – С. 11).

[5] Торопов Н. Опыт медицинской географии Кавказа. СПб., 1864. – С. 165–166.

30–40 годах на Черноморском побережье, свидетельствовал: «Среди этой роскошной природы (Абхазии. – Г. Д.) царствует знаменитая абхазская лихорадка, которая уносила во сто раз более жертв, чем все военные действия и другие болезни»[1]. В другом месте мы читаем: «Сухум казался каменным гробом: нельзя было встретить свежего, здорового лица... В Сухум мы ежегодно посылали 16 % штатного числа нижних чинов на укомплектование, т. е. средняя жизнь считалась там почти в шесть лет»[2].

Посетивший Бамборское укрепление – «это место ссылки» – в 1833 году швейцарский ученый Фредерик Дюбуа де Монперэ подчеркивал, что «солдат умирает здесь не столько из-за климата и болезни, им вызываемых, сколько из-за отсутствия возможности бороться с ними. Как не гибнуть ему от болезней и заражения, если он теснится в землянке, битком набитой людьми и пропитанной отравленным воздухом»[3]. Английский журналист Эдмунд Спенсер, побывавший в этом пункте в 1836 году, писал, что он застал стоявший здесь гарнизон, да и другие гарнизоны на побережье, «жестоко страдающими от лихорадки и, конечно, ужасная смертность, господствующая в армиях Кавказа, является объектом будущего размышления... Жалкие сараи... в соединении с другими пагубными условиями создают возможность того, что солдат найдет при приеме в госпиталь скорее паспорт на небо...». Далее он отмечал, что «большая часть этих гарнизонов состоит из непослушных подданных... Ордер на исправление в армии Кавказа рассматривается военными властями в России как равносильный гражданской ссылке... Русские гарнизоны ежедневно уменьшались от заразы и меча»[4]. «Сотни деревянных крестов теснились» около укреплений, огороженных четырьмя валами, «и придавали самим укреплениям вид раскрытых могил»[5]. «Число больных в батальонных лазаретах бывает втрое и вчетверо больше штатного», – писал и лекарь Бамборского военного госпиталя П. К. Баженов[6].

[1] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 193.

[2] Там же, с. 250, 257.

[3] Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937. – С. 115.

[4] 1838. – С. 325–327.

[5] Потто В. А. А. Марлинский (Бестужев). – Газ. «Кавказ», № 345, 31 декабря 1897 г.

[6] Баженов. Медико-топографический взгляд на места, русскими войсками занятые в Абхазии. – «Военно-медицинский журнал», 1838, ч. XXXI, № 1. – С. 24.

Новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов после обозрения им восточного берега Черного моря летом 1836 года вынужден был, в частности, обратить внимание императора на то, что для солдата «на ружейный выстрел от бруствера земля уже чуждая, и безопасности уже нет»; они должны или целые годы оставаться непрестанно в жилищах своих, в знойном климате и тесном воздухе, или за малейшею потребностью выходить не иначе как в строю, с ружьем на плече и осторожностью в уме». «Таковое положение, – продолжал он, – еще при скудном иногда продовольствии, не может не быть чрезвычайно вредно; болезни должны рождаться, и от самих больных больные умножаются»[1].

Согласно данным начальника Черноморской береговой линии генерала Н. Н. Раевского, например, в марте 1839 года в Геленджикском гарнизоне из 590 наличного состава было больных «вообще» 80, «больных кроме цинготных» – 56, «больных цинготных» – 24, «умирающих» – 14; в Новороссийском гарнизоне соответственно – 242, 26, 10, 16 и 12; в форте Александровском (Сочи) – 415 (солдаты), 94, 79, 15 и 6; в укреплении Св. Духа (Адлера) – 521 (солдаты), 24, 14, 10 и 10[2]. О последнем следует еще сказать, что весь его гарнизон, состоявший из 922 чел., вымер в течение пяти лет[3]. В 1845 году на всей Черноморской береговой линии было убито всего 18 чел., а умерло от болезней 2427 чел.[4]

Обстановка службы на Кавказе для декабристов становится особенно тяжелой. Прежде всего они оказались под строгим политическим наблюдением. В секретной записке директора канцелярии Военного министерства от 21 июня 1837 года говорилось об определении декабристов рядовыми в Отдельный Кавказский корпус, «назначив их в разные батальоны под строгий присмотр и с тем, чтобы они непременно несли строевую службу по их званию и без всяких облегчений»[5]. Согласно предписанию Инспекторского департамента Главного штаба, данному на основании личного распоряжения Николая I, командиру корпуса вменялось в обязанность ежемесячно доводить до сведения императора «на счет службы и поведения декабристов»[1]. Переписку декабристы могли вести не иначе, как через полевой штаб, где каждая написанная ими строка подвергалась самой строгой цензуре. Их обычно направляли в наиболее опасные места Кавказского фронта. Малейшее попустительство или проявление либерализма но отношению к декабристам грозило крутой расправой.

К этому надо еще добавить, что в связи с политическим процессом над группой декабристов в Кутаисе в 1831 году командиру 44-го Егерского полка (штаб-квартира и части которого в основном были дислоцированы на территории Абхазского княжества) полковнику А. Г. Пацовскому Николаем I было строго предписано, «дабы он усугубил секретный надзор за всеми присланными в сей полк лицами, принадлежавшими к тайным обществам»[2].

После жестокого подавления царским правительством в 1831 году Польского восстания и народных волнений, известных под названием «холерных бунтов», в стране началась новая волна реакции, и притеснения, чинимые над декабристами на Кавказе, еще более усилились.

В Отдельном Кавказском корпусе, в котором наметилось изменение общего режима, начало распространяться тлетворное влияние реакционной военной системы, господствовавшей в николаевской армии. И здесь муштра и палочная дисциплина стали основой воспитания и обучения войск. Новый режим заметно изменил все условия службы и быта в частях корпуса[3].

И, наконец, по заведенному порядку служившим на Кавказе декабристам до производства в офицеры не давали отпуска во внутренние губернии России[4].

Тем не менее, несмотря на то, что декабристы ссылались сюда в расчете на то, что они скорей всего не вернутся, тех, кто томился долгие годы в рудниках настоящей Сибири, Кавказ манил и красо-

[1] «Воронцовскии «Перипл» Черного моряк» (Рапорт М. С. Воронцова Николаю I от 26 августа 1836 г., – Г. Д.). – РА, 1894, 6. – С. 232.

[2] Архив Раевских, т. III, СПб., 1910. – С. 54, 62, 93, 96.

[3] Энциклопедический словарь Бракгауза Ф. А. и Ефрона И. А., т. XXXVIII, 76. СПб., 1903. – С. 647.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6595, л. 80.

[5] Цит по: Гернет М. Н. Указ. соч., т. 2. – С. 195.

[1] ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), оп. I, д. 77, л. 13 об.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1831 г., д. 90, л. 19.

[3] Фадеев А. Декабристы на Дону и на Кавказе. Ростов-на-Дону, 1950. – С. 63–64.

[4] Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914. – С. 269.

той своей природы, и возможностью ценой боевых отличий приобрести право возвращения на родину. Не следует также забывать того, что они были все-таки представителями дворянского сословия, и это не могло не облегчать условий их солдатской службы. При этом, однако, декабристы, вынужденные участвовать в боевых действиях против горцев[1], не только не испытывали к ним неприязни, не считали их своими врагами, но и глубоко сочувствовали им. «Побежденными друзьями нашими» называл кавказцев А. В. Веденяпин. Русские вольнодумцы осуждали военно-феодальный колониальный режим, устанавливавшийся здесь царизмом, хотя в силу своей классовой ограниченности и не являлись сторонниками предоставления кавказским народам права на национальное самоопределение[2]. Они хотели видеть народы Кавказа в благополучии, в мире и дружбе с русским народом. Уезжая на родину, декабрист А. Е. Розен писал: «Прощай, Кавказ! Красуйся не одною природою, но и благосостоянием твоих обитателей»[3].

В условиях наивысшего разгула николаевской реакции такие высказывания звучали как проповедь подлинного гуманизма. Уважая национальные традиции кавказских народов, декабристы проявляли глубокий интерес к их богатому прошлому, самобытной древней культуре, языку, общественному и семейному быту, экономическому положению[4].

Сочувственно относились к народам Кавказа и многие солдаты, часть которых открыто переходила на сторону борющихся горцев. Бывший офицер Генерального штаба В. И. Мочульский[5] писал, что такое явление было обусловлено тем, что «изнуренные от беспрерывных и самих утомительных походов нижние чины не имели ни необходимого отдыха, ни удобностей для жизни, постоянно предоставлены нападениям горцев и весьма тягостной домашней

[1] Надо помнить и то, что прежде всего все они были военнослужащими. Следовательно, участие в происходивших тогда на Кавказе военных действиях было для них прежде всего служебной обязанностью, либо они в этом случае подчинялись тому, что считали своим воинским долгом.

[2] История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. М., 1967, с. 448; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. – С. 156.

[3] Розен А. Записки декабриста. СПб., 1907. – С. 262.

[4] Фадеев А. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе. – С. 102.

[5] О нем: КЭС, I, М., 1958. – С. 177–178.

службе». Они, уходя в горы, «постоянно находят приют у... неприятелей. Им дают... пищу, одежду и помещение... Их принимают с радостью... По прибытии ими некоторого времени в горах, горцы дают им жен и земли... Они вступают во все права коренных жителей...»[1]. Автор книги «Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846» В. Д. Ракович писал: «Дезертирство вообще было больное место во всех армиях с рекрутской системой и долговременной службой; в кавказских же войсках, служивших издавна ссыльным местом, оно было еще чувствительнее[2*]. В одном нашем полку в 1831 году числилось в бегах 131 человек; на комплектование же поступило из российских полков 99 штрафных солдат»[3]. В июне 1835 года русский офицер Торнау в одном абхазском ауле на Кубани видел «беглого казака» Брагунова с партией абадзехов[4]. Известно также, что у Шамиля в Дарго в 40-х годах насчитывалось до 300 таких людей[5], а близ Ведено, по сообщению зятя Шамиля, было целое поселение бывших царских солдат[6]. Некоторые из них помогали горцам в военных действиях, в изготовлении пушек[7]. Переход русских солдат на сторону горцев был обусловлен также ненавистью к самодержавию, сознанием общности интересов с интересами местных крестьян.

Так было и в Абхазии. Французский путешественник и коммерсант П. Гибаль, сведения которого относятся еще к 1820 году, сооб-

[1] Мочульский В. Война на Кавказе и Дагестане, ч. I, Политическая. 1844 г. – ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, л.л. 73–74.

[2] *Между прочим некий «кавказский ветеран, служивший впоследствии в том же Тенгинском полку, вспоминал песню, распевавшуюся по русским деревням в начале 50-х годов (см.: Черноморский вестник, Батум, 5 марта 1900 г. См также: КС, 1879, т. III. – С. 10):

Глянь в деревни, все ревут:
Ваньку в некруты ведут.
Ай калина! ай малина!..
Пальцы рубит, зубы рвет,
В службу царскую нейдет.
Ай калина, ай малина!

[3] Ракович. Указ. соч. Тифлис, 1900. – С. 107.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 9 об.

[5] Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.–Л., 1939. – С. 130.

[6] Даниялов А. Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. – Вопросы истории, 1966, № 10, с. 24.

[7] История Дагестана, т. II. М., 1968. – С. 105.

щает, что в Абхазии «очень много» русских пленных, численность которых, «по подсчетам турок и некоторых русских», достигает 3 тыс. человек. «Судя по многим данным, – замечает Гибаль, – эта цифра мало преувеличена». Он отмечал также, что «лишь только немногие были взяты в плен, а большинство из них – дезертиры»[1]. Действительно, русские солдаты часто совершали побег с береговых укреплений в горные районы, которые оставались еще неподвластными царской военной администрации и фактически не признавали их ставленника – абхазского владетеля. Поэтому сюда, где веками жили «вольные» абхазские общества, массами стекались и местные крестьяне. Эти районы, отгороженные высокими хребтами и окруженные густыми лесами, под сенью традиционного гостеприимства их обитателей были надежным убежищем для бежавших с побережья абхазских крестьян и русских солдат.

Главноначальствующий на Кавказе генерал Г. В. Розен в мае 1837 года застал в Цебельде 129 «беглых» русских солдат и матросов, среди которых были жившие здесь по 15–25 и даже 30 лет; большинство имели «семейства и оседлость и даже, по здешним понятиям, некоторый достаток»[2]. Многие из этих солдат, указывал Розен, когда их вели в лагерь, «бежали с дороги», не желая явиться к царскому командованию[3]. Преемник Розена генерал Е. А. Головин в своем рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева от 8 сентября 1838 года писал, что от солдатских семей, рассеянных по разным местам горной Цебельды, «никакой не может проистекать пользы для правительства», так как они живут одной жизнью с местным населением[4].

Когда генерал Н. Н. Раевский в 1840 году построил в Цебельде укрепление Мрамба, то около него возникло поселение под названием Богоявленское, жители которого – до 70 человек – состояли из беглых и пленных солдат. Некоторые из них были уже глубокими стариками, проживавшими в этих местах десятки лет, совершенно забывшими родной язык.

[1] Journal de mon voyage la mer Noire et la mer Caspienne Astrakhan et Taganrog etrepris la 21 mais 1820 et fini le 24 decembre de memeannee. – ЦГАДА СССР, ф. 1261, д. 2896, л. 138 об.

[2] АКАК, т. VIII, № 345, с. 459 (Отношение Г. В. Розена А. И. Чернышеву от 8 мая 1837 г.).

[3] Там же.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6343, л.л. 15–16.

Кстати, генерал Раевский в своем «Обозрении Восточного берега Черного моря» отмечал: «Русских беглых и пленных в горах много, особливо первых»[1].

Понятно, почему отдача в солдаты была одним из наиболее излюбленных методов расправы царизма с неугодными ему лицами.

Многие декабристы оказались в воинских частях, действовавших на Черноморском побережье Кавказа[2*]. К созданию надежной системы защиты этого во многих отношениях важного района России приступила после Адрианопольского мира 1829 года[3], когда началось активное вмешательство иностранцев в ее войну с горцами. В отдельных укреплениях стояли линейные батальоны, которые, как уже отмечалось, находились в необычайно тяжелых природных и военных условиях. Поэтому именно в эти войска и направляли часто декабристов, их единомышленников и других «инакомыслящих».

Тем не менее, «как бы ни были тяжелы условия пребывания на Кавказе, более широкие, чем в Сибири, возможности общения с людьми делали жизнь декабристов осмысленной и содержательней... Вокруг декабристов создавалась сочувствующая социальная среда, завязывались связи с местным населением, возникало

[1] Архив Раевских, т. III. – С. 81.

[2] * Надо сказать, что декабристские руководители с самого начала своей деятельности интересовались и судьбой Кавказского Черноморского побережья. В 1807–1819 годах, в годы работы над «Запиской о государственном правлении», П. И. Пестель уже включал в круг политических задач тайного общества после переворота улучшение границ России, в частности, через присоединение указанной территории и Закавказья. В наброске Пестеля, написанном в 1818 году (см.: ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 10, л. 287), намечен проект размещения военных сил для обеспечения безопасности будущих границ России, в котором на Черноморском побережье названы Сухум и пристань Св. Николая (Шекветили) на северной границе современной Аджарии. В тексте «Русской «правды» Пестеля содержится также открытое заявление о включении в состав России Молдавии и Черноморского побережья Кавказа (Сыречковский Б. Е. Балканская проблема в плане декабристов, – Очерки из истории движения декабристов. М., 1954, с. 234–236, 241, 249). Что касается Кавказа в целом, то он, как известно, по проекту Никиты Муравьева составлял одну из 14 федеративных единиц, создаваемых в России. А согласно «Русской правде» Пестеля, Кавказский край должен был стать одним из 10 округов России.

[3] По этому миру, т. е. в результате русско-турецкой воины 1826–1829 годов, к России отошло все Черноморское побережье от устья р. Кубани до крепости Св. Николая (Шеквитили).

благотворное взаимодействие первых русских революционных борцов и первых представителей местных народов»[1]. И это относилось, разумеется, не только к Тифлису и некоторым другим центрам общения декабристов.

Вопреки реакционной политике царизма попавшие на Кавказ прогрессивные представители русской интеллигенции, среди которых особое место занимали декабристы, в меру своих возможностей оказывали плодотворное влияние на развитие его народов. Это были широко образованные люди. Многие из них привезли с собой сюда труды русских и иностранных авторов, читали газеты и журналы на русском и европейских языках. При возможности они собирались друг у друга, проводили вместе вечера, беседуя на политические, литературные и другие темы, занимались изучением иностранных, а некоторые и местных языков[2]. Для свободолюбивых изгнанников Кавказский край становится второй родиной. Они с огромным интересом изучали новый для них регион и талантливо изображали его в своих творениях[3].

Одним из первых, кто среди дворянских революционеров-декабристов и «прикосновенных»[4] попал на Западный Кавказ, в частности в Абхазию, был *Павел Александрович Бестужев (1808–1846)* – младший из пяти братьев Бестужевых, погибших, по словам М. А. Бестужева, «в крушении 14 декабря 1825 года»[5]. Воспитывался он в артиллерийском училище и был уже в офицерском классе. Арестовали его спустя несколько месяцев после выступления на Сенатской площади. Предлогом послужила, как сообщает его брат Михаил Бестужев, найденная у него книжка «Полярная звезда» – альманах, который издавал другой его брат, А. А. Бестужев-Марлинский, совместно с К. Ф. Рылеевым[6]. А М. В. Каменская мотивы ареста Павла Бестужева объясняет следующим образом: «Совсем еще птенец,

[1] Нечкина М. В. Движение декабристов, т. II. М., 1955. – С. 448.

[2] Парсамян В. А. Указ. соч., 1975. – С. 15–16.

[3] Шадури В. За хребтом Кавказа. Тбилиси, 1077. – С. 12.

[4] Так назывались привлекавшиеся только к следствию, но не к суду, и которые состояли под строгим секретным надзором.

[5] Братья Бестужевы (Из записок М.А. Бестужева). – РС, 1070, т. I. №6. – С. 518.

[6] РС, 1870, т. I. – С. 263.

Были и другие версии о причинах ареста П. А. Бестужева: за сочинение какого-то стиха, из-за братьев и т. д.

но большой фантазер, который позволял себе в это смутное время так много кричать и ораторствовать против правительства, что навлек на себя подозрение и его тоже забрали»[1].

Так или иначе, 17-летнего юношу заключили в Бобруйскую крепость, а через год, в 1827 году, Николай I послал, по выражению той же Каменской, «проветриться на Кавказ», «в гарнизонную артиллерию в Сухум-Кале тем же чином», т. е. юнкером[2]. Таким образом, П. А. Бестужев поплатился «благодаря тому же событию, хотя и не принял в нем никакого участия»[3]. В ответ на обращение матери Бестужевых к царю по поводу своего последнего сына, Николай I цинично ответил: «Мы его накажем отечески»[4].

«Прикосновенный» к делу декабристов Павел Бестужев первоначально прибыл, как это было положено подобным лицам, в Тифлис, который в то время являлся, по словам Карла Маркса, «центром русского господства в Азии»[5], административной «сердцевиной» всего Кавказского края, средоточением военных и гражданских властей. Накануне он писал: «Меня, как Язона, ссылают в Колхиду, везет гарнизонный офицер»[6].

П. А. Бестужев в ноябре 1826 года был направлен в Сухумский артиллерийский гарнизон 13-й гарнизонной артиллерийской бригады, а в начале 1829 года – в 21-ю артиллерийскую бригаду. Он прославился в войнах 1826–1829 годов с Ираном и Турцией как мужественный и искусный офицер[7].

В 1828 году Павел Бестужев получил письмо от старшего брага А. А. Бестужева-Марлинского из Якутска, имевшее для него очень важное моральное значение. В нем говорилось: «Там ли, где Кавказ упирается в Черное море, или где сходит он холмами на луга Ирана? В Сухум-Кале или в Грузии?.. На поднебесном Кавказе, кажется, нельзя не возвыситься духом. Надеюсь, что занятия службы не по-

[1] Воспоминания М. Ф. Каменской.– ИВ, 1894, т. 56, № 4. – С. 33.

[2] Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова. М., 1888. – С. 202, прим.

[3] Воспоминания Бестужевых. М.– Л., 1951. – С. 384.

[4] Богучарский В. Семейство Бестужевых (Историко-литературный очерк).– «Мир божий». СПб., 1902, сентябрь. – С. 245.

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. II. – С. 639.

[6] Воспоминания Бестужевых. – С. 412.

[7] ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1834 г., д. 297. – С. 2–2 об.; ИРЛИ, ф. 604, д. 3 (5572). Послужной список Бестужева П. А. (1840), я.л. 36–50.

мешают тебе учиться, и учиться основательно... Около тебя народы... наблюдай их нравы... Читай много... но не всему верь, не для того, чтобы во всем сомневаться, но чтобы все обсудить»[1].

В 1830 году П. А. Бестужев получил чин прапорщика. В 1830 и 1833 годах он участвовал в военных экспедициях против кавказских горцев (в Чечне и т. д.), командуя артиллерийской частью. В 1834 году Бестужев был в экспедиции генерала Д. Д. Ахлестышева, имевшей задачу проложить сухопутное сообщение по Абхазии и затем направить отряд на Геленджик «для затруднения сношения горских племен с Турциею и для обзора этого неизвестного края».

Первый участник этой дороги, где и пришлось действовать Бестужеву, должен был охватить пространство между Редут-Кале и Бамборой, и соединить береговые укрепления. При тогдашнем состоянии дорог отряд мог двигаться только по берегу моря и «преодолевать чрезвычайные местные препятствия»: путь проходил по болотистым, песчаным и лесистым местам, перерезанным множеством рек[2].

Между прочим, в указанной экспедиции участвовали также декабрист В. С. Норов, польский революционер Ф. Я. Лисовский и сосланный в Грузию за участие в «Маловской истории», описанной в «Былом и думах» Герцена[3], писатель П. П. Каменский – университетский товарищ В. Г. Белинского и кавказский друг Александра и Павла Бестужевых. Павлу Бестужеву и до этого приходилось часто бывать в Бамборе, где квартировала рота, в которой он состоял[4]. Это был расположенный близ современного г. Гудауты населенный пункт (один из поселков большого села Лыхны – резиденции абхазского владетеля), который до 1851 года являлся центром царской военной администрации в Абхазии. Здесь находился начальник войск в крае, полевой штаб и склады 44-го Егерского полка, а также один из батальонов этого полка, части которого были расположены и за пределами Абхазии.

[1] Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в двух томах, т.2. М., 1958. – С. 630.

[2] Дубровин Н.Ф. Кавказская война в царствование Николая I и Александра II (1825-1896 гг.). – Обзор войн России от Петра Великого до наших дней, ч. IV, кН.2. СПБ., 1896,. – С. 71, 77.

[3] Герцен А.И. Сочинения в девяти томах, т.4. М., 1956. – С. 122, 434. См. также: Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни. – РА, 1887, кН., I, вып. I. – С. 109.

[4] Гангеблов А.С. Воспоминания декабриста. – С. 207, прим.

А о пребывании Павла в Сухуме и его окрестностях А. А. Бестужев-Марлинский 23 апреля 1836 года писал из Геленджика: «Любезный Поль. Несколько дней тому назад, прогуливаясь в Сухуме по окрестностям, я любовался развалинами какой-то башни (очевидно, Великой абхазской (Келасурской) стены или замка Баграта. – Г. Д.) – и что же? Я не верил глазам своим: на одном камне читаю твоею рукою написанную надпись П. Б.! Уголь не стерся в течение 8 лет, и вот судьба привела другого брата завидовать тому месту, где ты был в изгнании!»[1].

По служебным делам бывал П. А. Бестужев также в Пицунде и Гагре.

В одном из доносов за 1834 год говорилось о наличии в Тифлисе тайного «нового общества», членами которого якобы были Николай Титов, Павел Бестужев, Павел Каменский, Павел Вышеславцев и другие[2]. Ф. Ф. Торнау, рассказывая о событиях 1832 года в Грузии, писал: «Тифлисское общество вообще очень разбогатело людьми... К числу лиц, разнообразивших интерес нашего круга, бесспорно принадлежали многие из... декабристов»[3].

За отличия в сражениях Павел Александрович Бестужев был награжден орденами св. Анны 4 степени (с надписью «За храбрость») и св. Станислава 4 степени. Находясь на Кавказе, он изобрел прицел к пушкам, введенного в артиллерии под названием «бестужевского»[4*]. Это дало ему еще один орден (св. Анна 3 ст.), чин прапорщика и разрешение в 1834 году вернуться в Петербург. Но за ним, по приказу Николая I, был установлен строжайший надзор. В следующем году он вышел в отставку[5].

П. А. Бестужев был и талантливым литератором. Его перу принадлежит критический очерк «Замечания на статью «Путешествие в Грузию»[6], помещенную в «Сыне Отечества» и «Северном архиве»

[1] ОЗ, 1860, т. 131, № 7. – С. 58–59.

[2] Шадури В. Декабристская литература..., – С. 224.

[3] Торнау Ф. Ф Воспоминания о Кавказе и Грузии. – РВ, 1869, 34. – С. 700.

[4] * Кстати, отец Бестужева, Александр Федосеевич Бестужев, - артиллерист екатерининских времен, передовой писатель и публицист.

[5] РВ, 1870, т. 87, №6. – С. 489; Штрайх С. Я. Моряки декабристы. М.–Л., 1946. – С. 275; Декабристы и их время. Материалы и сообщения. М.–Л., 1951. – С.98; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед. 1834 г., д. 297, лл.2,9; ИРЛИ, ф. 604, №3, (5572), лл. 37-38, 46.

[6] *Эта анонимная шовинистическая статья была опубликована в «Московском телеграфе» (1833, ч. 52, № 15).

в 1838 году, ошибочно подписанного «Марлинский», что вызвало возражение П. А. Бестужева и объяснения издателей. Эта страстная полемическая статья отличается характерным для декабристов воззрением на русско-кавказскую проблему. Выступление Бестужева носило политический характер – он разоблачал автора «Путешествия», распространявшего клеветнические измышления о Кавказе и кавказцах[1]. Подобно своему брату Александру, Павел Бестужев в «Замечаниях» сетовал на то, что «у нас мало писано о Кавказе, да и то неверно или недостаточно». «В тридцать лет, например, – писал он, – что мы узнали о Грузии? Много ли знаем даже о географическом ее положении, пространстве, границах?.. Отвергать поэзию в быту горцев и говорить, что это ложь, значит добровольно сознаваться в своем прозаизме... Быт горца стоит внимания каждого любознательного человека... Изучая его, вы скорее поймете человека, нежели читая историю... Надобно быть очень напуганным, чтобы оспаривать у кавказских горцев все добрые качества...».

Кстати, вопросы, затронутые в полемике Бестужева с анонимом, живо интересовали М. Ю. Лермонтова. Он, несомненно, разделял уверенность Бестужева в возможности и необходимости дружбы между русским и горскими народами[2].

Своеобразным памятником декабристской литературы является и его письмо от 2 февраля 1837 года А. А. Бестужеву-Марлинскому о смерти А. С. Пушкина, жизнь которого «принадлежала целому народу»[3].

Василий Завелейский, встречавшийся с Павлом Бестужевым в Тифлисе и Петербурге и знавший хорошо его братьев, писал: «Павел был молодой человек – высокий, тонкий, красивый собою и большой остряк»[4]. А. А. Бестужев-Марлинский, который все время проявлял отеческую заботу о своем младшем брате[5*] и безмерно радовался каждому его успеху, писал 15 января 1833 года из Дербента: «Брат Павел гостил у меня. Какой умный, благородный юноша из него вышел. Все офицеры видавшие его в делах говорят, что он – необыкновенной храбрости, и храбрости хладнокровной. Начальство знает его как отличного артиллериста. Он исколесил Кавказ во всех направлениях...»[1]

А 20 ноября того же года Марлинский писал К. А. Полевому: «Очень рад, что мой Поль сошелся с вами. Бедный Поль! Он не был молод, он не имел ни одной радости, ни одной слабости юношества; опыт слишком рано зажег или заморозил цвет его души»[2]. Еще более трогательно писал любящий брат в письме от 1 декабря 1835 года: «Для кого же я работаю, как не для братьев?! Это моя единственная отрада. Счастлив бы я был, если б удалось устроить счастье Поля: бедный брат, он увял за нас!»[3]

В письме от 19 июня Марлинский нравоучил: «Не говори, я не родился тем и тем: это вздор (...). Без труда и занятий сами гении остались бы остряками – не более... Человек с волею все может, без воли не в состоянии хотеть»[4].

Умер П. А. Бестужев в 1843 году; как писал лично знавший его артиллерийский офицер Шумилов, «у него был рак в желудке, последствие желтой лихорадки, полученной им в Сухум-Кале»[5]. В том же году скончалась и мать братьев Бестужевых.

После П. А. Бестужева следует назвать *Владимира Павловича Романова (1796–1864)*, который был сослан на Черноморье. Происходил он из дворян Херсонской губернии. Окончив Морской кадетский корпус, В. П. Романов стал одним из замечательных русских мореплавателей – исследователей, географов. Он был участником многих экспедиций, в том числе кругосветного путешествия. Романов, кроме того, активный участник боевых действий Черноморского флота в период русско-турецкой войны 1826–1829 годов и Крымской кампании 1853–1856 годов. Дослужился он до чина контр-адмирала. В. П. Романов был членом-корреспондентом Мор-

---

[1] Шадури В. Декабристская литература..., – С. 329.
[2] Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. – С. 58.
[3] См.; Декабристы и их время. – С. 97–100.
[4] Цит. по: Андроников И. Указ. соч. – С. 490.
[5] * Между прочим, Павел, как и Петр Бестужев, который также находился на Кавказе, можно сказать, «были на полном иждивении» своего брата Александра (Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых, т. III, СПб., 1892. – С. 166.

---

[1] РВ, 1870, т. 88, № 7. – С. 47.
[2] РВ, 1861, т. 32, № 4. – С. 465.
[3] РВ, 1870, т. 88, VII. – С. 65–66.
[4] ОЗ, 1860, т. 131, № 7. – С. 63.
[5] РС, 1886, т. 51, № 9. – С. 702.

ского ученого комитета[1]. Он был сподвижником выдающихся русских флотоводцев М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, П. С. Нахимова.

Арестованный по делу декабристов капитан-лейтенант Балтийского флота Романов 26 февраля 1826 года был доставлен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Как выяснилось, оп был связан с виднейшими деятелями декабристского движения К. Ф. Рылеевым и П. А. Бестужевым[2]. По окончании следствия Николай I приказал: «Продержав еще три месяца в крепости, отправить на службу в Черноморский флот и ежемесячно доносить о поведении»[3]. Эти донесения были прекращены в 1828 году «во уважение отличного мужества сего офицера в сражении противу турок и черкес»[4].

Будучи прекрасным исследователем-географом, В. П. Романов свое черноморское изгнание хорошо использовал на пользу науки[5]. Уже летом 1827 года, во время крейсерства на шлюпе «Диана» у берегов Абхазии, Романов выполнил весьма интересные географические изыскания, результаты которых в 1829 году под названием «Замечания о рейде при Сухум-Кале лейтенанта Романова» были опубликованы на страницах третьей части «Записок Ученого комитета Морского штаба» (с. 165–173)[6*]. Материал был доставлен редакции главным командиром Черноморского флота Самуилом Грейгом. Важность этого материала была такова, что по представлению того же Грейга, Романов, кроме того, был произведен в капитан-лейтенанты, награжден орденом св. Анны 2-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость», а также освобожден от гласного надзора своего начальства.

---

[1] Подробнее см.: Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 388–389; Русский биографический словарь. Пг., 1918. – С. 26–28; Пасецкий В. М Географические исследования декабристов. М., 1977.

[2] ЦГАВМФ. ф. 205, оп. I, д. 300, л.л. 12–13 об; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 165–166.

[3] ЦГАВМФ, ф. 205, оп. I, д. 300, л.л. 12–13 об.

[4] ЦГАВМФ, ф. 19, оп. I, д. 100, л. 7.

[5] Подробнее см.: Пасецкий В. М. Указ. соч.

[6] * Между прочим, изучением Черного моря занимались и другие декабристы, а иные из них серьезно интересовались этой проблемой (А. А. Бестужев-Марлинский и т. д.). Например, Н. А. Чижов оставил яркий рассказ об Одессе в своем очерке «Одесский сад (Отрывок из воспоминаний о Черном море)» («Сын Отечества», 1923, ч. 84, № XII. – С. 213–214). Его внимание привлекли благодатный климат и щедрая растительность Черноморья.

Теперь по существу указанных «Замечаний». Прежде всего их автор промерил и картировал Сухумский залив. «Рейд при Сухум-Кале, – писал он, – закрыт от северных, восточных и юго-восточных ветров. Глубина самая лучшая для якорного стояния от 30 до 15 сажень, где грунт ил, а в некоторых местах и на десяти саженях тот же грунт. Идучи с моря днем, самый лучший показатель якорного места – восточные ворота крепости, и коль скоро они откроются, глубины оказываются 50, 45 и 30, а ближе к берегу 25, 8 и 10 сажень. Берег низменный, покрытый голышом и частию песчаный, на расстоянии сажень 50 от воды, а потом начинается лес, в котором дубы, клены, липы, орешник, кизил, ольха, лавры, яблони, инжиры, сливники, шиповники, орешник, вязы, карагачи; грушевые, каштановые деревья, виноград и барбарис. Потом начинаются пригорки и чем далее, тем становится выше и выше, и наконец достигают хребта Кавказских гор, покрытого вечным снегом».

Далее Романов отмечает, что ширина Сухумского залива между мысами Сухумским и р. Кодора или до реки этого имени около 25 верст. Вблизи Сухумской крепости в море впадает речка Басла, ширина которой в низовье составляет около 30 м. Из нее суда запасались питьевой водой, «которая довольно вкусна». Романов исследовал также реку Келасури. Она была стремительна в своем течении, а вода холодной, изумительно чистой и вкусной. Затем были обследованы четыре небольшие речки, в которых водились «раки и мелкая рыба». Более обстоятельно была осмотрена река Кодор, впадавшая в море двумя рукавами. Рыбы в ней чрезвычайно много, попадаются осетры, белуга и другие».

Романов не ограничился промером Сухумского рейда и описанием речек и сухумских лесов. В его замечаниях также много сведений, полезных для командиров и офицеров, плавающих в восточной части Черного моря. Декабрист писал: «Дабы найти Сухумский рейд, идучи от W или от Севастополя, должно примечать следующее: во-первых, приближаясь около 40 миль, можно усмотреть мыс Адлер, который имеет вид нашего Крымского мыса Аюдага или Аюди, и совершенно таким же образом отделяется от материкового берега, а гора Адлер имеет некоторое подобие с Чатырдагом и открывается с моря в ясную погоду за 60 миль. Потом, когда, пройдя мыс, увидишь белое место, на невысоком береге, называемом Пи-

цунда, должно продолжать курс не слишком в дальнем расстоянии от берега и не далее 10 миль; подходя к Сухуму, можно видеть гору, подобную чалме, находящуюся над Сууксами (Соук-сами. – Г. Д.), вид ее весьма черный и отличный от прочих гор; она названа Цифербеева (Сафарбеева. – Г. Д.) шапка».

По словам Романова, далее перед мореплавателем должны были открыться две «призматические», стоящие одна подле другой горы. Западную из них следовало запеленговать и по румбу, близкому к северу, продолжать путь, который и приведет к Сухумской крепости. Далее автор подробно рассматривает особенности рельефа южного створа Сухумского залива, давая при этом наставление мореплавателям для входа на его рейд при следовании от Редут-Кале или потийских берегов.

В. П. Романов отмечал наличие течения, идущего вдоль берега от востока к западу, которое рекомендовал непременно учитывать мореплавателям, поскольку его силой корабль мог быть снесен за ночь на 20 миль и более.

Значительное место в очерке о Сухумском заливе отводится характеристике климатических особенностей местности. «В Сухуме, – писал Романов, – при захождении солнца ветер с моря затихает и начинает дуть с берега, продолжается во всю ночь постоянно, летом до восьми часов утра, а зимою до полудни. Когда в море шторм и буря свирепствует во всей силе, тогда на Сухумском рейде тихо, ветер дует с берега, и ходит только одна зыбь, а волнения не бывает».

Самым опасным для судов, стоящих в Сухумском заливе, считался северо-восточный ветер, который дует «из ущелья прямо с гор и находит всегда шквалами». Его порывы достигают большой силы и срывают корабли с якорей, поэтому суда при наступлении северо-восточной бури крепятся к берегу.

Находясь в Сухумском заливе, Романов установил склонение компаса. Его определения географических пунктов были основаны на многократных астрономических наблюдениях.

Кроме того, летом же 1827 года он исследовал Редут-Кале (Кулеви), расположенный при устье реки Хоби, на расстоянии 123 верст от Кутаиса и 12 верст Рионской пристани. Были измерены глубины рейда, определен грунт моря, запеленгованы горы Малый и Большой Олень, Потийский мыс и другие приметные места, зарисованы

виды берегов, изучены климатические особенности района, при этом собраны сведения о том, что в Редут-Кале и Анапе в августе и сентябре «случаются тайфуны, но весьма малые».

Как видно, В. П. Романовым была выполнена съемка значительного отрезка Черноморского побережья Кавказа и сделаны зарисовки приметных мест. Составленные им карты, по оценке В. М. Пасецкого, имели важное значение для Черноморского флота и были немедленно опубликованы. Флот нуждался и в его гидрографических замечаниях, поэтому они увидели свет в рекордно короткий по тем временам срок, несмотря на то что их автор имел «прикосновение к делу 14 декабря»[1].

Для нас особый интерес представляет и тот факт, что Романов во время своих исследовательских работ у кавказских берегов составил **словарь абхазского и черкесских «наречий», который командованием Черноморского флота был переслан в Петербургскую академию наук**[2].

В. П. Романов поддерживал связи с отдельными сосланными на Кавказ декабристами. Об этом свидетельствует письмо его друга А. А. Бестужева-Марлинского к нему от 10 декабря 1834 года из Ставрополя. В нем говорится: «Много времени утекло с тех пор, что мы свиделись в последний раз, любезный Владимир Павлович, много перемен легло между нами – до того много, что я не написал бы Вам строчки, если б добрый Альбрандт не заверил, что Вы не боитесь любить меня – это платить отрадою за грусть стольких разочарований. Помните ли Вы 22-й год и Кронштадт? Мы были оба так связаны телом и душой тогда!.. Я столько наслышан о домашнем Вашем счастье, что позавидовал бы Вам, или бы думал завидовать. Счастливый супруг и отец семейства, Вы наслаждаетесь тем, что я не смог даже делать!! О, да будет вечно это счастье Вам вечно! Сердцем Вам преданный Александр Бестужев.

P. S. Братья Николай и Михаил в Сибири на заводе Демидовых. Петр потерял ум, Павел здоров. Оба поселились в деревне у матушки[3].

В. П. Романов еще в течение многих лет был связан с Черным морем. Ему удалось увидеть Босфор и Дарданеллы и путешество-

[1] Пасецкий В.М. Указ.соч. – С. 97.
[2] Там же. – С. 87-98.
[3] ЦГИА СССР, ф. 1120, Соловьева, оп. 1, д. 160, лл.1-2.

вать по древней земле Греции. Во время Крымской войны он одним из последних покинул редуты осажденного Севастополя. Будучи контуженным, Романов продолжал командовать судном и под ураганным огнем противника вывозить последних защитников города.

Вскоре после этих событий, в 1857 году, Романов по поручению «Русского общества пароходства и торговли» (РОП и Т) исследовал Днестр и составил его карту[1].

О творческой натуре В. П. Романова свидетельствует и тот факт, что он собирал материалы для написания истории русского флота. Кроме того, Романов, начиная с 1817 года, будучи молодым мичманом, сотрудничал в ряде издательств и являлся членом нескольких обществ («Вольного экономического общества» и др.)[2].

В 1861 году Романов был уволен от службы. В последние годы жизни он являлся мировым посредником по Александрийскому уезду Херсонской губернии. Здесь 11 октября 1864 года и умер декабрист. В газетах («Одесский вестник», «Русский инвалид» и др.) был напечатан некролог В. П. Романова, в котором отмечены его большие заслуги перед наукой и морским флотом России.

Почти одновременно с П. А. Бестужевым в Абхазии были также декабристы А. А. Фок и С. И. Кривцов, а в 1832 году их посетил в Бамборе А. С. Гангеблов. *Александр Александрович Фок (ум. в 1854 г.)* – из дворян Петербургской губернии, в молодости жил в доме знаменитого русского поэта Г. Р. Державина, который приходился ему родственником[3]. В момент восстания декабристов он служил в лейб-гвардии Измайловского полка в чине подпоручика. В 1826 году по приговору Верховного уголовного суда А. А. Фок был разжалован в солдаты и послан в Отдельный Сибирский полк. Указом Николая I он в том же году переводится в действующую армию на Кавказ, «дабы мог загладить свою вину»[4]. В 1827 году его зачисляют в 41-й егерский полк, который отличался наличием в его рядах многочисленных декабристов и опальных людей (А. А. Бестужев-Марлинский, В. С. Толстой, А. К. Брестель, С. А. Путята и др.). В составе последнего А. А. Фок принимал участие в русско-иранской и

[1] Пасецкий В.М. Указ. соч. – С. 97.

[2] Кронштадский вестник. 1864, 15 марта, №32.

[3] Грот Я. Жизнь Державина. – Сочинения Державина, т.8. СПб., 1880. – С. 597.

[4] Восстание декабристов. материалы, т. VIII. – С. 194.

русско-турецкой войнах 1826–1829 годов и трижды был ранен под Ахалцыхом. Он был награжден серебряным Георгиевским крестом. С начала 1830 года Фок состоял в 44-м егерском полку с местопребыванием в Бамборе и Редут-Кале[1].

Вскоре А. А. Фок проходит по политическому процессу 1831 года в Кутаисе, а вместе с ним – декабристы А. А. Броке, Е. С. Мусин-Пушкин, Н. П. Акулов и польский революционер С. С. Карвицкий[2]. Помимо названных лиц, к следствию был привлечен и штабс-капитан Кавказского саперного батальона И. Д. Бартенев. Он давно был у властей «на замечании» как политически неблагонадежный человек. Бартенев, как видно, пользовался среди ссыльных декабристов большой симпатией и уважением, а впоследствии дружил с Белинским, Герценом, Огаревым и сотрудничал в «Современнике». В рассматриваемое время он служил в Кутаисе, откуда посылал в «Тифлисские ведомости» свои интересные статьи[3]. Все они обвинялись в том, что, тайно встречаясь с 1830 года, распространяли «мысли вольные и буйные, одобряют и выхваливают дух буйный некоторых европейских держав, желая видеть отечество свое жертвою внутренних раздоров под предлогом избавить себя и соотечественников своих из-под ига самодержавия»[4].

Управляющий Имеретией генерал-майор К. Ф. Гессе, резиденция которого находилась в Кутаисе, 10 января 1831 года об этом рапортовал графу Паскевичу, а тот, в свою очередь, шефу жандармов графу Бенкендорду[5]. Командиру 44-го егерского полка было приказано, чтобы он усилил секретный надзор «за всеми поступившими в сей полк лицами, принадлежавшими к тайным обществам»[6]. Командиру Мингрельского пехотного полка полковнику Жихареву

[1] Там же. – С. 410; Гангеблов А. С. Воспоминания. М., 1988, с. 197; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Фок А. А.; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1826 г., д. 61 ч. 130, л.л. 3–3 об.

[2] Подробнее об этом см.: ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л.л. 1–24; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1831 г., д. 90, л.л. 1–33 об.

[3] Шадури В. Покровитель ссыльных.., – С. 49–51; Нерсисян М. Из истории русско-армянских отношений. Ереван, П, 1961 – С. 257–259.

[4] ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л. 17 об.

[5] ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1831 г., д. 90, л. I; Нерсисян М. Указ. соч. – С. 258.

[6] Там же, л. 19; Нерсисян М. Указ. соч. – С. 259.

был объявлен строгий письменный выговор за покровительство, оказанное служившим в этом полку Броке и Мусину-Пушкину – «не выслал их в действующий отряд»[1].

В 1832 году в Бамборском укреплении А. А. Фока посещает его товарищ по Измайловскому полку декабрист А. С. Гангеблов. Последний застал Фока «выздоравливающим от горячки (малярии. – Г. Д.), с обритой головой и все еще с рукой на подвязке от ахалцихской раны»[2]. А болели малярией тогда здесь буквально все. По данным, например, 1838 года в Бамборском укреплении «средним числом» от малярии умирало ежегодно 111 человек[3]. Но эта местность, как писал посетивший ее в 1833 году швейцарский ученый Ф. Дюбуа де Монперэ, была «необыкновенной красоты и своим великолепием может поспорить с самыми прекрасными пейзажами Швейцарии»[4]. В Бамборе Гангеблов близко познакомился и с декабристом С. И. Кривцовым.

В январе 1833 года А. А. Фок был произведен в прапорщики и определен в Оренбургский линейный 10-й батальон. В 1835 году он был уволен со службы из-за ран с установлением за ним секретного надзора и запрещением ему въезда в столицы империи. Умер А. А. Фок в 1854 году[5].

Теперь об *Александре Семеновиче Гангеблове* (1801–1890). Он происходил из старинного грузинского дворянского рода. Его дед Г. Х. Гангеблов (Гангеблидзе) выехал в Россию вместе с царем Вахтангом VI, служил в русской армии и погиб во время Семилетней войны. Отец Александра С. Г. Гангеблов тоже служил в русской армии, участвовал в войне против Наполеона I и был ранен под Бауценом[6]. Между прочим, портрет генерал-майора С. Г. Гангеблова работы Доу находится в Военной галерее Эрмитажа.

Сам А. С. Гангеблов (Гангеблидзе) воспитывался в Пажеском корпусе, а затем служил в лейб-гвардии Измайловского полка. Как отмечает акад. М. В. Нечкина, поручик Гангеблов стал членом Северного общества лишь в год восстания; он полагал целью общества – введение в России республиканского правления, что может свидетельствовать о его контакте с группой Южного общества, организованного в Петербурге Пестелем и после распущенного самими декабристами. «Он был, таким образом, левее северян и не скрывал этого факта на допросах»[1].

[1] ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л.л. 42–43.

[2] Гангеблов А.С. Указ.соч. – С. 223.

[3] Раевский Н.Н. Обозрение Восточного берега Черного моря. – Архив Раевских, т. III. – С. 57.

[4] Дюбуа де Монперэ Ф. Указ.соч. – С. 115.

[5] ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., 1 экспед., 1826 г., д. 61, ч. 130, лл.1, 3 об. – 4.

[6] См.: Гангеблов А.С. Указ.соч. – С. 224, 232, 233; ЦГИАГ, ф. 1087, оп.1, д. 645.

После восстания декабристов Гангеблов, 7 июля 1826 года, «высочайшим» приказом был «выписан» из названного полка «за прикосновение к злоумышленным обществам» и по «выдержании» в Петропавловской крепости в течение четырех месяцев «переведен» на Кавказ, во Владикавказский гарнизонный полк, с «ежемесячным донесением о поведении», откуда вскоре «прикомандирован» к одному из «действующих полков» Отдельного Кавказского корпуса «для употреблений против персиян». Таковым был признан Кабардинский пехотный полк[2].

Гангеблов, которому вменялась в вину связь со «злоумышленными обществами», причину, побудившую вступить его на этот путь, объяснял «неограниченной властью помещиков» и «одно из главнейших следствий» этого – «бедственное состояние многочисленнейшего класса»[3].

Уже в ноябре 1827 года граф Паскевич в рапорте на имя императора отмечал Гангеблова в числе лиц (Бурцова, Миклашевского и др.), которые «в делах против неприятеля оказали себя неустрашимыми»[4]. В 1828 году Гангеблов был направлен в Эриванское областное управление.

А. С. Гангеблов принимал участие и в русско-турецкой войне 1828–1829 годов и отличился в сражениях, особенно во время штурма Ахалциха. Трудно переоценить его роль в деле знакомства грузинской передовой интеллигенции с идеями декабристов. Гангеблов, в частности, был одним из первых, кто способствовал распространению в Закавказском крае бессмертной комедии

А. С. Грибоедова «Горе от ума»[5].

[1] См. предисловие акад. Н.В. Нечкиной к т. XVIII, «Восстание декабристов. Документы». М., 1984. – С. 13. материалы А.С. гангеблове см. на с. 13-34.

[2] ЦГИАГ, ф. 84, д.145, л.2; ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), оп.1, д.77, л.73.

[3] Цит. по: Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов СПБ., 1909. – С. 107.

[4] ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), д. 77, л.230.

[5] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 302-303; ИРК, ф. Е.Г. Вейденбаума, картотека – Гангеблов А.С.

В связи с плохим состоянием здоровья и после намека графа И. Ф. Паскевича, заявившего, что бывшим декабристам никогда не выслужиться и лучше выходить в отставку, А. С. Гангеблов сделал это в 1832 году. Ему было разрешено жить, тоже без права въезда в столицы, в Екатеринославской губернии с установлением «тайного надзора»[1]. Гангеблову было предложено два пути: на Владикавказ и через море на Крым. Он избрал последний, хотя и менее удобный, но для того только, чтобы повидаться с А. А. Фоком в Абхазии. Добрался Гангеблов сперва до Редут-Кале, откуда на шхуне «Вестник» попал в Гудауту, а уж оттуда верхом на лошади отправился в Бамбору. Провел он здесь трое суток.

Друзья беседовали «без устали, тем более, что уже, конечно, не надеялись когда-либо встретиться». А. А. Фок и С. И. Кривцов «с отменною благодарностью» отзывались о своем начальнике, командующем войсками в Абхазии полковнике А. Г. Пацовском, «о внимании и предупредительности» его к ним. Так относился Пацовский и к другим опальным лицам, каких у него в войсках было немало.

Перу А. С. Гангеблова принадлежат весьма содержательные, написанные прекрасным литературным языком «Воспоминания декабриста», опубликованные в 6-м номере «Русского архива» за 1886 год и вышедшие отдельной книгой в Москве в 1888 и 1906 годах. Из этого сочинения нами и почерпнуты сведения о пребывании А. А. Фока и его в Абхазии.

Одним из самых «беспокойных государственных преступников» был лейтенант Гвардейского морского экипажа граф *Епафродит Степанович Мусин-Пушкин (1791–1831)*. По решению Верховного уголовного суда он был присужден к лишению чинов и списанию в рядовые до выслуги, с определением в дальние гарнизоны. Мусин-Пушкин сперва находился в Звенигородском гарнизонном полку, а 26 августа 1826 года был определен на Кавказ с установлением надзора, «дабы мог загладить свою вину»[2]. Перед переводом

[1] ЦГАОР СССР, ф. 109, от III, 1 экспед., 1826 г., д.61, ч. 142, лл.2-2 лб., 13 и др.; Ветринский Ч. Гангеблов А.С. – РБС, 4, 1914, М. – С. 208.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., 1 экспед., 1826 г., д. 61, ч. 129, л.1; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 133, 134, 360; Движение декабристов. Именной указатель…, вып.2. – С. 471.

в полки Кавказского корпуса он успел заехать в свое имение и объявить крестьянам, что отпускает их на волю[1].

Во время русско-иранской войны 1826–1828 годов Е. С. Мусин-Пушкин проявил исключительную храбрость и героизм, но был произведен лишь в унтер-офицеры. В ноябре 1828 года Николаем I было приказано доклады «о поведении капитана графа Мусина-Пушкина прекратить, продолжая однако ж тайный и бдительный надзор за его поведением и при первом случае отступления его от порядка, или когда что в поведении его замечено будет, доносить непременно и немедленно...»[2].

После указанной войны Е. С. Мусин-Пушкин жил в Тифлисе, где принимал участие в сходках декабристов[3]. Числился же он в 42-м егерском полку под начальством декабриста А. М. Миклашевского. Зимой 1829–1830 годов Мусин-Пушкин, незадолго до этого переведенный в Мингрельский пехотный полк, «незаконно» проживал в Тифлисе. В 1831 году он проходит по уже известному нам Кутаисскому политическому процессу. Как сообщал доносчик подпоручик Рельи, сидевший в Кутаисской тюрьме за вызов на дуэль поручика Броке, Мусин-Пушкин являлся связующим между декабристами, служившими в разных полках и находившимися в «подозрительном общении». Следствием было установлено, что Мусин-Пушкин из Кутаиса, где он проживал, дважды ездил к С. С. Карвицкому в Редут-Кале. Е. С. Мусин-Пушкин погиб 14 июля 1831 года[4].

Лейтенант *Николай Павлович Акулов (Окулов) (р. ок. 1800 г.)* – сын пошехонского помещика Ярославской губернии – был членом Северного общества декабристов. По приговору Верховного уголовного суда он лишен чинов и написан в рядовые до выслуги, с определением в дальние гарнизоны. Затем, указом Николая I от 22 августа 1826 года было «повелено перевесть» его в полевые полки Отдельного Кавказского корпуса, «дабы мог загладить вину свою». На Кавказ прибыл Акулов из одного из сибирских гарнизонов в январе 1827 года, одновременно с А. А. Фоком, П. П. Коновницыным, Н. Р. Цебриковым и другими декабристами, и определен в 21-ю пехотную дивизию.

[1] Восстание декабристов. Материалы, т. XV, М., 1979. – С. 9.

[2] ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), оп. 1, д.77, л.116.

[3] См.: Гангеблов А.С. Указ. соч. – С. 202-203.

[4] Шадури В. Декабристская литература. – С. 210-211.

Во время русско-иранской войны 1826–1828 годов он в составе Кабардинского егерского полка, куда попал из 42-го егерского полка, участвовал в военных операциях на Черноморье, в том числе в Абхазии. По сообщению Рельи, Акулов «секретно проживал» у Е. С. Мусина-Пушкина в Кутаисе. После Кутаисского процесса 1831 года он снова в экспедициях против горцев[1].

22 февраля 1836 года ссыльный декабрист А. А. Бестужев-Марлинский из станицы Ивановской писал своим братьям Николаю и Михаилу Бестужевым в Петровск: «...Если вы помните моряка Акулова, так он в здешнем отряде, я видел его во время экспедиции: здоров, но все еще не более как унтер-офицер. Скромный и достойный малый, мы нередко про вас с ним вспоминали»[2]. А со своим старым товарищем Петром Бестужевым Акулов во время кавказской ссылки находился в особенно близких отношениях[3].

В 1836 году П. П. Акулов был произведен в прапорщики с переводом в 9-й Черноморский линейный батальон, а в 1838 году уволен со службы из-за болезни. Последние годы жизни он провел на родине в с. Владычине Пошехонского уезда Ярославской губернии[4].

Алексей Александрович Броке (1802–1871) из дворян Петербургской губернии. Он был арестован 28 мая 1826 года и из лейб-гвардии Московского полка, где служил в чине поручика, «переведен» тем же чином на Кавказ в Мингрельский пехотный полк с указанием «ежемесячно доносить о поведении». Начальник главного штаба 3 июня того же года писал главнокомандующему на Кавказе генералу А. П. Ермолову: «Перевод его последовал по прикосновенности к делу о злоумышленном обществе 14 декабря 1825 года. Государю угодно, чтоб поручика Броке, как наиболее участвовавшего в возмущении и содействовавшего к тому собственным своим поступком, иметь под особенным строжайшим наблюдением»[5]. То есть, «сверх донесения о поведении» Броке предписывалось держать его «под особенным строжайшим наблюдением»[6].

[1] ЦГВИА, ф. 36, оп. 0/852, св.60, д.22, лл.5-7% Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 22, 268; ИРЛИ, ф. 604, д. 3(5572), л. 25 об.

[2] РВ, 1870, т.88, VII. – С. 66.

[3] Воспоминания Бестужевых.., – С. 370.

[4] Зиссерман А.Л. история Кабардинского полка, П. СПб., 1881. – С. 50; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., 1 экспед., 1826 г., д.61, ч. 130, лл. 1-7.

[5] Цит. по: РС, 1892, т.76, №11. – С.445.

[6] ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), оп. 1. д.77, л.23.

В рядах Мингрельского полка А. А. Броке участвовал в осаде и освобождении 15 июля 1829 года крепости Поти от турецких войск, а при атаке цихисдзирских позиций 17 сентября того же года ранен в грудь. За «отменные подвиги на Кавказе» он был награжден орденом св. Анны 3-й и 4-й степеней. В 1831 году Броке, как видели, проходил по Кутаисскому политическому процессу.

В 1833 году он, по ходатайству барона Розена, получил право ухода в отставку и поселился в своем имении, в Новоладожском уезде Петербургской губернии, но с запрещением выезда в столицы империи и учреждением за ним надзора, что было снято лишь в 1839 году[1].

Между прочим, в Западной Грузии, в районе Мегрельского княжества, в 1835 году появляются еще два опальных лица – Михаил Критский и Николай Попов. Это были члены тайного революционного кружка студентов Московского университета («Критских кружок»), сложившегося в 1826–1827 годах под непосредственным впечатлением от расправы над декабристами[2*]. Они были «переведены» сюда рядовыми солдатами после заключения их в крепости и казематах. В 1836 году М. Критский был убит в бою, а судьба Н. Попова остается пока неизвестной. Их единомышленник Д. Тюрин после трехлетнего пребывания в тюрьме также был отправлен в действующие войска – Отдельный кавказский корпус[3].

[1] РС, 1892, т. 76, XI. – С. 440, 445–446; Стефанов Т. Т. Указ. соч. – С. 90, 98, 102, приложения. – С. 37, 59; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII –С. 42–43, 288; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., д. 64 ч. 146, л.л. 1, 34, 45.

[2] *Члены кружка (братья Петр – основатель, Михаил и Василий Критские, Николай Лушников (готовился вступить в университет) и Даниил Тюрин – чиновник) считали себя продолжателями дела декабристов и намеревались создать большую тайную политическую организацию в целях введения конституции в России; обсуждали возможность цареубийства и обращения к народу с прокламацией, пытались вести революционную пропаганду среди солдат, чиновников и студентов Московского университета. Кстати, с будущими участниками кружков Критских и Сунгурова общался замечательный поэт-мученик А. И. Полежаев, обличитель самовластья в «жестокий век» николаевской реакции.

[3] Насонкин Л. И. К вопросу о революционном движении студентов Московского университета (Кружок студентов Критских, 1827 г.).– «Вестник Московского университета», 1953, № 4; Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в., М., 1958; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. М., 1967. – С. 318–320.

Сергей Иванович Кривцов (1802 –1864) – сын помещика Волховского уезда Орловской губернии; первоначально воспитывался в московском университетском благородном пансионе, а пятнадцати лет был отправлен учиться на казенный счет в первоклассное, по тому времени, европейское учебное заведение – педагогический институт Фелленберга в Швейцарии, где в числе его преподавателей был знаменитый педагог-демократ Иоганн Генрих Пестолоцци[1]. В 1818–1820 годах был чиновником русского дипломатического корпуса в Лондоне[2]. По возвращении из Европы, служа в лейб-гвардии конной артиллерии, Кривцов вступил в тайное «Северное общество» декабристов. Это было в 1823 году. Затем, в 1824 году, он был принят в члены «Южного общества»[3] Пестелем, приехавшим в Петербург для переговоров с главарями «Северного общества». Кривцов «желал представительного правления, а между разговорами слышал о намерении ввести республиканское правление и об удобности истребить императорскую фамилию на придворном бале»[4].

В июле 1826 года С. И. Кривцов «за прикосновение к тайному обществу» приговором Верховного суда был приговорен к VII разряду, осужден в каторжную работу на 4 года, а потом – на поселение (срок каторги был сокращен до одного года). Из Петропавловской крепости в Сибирь на поселение был отправлен в феврале 1827 года[5].

После нескольких лет пребывания в Читинском остроге и в ссылке в Туруханске и Минусинске по ходатайству матери в декабре 1831 года Кривцов был определен рядовым в действующие войска Отдельного Кавказского корпуса, в 44-й Егерский полк[6].

Вначале С. И. Кривцов прибыл в Тифлис, а оттуда – в Редут-Кале, где застрял на два месяца: море было бурное, суда не ходили; он

[1] Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья, М., 1914; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 334.

Между прочим, В. К. Кюхельбеккер дразнил Кривцова, который превосходно пел, что «Песталоцци хорошо научил его петь русские песни» (Головачев М. А. Декабристы. 86 портретов... М., 1906, с. 114)

[2] Краткий указатель архивных фондов отдела рукописей ГБЛ. М., 1948. – С. 105.

[3] Декабристы. Сборник материалов. Л., 1926. – С. 50.

[4] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 102.

[5] ЦГАОР СССР, ф. 109 са, оп. I, 1826 г., д. 61, ч. 96, л.л. 34–34 об. (Докладная записка С. И. Кривцова от 26 марта 1845 г.); Головачев М. П. Указ. соч. – С. 255.

[6] ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. I, д. 8, л. 60, 64; д. 9. л.л. 37–38.

сильно скучал в «грязном местечке»; просил отправить его сухим путем, но в этом ему отказали, «так как дорога была неспокойна». Добравшись наконец до Гагры, где стоял его батальон, Кривцов заболел воспалением легких и пролежал месяц. Для поправки его перевели в полковую штаб-квартиру в Бамбору.

Во времена ссыльных декабристов Бамборское укрепление, расположенное недалеко от моря, на возвышенности, господствовавшей над долиной речки Пщандра, представляло собой огромный параллелограмм, огражденный земельным валом с батареями. Разбитое на несколько кварталов, оно было обстроено небольшими домами, казармами и госпиталями. В 1833 году в крепости, кстати сооруженной из земли и глины, находилось от 500 до 600 солдат с 12 пушками[1]. Возле крепости был небольшой базар (имелись лавки). Здесь жили некоторые приезжие купцы и «промышленники». Сюда приходили жители Абхазии для обмена «своих изделий и получения всего им нужного»[2]. Таким образом Бамбора становится и центром торговли северо-западной (Бзыбской) части Абхазии. Между прочим, недалеко от этой местности, на р. Хипста (белая), где в изобилии рос прекрасный лес, силами солдат бамборского укрепления был построен лесопильный «завод», который снабжал строительным материалом воинские части. Для последних здесь заготавливался и кирпич. Лесопилка вместе с тем явилась и «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими коллегами»[3].

Но славилась Бамбора и своим «малярийным духом». В укреплении, в этом, как писал Дюбуа, «месте ссылки», ежегодно умирало от малярии более 100 человек. Не случайно, разумеется, оно было избрано одним из основных пунктов ссылки декабристов и их единомышленников. В августе 1832 года, и С. И. Кривцов заболел этой болезнью, которая впоследствии не раз к нему возвращалась. Два года он провел в бездействии, живя то в Бамборе, то в Сухуме. В Бамборе Кривцов обзавелся собственным домиком в две комнаты с кухней и террасой. Вскоре к нему приехал крепостной человек,

[1] Дюбуа де МонперэФ. Указ. соч. – С. 114.

[2] Воронцовский «Перипл» Чорного моря. (Рапорт М. С. Воронцова Николаю I от 26 августа 1836 г.).– РА, 1894, № 6. – С. 226–227.

[3] Торнау Ф. Ф. Указ. соч. – С. 36.

присланный родными для услуг. Это была первая живая весть от них со времени разлуки.

Летом 1833 года Кривцов из Моздока получил письмо от своего друга – ссыльного декабриста З. Г. Чернышева. В том же году он встретился с французским ученым-исследователем Кавказа Фредериком Дюбуа де Монперэ. Путешествуя по Черноморскому побережью, Дюбуа в июне 1833 года посетил Бамбору. В качестве переводчика к нему был приставлен С. И. Кривцов, имя которого ученый в своей книге «Путешествие вокруг Кавказа», изданной в Париже в 1839 году, обозначил инициалами «М. К.». Некоторые авторы полагают, что Дюбуа, желая скрыть имя русского декабриста, сознательно исказил его инициалы[1], а другие не исключают допущения здесь обычной опечатки[2]. Однако эту «загадку», как нам кажется, убедительно раскрыла переводчица первого тома названной книги на русский язык, изданного в Сухуми в 1937 году, Н. А. Данкевич-Пущина. Она полагает, что «М» есть первая буква французского слова «monseieur», а «К» – начальная буква фамилии Кривцова. Это обычная форма вежливости во французском языке. В письменной передаче данное слово, когда говорят о третьем лице, сокращается в «М» или «М»[3].

Что же сообщает Дюбуа о С. И. Кривцове? «Из Соук-су» (Лыхны. – Г. Д.) мы отправились за шесть верст дальше прямой дороги, не заходя в Бамбор, для того, чтобы посетить лесопильню на реке Хипсте. Полковник (А. Г. Пацовский) был так любезен, что направил М. К., рядового солдата Абхазского полка, сопровождать меня и служить мне переводчиком. Во время этой прогулки вместе с М. К. по восхитительному лабиринту волшебного пейзажа, – пишет он, – я имел удовольствие ближе познакомиться с этим замечательным человеком и поговорить о Швейцарии и общих друзьях. Превратности судьбы сильно изменяют человека... Те, кто знал М. К. в Петербурге, сильно изумились бы той перемене, какая произошла в нем с тех пор.

[1] См.: Польская Е. Загадка «М. К.». – «Советская Абхазия», 27 декабря 1960 г.; Ее же. Загадочные инициалы.– «Советская Кубань», 24 сентября 1965 г.

[2] Веленгурин Н. Дорога к лукоморью. Краснодар, 1976. – С. 16.

[3] Данкевич-Пущина Н. А. Еще о загадке «М. К.» – «Советская Абхазия », 8 января 1961 г.

Во всем есть своя хорошая сторона, – говорил он мне, – из petit meitre'a, каким меня знал Петербург, я обратился в философа. Когда я служил в гвардии, я стремился, снедаемый честолюбием, только к почестям, я знал жизнь только со стороны ее интриг, светских развлечений и надменного довольства, свойственного привилегированным классам. Я видел в себе и других только эполеты и мундир...

Внезапно из человека, все достоинство которого заключалось в его блестящем мундире, я обратился в человека, ценного только как личность. Мое я и мое сердце – вот все, чем я обладал. Вычеркнутый из жизни, обреченный на гражданскую смерть, лишенный чести и всякой надежды, я был низвергнут осуждением, когда-то светлый ангел, в бездну мрака, вместе со всеми другими, мятежными ангелами, и сослан в близкие с полюсом края, – какие ужасные воспоминания! И вместе с тем это великий прекрасный урок, на который обрекла меня судьба. Заглянув в самого себя, я ужаснулся своей внутренней пустоте. Мне казалось, что, отняв у меня мундир, у меня отняли все...

Мне захотелось быть человеком; они могли закрыть мне двери ко всякому общественному положению, но они не могли мне запретить стать человеком. Я старался быть им в окружающем меня мире, насколько позволяли его пределы... Свою душу стремился я украсить свойствами, действительно полезными, научась оценивать все явления по их истинной стоимости... Государю угодно было вернуть меня из ссылки и отправить в Абхазию; я – рядовой, я то, что представляют из себя многие другие честные лица braves. Поверьте мне, что, хотя это положение простого солдата для меня самое тяжкое из всех, которое они могли только мне предложить, я принял известие о своем разжаловании со слезами радости, так как это роднило меня с другими сынами России».

Далее Дюбуа замечает: «Не думайте, что я измышляю эту повесть... Это истинные слова М. К., и нет необходимости прибегать к измышлению, чтобы вызвать интерес к подобному человеку».

Автор так описывает внешность С. И. Кривцова: «Высокий рост, черные глаза, открытое выражение лица составляли контраст с его болезненным, страдальческим видом. Он так же, как и другие, отдал дань климату и перенес несколько возвратов перемежающейся желчной лихорадки, которая оставила у него осложнения, обычные здесь последствия этих болезней, – несколько раз наша беседа пре-

рывалась из-за его страданий»[1]. В этом рассказе французского ученого видим совпадение описаний биографии и внешнего портрета декабриста. Следует также отметить, что командир полка приставил к путешественнику Кривцова, вероятно, не только потому что тот превосходно владел французским языком, но еще и потому, что хорошо знал местность.

А вот как описывает Дюбуа Бамбору, где Кривцову пришлось жить целых три года. «Это место ссылки так же, как Гагры и Сухум-Кале, но уже второй степени, чистилище, менее суровое. Здесь находишься на краю света, чувствуешь себя отрезанным от всякой цивилизации, но это и все. Местность здесь необыкновенной красоты и своим великолепием может поспорить с самыми прекрасными пейзажами Швейцарии»[2].

С. И. Кривцов с самого начала горевал о том, что определен не в артиллерию, так как этот род службы был ему более всего знаком. И вот в августе 1834 года он, снова по ходатайству матери, был переведен в 20-ую артиллерийскую бригаду, стоявшую в Ставрополе. «Это перемещение ставило его в центре военных действий и открывало ему дорогу к офицерству. «Я не в силах выразить вам, почтеннейшая матушка, – писал он, – те чувства, которые теперь теснятся в груди моей. Безнадежность, покрывшая мою будущность непроницаемым мраком, вдруг исчезла, и в первый раз в течение 9 лет какой-то внутренний голос шепчет мне, что мы увидимся!»[3]

И вскоре Кривцов принимает участие во многих военных экспедициях тех лет. Кавказский военный полицмейстер подполковник корпуса жандармов Казасси 21 сентября 1835 года доносил барону Розену, что он распорядился в отряде «не допускать молодых офицеров... сближаться и иметь какие-либо сношения» с А. А. Бестужевым и С. И. Кривцовым – с «преступниками, одаренными большею частью способностями и талантами»[4]. В это время Кривцов по болезни был в Екатеринодаре, где «пользуется на квартире»[5]. В 1836 году он, по ходатайству же матери, получает отпуск и четыре

[1] Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937. – С. 124–126.
[2] Там же. – С. 115.
[3] Гершензон М. Указ.соч. – С, 256.
[4] АКАК, т. VIII, ч. II. – С. 967, №919.
[5] РС, 1880, т.29. – С, 420.

месяца находится в Волховском уезде Орловской губернии, но, по распоряжению Бенкендорфа, под секретным надзором[1].

Вернувшись на Кавказ, Кривцов сразу же попал в новую экспедицию генерала А. А. Вельяминова. В апреле 1837 года он выступил с отрядом из Ольгинского укрепления. В конце сентября того же года вернулся в названное укрепление. В штабе отряда он встретил молодого М. Ю. Лермонтова. В ноябре 1837 года Кривцов был произведен в офицеры, после чего еще целых полтора года тянул лямку на Кавказе. Летняя экспедиция 1837 года была последней, в которой ему пришлось участвовать. С этого времени он жил «оседло», преимущественно в Ставрополе, где часто встречался с другими ссыльными декабристами[2].

Встречался с ним, как и с другими декабристами (Бестужевым-Марлинским, Толстым, Цебриковым, Голицыным), также и писатель И. Р. Фон-дер-Ховен, который на Кавказе находился в 1835–1836 годах. Вот как он характеризует его: «Высокий ростом, плечистый, с черными кудрявыми волосами, с широким лицом и приплюснутым носом, он представлял собою тип чистой славянской расы. Умный в разговоре, приятный в обществе и храбрый в деле, он невольно обращал на себя внимание своих сослуживцев. В делах я имел случай несколько раз прикрывать егерями его два горные единогора, которыми он командовал «с коим он всегда был впереди...»[3].

Г. И. Филипсон тоже встречался с Кривцовым, и отмечал, что он «порядочно образован, но довольно легкого характера»[4]. В 1837 году Кривцов был произведен в офицеры и на одном балу пустился в пляс. Присутствовавший при этом декабрист В. М. Голицын подошел к нему и, полушутя, шепнул: «Любезный Кривцов, вы роняете ваш сан висельника». Видел Кривцова (в 1838 году) и Н. М. Сатин, который в своих воспоминаниях записал, что он – «добрый, хороший человек, далеко ниже по уму и выше по сердцу своего брата Николая, бывшего воронежского губернатора»[5].

[1] ЦГВИА, ф. 395, канцелярии, стол 2 оп. 273. д. 40, лл. 1-6.
[2] Гершензон М. Указ. соч. – С. 172, 278.
[3] Фон-дер-Ховен И. Мое знакомство с декабристами. – Древняя и новая Россия (СПб), т.1, №2, 1877. – С. 222.
[4] Филипсон Г.И. Указ.соч. – С. 108.
[5] Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895. – С. 249.

С. И. Кривцов известен и как писатель. После разгрома декабристов, заключенный в Петропавловской крепости, он написал много стихотворений. В одном из них имеется такой куплет:

Прости в последний раз, родимая дубрава,
Златая колыбель невинности моей,
Где дружба, где любовь, где милая забава
Мне улыбалися весеннею зарей...[1]

Любовь к книге и к чтению Кривцов сохранил до конца.

С. И. Кривцов был в близких отношениях с Пушкиным, который не забывал его. В 1831 году поэт прислал ему экземпляр «Бориса Годунова», с дружеским, задушевным письмом[2].

В 1839 году С. И. Кривцов вышел в отставку и покинул Кавказ. Но ему воспретили въезд в обе столицы империи и учредили за ним секретный надзор полиции[3]. И только в 1856 году, в день коронации Александра II, состоялось «высочайшее повеление» о снятии с С. И. Кривцова полицейского надзора, о возвращении ему потомственного дворянства и право жить в столицах. Умер он в 1864 году в своем родовом имении Тимофеевском, где и похоронен.

Несомненно, С. И. Кривцов общался с абхазскими офицерами С. Т. Званба и Н. Н. Шакрыл, которые служили тогда на побережье и являлись переводчиками и проводниками при дворе владетеля в Лыхнах. Шакрыл, кроме того, числился в батальоне 44-го Егерского полка, стоявшего в Бамборе (погиб в 1835 году)[4]. Тем более, что Кривцов, по характеристике М. Гершензона, «всюду был любим – и в Сибири, и на Кавказе; он легко сходился с людьми, был добр и верен в дружбе. При ясном, серьезно-настроенном уме была в нем какая-то детская незлобливость...»[5]

В 1835 году в Бамбору прибыл другой «государственный преступник» – *Василий Сергеевич Норов (1793–1853)*. Сын саратовского помещика и губернского предводителя, В. С. Норов – участник

[1] Цит. по: Гершензон М. Указ.соч. – С. 153.
[2] Там же. – С. 265.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 109 са, оп.1, 1826 г., д. 61, ч. 96, лл. 34-35.
[4] Дзидзария Г. А. Биографо-библиографический очерк о С. Т. Званба.– Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982. – С. 46, 67.
[5] Гершензон М. Указ. соч. – С. 290.

Отечественной войны 1812 года (был ранен в ногу под Кульмом), а с 1822 года – подполковник Московского гренадерского полка. За причастность к декабристскому движению (в 1818 году вступил в «Союз Благоденствия») подполковник Норов был приговорен к ссылке на каторжную работу на 15 лет. Как и для других его товарищей, срок наказания Норову сокращался неоднократно. С 1825 по 1835 год он просидел в Петропавловской, Своеаборской и Бобруйской крепостях[1]. Перевод Норова на Кавказ был разрешен по просьбе его матери, на ходатайство которой имеется такая резолюция: «Велено (царем. – Г. Д.): преступника Норова определить рядовым в один из линейных черноморских батальонов, отправив его секретно.., а барону Розену сообщить, чтобы Норов бы зачислен в такой батальон, в котором нет других преступников по одному с ним делу»[2]. Такой воинской частью был признан 6-й Черноморский линейный батальон в Бамборе, куда он 7 апреля 1835 года был «доставлен исправно... и зачислен в списочное состояние» этого батальона[3].

15 апреля 1835 года Норов писал: «И вот теперь я в Кутаисе, сделав более ста верст верхом. Проехал я Сурам и Багдад: остается мне еще 200 верст до Бомбор на берегу Черного моря. Там собирается наш отряд под начальством генерала Ахлестышева... Из Бомбор мы пойдем на горцев в Абхазию...»[4].

Еще осенью 1829 года главнокомандующий на Кавказе граф И. Ф. Паскевич, исходя из повеления Николая I[5*], разработал план

[1] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 138, 365; сб. «Декабисты Дмитровского уезда»,– Музей Дмитровского края, вып. 3, Дмитровск, 1925; ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, л.л. 3–3 об, 6; канцелярия, стол 2, оп. 275, д. 3, л. 2; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1826 г., д. 61, ч. 72, лл. 1-108.
[2] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 365; ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, л. I.
[3] ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, л.л. 7–16; канц., стол 2, оп. 275, л. 2 об, д. 3, л.л.
[4] РА, 1900, кн. 2. – С. 294.
[5] *Через три недели после подписания Андреопольского трактата Николай I в рескрипте на имя Паскевича от 25 сентября 1829 года писал: «Кончив таким образом одно славное дело (войну с Турцией.– Г. Д.), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, и в рассуждении прямых польз гораздо важнее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных...» (Щербатов. Генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриванский, т. III. СПб., 1891. – С. 229–230).

завоевания Черноморского побережья Кавказа от Анапы до Поти. Попытка осуществить этот план была предпринята летом 1830 года (т. н. «Абхазская экспедиция»). Отряд генерала К. Ф. Гессе занял несколько пунктов на Абхазском побережье: Бамбору, Пицунду и Гагру, где были возведены укрепления и оставлены гарнизоны. Однако дальнейшее продвижение царских войск на север от Гагринских теснин, которые Паскевич назвал «Кавказскими Фермопилами», разбилось о героическое сопротивление абхазских и убыхских племен[1]. Таким образом, берег моря от этого пункта до Анапы оставался свободным, а укрепления, находившиеся на побережье Абхазии, были связаны между собой только по морю.

В 1834 году царское командование решило продолжить сухопутное сообщение вдоль восточного берега Черного моря, «дабы тем совершенно отрезать его от непокорных горских народов»[2]. С этой целью, для прокладки вдоль побережья военной дороги, соединявшей береговые укрепления, в Абхазию летом 1834 года были двинуты военные силы под начальством управляющего Имеретией генерала Д. Д. Ахлестышева, которые в октябре достигли Бамборы, а летом 1835 года – Гагры[3].

Это движение было совершено при чрезвычайно трудных природных и метерпологических условиях. Генерал Ахлестышев в одном из своих донесений корпусному командиру писал: «Я сделал кампании 1812, 1813 и 1814 гг., всю минувшую турецкую и польскую, но никогда не встречал столько трудностей, как теперь»[4]. В операции, как уже отмечалось, участвовали также декабрист Павел Александрович Бестужев и писатель П. П. Каменский. В. С. Норов находился в составе Грузинского гренадерского полка[5].

В данный район и на все восточное побережье Черного моря уже летом 1836 года была для обозрения направлена специальная экспедиция на военном корвете «Ифигения», наряд на плавания

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, дд. 6234 и 6239.

[2] Там же, д. 6302, л. 3.

[3] Подробнее см.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312; Отд. письмен, источников Государственного исторического музея, ф. 6 (Г. В. Розен), т. 7.

[4] Махлюк Н. П. Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинско¬го полка. Тифлис, 1900. – С. 140.

[5] ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Норов В. С.

которого был выхлопотан вице-адмиралом М. П. Лазаревым, буксируемого одесским пароходом «Петр Великий». В составе этой экспедиции находились известный русский художник академик Н. Г. Чернецов и любитель древностей и природы Южной России (в частности, вице-президент, с 1842 года, «Одесского общества истории и древностей») С. В. Сафонов[1], которые дали интересный материал о крае: первый – зарисовками и картинами[2*], а второй – «дневными записками» «О поездке к восточным берегам Черного моря, на корвете Ифигения, в 1836 году», изданными в Одессе в 1837 году. На «Ифигении» путешествовал также новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов. Сафонов упоминает, кроме того, и А. А. Бестужева-Марлинского.

В 1837 году была организована военная экспедиция в Цебельду и Адлер. Норов, как опытный военный, был невольным участником и этих походов[3], «играл в военных советах крупную роль»[4].

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве хранится рукопись Норова на французском языке (ф. 201, В. С. Норова, № 56)[5*]. В ней содержатся его замечания на французское издание книги «Журнал о пребывании в Черкесии в 1837, 1838 и 1839...» (Париж, 1841), автором которой является Джемс Станислав Белл, английский купец-авантюрист, подвизавшийся в

[1] О нем: АКАК, т. X, ч. I. – С. XXX; Архив Раевских, т. III. СПб., 1910. – С. 650; РБС, т. 18. СПб., 1904. – С. 208–210.

С. В. Сафонов принимал участие в учреждении «Одесского общества истории и древностей», а с 1842 года был его вице-президентом. Будучи директором гражданской канцелярии наместника Кавказа, он заведовал изданием в 1846 году «Кавказского календаря». Этой же канцелярией было положено основание нумизматической коллекции и Тифлисской библиотеки.

[2] *На Н. Г. Чернецова произвели большое впечатление живописные берега Абхазии, памятники архитектуры. Будучи в Абхазии, он сделал ряд зарисовок и картин, хранящихся ныне в фондах Русского музея в Ленинграде. Некоторые из них мы здесь воспроизводим.

[3] Архив Дмитровского краеведческого музея, ф. 89, Полевых.

[4] Смирнов И. А. Декабрист Василий Норов,– Сб. «Декабристы Дмитровского уезда». – С. 62.

[5] *Между прочим, перу В. С. Норова принадлежит и книга (в двух частях) «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя». СПб., 1834), которая, как писал А. В. Никитенко, свидетельствует о том, что его автор – «человек очень умный» (См.: Никитенко А. В. Дневник. Т. 3. 1866–1877. М., 1956. – С. 158).

30-х годах XIX века на Северо-Западном Кавказе среди черкесов и абхазов в качестве агента-разведчика английского правительства, будучи вместе с тем связанным с Турцией[1]. Еще декабрист Н. И. Лорер отмечал «таинственную роль» Белла, руководившего снабжением «горцев» оружием в борьбе с Россией[2]. Это о нем писал К. Маркс в 1853 году в памфлете «Лорд Пальмерстон»[3].

В указанной рукописи В. С. Норов пишет: «Вследствие различных несчастных обстоятельств, о которых говорить здесь бесполезно, судьба бросила меня... на побережье Абхазии, назначенное быть местом моего изгнания»[4]. Предпочитая умереть от пули, чем от тоски и лихорадки, он стал участником всех экспедиций, имевших место на Абхазском побережье с 1835 по 1838 год. «Признаюсь, – заявляет Норов, – что я шел в бой за дело, которое было мне совершенно чуждо... Я был далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, тем более что я всегда восторгался их героическим сопротивлением»[5].

В. С. Норов вскрывает ошибки и клеветнические измышления Белла на примерах тех событий, участником которых он был. Он делает ряд замечаний, касающихся военных действий в Абхазии и Черкесии, а также политики России на Кавказе, замечая при этом: «Сколько линий на этой странице, столько неправды... Все это ложь. Господин Белл написал свою книгу совершенно не зная обстоятельств» и т. д. Например, о занятии русскими войсками Адлера Норов пишет: «Мне пришлось присутствовать при этой битве, и я могу доказать, что дело было не так», как утверждает Белл[6].

Норов сообщает ряд интересных фактов о крае. При занятии Адлера абхазы, участники десанта, как писал он, «стреляли в воздух... и вскоре их отправили по своим домам»; среди убитых «был писатель Бестужев». Возражая Беллу, Норов ссылается на средневековых авторов, свидетельствующих об абхазах «как о многочисленном народе, который с незапамятных времен жил всегда в той же местности, что и теперь»[1]. В этой полемике с Беллом, который «в силу своей страшной ненависти к русским» «забывал» о достоверных фактах, Норов приводит некоторые данные об абхазском владетеле Михаиле Шервашидзе: «Родился он христианином; его отец – Сафарбей... Абхазия и прежде была христианской страной и образовала одно царство с Грузией... До сих пор в Пицунде находятся развалины, хорошо сохраненные, древней и патриархальной церкви... Никаким образом князь Михаил не был отступником от своей веры, т. к. он родился христианином и остался им. Не был он и предателем, т. к. никогда не изменял своей стране»[2].

Норов говорит о жестокостях царских карательных отрядов и сочувственно отзывается об абхазском населении. Поход в Цебельду в 1837 году он называет «тяжелой экспедицией», когда в течение месяца войска «занимались тем, что лазили по горам, по долинам Кодора и били цебельдинцев». Далее Норов пишет: «30 апреля мы отправились в Сухум-Кале и прошли через долину Келасур в начале до Антопира, затем до подножья Маруха, через южное ущелье, под беспрерывной перестрелкой. Эта была настоящая охота на людей. Мы потеряли там мало людей, ибо цебельдинцы были плохо вооружены, но мы были обессилены от усталости, взбираясь по скалам и проходя через густые чащи. Наконец, подчинив основных князей Цебельды, таких как Маршани Хирипса и других... заставив их нам выдать всех наших дезертиров и пленников, из которых многие были в их руках в течение пятидесяти лет (?), мы вернулись в Сухум-Кале 25 мая и 4 июня отправились в экспедицию на Адлер...»[3]

Вместе с тем В. С. Норов, как и другие декабристы, в своих письмах домой рисует тяжелую жизнь русских воинских частей в Абхазии. Кавказские войска, по словам русского офицера Ф. Ф. Торнау, в 1835 году находившегося в Бамборе, «обыкновенно страдали и гибли несравненно более от болезней, чем от неприятельского огня»[4]. Особенно пагубно влиял на них, как отмечалось выше, непривычный сырой климат Черноморского побережья с его страшной малярией.

---

[1] Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 177; Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70 гг. XIX в.). М., 1955. – С. 42–48.

[2] Лорер Н.И. Записки. М., 1931. – С. 25.

[3] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 9. – С. 422–424.

[4] Норов В. С. Указ. рукопись, л. 2.

[5] Там же, л.л. 2 об – 3.

[6] Там же, л. 18.

[1] Норов В. С. Указ. рукопись, л. 42.

[2] Там же, л. 62.

[3] Норов В. С. Указ. рукопись, л. 49.

[4] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 294.

В письме из Бамборы от 1 сентября 1835 года В. С. Норов писал: «Я, слава богу, совершенно здоров, несмотря на климат, который здесь ужасен. Если хотите иметь понятие о нем, прочтите экспедицию французов в С(анто)-Доминго, где желтая горячка в три месяца уничтожила всю армию: то же и здесь. Мы, к несчастью, имеем шестьсот человек больных; половина из них уже умирающие в проклятом месте, куда мы заброшены»[1]. В письме от 7 сентября того же года Норов сообщал, что неблагоприятный климат в лагере вблизи Бамборы «убивает до 50 человек в месяц». В письме от 1 сентября 1835 года Норов, кроме того, писал, что чума «часто посещает и Абхазию», где теперь он, Норов, имеет «счастье находиться»[2]. Действительно, этот страшный бич время от времени косил население Абхазии. Так, например, по свидетельству современника Р. де Скасси[3], в 1811 и 1812 годах голод и чума, разразившиеся по всей Грузии[4*], охватили и Абхазию, где в результате этого погибла чуть ли не половина всего населения[5]. Далее Норов, говоря об осадном положении царских гарнизонов, указывал, что «здесь враг повсюду; он обыкновенно скрыт или в густом лесу, или за скалами...»[6].

Одновременно В. С. Норов восхищался красотой края, его редкостными богатствами, разнообразием растительного и животного мира. «Впрочем, – писал он в указанном письме, – если бы не климат... страна здесь интересная: вообразите себе пальмовые (самшитовые. – Г. Д.) леса, кактусы, лимонные деревья, леопарды, гиены, шакалы и проч.»[7].

В апреле 1837 года В. С. Норов был произведен в унтер-офицеры, а в мае следующего года уволен со службы. Он жил сперва в имении отца в Дмитровском уезде Московской губернии, а с 1839

[1] РВ, 1900, кн. 2. – С. 294.

[2] Там же. – С. 295.

[3] О нем: КЭС, I. М., 1955, с. 301–302; П, 1958. – С. 201.

[4] *Только в Имеретин в течение одного года умерло от чумы 32750 чел.; 7450 чел. переселились в другие места, а 2000 чел. были проданы в качестве пленных. (Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д. и др. История Грузии, I. Учебное пособие. Тбилиси, 1962. – С. 433).

[5] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[6] РВ, 1900, кн. 2. – С. 294.

[7] РВ, 1900, кн. 2. – С. 295.

года в городе Ревеле. Военный министр граф Чернышев в своем отношении от 19 февраля 1838 года министру внутренних дел разъяснял: «Он не может иметь никакого права на въезд в столицу, которой вообще воспрещен прикосновенным, подобно ему, к происшествию 14 декабря 1825 года. Политический надзор за унтер-офицером Норовым также должен быть учрежден»[1]. «Измученный таким образом и полуубитый, этот даровитый, умный и честный человек еще просуществовал кое-как несколько времени в деревне»[2]. В 1853 году у Норова открылось рожистое воспаление в ноге. Он просил брата Авраама Сергеевича, в то время министра народного просвещения[3], приехать проститься с ним: больной чувствовал приближение своего смертного часа. Но Николай I решил мстить до конца[4]. Он не разрешил своему министру проститься с братом, и Василий Сергеевич был похоронен лишь дворовым слугой[5].

[1] ЦГВИА, ф. 395, канц., стол 2, оп. 275, д. 3, л. 7.

[2] Никитенко А. В. Дневник. Т. 3. 1866–1877, М., 1956. – С. 159.

[3] А. С. Норов – участник Отечественной войны 1812 года. Он был ученым (академиком) и литератором, прославившимся своими путешествиями по Ближнему Востоку (См.: Данциг Б. М. Ближний Восток. М., 1976. – С. 216–219; Никитенко А. В. Указ. соч.; Венгеров С. Критико-библиографический словарь русских писателеъ и ученых, т. II Пг., 1916; Поливанова Т. В. С. Норов по воспоминаниям современников и неизданным письмам.– Сб. «Декабристы Дмитровского уезда». – С. 30; Хохлов Р. История неразделенной любви.– Газ. «Путь Ильича», 24 мая 1969 г., Дмитровск (Речь идет о сестре декабриста Е. С. Норовой и ее отношении к П. Я. Чаадаеву; семья Норова стояла также близко к А. С. Пушкину и ко многим декабристам). А. С. Норов в стихотворении на смерть А. С. Пушкина писал (отрывок):

Погас луч Неба, светлый гений,
Умолк сей Бар полночных стран,
Чья слава в сонме поколений
Пройдет со славой Россиян!
(РА, 1871, кн. I, вып. 4 и 5. – С. 980).

[4] Николай I давно не любил и преследовал В. С. Норова (См.: ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. I, д. 98, л.л. 1–2; Никитенко А. В. Указ. соч. – С. 158; Нечкина М. М. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947. – С. 258).

Однажды он стал браниться, чем вызвал замечание Норова, что в его положении это недопустимо. «Ах, вы не представляете себе, как Наполеон обращается со своими маршалами»,– как бы оправдываясь, сказал Николай. «Мне далеко до маршалов Наполеона». Современники полагали, что такие столкновения и послужили причиной ареста Норова (См.: Никитенко А. В. Указ. соч. – С. 158; Тучкова - Огарева Н. А. Воспоминания. М., 1959. – С. 43).

[5] Поливанова Т. Указ. соч. – С. 49.

В 30-х годах в Абхазии и на Черноморье был также *А. А. Бестужев-Марлинский* – один из ярких представителей замечательной плеяды писателей-декабристов, литературная деятельность которых сыграла важную роль в освободительном движении эпохи дворянских революционеров России. Выдающийся деятель декабристского движения, единомышленник Рылеева, друг Пушкина и Грибоедова[1*], Марлинский был талантливым литературным критиком, видным поэтом и замечательным прозаиком – «зачинщиком русской повести» (Белинский)[2].

Для раскрытия его свободолюбивых идей очень важно, например, суждение декабриста по поводу заявления крепостных крестьян («ратников»), которые после возвращения из европейских походов «первыми разнесли ропот в классы народа». «Мы проливали кровь, – говорили они, – а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа»[3].

А. А. Бестужев-Марлинский учился в Горном кадетском корпусе, а в 1816 году поступил в лейб-гвардии Драгунский полк. Как член «Северного общества» декабристов и активный участник выступления 14 декабря на Сенатской площади, по приговору Верховного уголовного суда Марлинский был осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке на каторжную работу сроком на 40 лет, который в 1826 году был сокращен до 15 лет. Сначала он сидел в Петропавловской крепости и в форте «Слава» (Финляндия), а в 1827 году по указу Николая I был сослан в Якутск на поселение. Тяжелую участь политических ссыльных разделили и братья Александра – Николай, Михаил и Петр, также принадлежавшие к «фаланге героев», как назвал Герцен людей 14 декабря. А о Павле было сказано выше.

В 1829 году Марлинский, по его просьбе, был определен рядовым в действующие полки Отдельного Кавказского корпуса. Он

[1] * А. С. Пушкин и А. С. Грибоедов были друзьями многих декабристов. Известно, что на вопрос Николая I, принял ли бы Пушкин участие в 14 декабря, если бы был в Петербурге, величайший поэт России ответил:

– Непременно, государь: все друзья мои были в заговоре, и я не мог не участвовать в нем.

[2] Маслин Н. А. А. Бестужев-Марлинский,– Бестужев-Марлинский. Сочинения в двух томах, т. I. М., 1958. – С. III.

[3] Цит. по: Избранные социально-экономические и философские произведения декабристов, т. I. М., 1951. – С. 492.

надеялся, что участие в войне позволит ему получить офицерский чин и выйти в отставку. Его тянуло на Кавказ тем более, что там служили его братья Петр и Павел. Однако Николай I предписал, «чтобы и за отличие не представлять к повышению»[1], а начальник Главного штаба граф А. И. Чернышев – установить за ним «тайный бдительный надзор»[2]. Граф И. Ф. Паскевич в 1829 году даже сместил тифлисского коменданта Бухарина, у которого бывал Марлинский[3].

В августе 1829 года Александр Бестужев-Марлинский вместе с Владимиром Толстым, также декабристом, ехавшим из Сибири на Кавказ, прибыл в Тифлис. В письме к родным в Петербург, он писал 15 числа: «Я в Грузии. Надо мной тает тлетворное тифлисское небо, и за мной белеют вдали снеговые хребты Кавказа. Наконец я видел Кавказ, который жаждал видеть с самого детства, и до сих пор не насытился этим великолепным зрелищем. Надобно самому испытать возвышенное чувство, проникающее в душу при подножии ледяных гор, чтобы поверить силе и сладости сего впечатления. Сибирские горы во многих местах живописнее Кавказа и почти всегда разнообразнее, но величественность его ни с чем несравнима: она поражает, приковывает вас; она чарует не одни взоры, но душу. Мне даже на письме жаль свести с них глаза, чтобы хронологически описать свое путешествие»[4].

А. А. Бестужев-Марлинский был определен в 41-й егерский полк. Несмотря на болезнь, он сразу же отправился в действующий отряд[5].

До 1834 года Марлинский служил в Дагестане и Азербайджане, а в августе того же года он, рядовой 1-го Грузинского линейного батальона, переведен в распоряжение командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерала А. А. Вельяминова, штаб войск которого находился в Ставрополе. Жизнь декабриста протекала сперва в последнем, куда он прибыл в двадцатых числах августа 1834 года, затем в сентябре, – на р. Абине, где, на земле шапсугов, стояли войска, назначенные в экспедицию[6*]. Им предстояло проло-

[1] РС, 1881, №12. – С. 887.

[2] Былое, 1906, №11. – С. 396.

[3] Котляревский Н. Декабристы. Кн. А. Одоевский и А. Бестужев.

[4] РВ, 1870, т. 87, 36. – С. 493.

[5] Нерсесян М. Указ. соч., кН. 1. – С. 134.

[6] * Общая задача царских войск на Западном Кавказе в 1834 году заключалась в том, чтобы, «для прочного успокоения Кавказского края и усмирения гор-

жить на правом фланге прямое сообщение от Ольгинского редута к Геленджику и положить этим начало «к покорению горцев», живших между этой линией и берегом Черного моря.

Надо было пройти походом горную долину, загроможденную завалами, перекопанную и изрытую. 12 октября отряд под командованием Вельяминова с боем вышел к морю[1]. Это был первый переход русских войск через Главный хребет на Западном Кавказе. Был установлен путь между Кубанью и Геленджиком, с которым существовало только морское сообщение.

Участник экспедиции А. А. Бестужев-Марлинский писал: «Закубанцы, черт меня возьми, такие удальцы, что я готов бы расцеловать иного!»[2]

Подробные сведения об этом первом походе отряда Вельяминова к Геленджику дает прибывший в это время на Кавказ известный швейцарский ученый Ф. Дюбуа де Монперэ[3]. Он описан и Марлинским в «Письме из отряда, действующего за Кубанью», составленном, как помечено им, 24 октября 1834 года на берегу Черного моря[4*]. Несколько позже, в 1836 году, Марлинский писал: «Чудная вещь: это море. Кто его отведал, без слез с ним нельзя расстаться, а любить станет всегда»[5].

Из Геленджика экспедиционный отряд возвратился через хребет Нако. И вскоре Марлинского видели в Ставрополе, откуда 20 ноября 1834 года он писал: «...Мы кончили свой истинно замечательный и трудный поход сквозь неприступные ущелья, через хребты, до Черного моря...»[1] С декабря 1834 года Марлинский в отряде начальника правого фланга Кавказской кардонной линии генерала Засса и участвует в действиях этого отряда. Бывал он, в частности, в Екатеринодаре.

Из этого периода жизни Марлинского сохранилось одно его письмо (от 10 декабря 1834 года), адресованное декабристу В. П. Романову и на которое мы уже ссылались. Поскольку оно, на наш взгляд, очень важное для выяснения тогдашнего душевного состояния писателя, мы приведем его здесь почти полностью. «Не знаю, что сталось с Вами, а я расточил на ветер половину души – хорошо еще, если перлы ее не падали в грязь? Но так или сяк, а и я был счастлив, потому, что создавал себе идола, украшал его всеми прелестями жаркого воображения, оживляя душой поэзии и безумец! Может быть, покланялся глиняному кувшину, который мне показался статуей Венеры.

Но что казалось, то было – благодарно и за то провидение, что была бы ночь без слов? Но теперь итог и слава у меня – пожалейте. Как-то лень задавила меня. Лень – дочь неверия в возможность будущего хоть минутного счастья. И в самом деле нам можно верить чему-нибудь хорошему для себя, когда 9 лет неслыханных страданий и 6 лет унижений и беззаветной храбрости – не подвинули меня ни на шаг вперед; и в самом деле для чего я стану писать?.. и беспристрастно в моем бездействии. Для чего? – неужели думать, что в том тщеславии, что меня может манит литературная слава за гробом? для меня, который знал жажду иной славы. Неужели прельстит меня золото? Правду сказать, лишь бы не противно было истратить свой участок известности и выгод с известности к другу любви и дружбы, но этот круг для меня зачарован – и я могу и испытываю в сердце свои чувства и мысли, потому что моей бездной жизни нечем купить их у меня, чтобы пустить в оборот – несчастье делает эгоистом.

Никогда еще я не был так желчен и расстроен, как сейчас, и надо бы было вручателю этого письма настоятельно сказать, что он видит – не дивитесь и толку моего послания: мои страсти пробуждаются ровно за то ужасно, а воспоминания прошлого, столько

цев», «прорезывать земли в нескольких направлениях укрепленными линиями от берегов Кубани к Черному морю и от Сунжи к Каспийскому морю и, учредив прочное сообщение вдоль восточного берега Черного моря, принуждать таким образом горцев, во внутренних пределах вновь образуемых линий обитающих, к решительной и безусловной покорности» (Дубровин Н.Ф. Указ.соч. – С. 70.

[1] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. – С. 70, 76-77.

[2] РВ, 1861, т.32, №4. – С. 464.

[3] См.: Дюбуа де Монперэ Ф. Указ.соч. – С. 65.

[4] *«Письмо» было написано Марлинским для «Северной пчелы», но тогда военная цензура не пропустила его. Оно было опубликовано лишь в 1877 году в «Русском архиве» (кН. III, тетрадь 9. – С. 106-109). А написанный во время указанного похода «Дневник» затем превратился в повесть «Он убит».

[5] РВ, 1861, т.32, №4. – С. 485.

Между прочим, А.А, Бестужев-Марлинский хорошо плавал. Я.И. Костенецкий писал по этому поводу: «Раз как-то купались мы с Бестужевым в море (Каспийском – Г.Д.). Я мылся у берега, а он, как хороший пловец, пустился вдаль и мощными руками рассекал пенящиеся волны… я залюбовался зрелищем игры поэта с морскою волною» (Костенецкий Я.И. Воспоминания. – С. 451).

[1] РВ, 1861, т. 32, №4. – С. 488

обещавшего мне, сведенные на очную ставку с настоящим, меня выбросило из границ равнодушия. Для человека, у которых нет будущего, досадно вспоминать былое. Но не подумайте, что то ропот, что я духом упал... Эта минута... это охранный клапан души: никто не скажет, что Бестужев уступил бы человеку или судьбе. Она может победить меня, но я могу с ней бороться еще долго, долго»[1].

После Краснодара Марлинского видим в Пятигорске, куда он по официальному разрешению отправляется в связи с резким ухудшением состояния его здоровья. Здесь он встречается с декабристом В. М. Голициным и известным «вольнодумцом» Н. В. Майером. Бенкендорф решил проверить деятельность писателя-декабриста. 12 апреля 1835 года он сообщал барону Г. В. Розену, что император «получил частным образом о неблагонамеренном расположении... государственного преступника Бестужева... Изъявил высочайшую свою волю... внезапным образом осмотреть все его вещи и бумаги...»[2].

А у Марлинского, в случае проявления неосторожности, найти было что. Так, К. А. Полевой в письме от 30 марта 1835 года сообщал ему: «Посылаю вам серую шляпу по вашей мерке. В шляпе найдете вы «Миргород» (Н. В. Гоголя), записки Данилевского и повесть Павлова. «Пугачева» Пушкина верно уже вы читали. Замечу, что «Миргород» показывает необыкновенное дарование или, по крайней мере, неподдельное...»[3]

Барон Розен исполнение «высочайшей воли» возложил на кавказского полицмейстера подполковника Канзасси. «Так как, – предписывал он, – вы поедете из Черноморья в Закубанскпй отряд, то предлагаю во время своего там нахождения обратить особое внимание на состоящих там государственных преступников и в особенности имеете отклонить благовидным образом от сношения с ними молодых офицеров, в отряде находящихся. Сострадание, столь свойственное молодым и неопытным людям, а еще более любопытство, могут их сблизить и особенно тогда, как некоторые из преступников имеют хорошие способности и одарены талантами. При проезде через Пятигорск не оставьте также

[1] ЦГИА СССР, ф. 1120, оп.1, д.160, лл. 1-2.
[2] АКАК, т. VIII. – С. 963, №912.
[3] АКАК, т. VIII. – С. 966.

обратить внимание на образ жизни и поведение тех из государственных преступников, которые находятся там на службе или для излечения от болезней, а равно и на всех тех, которые на каком-либо особенном замечании»[1].

Канзасси в Пятигорске секретно наблюдал за лицами, посещавшими квартиру Марлинского. Через два месяца он снова побывал на квартире декабристов, но уже в Екатеринодаре. Затем подполковник произвел тщательный обыск вещей Марлинского в Ставрополе, где тот также останавливается.

За время этих обысков Канзасси обратил внимание на серую шляпу, какие в ту пору в европейских странах носили революционеры. Но Марлинский объяснил, что она предназначена доктору Майеру, а тот, спасая своего друга, подтвердил это. Тем не менее Канзасси изъял злополучную шляпу и два письма К. А. Полевого, в том числе и упомянутое выше.

В конце концов, возникает новое «дело», связанное с «предосудительными сношениями» декабристов. В этом «деле», кроме Марлинского и Майера, фигурируют, по разным обстоятельствам, декабристы С. И. Кривцов, З. Г. Чернышев, С. М. Палицын, М. П. Малютин и В. С. Толстой, а также польский революционер Сангушко[2]. Марлинский, кроме того, встречался с В. Д. Вольховским, приезжавшим на Воды с семьей. Интересно также отметить, что сохранилось личного характера письмо Марлинского от 10 декабря 1834 года из Ставрополя, адресованное В. П. Романову[3].

В письме от 23 августа 1835 года Г. В. Розен сообщал А. Х. Бенкендорфу: «Болезнь государственного преступника Бестужева не подвержена сомнению... Между тем при всем строгом со стороны моей надзора за Бестужевым, я не получил никаких сведений, которые подали бы мне повод полагать настоящее расположение его неблагонамеренным; но пылкость его характера... заставляет его слишком горячо чувствовать свое положение»[4]. Тем не менее еще больше усиливаются «неотвязчивое наблюде-

[1] Там же. – С.965, №915.
[2] См.: АКАК, т. VIII. – С. 965-967, №№917-920. См.также: Шадури В. Декабристская литература… – С. 232; Бронштейн Н.Н. Доктор Майер. – Литературное наследие. М., 1948. – С. 490, №№ 45-46.
[3] См.: ЦГВИА, ф. 1280, оп.8, д.664, л. 109.
[4] АКАК, т. VIII. – С. 966, №918.

ние за каждым его шагом и словом, и постоянное подозрение его неблагонамеренности»[1].

Пз Пятигорска Марлинский снова направляется на Кубань, в экспедиционный отряд. Кавказское командование, с целью же «прорезывания земель горцев в нескольких направлениях укрепленными линиями», предполагало в 1835 году продолжать устройство Геленджикской линии и сухопутное сообщение в Абхазии до Гагры (отряд генерала Ахлестышева)[2]. В связи с этим Марлинского опять видим на Черноморье.

30 августа 1835 года Марлинский пишет письмо брату Павлу уже из Екатеринодара. Был он теперь унтер-офицером. Этот чин он получил в июле 1835 года. Далее Марлинский участвовал в октябрьской экспедиции отряда генерала Вельяминова, целью которого было, «преодолев значительные местные трудности и упорные сопротивление горцев», проложить линию между Абином и Геленджиком через хребет Марткох, а оттуда возвратиться к Абину через перевал Нако. Этой линией земли натухайцев отрезались от шапсугской территории и были заключены между нею и р. Кубанью, до впадения ее в Черное море. После этого, 1 сентября 1835 года, Марлинский за Кубанью. 26 сентября он снова направляется в Абин, а оттуда – в Ольгинский редут (близ Геленджика)[3].

Между прочим, рядом с Марлинским находился его друг декабрист С. И. Кривцов, служивший в артиллерии. 8 ноября Марлинский пишет письмо брату Павлу из Ивановской. Правда, местом его новой службы стал Екатеринодар. Но он решил зимовать в Ивановской, «чтобы быть подальше от всех сплетен». Надо сказать, что время, проведенное писателем в 1935 году в станице Ивановской на Кубани, несмотря на трудности жизни здесь, явилось одним из

[1] Берже А.П. А,А, Бестужев в Пятигорске в 1835 г. – РС, 1880, т. 19, №11-12 – С. 421.

А.Х. Бенкендорф 3 апреля 1835 года писал Г.В. Розену: «Прошу уведомить меня: известно ли вам, что находящийся на службе в Отдельном Кавказском корпусе государственный преступник Александр Бестужев страдает биением сердца и справедливо ли, что ему несколько раз пускали кровь?» (АКАК, т. VIII. – С. 963, №909).

[2] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. – С. 78.

[3] АКАК, т VIII. – С. 351-352, 356; Васильев В, Бестужев-Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939. – С. 25; Голубов С. Бестужев-Марлинский. М. ЖЗЛ. 1960. С. 336-343.

самых плодотворных в его жизни. В частности, он вдохновенно работал над повестью «Мулла-Нур» из цикла «Кавказские очерки».

В письме к братьям Николаю и Михаилу Бестужевым от 1 декабря 1835 года Александр Александрович писал: «Мой тройной путь через Кавказ – сперва на границы Аджарии, потом на Кубань, потом на берег Черного моря... Отдохнули в Геленджике, где я был на море, на судах, купался в фосфорных зеленых волнах, парился лавровыми венками, ел летучих рыб, камбалу...» Он также сообщал: «В отряде со мной был Кривцов. Под ним убита лошадь картечью, ибо у горцев есть артиллерия»[1]. В письме к Павлу от 15 декабря из Ивановки Марлинский сообщал, что с производством в унтер-офицеры он переведен в 3-й Черноморский линейный батальон, в крепость Геленджик. А в письме от 31 декабря к Павлу же он выражал недовольство барону Розену, называя его «бездушной бабой». «Вообрази себе, – писал Марлинский, – он почти упрекал меня, что я не умер, и что здоровье мое лучше... Он признался мне (после всех обещаний), что ни слова ни говорил обо мне государю. Каков? а ты за него распинался». Выражал Бестужев недовольство и в адрес генерала Вельяминова – «методический лентяй, благородный человек, вечно окруженный подлецами, и который, всего забавнее, делает все, что они хотят». «Доставалось» и Вольховскому – «Розен и Вольховский люди, не имеющие искры доброжелательства». Далее Марлинский сообщал: «Толстой уже прапорщик и также (...) как прежде. Голицын и Палицын здесь (т. е. в Черноморье) и тебе кланяются»[2].

В декабре того же 1835 года Марлинский получает перевод в Геленджик, в 3-й Черноморский линейный батальон. 31 декабря он с грустью писал брату: «...неохотно оставляю Ивановку, где живу с книгами и пером спокойно...»[3]

Однако в январе и феврале он еще не выехал в Геленджик, продолжая работать над новыми произведениями в Ивановской и Екатерннодаре. Марлинский поддерживал тесные связи с товарищами-декабристами – Н. П. Акуловым, В. М. Голицыным и С. И. Кривцовым[4].

[1] ОЗ, 1860, т.131, №7. – С. 53.

[2] Там же. – С. 55-56.

[3] Там же. – С. 56.

[4] Веленгурин Н. Указ.соч. – С. 124-125.

А. А. Бестужев-Марлинский, наконец, в марте 1836 года добирается до Геленджика через Керчь. В этом «городе землянок», построенном в 1831 году, писатель получает и первое «малярийное крещение».

Просветом «мерзкой жизни» Марлинского в Геленджике явилось путешествие в Сухум в апреле 1836 года[1*] на фрегате «Бургас» вместе с известным ученым-естествоиспытателем и деятелем просвещения, профессором Ришельевского лицея в Одессе А. Д. Нордманом (1803–1866), совершавшим экспедицию по Западному Кавказу. Марлинский, как видно, в Геленджике сел на «Бургас», который, согласно отчету Нордмана[2], 19 апреля 1836 года взял прямой курс на Сухум. Ученый отмечал: «Находившийся на нашем фрегате известный прозаист Марлинский, которому я много должен за сообщение мне известий о Кавказе, помогал мне снимать виды. Рисуя мыс Мамая и Адлера и будучи очарован великолепным видом лежащего перед ним ландшафта, он не знал и не предчувствовал, что его рука обрисовала очерки того места, на котором спустя год ему суждено было пасть»[3]. Марлинский вернулся обратно в Геленджик на том же «Бургасе», и отсюда он уже 23 апреля писал указанное выше письмо брагу Павлу. Экспедиция же Нордмана продолжалась на фрегатах «Пегас» и «Александр», посетив следующие населенные пункты в Абхазии: Гагра, Пицунда, Бамбора, Лыхны, Дурипш, Псырцха (Н. Афон), Сухум, Келасур, Дранда, Илор и др., а далее – Редут-Кале, Поти и т. д.

---

[1] * Некоторые авторы допускают ошибку, полагая, что это путешествие состоялось не в 1836 году, а в 1835 (см.: Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А., 41 (т. XXI). – С. 366; Пузанов И.И. Александр Данилович Нордман. М., 1969. – С. 72; КЭС, I. – С. 293). Между тем Марлинский пишет об этом совершенно ясно. В письмах к брату Павлу от 23 апреля 1836 года из Геленджика он сообщал: «Любезный Поль. Несколько дней тому назад, прогуливаясь в Сухуме по окрестностям…» (ОЗ, 1860, т.131, №7. – С. 58). А в письме его от 19 июня 1836 года из Керчи братьям Н.А. и К.А. Полевым также читаем: «Вы должны были получить одно мое письме через Севастополь, писанное на фрегате «Бургас», после поездки в Сухум-Кале и Мингрелию» (РВ, 1861, т.32, №4. – С. 479). Сам профессор Нордман, говоря об обозрении им вместе с Марлинским мыса Адлер, отмечал, что писателю суждено было пасть на этом месте «спустя год», т.е. в 1837 году (см.: Путешествие Нордмана по Закавказскому краю, - ЖМНАП, 1838, ч. XX, №XI. – С. 404). Можно сослаться и на С.В. Сафонова (см. указ. его соч. – С. 40).

[2] См.: Нордман. Указ.соч. – С. 403.

[3] Там же. – С. 404.

А. А. Бестужев-Марлинский снова переживает необычайно трудную жизнь в Геленджике, о чем он часто писал в своих письмах к родным и друзьям. Здесь, как сообщал он, «такая смертность, что прислан дивизионный доктор произвести о том следствие». Жил он «в землянке, сырой, душной, по крайней мере не завидно против других: все в подобных же дворцах горюют...» Вообще на Кавказе он «никогда и нигде не жил... так скверно». Это была «настоящая ссылка: ни писем, ни запасов, ни развлечений... к довершению радостей, кровли крыты землей, и при малейшем дожде в землянках по колено вода»[1].

В письме от 26 мая 1836 года к брату Павлу Марлинский описывал еще более мрачную картину. «Я, – писал он, – опять очень болен... Геленджик меня уходит. Да и можно ли быть здоровым в землянке, где на ногах сапоги плесневеют, где под полом лужа, а кровля – решето. У меня род горячки со рвотою... Смертность в крепости ужасная, что день от 3 до 5 человек умирают[2]. Но духом я не падаю. Досадно только, что болезни мешают заняться дельным»[3].

В письме от 19 июня 1836 года к своим братьям Николаю и Михаилу Марлинский также писал, что оп сильно болел, «лежал тогда изнеможденный недугами, в землянке Геленджика»[4]. А в письме к братьям Полевым, написанном в тот же день, он сообщал: «Мне опять хуже, лихорадка с разными вариациями возвращается вновь и вновь. Я похож на тень, и только по боли чувствую, что я тело»[5]. Писал он об этих своих страданиях и в ходатайстве графу А. Х. Бенкендорфу от 13 июля 1836 года: «...Здоровье... до основания истреблено мучительною геленджикскою лихорадкою», которой «страждит»[6]. В письме Марлинского к своим братьям в Петровск от 23 ноября того же года читаем: «...целое лето проболел я жестокою лихорадкой, которая раза два превращалась в горячку: это была дань, заплаченная климату»[7].

---

[1] ОЗ, 1860, т.131, №7. – С. 59.

[2] По данным Н.Н. Раевского в Геленджикском гарнизоне, например, за 4 месяца 1838-1839 годов, при наличии в среднем 596 чел., число больных в среднем же составляло 217 чел., а умерших – 14,5 (Архив Раевских, т. III. – С. 62.

[3] ОЗ, 1860Ю т.131, №7. – С. 61.

[4] РВ, 1870, т. 88, №7. – С. 67.

[5] Там же, 1861, №4. – С. 479.

[6] Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в двух томах, т.2. М., 1958. – С. 670.

[7] РВ, 1870, т.88, №7. – С. 70.

Одним словом, малярия так «высушила» Марлинского, что «можно вставить в фонарь, вместо стекла»[1]. Кроме того, в Геленджике «круглый год нельзя за стену высунуть носа, ибо черкесы бьют даже часовых на валу»[2].

Тем не менее, даже в этих невероятно тяжелых условиях, когда ему в течение трех лет приходилось вести «кочевую жизнь»[3] и те совсем немногие месяцы, которые удалось пережить «на месте», «были испещрены тяжкими болезнями». А. А. Бестужев-Марлинский, как уже отмечалось, самоотверженно продолжал свою творческую работу[4].

Посетивший геленджикское «жилище» Марлинского И. Р. фон-дер-Ховен писал: «В этой-то скромной избушке Бестужев писал свои лучшие произведения о Кавказе, столь прославившие имя Марлинского»[5].

---

[1] РВ, 1861, т.32, №4. – С. 480. (Письмо А.А, Бестужева-Марлинского к К.А. Полевому от 6 августа 1836 г.).

[2] ОЗ, 1860, т.131, №7. – С.54.

[3] Военные походы были особенно тяжелыми и опасными. Вот что писал А.А, Бестужев 8 ноября 1835 года своему брату Павлу по поводу одного из этих походов: «Ну брат, устал от последней экспедиции до самого нельзя. Бог мой, что за погода! Вообрази себе, что в течение двух недель не имели мы двух часов сухих! Дождь, ливень, град… мелкий дождь, который сечет до костей… Грязь по ступицу, потоки выше груди…» (ОЗ, 1860, т.131, №7. – С. 51).

[4] РВ, 1870, т.88, №7. – С.71.

А.А. Бестужев-Марлинский в одном из своих писем (от 23 ноября 1836 года) жаловался, что его «многие упрекают», что мало пишет, «но знают ли и немногие» обо всех этих трудностях. «А в наш век, - писал он далее, - нельзя писать не читая; а ко мне не только книги, даже письма не доходят, или скитаются по белу свету по полгоду» (РВ, 1860, т.88, №7. – С. 71). А вот, что писал Марлинский брату своему Павлу 15 ноября 1836 года из Ольгинского тет-де-пона: «Боже мой! Когда я кончу это нищенское кочевание по чужбине, вдали от всех средств к занятиям1! Об одном молю я, чтобы мне дали уголок, где мог бы поставить свой посох и, служа в статской службе государю, служил бы русской словесности пером. Видно, не хотят этого. Да будет! Но могу ли гонимый из конца в конец, не проводя двух месяцев на одном месте, без квартиры, без книг, без газет, то изнуряясь военными трудами, то полуметровый от болезней, не вздохнуть тяжело и не позавидовать тем, которые уже кончили земное скитальничество? И кому бы было хуже, если б мне было немножко лучше? Неужели тяжело бросить человеку крупицу счастья? (ОЗ, 1860, т.131, №7. – С. 66).

[5] Фон-дер-Ховен И. Указ.соч. – С. 222.

К этому сообщению М.И. Семевский дает следующую справку: «А.А. Бестужев… знал прекрасно языки: русский, польский, французский, английский (изучал его вместе с Кон.Фед. Рылеевым), немецкий, латинский, татарский (азербайджанский – Г.Д.), разные горские наречия, наконец, за год до смерти принялся за изучение языка итальянского» (ОЗ, 1860, т.131, №7. – С. 54, прим.).

А. А. Бестужев-Марлинский методично работал и над собой, много читал, изучал языки. Тот же Ховен отмечал, что стол писателя в Геленджике был завален кипою книг и журналов. А брату своему Павлу из Ивановской 15 декабря 1835 года Марлинский сообщал: «Занимаюсь плотно итальянским языком[1]. Читаю Данта»[2].

Таким образом, революционный писатель, испытавший все тяготы своего положения штрафного солдата, все невзгоды походной кавказской жизни, имел полное основание, когда писал: «Я закален в бедах».

В мае 1836 года Марлинского переводят в Гагры, в 5-й Черноморский линейный батальон. Он был очень опечален этим известием. В письме к своим братьям Николаю и Михаилу от 19 июня того же года Александр Александрович писал: «Не знаю, как-то перенесу я предлежащее мне испытание в Абхазии, куда я назначен. Батальон этот расположен в Гаграх и Пицунде, в самых гробовых местах Черноморского побережья. Места эти имеют только морем сообщение между собою, и то чрезвычайно редко. Нет ни зелени, ни живности, потому что за вал нельзя высунуть носа, а в самой крепости ходить – пули врагов с окрестных скал бьют людей даже на койках. Полтора комплекта в год поедается там цынгою и лихорадками, и не было примера, чтобы кто-нибудь выжил там более двух лет или после двух лет возвратился без страданий. Да, жизнь коротка после Гагр»[3].

В тот же день Марлинский отправил письмо и братьям Николаю и Ксенофонту Полевым, в котором также сообщал: «Я переведен в ужасный климат Абхазии. Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер; жар там от раскаленных скал нестерпим, и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и превращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех высот в окошки; где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят от-

---

[1] Там же.

[2] РВ, 1870, т.88, №7. – С. 52.

[3] РВ, 1870, т.88, №7. – С.68.

туда, как с смертоносными обструкциями или водянкою. Там стоит 5-й Черноморский батальон, который не иначе может сообщаться с другими местами как морем, и, не имея пяди земли для выгонов, круглый год питается гнилою солониной. Одним словом, имя Гагры... однозначаще со смертным приговором!»[1]

В письме к младшему брату Павлу, датированном тем же числом, он также писал: «Ты был вблизи Гагры, а я, приходя из Сухума на фрегате, ее видел; следовательно, распространяться о том нечего. Это значит, что при моем погребении будет целый взвод, а не одни артельщики – вот и все»[2].

И действительно. Вот как описывает Гагры С. В. Сафонов, посетивший это местечко 16 июля 1836 года: «Мы пришли в крепость Гагра. Вообразите себе, у подошвы двух высоких, отвесных гор притиснутое к самому морю небольшое четырехугольное строение, не более 60 сажен длины в одном фасаде, обнесенное деревянным забором с плетневыми турами и с деревянными по углам башенками; посреди этого строения несколько домиков, мазанок, балаганов, и это крепость Гагра; и эта крепость, отдаленная от всяких сообщений сухим путем, окруженная горами, с которых горцы пускают прямо в середину крепости пули, – защищается двумя ротами солдат... Здесь жизнь есть ничто иное, как цепь постоянных лишений, беспокойств и опасностей. Жители Гагры с одной только стороны спокойны, именно со стороны моря. Слабое утешение! От того-то они с такой радостью, с таким наслаждением смотрят на всякое судно, приходящее к их берегам. Они видят в нем как бы посредника, соединяющего их с остальной частью мира...»[3].

Ф. Дюбуа де Монперэ сообщает: «Правительство, осведомленное о смертности, царившей в Гаграх, отправило туда для исследования ее причин полковника Бомера». В другом месте он также отмечал, что Гагры «всегда были местом ссылки», а в примечании: «Некоторых из заговорщиков 1825 г. послали рядовыми солдатами в Гагры»[4].

---

[1] РВ, 1861, т.32, №4. – С. 4792480.

[2] ОЗ, 1860, т.31, №7. – С. 62.

[3] Сафонов С.В. Указ.соч. – С. 30-32, 35.

[4] Дюбуа де Монперэ. Указ.соч. – С. 97,99.

Здесь почтенный ученый ошибается, в Гагре постоянно не находился ни один из ссыльных декабристов.

Именно сюда было решено загнать выдающегося писателя по личному приказанию Николая I. Гагринское укрепление[1*] было выбрано для него потому, что оно в то время действительно «славилось своим губительным климатом»[2]. Это лишний раз подтверждает основательность мнения Михаила Бестужева о «заметном намерении правительства вывести его (Александра Марлинского. – Г. Д.) в расход»[3].

Но сперва Марлинский должен был поехать в Керчь, чтобы выдержать здесь установленный карантин и обмундироваться[4], т. е. сшить себе офицерский мундир[5]. Случилось так, что известный уже нам корвет «Ифигения»[6*] заглянул в Керченскую бухту. На нем как уже отмечалось, был новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов, который в это время объезжал Азово-Черноморское побережье. Целью же его был сбор «всех сведений» для осуществления «высочайшего повеления» «учредить правила о торговле с черкесами и абазинцами», т. е. абхазами, и чтобы эта торговля была поручена Керчь-Еникольскому градоначальнику «под ведением» новороссийского генерал-губернатора. Граф Воронцов считал, что «одно лишь личное обозрение может дать более или менее спра-

---

[1] * Первый офицерский чин Марлинский получил после шестилетней службы рядовым и годичной службы унтер-офицером. Писатель надеялся, что производство в прапорщики даст ему возможность в военном чине», добиться перевода на службу «по гражданской части» в один из южных городов, где он мог бы «быть полезным отечеству и употребить досуг на занятия словесностью» (Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. – С. 361). Однако, как увидим ниже, эта просьба была отклонена.

[2] Кстати, в Гагре, в ущелье р. Жоэквара, в 1841 году, т.е. через четыре года после гибели А.А. Бестужева-Марлинского, была построена стратегического значения башня, известная под названием «Башня Марлинского»; развалины ее существуют и поныне (Передельский А.Г. Гагры. СМОМПК, 1908, вып. 38. – С. 161). В строительстве этой башни принимал участие друг и секундант А.С, пушкин К.К, Данзас, в то время служивший в Гагринской крепости (Мачавариани К.Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913. – С. 271.

[3] Филипсон Г.И. Указ. соч. – С. 109.

[4] Воспоминания Бестужевых. М.–Л., 1931. – С. 223.

[5] РВ, 1861, т.32, №4. – С. 479.

[6] *Между прочим, его командиром был капитан-лейтенант Е.В. Путятин, впоследствии известный государственный деятель, мореплаватель и дипломат, граф, адмирал, генерал-адъютант. В честь Путятина назван остров в заливе Петра Великого.

ведливое понятие о крае, столь мало известном и столь интересном во всех отношениях»[1]. Судно захватило здесь нового пассажира – Марлинского, который мог служить превосходным гидом для собравшегося на нем общества, и 13 июля 1836 года снялось с якоря. Экспедиция заезжала в Анапу, Суджук-Кале (Новороссийск), Геленджик, Гагру, Пицунду, Бамбору, Сухум, Редут-Кале (Кулевий) и Поти[2].

А. А. Бестужеву-Марлинскому пришлось обратиться к графу Воронцову, и он согласился передать начальнику III отделения А. Х. Бенкендорфу ходатайство писателя об увольнении «к статским делам от военной службы, на которую стечение болезней сделало его неспособным». В письме (от 13 июля 1836 года) говорилось: «...Я убежден, что его и-ое в-во... не предполагал, сколь смертоносен этот берег Черного моря, погребенный между раскаленных солнцем скал, лишенный круглый год свежей пищи и воды, даже воздуха... Для меня, полуживого, Гагры будут неизбежным гробом», Гагры, с их «тлетворным дыханием»[3].

Ходатайство Марлинского с личным письмом Воронцова Николаю I с просьбой о переводе больного писателя из Гагры в более здоровое место поступило к Бенкендорфу. В сопроводительном письме Воронцов писал: «У него не проходит лихорадка уже с давних пор; климат Гагр, в котором находится его гарнизон, возможно прикончит его в короткое время»[4].

И действительно, в Керчи, куда Марлинский вернулся после экспедиции на «Ифигении», он «проболел все лето»[5].

---

[1] Воронцовский «Перипл» Черного моря (1836) (Рапорт М.С. Воронцова Николаю I от 26 августа 1836 г.). – РА, 1894, №6. – С. 216-217.

[2] Сафонов С.В, Указ.соч.; Воронцовский «Перепил» Черного моря

Таким образом, во время описываемой экспедиции А. А. Бестужев-Марлинский посетил, в частности, Гагру, Пицунду и Бамбору, о чем с некоторыми подробностями пишут и Сафонов, и Воронцов. Например, последний отмечает: «...Мы бросили якорь возле укрепления Гагры... Осмотрев Гагру, прошли около р. Бзыба и дошли до прекрасного залива у Пицунды, где вышли на берег... В Бамборах... мы выходили на обратном пути» (с. 223–224). Из сообщений Сафонова хотелось бы привести лишь следующее: «Посещение Гагры оставило в нас одно из приятнейших впечатлений» (с. 35). Эти данные мы считали необходимым привести, чтобы рассеять сомнение некоторых о пребывании Марлинского в указанных местах.

[3] Цит. по: Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух томах, т. 2, М., 1958. – С. 670–671.

[4] Там же. – С. 719.

[5] РВ, 1861, т. 32, № 4. – С. 482.

1 сентября 1836 года Марлинский снова направляется на восточный берег Черного моря[1*], где присоединяется к отряду А. А. Вельяминова и принимает участие в его весенней экспедиции на Кубань. 20 сентября Марлинский писал из Ольгинского укрепления: «Дня через два выступаем вниз но левому берегу Кубани и пройдем с мечом и огнем до Анапы; откуда другим путем назад»[2].

Вскоре стало известно, что хлопоты Воронцова кончились переводом Бестужева по инвалидности в 10-й Черноморский линейный батальон, стоявший в Кутаисе[3]. В письмах к братьям Николаю и Михаилу Марлинский, сообщая о его переводе «из смертоносного места Гагр», писал, что, хотя «в сравнении с Гаграми Кутаис – столица», но «мингрельские лихорадки свирепствуют там»[4], а в другом случае разъяснял: «Климат там – отечество лихорадок».

19 декабря 1836 года Марлинский пишет брату Павлу из Тамани, куда заехал по дороге в Тифлис и откуда должен был отправиться в Кутаис. В письме сообщалось: «...Меня, по расстроенному здоровью, перевели в 10-й Черноморский батальон из Гагр в Кутаис. Ты знаешь этот край и потому судить можешь, как благотворен... климат для полубольного. Между тем я прослужил экспедицию, и с нового года из Тамани, где был прикомандирован к Тенгинскому полку, еду кочевать в ужаснейшую пору года на Кавказ. Видно в могиле только успокоюсь я»[5].

Из Тамани Марлинский выехал в первых числах января 1837 года. В пути он в последний раз остановился в Екатеринодаре,чтобы закончить свои дела. Дождавшись морозов, он выехал в Ставро-

---

[1] *В этот день он писал В. Н. Телесницкой из Керчи: «Азовское море катит сверкающие волны; попутный ветер призывает меня голосом Гальционы... было время, когда море убаюкивало меня, как грезы... Счастливое это время миновало! Чернеет Азовское море, колеблется оно, как гробовой покров» (Цит. по: Декабристы. М., 1938, кн. III. – С. 79–80).

[2] РВ, 1861, т. 32, № 4. – С. 482.

Вообще очень трудно определить все места, где был в эти годы А. А. Бестужев-Марлинский. Условия же, где ему приходилось жить, были исключительно неблагоприятны. Об этом он много писал в своих письмах. Так в апреле 1836 года Марлинский писал из Геленджика брату Павлу: «Как на Кавказе, никогда и нигде не жил я, скверно. Это настоящая ссылка. » (03 1860 т. 131, № 7. – С. 59).

[3] РВ, 1870, т. 88, № 7. – С. 70.

[4] ОЗ, т. 131, № 7. – С. 66.

[5] ОЗ, 1860, т. 131, № 7. – С. 68.

поль, а оттуда в Тифлис. В последнем ему пришлось ждать назначения в военной экспедиции. Здесь он узнал о смерти Пушкина. В письме от 23 февраля 1837 года к брату Павлу Марлинский писал: «Я был глубоко потрясен трагической гибелью Пушкина... Я не сомкнул глаз в течение ночи, а на рассвете я был уже на крутой дороге, которая ведет к монастырю святого Давида... Прибыв туда, я позвал священника и приказал отслужить панихиду на могиле Грибоедова... Я плакал тогда, как я плачу теперь, горячими слезами, плакал о друге и о товарище по оружию, плакал о себе самом; и когда священник запел: «За убиенных боляр Александра...», рыдания сдавили мне грудь – эта фраза показалась мне не только воспоминанием, но и предзнаменованием (...). Да, я чувствую, что моя смерть также будет насильственной и необычайной... Вы, впрочем, слишком обвиняете Дантеса – нравственность, или, скорее, общая безнравственность, с моей точки зрения, дает ему отпущение грехов... Пусть он знает (свидетель бог, что я не шучу), что при первой же нашей встрече один из нас не вернется живым»[1].

Вскоре барон Розен дал распоряжение прикомандировать Марлинского к Грузинскому гренадерскому полку в качестве командира стрелкового взвода 2-й гренадерской роты. Полк стоял в Кутаисе и готовился к очередной экспедиции – на правом фланге Кавказской и Черноморской линии. В частности, речь шла о «подчинении» Цебельды и занятии Адлера. «С ранней весной, – писал Марлинский брату Павлу еще 12 февраля 1837 года, – будет экспедиция в Абхазию и, вероятно, мне придется опять взяться за шашку»[2].

13 апреля 1837 года Марлинский прибыл в Кутаис, где находился два дня. Он осмотрел «прелестные окрестности и развалины» древних архитектурных памятников, в частности, побывал в Гелатском храме. Отсюда Марлинский едет в Зугдиди и останавливается в доме владетельных князей Мегрелии Дадиани. Здесь он видел «немало русских мундиров», которые составляли «редкую противоположность с длинными лицами и бедной одеждой» местных жителей. Побывал он и в церкви. Сообщая о своих впечатлениях матери, в письме от 29 апреля, о населении княжества, Марлинский писал далее: «Конечно, не существует стороны прелестнее для глаза, до-

[1] Бсстужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1958. – С. 673–674.
[2] ОЗ, 1860, т.131, №7. – С. 70.

саднее для сердца как Мингрелия... Угнетение, нищета – и все это посреди края, готового произвесть сторицею все, что отдает ему малейший труд. Виною тому мелкое дворянство...»[1].

Через некоторое время А. А. Бестужев выезжает в Абхазию и по дороге «чуть не утонул в реке Кодоре, которая бушевала от проливных дождей»[2]. 29 апреля он и написал свое первое письмо из Абхазии матери[3], в котором имеется и такая строка: «В другой раз посещаю я Сухум и Келасури, близ коих расположены мы лагерем».

В Сухуме А. А. Бестужев-Марлинский встречается со своим другом, великим азербайджанским поэтом и мыслителем М.-Ф. Ахундовым, поклонником союза с русским народом и русской культуры. В канцелярии главнокомандующего на Кавказе барона Г. В. Розена майор Ахундов служил в качестве переводчика. Оба они в мае 1837 года принимали участие в военной экспедиции в Цебельду, осуществленной под начальством самого барона»[4*]. При последнем находились также декабристы В. С. Норов и М. И. Старов, С. Т. Званба, Б. Г. Чилашвили (Чиляев) и начальник штаба Кавказского корпуса генерал В. Д. Вольховский.

По окончании цебельдинской кампании русский отряд возвратился в Сухум. Здесь его поджидали суда, на которых он должен был отправиться к мысу Адлер. За три дня до отплытия барон Розен дал обед, на котором присутствовали Бестужев и Ахундов. За обедом Розен просил Бестужева совместно с автором «Восточной поэмы на смерть А. С. Пушкина» – Ахундовым перевести эту поэму на русский язык. Поэма вышла в свет в прозаическом переводе[5]. В более позднем стихотворном переводе этой поэмы великого азербайджанского писателя и мыслителя, сделанного под свежим впечатлением известия о трагической гибели А. С. Пушкина, имеются такие строки:

Пусть Николай царит от Волги до Китая,
но покорил весь мир лишь Пушкин – исполин!

[1] РО ИРЛИ, ф. 604, д. 4(5573), лл. 100-100 об.
[2] Там же, л. 100 об.
[3] РО ИРЛИ, ф. 604, д. 4(5573), лл. 100-101 об.
[4] *В центре, «сердце» Цебельды до недавнего времени стоял гигантский чинар, под раскидистой кроной которого, по преданию, отдыхал Марлинский.
[5] Ахундов М.Ф. Сочинения. Тбилиси, 1938. – С. 361.

(Антология азербайджанской поэзии, т. II. М., 1960, с. 173. Перевод П. Антокольского.)

В начале июня 1837 года В. Г. Розеном была начата военная экспедиция на Адлер. Извещая об этом свою мать еще в письме от 13 апреля того же года, Марлинский писал, что его часть двинется сперва в Цебельду, а затем – «мимо Гагр, на мыс Адлер... Пусть туда по склонам и стремнинам, но берегу моря; Фермопилы[1*] перед этой дорогой – Невский проспект»[2]. А в письме от 29 апреля ей же Александр Александрович писал: «В Цебельде сложных дел не предвидится, потому что жители хотят покориться. Но в пути по неприступным хребтам от Гагры до мыса Аредлара (Адлера. – Г. Д.) встретим тысячи препятствий от природы и людей»[3].

В письме к К. А. Полевому от 12 мая Марлинский также сообщал: «Около 1-го июня мы двинемся за Гагры, там народ боевой и природа ужасна трудностями; надо будет по отвесным скалам пробивать дорогу под пулями врагов, под градом каменьев и стрел...»[4].

Именно поэтому было решено экспедицию совершить морским путем, в результате чего возникло укрепление Св. Духа (Адлер)[5] – одно из тех укреплений, которые были заложены в том году на Западном Кавказе, а другими были Новотроицкое и Михайловское. Это было осуществлением давно вынашиваемого стратегического плана царизма в этом регионе. За год до этого новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов писал: «Россия имеет твердую ногу от Севера до Геленджика включительно; начиная же от южной турецкой границы, весь берег от св. Николая и устья Риона до крепости Гагры, занят нашими войсками; остается промежуток между Геленджиком и Гагрою в протяжении 200 верст, который, по моему мнению, необходимо занять»[6].

Надо сказать, что экспедиционный отряд, состоявший примерно из пяти тысячи человек, находился в тяжелом состоянии. В нем

[1] * Фермопилы – горный проход в Греции. Здесь в 480 году до н.э. произошла битва между огромной армией персидского царя Ксеркса и горсткой спартанцев во главе с царем Леонидом, героически защищавших Фермопильский проход.

[2] ОЗ, 1860, т.131, №7. – С. 74.

[3] ИРЛИ, РО, ф. 604, д. 4(5573), лл. 100-101 об.

[4] РВ, 1861, т.32, №4. – С. 485.

[5] А мыс был назван Константиновским.

[6] Воронцовский «Перипл» Черного моря. – С. 229.

убыль больными и умершими составляли 2/3. К 1 ноября 1837 года, например, в отряде было больных 2804, умерших 339 чел. Барон Розен в своем отношении военному министру Л. И. Чернышеву от 9 декабря 1839 года сообщал: «По достоверным сведениям от разных госпиталей, в совокупности с показанным выше, число умерших из бывшего Абхазского отряда простирается до I тыс. чел.»[1].

В адлерской экспедиции, кроме Марлинского, состоявшего в то время адъютантом при генерале Вольховском, участвовали также М.-Ф. Ахундов, В. С. Норов, С. Т. Званба, Б. Г. Чилашвили (Чиляев).

Отряд плыл на нескольких кораблях под командой контр-адмирала Эсмонта[2], с трудом преодолевая сильное сопротивление ветра и шумно распевая «Адлерскую песню» Бестужева (на голос «Как по камешкам чиста реченька течет...»), написанной 5 июня 1837 года[3]. Кстати, этот род поэзии был ему давно сподручен. Как известно, еще в 20-х годах он вместе с К. Ф. Рылеевым, другом и единомышленником[4*], сочинили несколько песен[5], распространявшиеся среди солдат.

Плывет по морю стена кораблей,
Словно стадо лебедей, лебедей.

[1] АКАК, т. VIII. – С. 371, *№ 269*.

[2] Марлинский находился на фрегате «Анна», в котором размещался штаб отряда.

3 Она была опубликована в «Русском вестнике» (1870, т. 88, № 7. – С. 77–78).

[4] *В стихотворении «А. А. Бестужеву» Рылеев писал:

По чувствам, братья мы с тобой,–
Мы в искупленье верим оба;
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

[5] См.: Рылеев К. Ф. Поли. собр. соч. М.-Л. 1934. – С. 269–272. Агитационные песни Рылеева и Марлинского печатались на страницах быстро снискавшего себе популярность журнала «Полярная звезда».

Из кавказского же периода жизни А. А. Бестужева-Марлинского нам удалось найти одно его стихотворение, которое так и называется «Солдатская песня» (См.: «Тифлисские ведомости», 16 августа 1829 г., № 33). В первом куплете этого стихотворения читаем:

Богатырь у нас народ,
Молодецкой самой!
За Святую Русь – вперед!
Все вперед, все прямо!

Ай, жги, жги, жги, говори,
Словно стадо лебедей, лебедей.

Это были последнее сочинение и последний поход Марлинского. Он словно предчувствовал приближение развязки своей многострадальной жизни. Утром 7 июня на фрегате «Анна», на виду мыса Адлер, Марлинский составляет духовное завещание[1] и в тот же день уходит из жизни[2*]. А бой был жестокий – «войска, при высадке на берег, встретили самое сильное сопротивление со стороны горцев»[3].

По рассказам очевидцев, начальник передового десантного отряда генерал Вольховский, «как человек умный и образованный, не мог не беречь жизни даровитого писателя, и нет ничего мудреного, что пытался его удержать»[4].

Тело декабриста так и не было найдено, что дало повод к различным домыслам[5], вплоть до утверждения, что он скрывался от царя в горах

Кавказа[6]. Правда, его имя значилось в ведомости об убитых и раненых при занятии десантом мыса Адлера[7].

Узнав о гибели Марлинского, в отряде «все были печальны, угрюмы»[8].

Один из участников экспедиции отряда генерала А. А. Вельяминова, двигавшегося со стороны Геленджика, в своем дневнике

---

1 ОЗ, 1860, т. 131, № 7. – С. 79.

2 *Между прочим, в этой десантной операции участвовали также юнкера Мингрельского егерского полка, студенты Петербургского университета Цехницкий, Шенявский, Панно, Домбровский, Календо и Киреев (РВ, 1870, т. 88, № 7. – С. 83).

3 АКАК, т. VIII. – С. 357, № 263.

4 Семевский (М. И.) Александр Бестужев на Кавказе.– РВ, 1870, т. 88, № 7. – С. 81.

5 См.: там же. – С. 78 и сл.; 03, 1860, т. 131, № 7. – С. 98 и сл.

6 Веленгурин Н. Указ.соч. – С. 150.

Существует и такое предание. На четвертый день после десанта, в набеге русского отряда на ближайший аул, при одном убитом горце, нашли пистолет Марлинского, о котором лазутчики рассказывали, что горцы, уважая его храбрость и необыкновенную ловкость при защите себя шашкою, взяли его тяжело раненного в аул, где он, от большой потери крови, на другой день умер. (Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год.– КС, 1879, т. III. – С. 81).

7 См.: ОЗ, 1860, т. 131, №7. – С. 86.

8 Л. К. Последние дни Марлинского.– «Иллюстрация» [СПб.], 1842, т. 24, № 24. – С. 378.

13 нюня 1837 года записал: «...Изрублен шашками Бестужев... Итак, в этом году мы лишились двух славнейших людей – Пушкина и Бестужева»[1].

В газетах лишь промелькнуло глухое, без подробностей, известие о гибели А. А. Бестужева-Марлинского. «Но далеко не все отнеслись просто к этому известию»[2]. «Личность его, а следовательно и судьба, интересовали всю грамотную, читающую Россию»[3].

Это и естественно. Марлинский был в те годы одним из самых популярных русских писателей.

П. П. Каменский восклицал: «Вот еще разбитая лира, еще исчезнувшая знаменитость литературная; еще утраченный писатель: Марлинский умер...»[4]. В том же году и известный деятель грузинской культуры Г. Д. Эристави откликнулся на смерть А. А. Бестужева-Марлинского. А французский ученый Фредерик Дюбуа де Монперэ назвал его «одним из лучших писателей России», которого ученый мир недавно потерял»[5].

Либеральный профессор Петербургского университета А. В. Никитенко 5 июля 1837 года не без горечи записал в дневнике: «Новая потеря для нашей литературы: Александр Бестужев убит. Да и к чему в России литература!»[6].

Страшную весть о гибели брата Александра, которым гордилась семья Бестужевых, принесло письмо Павла, датированное 5 июля 1837 годом. И она произвела не только на братьев Бестужевых, но, как писал Михаил, – на всех их товарищей «какое-то потрясающее действие»[7].

Так, в возрасте сорока лет, в пору писательской зрелости, расцвета творческих сил и дарований погиб А. А. Бестужев-Марлинский, последние годы жизни которого прошли в беспрестанных скитаниях по Кавказу.

---

1 ГПБ, РО, собр. Тиханова, д. 326, тетрадь III, л. 5.

2 Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. III. СПб., 1892. – С. 174.

3 Семевский (М. И.) Александр Бестужев на Кавказе. – С. 78.

4 См.: «Литературное прибавление» к «Русскому инвалиду», 1838, № 31, июнь.

5 Дюбуа де Монперэ Ф. Указ. соч. – С. 118, прим.

6 Никитенко А. В. Записки и дневник. СПб., 1904, т. I. – С. 289.

7 РС, 1881, т. 32, № 11. – С. 603.

Пребывание А. А. Бестужева-Марлинского на Кавказе, говоря словами С. А. Венгерова, «совпадает с расцветом литературной его деятельности и апогеем его славы»[1]. И это совершенно справедливо противоречит нередко встречающемуся утверждению о том, что будто Марлинский был в состоянии ищущего смерти человека. Буквально накануне гибели он даже предполагал жениться и послал в Москву «сватовское письмо». «Хочу жениться, – писал он брату Павлу 5 апреля, – на княжне Даше У...ой, воспитаннице матери Валерьяна Г... (декабриста Голицына? – Г. Д.); очень умная, бойкая, светская девушка... Жду на днях ответа... Я прикомандирован к Грузинскому гренадерскому полку и с разорванным сердцем еду скоро в Абхазию. Впрочем по взятии мыса Адлера вернусь в Кутаис, а там, что бог даст»[2].

А. А. Бестужев жаждал жить, и хотел прежде всего жить для России, мысль о которой, о ее будущем, никогда не покидала его, – и в это чрезвычайно трудное для него время. В одном из его писем (1832 год) читаем: «Признаюсь, сердце у меня разрывается, когда вздумаю, что не увижу моей родины, которой отдал и посвящал я все...»[3].

В письме к братьям Полевым от 19 июня 1836 года он горько спрашивал: «Неужели я погибну, не взглянув на родину?»[4] А в его письме брату Павлу от 23 февраля 1837 года говорилось: «Я молю только об одном – чтобы не погибнуть простертым на ложе страданий или в поединке...»[5].

Другое дело, что писатель реально сознавал всю опасность военной жизни на Кавказе.

На Адлерском мысе было воздвигнуто укрепление Св. Духа. Собственно с этого времени и начинается устройство так называемой Черноморской береговой линии, о которой подробно будет рассказано ниже.

Здесь впоследствии возник курортный городок Адлер. Среди его достопримечательностей – памятник писателю-декабристу[6*]. Па

[1] Венгеров С. А. Указ. соч. – С. 160.

[2] ОЗ, 1860, т. 131, №7. – С. 73.

[3] РС, 1901, №2. – С. 400.

[4] РВ, 1861, т.32, №4. – С. 479.

[5] Бестужев-Марлннский А. А. Сочинения в двух томах. М., 1958, т. 2. – С. 674.

[6] * Кстати, в связи с 75-летием со дня занятия Адлера по А. А. Бестужеву-Марлинскому была отслужена панихида и начата подписка на сооружение ему

нем – бронзовый барельеф Марлинского. Ниже – перо на раскрытой книге, лежащей на оковах. Еще ниже – чугунная доска с надписью:

«...и на обломках самовластья напишут наши имена.
А. С. Пушкин».

Александр
Александрович
БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ
1797–1837
Погиб в бою под Адлером

А. А. Бестужев был на Кавказе в пору расцвета своего таланта. Он глубоко изучал кавказоведческую литературу (русскую и иностранную), знакомился с жизнью местного населения. Профессор А. Д. Нордман[1*] в кратком отчете об указанном выше его путешествии в 1835 году, кстати в сопровождении Деллингера[2], сына баварского профессора физиологии, отмечал: «Находившийся на нашем фрегате известный прозаик Марлинский, которому я много одолжен за сообщаемые мне известия о Кавказе, помогал мне снимать виды. Рисуя мысы Мамая и Адлера и будучи очарован великолепным видом лежащего пред ним ландшафта, он не знал и не предчувствовал, что рука его обрисовала очерки того места, на котором спустя год ему суждено было пасть»[3]. Нордман встречался в Бамборе и с польским революционером Ф. Я. Лисовским, «любознательность» которого также ему «много помогла»[4].

памятника, а «общественный сад» назван Бестужевым (Закавказская речь, № 158, 11 июля 1912 г.).

[1] * А. Д. Нордман в 30–40 годах был профессором Одесского лицея, затем Гельсингфорского университета. Во время указанного путешествия ученый обследовал, в частности, центральный и северо-западные районы Абхазии. Он собирал и изучал материал не только по биологии и ботанике, но также географии, этнографии, истории и археологии. Подробнее см.: И. И. Пузанов. А. Д. Нордман. М., 1969.

[2] См.: Нордман А. Н. Указ. соч. – С. 401.

И. И. Пузанов называет его Т. Доллингером, садовником Никитского сада (см. указ. его соч. – С. 19).

[3] Нордман А.Н, Указ. соч. – С. 404.

[4] Там же. – С. 419.

В 1836 году Бестужев поразил своим глубоким знанием Кавказа С. В. Сафонова, путешествовавшего по восточному берегу Черного моря на корвете «Ифигения». Последний писал: «Знаете ли, сказал наш знаменитый литератор, так хорошо знакомый с Кавказом, А. А. Марлинский, – знаете ли, как горцы вытаскивают на берег лодки?» И далее рассказывается об этом способе[1].

А. А. Бестужева в Абхазии видел и В. Андреев, который потом вспоминал, что в Абхазскую экспедицию «были прикомандированы из других полков Александр Бестужев и Норов – брат бывшего министра»[2].

Хочется еще привести следующее сообщение Эдмунда Спенсера: «Один из... политических преступников, М., – был введен ко мне (в лагере у Суджук-Кале. – Г. Д.)... Он был очень известным автором и считался одним из самых ученых людей в империи, но так как он, к несчастью, принимал выдающееся участие в хорошо известном революционном движении в С.-Петербурге, то был наказан за свою вину, а это наказание было смягчено, принимая во внимание его литературный талант, изгнанием на Кавказ»[3]. Не вызывает сомнения, что здесь речь идет о А. А. Бестужеве-Марлинском, который действительно в это время, в 1836 году, и позже бывал в данном районе. Но дальше автор сбивает нас своим заявлением о том, что упомянутый «политический преступник» служил на Кавказе 12 лет в качестве солдата и почести пришли слишком поздно, так как бедный малый умер от чахотки»[4]. Здесь Спенсер явно путает. Вероятно, в этом случае речь идет об А. И. Одоевском, но и тот умер вовсе не от чахотки и служил на Кавказе очень мало.

А. А. Бестужев-Марлинский с большим сочувствием относился к освободительной борьбе кавказских народов. Он не разделял шовинистическую политику царизма, основанную на силе оружия, на подавлении национальной самобытности горцев. Он был сторонником мирной, гуманной политики, экономической и культурной связи с народами Кавказа, совместной борьбы против самодержавного гнета. Таким образом, кавказская проблема решалась писателем в духе передовых, декабристских идей[5].

[1] Сафонов С. В. Указ. соч. – С. 22.
[2] Андреев В. Указ. соч. – С. 85.
[3] Spenser E. Указ. соч. – С. 270.
[4] Там же. – С. 270-271.
[5] Маслин Н. Указ.соч. – С. XLIV-XLV.

Но осуждая самодержавный гнет, Марлинский в то же время выступал против идеализации «азиатской патриархальщины», сковывавшей развитие кавказцев. Он не сомневался в том, что присоединение к России принесет Кавказу большой прогресс. «Дайте Кавказу мир, и не ищите земного рая на Евфрате... он здесь, он здесь!», – заявлял Марлинский[1].

С горечью отмечая, что сведения о Кавказе «текут к нам сквозь иностранное решето», А. А. Бестужев критически отзывался о сочинениях иностранных кавказоведов, неверно или неточно рассказывавших об этой земле и остававшихся совершенно равнодушными к животрепещущим вопросам социальной жизни кавказских народов. Упрекал он и отечественных ученых, не уделявших должного внимания Кавказу. Его не удовлетворяли также газетные сведения. «Слов пет, – писал Бестужев, – чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике... Все это необходимо в области наук; но для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними Меланхленами и спорить, происходят ли Бжедухи от Стробоновых Скептухов, коих, бог знает почему, г. Броневский назвал Скиптроносцами»[2].

Одним словом, «вообще Кавказ вовсе не известен: его запачкали чернилами, выкрасили как будку; но попыток узнать его не было до сих пор, или люди на то назначенные не имели средств, познаний, отваги, случая»[3].

В художественной же литературе Кавказ нередко идеализировался. 13 апреля 1837 года, прочитав новую повесть П. П. Каменского «Келиш-бей», об абхазском владетеле конца XVIII – начала XIX века Келешбее Шервашидзе (Чачба)[4*], А. А. Бестужев-Марлинский

[1] Марлинский А. Путь до города Кубы. – Полное собрание сочинений. Часть X, Кавказские очерки.
[2] Марлинский А. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. Полное собрание сочинений. Часть X. Кавказские очерки. СПб., 1838. – С. 10–11
[3] РВ, 1870, т. 88, № 7. – С. 47 (Письмо А. А. Бестужева от 15 января 1833 г.).
[4] * Названная повесть П. П. Каменского, рассказывающая о жестокой борьбе различных политических ориентаций в Абхазии в начале XIX века, о стремлении абхазского народа к сближению с Россией, была впервые опубликована в «Литературном прибавлении» к «Русскому инвалиду» от 20 и 28 января 1837 года.

писал своему брату Павлу Бестужеву: «Кланяйся Каменскому; читал я его Келишбея – недурно, только зелено...»[1].

П. П. Каменский в 1833–1837 годах находился в Грузии (Тифлис, Гори, Сухуми и др.), куда он был сослан «за какие-то свободные разговоры»[2]. Служа здесь юнкером, он сперва дружил с Павлом Бестужевым, а затем «сделался закадычным другом Марлинского»[3]. В то время Каменский пользовался славой талантливого писателя; особый успех имели его кавказские повести.

Всюду, куда бы судьба не забрасывала А. А. Бестужева, он очень легко приобретал новых друзей и почитателей[4]. В Абхазии Бестужев сближается с первым абхазским ученым-этнографом С. Т. Званба (1809–1855)[5]. Некоторое время они служили в одной воинской части. Есть основания полагать, что А. А. Бестужев и другие русские дворянские революционеры оказали определенное влия-

Некоторые ошибочно полагали, что автором этой повести является А. А. Бестужев-Марлинский (см., например, Дюбуа де Монперэ Ф. Указ соч. – С. 118, прим.), которому, кстати, одна посвящена («А. Б.-М.»),

Надо сказать, что Каменский, который, как уже отмечалось, бывал в Абхазии, и в других своих произведениях обнаруживает хорошие познания в области исторического прошлого края и его географических номенклатур. Так, например, 22-я глава романа Каменского «Искатели сильных ощущений» (СПб., 1839) почти целиком посвящена Абхазии. Он дает великолепное описание ее природы. Вот как Каменский описывает лес: «Темна ночь Абхазии среди даже лета; зги не видать в ее густых, непроходимых дебрях... Часто проезжая абхазскими лесами, не понимаешь, как попал среди них: так недоступна, величава их наружность» (С. 137–138).

[1] ОЗ, 1860, т. 131, № 7. – С. 75.

Между прочим, В. Г. Белинский в 1838 году в рецензии на «Повести и рассказы» Каменского, куда вошел и «Келиш-бей», писал: «Если дело идет о Кавказе, то никогда не ищите в повести ничего тихого, веселого или забавного: повесть обыкновенно начинается громкими фразами, а оканчивается резко, предательством, отцеубийством. Конечно, все это бывает в жизни... но ведь это только одна сторона жизни горцев: зачем же, отвлекать только одну ее?» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. II. М., 1953. – С. 482).

[2] Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни, – РА, 1887, № 1. – С. 109.

[3] Каменский М. Ф. Воспоминания.– ИВ, 1894, т. 58, №10. – С. 55.

[4] Васильев М. Декабрист А. А. Марлинский как писатель-этнограф. – Научно-педагогический сборник, 1. Казань, 1926. – С. 57.

[5] О нем: Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979. – С. 36–48.

ние на развитие общественно-политических взглядов Званба. Деятельность Званба была ярким проявлением культурного влияния России на абхазов, подобно, скажем, деятельности Шоры Ногмова (1801–1844) у адыгов, вместе с декабристами служившего в Отдельном Кавказском корпусе[1], проживавшего некоторое время в Тифлисе, где близко знакомится с местным русским обществом, и занимавшегося научными изысканиями[2].

Под влиянием Бестужева-Марлинского, в частности, у Соломона Званба, очевидно, возник глубокий интерес к изучению этнографии Абхазии. Сотрудничая в тифлисской газете «Кавказ», Званба в первой половине пятидесятых годов опубликовал несколько ценных очерков, положивших начало серьезному этнографическому изучению быта абхазского народа и составивших крупный вклад в абхазоведение. Сборник статей Званба в 1955 году был издан в Сухуми под названием «Этнографические этюды».

Как известно, А. А. Бестужев был и прекрасным знатоком этнографии. Вообще декабристы внесли большой вклад в отечественную этнографию и фольклористику[3*]. В их взглядах были «зачатки исторического и социального подхода» к быту, нравам, обычаям и культуре народов[4]; им «чужды были идеи расовой или национальной исключительности»[5]. А. А. Бестужев-Марлинский, в частности, сыграл важную роль в этнографическом изучении Кавказа и в целом в развитии русского кавказоведения[6]. Кавказские повести и очерки писателя, по словам Н. И. Греча, «созданные... под солдатскою шинелью в ущельях Кавказа»[7], свидетельствуют о его серьезном интересе к истории, обычаям, фольклору народов этого края. Они «славились

[1] Сб. Шора Ногмов (1844–1944). Нальчик, 1944. – С. 33 и др.; Очерки истории Адыгеи, т. I. Майкоп, 1957. – С. 321

[2] Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д. и др. История Грузии, I. Учебное пособие. Тбилиси, 1962. – С. 504.

[3] *См., например, работы В. Е. Гусева «Вклад декабристов в отечественную этнографию» (Декабристы и русская культура, Л., 1976) и Васильева М. Декабрист А. А. Бестужев как писатель-этнограф (Научно-педагогический сборник. Казань, 1926).

[4] Гусев В.Е. Указ.соч. – С. 103.

[5] Соколов В. К. Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора.– Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. I. М., 1956. – С. 210.

[6] Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. – С. 161 и сл.

[7] Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.-Л., «Academia». 1930,. – С. 474.

не только своей занимательностью, но ценились и с фактической стороны»[1]. А как отмечалось выше, о кавказских горцах «так много вздора говорили путешественники и так мало знают их соседи – русские»[2]. Указанные произведения славились еще самим подходом их автора к кавказской теме. «Я вижу Кавказ совсем в другом виде, как воображают его себе власти наши», – писал он 28 июля 1833 года братьям Полевым[3]. «То есть, речь идет об изучении культуры народов Кавказа в свете общих положений декабристского мировоззрения[4].

А. А. Бестужева-Марлинского волновал вопрос экономического развития Кавказа, привлекали его внимание природные богатства края и их значение, в частности, для торговли России со странами Востока[5]. Сообщая, например, о проекте устройства гавани в Поти, он в письме к братьям Михаилу и Николаю от 23 ноября

1836 года подчеркивал, что «если это сбудется, транзитная торговля с Персией и Турцией оживит Кавказ». Марлинский считал необходимым, чтобы эта работа была поручена «знающему инженеру», а в корпусе путей сообщений в России «есть молодцы, которые могут это предприятие хорошо обдумать и хорошо использовать». «Кавказу, – писал он далее, – суждены в будущем великие судьбы, как винограднику России и как ворота в Азию... Кроме того, там по Куре могут расти все красильные и пряные травы, а сахарный тростник всходит отлично. Одним словом, этот край ждет одной головы, многих рук и всего более золота»[6].

Описание же А. А. Бестужева-Марлинского отдельных населенных пунктов Западного Кавказа представляет для нас характер важного источника. Вот как отзывался он о Геленджике: «Кучка землянок душных в жар, грязных в дождь, сырых и темных во всякое время... Общества, разумеется, никакого... Здесь нечего есть... Питаются поневоле солониной да изредка рыбой...»[7] В другом месте так-

[1] Мордовченко Н. А. А. Бестужев-Марлинский. – Бестужев-Марлинский А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1961. – С. 39.

[2] Бестужев А. А. Полное собрание сочинений в двух томах, т. 2. СПб., 1906. – С. 311.

[3] Цит. по: Маслин Н. Указ. соч. – С. XLIX.

[4] Там же. – С. XLVIII.

[5] Васильев В. Бестужев-Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939. – С. 25.

[6] РВ, 1870, т. 88, № 7. – С. 72.

[7] РВ, 1861, т. 32, № 4. – С. 478.

же читаем: Геленджик «сидит у моря, у залива... Почты нет, сообщения редки и то водою, отчего вести и жизненные припасы там почти не водятся...»[1]. А между тем Геленджик считается лучшим местом от Анапы до редута Св. Николая»[2].

Или же возьмем Керчь, которая по сообщению Марлинского, быстро отстраивается, где карантин – один из лучших в России и «обыкновенно всегда до 70 судов на якоре». Но особенно музей «стоит внимания изучения», а «почва... вся почти состоит из обломков горшков и стен»[3]. Марлинский «спускался в размытые курганы, в катакомбы, напудрился крахом древности самой классической, самой грецкой...»[4]. Его возмущало, что «черноморцы не думают ни о чем, и хотя близость порта обещала бы им золотые горы за зелень и живность, не разводят огородов и курица стоит там 160 копеек!»[5] А вот как Марлинский отзывался об Иванове: «Все Черноморье есть море грязи, но Ивановка наша – бездна ее. Лошади тонут до ушей на улицах, можешь вообразить (обращается к брату Павлу. – Г. Д.), какова участь бедных солдат»[6].

Но зато А. А. Бестужев-Марлинский был восхищен красотой края, описанию которой посвятил не одну страницу. За два года до своей трагической гибели он писал: «Если же паду на чужбине, я бы хотел быть схороненным на берегу моря, у подножья гор, глазами на полдень, – я так любил горы, море и солнце!»[7]

Сообщая матери (13 апреля 1837 года) о предстоящей экспедиции в Цебельду и Адлер, он восклицал: «Опять увижу Черное море, опять на нем поплаваю... Виды здесь – прелесть; природа утешает меня за злость людей»[8]. А в его письме к К. А. Полевому[9], названном им «В сердце Цебельды», также читаем: «Вот уже три недели как я шляюсь по новому для меня краю Миигрелии, Абхазии, и новому

[1] ОЗ, 1860, т. 131, № 7. – С. 54.

[2] РВ, 1870, т. 88, № 7. – С. 68.

[3] Там же. – С. 69.

[4] Там же, 1861, т. 32, № 4. – С. 477.

[5] РВ, 1870, т. 88, № 7. – С. 69.

[6] ОЗ, 1860, т. 131, № 7. – С. 52.

[7] Л. К. Последние дни Марлинского. – С. 376.

[8] ОЗ, 1860 т. 131, № 7. – С. 75.

[9] Полевой К. А. (1796–1846) – русский писатель, критик, журналист и историк; в 1815–1834 годах издавал и редактировал журнал «Московский телеграф», который был закрыт правительством.

для русских вообще краю Цебельды. Виды – прелесть, но люди... бедны, как нельзя более, в краю, роскошном дарами природы...»[1].

Далее приведем другие сведения об Абхазии, содержащиеся в письмах А. А. Бестужева и весьма ценные для нас. Правда, он, как утверждает в своих воспоминаниях Я. П. Костенецкий, вообще «был очень осторожен в своей переписке»[2]. Это и естественно. Военный министр А. И. Чернышев 9 декабря 1834 года писал начальнику Почтового департамента князю А. Н. Голицыну: «...Государю императору благоугодно, дабы обращено было особое внимание почтового начальства на переписку Александра Бестужева с Полевым»[3].

В один из весенних дней 1836 года А. А. Бестужев-Марлинский совершил прогулку по окрестностям Сухума. Его внимание привлекли развалины башни, видимо, Великой абхазской (Келасурской) стены у моря, или замка Баграта, находящегося неподалеку от этого памятника. Несомненно, под впечатлением этой прогулки Бестужев писал своему брату Павлу 23 апреля 1836 года из Геленджика: «В самом деле, как можно сравнить природу и воды около Сухума с нищими окрестностями Геленджика, а что до гибельности климата – все один черт по всему берегу Черного моря»[4].

13 апреля 1837 года Марлинский послал письмо своему брату Павлу, в котором содержатся такие любопытные сведения: «...Борис Чиляев (Чилашвили. – Г. Д.) в Бамборы. Норденстам[5] секретно осмотрел дорогу по хребту от Гагр к Адлеру: это ужас! и но ней поделаны завалы... Теперь выступаем в Цебельду, оттуда недели через две-три воротимся...»[6].

Обращает внимание сообщение Бестужева о Б. Г. Чиляеве (Чилашвили), который в 1837 году являлся командующим войсками в Абхазии. Князь М. 3. Аргутинский-Долгорукий 8 сентября 1837 года писал Чилашвили: «На Вас теперь изрядная обязанность лежит принять больной отряд и расположить по теплым домам и лечить его. Мой дружеский совет вам – стараться по возможности стеснить всех в Бамборе, чтобы доставить удобство возможное больным»[1].

Борис Гаврилович Чилашвили (1798–1850) – видный деятель грузинской культуры первой половины XIX века, придерживавшийся прогрессивных идей[2]. Борис и его брат Егор Чилашвили были хорошо известны в Петербурге и Москве, где проходили их учеба и начальный период службы. Братья в столице тесно общались с декабристами: Борис, в частности, был «старым однокашником».

А. А. Бестужева-Марлинского[3] – они вместе воспитывались в Горном кадетском корпусе. Б. Г. Чилашвили на Кавказе, где он служил с 1827 года (после восстания декабристов не захотел оставаться в Петербурге), встречался с Бестужевым-Марлинским, Грибоедовым и Пушкиным[4]. О нем Петр Бестужев в своих «Памятных записках. 1828–1829 гг.» писал: «Любезный и добрый человек. Всегдашняя готовность к благородному делу обнаруживает в нем искру и присутствие добродетели и чувств возвышенных... Он грузин по происхождению; но искренно желал бы я, чтобы мое отечество имело более таких пасынков»[5].

Б. Г. Чилашвили был участником русско-иранской войны 1804–1812 годов. Впоследствии генерал-адъютант[6]. Между прочим брат его Егор вместе с С. Додашвили, А. Чавчавадзе и другими передовыми представителями грузинской феодальной интеллигенции был втянут в заговор 1832 года[7].

В письме от 29 апреля 1837 года из Сухума Марлинский сообщал матери: «В другой раз посещаю я Сухум и Келасури, близ коих расположены мы лагерем. Дрожайшая матушка. Это уже Абхазия – страна...»[8]

---

[1] РВ, 1861, т. 32, № 4. – С. 485.

[2] РС, 1900, т. 104. – С. 456.

[3] Цит. по: Гиреев Д. и Недумов С. Декабристы на Кавказе. – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XIX. Орджоникидзе, 1857. – С. 158.

[4] ОЗ, 1860, т. 131, № 7. – С. 59.

[5] О нем: АКАК, т. X, ч. I. – С. XXVIII; КЭС, I. – С. 304.

[6] ОЗ, 1860, т. 131, № 7. – С. 75.

[1] Модзалевский Б. Кавказ николаевского времени. – РА, 1904, вып. I. – С. 115.

[2] Боголюбов И. Я. Полонский в Грузии. Тбилиси, 1966. – С. 63.

[3] См.: РВ, 1861, № 4. – С. 436 (Письмо А. А. Бестужева Н. А. Полевому от 9 марта 1833 г.).

[4] Модзалевский Б. Указ. соч. – С. 15–17.

[5] Цит. по: Воспоминания Бестужевых. – С. 364.

[6] См.: АКАК, т. X. – С. .XXXIII.

[7] Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д. и др. Указ. соч. – С. 458.

[8] РО ИРЛ, ф. 604, д. 4(5573), л. 100.

В письме от 12 мая к К. А. Полевому он отмечал, что некоторые русские солдаты, бежавшие в Цебельду или попавшие в плен[1], «провели тут до 35 лет, женились, вывели детей». Далее сообщалось: «... Около 1-го июня мы двинемся за Гагры, там народ боевой и природа ужасная трудностями; надо будет по отвесным скалам пробивать дорогу под пулями врагов, под градом камней и стрел...»[2]. В письме к матери от 30 мая 1837 года из Сухума Марлинский сообщал: «Мы совершили поход в Цебельду и покорили ее почти без выстрела, дипломатикой»[3].

20 мая в Цебельде Марлинский написал письмо своему брату Павлу, в котором имеются такие строки: «Я имею счастие зевать теперь на высотах гор... Познакомился ли ты с Александром Розеном? Он очень добрый малый. Если да, то конечно получил и ответ мой на вопрос о совете Чиляева»[4]. 30 мая он пишет из Сухума матери и тому же брату. Обращаясь к последнему, Марлинский писал: «Я не думаю и не надеюсь умереть скоро, но все-таки, на всякий случай, лучше простимся. Не худо сделаешь, если задержишь письмо к матери до следующего известия, чтобы не дать ей напрасного беспокойства»[5]. 31 мая Марлинский в Сухуме написал еще одно письмо брату Павлу[6].

Два письма, адресованные А. А. Бестужеву-Марлинскому, утонули в бурной реке Кодор вместе с почтой. В связи с этим он писал из Сухума матери 30 мая 1837 года: «Реки здесь страшнее всех тигров и черкесов вместе»[7].

Повествование об А. А. Бестужеве-Марлинском хочется завершить справедливыми словами Е. Г. Вейденбаума: «Бестужев, обязанный своею литературною славою Кавказу, не остался в долгу перед ним и отплатил ему: Кавказ, считавшийся до этого местом ссылки, «теплою Сибирью», как его называли, превратился, благодаря Марлинскому, в обетованную страну для всех пылких сердец, для всех

[1] В другом письме А. А. Бестужев пишет, что численность их достигает до 120 чел. (Там же, РО, л. 98).

[2] РВ, 1861, т. 32, № 4. – С. 485.

[3] Там же, 1870, т. 88, № 7. – С. 74.

[4] ОЗ, 1860, т. 131, № 7 – С. 76.

[5] РВ, 1870, т. 88, № 7. – С. 75.

[6] См.: ОЗ, 1860, т. 131, № 7. – С. 77–78.

[7] РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 75.

непонятных романтических и демонических натур, для всех потерпевших сердечное или иное крушение в жизни»[1].

С Черноморьем и Абхазией, как видели, соприкасался и *Владимир Дмитриевич Вольховский (Вальховский) (1798–1841)* – товарищ А. С. Пушкина по лицею, друг В. К. Кюхельбекера и И. И. Пущина, член разных декабристских организаций[2]. В 1825 году он служил в гвардейском Генеральном штабе в чине капитана. Во время восстания находился в экспедиции. За причастность к движению декабристов Вольховский в сентябре 1826 года был отправлен на Кавказ – определен квартирмейстерским офицером в штабе Паскевича[3].

Участник войн 1826–1829 годов с Ираном и Турцией, В. Д. Вольховский известен как выдающийся военный деятель. В 1827 году он был командирован в Тегеран для переговоров с персидским правительством об ускорении платежа контрибуции[4]. Затем он снова на ноле битвы. В «Путешествии в Арзарум»

А. С. Пушкина читаем: «...Увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел однако время побеседовать со мною как старый товарищ»[5]. В 1828 году полковник (этот чин он получил за заслуги в русско-иранской войне) Вольховский назначается обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса. В 1830 году было решено направить его генеральным консулом в Египет, но в связи с начавшимся Польским восстанием временно командируется в Польшу, где и сблизился с генералом Г. В. Розеном – будущим своим начальником на Кавказе.

«Дружеские связи Вольховского с декабристами на Кавказе, его родственные связи с декабристом-свояком (А. Е.) Розеном – могли тоже повлиять на его службу... Вольховский не пользовался распо-

[1] Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. – С. 272.

Общую литературу об А. А. Бестужеве-Марлинском, кроме отмеченных, также см.: (Вознесенский С.) Библиографические материалы для словаря декабристов. Л., 1926. – С. 15–19.

[2] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 50–51; Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. – С. 71, 130, 550.

[3] Шадури В. Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов. Тбилиси, 1979. – С. 9–10; Нерсисян М. Указ. соч. – С. 160–161.

[4] АКАК, т. VII. – С. 575, № 582.

[5] Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах, т. VI. Л., 1978. – С. 457

ложением Паскевича, напротив, был ненавидим им. Паскевич же пользовался особым расположением» Николая I [1].

С 1832 года Вольховский в чине генерал-майора состоял начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса[2]. Он был избран на эту должность новым главнокомандующим на Кавказе бароном Г. В. Розеном. Вольховский, как отмечалось, «делал все, чтобы... облегчить положение ссыльных дворянских революционеров»[3]. Лица, близко знавшие его, писали, что он являлся «ангелом-хранителем всей довольно многочисленной семьи декабристов, поступивших на Кавказ»[4]. Вольховский, в частности, заботился об А. А. Бестужеве-Марлинском, приглашал его к себе, неоднократно удерживал от опасностей»[5]. А декабрист А. Е. Розен, переведенный на Кавказ в 1837 году, как родственник (свояк) часто бывал у него дома[6]. В названной выше книге профессора В. С. Шадури «Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов» приводятся ряд других интересных данных, которые характеризуют Вольховского как действительно покровителя сосланных на Кавказ дворянских революционеров. Так, бывший член Южного общества П. М. Леман 25 июля 1832 года писал Вольховскому: «Я не знаю как благодарить вас за все одолжения, мне вами делаемые». Вольховский переписывался и с причастным к декабризму П. М. Устимовичем (Сахно-Устимович), который с начала 20-х годов служил в Грузии секретарем канцелярии главнокомандующего, дружил с Грибоедовым, встречался с Кюхельбекером[7*]. Выше уже говорилось о той большой заботе, которую Вольховский проявлял но отношению к А. А. Бестужеву-Марлинскому.

Надо сказать, что В. Д. Вольховский старался облегчить участь не только ссыльных декабристов, но и местного населения. Об этом

[1] Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому царскому лицею, т. I. СПб., 1912. – С. 138–139.

[2] АКАК, т. VIII. – С. XI.

[3] Шадури В. Декабристская литература.., – С. 216–217.

[4] Ениколопов И. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954. – С. 89.

[5] Харьковские губернские ведомости, № 93, 1891.

[6] РБС, т. 16, 1913. – С. 381.

[7] * Переписка В. Д. Вольховского и его корреспондентов хранится в фонде Е. Г. Вейденбаума Института рукописей им. К. С. Кекелидзе (д. 1724–1855). В картотеке (словаре) последнего, на которую мы уже не раз ссылались, имеется также довольно подробная биографическая справка о Вольховском.

свидетельствует, например, его письмо от 21 мая 1835 года на имя барона Розена в Петербург, в котором говорится: «...Необходимо также облегчить положение горских жителей, несущих самые тягостные повинности (...). Если бы Ваше высокопревосходительство нашло бы возможным избавить сих жителей от денежных податей, то сие было бы великим и справедливым для них благодеянием»[1].

Вольховский и Грибоедов были питомцами пансиона Московского университета, но особенно они сблизились на Кавказе. Вольховский разделял идеи авторов Проекта создания Российской закавказской комиссии, принципиально отрицавших крепостное право[2].

В 1837 году В. Д. Вольховский участвовал в военных действиях в Абхазии, а также командовал десантным отрядом при занятии Адлера[3]. Здесь он встречался с А. А. Бестужевым-Марлинским, М.-Ф. Ахундовым, Б. Г. Чилашвили (Чиляевым), С. Т. Званба. В том же году Вольховский был «переведен» с понижением в должности в Литву, а в 1839 году вышел в отставку[4]. «Двадцать лет, – писал он, – продолжал я службу... но 1837 год был пределом моего благополучия»[5].

Кавказ вынужден был также покинуть Г. В. Розен, человек «с почтенным боевым прошлым», в частности, участник Отечественной войны 1812 года. Розена признавали «относительно лучшим администратором того времени на Кавказе», который «не очень поклонялся» системе Паскевича. Современники также отмечали, что с удалением Розена и Вольховского «дела на Кавказе пошли хуже»[6]. Николай I, лично посетивший край в 1837 году (между прочим, проездом из Поти он побывал тогда и в Гагре) и оставшийся недовольным положением дел[7*], отстранил и некоторых других служивших

[1] Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина.., т. I. – С. 261.

[2] Ениколопов И. Указ. соч.– С. 158–159.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6331, л. 44.

[4] Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке.– КЭС, П. – С. 181.

[5] ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), оп. 3, д. 27, л. 1.

[6] Андреев В. Воспоминания из кавказской старины.– КС, 1876, т. I. – С. 76. (Кстати, В. Андреев служил в войсках Отдельного Кавказского войска с 1816 по 1836 г.).

[7] * Накануне, 9 ноября 1837 года, С. Г. Стишинский писал командующему войсками в Абхазии Б. Г. Чиляеву: «Писульку эту, вероятно, вы получите тогда, как наш великий путешественник побывает у вас или проедет Бомборы. Наш корпусной командир теперь в ужасном беспокойстве... Все мы опасаемся, что государь

здесь офицеров, сочувственно относившихся к ссыльным декабристам. Кстати, сам Розен, этот «усердниший и весьма трусливый царедворец», все же «иногда очень осторожно «покровительствовал» декабристам»[1]. В связи со всем этим положение декабристов, естественно, еще более ухудшилось.

Нельзя не оценить высоко и не признать мужеством поступок названных и подобных им офицеров, если иметь в виду установку деятелей типа графа Паскевича. Представляя к награждению участников взятия Карса, этот царский фаворит похвалялся: «Вообще разжалованных во всех сражениях употреблял я в первых рядах или в стрелках и всегда там, где предвиделось наиболее опасности...»[2]

Известный русский военный деятель на Кавказе и писатель Ф. Ф. Торнау[3], знавший хорошо В. Д. Вольховского, дает последнему, можно сказать, восторженную характеристику. Это был умный, скромный и честный человек. «Его неутолимое трудолюбие, – пишет Торнау, – его добросовестность и его неизменно настойчивое требование служили для меня живым примером... Вникая сам во все, он предпочитал вместо укора собственным трудом исправить невольную ошибку подчиненного и ни в коем случае не дозволял себе резких выражений... он был требователен к самому себе... он решался тратить на сон не более шести часов в сутки... Многотерпеливый страдалец чужого... он кончил тем, что был удален из армии, когда же им же подготовленные успехи позволили обойтись без него»[4].

Прослужив много лет на Кавказе, Вольховский мог и должен был приобрести немало познаний о крае и его населении. Об этом свидетельствует, например, составленная им «Ведомость народов, обитающим между морями Черным и Каспийским, на пространстве. подвластном России, с означением народонаселения сих племен, степени их покорности к правительству и образа правления. 15 июня 1833 года». К этой «Ведомости» приложена «Карта народов, обитающих между морями Черным и Каспийским, на пространстве,

будет недоволен; дай бог, чтобы мы ошиблись: не то все наши надежды лопнули как мыльные пузыри, а может быть еще хуже будет». (РА, 1904, вып. I. – С. 129).

[1] Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. – С. 157.

[2] ЦГВИА, ф. 395, оп. 134/380, св. 381, д. 673, л. 4.

[3] Подробнее о нем см.: Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1876.

[4] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 13

подвластном России»[1]. В «Ведомости» и легенде на упомянутой карте приводятся названия народов и племен, населяющих значительную часть территории Кавказа, обозначения их численности и отметки о политической ориентации. В числе этих народов видим грузин, абхазов, адыгов (черкес) и др.[2*]

С именем В. Д. Вольховского связан еще один важный материал. Это – рукопись штабс-капитана О. Г. Блома «Описание Абхазии 1828 года», заверенная Вольховским[3]. А в рапорте от 25 января 1819 года на имя генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-адъютанта Сухтелена Вольховский сообщал данные об этом материале[4]. Рукопись, помимо общих географических и военно-топографических сведений, содержит перечень населенных пунктов Абхазии с указанием числа дворов, описание крепостей и укреплений, краткие сведения о занятиях населения, торговле, праве, военном деле, одежде, нравах, религии и т. д. «По моему мнению, – писал Вольховский, – г. Блом исполнил сие поручение с таким успехом, каковой только позволяли ограниченные местные средства и встреченные им препятствия...»[5]

В этом отношении представляет интерес и встреча Вольховского в Тифлисе с известным французским ученым-исследователем Кавказа Ф. Дюбуа де Монперэ[6*]. В письме к нему от 3 (15) января 1834 года Вольховский писал: «Monsieur, если Вы располагаете сегодня временем, Вы очень обяжете меня, оказав мне честь прийти ко мне обедать после полудня»[7].

Надо полагать, что в изучении Абхазии, как и всего Западного Кавказа, большой интерес для Вольховского представили сведения

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1060, ч. I, лл. 68-79 и карта.

[2] * В материалах Вольховского, к сожалению, имеются ошибки и неточности. например, садзов (джигетов) он причисляет к черкесам. То же самое делает Вольховский безоговорочно и по отношению к убыхам, а Грузию разобщает. Неточные и цифровые данные.

[3] См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19242, лл. 2-15.

[4] Там же, лл.1-1 об.

[5] Там же, л. 1 об.

[6] * Ф. Дюбуа де Монперэ в 1833-1834 годах совершил научное путешествие по Крыму и Кавказу, в результате чего появилось его многотомное фундаментальное исследование «Voyage autour du Caucase…». Paris, 1839-1843.

[7] Архив ЛО АН СССР, Ф.Ф. Дюбуа де Монперэ, оп. 1, д.36, л.21.

русского военного лазутчика Ф. Ф. Торнау, о ком подробнее будет сказано ниже. Именно ему поручил Вольховский «осмотреть тайным путем морской берег»[1]. В рапорте на имя генерала Вольховского от 20 февраля 1835 года из Бамборы Торнау так и писал: «Вследствие приказания, данного мне вашим превосходительством, я по прибытии своем в Абхазии немедленно занялся изучением способа к проезду от Гагр к Геленджику для осмотра дорог, пролегающих между сими местами»[2]. Вольховский встретил Торнау в Тифлисе «с предложением отказаться на долгое время от общества и от всех его удовольствий, преобразоваться с виду в черкеса, поселиться в горах и посвятить себя на сообщение сведений»[3].

Представляет интерес и предположение участия В. Д. Вольховского, вместе с П. А. Бестужевым, М. И. Пущиным и Н. В. Всеволожским, в издании газеты «Тифлисские ведомости»[4].

Еще об одном важном факте. Летом 1837 года Вольховский на Северном Кавказе познакомился с сосланным сюда Лермонтовым и по просьбе его друга А. И. Философова[5*] протежировал великому поэту[6]. Был он также старинным приятелем А. Г. Чавчавадзе – человека передовых взглядов, выдающегося грузинского поэта и общественного деятеля.

После Кавказа В. Д. Вольховский служил в западных губерниях бригадным командиром. Но поскольку здесь он попал под начальство «нерасположенного к нему» Паскевича, то и «нашелся вынужденным» выйти в отставку в феврале 1839 года и поселиться в Изюмском уезде по соседству с лицейским товарищем Малиновским, на сестре которого Вольховский был женат. Пожизненную пенсию и аренду обращал он, в основном, на устройства дела родных и на уплату подушных за крестьян своей жены. Однако жил он уже недолго: 7 марта 1841 года умер[1].

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. I. – С. 13.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, 1835 г, д. 23, л. 10.

[3] Торнау Ф. Ф. Указ, соч., ч. I. – С. 13.

[4] Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973. – С. 274.

[5] *А. И. Философов, боевой товарищ В. Д. Вольховского (они вместе участвовали в иранской и турецкой «кампаниях»), будучи человеком образованным и передовым, дружил с декабристами, вращался в литературных кругах России и Грузии, хорошо знал А. С. Пушкина. Был он родственником М. Ю. Лермонтова (Шадури В. Покровитель.., – С. 42–43).

[6] Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964. – С. 311, 350.

На письмо А. И. Философова с просьбой покровительствовать опальному поэту, В. Д. Вольховский отвечал (8 августа 1837 года): «Не нужно тебе говорить, что я готов и рад содействовать добрым твоим намерениям на счет его... По возвращении Лермонтова из экспедиции постараюсь действовать на счет его в твоем смысле» (Литературное наследство. М., 1978, № 45–46. – С. 679–680).

В личном архиве известных революционеров н общественных деятелей Вороновых[2], находящемся в бывшем их имении («Ясочка») в Цебельде Абхазской АССР, сохранились некоторые сведения о декабристе *Михаиле Ивановиче Старове*[3]. Был он родом из Москвы.

Ветеран партии и труда, правнучка Старова Л. Н. Воронова (1879–1967) сообщает следующие сведения о декабристе: «Михаил Старов... участвовал в Отечественной войне 1812 года; пройдя весь ее трагический путь от границы до горящей Москвы, а затем до Парижа и обратно. Общие труды и защита Родины сблизили командира Михаила Старова с солдатами, а его демократизм усилился благодаря свободолюбивым идеям Великой французской революции. Он стал декабристом. Благодаря этому он попал в ссылку на Кавказ и в духе демократизма и свободы воспитал свою дочь Веру Михайловну, мою бабушку», которая около 1847 года вышла замуж за польского революционера майора Константина Прогульбицкого, семья которого «свято чтила правило декабристов»[4].

С 1834 года майор М. И. Старов служил в 14-м гренадерском Грузинском полку и в составе его подразделения принимал участие в цебельдинской экспедиции барона Розена 1837 года[5]. Дослужился М. И. Старов до чина полковника. В 1867 году его старшая дочь Александра вышла замуж за Н. И. Воронова. Умер Старов в 70-х годах и похоронен в Абастумани.

В семье Вороновых сохранились и некоторые предметы, принадлежащие Михаилу Ивановичу Старову, а именно: басни Крылова (СПб., 1848) и песни Беранже (СПб., 1858, перевод В. Курочкина),

[1] Грот Я. Старина Царскосельского лицея. – РА, 1875, № 4. – С. 482.

[2] О них: Лейберов И. П. Цебельдинская находка. М., 1980.

[3] ЦГАА, ф. 833, д. 25.

[4] Там же, л. 3.

[5] Махлюк Н. П. Грузинцы в Закавказье. Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляровского полка. Тифлис, 1900, приложение I. – С. 20.

спичечница деревянная в виде фигуры чиновника в домашнем халате, фотографии Старова конца 50-х – начала 60-х годов.

С 1837 года на Кавказском Черноморье начинается деятельность генерала *Николая Николаевича Раевского (1801–1843)*, что имело важное значение для этого края и судеб находившихся здесь декабристов. Н. П. Раевский – друг А. С. Пушкина (как известно, великий поэт посвятил ему и свою поэму «Кавказский пленник»), деятель декабристского круга, сын знаменитого героя Отечественной войны 1812 года, показавшего чудеса храбрости в сражении с кавалеристами наполеоновского маршала Даву[1*]. Полковник Н. Н. Раевский вместе с братом Александром в 1825 году был арестован по делу декабристского движения. Правда, вскоре братьев Раевских освободили, но, как свидетельствовал декабрист П. П. Лорер, их «взяли на замечание и считали либералами и опасными людьми»[2]. Сестра Раевских, Мария Николаевна, – жена декабриста С. Г. Волконского[3], а другая сестра, Екатерина Николаевна, – жена декабриста М. Ф. Орлова[4]. Отец их, принадлежавший к числу наиболее об-

[1] На театр военных действий генералом Н. Н. Раевским был взят и Николай вместе с другим своим сыном. Подвиг Раевского и его молодых сыновей был воспет В. А. Жуковским в его известном стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

Небезынтересно также отметить, что в доме Н. Н. Раевского-старшего в Киеве часто бывали южные декабристы. Именно здесь С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин в 1823 году узнали от польского отставного генерала графа Ходкевича о существовании Польского тайного политического общества (Медведская Л. А. Южное общество декабристов и польское патриотическое общество.– Очерки по истории движения декабристов М 1954. – С. 279).

[2] Лорер Н. И. Записки. М., 1931. – С. 203.

[3] М.Н. Волконская - одна из первых жен декабристов, которая в 1827 г. последовала за мужем в Сибирь и жила там до 1855 г. Подвиг ее опоэтизирован Н. А. Некрасовым в «Русских женщинах». С. В. Волконский до конца жизни сохранял верность революционным воззрениям. Резко критиковал реформы 60-х гг. за их половинчатость. Одобрял пропаганду Герцена и Огарева, с которыми он встречался за границей.

[4] М. Ф. Орлов после ссылки, с 1831 г. жил в Москве, где пользовался значительным влиянием в кругах оппозиционной общественности. Изучал экономико-социологические проблемы. В 1833 г. опубликовал анонимно книгу «О гос. кредите», антифеодальную по своей направленности.

разованных, гуманных и патриотически настроенных генералов[1], был известен как либерально настроенный деятель, в доме которого часто бывали декабристы и польские революционеры[2]. Известно также, что декабристы намечали Раевского членом Временного верховного правительства.

По словам Г. И. Филиисона, одного из образованнейших офицеров Кавказской армии, Н. Н. Раевский еще в молодости увлекался героями Великой французской революции и «был замешан в драме, окончившейся кровавою развязкою 14 декабря»[3*]. И сам Филипсон, который во время восстания декабристов учился в школе юнкеров в г. Могилеве, «попал на дурное замечание у начальства»[4]. Между прочим, время, когда он начинал военную службу, называл «варварским, кровожадным временем», особенно для «бедных солдат» – «25-летний срок (службы) продолжителен до нелепости»[5].

В 1826 году Н. Н. Раевский был сослан на Кавказ за «прикосновение» к декабристам, после заключения в Петропавловской крепости[6]. Командуя Нижегородским полком, кстати, стоявшим в Кахети (в урочище Карагач), он отличился в войнах с Ираном и Турцией в 1826–1829 годах[7]. Недаром А. С. Пушкин в «Путеше-

[1] А. С. Пушкин, который высоко ценил Н. Н. Раевского, писал (1820 г.) о нем: «...Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой, снисходительного, попечительного друга... Он невольно привлечет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества» (Цит. по: Задонский Н. Денис Давыдов. М., 1959. – С. 630, прим. 10).

[2] Ольшевский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959. – С. 82, 84.

Между прочим, в селе Разумовском Кировоградской области находится фамильная усыпальница Раевских. Здесь, в бывшей церкви, открыт общественный историко-краеведческий музей. В 1968 году правнук героя Отечественной войны 1812 года Раевского Петр Михайлович Раевский, проживающий во Франции, передал в дар уникальный портрет прадеда с дарственной надписью.

[3] *Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 156.

[4] Там же. – С. 31.

[5] Там же. – С. 17-18.

[6] О Г. И. Филипсоне см.: АКАК, т. X. – С. XXXII.

[7] Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан.., – С. 222.

Когда-то, во времена императрицы Екатерины II, этим полком командовал его отец Николай Николаевич Раевский, который в возрасте 22 лет, женившись на племяннице М. В. Ломоносова, получил назначение на Кавказ. (Задонский Н. Денис Давыдов. М., 1959, с. 61). Под начальством Раевского «началась» на Востоке

ствии в Арзарум» рисует его как одного из талантливейших военачальников.

Но недоверие к Раевскому оставалось по-прежнему. В рапорте дежурного генерала Главного штаба от 17 сентября 1831 года читаем: «Государь император высочайше повелеть соизволили уведомить Ваше высокопревосходительство, дабы за прибывшим сюда, состоящим по кавалерии генерал-майором Раевским, учрежден был строгий тайный надзор»[1].

Между прочим, в рядах Нижегородского полка было немало грузинских воинов-солдат и офицеров, со многими из которых мог познакомиться великий поэт во время своего пребывания в этом полку. Александр Чавчавадзе, например, весьма уважал Раевского и сочувствовал ему[2]. Кстати, Чавчавадзе, как известно, был близок со многими декабристами, сосланными после поражения восстания в войска Кавказского корпуса, а Грибоедову доводился тестем.

С 1837 года деятельность Н. Н. Раевского переносится на Кавказское Черноморье, где в начале был начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии[3], а с января 1839 года – всей Линии (с произведением в генерал-лейтенанты[4]), которой царское правительство придавало большое значение для прочного завоевания северо-западной части Кавказа. Эта Линия, с одной стороны, отрезала горцев от морских сношений с Турцией, а с другой – лишала их возможности пользоваться зимой пастбищами в прилегающей к морю зоне, что в суровые зимы приводило к массовому падежу скота. Словом, учреждение Черноморской береговой линии и занятие

слава сего полка, которая потом утвердилась столь блистательно под командованием сына его, в последних войнах против Персии и Турции. (Давыдов Д.) Замечания на некрологию Н. Н. Раевского. М., 1832. – С. 4).

[1] ЦГАОР, ф. 109, от. III, I экспед., 1831 г., д. 586, л. 1.

[2] Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. – С. 201.

[3] В связи с назначением Н. Н. Раевского на эту должность поэт В. А. Жуковский в конце апреля 1838 года писал: «Хотя мне и жаль, очень жаль Вельяминова (умер 27 марта 1838 года. – Г. Д.), моего доброго, старого приятеля и соученикам, но я рад, что Раевского толкнули в дело, ибо он мастер своего дела и с Кавказом сладит.» (Архив Раевских, т. III. – С. 412)

[4] 23 мая 1839 года вышел приказ № 1 Раевского по Черноморской береговой линии о подчинении ему всех укреплений на восточном берегу Черного моря и о назначении начальников 1-го и 2-го отделений Черноморской береговой линии в Новороссийске и Сухуме (ЦГВИА, ф. 90, д. 114).

побережья русскими укреплениями, говоря словами Ф. А. Щербины, «было логическим следствием тех задач, которые преследовала Россия в своих отношениях к Турции и Кавказу»[1].

Эта система военных укреплений, построенная в 30–40-х годах XIX века, играла важную роль также в борьбе против работорговли и контрабандного ввоза товаров. Не лишена была она и известного экономического значения.

К созданию надежной системы защиты Черноморского побережья Кавказа Россия приступила тотчас же после Андрианопольского мира 1829 года, когда началось вмешательство иностранцев в ее войну с горцами. Русское правительство вместе с тем усиливает блокаду берегов в данном районе, что создает угрозу колониальной торговле Англии. Во внешнеполитических же планах последней Западный Кавказ занимал особое место. Англия вместе с Турцией всячески стремились помешать укреплению береговой линии, ослабить Россию с тем, чтобы самим укрепиться на северо-восточном берегу Черного моря[2]. Они разжигали борьбу горцев против присоединения Кавказа к России. За один только 1830 год к берегам Кавказа прибыло из Турции до 200 английских и турецких судов с военными грузами[3].Такой активности способствовала, особенно в ночное время, незащищенность побережья, открытого с моря. Поэтому форсированию строительства охранной береговой линии уделялось большое внимание. Наиболее рациональной представлялась идея адмирала М. П. Лазарева, предложившего взамен сооружения дорогостоящей прибрежной дороги высадку охранных десантов с моря. Лазарев учитывал, что прокладке дороги мешали горы, а строительные отряды постоянно подвергались нападениям[4]. При этом он опирался на возросшие возможности

[1] Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска, т. II. Екатеринодар, 1913. – С. 292.

Черноморская береговая линия, сформированная 5 апреля 1839 г. для управления всеми укреплениями на восточном берегу Черного моря, 24 апреля 1859 г. была переименована в гражданскую канцелярию командующего войсками Правого крыла Кавказской линии, а 11 января 1869 г.– упразднена. (См.: ПСЗРИ, 1839 г., ст. 12208; 1846 г., ст. 20707; 1859 г., ст. 34410; 1869 г, ст. 46652).

[2] Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. – С. 27–29.

[3] Островский Б. Лазарев. М., ЖЗЛ. 1966. – С. 150.

[4] Там же. – С. 150–151.

Черноморского флота, которым командовал с 1831 года и довел его до состояния высокой боеспособности[1]. Высадкой десантных войск обычно руководил сам Лазарев. Он действовал в тесном контакте с командующим десантным отрядом Раевским, который, в свою очередь, высоко ценил способности Лазарева и был готов постоянно работать с ним. Заметим также, что руководимый адмиралом Лазаревым Черноморский флот играл большую роль в борьбе с контрабандой и работорговлей в рассматриваемом районе[2].

Вся система Черноморской береговой линии (укрепления, крепости и форты – в устьях рек, населенных пунктах и плодородных долинах), тянувшаяся на протяжении 500 километров, разделялась на четыре отделения: первое из них простиралось от устья Кубани до середины расстояния между Новороссийской и Геленджикской бухтами, второе – между Геленджиком и фортом Головинским, третье начиналось фортом Навагинским и тянулось до села Илори, а четвертое, законченное в 1843 году, – до поста Св. Николая (Шевкетили), т. е. до турецкой границы. На территории Абхазии, включенной в третье отделение, находились укрепления Гагра, Пицунда, Бамбора и Мрамба (в Цебельде), крепость Сухум (местопребывание начальника отделения) и посты Дранда, Квитоул и Илори. Рядом с крепостями было организовано прибрежное плавание; суда Черноморского флота постоянно крейсировали вдоль этой линии[3].

Гарнизоны укрепления составлялись преимущественно из черноморских линейных батальонов. Эти части оставались на одних и тех же местах без смен во все время существования Черноморской береговой линии, т. е. до Крымской войны. «Через это люди, оставаясь как будто взаперти, впадали в уныние и подвергались болезням, усиливавшимся еще более вследствие губительного для здоровья климата и изнурения сил, происходившего от тревожной жизни»[4]. Гарнизонам, находившимся «в постоянной борьбе как с климатом,

[1] Литвинов М. Черное море. СПб., 1881. – С. 51–52.

[2] Островский Б. Указ. соч. – С. 150, 152.

[3] Военно-стратегическое обозрение Российской империи, т. XVI, СПб., 1853. – С. 36–37; ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 21, л.л. 83 об – 85 (Лекции графа Н. П. Игнатьева в Военной академии генштаба по военной географии на тему «Кавказский край», 1852)

[4] Васильев Е. Черноморская береговая линия. 1834–1835 гг. (Из Кавказской войны). – ВС, 1874, № 9. – С. 8.

так и с врагом», «приходилось иногда по целым месяцам питаться черствыми сухарями и кониною»[1].

Поэт-моряк, современник Пушкина Е. П. Зайцевский[2*] в стихотворении «Е. Ф. Р-ой» так отразил положение и настроение указанных гарнизонов:

...И вот теперь живем в Сухуме!
...С весной роскошной и живой
Глядим на дивную природу[3*] –

[1] Литвинов М. Указ. соч. – С. 50.

[2] * Из стихотворения Е. П. Зайцевского «Памяти Пушкина»:

Тебя уж нет для нас, поэт!
Мы в сиротстве остались грустном;
Но мой заряжен пистолет,
И на твоем убийце гнусном,
России мщением зажжен,
Он будет мною разряжен (...)

(Цит. по: «Временник Пушкинской комиссии. 1976». Л., 1979. – С. 61).

О Ефиме Петровиче Зайцевском (1801–1861), служившем на Черноморском флоте с 1817 года, см.: Вагнер С. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых, т. I. Пг., 1915. – С. 289; РБС, т. 7, Пг., 1916. – С. 179.

[3] * Между прочим, «о дивной природе» Абхазии с чувством горячей любви к этому краю Е. П. Зайцевский писал (Сухум, 6 июня 1823 года) в стихотворении «Абхазия» (напечатано впервые в альманахе «Полярная звезда на 1825 год». – С. 112):

Забуду ли тебя, страна очарований!
Где дикой красотой пленялся юный ум,
Где сердце силою пленительных мечтаний
Узнало первые порывы смелых дум
И в даль несло восторг живейших удивлений!
Волшебный край! приют цветов!
Страна весны и вдохновений!
Где воздух напоен дыханием садов
И горный ветерок жар неба прохлаждает,
Где нега томная в тиши густых лесов
К забвенью и мечтам так сладостно склоняет!
Где поражают робкий взор
Кавказа льдяные зубчатые вершины,
Потоки быстрые, леса по цепи гор,
Аулы... и темные долины!
Где все беседует с восторженной душой!
Там сладостно ночей теченье,
Роскошны сны и тих покой!
Там в грудь мою лились восторг и наслажденье, –
И я дышал огнем поэзии святой!

В ее горах, лесах, снегах!
Мы пьем чихирь, а чаще воду,
Горим на солнечных лучах,
Тоски любви, разлуку горе
Кой-как влачим на Черном море
И озираемся назад,
Нейдет ли сменный к нам отряд.[1]

Потому именно в эти войска и направлялись многие декабристы и их единомышленники. Они стремились попасть в части к Раевскому. «Человек рыцарской честности и неотразимого обаяния, Раевский привлекал к себе декабристскую молодежь своим общительным и веселым характером, простотой и гуманностью»[2].

Начало деятельности Раевского на Черноморье совпало с усилением наступления царизма на Западном Кавказе с целью окружить горские племена и отрезать их от Черного моря. В 1838–1839 годах под его командованием и завершается постройка укреплений, тянувшихся от Гагры до Геленджика. В 1837 году в этом деле предшествовал ему командующий правым флангом Кавказской линии и Черноморья генерал А. А. Вельяминов – также один из передовых военачальников на Кавказе. О нем А. А. Бестужев-Марлинский писал, что он «отличный генерал и отличный человек»[3]. В частности, «он не боялся декабристов, которых много к нему в войска приходили. Вельяминов обращался с ними учтиво, ласково и не делал никакого различия между ними и офицерами»[4]. А когда в сентябре 1837 года Николай I высадился в Геленджике и приказал Вельяминову подать список разжалованных, «которых было много в отряде»[5], генерал «осмелился не сделать этого»[6].

Много разжалованных на короткое или длительное время находилось и в отряде Н. Н. Раевского. Среди них видим целую группу декабристов, разбросанных намеренно по разным полкам (Тенгинский, Кабардинский, Навачинский, Куринский). Это были: А. И. Одоевский, Н. И. Лорер, А. И. Черкасов, М. Н. Нарышкин, В. Н. Лихарев, К. Г. Игельстром, Н. А. Загорецкий и др. замечательные представители, «богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног» (Герцен). Они с мест их сибирского поселения были определены рядовыми в названные части Кавказского Отдельного корпуса в 1837 году, причем по ходатайству наследника цесаревича в указанном году в сопровождении поэта Жуковского по Западной Сибири. Николай I считал, что их «путь в Россию ведет через Кавказ»[1]. Декабристы должны были находиться «под строгим присмотром и с тем, чтобы они непременно несли строевую службу по их званию и без всяких облегчений»[2].

Н. М. Сатин, один из близких университетских товарищей Герцена и Огарева и высланный из Москвы по их делу, который осенью 1837 года в Ставрополе встречался с декабристами Нарышкиным, Лорером, Розеном, Лихаревым, Назимовым и Одоевским, писал в своих воспоминаниях: «Несмотря на 12 лег Сибири, все они сохранили много жизни, много либерализма... Но из всех веселостью, открытою физиономией и игривым умом отличался Александр Одоевский»[3].

Всем названным декабристам, за исключением Розена и Назимова, в 1838 году пришлось участвовать в военной экспедиции на еще незанятую часть Черноморского побережья. Были здесь и другие разжалованные лица. Участник экспедиции поэт М. Ф. Федоров[4] об этом «обществе разжалованных» писал: «Тут можно было найти всякие личности, начиная от польского ксендза, русского священ-

[1] Цит. по: Русские писатели о Грузии. Сост. Шадури В. Тбилиси, 1948. – С. 410.
[2] Шадури В. «Дух общества». – Заря Востока, 26 декабря 1975 г.
[3] РВ, 1861, ст. 32, № 4. – С. 464.
[4] Филипсон Г. И. Воспоминания. М., 1885. – С. 115.
[5] Там же. – С. 142.
[6] А. А. Вельяминов умер в марте 1838 года. На его место временно был назначен генерал Н. Н. Раевский, а через некоторое время – генерал П. Х. Граббе.

[1] См.: Гессен А. Во глубине сибирских руд... М., 1965. – С. 262.
[2] ЦГВИА, ф. 395, канц., стол 2, 1837 г., оп. 274, д. 68, л.л. 1–2, 9–10.
[3] Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895. – С. 242–243.
[4] М. Ф. Федоров был разжалован из поручиков Могилевского пехотного полка и прибыл рядовым на Кавказ, в Тенгинский пехотных полк, в 1836 году («Черноморский вестник», 5 марта 1900 г., № 52). Он писал о себе следующее: «Я над собою испытал сильное нравственное влияние патриотических сочинений Державина, Жуковского, Рылеева и других... Это были мои наставники о нравственной философии. Одаренный от природы большою памятью, особенно для стихотворений, я, получив ничтожное, одностороннее военное образование, сохранил и сохраняю до смерти святые истины, высказанные в стихах подобными поэтами...» (Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. – КС, 1879, т. III. – С. 133).

ника, студента, чиновника, офицера, до высшей аристократии – баронов, графов и князей; причины же деградации (понижения. – Г. Д.) всех этих лиц были еще разнообразнее; или были: начиная от самого низкого, гнусного порока или преступления – до самых возвышенных, но, по закону государственному, преступных понятий о чести, человеколюбии, самоотвержении, правах человека и т. д. Закон книжный все это выровнял и, заклеймив званием солдата, долженствовавшим бы, кажется, быть почтенным для всех, нас поставил на одну доску»[1].

Десантный отряд, которым командовал Раевский, собрался в Тамани, кстати, «славившейся» как «самый скверный городишка из всех приморских городов России» (М. Ю. Лермонтов, «Тамань»). Старые товарищи по сибирской ссылке встретились здесь с большой радостью. Примечательным было и другое событие. По сообщению известного грузинского историка С. С. Эсадзе, в лагере у Тамани декабристы виделись и с Н. П. Огаревым[2], с которым они уже встречались в Ставрополе. Выдающийся революционный демократ посвятил им свои вдохновенные стихотворения «И если б мне пришлось прожить еще года...» и «Я видел вас, пришельцы дальних стран». Эта встреча – яркий показатель связи между русскими революционерами двух поколений. «Встреча с Одоевским и декабристами, – писал Огарев, – возбудила все мои симпатии до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, и я – идущий по их дороге, я – обрекающий себя на ту же участь... Это чувство меня не покидало»[3].

Экспедиционный отряд Раевского двигался со стороны Таманского полуострова, а со стороны Абхазии – десантный отряд генерала А. М. Симбирского (в нем состоял и абхазский владетель М. Г. Шервашидзе). Войска были посажены на суда Черноморского военного флота под личным наблюдением генерал-адъютанта М. П. Лазарева. 11 апреля отряд Симбирского был высажен у устья реки

[1] Федоров М. Ф. Указ. соч. – С. 115.

[2] См.: ЦГИАГ, ф. 1438, оп. I, д. 599, л. 45 об.

Эту версию повторяет и А. А. Олонецкий в книге «Из истории великой дружбы» (Тбилиси, 1954. – С. 48–49).

[3] Огарев Н. П. Кавказские воды. – Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952. – С. 406.

Сочи, в земле убыхов, и, «не взирая на самое упорное сопротивление со стороны горцев», занял намеченный пункт, где, на левом берегу названной реки, основали Навагинское военное укрепление[1].

Войска отряда генерала Раевского 12 мая высадились при устье реки Туапсе, где им было возведено укрепление под названием Вельяминовское. Затем было занято устье реки Шапсуго и возведено укрепление Тенгинское. На месте же прежней турецкой крепости Суджук-Кале при устье реки Цемес была заложена крепость, впоследствии – город Новороссийск[2].

Между прочим, экспедиция ознаменовалась и трагическим случаем для нее. В ночь с 30 на 31 мая сильная буря сокрушила у устьев рек Сочи и Туапсе 1 фрегат, 1 корвет, 1 транспорт, 1 бриг, 2 тендера, 1 пароход и 15 купеческих кораблей[3].

Отряд Раевского простоял на Шапсуго до начала сентября 1838 года. Но несколько раньше больных солдат отвезли в военный госпиталь в Тамань. Известный уже нам унтер-офицер М. Ф. Федоров тоже попал в этот госпиталь, где он встретился с декабристами Лорером, Черкасовым и Лихаревым, а также разжалованным же студентом Московского университета П. А. Антоновичем. Вот что он пишет об этих лицах: «Все они были прекрасного образования и замечательной доброты сердца; на вид, Лихареву и Черкасову было не более как за 35 лет, Лореру далеко за 40»[4].

После лечения в госпитале Федоров еще некоторое время находился в Тамани, где он часто встречался на прогулках с Лорером и Черкасовым. Здесь квартиру нанимал и М. М. Нарышкин, с которым Федорова познакомил Черкасов. Нарышкин принял его «как добрый человек знатного происхождения, с хорошим образованием»[5].

В апреле 1839 года сборный отряд Раевского осуществляет новую экспедицию для занятия других пунктов указанного участка Черноморского побережья. Он состоял из навачинского и тенгин-

[1] АКАК, т. IX. – С. 282.

Подробнее см.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6339.

[2] Юрков А. Три года на Кавказе (1837–1839). – КС, 1884, т. VIII. – С. 118 и сл.; Шишкевич М. М. Покорение Кавказа. – История русской армии и флота. М., 1911, вып. 6. – С. 74.

[3] АКАК, т. IX. – С. 282; Юрков А. Указ. соч. – С. 178 и сл.

[4] Федоров М. Ф. Указ. соч. – С. 152.

[5] Там же. – С. 155.

ского полков и двух рот кабардинского полка, нескольких казачьих сотен и саперного батальона. Должность начальника штаба Раевский предложил Г. И. Филипсону, возложив на него же составление управления Черноморской береговой линии. «Краеугольным камнем» этого управления были прапорщик П. А. Антонович, о котором будет сказано ниже, и два писаря из строевых солдат линейных батальонов, куда они были сосланы за участие в Севастопольском восстании 1830 года. Они имели «полную свободу» выбирать штабных чиновников из названных батальонов, куда посылали обыкновенно офицеров из армий за наказание или из кадетских корпусов «за дурное поведение». Среди них, а особенно между посланными «за политические преступления», было много людей «очень способных и очень надежных»[1]. Это были прежде всего названные выше «пришельцы дальних стран». Последние еще раз сошлись в Тамани. Они решили отпраздновать свою новую встречу. На вечернике был и служивший в это время па Кавказе Л. С. Пушкин, который в «дворянской палатке» Одоевского с жаром прочел наизусть поэму своего брата «Цыганы»[2].

В конце апреля Таманский отряд под начальством Раевского опять был погружен на эскадру Черноморского флота и под предводительством же Лазарева, который имел свой флаг на корабле «Силистрия», 3 мая высажен в устье реки Субаши, а в начале июля – в устье Псезуапе. После возведения в названных пунктах укреплений, отряд возвратился в Анапу, но вскоре был направлен на сооружение промежуточного укрепления между этим пунктом и Новороссийском. Первое укрепление было названо фортом Головинским, второе – Лазарева и последнее – Раевского. Итак, в основном, была завершена Черноморская береговая линия[3].

Ниже приводятся краткие сведения о каждом из упомянутых декабристов, участников экспедиций Раевского 1838 и 1839 годов. Но прежде всего следует отметить, что декабристы, как и другие опальные лица, сами стремились в отряд Раевского, им симпатизировавшего. Не случайно историк С. С. Эсадзе один из параграфов

[1] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 186.

[2] Одоевский А. И. Поли. собр. соч. и писем, с. 236; Попов А. В. Одоевский на Кавказе. – С. 236.

[3] АКАК, т. IX. – С. 285; Юрков А. Указ. соч.– КС, 1885, т. IX. – С. 115 и сл.; Шишкевич М.М. Указ. соч. – С. 74.

своей рукописной работы «Декабристы на Кавказе» назвал: «Николай Николаевич Раевский и его популярность среди декабристов»[1].

Последние во время отмеченных выше военных операций находились под пристальным наблюдением Раевского. Как писал Е. Г. Вейденбаум, Раевский «не уклонялся вне службы от общества разжалованных офицеров»[2]. Еще в 1829 году говорили, что он, будучи командиром Нижегородского драгунского полка, «наполнил свой штаб большей частью из декабристов и ссыльных офицеров»[3]. Декабрист В. М. Голицын впоследствии отмечал «гуманное обращение» Н. Н. Раевского, который «приглашал всегда запросто у него обедать и проводить вечера, избавлял его от караулов и фронтовой службы»[4]. Главнокомандующий на Кавказе – «ревнивый к своей славе» царский фаворит И. Ф. Паскевич, который пытался выместить на талантливом и популярном молодом генерале свою зависть и злобу, – в письме на имя императора случай встречи Раевского с декабристом З. Г. Чернышевым и с разжалованными за принадлежность к польским тайным обществам Николаем Ворцелем и Станиславом Карвицким и другими опальными лицами расценивал как признак того, что «дух сообщества существует», и считал удаление Раевского делом весьма полезным[5]. Было произведено следствие над Раевским «за проезд его в обществе государственных преступников...»[6]. В результате Раевский был отстранен от командования полком и даже получил домашний арест на 8 дней.

Правда, впоследствии Раевский, стремясь оградить себя от возможных новых неприятностей, в отношениях с декабристами стал более осторожен. А в подписанном им в Тамани приказе от 26 апреля 1838 года даже говорилось: «Предлагаю гг. полковым командирам и частным начальникам иметь бдительный надзор, дабы разжалованные не имели с гг. офицерами никаких общественных сношений, не соответствующих их положению»[7]. И декабристы устами

[1] См.; ЦГИАГ, ф. 1438, оп. I, д. 599, л. 33 об.

[2] Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе. – РС, 1903, т. CXIV, кн. VI. – С. 489.

[3] Воспоминания братьев Бестужевых. – С. 87.

4 Раевская Е. Из памятной книжки. – РА, 1883, вып. 2. – С. 295.

[5] Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т III. СПб, 1894. – С. 147.

[6] Потто В. Указ. соч, т. III. – С. 147, 168.

[7] Цит. по указ. статье Д. Гиреева и С. Недоумова. – С. 150.

Н. П. Лорера заявляли: «Наученный опытом, Раевский нас боялся, да и мы его избегали, чтобы невольно не ввести его в неприятное положение, т. к. доносчиков расплодилось многое множество»[1].

Тем не менее Раевский в этом вопросе оставался по существу самим собой. Так, например, в декабре 1838 года он из крепости Анапа послал командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генералу П. Х. Граббе «список по форме» отличившихся в экспедиции «государственных преступников» А. П. Вегелина, М. А. Назимова и В. Н. Лихарева с просьбой о представлении их к награде[2].

Более того, Н. Н. Раевский, будучи уже начальником Черноморской береговой линии, выступает с острой критикой официальной политики па Кавказе, что усугубило неприязненное отношение к нему со стороны кавказского начальства. Положение Раевского осложнялось тем, что в это время главнокомандующим на Кавказе был генерал Е. А. Головин – ярый реакционер, мистик и психопат, один из активных участников подавления восстания декабристов. Это о нем говорил генерал А. П. Ермолов, с обычной ему колкостью, что Головин столь же военный человек, сколько он, Ермолов, митрополит[3].

И снова о ссыльных декабристах. Естественно, начнем с *Александра Ивановича Одоевского (1802–1839)*, замечательного поэта[4*], примыкавшего в свое время к радикальной части Северного общества и которого Николай I злобно назвал «самым бешеным заговорщиком»[5].

А. И. Одоевский был непосредственным участником восстания 14 декабря 1825 года. Он «весьма радовался, что пришло время действовать, и говорил: «Ах! как славно мы умрем»[6]. После разгрома восстания Одоевский был лишен чинов и дворянства и сослан

[1] РВ, 1874, кн. I. – С. 408.

[2] Архив АИЯЛИ, ф. I, оп. I, д. 85а, л.л. 6–9.

3 Вейенбаум Е. Г. Кавказские этюды. – С. 312.

[4] * Вместе с Кюхельбеккером, Рылеевым и А. Бестужевым, А. И. Одоевский был одним из самых видных поэтов декабристов. Он был близким другом и родственником А. С. Грибоедова. Большинство его произведений написано на каторге в Сибири и во время пребывания на Кавказе.

[5] Записки Николая I о вступлении его на престол.– Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.-Л., 1926. – С. 21.

[6] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 140.

в каторжные работы на 8 лет. В феврале 1827 года он был отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь[1]. Здесь Одоевский находился до 1837 года и написал свое знаменитое стихотворение «Струн вещих пламенные звуки...» (ответ на стихотворение «Послание в Сибирь» А. С. Пушкина), из которого В. И. Ленин взял эпиграф к газете «Искра»: «Из искры возгорится пламя!»

В том же году, после 7 лет каторги и 3 лет поселения в Сибири, Одоевский вместе с некоторыми другими «государственными преступниками» (В. И. Лихаревым, Н. И. Лорером, А. И. Чернышевым, А. Е. Розеном и А. И. Назимовым) был отправлен рядовым в действующую армию па Кавказ. Непосредственным спутником Одоевского был Назимов. В начале Одоевский, как бывший кавалерист, служил в Нижегородском драгунском полку, стоявшем под Тифлисом, в котором находился и М. Ю. Лермонтов. Он приехал в Тифлис, побывав предварительно в Ставрополе, где встречался с Лермонтовым и ссыльными декабристами С. И. Кривцовым и В. М. Голицыным. В Тифлисе Одоевский встречается со своим другом В. Д. Вольховским. Часто ходил Одоевский на могилу своего друга А. С. Грибоедова, воспел его память, воспел Грузию звучными стихами.

Весной 1838 года А. И. Одоевский вместе с рядом декабристов участвует в экспедиции Раевского на Черноморье, а с осени того же года он в Пятигорске, где снова общается со своими друзьями-декабристами, а также с Н. П. Огаревым, считавшим его «самым замечательным из декабристов», находившихся тогда на Кавказе. Весной следующего года Одоевский, как видели, опять с теми же друзьями участвует в экспедиции Раевского в качестве рядового Тенгинского полка[2]. Г. И. Филипсон, который с Одоевским встречался в Анапе, писал: «С первого дня знакомства я привязался к этой светлой, поэтической и симпатичной личности. Он был юношей, когда несчастное событие 14 декабря забросило его в Читу на каторжные работы. Это тяжелое испытание нисколько не изменило его: он сохранил юношеский пыл души и страсть к поэзии. Сам он много писал, но

[1] Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. Движение декабристов. Аннотированный указатель… М., 1981. – С. 87.

[2] Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. М.-Л., 1961; Попов А. В. Одоевский на Кавказе.– Материалы по истории Ставрополя. Ставрополь, 1952, вып. 4. – С. 221–236; Котляревский Н. Декабристы.

Кн. А. Одоевский и А. Бестужев. СПб., 1907. – С. 47–49.

никогда и ничего не печатал. Друзья и товарищи его знали наизусть несколько его поэтических произведений. Я их слышал от него и от других. Ссылка лишила нашу литературу одного из замечательных талантов»[1].

Владимир Николаевич Лихарев (1800–1840) по окончании суда над декабристами за принадлежность к Южному обществу, со «знанием цели», «приготовления к мятежу» и «умысла на цареубийство», был приговорен с лишением чинов и дворянства к каторжной работе на четыре года, но в 1827 году был отправлен из Петропавловской крепости на вечное поселение в Сибирь. В 1837 году ему, в числе названных выше декабристов, было «высочайше» разрешено вступить в военную службу «рядовым» в Отдельный Кавказский корпус, где был зачислен в Куринскнй пехотный полк, стоявший близ Моздока[2].

В 1838 году В. П. Лихарев был назначен в Тенгинскнй пехотный полк, где в это время находились А. И. Одоевский, Н. И. Лорер, А. И. Черкасов и М. И. Нарышкин, а вскоре оказался участником высадки экспедиции Раевского, в высадке его отряда при Туапсе (12 мая). Затем он находился на излечении в военном госпитале в Тамани. Оттуда Лихарев 10 августа писал сестре Е. Н. Лихаревой: «Генерал (Н. Н. Раевский) заставил меня покинуть отряд, где я, конечно, умер бы, ибо трудно представить себе, что такое лагерная жизнь на войне... О дорогая сестра, не могу сказать Вам, как я страдаю, и не столько от физических немощей, сколько от нравственных мук, которые разрушают здоровье вернее, чем все тягостные мучения»[3].

Встретившись с Лихаревым в госпитале, М. Ф. Федоров писал, что был он «худощав, болезненного вида, молчалив и постоянно или читал, или раскладывал пасьянс... заметны были в нем глубокая тоска и душевные страдания»[4].

В 1839 году В. Н. Лихарев вместе с названными выше декабристами – в новой экспедиции Раевского на Черноморье. В 1840 году Лихарев жил в Прочном Окопе. За участие в военных экспедициях

[1] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 186.

[2] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 145, 344; Родной листок (Изд. М. Н. Лихадрева). Пг., 11 июня 1917 г., вып. 3/15. – С. 1–2.

[3] Родной листок. – С 7.

[4] Федоров М. Ф. Указ. соч. – С. 152.

он был произведен в унтер-офицеры, по приказ об этом не застал его в живых. Лихарев, находившийся в отряде генерала Галафеева, был убит под Валериком 11 июля 1840 года. Участником этого сражения был и М. Ю. Лермонтов, который посвятил ему стихотворение «Валерик». Тело декабриста было погребено на месте боя[1].

Николай Александрович Загорецкий (1796–1885), поручик генерального штаба по квартирмейстерской части, был членом Южного общества декабристов. Знал цель Общества: «введение республиканского правления с упразднением престола». Загорецкий по приговору Верховного уголовного суда был осужден по VII разряду на четыре года каторжной работы и на два года поселения. В феврале 1826 года он был отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь, в Читу, а через год – в Витим. В 1836 году Загорецкий получает перевод простым солдатом на Кавказ – сперва в Апшеронский пехотный полк, затем – в Навачинский. В 1840 году он становится унтер-офицером, в 1843 году – прапорщиком. В 1845 году Загорецкий, по ходатайству М. С. Воронцова, был уволен от военной службы по болезни с обязательством жить безвыездно в имении сестры, в Сумине Звенигородского уезда Московской губернии, с установлением за ним секретного надзора[2]. В ноябре 1849 года оп был определен на службу по размежеванию земель в Одесском округе, продолжая находиться под секретным надзором[3].

Николай Иванович Лорер (1795–1873)[4*] был активным участником Южного общества, стал ближайшим сотрудником П. И. Пестеля, выполнял самые ответственные поручения. В военную службу вступил в 1812 году. Сражался при Дрездене, Кульме. Участвовал также в Лейпцигском сражении, а в 1814 году – в битве за Париж. Майор Вятского пехотного полка, которым командовал Пестель, Лорер 23 декабря 1825 года был арестован в Тульчине и доставлен

[1] Родной листок. – С. 2; Арсеньев В. С. и Картавцев И. М. Декабристы-туляки. Тула, 1922. – С. 37; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Лихарев В. Н.; РСБ, т. 10, 1914. – С. 479–480.

[2] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 85, 318; ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Загорецкий Н. А.; (Головачев П. М.). Декабристы. 86 портретов… – С. 104; Арсеньев В. С. и Картавцев М.И. Указ. соч. – С. 26–27.

[3] ЦГИА СССР, ф. 1284Ю оп.34, I отд., 1 ст., 1849 г., д. 409, лл. 3–4, 6.

[4] * Кстати, его мать, Екатерина Евсеевна, происходила из грузинского княжеского рода Цицишвили (Цицианов).

в Петропавловскую крепость. Его приговорили к двенадцати годам каторжных работ. В 1832 году он был обращен на поселение. Лореру было разрешено поселиться в Западной Сибири (в Кургане), в семье ссыльного декабриста М. М. Нарышкина, с которым он был дружен. В 1837 году он был переведен на Кавказ рядовым и определен в Тенгинский пехотный полк.

В 1838 году Н. И. Лорера уже видели в отряде Раевского. В июне он вместе с другими больными солдатами, в том числе Лихаревым и Черкасовым отправляется в Таманский военный госпиталь, где встречается и с М. Ф. Федоровым. Вот как последний характеризует его: был он «нрава веселого», знал «много старинных забавных анекдотов из жизни придворной и высшего круга; умел рассказывать их чрезвычайно любезно, приправляя фразами

французского, немецкого и английского языков... он вел рассказ свой шутками, иронически...»[1].

М. Ф. Федоров с ним встречался и во время экспедиции 1839 года. «Старый ветеран Отечественной 1812 г. войны» Лорер заметил тогда: «Отнимите у знака отличия георгиевского креста преимущество, избавляющее солдата от телесного наказания без суда, – и вы увидите, что удальство наших героев сократится наполовину». На возражение Федорова Лорер повторил: «...Пока у нас звание солдата будет составлять наказание, пока рекрутам, как преступникам, будут брить лбы и заковывать их в кандалы – до тех пор понятие русского солдата о патриотизме и о своей чести – сомнительны»[2].

В 1840 году Н. И. Лорера произвели в прапорщики, через три года изнурительной солдатской службы. Он по-прежнему жил в землянке в Фанагории, близ Тамани, наездами бывая в Екатеринодаре. По его сообщению, именно в Фанагории в конце 1840 года он познакомился с М. Ю. Лермонтовым, назначенным в Тенгинский полк поручиком. А с А. И. Одоевским, с которым был переведен на Кавказ, Лорер был очень дружен и сохранил в памяти много его стихов, память же у него была великолепная. Например, он говорил на шести языках.

Лишь в 1842 году Н. И. Лорер смог уйти в отставку. Однако за ним был установлен секретный полицейский надзор с запрещением въезда в обе столицы. Он поселился в Херсонской области, у брата. В 1851 году с него сняли полицейский надзор, а в 1856 году был освобожден от всех ограничений. Лорер был наделен незаурядными литературными способностями. В 1867 году он закончил известные свои «Записки»[1], ставшие одним из наиболее ценных памятников декабристской мемуарной литературы и ярким художественным произведением. Умер Н. И. Лорер в 1873 году.

Михаил Михайлович Нарышкин (1795–1863), полковник Тарутинского полка, был членом Союза благоденствия и Северного, общества декабристов. Он был осужден на 15 лет каторжных работ и затем на поселение в Сибирь. В 1837 году его вместе с группой декабристов «переводят» рядовым сперва в Тенгинский пехотный полк, а затем в Навагинский, действовавшие на Черноморье.

С конца 1838 года Нарышкин, после лечения в госпитале, нанимает в Тамани квартиру. Здесь он встречается с Лорером, Черкасовым, Лихаревым и Федоровым. Когда последний в конце марта 1839 года уехал в село Ивановская, где стоял штаб его полка, «веселый страдалец» Нарышкин пишет ему письмо, в котором сообщает о том, что из Керчи получил письмо, что отрядный начальник Раевский в Петербурге был принят «чрезвычайно хорошо» и назначен начальником от Тамани до Поти, с дозволением жить в Керчи[2].

В 1838 году М. М. Нарышкин был произведен в унтер-офицеры, а в 1843 году – в прапорщики. В начале же 40-х годов он снова служит на Северном Кавказе, где в сентябре 1844 года был уволен от службы с обязательством безвыездно жить в селе Высоком под Тулой. М. М. Нарышкин был женат на дочери героя Отечественной войны 1812 года генерала П. П. Коновницына и сестре декабриста П. П. Коновницына Елизавете Петровне, последовавшей за ним в Сибирь, а затем на Кавказ. М. М. Нарышкин вместе с женой похоронен в Москве, в Донском монастыре[3].

---

[1] Федоров М. Ф. Указ, соч. – С. 152–153.

[2] Там же. – С. 160.

[1] Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 116, 345; Головачев П. М. Указ. соч. – С. 12., 128; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Лорер Н. И.; Веленгуров Н. Указ. соч. – С. 76–90; Декабристы. Т. I. Поэзия. Сост. Вл. Орлов. Л., 1975. – С. 448, 449.

[2] Феодоров М.Ф. Указ. соч. – С. 155-156.

[3] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 135, 362; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Нарышкин М. М.; Арсеньев В. С. и Картавцев И. М. Указ. соч. – С. 38–39; Головачев П. М. Указ. соч. – С. 171–173.

Александр Иванович Черкасов (1799–1855) в 1824 году был принят в Северное общество декабристов. Он «знал цель» организации – «введение конституционного правления»[1]. Черкасов был заключен в Петропавловскую крепость, приговорен к двум годам каторги, сокращенной до одного года, и к ссылке в Сибирь. В 1837 году его вместе с названными выше декабристами «переводят» рядовым на Кавказ в Тенгинский пехотный полк, в 1839 году – Кабардинский егерский полк.

М. Ф. Федоров, с которым А. И. Черкасов, как уже отмечалось, в 1838 году лечился в военном госпитале в Анапе, рассказывает: «Черкасов, при своей веселой любезности, был высоко религиозен; любил читать священные книги... неохотно говорил о своем пребывании в каторжной работе, но подробно вспоминал жизнь свою на поселении в г. Березове (Тобольской губернии), рассказывал много про город, про сохранившиеся там предания о знаменитом ссыльном князе Меньшикове, о построенной им церкви, о его могиле и проч. – Я был невыразимо доволен таким обществом; кроме приятного препровождения времени, они (Лихарев и Черкасов. – Г. Д.) принесли мне существенную пользу: я плохо знаю французский язык, хотя без затруднения понимаю французских писателей. Лихарев и Черкасов снабдили меня французскими книгами, пособляли мне переводить их, истолковывая правила языка. Они подарили мне на память книги; эти маленькие подарки людей, так много потерпевших за свои идеи, указывали на их нравственные достоинства и на мнение, какое они обо мне получили...»[2]

М. Ф. Федоров с Черкасовым снова встречался в селе Ивановском; куда он прибыл в марте 1839 года. С декабристом «беседа... была приятна и поучительна», – отмечает поэт[3].

А. И. Черкасов в 1840 году был произведен в юнкера, а в 1842 году – в прапорщики. В 1843 году он вышел в отставку с обязательным проживанием безвыездно и под строгим секретным надзором в селе Володькове Белевского уезда Орловской губернии[4].

[1] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 203.

[2] Феодоров М.Ф. Указ. соч. – С. 152-153.

[3] Феодоров М.Ф. Указ. соч. – С. 155.

[4] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 203, 418; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Черкасов Д. И., Арсеньев В. С. и Картавцев И. М. Указ. соч. – С. 47–49.

Константин Густавович (Евстафьевич) Игельстром (1799–1851) и его двоюродный брат *Александр Иванович Вегелин (Вигелин) (ок. 1800–1860)* состояли членами связанного с декабристами «Общества военных друзей» и офицерами пионерского (саперного) батальона Отдельного Литовского корпуса. Распропагандированные участниками тайной организации солдаты батальона отказались 24 октября присягнуть Николаю I. «Общество военных друзей» пыталось вовлечь в движение и соседние воинские части, но безуспешно. В результате капитан Игельстром, поручик Вегелин и другие в 1827 году были сосланы в Сибирь, где в это время томились на каторге многие декабристы[1].

В 1837 году К. Г. Игельстром и А. И. Вегелин (Вигелин) были «переведены» в войска Отдельного Кавказского корпуса. В записке директора канцелярии Военного министерства от 12 января 1836 года на имя П. А. Клеймихеля об Игельстроме говорилось, что Николай I «соизволил» на определение его, «государственного преступника», солдатом на Кавказ с «учреждением за поведением и образом мыслей Игельстрома самого бдительного надзора в том полку, куда он на службу рядовым назначен будет»[2]. О Вегелине также в одном документе читаем: «Определен в корпус рядовым с тем, чтобы за поведением его и образом мыслей учрежден бдительный надзор»[3]. Игельстром был определен в Кавказский саперный батальон, а Вегелин – в Кабардинский егерский полк (в отряд генерала Засса).

В 1837–1840 годах Игельстром и Вегелин, как увидим ниже» принимали участие в экспедициях генерала Н. Н. Раевского на Черноморье. Причем Вегелин за отличие в экспедиции 1837 года получил звание унтер-офицера, а за экспедицию 1838 года (при десантах на Шапсухо и Цемес и при троекратном движении отряда между Цемесом и Анапою) также был представлен к награде. Игельстром был переведен в Баталпашинскую станицу, где руководил построй-

[1] ЦГВИА, ф. 395, канцелярия, стол 2, 1837 г., оп. 274, д. 2, л.л. 1–4; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 233–237, 293 и 321; Сивере А. А. Тайное общество военных друзей. – Дела и дни. Исторический журнал. Пг., 1920, кн, I. – С. 239–244; Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959. – С. 190–213.

[2] ЦГВИА, ф. 395, канцелярия, стол 2, 1836 г., оп. 273, д. 404, л. 3

[3] Архив АИЯЛИ, ф. I, оп. I, д. 85а, л. 12.

ками Хумаринского укрепления и проведением туда дороги, получившей от местного населения «Игельстромской дороги»[1].

Декабрист А. П. Беляев, служивший на Кавказе одновременно с Игельстромом и Вегелиным, так отзывался о них: «Оба они были славные личности, благороднейших и честнейших правил и добрые товарищи»[2]. В 1843 году они были уволены в отставку. Игельстром переехал в Таганрог, где служил по таможенному ведомству, находясь под секретным надзором полиции и с запрещением въезда в Петербург и Москву. Вегелин поселился в Полтаве, также находился под строгим надзором полиции. Затем жил в Одессе, где заведовал минеральными водами[3].

Интересно еще отметить, что А. И. Вегелин в 1859 году посетил Герцена в Лондоне, к которому он приезжал с материалами для «Полярной звезды»[4].

Михаил Александрович Назимов (1801–1888), будучи штабс-капитаном лейб-гвардии коннопионерского эскадрона, принадлежал к Северному обществу декабристов (принят полковником М. М. Нарышкиным). Был он знаком с Рылеевым по совместной службе. В 1826 году Назимов был осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке на вечное поселение в тундре Восточной Сибири. В 1837 году, находясь уже в Кургане, он получил разрешение вступить рядовым в войска Отдельного Кавказского корпуса. Назимов был зачислен в Кабардинский егерский полк. В том же году он познакомился с М. Ю. Лермонтовым, в доме Майера, и великий поэт очень близко с ним сошелся. Назимов был в дружеских отношениях и с А. И. Одоевским.

В апреле 1838 года Назимова производят в унтер-офицеры. В том же году он был участником экспедиции генерала Раевского на

[1] ЦГВИА, ф. 395, канцелярия, стол 2, 1837 г., оп. 274, д. 2, л.л. 1–4; 1843 г., оп. 279, д. 30, л.л. 1–8; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 233–239; Нечкина М. В. Восстание декабристов, т. II. – С. 106–107; Головачев П. М. Указ. соч. – С. 107–110; Сивере А. А. Тайное общество военных друзей. – Дело и Дни. Пг., 1920, кн. I. – С. 239–244; Павловский И. Ф. О декабристах Вегелине и Игельстроме. – РС, 1911, т. 148, № 12; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаум, картотека – Игельстром К. Г.

[2] Беляев А. П. Воспоминания о пережитом, прочувственном. – РС, 1881, т. 32, № 10. – С. 256.

[3] Павловский И. Ф. О декабристах Вегелине и Игельстроме. – РС, 1911, т. 148, декабрь. – С. 670.

[4] Боровский С. Я. Миницкий и Вегелин.– Вопросы истории, 1971, № 8. – С. 199–200.

восточном берегу Черного моря, за что был представлен к награде. В 1839 году Назимов – в отряде генерала Граббе в северном и нагорном Дагестане. В 1840 году он вторично направляется в экспедицию за Кубанью, в отряд генерала Засса, стоявший в Прочном Окопе. Отсюда Назимов часто приезжал в Ставрополь, где в это время проживал Лермонтов. Тревожная военная жизнь М. А. Назимова на Кавказе (кстати, был контужен ружейными пулями в обе ноги) продолжалась до июня 1846 года, когда он по болезни был уволен от службы в чине поручика.

После отставки М. А. Назимов поселился в Псковской губернии, откуда он был родом. В 50-х годах Назимов изобрел походный мост для кавказских рек, так как понтоны здесь непригодны (он и в боевой обстановке был пионером по постройке мостов и сооружению военных дорог). Он принимал деятельное участие в проведении крестьянской реформы и т. д. Назимов выделялся из числа ссыльных декабристов широтой своих политических и литературных интересов. Это отмечали сами друзья его по несчастью. Н. И. Лорер, например, писал, что редко встречал людей с такими качествами, талантами и прекрасным сердцем, всегда готовым к добру, каким был Назимов. А по отзыву А. П. Беляева, он, по своему уму, высоким качествам, серьезности, прямоте характера и правдивости, слыл и был каким-то мудрецом, которого слово имело для многих большой вес. 9 августа 1888 года в Пскове умер М. А. Назимов – предпоследний из декабристов[1].

После экспедиций 1838 и 1839 годов в отряде Раевского появляется и *Владимир Сергеевич Толстой (1806–1888)*. Будучи прапорщиком Московского пехотного полка, он был членом Южного общества декабристов. Толстой обвинялся в том, что «знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели». По показаниям декабриста Ф. Ф. Вадковского, он участвовал

[1] Восстание декабристов. Материалы, т. XV, М., 1979. – С. 180–204, 318–319; Лорер Н. И. Записки; Беляев А. П. Воспоминания декабриста, СПб., 1882; Граббе П. Х. Записная книжка. М., 1888; АКАК, т. IX, с. 330; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Назимов М. А. ; Головачев П. М. Указ. соч. – С. 189–170; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 134, 361; Иванова Л. Лермонтов и декабрист М. А. Назимов.– Литературное наследство. Том 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. – С. 231–232; Иеропольский К. М. А. Назимов (Биографическая справка).– Познай свой край. Сб. Псковского общества краеведения. Псков, вып. I, 1924. – С. 41–44.

в организации тайной типографии. В феврале 1827 года Толстой из Петропавловской крепости был сослан в Сибирь на каторжные работы, а в 1828 году по собственному желанию переведен рядовым на Кавказ, где был зачислен в 41-й егерский полк, затем служил в 7-м Кавказском линейном батальоне.

С этого момента в течение более четверти века жизнь В. С. Толстого связана с Кавказом. Он отличился в русско-турецкой войне 1828–1829 годов. Но первый офицерский чин – прапорщика Толстой получил лишь в 1835 году, когда он тем самым вырвался из солдатского состояния. В 1838–1839 годах В. С. Толстой состоял при командующем войсками Кавказской линии генерале П. Х. Граббе, затем был направлен в распоряжение Раевского и служил в Навагинском пехотном полку. В 1840 году его переводят в Кавказский линейный казачий полк.

В. С. Толстой в 1844 году составил записку, в которой резко критиковал принятую в конце 30-х годов систему военных действий па Кавказе, построенную на создании укреплений. В 1845 году он переходит на гражданскую службу, исполняя в течение ряда лет обязанности чиновника по особым поручениям при наместниках Кавказа М. С. Воронцове и Н. Н. Муравьеве[1]. Ему, в частности, и 1845 году было поручено (Воронцовым) «строгое следствие по госпиталям Таманскому, Анапскому и Новороссийскому», в связи с «грабежами... и прочими злоупотреблениями», происходившими в управлении госпиталями Черноморской береговой линии. Толстой писал: «Все госпитали на пути моем оказались в отвратительном состоянии... На береговой линии госпитали стоили баснословных сумм»[2]. Перу В. С. Толстого принадлежит ряд и других материалов. Он, в частности, является одним из первых исследователей русского раскола[3].

В отряде Раевского, как видели, был и Л. С. Пушкин. Состояли в нем также К. К. Данзас и Ф. Ф. Матюшкин. *Лев Сергеевич Пушкин (1805–1852)*, брат А. С. Пушкина, принявший участие в восстании декабристов, был сослан на Кавказ в 1827 году вместе с некоторыми другими декабристами[1]. Он был определен юнкером в Нижегородский драгунский полк. Л. С. Пушкин в 1827–1828 годах участвовал в русско-иранской и русско-турецкой войнах, а затем – в Польской «кампании». Одно время он работал в Министерстве внутренних дел, но вернулся в ряды Кавказской армии и в чине штабс-капитана находился при генерале Раевском, друге своего брата, в качестве адъютанта.

В 1842 году Л. С. Пушкин оставил военную службу и поступил чиновником в Петербургскую таможню, а затем был назначен членом Одесской портовой таможни, и в этой должности умер, в Одессе, 18 июля 1852 года[2].

Константин Карлович Данзас (1800–1870)[3*] – товарищ по лицею и друг А. С. Пушкина и его секундант на дуэли. Служил он сначала в инженерном корпусе, затем, с 1827 года, на Кавказе, в Отдельном Кавказском корпусе. В 1828 и 1829 годах Данзас принимал участие в русско-иранской и русско-турецкой войнах; за отличие в сражениях получил чин капитана. В 1838 и 1839 годах полковник Данзас в составе Тенгинского пехотного полка участвовал во всех событиях отряда Раевского на Черноморском побережье. В 1856 году он вышел в отставку генерал-майором.

Скептик по натуре, Данзас жил и умер в бедности, без семьи; похоронили его на счет казны. Пушкин очень любил Данзаса и, умирая, отдал ему на память со своей руки кольцо, с которым секундант поэта не расставался до последних дней своей жизни[4].

---

[1] Восстание декабристов. Документы, т. XV. М., 1979. – С. 273–246, 323–324; Архив АИЯЛИ, ф. I, оп. I, д. 85, л. 34; Декабристы. Новые материалы. Под ред. М. К. Азадовского. М., 1955. – С. 11, 13; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Толстой В. С.; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. – С. 181–183.

[2] РА, 1877, кн. III, тетрадь II. – С. 298–299.

[3] См.: Косвен М. О. Указ. соч. – С. 182.

1 Нечкина М. Пушкин и декабристы. М., 1949. – С. 30.

2 РБС, 1910, т. 15. – С. 317–318; Гессен А. Волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей. М., 1965. – С. 152–153, 219.

3 * Его брат, *Борис Карлович Данзас (1799–1875),* надворный советник, «Знал о существовании общества декабристов, был связан с его членами». После же восстания 14 декабря он некоторое время содержался в крепости, а затем было «высочайше поведено» посадить его на гауптвахту и, продержав один месяц, выпустить (Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 76–77). Б. К. Данзас, лицеист второго выпуска, был давнишним приятелем Пушкина, Вольховского и других бывших лицеистов. С Вольховским, например, он, служивший с 1839 года директором департамента Министерства юстиции, давно вел дружескую переписку.

4 Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А., т. X, 19. СПб., 1893. – С. 74–75; Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 251.

Ф. Ф. Матюшкин – тоже лицейский товарищ А. С. Пушкина, которому в стихотворении «19 октября» посвятил две из самых теплых строф. При взятии Туапсе и Шапсухо в 1838 году он командовал фрегатом «Браилов» в эскадре адмирала С. П. Хрущева, перевозя из одного пункта в другой отряды сухопутных войск. Адмирал Лазарев высоко оценил его действия. В 1849 году он стал контр-адмиралом и бригадным командиром, а в 1861 году был пожалован в сенаторы[1].

Экспедицией сборного отряда Раевского 1839 года, как уже отмечалось, завершается строительство Черноморской береговой линии хотя в следующем году, в связи с резким осложнением обстановки на этом участке, пришлось снова вернуться к этому вопросу. Линия разделялась фортом Александрия на два участка. Местопребыванием ее начальника был избран Новороссийск и подчинялся: по управлению первым отделением – командующему войсками на Кавказской линии и в Черноморье, а по второму – непосредственно корпусному командиру. Абхазское княжество входило в состав второго отделения[2].

Между прочим, в 1840–1844 годах начальником этого отделения являлся генерал Н. Н. Муравьев (Амурский). В декабре 1840 года он руководил военной экспедицией в горном абхазском селе Дал, проявив при этом необычайную жестокость. Однако был он известен как человек, который порой «высказывал довольно резко либеральные убеждения», хотя «на деле легко от них отступался». «Со всеми разжалованными он был очень ласков и внимателен», хотя опять-таки это не помешало бы ему «каждого из них повесить или расстрелять, если бы это было нужно»[3]. Отличаясь все же либеральным образом мыслей, Н. Н. Муравьев был сторонником освобождения крестьян.

Хорошо знал Абхазию и Н. Н. Муравьев (Карский), который оставил подробное описание событий в крае в период Крымской войны[4], когда он являлся наместником и главнокомандующим на Кавказе. Н. Н. Муравьев придерживался прогрессивных политических взглядов, много лет находился под надзором за связи с декабристами[1*] и заступничество за «несчастных нижних чинов», высказывался за наиболее радикальные условия освобождения крестьян. Кстати, он был женат на Софье Ахвердовой – родственнице и подруге Нины Грибоедовой (Чавчавадзе)[2].

По окончании военной экспедиции Раевского 1839 года многие разъехались – кто в Прочный Окоп, кто в Анапу, кто в Тамань, по штабквартирам своих полков. Лорер и Нарышкин, например, направились в Тамань для лечения, где их в разное время посещают проездом на родину декабристы Голицын и Цебриков. *Валериан Михайлович Голицын (1803–1859)*, в прошлом отставной поручик лейб-гвардии Преображенского полка и камер-юнкер, служивший в департаменте внешней торговли, на Кавказ был переведен из сибирской ссылки в 1829 году. С 1834 года – в Кабардинском егерском полку, стоявшем под Ставрополем. Первый офицерский чин получил в мае 1837 года[3] Н. М. Сатин, знавший Голицына по Ставрополю, характеризовал его как «замечательно умного человека, воспитанника иезуитов, усвоившего их сосредоточенность и изворотливость ума»[4]. Осенью 1837 года Голицын на Северном Кавказе познакомился также с В. Г. Белинским и М. Ю. Лермонтовым[5]. Николай Романович Цебриков, разжалованный в солдаты без выслуги (служил поручиком в лейб-гвардии Финляндского полка), в 1826 году был определен в полевые полки Кавказского корпуса до отличной выслуги. Он отличился в русско-турецкой войне 1828–1829 годов и был произведен в унтер-офицеры[6].

---

[1] Грот Я. Указ. соч. – С. 482, 487.

[2] Юров А. Три года на Кавказе. 1837–1839, – КС, 1885, Т.IX. – С. 130.

[3] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 239.

[4] См.: Муравьев Н. Н. Война – за Кавказом в 1844 году, т. II. СПб., 18.

[1] *Кстати, родными братьями Н. Н. Муравьева были декабрист Александр Муравьев, сосланный в Сибирь в 1826 году, и Андрей Муравьев. Последний известен как ориенталист и историк русской церкви. Его перу принадлежит, в частности, «Грузия и Армения» (3 чч., СПб., 1848), в которой речь идет и о Пицундском храме. Он был в Абхазии и встречался с ее владетелем М. Шервашидзе (см.: И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1899. – С. 102–103).

[2] См.: Задунайский Н. А. Жизнь Муравьева. Воронеж, 1870; Херхеулидзе А. Любовь, возвышающаяся из прошлого. – Заря Востока, 15 февраля 1969 г.

[3] См.: Восстание декабристов. Материалы, т. VIII,. – С. 66, 305; Архив АИЯЛИ, ф. I, оп. I, д. 85, л.л. 32–33.

[4] Цит. по: Ягунин В. Александр Одоевский. М. ЖЗЛ. 1980. – С. 214.

[5] Шадури В. Покровитель… – С. 32.

[6] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. – С. 201, 416; Архив АИЯЛИ, ф. I, д. 85, оп. I, л.л. 24–25; Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. Указ., соч. – С. 106.

Одоевский, Лихарев, Игельстром[1*] и Загорецкий решили остаться в Лазаревском, в долине Субаши, на строительстве форта. Прощаясь с отъезжающими товарищами, следовать с которыми категорически отказался, А. И. Одоевский сказал: «Мы остаемся на жертву горячки». У Одоевского часто собирались по вечерам оставшиеся в штабе Раевского его друзья, в том числе и Л. С. Пушкин, с которым поэт продолжал «нескончаемые беседы» о поэзии и современной литературе[2]. Л. С. Пушкин был остроумным собеседником, обладал необыкновенной памятью, стихи брата читал наизусть[3].

Вскоре Одоевский получил известие о смерти своего отца, которое сразу надломило его. А надо сказать, что «тесная дружба соединяла молодого поэта с отцом»[4]. В письме в Прочный Окоп своему другу М. А. Назимову от 21 июня 1839 года он писал: «Все кончено для меня... Чувствую, что не принадлежу к этому миру»[5].

К этому добавились его физические страдания – он заболел злокачественной малярией[6*]. Кстати, как отмечалось в «Военном сборнике», «при возведении форта Лазаревск, 24 марта 1839 г. в гарнизоне Одоевского была составлена 4-я мушкетерская рота Тенгинского полка в количестве 200 солдат и соответствующим числом унтер-офицеров. К 1 января 1840 г. в ней осталось налицо 108 солдат и 15 унтер-офицеров; остальные умерли...»[7].

---

[1] *К. Г. Игельстрома, например, видим в экспедиции Раевского 1840 года на Черноморье, когда он был произведен в прапорщики (ИРК, в. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Игельстром К. Г.).

2 Розен А. Е. Последние дни князя А. И. Одоевского.– Полное собрание стихотворений князя Александра Ивановича Одоевского (декабриста). СПб., 1883. – С. 17.

[3] Гессе А. Указ. соч. – С. 152.

[4] РС, 1870, т. I, № I. – С. 72.

5 Там же, № 2. – С. 161. Оригинал письма хранится в рукописном отделении Института русской литературы (ф. 265, оп. 2, д. 1877).

Отец А. И. Одоевского писал тому же М. А. Назимову еще 1 октября 1837 года: «Христа ради сберегите мне моего Александра... твердите ему ежедневно, что он, сберегая свое здоровье и свою жизнь, сделает благополучие последних дней жизни моей» (РС, 1870, т. I, № 2. – С. 161)

[6] *По другим сведениям А. И. Одоевский умер, возможно, от тифа; подозревали также туберкулез, который давно подтачивал его организм (РС, 1870, т. I, № 1. – С. 72; (Головачев М. П.). Декабристы. 86 портретов.., – С. 184)

[7] Цит. по Ягунин В. Указ. соч. – С. 240.

А вот, что писал начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Л. М. Серебряков 7 сентября 1839 года: «Генерал Раевский... высадил войска в Анапе для построения укрепления на Мыскаге. В его отряде очень много в ноношней экспедиции больных, на днях отправил на двух кораблях в Феодосию разом 1200 человек»[1].

А. И. Одоевский тем не менее, по словам декабриста А. Е. Розена, «не переставал быть веселым и разговорчивым, и нисколько не осознавал – опасности своего положения, читал импровизированные стихи насчет молодого неопытного лекаря»[2]. Н. Н. Раевский уделял внимание тяжело больному Одоевскому; по его распоряжению он был перенесен в одну из комнат недостроенной казармы. Вообще отношение Раевского к Одоевскому было теплым и уважительным. По свидетельству Н. И. Лорера, «после всякого дела Раевский, диктовавший всегда сам реляции, присылал их... для просмотра и поправок» Одоевскому, который «отлично был образован, знал отлично... отечественный язык»[3].

Однако 15 августа А. И. Одоевскому стало очень плохо. Вызвали лекаря и фельдшера, но они только засвидетельствовали смерть поэта. Умер он в присутствии своих читинских друзей Н. А. Загорецкого и К. Е. Игельстрома, на руках поручика Сальетета. Был при этом, конечно, и старый его камердинер Иван Курицын, неразлучный спутник в скитаниях по Сибири и Кавказу. Людей собралось множество – «знавших и любивших» Одоевского, в том числе «простые солдаты». Похоронили его на склоне горы, возвышающейся над морем. У изголовья могилы поставили простой деревянный крест, окрашенный в красный цвет. Существует предание, что когда весной 1840 года горцы овладели царскими фортами, построенными на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа, они отдали могиле Одоевского воинские почести, узнав от одного бывшего русского офицера, боровшегося в их рядах и знавшего лично Одоевского, что в ней покоится прах поэта – мученика, жертвы России «голубых мундиров»[4].

---

[1] Цит. по: Вестник архивов Армении. Ереван, 1973, № 1. – С. 37.

[2] Розен А. Е. Последние дни князя А. И. Одоевского. – С. 18.

[3] Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931. – С. 230.

[4] Розен А. Е. Указ. соч. – С. 18–20; РБС, 1905. – С. 12. – С. 120.

Потрясенные смертью Одоевского, друзья обмениваются письмами, в которых его трагической судьбе отводится значительное место. В ответ на письмо М. Нарышкина его сестра, княгиня Е. Голицына, писала: «Твое последнее письмо заставило меня оплакивать вместе с тобой смерть Одоевского – сразу же тысяча самых тягостных движений возникла в моей душе... Я поняла также, каким несчастьем было для тебя узнать эту жестокую новость в твоем уединении и после всего того, что пришлось испытать твоему сердцу ранее...»[1] На могиле А. И. Одоевского, в поселке Лазаревское, под сенью вековых орехов, в 1959 году был воздвигнут памятник. На монументе написано:

Александр Иванович
ОДОЕВСКИЙ
1802. 26. IV. 1839 г.
15. VIII
«Из искры возгорится пламя»
(А. И. Одоевский)

Могилу поэта-декабриста увековечил еще М. Ю. Лермонтов, его великий друг, в стихотворении, посвященном его памяти:

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вокруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.[2]

Здесь нельзя не сказать особо о самом Лермонтове, хотя и несколько забегая вперед. Как известно, он был сослан на Кавказ в

[1] Цит. по: Ягунин В. Указ. соч. – С. 245.
[2] Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах, т. I. М.-Л., 1961. – С. 463.

1837 году за его нашумевшее стихотворение на смерть А. С. Пушкина. Именно здесь в том же году произошло личное знакомство поэта с декабристами – сперва с А. И. Одоевским, затем с В. М. Голицыным и С. И. Кравцовым. В годы второй ссылки круг связей Лермонтова со ссыльными декабристами расширился: в 1840 году он (предположительно) познакомился с А. И. Вегелиным; был в дружеских отношениях с М. А. Назимовым и особенно с В. Н. Лихаревым, погибшим на его глазах. Вероятно также знакомство поэта с братьями А. П. и П. П. Беляевыми[1].

В 1841 году было признано необходимым организовать новую экспедицию в землю убыхов, которые для царизма «составляют самое враждебное и воинственное племя во всей этой части Кавказа». По личному распоряжению Николая I весь Тенгинский полк был включен в состав этой экспедиции. В одном из его батальонов, которым, кстати, командовал К. К. Данзас, числился Лермонтов. Николай I приказал, чтобы Лермонтов непременно участвовал в указанной экспедиции, которая, по словам начальника Черноморской береговой линии генерала Анрепа, должна была проникнуть «в самое сердце» убыхского края и которая, по определению «историка Тенгинского полка Д. В. Раковича, оказалась одной из самых кровопролитнейших на Кавказе». При этом категорически было запрещено назначить Лермонтова на какие-либо должности, не связанные с фронтовой службой в полку. Расчет был простой. Однако этот вариант убийства великого поэта не состоялся, так как 14 июля 1841 года он погиб в Пятигорске от злодейской руки Мартынова. Дуэль была спровоцирована не без ведома самого венценосного палача[2].

В частности, в Анапе прошли слухи о смерти Лермонтова. Об этом свидетельствует поэт М. Ф. Федоров, которого поэтические сочинения Михаила Юрьевича «приводили... в восторг», и всегда «хотелось видеть эту замечательную личность, чтобы сравнить его черты лица с чертами лица В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, глубоко врезывавшимися» в его памяти[3].

[1] Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. – С. 129.
[2] Андреев-Кривич С. Два распоряжения Николая I. – Литературное наследство, т. 58. М., 1952. – С. 412 и сл.
[3] Федоров М. Ф. Указ. соч. – С. 193–194.

В отряде Н. Н. Раевского, как уже отмечалось, было также немало разжалованных солдат – декабристов и других опальных лиц.

Прежде всего следует назвать *Платона Александровича Антоновича (Войшина)*. Он был участником раскрытого в 1831 году в Москве антиправительственного кружка («Сунгуровское общество»). Руководитель кружка Н. П. Сунгуров, кроме П. А. Антоновича, привлек еще несколько других студентов Московского университета: Я. П. Костенецкого, П. А. Кошевского, Ю. П. Кольрейфа, Гурьева и т. д. – «превосходных юношей», которых Герцен и Огарев «знали коротко»[1]. С Костенецким был знаком и М. Ю. Лермонтов.

В тайном революционном кружке подвергался резкой критике деспотизм правительства и ставился вопрос о введении в России конституции[2]. Сунгуровцы, как и члены кружка Критских, рассматривали себя непосредственными преемниками дела декабристов. Это было показателем того, что идеи декабристов играли огромную роль в развитии передовой университетской молодежи. Но сунгуровцы, в частности, пошли дальше декабристов. Они обсуждали планы подготовки революционного переворота с участием народа[3].

Члены Сунгуровского кружка были осуждены в 1833 году. Антоновича и Костенецкого, в частности, отправили солдатами на Кавказ[4*]. Весной 1833 года участники «злоумышленного общества» прибыли в Тифлис, где их распределили по воинским частям: первого назначили в Апшеронский пехотный полк, а второго – в Куринский егерский полк, стоявший тогда в Дагестане. В августе того же года генерал Фезе воинскому начальнику укрепления Темур-Хан-Шура полковнику Лихареву писал, что Антонович «занимается распространением неблагомыслящих слухов» о состоянии командуемого им отряда и «осмеливается даже делать дерзкие суждения» относительно действия этого отряда, почему он распорядился арестовать его и отправить в отряд[1].

В 1837 году Антонович был переведен в Тенгинский пехотный полк, в составе которого принимал участие в боевых операциях отряда Н. Н. Раевского. Последний «принял его под свое покровительство», в результате чего он в 1839 году был произведен в прапорщики и, как видели, поступил в должность правителя дел начальника Черноморской береговой линии. На этом посту Антонович находился довольно долго, до упразднения Линии в 1854 году и до чина полковника[2]. Человек он был «бойких умственных способностей и хорошо образованный», обладал «замечательной практической мудростью», работал «умно и разумно», образ же его мыслей – «в сущности, либеральный»[3]. Так характеризовал его Г. И. Филипсон, с которым Антонович сотрудничал длительное время на Черноморской береговой линии. В дальнейшем П. А. Антонович высоко поднялся по служебной лестнице[4*].

Заслуживает внимания и *Виктор Семенович Урусов*, который на выходе из инженерного училища в 1832 году был обвинен «в намерении взбунтовать Калмыцкое войско, овладеть Астраханью и флотилией и отправиться в Хиву» или к черкесам. Причем произвести «бунт» прапорщик Урусов полагал «посредством... нижних чинов»[5]. Стремился он также «разграбить имущество богатых людей»[6].

---

[1] Герцен А. И. Соч., т. IV. М., 1956. – С. 137.

[2] Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания, т. I. М., 1963. – С. 510–510 (прим. А. Н. Дубовикова).

[3] История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. М., 1867. – С. 323; Литературное наследство, т. 59. М., 1954. – С. 101, 112; Костенецкий Я. М. Воспоминания из моей студенческой жизни. – РА, 1887, кн. II, вып. 5. – С. 76.

[4] * А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич и другие организовали в университете подписку в поддержку ссыльных в складчину, за что за ними был установлен надзор полиции. Станкевичу «инкримировали» еще связь с названной антиправительственной группой студентов.

[1] ЦГАОР СССР, ф. 109, отд. III, I экспед., 1833 г., д. 150, л.л. I и сл.; Козубский Е. Об архивах Дагестанской области.– РА, 1895, кн. I, в. I. – С. 39.

[2] Костенецкий Я. И. Указ. соч. – С. 240; ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Антонович П. А.

[3] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 176, 300.

[4] *П. А. Антонович в разное время был градоначальником Керчи, Одессы, бессарабским военным губернатором, попечителем Киевского учебного округа, в 1861 году стал генерал-майором. Умер он в 1883 году. М. И. Костенецкий в Куринском полку прослужил солдатом 7 лет, рискуя неоднократно своей жизнью (см., например: АКАК, т. IX, с. 333), затем находился в штабе командующего войсками Кавказской линии генерала П. Х. Граббе, а в 1842 году подал в отставку и поселился в деревне (Костенецкий Я. И. Указ. соч. – С. 141). Между прочим, он учился на одном факультете с М. Ю. Лермонтовым, а в декабре 1840 года они встречались в Ставрополе (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. – С. 483). В 1837 году из Сибири на Кавказ (в Куринский полк) были переведены также Кошевский и Гурьев (Жур. Заветы. СПб., 1903, № 5, 62–63).

[5] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 237.

[6] ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека – Урусов В. С.

19-летнего Урусова в 1834 году сослали солдатом, с лишением и дворянского «достоинства», в один из сибирских батальонов, а в 1836 году был «переведен» в Отдельный Кавказский корпус. Сперва он состоял в Кабардинском егерском полку, а затем – в 3-м и 4-м батальонах Черноморской береговой линии. Урусов участвовал в военных экспедициях 1837–1840 годов за Кубанью и на Черноморье, а также в зимних походах генерала Засса в 1838 году. За экспедицию Раевского 1839 года он в 1840 году был произведен в унтер-офицеры. Во время Крымской войны поручик Куринского егерского полка В. С. Урусов был убит в сражении на р. Чолоке 4 июня 1854 года[1].

При штабе Н. Н. Раевского, в качестве «главного доктора» восточного берега Черного моря, также видим известного прогрессивного деятеля П. В. Майера (Мейера), ставшего прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери» Лермонтова. Живя в Керчи, он часто разъезжал для осмотра госпиталей береговых укреплений[2]. В письмах декабриста Н. И. Лорера постоянно упоминается его имя[3]. В одном из них, на имя декабриста М. М. Нарышкина, говорится: «Я постоянно переписку веду с Майером и Розеном. Наш Николай Васильевич начинает хворать, в письмах его нет прежней энергии, нет веселья и соли». Деятельность Майера до этого на Северном Кавказе также хорошо описана в литературе. Это был высокообразованный, оригинального ума и вольнодумный человек. Он находился в дружеском общении с Бестужевым-Марлинском, Одоевским, Лермонтовым, Огаревым и другими выдающимися людьми той эпохи[4]. Декабрист Н. И. Лорер отмечал, что «в полном смысле слова умнейший и начитанный» Майер «знал многих из нашего кружка и помогал некоторым и деньгами, и полезными советами. Он был друг декабристам»[5]. Вообще Майер, по словам Ф. Ф. Торнау, был «другом всех кавказских страдальцев»[6].

[1] Там же.

[2] Бронштейн Н. Доктор Майер. – Литературное наследство. М., 1948, №№ 45–46. – С. 492.

[3] Лорер Н. И. Записки декабриста. – С. 373–374.

[4] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976. – С. 44 и сл.

[5] Лорер Н. И. Указ. соч. – С. 189.

[6] Торнау Ф. Ф. Записки кавказского офицера, ч. II. М., 1864. – С. 171.

В десантных частях непосредственно находился и знаменитый художник И. К. Айвазовский. Он был сперва с Раевским на пароходе «Колхида», потом перешел к М. П. Лазареву на линейный корабль «Силистрия», капитан которого был С. П. Нахимов. Айвазовский высадился па берег в рядах атакующих, и эту операцию он запечатлел в известной своей картине «Высадка у Субаши»[1*]. На фоне побережья и моря видны десантные белые шлюпки. В одной из них – руководитель десанта Н. Н. Раевский, М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, А. И. Панфилов и П. С. Нахимов. Айвазовский рассказывал: «Развернув портфель, я вооружился карандашем и принялся срисовывать одну группу. В это время какой-то черкес, бесцеремонно взяв у меня портфель из рук, понес показывать мой рисунок своим. Понравился ли он горцам – не знаю; помню только, что черкес возвратил мне рисунок выпачканным кровью... Этот «местный колорит» так на нем и остался и я долгое время берег это осязательное воспоминание об этой экспедиции».

Айвазовский познакомился с декабристами М. М. Нарышкиным, А. И. Одоевским, Н. И. Лорером и «с большим удовольствием беседовал с этими высокообразованными людьми»[2]. С большим удовольствием с ними, очевидно, беседовал и С. Т. Званба, участник указанных операций.

Н. Н. Раевский после описанных событий еще некоторое время оставался в должности начальника Черноморской береговой линии. В 1840 году ему снова пришлось вести войну на значительном участке Черноморской береговой линии, когда под ударами восставших горцев одно за другим пали царские укрепления Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и Николаевское.

Затем Раевский «всю свою исключительную энергию и свои недюжинные военные и административные дарования» направил

[1] * Между прочим, И. К. Айвазовскому трижды довелось плавать с М. П. Лазаревым, а также с его сподвижниками В. А. Корниловым, С. П. Нахимовым, Ф. Ф. Матюшковым (один из ближайших друзей А. С. Пушкина) и к другим кавказским берегам. Плодом этих плаваний явился еще целый ряд мастерски исполненных знаменитым маринистом картин, в числе которых – «Буря у берегов Абхазии», показанная в Париже на выставке в Лувре в 1843 году. Во время своего путешествия по Кавказу в 1868 году Айвазовский, среди других картин на кавказские темы, создал «Восточный берег близ Сухума».

[2] РА, 1878, т. 21, № 4. – С. 674.

на устройство нового, своеобразного края»[1]. Он хорошо понимал значение этих обширных и богатых земель. «Я опять повторяю, – писал он военному министру А. И. Чернышеву 27 декабря 1840 года, – что мы еще не умеем ценить важности приобретения восточного берега Черного моря. Оно удвоило пространство принадлежащих нам берегов сего моря. Его протяжение обширнее берега Франции на Средиземном море; соседство моря даст со временем сему краю первенство над Кавказской областью и Закавказским краем. Суда найдут надежное убежище в Новороссийске, Геленджике и Сухуме. Сии пристани не уступают пристаням Франции на Средиземном море. Долины восточного берега лежат под столь же теплым небом и изобильно орошены истоками ледяных гор, заключают обширные луга и богатые нивы. Горы, образующие сии долины, покрыты мачтовым и строевым лесом и, по свидетельству древних, там находятся в недрах земли другие источники богатства»[2].

Н. Н. Раевский прежде всего повел борьбу против контрабандной торговли[3*] и действий иностранных агентов на Кавказском Черноморском побережье. В своем известном «Обзоре Восточного берега Черного моря» (26 апреля 1839 года)[4], например, он изобличал матерого английского агента Джемса Белла и его сподвижников[5**], которые продолжали среди черкесского населения вести провокационную работу, держа при этом связь со Стамбулом. Раевский отмечал большую заинтересованность анатолийского купечества в торговле с населением восточных берегов Черного моря и об участии и покровительстве этой торговле компании английских купцов в Трапезунде «как выгодный сбыт своих товаров»,

[1] Модзалевский Б. Л. Предисловие к Архиву Раевских, т. III. – С. III.

[2] ЦГВИА, ф. 1396 (гр.), оп.1, д. 70, лл. 10–12.

[3] *Для успешной борьбы с этой торговлей была создана специальная таможенная береговая стража, а Раевскому подчинены все таможенные заставы. Кроме того, ежегодно абхазскому владетелю отпускались 15 тыс. пудов соли для меневой торговли с горцами (ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. I, 1840 г., д. 136, л. 4).

[4] См.: Архив Раевских, т. III. СПб., 1910. – С. 47–100.

[5] **Между прочим, Раевский объявил Белла «вне покровительства закона» и назначил цену за его голову. Это вызвало много шума в Европе, особенно когда тот издал свое сочинение, в котором содержится много любопытных сведений о горцах, но, как уже отмечалось, «еще больше клеветы и умышленной лжи, высказанной с остервенелою ненавистью к России» (Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 248).

посредством которой в первую очередь снабжала невольниками Турецкую империю. Иностранные контрабандисты и горские работорговцы «во всех гаремах имеют связи». «Чем сильнее меры к прекращению сей торговли, – писал Раевский, – тем более с увеличением риска, увеличиваются и барыши; это дошло до того, что турецкие контрабандисты сознаются, что если из 10 судов они потеряют 9, то последнее окупает всю потерю». А синопский и другие турецкие паши-правители «покровительствуют сей торговле и сами в ней участвуют».

Ведя энергичные действия против указанных нежелательных явлений, Раевский особое внимание обращал на установление прочной экономической связи России с Кавказским краем, а существовавшие на Черноморском побережье укрепления рассматривал не только как военные форпосты, но и как опорные пункты для развития торговли.

Н. Н. Раевский заявлял, что «бесполезное кровопролитие» надо заменить «средствами мирными». А в своем воззвании к натухайцам он писал: «Если вы придете с миром, – я вас приму с дружбою. Если хотите войны, которой я сам не желаю, то обвиняйте самих себя в ужасных ее последствиях. Мирные сношения всякий день усиливают дружбу, война – всякий день усиливает ожесточение»[1]. Раевский утверждал: «Десятилетнее спокойствие и мирные сношения улучшили состояние края и сблизили жителей с русскими»[2]. «Я с торжеством читаю, – писал он в рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева от 28 февраля

1841года, – все, что полк. Астафьев доносит... о развитии торговли с горцами»[3]. Ставя вопрос о своем уходе с должности начальника Черноморской береговой линии, Раевский давал такое наставление своему преемнику: «Наследнику моему предстоит блестящее поприще, если он убедится, что набеги и опустошения вредят примирению края, и если он устоит против общего влечения к сим мнимым военным подвигам»; если он будет действовать в направлении осуществления плана «об устройстве и поселении

[1] КС, 1884, т. VIII, приложения к статье «Три года на Кавказе». – С. 17.

[2] Раевский. Записка о торговле с горцами и переселении на Восточный берег. – АКАК, т. IX. – С. 471.

[3] Там же. – С. 505.

края, основании городов в Новороссийске, Геленджике и Сухуме и развитии торговли с горцами»[1].

Раевского возмущала безынициативность русских купцов, он высказывался против «странного способа» снабжения «русскими произведениями» Закавказья. Он просил правительство, поощряя развитие торговли на берегах Абхазии и Черкесии, предоставить русским купцам и ремесленникам, желающим переселиться туда, льготы, чтобы привлечь к экономическому развитию края «достойных негоциантов». Раевский предлагал привлечь частный капитал к установлению торговых отношений с горцами, призывал к усилению борьбы против английской и турецкой контрабандной торговли, для чего должны были служить и укрепления на Черноморской береговой линии[2]. А о вреде этой торговли со стороны султанской Турции, в частности, Раевский замечал: «Торговля с восточными берегами снабжала невольниками всю Турецкую империю, работниками – Трапезундские медные рудники и женами – восточные гаремы»[3].

При этом Раевский считал решительно необходимым введение беспошлинной торговли. «Торговля на береговой линии, – писал он графу Чернышеву 27 декабря 1840 года, – если не будет разрешен беспошлинный подвоз предметов иностранной торговли и если право это не будет распространено на всех лиц, поселившихся на восточном берегу, это право ни в коем случае не должно быть частною привилегиею. Подобное предложение не влечет за собою возобновления транзита через Грузию, хотя я убежден, что его уничтожение нам сделало огромный политический вред... С уничтожением транзита мы передали Англии всю народность, которую он нам было приобрел на Востоке». Причем беспошлинный ввоз иностранных товаров Раевский ограничивал территорией между Кубанью и Ингуром, т. е. «торговля будет допущена только с одними горцами». Он заключал: «...немедленно утвердить льготы для переселенцев на восточный берег и дозволить беспошлинный ввоз иностранных товаров на береговую линию в Новороссийск, Геленджик и Сухум»[4].

[1] АКАК, т. IX, с. 268 (Рапорт ген.-л. Раевского ген.-л. Головину от 24 января 1841 года).

[2] Раевский Н. Н. Записка о торговле с горцами. – С. 474.

[3] Его же! Обзор восточного берега Черного моря.– Архив Раевских, т. III. – С. 52.

[4] ЦГИАГ, ф. 1396 (гр.), д. 70, л.л. 10–12.

Известно также бичевание Раевским «произвола, злоупотребления и беспорядков», царивших в органах кавказской администрации. Раевский, отличавшийся гуманностью в отношении к кавказским народам, писал: «В областях Кавказского края, где не введено гражданское управление, мы, частные начальники, более похожи на турецких пашей, чем на русских чиновников»[1]. Или же: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами...»[2]. Это было одним из откликов передовой части кавказского офицерства на взгляды декабристов, осуждавших захватническую политику царизма и ратовавших за мирное сотрудничество с народами Кавказа.

Высказывания Н. Н. Раевского, идущие вразрез с политикой правительства, естественно, вызывали враждебное отношение к нему прежде всего со стороны его непосредственного начальника на Кавказе по характеристике историка С. С. Эсадзе, «душевно больного» генерала Е. А. Головина и др. А надо сказать, что вообще, как свидетельствовал Г. И. Филипсон, «его языка и пера очень боялись в Ставрополе и Тифлисе... Он был плохой подчиненный»[3].

Раевскому стали приписывать вину за все неудачи на Черноморской береговой линии, упрекать за то, что его «оборонительная и миролюбивая система в отношении горцев» якобы поощряла их сопротивление. Придравшись к тому, что Раевский по своему почину предпринял постройку укрепления в Цебельде, Николай I объявил ему выговор. Узнав об этом, Раевский немедленно подал заявление об отставке. Просьба была удовлетворена[4].

Уезжая навсегда с Кавказа, Раевский писал военному министру 28 февраля 1841 года: «...Я здесь первый и один по сие время вос-

[1] Цит. по: Фадеев А. В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке.– Вопросы истории, 1955, № 6. – С. 74.

[2] АКАК, т. IX. – С. 505, № 434.

[3] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 157.

[4] Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – С. 369.

Между прочим, как отмечал В. А. Потто, «удаление Раевского повлияло косвенным образом и на другого старого нижегородца», А. Г. Чавчавадзе – виднейшего представителя грузинской интеллигенции того времени и талантливейшего поэта, человека передовых взглядов. Он командовал тогда войсками в Кахетии и на Лезгинской линии. Чавчавадзе вынужден был уйти. (Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. III, СПб., 1894. – С. 147).

стал против пагубных военных действий на Кавказе, и от этого вынужден покинуть край». Характерно, что в заключение своего письма графу Чернышеву Раевский просил, чтобы в предлагаемых военных действиях войск не переходили реки Белой – естественной границы Кавказской линии, так как «иначе это уничтожит весь успех стараний о мирных сношениях и торговле с горцами»[1].

Живя в Керчи, где находились штаб и управление Черноморской береговой линии, Раевский часто предпринимал поездки на пароходе по всем укреплениям вверенного ему края и в описании этих своих поездок оставил, по справедливому утверждению Е. Д. Фелицына, «чрезвычайно интересный и ценный исторический материал для всестороннего ознакомления» с положением как в Абхазии, так и на всем Черноморском побережье в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века[2]. Таковы, например, «Обозрение восточного берега Черного моря» (1839 г.)[3], «Записка... о торговле с горцами и переселении на Восточный берег» (1840 г.)[4], рапорты генералу Е. А. Головину от 8 апреля 1838 года[5] «касательно известных английских и других иностранных авантюристов», действующих на Кавказе[6], и военному министру А. И. Чернышеву от 16 июля 1840 года о «покорении» псхувцев и способах действий против убыхов[7], а также его записка (начало 1840 года) «О женитьбе абхазского владетеля М. Шервашидзе»[8] и др. А между прочим, Раевский, по словам начальника его штаба Г. И. Филипсона[9*], «говорил и писал очень хорошо, причем свои донесения он, как правило, диктовал состоявшим при нем капитану Л. С. Пушкину и прапорщику П. А. Антоновичу[10]. Надо сказать, что Раевский, по свидетельству того же Филипсона,

[1] АКАК, Т. IX, № 434. – С. 505.
[2] Архив Раевских, т. III. – С. 48.
[3] См.: Там же. – С. 47–100.
[4] См.: АКАК, т. IX, ч. I, № 414. – С. 470–480.
[5] Там же, ч. I, № 394. – С. 454–455.
[6] Там же. – С. 453.
[7] См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6422, л.л. 1–4.
[8] См.: АКАК, т. IX. – С. 180, № 208.
[9] * Г. И. Филипсон был назначен на Кавказ в 1835 году. Состоял в распоряжении командующего войсками Кавказской линии и Черноморья А. А. Вельяминова, а затем – начальником штаба Черноморской береговой линии при Н. Н. Раевском и его приемнике Анрепе.
[10] Филипсон Г. И. Указ. с. ч. – С. 156, 160, 189, 196, 211.

обладал «огромной памятью», но способности его ума были «более блестящими, чем глубоки»[1].

В Абхазии Раевский общался прежде всего с владетельным князем Михаилом Шервашидзе. Политика Раевского сводилась к тому, чтобы сделать его «действительным владетелем Абхазии»[2].

Н. Н. Раевский ставил вопрос о поощрении в Абхазии торгового земледелия, рыбного промысла и т. д. Он, в частности, выдвигал проект о развитии технических культур, учитывая природно-климатические условия данного края: «От севера и востока Абхазия заслонена Кавказским хребтом; от соседства моря жара в ней несравненно сноснее, чем в южной части Каспийской области, а зимою холода несравненно меньше, потому что сия последняя не закрыта от востока». Далее Раевский писал: «Край изобильно производит виноград, шелковицу, оливку, рис (просо?) и хлопчатую бумагу; некоторые опыты дают надежду, что там будут произрастать пробочный дуб, апельсинное, чайное, камфорное деревья, индиго и лен Новой Зеландии»[3]. Раевский внедрял в крае, например, виноградные лозы (изабелла); в начале 1840 года он их «сам развез по укреплениям» из садов графа М. С. Воронцова и Никитского ботанического сада (Крым)[4], сыгравшего, как известно, важную роль в распространении субтропических культур в Крыму и на Кавказе. В этом саду были собраны наилучшие коллекции отечественных и зарубежных растений, в том числе из тропиков и субтропиков.

В 1840 году Раевским, «любителем изящной флоры»[5], любительский сад В. И. Багриновского был взят в военное ведомство и преобразован в «Военно-ботанический сад»[6]. Заведовать им Раевский поручил лекарю 6-го линейного батальона Багриновскому, которого он случайно узнал как ботаника в укреплении Вельяминовском[7]. Целью Сухумского сада становится: «Служить рассадником для края лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и многих экзо-

[1] Там же. – С. 155.
[2] Там же. – С. 255.
[3] Раевский. Записка о торговле с горцами. – С. 471
[4] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 235.
[5] Радожицкий Ил. Взгляд на флору Восточного берега Черного моря. – Журнал садоводства РОЛ С, М., 1842, № 5. – С. 42.
[6] Там же. – С. 42–43.
[7] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 235.

тических растений»[1] – местных и зарубежных. Для ухода за садом Багриновскому ежедневно выделяли по 10 солдат. Сад находился на попечении сухумского коменданта майора Конийского. Если первоначальная площадь сада равнялась 0,5 десятины, то в 1841 году было прибавлено еще 3 десятины[2].

В устройстве сада в Сухуме большую помощь оказал директор Никитского ботанического сада Н. А. Гартвис, который посылал Раевскому семена и саженцы, а также направил садовника Витмана для организации питомника древесных растений[3]. Гартвис был знатоком природы и сельского хозяйства Кавказа. В 1837 году он организовал научную экспедицию по побережью Черного моря, которая обследовала Пицунду, Бамбору и Сухум. В 1839 году он направляет вторую экспедицию по Кавказу, в том числе и по Абхазии. Третья экспедиция была направлена в 1847 году, а четвертая – в 1850 и 1851 годах. Изучая местную флору, члены экспедиции одновременно собирали саженцы для Никитского ботанического сада[4]. Н. Н. Раевский также «состоял в большой переписке» с директором ботанического сада в Петербурге В. Б. Фишером, которому отправлял гербарий кавказских растений. Помимо того, Раевский поддерживал переписку со многими зарубежными ботаническими и садовыми учреждениями, получал от них семена и черенки[5].

По сведениям К. Д. Мачавариани, ботанические сады «благодаря Раевскому и приглашенному им доктору-садовнику Багриновскому» были устроены также в Бамборе, Пицунде и Гагре[6]. Н. Н. Раевский уделял большое внимание закладке культурных растений («красивых и полезных») вообще во всех укреплениях береговой линии, израсходовав на это значительную сумму денег[7]. Таким образом, действительно, «среди тех лиц, которые много сделали в деле интродукции растений на Черноморском побережье Кавказа и на южном берегу Крыма, одно из видных мест занимает генерал Н. Н. Раевский (младший)»[1].

[1] Свешников В. Из письма о Сухуме. – Кавказ, 23 декабря, 1853 г.

[2] Радожицкий Ил. Указ. соч. – С. 42.

[3] Некрасова В. Л. Николай Николаевич Раевский. – Труды Государственного Никитского ботанического сада. Симферополь, 1948, т. XXV, в. 1–2. – С. 188.

[4] Орагвелидзе И. Ш. Развитие чайного хозяйства в Грузии. Тбилиси, 1962. – С. 41.

[5] Русские портреты XVIII и XIX столетий, т. II, вып. I. СПб., 1906. – С. 161; Васильев А. В. Николай Николаевич Раевский (1801–1843). – Труды Сухумского ботанического сада, вып. XXIII. Тбилиси, 1977. – С. 6.

[6] Мачавариани К. Абхазские вина. – С. I. – Труды Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1888, № 3.

[7] Радожицкий Ил. Указ. соч. – С. 21, 29, 34–35.

Н. Н. Раевский рассматривал значение Сухума не только с точки зрения перспектив развития субтропической флоры в крае, но и развития торговли. «Новороссийску, – писал он, – предстоит важность как военной гавани; но не менее важности приобретает Сухум торговлею». «...Сухуму, – развивал Раевский свою мысль, – предоставлено быть... центром торговли с окружающими его горцами... В настоящем положении дел он (Сухум. – Г. Д.) прекрасный и единственный порт для торговли Западной России с Закавказским краем, Персиею и восточною частью Азиатской Турции. Посему развитие торговли в Сухуме неминуемо превзойдет развитие Новороссийска и Геленджика в сем отношении».

Раевский считал, что на всем пространстве между Геленджиком и границей Азиатской Турции Сухумский рейд – единственный, который может служить для самых мелких и самых больших судов безопасным убежищем во всякое время, так как «рейд сей обширен и закрыт от морского ветра; грунт его надежен: на нем спокойно устояли суда во время гибельной бури 30 мая 1818 года». «Сухум, – заключал Раевский, – есть порт Закавказского края и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области: ему предназначено, как выше я сказал, быть путем торговли Западной России с Персиею и Азиатскою Турциею»[2]. Он предлагал Сухум сделать местом центрального управления карантинами восточного берега, а также учредить в нем градоначальство.

Вместе с тем с именем Раевского связана первая попытка благоустройства Сухума. По его инициативе в 1840 году приступили к осу-

[1] Некрасова В. Л. Указ. соч. – С. 179.

Интересно отметить, что сын Н. Н. Раевского Михаил (1841–1893) – известный садовод и поэт. Будучи директором департамента земледелия, а также президентом Российского общества садоводства, он сделал немало в деле распространения сельскохозяйственного образования. М. Н. Раевский – автор ряда работ; одна из них – «Плодовая школа и сад» – выдержала несколько изданий. Другой сын Н. Н. Раевского, Николай, был убит во время сербско-турецкой войны 1876 г. Жена Раевского – Анна Михайловна – характеризовалась как просвещенная и энергичная женщина.

[2] Раевский. Записка о торговле с горцами. – С. 471–477.

шению болот в Сухуме, который, упрекал Раевский, в продолжение тридцати лет «не обратил на себя внимания местного начальства»[1]. Для воинских частей, расположенных в Сухуме и страдавших от злокачественной малярии, было начато строительство казарм и госпиталя на холмах, расположенных вблизи Сухумской крепости. В это время, по сообщению Раевского, смертность войск в Сухуме от малярии и других болезней в среднем в год достигала 154 человек (из 659 человек гарнизона)[2]. Говоря словами другого современника – Г. И. Филипсона – «Сухум казался каменным гробом: нельзя было встретить свежего, здорового лица»[3].

Все это, ко всему прочему, было направлено на облегчение тяжелой участи солдат. С этой же целью Раевский в береговых укреплениях усиленно распространял культурные растения, считая, что они нужны не только для украшения, но и как средство борьбы с цингой. Овощи и фрукты, с одной стороны, физическая работа – с другой, были необходимы для здоровья солдат»[4]. Эти и им подобные меры снискали Раевскому большую популярность среди солдатской массы. Между прочим, во время Черноморской экспедиции 1838 года распевалась лихая песня, сложенная в честь бравого генерала «пиитом армейским» М. Ф. Федоровым[5], в которой говорилось:[6*]

Наш Раевский храбр и смел,
Льва сомнет за Русь святую;
На скалу, куда крутую,
Соколом взлетел.
• • •
Век служи, Раевский, с нами;
Мы с тобой, отец, штыками
Опрокинем свет.

[1] Там же. – С. 171.

[2] Слонецкий А. А. Крестьянская реформа 1870 года в Абхазии – Труды АИЯЛИ, 1954, XXV. – С. 141.

[3] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 250.

[4] Орагвелидзе И. Ш. Указ. соч. – С. 41.

[5] См.: Федоров М. Ф. Указ. соч. – С. 118–125.

[6] *Ошибается В. А. Потто, который утверждал, что эта песня появилась еще в период войны с Турцией, когда Н. Н. Раевский-младший командовал Нижегородским полком (См.: Потто В, А. Указ. соч., т. III, с. 148).

Говорят, Н. Н. Раевский, прослушав куплеты песни, пошутил: «Отца моего воспел знаменитый Жуковский, – вот и я нашел своего поэта в Федорове»[1].

«Поэт Раевского» так описывает и его внешность: «Николай Николаевич Раевский, стройный, высокого роста генерал; в чертах лица, в движении, словом – во всей его позе, видно было большое развитие физических сил; он имел небольшие усы, носил очки; на вид ему было не более 35 лет»[2].

Н. Н. Раевский принимал меры к изысканию полезных ископаемых в крае, в частности, каменного угля, что могло иметь немалое значение в связи с созданием Черноморского парового флота[3*]. С этой целью он направил во вверенный ему край инженер-капитана Анисимова. Правда, последний успел произвести лишь «поверхностный обзор», но и это было очень важно, поскольку, как писал Раевский, он «доказал возможность рождения каменного угля в этом краю и подтвердил местные сведения жителей. В особенности Абхазия как по естественному образованию страны, так и по причине совершенного спокойствия жителей представляет все удобства для основательных разысканий, которых счастливый результат дает неоценимые выгоды для края, для всей береговой линии и наконец для Черноморского флота»[4].

Возможно, что здесь имеется в виду ставшее известным позднее Ткварчельское месторождение.

В рапорте Н. Н. Раевского графу А. И. Чернышеву от 16 июля 1840 года, составленном в Туапсе, дается, в частности, интересная справка о джигетах (садзах). Особенно заслуживает внимание следующее место этого документа: «Земля джигетов делится на две

[1] Федоров М. Ф. Указ. соч. – С. 121–122.

[2] Там же. – С. 117.

[3] * Это был период, когда адмирал М. П. Лазарев добивался оснащения Черноморского флота винтовыми пароходами и в связи с этим был озабочен проблемой топлива для судов. (Островский Б. Указ. соч. – С. 149–150). Он нашел его в районе Северного Донца (Донбасс). Раевский же продолжал поиски угля на Кавказском побережье.

[4] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1840 г., св. 40, д. 104, л.л. 8–8 об. (Копия с отзыва Н. Н. Раевского начальнику штаба корпуса горных инженеров ген.-м. Чевкину от 4 октября 1840 г.).

части: Псху, Аибга и Ахчипсоу. Сие последнее племя имеет в своей земле несколько удобных перевалов через Кавказ, часть спускается для грабежа на северную покатость и известно на Кавказской линии под именем медовеевцев. Береговая часть джигетов заключает в себе: Цвиджа, Бага, Ареда, Геча и Цандрппш. Тесные связи родства соединяют джигетов с Абхазиею...»[1].

Интересные данные о Дале и Цебельде содержатся в рапорте Раевского тому же Чернышеву от 15 июня 1840 года. В Дале, писал он, единственная, а в Цебельде главная княжеская фамилия – Маршания, которая имеет обширные связи с Псху, Ахчипсу и Аибга[2].

Следует, наконец, отметить, что Раевский, как и Вольховский, разделял идеи авторов Проекта создания Российской закавказской комиссии, против которых резко выступал Паскевич.

Приведенные факты достаточно убедительно характеризуют Н. П. Раевского как прогрессивно настроенного и инициативного, для своего времени, деятеля. К тому же Раевский – «человек рыцарской честности и неотразимого обаяния»[3]. В этом, можно сказать, и секрет его традиционной популярности на Кавказе. Но нельзя, однако, и замалчивать практическое участие генерала Раевского, в силу его служебного положения, в проведении завоевательной политики царизма на Кавказе.

Раевский был, конечно, не единственный русский офицер-«кавказец», кого глубоко волновало положение дел на Кавказе и кто подвергал критике порядки в этом крае.

В рассматриваемое время на Кавказе, в войсках Кавказской линии и Черноморья, находился (в годичной командировке), например, молодой гвардейский офицер Д. И. Милютин[4*], будущий военный министр России, основные положения мировоззрения которого в 40–50-х годах профессор П. Л. Зайончковский определяет следующим образом: «Отрицательное отношение к существующей николаевской действительности и крепостному праву

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6422, л.л. 1–4.

[2] Там же, д. 6417, л.л. 7–17.

[3] Шадури В. Покровитель.., – С. 23.

[4] *Д. И. Милютин служил на Кавказе трижды: в 1839–1840, 1843–1845 и 1856–1860 гг., но непосредственного участия в Кавказской войне он почти не принимал, занимая ряд должностей в высших штабах (Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. – С. 20).

в особенности, предпочтение буржуазных форм общественной жизни»[1].

Ознакомившись с положением на Кавказе, Милютин также пришел к выводу о необходимости изменить как систему военных действий, так и политику по отношению к горским народам. Эти мысли нашли свое отражение в его записке «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе», составленной в 1840–1841 годах. Милютин писал: «...чтобы горцы терпеливо несли иго русского владычества, одно необходимое условие то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни. Мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев как материальными, так и нравственными... Не в таком духе действовали мы до сих пор на Кавказе... Это заставляет их (горцев. – Г. Д.) смотреть на русских как на грабителей, приходящих к ним для обогащения своего, точно так же, как некогда монголы были для России»[2].

Как известно, Д. М. Милютин впоследствии был преобразователем русской армии; военная реформа 60–70-х годов способствовала превращению феодально-крепостнической армии России, потерпевшей поражение в Крымской войне, в армию нового типа. Хотя противники Милютина из реакционного лагеря считали его чуть ли не социалистом[3*], но в действительности он был лишь умеренным либералом, предпочитавшим реформы революции[4]. Между прочим, Д. А. Милютин проявлял большой интерес к истории Кавказа[5].

Среди примечательных личностей России второй четверти XIX века, игравших в целом прогрессивную роль по отношению к Абхазии и Черноморыо, нельзя не упомянуть И. Т. Радожицкого (1788–1861). Офицер-артиллерист, участник Отечественной войны 1812 года, Радожицкий с 1823 года перешел на службу на Кавказ, приняв

[1] Зайончковский П. Д. И. Милютин. Биографический очерк. – В кн.: Дневник Д. И. Милютина. Т. I. 1873–1875. М., 1947. – С. 20.

[2] Цитю по: Зайончковский П. Указ. соч. – С. 10–11.

[3] *Например, у А. В. Никитенко было представление о Д. А. Милютине, как о «красном», т. е. «революционере», зашедшем в своем демократизме «слишком далеко» (См. его «Дневник». Т. 2. 1856–1865 гг. М., 1955. – С. 395).

[4] Зайончковский П. Указ. соч. – С. 21 и сл.

[5] См.: КЭС. М., 1958, П. – С. 183–184.

затем участие в русско-турецкой войне 1828–1829 годов. С 1839 года он вновь на строевой службе на Кавказе, а в 1850 году выходит в отставку в чине генерал-майора.

Полковник И. Т. Радожицкий известен как выдающийся ботаник, этнограф, публицист[1]. Член «Московского общества испытателей природы», И. Т. Радожицкий в «Журнале садоводства» опубликовал свои работы: «Взгляд на флору Восточного берега Черного моря» (1842, № 5; 1843, № 3), «Список экзотическим растениям Сухум-Кальского Военно-ботанического сада, произрастающим открыто» (там же) и другие[2].

Посетив Сухум в 1842 году, Радожицкий ставил вопрос о создании здесь «правильно устроенного сада» с «надлежащими пособиями» и квалифицированными работниками, который мог бы из «первоначально набросанного эскиза» превратиться со временем в «рассадник изящнейших и полезнейших экзотических растений». «Мы бы, – мечтал Радожицкий, – могли иметь свои апельсины, лимоны, миндаль, маслины, хлопчатую бумагу, наилучший табак, может быть, кофе, чай, пробку и множество аптечных растений»[3].

Страстный любитель ботаники, занимавшийся исследованием абхазской флоры, собирал растения также в Гагре, Пицунде и Бамборе[4].

К числу военных, оставивших определенный след в кавказоведении, относится и Ф. Ф. Торнау (Торнов)[5]. Офицер-разведчик, в силу служебного положения сыгравший известную роль в осуществлении задач царизма на Западном Кавказе, он внес в то же время заметную лепту в изучение Кавказа. Когда встает вопрос о более или менее глубоком изучении истории и культуры Кавказа первой половины XIX века, особенно его северо-западного района, в частности Абхазии, вряд ли можно обойтись без тех уникальных сведений и красочных описаний, которыми так богаты книги «Воспоминания кавказского офицера» (М., 1864), «Воспоминания о Кавказе и Грузии» («Русский вестник», 1869, № 1–4) и многочисленные рукописи – официальные донесения, записки и письма, отложившиеся в свое время в военных архивах.

[1] См.: Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке.– КЭС I. – С. 308; Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800–1830 гг. Тбилиси, 1946. – С. 45–47; РБС, 1910. – С. 391–394.

[2] См.: Липшиц С. Ю. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940), М., 1940. – С. 97–98.

[3] Радожицкий И. Указ. соч. – С. 43.

[4] Воронов Ю. Н. Итоги изучения флоры Абхазии за 100 лет.– Известия Абхазского научного общества, 1925, вып. I. – С. 20.

[5] Подробнее о нем: Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976.

Торнау обнаруживает относительную непредубежденность и тонкую наблюдательность в воспроизведении самобытной жизни кавказских народов. Он вместе с тем заслуживает внимания как писатель и исследователь, мировоззрение которого отражало широкое общественное движение его эпохи. Определяя, в частности, свое отношение к ссыльным декабристам, Торнау писал: «Наши сношения с этими лицами были самые откровенные... в политическом смысле... Не входя в их забытое прошлое... я водился с ними, не опасался показываться публично в их обществе и никак не скрывал мою симпатию к Нарышкину и Голицыну. По этому случаю один господин счел обязанностью шепотом мне посоветовать быть поосторожнее»[1]. Вообще работы Торнау – важные материалы для изучения деятельности ссыльных декабристов на Кавказе в 30-х годах XIX века.

Даже у деятелей более умеренных воззрений, но представлявших передовых военачальников Кавказской армии и находившихся в оппозиции к реакционному главнокомандующему Е. А. Головину (кстати, один из активных участников подавления восстания декабристов) и его штабу, генералов А. А. Вельяминова и П. Х. Граббе, декабристы находили «прибежище» и покровительство. По сообщению декабриста Н. И. Лорера, при первом же свидании с вновь прибывшей группой декабристов в 1837 году Вельяминов предупреждал их: «Помните, господа, что на Кавказе есть много людей в черных и красных воротниках, которые следят за вами и за нами»[2]. Как свидетельствует и Г. И. Филипсон, Вельяминов обращался с декабристами «учтиво, ласково и не делал никакого различия между ними и офицерами»[3]. Интересно также отметить, что А. А. Бестужев-Марлинский, откомандированный в августе 1834 года рядовым в распоряжение генерала Вельяминова в Ставрополь, свободно обе-

[1] Т. Воспоминания о Грузии и Кавказе. – РВ, 1869, № 4. – С. 701.

[2] Лорер Н. И. Записки декабриста. – С. 217.

[3] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 115.

дал у своего начальника. Причем «это правило распространялось» и на некоторых других «разжалованных в солдаты»[1].

Известно также, что Вельяминов сыграл большую роль в производстве Бестужева в офицеры. Сам декабрист писал об этом следующее: «Поездка г-на Вельяминова, моего непосредственного начальника, в Петербург, как нельстивого свидетеля моих трудов, конечно, много способствовала убеждению»[2]. А это, естественно, имело важное значение для Бестужева, ибо речь шла о переходе «от безымянной вещи в лицо, имеющее права, от совершенной безнадежности к обетам семейного счастья, от унижения... к неприкосновенности самой чести»[3]. Не случайно, конечно, что в свое время, а именно в памятном 1825 году, А. С. Грибоедов сблизился с Вельяминовым, личностью «прекрасных сведений», и считал это «прекраснейшим открытием достойного человека»[4].

А о гуманном отношении Вельяминова к солдатам, о его заботе о них хорошо известно. Например, в инструкции генерала начальникам укреплений Черноморской береговой линии читаем: «Для здоровья людей, кроме хорошей пищи, нужно чтобы они постоянно имели некоторое движение и были как можно чаще на открытом воздухе. Для этого занимать их учением, работами и играми, наблюдая во всем умеренность. Смотреть также, чтобы в казармах воздух всегда был чистый, чтобы в них не было духоты и сырости»[5].

Что касается П. Х. Граббе, то он сам в молодости был членом Союза благоденствия. Он с 1818 года находился в дружеских отношениях с декабристом И. Д. Якушкиным, оказывавшим на него большое влияние[6]. Граббе являлся участником Отечественной войны 1812 года и русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Декабрист А. Е. Розен, характеризуя Граббе, подчеркивал, что он – «один из тех редких людей, который во всю жизнь в различных и очень трудных обстоятельствах никогда не изменял строжайшим правилам честности и благородства»[7].

[1] Бентковский. Генерал-лейтенант А. А. Вельяминов.– «Ставропольские губернские ведомости», № 12, 21 марта 1881 г.

[2] РВ, 1870, т. 88, VII. – С. 69.

[3] Там же. – С. 67.

[4] Грибоедов А. С. Соч., 1945. – С. 498.

[5] КС, 1884, т. VIII, приложения к статье «Три года на Кавказе». – С. 4.

[6] Декабристы. Новые материалы. – С. 306.

[7] Розен А. Е. Записки декабриста. – С. 259.

Среди деятелей типа Вельяминова и Граббе встречались лица, которые, по крайней мере, разделяли мнение о необходимости вступить с горцами в отношения, основанные на разумных экономических началах. Но, как известно, доклады и планы этих людей, представляемые в центр, не встречали там должного внимания.

В свете сказанного здесь следует обратиться к образу Николая Петровича Колюбакина (1811 –1868), который в раннюю пору своей кавказской службы «вращался в среде сосланных на Кавказ декабристов и был другом Бестужева-Марлинского»[1]. Он был знаком и с М. Ю. Лермонтовым[2]. На Кавказ Колюбакин попал в 1834 году. За оскорбление командира полка он был разжалован в солдаты с отсылкой в Тенгинский полк. В 1835–1837 годах Н. П. Колюбакин участвовал под командой генерала А. А. Вельяминова в военных действиях на Северо-Западном Кавказе. В дальнейшем он был определен адъютантом к начальнику Черноморской береговой линии генералу Анрепу, затем его преемнику генералу Будбергу.

В 1850 году Колюбакин назначается начальником 3-го отделения этой Линии с местом пребывания в Сухуме. За два года своей работы здесь он несколько благоустроил город, основал для абхазских детей мужскую и женскую школы[3]. Николай Петрович общался с местными передовыми людьми. В его доме воспитывался, а затем получил университетское образование один из видных представителей дореволюционной абхазской интеллигенции Г. Д. Шервашидзе. В лице последнего жена Н. П. Колюбакнна, А. А. Колюбакина (урожденная Крижановская), известная как детская писательница, «нашла себе сына»[4].

В конце 50-х годов Колюбакин производится в генерал-лейтенанты и назначается управляющим Мегрелией, а в 1861 году – кутаисским генерал-губернатором. С последней должности он был смещен в 1862 году за разрешение похоронить сванетского князя Константина Дадишкелиани, растрелянного по военному суду за

[1] Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.– КЭС, I. М., 1955. – С. 329.

[2] Существует мнение, что Лермонтов изобразил молодого Колюбакина в Грушницком.

[3] Колюбакина А. А. Воспоминания. – Исторический вестник, 1894, т. 58, № 11. – С. 399.

[4] ЦГАА, ф. 60, д. 58, л.л. 17, 20, 21 об.

убийство его предшественника генерала А. И. Гагарина. Николай Петрович назначается сенатором в Москве.

Живя в Москве, Н. П. Колюбакин состоял членом литературного кружка В. Ф. Одоевского. Он был разносторонне образованным и одаренным человеком, отличался храбростью и честностью. Его перу принадлежит ряд интересных работ по кавказоведению, в частности, исторический очерк «Об Абхазии»[1]. Колюбакин выступал против стремления изображать «дикарями» всех «непокорных или недавно покорившихся» кавказских народов. С этой целью он пытался охарактеризовать в общих чертах общественный строй и нравственные устои адыгов.

В общественной жизни Черноморья в рассматриваемое время заметную роль играли и некоторые сыны польского народа, которые общались здесь с ссыльными декабристами, в ряде же случаев и действовали совместно с ними. Это были преимущественно участники польского национально-освободительного движения. Кроме того, из Польши на Кавказ направлялись большие партии рекрутов[2*]. А в свое время сюда были сосланы военнопленные поляки из армии Наполеона I.

В конце 1814 года этим последним было разрешено вернуться на родину, но некоторые из них предпочли остаться на Кавказе[3]. Между прочим, один из них, причем попавший в рабство, жил в с. Лыхны, в доме владетеля Абхазии. В результате этого и по другим причинам на Кавказе оказалось значительное количество поляков. Генерал Г. И. Филипсон писал: «...На Кавказе я встречал множество поляков, в разных частях и положениях... Поляков в войсках береговой линии, офицеров и солдат, было более 10 %»[4].

---

[1] КК на 1889 год, отд. I. – С. 14; (Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А.) Энциклопедический словарь, т. XVa, 30. СПб., 1895. – С. 806–807; Косвен М. О. Указ. соч. – С. 329, 330.

[2] * Например, в 1835 году в войска Отдельного Корпуса из г. Варшавы, а также из Люблинского, Сандамирского, Мозовецкого, Краковского и других воеводств было набрано 2550 рекрутов. Общее же количество рекрутов из Польши по набору 1838 года равнялось 4358 чел., а в 1839 году – 5450 (ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, д. 751, л.л. 3–3 сб., 16).

[3] Нерсисян М. Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, 1965. – С. 296.

[4] Филипсон Г. И. Воспоминания. – С. 215.

Декабристы, как известно, проявляли живой интерес к польскому национально-освободительному движению. Русские революционеры зафиксировали в своей программе, что Польша должна стать независимым государством. Пестель в «Русской правде» выражал надежду видеть будущую Польшу республикой. Декабристы призывали поляков действовать совместно против общего врага – самодержавия. И подлинные польские патриоты, естественно, искали союза с русскими революционерами.

Так, «Патриотическое общество», возникшее в 1821 году, поддерживало связи с Южным обществом декабристов. А многим декабристам при их осуждении ставили в вину связь с этой организацией, выражавшей идеи революционно-освободительного движения польского народа. Следствие по делу декабристов в конце концов и раскрыло деятельность «Патриотического общества»[1].

В 1831 году, после подавления восстания в Польше, на Кавказ, в Тенгинский полк, были высланы 95 пленных поляков[2]. Э. Спенсер свидетельствовал, что некоторые поляки, взятые в плен из числа восставших или «изгнанные за свои политические убеждения», были направлены сюда, в эту «вторую Сибирь», в качестве солдат[3]. Уже в 40–50-х годах на Кавказе находилось свыше 20 тыс. «репрессированных поляков»[4]. Многие из них служили в воинских частях, дислоцированных в Грузии, в частности, в Кутаисе. Вскоре между ними и грузинской общественностью устанавливается тесный контакт, а некоторые поляки имели даже отношение к грузинскому дворянскому заговору 1832 года.

Указанные, а также направленные сюда в качестве рекрутов, т. е. оказавшиеся на Кавказе не по своей воле поляки, в первую очередь выходцы из трудовых масс, часто переходили на сторону борющихся горцев – «способствовали действиям дагестанцев и

---

[1] См.: История Польши, т. I. М., 1956; Дьяков В. А., Ермолаева Р. А. и др. Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917. М., 1976, гл. III; Медведская Л. А. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество. – Очерки по истории движения декабристов. М., 1954; Ольшевский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959; Бекер И. Декабристы и польский вопрос.– «Вопросы истории», 1948, № 3.

[2] Ракович В. Д. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис. 1900. – С. 107.

[3] Spenser E. Указ. соч. – С. 270.

[4] Дьяков В. А., Ермолаева Р. А. и др. Указ. соч. – С. 123.

черкес»[1]. По утверждению майора Варнера, в войсках Шамиля был специальный батальон, состоявший из русских и польских беглых солдат[2]. Только за период с 12 августа по 1 октября 1834 года из Тенгинского и Навагинского пехотных полков бежало «к немирным горцам» 26 поляков[3].

Иные польские дезертиры-солдаты сливались с местным населением. Это хорошо видно на примере Абхазии, где с береговых укреплений часто солдаты, в том числе поляки по национальности, совершали побеги в горные районы. Например, в Цебельде из 70 беглых и пленных солдат, которые поселились вокруг Марамбского укрепления, построенного при Н. Н. Раевском в 1840 году, поляков было 13 человек. К. Д. Мачавариани писал по этому поводу: «В этих краях нередко можно было наблюдать такую картину: глава семьи – Станислав Яновский, жена – Гугу, сын – Тухи, дочь – Фатима»[4]. В Абхазии и сейчас встречаются абхазские семьи с польскими фамилиями, а многие из них в XIX веке вместе с махаджирами (переселенцами) попали в Турцию.

Теперь обратимся к отдельным, наиболее видным польским революционерам, служившим в разных районах Западного Кавказа. Прежде всего следует отметить С. С. Карвицкого, о котором говорилось выше в связи с «делом Раевского» и политическим процессом 1831 года в Кутаисе. Арестован был Карвицкий еще в 1828 году, лишен графства и определен в солдаты до выслуги. До этого он являлся президентом отделения «Польского тайного общества» в Валынской губернии. После названного процесса С. С. Карвицкий был переведен из 44-го егерского полка в 8-й линейный Грузинский батальон, стоявший в Ленкоране[5].

Между прочим, в связи с тем, что рядовой 44-го егерского полка Карвицкий через одного отплывавшего из Редут-Кале шкипера

[1] Мочульский В. И. Война на Кавказе и Дагестане, ч. I. Политическая – 1844 г. – ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, л. 73 об.

[2] Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля М.–Л., 1939. – С. 125.

[3] Дьяков В. А., Ермолаева В. А. и др. Указ. соч. – С. 123.

[4] Мачавариани К. Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913. – С. 267–268.

[5] Дзидзария Г.А. Участники польского национально-освободительного движения 20-30-х гг. XIX в. в Абхазии. – Известия АИЯЛИ, 1973, вып. II. – С.56, 57.

отправил письмо домой, командующий войсками в Закавказском крае генерал Панкратьев предупреждал командира названного полка полковника Пановского, чтобы переписка «подвергнувшихся замечанию правительства введена была не иначе, как или через полевой штаб, или же по существующему порядку через почтовое ведомство»[1].

Это был один из тех случаев, когда некоторые из польских политических ссыльных продолжали на Кавказе вести революционную деятельность, вступая порой в контакт со сосланными сюда же декабристами.

Вот еще один интересный факт. В архивном фонде Отдельного Кавказского корпуса хранится «Дело штаба Отдельного корпуса по дежурству Особого отделения о патриотических сочинениях, отобранных у нижних чинов – военно-рабочих рот, в Анапе состоящих»[2]. В этом «Деле» имеется рапорт генерала А. А. Вельяминова на имя барона Г. В. Розена от 4 ноября 1836 года, в котором говорится, что анапский комендант граф Н. Е. Цукато 7 сентября того же года представил отобранные у польских солдат 40-й и 41-й военно-рабочих рот «разного рода польские стихотворения, между коими находятся патриотические мотивы и песни», «непозволительные сочинения», на 21 странице. Далее приводится список всех найденных сочинений с указанием лиц, у кого они были изъяты.

В 1828 году на Кавказе, в Нижегородском драгунском полку, появляются в качестве солдат три поляка – Ф. Я. Лисовский, А. Ф. Тржасковский и К. И. Зах, исключенные из Виленского университета за принадлежность к тайному политическому обществу «Приверженцы отечества» или «Сарматское племя»[3]. Сперва они участвовали в русско-иранской и русско-турецкой войнах, а затем их переводят в войска Черноморской береговой линии. Здесь молодые поляки общались с декабристами С. И. Кривцовым, В. С. Норовым, А. А. Бестужевым-Марлинским, А. А. Фоком и др., а также с абхазскими интеллигентами С. Т. Званба и Н. Н. Шакрылом, с кото-

[1] Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп.1, д. 85а, л.25.

[2] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп.2, д. 845.

[3] РС, 1882, т.35, №8. – С. 447-448; АКАК, т. XII,. С.XII; Архив Раевского, т. III. – С.189.

Между прочим, в августе 1841 года в Адлере мы видим разжалованного из профессоров Виленского университета Ордынского (Федоров. Указ.соч. – С. 203).

рыми им приходилось служить в одной части. В июне 1834 года барон Розен предложил для получения «верных сведений» о народах, обитающих на восточном берегу Черного моря между Абхазией и крепостью Геленджик, выбрать какого-либо из виленских студентов, сосланных в Абхазии «за преступление», «знающего язык сих народов»[1]. Выбор нал на унтер-офицеров 7-го Черноморского линейного батальона Лисовского и Заха, которые в сентябре того же года были отправлены для рекогносцировки Гагринского ущелья, в результате чего первый составляет «Описание Гагринского ущелья». В апреле 1835 года Ф. Я. Лисовский в Бамборе встречался с профессором А. Д. Нордманом, который в кратком отчете о своем путешествии по Западному Кавказу отмечал: «Любознательность г. Лисовского в Бамборах мне много помогла»[2]. В мае 1836 года Лисовский осмотрел дорогу от Гагры до Адлера с целью составить карту и «описать того места»[3]. В феврале 1839 года им же было завершено (в Бамборе) составление довольно обширного «Замечания о местоположении гагринских окрестностей»[4]. В отмеченных отчетах содержится интересный материал по истории, этнографии и исторической географии описываемого региона[5].

Г. И. Филипсон, говоря об особой дружбе между Лисовским и Тражсковским, подчеркивал, что «несчастье только закалило их характер». Оба они много лет служили на береговой линии солдатами, неся «всю тяжесть службы в этом убийственном климате», они были известны как «люди способные, образованные, твердого храктера и трудолюбивые»[6].

В 1837 году прапорщик Лисовский был назначен приставом в Цебельде. Объясняя этот свой выбор, барон Розен писал, что он «в продолжение долговременного служения в Абхазии хорошо ознакомился с характером, обычаями здешних народов и может даже

[1] ГАКК, ф. 249, оп.1, д. 3029, лл. 20-23.

[2] Нордман А.Д. путешествие по Закавказскому краю – ЖМНП, 1838, ч. XX, №11. – С. 419.

[3] ИРК, ф. Е.Г. Вейденбаума, картотека – Лисовский Ф.Я.

[4] ГАКК, ф. 249, оп.1, д. 3029, лл. 24-31 об.

[5] Подробнее см.: Дзидзария Г.А. Участники польского национально-освободительного движения 20-40-х гг. в Абхазии. – Известия АИЯЛИ, 1973. т. II.

[6] Филипсон Г.И. Указ.соч. – С. 236, 281.

объясняться на их языке», т. е. на абхазском языке[1]. Лисовскому было поручено, «как имеющему основательные сведения в типографии», обозреть части Главного Кавказского хребта, пролегающего через Цебельду, чтобы установить возможности постоянного сообщения по этому направлению с Кавказской линией[2]. В 30-х же годах он тщательно изучает Цебельду и Псху – эти обширные горные районы Абхазии, устанавливает с их населением дружественные отношения. В своих докладных записках и рапортах Лисовский сообщает немало сведений, представляющих особый интерес для исследователя социально-экономической жизни Абхазии первой половины XIX века[3].

В 1839 году Лисовский участвовал в военной экспедиции Раевского, в высадке в Субаши. В 1842 году он вместе с группой местных знатоков горных путей производит рекогносцировку через становой хребет Кавказа от Сухума до укрепления Хумары и от Бамборы до Ахметогорского укрепления. За этот самоотверженный поступок Ф. Я. Лисовский был произведен в капитаны[4]. В том же году ему и штабс-капитану А. Ф. Тржасковскому, как знающим грузинский язык, было поручено сделать описание: первому – Сванетии, второму – Мегрелии и Гурии, т. е. районов, которые должны были войти в четвертое отделение Черноморской береговой линии. Лисовский побывал во всех ущельях и населенных пунктах Сванетии и составил глазомерную карту. В 1843 году молодые офицеры представили целый фолиант, заключавший в себе «верную картину» названных районов и много ценных данных[5].

А. Ф. Тржасковский в 1838 году был произведен в прапорщики и заведовал канцелярией управляющего Абхазией, Мингрелией и Гурией, затем являлся старшим адъютантом дежурства штаба войск Черноморской береговой линии, а в 1839 году был назначен «состоять при владетеле Абхазии»[6]. В 1846 и 1847 годах он в газете «Кав-

[1] АКАК, т. VIII. – С. 461.

[2] ИРК, ф. Е.Г. Вейденбаума, картотека – Лисовский Ф.Я.

[3] См.: Там же, д. 1361/384, лл.1-7; АКАК, т. XII – С.XII.

[4] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп.2, д. 910, лл. 1-10; ИРК, ф. Вейденбаума Е.Г., картотека – Лисовский Ф.Я.

[5] Филипсон Г.И. Указ. соч. – С. 280-281; АКАК, т. XII, ч.1. – С. XII; КЭС, П.М., 1958. – С. 206-207.

[6] АКАК, т. XII, ч. I. – С. XII; ЦГИАГ, ф. 14719, оп.3, д.217, л.10.

каз» опубликовал два очерка, посвященные истории и социальным отношениям Гурийского княжества, а также академику М. П. Броссе, совершившему археологическое путешествие по Кавказу в 1847 году, оказал большую услугу, сообщив ему разные исторические сведения и передав копии с надписей на храмах в Гурии и Имеретии.

В 20–30-х годах в Абхазии служил сперва в качестве командира 44-го егерского полка, а затем командующего войсками генерал А. Г. Пацовский (1788–1839), родом из г. Вильно[1]. Участник русско-турецких войн 1806–1812 и 1826–1829 годов. В его отрядах было много сосланных декабристов и польских революционеров. Поповский стремился сблизиться с местным населением, и с этой целью он взял к себе «на воспитание» С. Званба и Н. Шакрыла, из которых первому помог и в получении специального образования в Петербурге. Кроме того, лесопильный «завод», построенный им для обеспечения воинских частей материалами, сделал «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями»[2]. Поповский много сделал по благоустройству Бамборского и других укреплений.

Примечательны личности двоюродных братьев К. Г. Игельстрома (род. в Шумске Волынской губ.) и А. И. Вегелина (род. в Варшаве), о которых было сказано выше[3].

На Черноморье находились также офицеры Карове и Седлицкий. Подполковник Карове был участником всех наполеоновских войн, а во время Польского восстания 1830–1831 годов командовал полком. На Черноморской береговой линии Карове сперва командовал 5-м батальоном, а затем Раевский назначил его военным начальником Новотроицкого укрепления. Вскоре он стал известным ближайшим даже «немирным горцам, и нередко случалось, что они приходили к старику (ему было около 60 лет. – Г. Д.) с просьбами разбирать их ссоры или тяжбы», благодаря ему улучшилась продовольственная обеспеченность гарнизона и соответственно сократились случаи болезни среди солдат[4].

[1] Подробнее см.: Дзидзария Г.А. Участники польского национально-освободительного движения в Абхазии. – С. 50.

[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминание кавказского офицера, ч.1. – С, 36.

[3] Помимо указ. источников и литературы см. также: Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.

[4] Филипсон Г.И. Указ. соч. – С. 236-237.

Сальва Седлицкий был родом из Владимирского уезда Волынской губернии. Он служил офицером в Херсоне, но в октябре 1831 года по распоряжению Николая I был арестован «за намерение бежать в Литву на присоединение к польским мятежникам», затем переведен на Кавказ, где служил в 7-м Кавказском, 1-м и 8-м Черноморских линейных батальонах[1]. Назовем еще Зенона Карвицкого, участника восстания 1830–1831 годов, солдата Навагинского пехотного полка – с 1836 года[2].

Особо следует сказать о В. И. Багриновском[3]. В январе 1839 года он был исключен из Виленской медико-хирургической академии и в числе более 20 других студентов, обвинявшихся по делу выдающегося польского революционера Шимона Конарского («конарщина»), выслан на Кавказ. Был он определен солдатом в 5-й Черноморский линейный батальон. Вскоре он был «замечен» Раевским в укреплении Вельяминовском и переведен в Сухум, где начал работать лекарем. В 1843 году Багриновский был произведен в унтер-офицеры с назначением заведовать Сухумским ботаническим садом.

Врачебная деятельность содействовала его сближению с абхазским населением, к которому он с самого начала проявлял глубокий гуманизм и искреннее стремление оказать возможную медицинскую помощь. Новый начальник Черноморской береговой линии генерал Будберг отмечал, что «всегдашняя его готовность и опытность в лечении местных болезней приобрели ему известность и доверие между туземными жителями»[4]. Багриновский ездил за несколько десятков верст, в глубь страны, «даже к непокорным горцам»[5].

В октябре 1843 года Багриновский подал докладную записку на имя начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии генерала Муравьева, в которой подробно излагал план своих действий в новом для него крае. Багриновский просил отпустить ему средства для оказания медицинской помощи населению, считая, что эта мера будет иметь и важное политическое значение. «А

[1] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп.2, д. 910, л.31.

[2] ИРК, ф. К.Г. Вейденбаума, картотека – Карвицкий З.

[3] Подробнее см.: Дзидзария Г.А. Участники…, – С. 52-55.

[4] ЦГИАГ, ф. 548, оп.3, д. 518, лл. 18-19.

[5] Селезнев М.А. Руководство к познанию Кавказа, кН. П.М., 1847. – С. 178.

мне, – писал он далее, – доставит случай собирать важные сведения о целом крае в отношениях естественной истории и географии, а больше всего может довести до полезных открытий в медицине...». На первый случай Багриновский просил снабдить его аптечкой и назначить на некоторое время хорошего переводчика, который мог бы ему «подсобить к изучению абхазского языка». Все эти его предложения были удовлетворены в 1844 году[1].

В. И. Багриновский в 1845 году на медицинском факультете Харьковского университета сдал экзамен на звание лекаря. В связи с этим он был уволен из военного ведомства и назначен окружным лекарем и заведующим аптекой для обслуживания жителей Сухума и всего края.

Одновременно Багриновский продолжал успешно заниматься садоводством. На базе его сада и возник нынешний Сухумский ботанический сад. В 1840 году благодаря Н. Н. Раевскому Сухумский сад был взят военным ведомством и преобразован в военно-ботанический сад. Его заведующим был назначен Багриновский, который сыграл большую роль в его дальнейшем развитии.

Известный знаток Кавказа М. А. Селезнев, посетивший Сухум в 1841 году, писал, что сад находился под наблюдением «умного ботаника, абхазского доктора»[2]. Если его площадь во время закладки равнялась 0,5 дес., то в 1841 году было отведено еще 3 дес., а количество разводившихся видов растений в 1842 году доходило до 64. Сухумский ботанический сад под руководством энтузиаста Владислава Багриновского постепенно становится научным центром акклиматизации субтропических растений, которые распространялись на юге России. Уже осенью 1840 года по указанию Раевского из «школы» Багриновского было взято 6 тыс. корней разных деревьев для рассадки в береговых укреплениях (Бамбора, Пицунда, Гагра, Адлер и др.)[3].

Недалеко от этих мест, в Зугдиди, в одно время находился известный польский поэт Войцех Потоцкий. По характеристике Ф. Ф. Торнау, это был «во всех отношениях замечательно талантливая личность», прибыл на Кавказ «не по собственному желанию и при-

[1] ЦГИАГ, ф. 548, оп.3, д. 518, лл. 5-6, 24-25.
[2] Селезнев М. Указ.соч. – С. 178.
[3] Радожицкий Ил. Указ.соч. – С. 42, 48-49.

нужденно обретался в скромном чине армейского прапорщика... Розен назначил его с большим содержанием чем-то вроде английского резидента ко двору владетеля Мингрелии»[1]. По сообщению же А. Зиссермана, Потоцкий был выслан на Кавказ за участие в восстании 1830 года, провел несколько лет в Мегрелии и стал большим другом ее владетеля Дадиани. Он «был знаком со многими сосланными на Кавказ декабристами, с Александром Бестужевым был в близких отношениях»[2].

В близких отношениях Потоцкий был и с В. Д. Вольховским. 24 марта 1835 года он из Зугдиди, резиденции мегрельских владетелей, отправил ему обширное письмо, в котором, в частности, говорится о «свободных сванах», Дадиани, Дадашкелиани, Ломаури и других[3].

Следует также отметить, что Войцех Потоцкий и Петр Завилейский имели даже отношение к заговору 1832 года. Руководители заговора в лице этих поляков видели серьезную опорную силу.

В Грузии Потоцкий написал ряд стихотворений, занимался переводами, в том числе произведений А. Одоевского и А. Чавчавадзе[4].

Большого внимания заслуживают также замечательные поэты Тадеуш Ладо-Заболоцкий, Леон Яншевский и Владислав Стшельницкий, сосланные на Кавказ также за революционную деятельность. Здесь они провели большую часть своей жизни, и вдохновленные величием края создали произведения, проникнутые любовью к природе и населению края. В истории польской литературы они известны как группа «польских кавказских поэтов».

Заболоцкий, который в 1837 году был сослан в Грузию, занимает особое место в развитии грузино-польских литературных взаимоотношений. С этой точки зрения представляет большой интерес и Александр Ходзько. Он был первым в XIX веке, кто сделал достоянием своего народа бессмертное творение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»[5].

[1] РВ, 1969, №4. – с. 703.
[2] Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе, т.1. СПб., 1879. – С. 130.
[3] Шадури В. Покровитель декабристов…, – С, 34.
[4] Там же. – С. 35.
[5] Подробнее см.: Дзидзария Г.А. Участники польскогог национально-освободительного движения в Абхазии. – С. 59 и др.

* * *

Сосланные на Кавказ декабристы и их единомышленники продолжали оставаться на идейных позициях, характерных для русских дворянских революционеров. Они, конечно, были далеки от народных масс, их коренных интересов. Но эти декабристы, как и вся их плеяда, являлись теми передовыми деятелями своего времени, которые, по словам В. И. Ленина, «помогли разбудить народ»[1]. Восстание декабристов было яркой страницей в великой борьбе русского народа против царского самодержавия.

Декабристы как прогрессивные люди России осуждали реакционную политику царизма на Кавказе, сочувственно относились к борьбе народов России за свою свободу, против социального и национального гнета. Они ратовали за тесное содружество русского народа с народами Кавказа, за их экономическое и культурное развитие. Их пребывание на кавказской земле оставило памятный след в ее истории.

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.23. – С. 398.

УЧАСТНИКИ ПОЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ 20–40-х гг. XIX в. В АБХАЗИИ[1*]

Дружба и революционная солидарность советского и польского народов, имеют глубокие корни. Каждая страница этой истории вызывает интерес. В настоящей статье речь идет о деятельности в Абхазии и частично в некоторых других районах Кавказа, главным образом, участников польского национально-освободительного движения 20–40-х годов XIX столетия. Многие из них продолжали здесь справедливую борьбу, в отдельных случаях – совместно с декабристами, также сосланными на Кавказ.

Произвол и насилие царизма вызвали глубокое недовольство в Польше, как и во всей Российской империи. Стали возникать тайные общества и союзы, которые являлись носителями передовых идей революционно-освободительного движения, хотя они и были далеки от народа. Так, в 1821 году в Польше было организовано «Патриотическое общество», поддерживавшее связи с «Южным обществом» декабристов. Как известно, русские дворянские революционеры свободу русского народа неразрывно связывали с освобождением всего человечества. Они с полным сочувствием относились и к польскому движению[2]. Многим декабристам при их осуждении

[1] * Известия АИЯЛИ, т. II. Тбилиси, 1973. – С. 42–60. Печатается по изданию: Г. А. Дзидзария. Труды. Книга вторая. – Сухуми: «Алашара», 1990. – С. 229–250. – Ред.

[2] См.: «История Польши», т. I. М., 1956. – С. 524–527; Медведская Л. А. Южное общество декабристов и польское Патриотическое общество (в сб.: «Очерки по истории движения декабристов». М., 1954); Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение, М., 1959; Н. С. К. Польские смуты перед восстанием 1831 года (в журн.: Исторический вестник, 1880, т. III, № 11. – С. 584–586); Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема в политических планах дека-

ставили в вину связь с «Польским обществом». Так, например, Н. И. Лорер обвинялся именно в том, что он «слышал о сношениях» с этим обществом[1]. Следствие по делу декабристов в конце концов и раскрыло деятельность «Патриотического общества»[2].

Следует также отметить, что немало подлинных польских патриотов, наряду со многими представителями народов Российской империи (украинского, грузинского и т. д.), были членами и других русских тайных обществ. Например, декабрист Юлиан Люблинский был в числе основателей «Общества соединенных славян», а до этого являлся членом одной из польских тайных организаций[3]. Указанное общество, как выразился один из его руководителей, «имело главной целью освобождение всех славянских племен от самодержавия»[4].

Царская охранка выследила и арестовала членов «Патриотического общества» (1826 г.) и других организаций. Тем не менее подобные общества и кружки не прекращали своего существования, а революция во Франции и Бельгии в 1830 году вселяла в их членов уверенность в возможную победу. В 1830–1831 годах в самой Польше произошло восстание, направленное против российского самодержавия. Но оно было жестоко подавлено. Сотни осужденных на каторгу в Сибирь, зачисленных в солдаты, тысячи семейств, переселенных в глубинные губернии России, стали жертвами правительства Николая I. Та же участь постигла участников последующих польских тайных национально-освободительных обществ и революционных выступлений.

бристов (в сб.: Очерки по истории движения декабристов. М., 1954. – С. 186–275); Бекер И. Декабристы и польский вопрос. «Вопросы истории», 1948, № 3; Очерки революционных связей России и Польши. 1815–1917. М., 1976.

[1] Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. Алфавит декабристов. Л., 1925. – С. 116.

[2] Декабристы зафиксировали в своей программе, что Польша должна стать независимым государством. Пестель в «Русской правде» выражал надежду видеть будущую Польшу республикой. Декабристы призывали поляков действовать совместно против общего врага – царского самодержавия.

[3] Чулков Н. П. Автобиография Ю. К. Люблинского. – Литературное наследство, т. 60, кн. I. М., 1956. – С. 249–254; Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. – С. 120, 348.

[4] Цит. по: Бэльза И. Передовая русская интеллигенция и восстание 1863 года – История и культура славянских народов, М., 1966. – С. 5.

Польское национально-освободительное движение, как подчеркивал В. И. Ленин, имело громадное значение для русской и европейской демократии и для пробуждения и политического воспитания масс не только в России, но и в Европе[1].

Одним из мест, куда в наказание посылали как русских «беспокойных» вольнодумцев и «штрафованных» военных (солдат и офицеров), так и польских революционеров и военнопленных, был Кавказ, который Александр I окрестил «теплой Сибирью». А Абхазия и Черноморье считались чуть ли не «самыми суровыми» и «опасными» районами этого края. В ту пору здесь почти каждый царский гарнизон находился фактически в осадном положении; военные действия все более и более разгорались. Кроме того, пагубно влиял на указанных лиц непривычный сырой климат этих мест, порождавших малярию.

Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский в 1836 году писал, что в царских укреплениях на Абхазском побережье «нет ни зелени, ни живности, потому что за завал нельзя высунуть носа, а в самой крепости ходить – пули врагов с окрестных скал бьют людей на койках. Полтора комплекта в год поедается там цынгою и лихорадками, и не было примера, чтобы кто-нибудь выжил там более двух лет или после двух лет возвратился без страданий до конца жизни, а жизнь коротка после Гагр»[2].

Прежде всего на Кавказ были сосланы военнопленные поляки из армии Наполеона I. По сообщению историка С. Л. Авалиани, весной 1813 года из разных губерний направлено было в Георгиевск 6 830 пленных поляков, из них в войска Кавказской линии определены 2 072 человека[3]. В одной партии пленных, в 150 человек, находился Станислав Новацкий, который по возвращении на родину описал свое «путешествие». В его непритязательном повествовании содержатся интересные сведения, в частности, о положении жизни польских пленных на Кавказе[4]. В конце 1814 года польским военнопленным было разрешено вернуться на родину, по некото-

[1] Смирнов А. Ф. К вопросу о ленинской концепции освободительного движения в России. – История СССР, 1970, 2. – С. 54.

[2] Русский вестник, 1870, т. 88, № 7. – С. 68.

[3] Авалиани С. Заметки к истории войны 1812 г., Пгр., 1914. – С. 19.

[4] Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800–1830 гг. Тбилиси, 1946. – С. 128–129.

рые из них предпочли остаться на Кавказе[1]. Один из них, попавший в рабство в 1820 году, жил в с. Лыхны, в доме владетеля Абхазии[2*].

В 1831 году, после подавления польского восстания, на Кавказ, в Тенгинский полк, были высланы 95 пленных поляков[3]. Английский журналист Эдмунд Спенсер, побывавший на Кавказе в 1830 году, свидетельствовал, что некоторые поляки, взятые в плен из числа восставших или «изгнанных за свои политические убеждения», были посланы сюда служить в качестве солдат, так как на этот край правящие круги России смотрели «как на вторую Сибирь или скорее, может быть, как на школу, в которой непослушные подданные получают уроки повиновения»[4].

В войсках, стоявших в Пятигорске и его окрестностях, было немало ссыльных поляков[5]. Находились они и в других местах. М. Ф. Федоров, например, в Ольгинском укреплении на Кубани в 1835 году видел трех бывших гимназистов – Добрского, Рандерата и Яворского[6]. Среди этих ссыльных поляков был также Роман Сангушко, родом из Волынской губернии, получивший образование в Берлинском университете. Во время восстания 1831 года в Польше он был взят в плен с оружием в руках и, лишенный дворянского достоинства и чина, сослан на поселение в Сибирь. В 1834 году Сангушко перевели на Кавказ, где он служил в Тенгинском пехотном полку (правый фланг Кавказской линии), а с 1836 года – в 1-м Кавказском линейном батальоне прапорщиком[7]. Как сообщает подполковник Казасси главнокомандующему на Кавказе барону Г. В. Розену в рапорте от 21 сентября 1835 года, декабристы А. Бестужев-Марлинский н В. Голицын, известный прогрессивный деятель доктор Н. Майер и Р. Сангушко в это время жили в Пятигорске и что Голицын

[1] Нерсисян М. Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, 1965. – С. 296.

[2] * ЦГАДА СССР, ф. 1261/1, д. 2896, л.л. 86–88.

[3] Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис, 1900. – С. 107.

[4] Spenser. E. Travela in Circassia, Krim, Tartary, vol. I, London, 1838. – P. 270.

[5] Бронштейн Н. Доктор Майер. – Литературное наследие. М., 1848. №№ 45–46. – С. 480, 494.

[6] Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. – Кавказский сборник. Тифлис. 1879, т. III. – С. 5.

[7] Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, Словарь (Картотека) кавказских деятелей – Сангушко Р. Е.

и Сангушко «по вечерам посещали Бестужева и друг друга, но вели себя весьма скромно». Причем, Сангушко «видался с поляками из посетителей»[1]. Покинул он Кавказский край в 1838 году.

Многие из участников польского восстания служили также в воинских частях, дислоцированных в Тифлисе, Кутаисе и других городах Грузии. Вскоре между ними и грузинской общественностью устанавливается тесный контакт, некоторые же из них имели отношение и к заговору 1832 года грузинского дворянства. Грузинских прогрессивных деятелей вдохновляло польское восстание, как до этого – восстание декабристов. Значительная часть польских патриотов навсегда обосновалась в Грузии[2].

Многие поляки переселялись на Кавказ сами, прибывая сюда через Турцию с «благословения» ее правителей и их английских и других западных партнеров, а некоторые направлялись сюда большими партиями как рекруты из Королевства Польского (Царства Польского)[3]. Например, в 1835 году в войска Отдельного Кавказского корпуса из города Варшавы, а также из Люблинского, Сандомирского, Мазовецкого, Краковского и других воеводств было набрано 2 550 рекрутов. Общее же количество рекрутов из Польши по набору 1838 года равнялось 4 358 чел., а в 1839 году – 5 450[4].

В результате всех перечисленных обстоятельств на Кавказе оказалось значительное количество поляков. Однако эта масса, как и вся польская эмиграция, что нетрудно заметить из сказанного выше, состояла из людей разных социальных групп и политических направлений. Например, среди ее реакционной части было немало таких, которые, действуя здесь, всемерно способствовали агрессивным планам Англии и Турции.

[1] Акты, собранные кавказскою археологическою комиссиею (АКАК), т. VIII. Тифлис, 1881. – С. 967.

[2] Николашвили Н. Польское восстание 1830-1831 гг и грузинская передвая общественность. «Мация», 1897, 2, с. 67, 72–75, 79–82 (на груз. яз.); Н. Л. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа и др. История Грузии, I. Учебное пособие. Тбилиси, 1892. – С. 456–459.

[3] На основании распоряжения Николая I от 3/15 декабря 1834 года было составлено «Наставление о приеме рекрут Царства Польского в военное ведомство и содержащих их на местах набора», утвержденное главнокомандующим действующей армии графом И. Ф. Паскевичем (ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.). оп. 3, д. 751, л.л. 7–10).

[4] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, д. 751, л.л. 3 – 3 об. 16.

Но нас интересует другая категория поляков, в числе которых преобладали солдаты (имеются в виду и разжалованные лица), сосланные или направленные сюда в качестве рекрутов. Среди них именно выходцам из трудовых масс приходилось нести все тяготы солдатской жизни в суровых природных и военных условиях Кавказа. В «Наставлении о приеме рекрут Царства Польского в военное ведомство и содержании их на местах набора», в статье «е» (§ 16), говорится: «Рекрут из дворян, штаб- и обер-офицерских детей, гражданских чиновников, равняющихся с штаб-офицерами, и дети чиновников, имеющих ордена... помещать отдельно от прочих и не дозволять с ними иметь обращение грубое, но поступать прилично их происхождению». В примечании к указанному параграфу также подчеркивалось, что «поименованные лица не наказываются телесно»[1].

Солдаты, «наказываемые телесно», чаще всего и переходили на сторону борющихся горцев, у которых они находили приют, пищу, одежду. По этому поводу офицер генерального штаба В. И. Мочульский писал: «С тех пор, как на Кавказ направляются большие партии рекрутов западных губерний и Царства Польского, – эти ренегаты стали много появляться в горах и без всякого сомнения способствовали действиям дагестанцев и черкес»[2]. По утверждению майора Варнера, в армии Шамиля был специальный батальон, состоящий из русских и польских беглых солдат[3].

Английские агенты-разведчики Белл и Лонгворт, орудовавшие на Западном Кавказе, писали о многих польских «перебежчиках»[4]. В Джубге Белл в 1837 году беседовал с одним из них, а в Адагуме встретил еще двух поляков, «только что бежавших с берегов Абуна», в «серых шинелях»[5]. В Семезе он видел поляка по имени Станислав. Это был «живой... молодой человек», который «уже пять лет как... дезертировал» из царской армии; «говорил он по-черкесски

[1] Там же, л.л. 7–8.

[2] Мочульский В. И. Война на Кавказе и Дагестане, ч. I. Политическая. 1844 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, л. 73-об.

[3] Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.– Л., 1939. – С. 125.

[4] См.: Bell J. S. Journal of a Residence in Cirkassia during the years 1837–1838, vol. I. London, 1840; I. A. Longwort. A yer amang the Circassias, vol. I. London, 1940, p. 194–195; vol. II. – P. 30.

[5] J. S. Bell. Указ. соч., т. I. – С. 75, 123.

бегло, а сейчас был занят изучением французского языка». Станислав – «большой приятель местных жителей, со многими из которых он часто ходил вместе в битву»[1].

Генерал Г. И. Филипсон, служивший в 30–40-х годах на Черноморской береговой линии в качестве начальника штаба, писал: «... На Кавказе я встречал множество поляков, в разных чинах и положениях... Поляков в войсках Береговой линии, офицеров и солдат, было более 10%. Беглецов к горцам было между поляками соразмерно не более, чем между русскими...»[2].

Полковник Теофил Лапинский (Тефик-бей) в феврале 1857 года в районе Туапсе встречался с одним солдатом бывшей польской армии, который после восстания 1830–1831 годов в Польше был определен в Кавказскую армию, но вскоре бежал к черкесам. Старый солдат в конце концов попал в рабство и в течение 20 лет влачил жалкое существование. У него были жена и дети, но он не имел на них права, как на собственную семью. Знал он превосходно язык и условия страны[3].

С. Смоленский, офицер сотни, стоявшей в Бамборе летом 1859 года, беседовал с пленным русским солдатом, который рассказывал, что, странствуя по горам, ему часто приходилось видеть пленных и беглых солдат, из которых последние – «большею частью поляки»[4].

Враждебная России английская дипломатия на Кавказе пыталась использовать и этих беглых польских солдат, многие из которых, как и часть русских солдат, принимали бескорыстное участие в борьбе кавказских горцев за свою независимость, но в конце концов завербованные англичанами в своей массе были обращены в рабов – продавались в Трапезунде, где откупщики медных руд охотно приобретали их для работ[5].

Вместе с тем Англия и Турция в своих интересах на Кавказе стремилась широко использовать представителей польской политической эмиграции. Деятельность этих лиц обычно рассматрива-

[1] Там же. – С. 265.

[2] Филипсон Г. И. Воспоминания. М., 1885. – С. 215.

[3] Lapinski T. Die Bergvolker des Caucasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen, Bd. II. Hamburg, 1863. – S. 36, st. 366.

[4] Смоленский С. Воспоминания кавказского офицера, – Военный сборник, 1872, № 9. – С. 164.

[5] АКАК. т. IX. – С. 454. – Рапорт ген. Раевского ген. Головину от 8 апреля 1838 года.

лась как деятельность польских патриотов, стремившихся, подняв горцев, ослабить этим царскую Россию и добиться восстановления независимости польского государства. При этом, как отмечал Маркс, почти не учитывалась их роль как орудия политики буржуазной Англии[1]. Речь идет о польских деятелях вроде князя Адама Чарторыйского, пытавшихся вмешаться в кавказские дела, но у которых, в сущности, не было никакого интереса к борьбе горцев. А попытка связать свои планы с англо-турецкой политикой неизбежно вела к подчинению польского вопроса политическим интересам этих государств, которые были ему в корне противоположны[2].

Перейдем теперь к конкретным данным, связанным прежде всего с Абхазией. Сперва обратим внимание на тот факт, что и здесь с береговых укреплений часто солдаты, в том числе поляки по национальности, совершали побеги в оставшиеся еще неподвластными царской военной администрации горные районы, заселенные «вольными» абхазскими обществами, фактически не признававшими и владетеля Абхазии. И когда в 1840 году генерал Н. Н. Раевский построил в Цебельде укрепление Марамба (Мрамба), то вокруг него обосновались люди, в числе которых были 70 беглых и пленных солдат, из них – 13 поляков.

К. Д. Мачавариани писал по этому поводу: «В этих краях нередко можно было наблюдать такую картину: глава семьи – Станислав Янковский, жена – Гугу, сын – Тухи, дочь – Фатьма»[3]. В Абхазии и сейчас встречаются абхазские семьи с польскими фамилиями, а многие из них в XIX веке эмигрировали в Турцию, во время известного махаджирства.

В 1828 году по резолюции великого князя Константина Павловича на Кавказ были сосланы в качестве солдат студенты Виленского университета А. Ф. Тржасковский, К. И. Зах и Ф. Я. Лисовский[4] за принадлежность к тайному политическому обществу «Приверженцы отечества» или «Сарматское племя». Причем, Зах, который, как видно, играл особенно активную роль (в «учреждении и распространении» указанного общества), называется «начальником штаба»[1]. На Кавказе эти молодые поляки были определены в Нижегородский драгунский полк, которым командовал тогда Н. Н. Раевский (младший). Примерно в это время в названном полку служили также Франц Борковский и Андрей Яневич. Почти все эти «злоумышленники» принимали активное участие в русско-иранской и русско-турецкой войнах[2].

Затем Лисовский, Тржасковский, Зах и некоторые другие опальные поляки служили на Черноморской береговой линии. Здесь они имели общение с декабристами С. И. Кривцовым, В. С. Норовым, А. А. Бестужевым-Марлинским, А. А. Фоком и др., а также с абхазскими интеллигентами С. Т. Званба и Н. Н. Шакрыл, с которыми им нередко приходилось служить в одной части[3]. В июне 1834 года главнокомандующий на Кавказе барон Розен предложил для получения «верных сведений» о народах, обитающих на восточном берегу Черного моря между Абхазией и крепостью Геленджик, выбрать кого-либо из виленских студентов, сосланных в Абхазию за «преступление», «знающего язык сих народов»[4]. Выбор пал на унтер-офицеров 7-го Черноморского линейного батальона Лисовского и Заха, которые 17 сентября 1834 года были отправлены для рекогносцировки Гагринского ущелья, в результате чего Лисовский и составил «Описание Гагринского ущелья»[5]. В феврале 1839 года в укреплении Бамбора (вблизи нынешнего города Гудаута) им же было завершено составление довольно обширного «Замечания о местоположении гагринских окрестностей»[6]. В этих отчетах содер-

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 11. – С. 514–515.

[2] Вежховский М. Польское национально-освободительное движение в царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Украине и русско-польские революционные связи. 1830–1849 гг. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1958. – С. 14.

[3] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913. – С. 267–268.

[4] Филипсон Г. И. ошибается, когда пишет, что они были исключены из Киевского университета, так как он был открыт в 1834 году, т. е. спустя 6 лет после указанного факта.

[1] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., 1835 г., д. 81, л.л. 9–10; В. П. Долгорукий. В рядах драгунского Нижегородского полка. Русская старина, 1882, № 8, с. 447–448; АКАК, т. XII. – С. XII; Архив Раевских, т. III. СПб., 1910. – С. 189; Нерсисян М. Из истории русско-армянских отношений, т. II, Ереван, 1961. – С. 326 (прим. 49).

[2] Там же. – С. 247–248.

[3] См: Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии, Сухуми, 1970.

[4] Государственный исторический музей СССР. Отдел письменных источников, ф. 6, Г. В. Розена, т. 44, л.л. 50–51.

[5] См.: Государственный архив Краснодарского края, ф. 249, оп. 1, д. 3029, л.л. 20–23.

[6] См. там же, л.л. 24–31.

жится интересный материал по истории, этнографии и исторической географии указанного района.

В апреле 1835 года Ф. Я. Лисовский в Бамборе встречался с известным зоологом, профессором Одесского лицея А. Д. Нордманом, который собирал и изучал материалы по зоологии и ботанике, а также географии, этнографии и археологии. В кратком отчете об этом путешествии по Западному Кавказу ученый отмечает: «Любознательность г. Лисовского в Бамборах мне много помогла»[1]. Кстати, здесь в это время, с апреля 1835 года, находился декабрист В. С. Норов, а до него – декабристы С. П. Кравцов и А. А. Фок. Посылали же таких людей именно сюда, ко всему прочему, потому, что в Бамборском укреплении, как сообщал командир Отдельного Кавказского корпуса 15 декабря 1838 года, «средним числом... умирает ежегодно 111 человек из 748... климат так был вреден»[2].

Г. И. Филипсон, отмечая особую дружбу между Лисовским и Тржасковским, подчеркивал, что «несчастье только закалило их характер»[3]. Оба они много лет служили на береговой линии солдатами, неся «всю тяжесть службы в этом убийственном климате»; они были известны как «люди способные, образованные, твердого характера и трудолюбивые»[4].

В 1837 году Лисовского[5] мы видим в чине прапорщика 5-го Черноморского линейного батальона, когда Г. В. Розен назначил его приставом в Цебельде. Объясняя этот свой выбор, барон Розен писал военному министру А. И. Чернышеву 20 мая 1837 года, что Лисовский «в продолжение долговременного служения в Абхазии хорошо ознакомился с характером, обычаями здешних народов и может даже объясняться на их языке», т. е. на абхазском языке[6]. Причем, цебельдинский пристав подчинялся непосредственно командующему войсками в Абхазии подполковнику Б. Г. Чиляеву (Чилашвили). Это был видный деятель грузинской культуры первой половины XIX века, имевший широкие связи с декабристами, в первую очередь с А. А. Бестужевым-Марлинским. Лисовскому было поручено, «как имеющему основательные сведения в топографии», обозреть «с особенным тщанием» часть Главного Кавказского хребта, пролегающего через Цебельду, чтобы установить возможности по этому направлению постоянного удобного сообщения с Кавказской линией[1].

[1] Нордман А. Д. Путешествие по Закавказскому краю. – Журнал Министерства народного просвещения, 1838, ч. XX, № 11. – С. 419.

[2] Архив Раевских, т. III. СПб., 1910. – С. 57.

[3] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 236.

[4] Там же. – С. 281.

[5] О нем: Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, Словарь (Картотека) кавказских деятелей, – Ф. Я. Лисовский.

[6] АКАК, т. VIII. – С. 461.

Лисовский тщательно изучает Цебельду и Псху – эти обширные горные районы Абхазии, устанавливает с их населением дружественные отношения. Он сообщает немало сведений, представляющих особенный интерес для исследователя социально-экономической жизни Абхазии первой половины XIX века. Таковы, например, его докладная записка полковнику Катенину от 24 мая 1838 года[2], рапорт начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса генералу П. Е. Коцебу от 8 февраля 1839 года[3]. В последнем документе говорится, в частности, о том, как владетель Абхазии М. Шервашидзе требовал от жителей села Джгерда выдачи «находящихся там беглых и пленных русских солдат».

В 1838 году Тржасковский был произведен в прапорщики и заведовал канцелярией генерала Я. М. Эспехо – управляющего Абхазией, Мингрелией и Гурией, а затем являлся старшим адъютантом дежурства штаба войск Черноморской береговой линии[4]. Из записки Эспехо об Абхазии, относящейся к апрелю 1839 года, видно, что подпоручик Тржасковский был назначен «состоять при владетеле Абхазии»[5]. В начале 40-х годов он был старшим адъютантом в управлении Черноморской береговой линии[6].

По сообщению генерала Филипсона, в 1842 году штабс-капитанам Лисовскому и Тржасковскому, которые знали грузинский язык, было поручено сделать по возможности полное описание: первому – Сванетии, второму – Мегрелии и Гурии, т. е. районов, которые должны были войти в четвертое отделение береговой линии и

[1] Там же. – С. 462.

[2] Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, д. 1361/384, л.л. 1–7.

[3] ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, 1839 г., д. 225, л.л. 4–6.

[4] АКАК, т. XII. – С. XII.

[5] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, Д. 217, л. 10.

[6] Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 236.

которые царскому командованию были мало известны. В 1843 году эти молодые офицеры представили целый фолиант, заключавший в себе «верную картину» указанных районов и множество данных[1].

В 1846 году Тржасковский на страницах газеты «Кавказ» опубликовал статью «Краткий исторический очерк Гурии», а в следующем году – «О сословиях в Гурии», в которой дается характеристика социальных отношений в Гурийском княжестве перед его присоединением к России и изменений, происшедших в этой области после присоединения[2]. Кроме того, в том же году, во время археологического путешествия академика М. Н. Броссе по Кавказу, Тржасковский, знавший хорошо грузинский язык, сообщил ученому разные исторические сведения и передал копии с надписей на храмах в Гурии и Имеретии[3]. В 50-х годах, будучи отставным майором, Тржасковский управлял имениями А. М. Раевской, жены Н. Н. Раевского (младшего)[4].

Что касается Лисовского, то ему, «имеющему основательные сведения в топографии», удалось посетить все главные ущелья и населенные места Сванетии и составить глазомерную карту[5]. Кроме того, в октябре 1842 года он совершил трудный и опасный двухкратный переход через Главный Кавказский хребет из Абхазии на Лабинскую линию. Лисовский произвел рекогносцировку через становой хребет Кавказа от Сухума до укрепления Хумары и от Бамборы до Ахметогорского укрепления. Его сопровождали местные знатоки горных путей Кизилбек Маршания, Сабыда Амичба, Ханаш Уанача, Трам Капба, Кемышв Андерба, Аздамыр Ашуба, Софан Абжарба, Чахмат Ардзынба и Яса Куджба. За этот самоотверженный поступок Лисовский был произведен в следующий чин (капитана), а участники экспедиции, по ходатайству предводителя, материально вознаграждены[6].

В 20–30-х годах в Абхазии служил, в качестве сперва командира 44-го егерского полка (с 1823 г.), а затем командующего войсками

[1] Там же, стр. 280–281, АКАК, т. XII, с. XII; Кавказский этнографический сборник, II. М., 1958, с. 206–207.

[2] См.: Кавказ, 1847 г. 4 октября.

[3] См.: Brosset. Voyage archejlogique dans la Georgie. St.-Pt., 1850. Livraison 2-me second rapport. – P. 183, 188.

[4] Кавказский этнографический сборник, 11. – С. 207.

[5] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 281.

[6] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 910, л.л. 1–10.

(с 1834 г.), полковник (с 1835 г. генерал-майор) Андрей Григорьевич Пацовский (1788–1839), сын стародубского поручика (род. в г. Вильно)[1]. Участник русско-турецких войн 1806–1812 и 1826–1829 годов. По отзыву современников (Ф. Ф. Торнау, Г. И. Филипсон и др.), Пацовский был человек умный и опытный. В его войсках было много декабристов и польских революционеров. Пацовский стремился сблизиться с местным населением. С этой целью, чтобы «составить новую связь с абхазцами», он около 1824 года взял к себе «на воспитание» Соломона Званба и Николая Шакрыл, а затем, в 1828 году, первый был определен в Дворянский полк (Петербург). Это был тот С. Званба, который впоследствии прославился как первый абхазский ученый-этнограф и герой Крымской войны (погиб 25 октября 1855 года во время знаменитого Ингурского боя в чине подполковника). Ф. Ф. Торнау, встречавший Пацовского в 1834 году, весьма одобрительно отзывался о нем за его «прямой характер и здравый смысл», в частности, за «политику» установления добрососедских отношений с абхазским населением[2]. Недалеко от бамборского укрепления, являвшегося его местопребыванием, Пацовский в начале 30-х годов построил лесопильный «завод», который снабжал досками и дранью воинские части, дислоцированные на территории Абхазии. Вместе с тем это предприятие служило «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями»; абхазы мало-помалу стали приезжать на «завод» «выменивать и выпрашивать доски у Пацовского, которые он им давал под разными условиями»[3].

Примечательны личности двоюродных братьев К. Г. Игельстрома (род. в Волынской губ.) и А. И. Вегелина (род. в Варшаве). Они являлись членами «Общества военных друзей» и офицерами пионерного батальона Отдельного Литовского корпуса. Названная тайная организация была связана с «Северным обществом» декабристов. Есть также предположение, что и со стороны «Южного общества» были приняты меры к пропаганде в среде Отдельного Литовского корпуса, части которого были расположены в Вилинской, Гроден-

[1] АКАК, т. VIII, ч. I. – С. XV; Русский биографический словарь, т. 13 (Па – Пе), СПб., 1902. – С. 424–425; Русский архив, 1904, вып. 1. – С. 134, сн. 2; Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 191.

[2] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. 1. М., 1864. – С. 36.

[3] Там же.

ской, Минской и Подольской губерниях и в Белостокском округе. Капитан Игельстром, поручик Вегелин и некоторые их единомышленники в декабре 1825 года пытались поднять восстание в войсках корпуса. В результате, по приговору суда, состоявшегося в 1827 году, Игельстром, Вегелин, Рукевич и другие были сосланы в Восточную Сибирь, туда, где томились на каторге декабристы[1].

В 1837 году К. Г. Игельстром и А. И. Вегелин были переведены солдатами в войска Отдельного Кавказского корпуса, с установлением за ними «бдительного надзора»[2]. Состояли они в Кабардинском полку (отряд генерала Засса), стоявшего на р. Лаба. Игельстром в 1838–1840 годах принимал участие в экспедициях генерала Н. Н. Раевского на черноморской береговой линии. Декабрист А. П. Беляев, служивший на Кавказе одновременно с Игельстромом и Вегелиным, так отзывался о них: «Оба они были славные личности, благороднейших и честнейших правил и добрые товарищи»[3]. В 1843 году оба они были уволены в отставку. Игельстром поселился в Таганроге (умер в 1851 году), Вегелин – в Полтаве (умер в 1859 году), где продолжали находиться под строгим надзором полиции. Интересно еще отметить, что А. И. Вегелин в 1859 году посетил А. И. Герцена в Лондоне, к которому он приехал с материалами для «Полярной звезды»[4].

На Черноморье находился также подполковник Карове, в 1840 году вступивший в русскую армию. Это был тот Карове, который являлся участником всех наполеоновских войн, а во время Польского восстания 1830–1831 годов командовал повстанческим полком. На Черноморской береговой линии Карове сперва командовал (в чине подполковника) 5-м батальоном, а затем генерал Раевский назначил его военным начальником Новотроицкого укрепления. Почтенный седой старик, лет шестидесяти, он стал вскоре известным

[1] ЦГВИА СССР, ф. 395, Канцелярия, 2-й стол, 1836 г., оп. 273, д. 404, л. 3; 1837 г., оп. 274, д. 2, л.л. 1–4; 1843 г., оп. 279, д. 30, л.л. 1–8; Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. Алфавит декабристов. Л., 1925. – С. 233–239; Дело и дни, Пгр., 1920, кн. I. – С. 239–244; Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение, М., 1939. – С. 190–213.

[2] Павловский И. Ф. О декабристах Вегелине и Игельстреме. – Русская старина, 1911, т. 148, декабрь. – С. 670.

[3] Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и прочувственном. – Русская старина, 1881, т. XXXII, октябрь. – С. 256.

[4] Боровой С. Я. Миницкий и Вегелин. Вопросы истории, 1971. № 8. – С. 199–200.

даже ближайшим «немирным горцам, и нередко случалось, что они приходили к старику с просьбами разбирать их ссоры или тяжбы». Благодаря этому гарнизон мог выменять скот на порцию, отчего болезненность среди солдат заметно уменьшилась. При Карове находился и его 18-летний сын[1].

За участие в «последней польской революции» сюда был сослан и Онуфрий Гартер, который вскоре перешел на сторону горцев. Женившись на горянке, он жил в селении убыха Джамбулата Берзека. Гартер был связан с другими беглыми поляками, проживавшими в кавказских горах. Это был «человек смелый, предприимчивый, с большим присутствием духа». Но в 1845 году Гартер оказался «под строгим караулом» в укреплении Бамбора. Затем он «под строгим караулом» же был отправлен в Тифлис[2].

Следует назвать также И. В. Бентковского (1812–1890), прибывшего на Кавказ также «в серой шинели» и в кандалах после польского восстания 30-х годов. В 1836 году он поступил рядовым в Ставропольский казачий полк, а в 1842 году был произведен в офицеры. В Ставрополе Бентковский встречался с А. А. Бестужевым-Марлинским и другими опальными лицами. В 1857 году Бентковский, выйдя в отставку в чине сотника, стал заниматься сельским хозяйством и научно-литературной деятельностью. С 1861 года он начал работать в Ставропольском статистическом управлении, а с 1871 года стал его секретарем. И. В. Бентковский известен как видный краевед, публицист и этнограф[3]. Его работы представляют интерес и для абхазоведов.

[1] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 236–237.

[2] Госархив Краснодарского края, ф. 269, оп. 1, д. 559, л.л. 13–16. – Рапорт нач-ка 3-го отделения Черноморской береговой линии Врангеля нач-ку линии Будбергу от 14 августа 1845 г.

[3] Косвен М. О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке. Кавказский этнографический сборник. III. М.– Л., 1962. – С. 166; А. В. Попов. Декабрист А. А. Бестужев в Ставрополе. – Материалы по изучению Ставропольского края, вып. I. Ставрополь, 1849. – С. 114–115.

Перу Бентковского принадлежат около 30 работ, в том числе: Частное землевладение и крестьянская колонизация на Северном Кавказе до 1804 года (Ставропольские губернские ведомости, 1876, 41), Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии (там же, 1878, 6–12; 1879, 15–18), Моздокские осетины (там же, 1880, 3), Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта (Кубанский сборник, 1883, 1) и др. (См. Д. Д. Пагирев. Алфавитный указатель... ЗКОРГО, 1913, кн. XXX. – С. 318).

Особо следует сказать о Владиславе Багриновском. В Абхазии, куда его сослали, он проявил искреннее уважение и готовность оказать посильную помощь абхазскому народу. Происходил он из Житомирского уезда, Волынской губернии; родился приблизительно в 1804 году в польской дворянской семье. В 1812 году Владислав окончил Волынский лицей и поступил в Виленскую медико-хирургическую академию[1]. Это учебное заведение вскоре становится одним из главных очагов революционно-демократического движения, связанного с именем Шимона Конарского. Этот выдающийся польский революционер в 1836–1838 годах развернул энергичную деятельность на Украине, в Белоруссии и Литве, сумев создать конспиративную организацию численностью до 3 тыс. человек. Члены данной организации развивали традиции русско-польского революционного сотрудничества. Так, между Конарским и русскими революционными офицерами во главе с Н. Кузьминым-Караваевым установились связи[2]. Среди студентов-медиков выдвигается талантливый революционный пропагандист и организатор белорусский поэт Франц Савич, ставший общепризнанным вожаком молодежи Вильно[3].

В мае 1838 года царской полиции удалось захватить близ Вильно отважного эмиссара Конарского. В письме к матери перед казнью он писал: «Считаю долгом сказать тебе, что умираю с чистой и спокойной совестью»[4]. К этому времени был арестован также ряд членов польских организаций. По делу «о конарщине» в январе 1839 года были привлечены к суду 215 человек, из них в г. Вильно – 72 человека[5]. Среди этих лиц находился и студент пятого (выпускного) класса Владислав Багриновский, как «прикосновенный»[6]. Более 20 студентов-медиков, в том числе Савич, Багриновский и Вояковский, были высланы на Кавказ, где многие из них погибли под пулями. В феврале 1839 года Багриновский был определен солдатом в 5-й Черноморский линейный батальон; Савич стал солдатом 13-го Грузинского линейного батальона.

[1] ЦГА Украинской ССР, ф. 710, оп. 3, д. 232, л.л. 5, 16–63; д. 236, л. 590; ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, л.л. 18–19; ЦГВИА, ф. 1101, оп. 1, д. 14.

[2] Миско М. В. Польское восстание 1863 года, М., 1962. – С. 15.

[3] История Польши т. I. – С. 602–604; Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30–60-е годы XIX века. М., 1962. – С. 58–100.

[4] Русский архив (1870), М.. – С. 659.

[5] История Польши, т. I. – С. 604.

[6] ЦГИА Литовской ССР, ф. 1269, оп. 1, д. 6, л.л. 317–324; 429–439.

Дело, начатое Конарским и Савичем, не оборвалось с их арестом. Оставшиеся на свободе члены организации установили связи с товарищами, сосланными на Кавказ. Обычно они обменивались письмами через выпускников академии, назначаемых в кавказские войска. В 1841 году Ф. Савичу по «высочайшему повелению» надлежало отправиться в Вильно, т. к. следственная комиссия для «разыскания преступных намерений злоумышленников» находила нужным его присутствие. Но отправка его задержалась, т. к. он в это время находился по болезни в Кизлярском госпитале. После выписки из больницы Савич исчез; 22 апреля на левом берегу Терека было найдено платье Савича и записка о том, что он утопился[1]. Полагали, что он ушел к горцам; в действительности же Савич бежал на Украину, где умер в 1845 году[2].

Еще в 1839 году Багриновский был переведен в Сухум, где начал работать лекарем, обслуживая воинские части, расположенные здесь. Он был «замечен» генералом Н. Н. Раевским в укреплении Вельяминовском. Где-то поблизости «служил с отличием» и его товарищ по университету и несчастью Франц Вояковский, которому вскоре удалось «выбиться из солдатской шинели», а впоследствии дослужиться до чина генерал-майора[3].

Губительная лихорадка и лишения четырехлетней походной жизни совершенно расстроили и без того слабое здоровье Багриновского. Начальство ходатайствовало об освобождении его от военной службы с производством в коллежские регистраторы, но ходатайство это не имело успеха. В апреле 1843 года он был произведен в унтер-офицеры с назначением за «неспособностью к фронтовой службе» заведывать Сухумским ботаническим садом[4]. Кроме садоводства, Багриновский занимался и врачеванием. Последнее содействовало его сближению с абхазским населением, к которому он проявляет глубокий гуманизм и искреннее стремление оказать возможную медицинскую помощь.

Еще будучи студентом академии Багриновский 6 мая 1836 года получил денежную награду в сумме 300 рублей за отделку анато-

[1] Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, Словарь (Картотека) кавказских деятелей – Савич Франц.

[2] Смирнов А. Ф. Указ. соч. – С. 114, 382.

[3] Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 236.

[4] Вейденбаум Е. Предисловие к т. XII АКАК. – С. III.

мических препаратов «в пользу казеннокоштных студентов и анатомического музея»[1]. В Абхазии, как отзывался о Багриновском начальник Черноморской береговой линии генерал А. И. Будберг, «всегдашняя его готовность и опытность в лечении местных болезней приобрели ему известность и доверие между туземными жителями»; к тому же он отличался «примерным поведением и строгой нравственностью»[2]. Багриновский ездил за несколько десятков верст, в глубь страны, «даже к непокорным горцам»[3]. В этом отношении Багриновский мог перенять определенный опыт от своего предшественника – врача сухумского военного госпиталя, фамилию которого Ф. Ф. Торнау скрыл, обозначив ее буквой «К». Последний, по характеристике Торнау, был «хороший доктор и очень умный человек, пользовался уважением всего сухумского общества... Он был беден и своими трудами не мог ничего нажить...»[4].

12 октября 1843 года Багриновский, уже в чине унтер-офицера, подал докладную записку на имя начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии генерала Н. Н. Муравьева, в которой подробно излагал план своих действий в новом для него крае. «Занимаясь довольно часто в течение двух последних лет лечением абхазцев, – писал он, – я нашел, что болезненность между ними вообще очень велика и что они с большим доверием прибегают к помощи медицины. За всяким моим приездом в какую-нибудь абхазскую деревню всегда окружает меня толпа несчастных страдальцев, просящих пособия; а как Сухум-Кальская аптека едва достаточна для батальонного лазарета, наполненного постоянно больными, то я, будучи не в состоянии отказать в помощи больным, вполне уверенным, что пособить им от моего желания зависит, принужден был выписывать лекарства на свой счет из вольных аптек. Но это, делая мне больше известности между туземцами, привлекло ко мне такое число больных, что наконец я нахожусь в совершенной невозможности давать им нужное пособие»[5].

[1] ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, л.л. 18–19. Рапорт и. д. нач-ка Черноморской береговой линии ген. Будберга командиру Отдельного Кавказского корпуса ген. Нейдгарду от 11 марта 1844 г.

[2] ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, л.л. 18–19.

[3] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, кн. II. М., 1847. – С. 178.

[4] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 49.

[5] ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, л.л. 5 – 5 об.

Багриновский просил отпустить ему средства для оказания медицинской помощи абхазскому населению. Он считал, что эта мера будет иметь и важное политическое значение. «А мне, – писал он далее, – доставит случай собирать важные сведения о целом крае в отношениях естественной истории и географии, а больше всего может довести до полезных открытий в медицине, потому что, сравнивая болезни туземцев с больными наших войск, можно будет различать с точностью, какие именно свойственны климату и какие происходят от других обстоятельств, а тем самым поставить себя в возможности предпринять против них более действенные меры». На первый случай он просил снабдить его аптекой и назначить, по крайней мере на одни год, хорошего переводчика, который за это время мог бы ему «пособить к изучению абхазского языка»[1]. Длительная официальная переписка по этому поводу завершилась в июне 1844 года удовлетворением всех предложений Багриновского[2].

В 1844 году в Отдельный Кавказский корпус в качестве солдат был зачислен 21 поляк. Это были Апполинарий Ровицкий, Матвей Гралевский, Станислав Томашевский, Игнатий Завадский, Андрей Цехановский и др., «оказавшиеся виновными по следственному делу... о существовании в Царстве Польском заговора[3].

Речь идет о раскрытой властями группе, руководимой Гервазием Гзовским. Все они являлись в основном чиновниками, а Станислав Томашевский был подмастерьем ювелира[4]. Кстати, с мая 1844 года на Черноморской береговой линии служил в качестве командира 11-го батальона Игнатий Казамирович Ковельский (из польских шляхтичей Каменец-Подольской губернии). Ушел в отставку в 1847 году[5].

Примерно в это же время на Кавказ пожизненно был сослан участник польского национально-освободительного движения Константин Прогульбицкий. В 1848 году в чине капитана он находился в составе 4-го Грузинского линейного батальона. В 1855 году

[1] Там же, л.л. 5 об. – 6.

[2] Там же, л.л. 24–25.

[3] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 656, л.л. 82–87.

[4] О них см.: Круль С. Варшавская цитадель. X павильон. Варшава, 1969 (на пол. яз.); Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. V. СПб. – С. 530.

[5] Стефанов Т. Т. Михайловский крепостной походный батальон на Кавказе. 1819–1906. Батум, 1906. – С. 198–199, прилож. С. 34.

Прогульбицкий занимал должность плац-майора Ахалцихской крепости. В одном из пограничных боев с турками в начале 60-х годов он лишился зрения, после чего вышел в отставку (в чине майора) и поселился с семьей в Абастумане. Прогульбицкий был женат на дочери Михаила Старова, по семейному преданию цебельднних Вороновых, декабриста. Его сын, полковник Владимир Прогульбицкий, в 900-х годах являлся начальником Сухумского округа и находился в большой дружбе с Кутаисским губернатором В. А. Старосельским[1] («красный губернатор»), членом Коммунистической партии с 1907 года. В. Прогульбинкий обеспечил полную конспирацию пункта укрытия и отдыха большевиков в Цебельде, в доме его сестры А. К. Вороновой. Кстати, он был крестным отцом и принял большое участие в судьбе В. К. Ладария, впоследствии видного революционера, партийного и государственного деятеля Абхазии[2].

Говоря о польских политических ссыльных на Кавказе в рассматриваемое время, надо подчеркнуть, что некоторые из них продолжали вести и активную революционную деятельность, вступая порой в контакт с сосланными сюда же декабристами. Речь идет прежде всего о Ворнеле и Карвицком, видных деятелях «Патриотического общества». Николаю – Якову Станиславовичу Ворцелю в 1824 году было сообщено «о предположении войти в сношение с русским тайным обществом», он также был осведомлен о переговорах известного польского деятеля, члена Верховного совета указанного общества Антония Яблонского[3] с декабристами П. И. Пестелем и С. Г. Волковским в 1825 году[4] и «слышал о разных планах русских тайных обществ для перемены формы правления в России»[5]. Станислав Станиславович Карвицкий – президент отделения «Польского тайного общества» в Волынской губернии[1]. В 1828 году Ворцель и Карвицкий были привлечены варшавским следственным комитетом, лишены чинов и графства и определены в солдаты до выслуги. В 1829 году они были отправлены в Отдельный Кавказский корпус, где сперва попали в Нижегородский драгунский полк, которым командовал тогда Н. Н. Раевский (младший). Последний оказывал им всяческую поддержку и помощь, между ними устанавливаются дружеские отношения[2]. Вскоре, «дабы не могли быть вместе», Ворцеля переводят в Апшеронский пехотный полк, а Карвицкого – в 44-й егерский[3].

Ворцель и Карвицкий и в условиях ссылки не прекращали общественной деятельности. Уже в 1829 году они проходили по «делу Раевского». Речь идет о встрече Н. Н. Раевского с декабристом З. Г. Чернышевым, Ворцелем, Карвицким и другими опальными лицами. Встреча эта была расценена главнокомандующим на Кавказе царским фаворитом И. Ф. Паскевичем в письме на имя Николая I как «признак, что дух сообщества существует»[4]. Было произведено следствие над Раевским «за проезд его в общество государственных преступников»[5]. Затем Карвицкий, в период его нахождения в Редут-Кале (Кулеви), проходил по политическому процессу 1831 года в Кутаисе[6]. Доносчик подпоручик Рельи сообщал, что к Карвицкому дважды приезжал проживавший в Кутаисе унтер-офицер Мингрельского пехотного полка декабрист Е. С. Мусин-Пушкин и что он и Мусин-Пушкин вместе с декабристами А. А. Броке, Н. П. Акуловым и А. А. Фоком и другими распространяли «мысли вольные и буйные, одобряют и выхваливают дух буйный некоторых европейских

---

[1] О нем: Советская историческая энциклопедия, т. 13. – С. 804.

[2] ЦГАА, ф. 833, д. 25; Лейберов И. П. Цебельдинская находка, – Наука и жизнь, 1973, № 11. – С. 26–31.

[3] О нем: Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. – С. 215, 430.

[4] Эти переговоры состоялись в январе 1825 года в Киеве и начались на квартире С. Г. Волконского (Восстание декабристов. Материалы, IV, М. – Л., 1927. – С. 85 86; т. VIII. – С. 215, 430). Подробные сведения по данному вопросу см. в кн.: Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение, М., 1959.

[5] ЦГВИА, ф. 36, оп. 8/851, св. 54, д. 10, л. 3; ф. 395, Канцелярия, 2-й стол, 1837 г., оп. 274, д. 135, л.л. 1–3.

[1] Декабристы. Новые материалы. Редакция М. К. Азадовского, примечания С. В. Житомирской. – Государственная ордена Ленина Библиотека СССР имени В. И. Ленина. Труды Отдела рукописей. М., 1955. – С. 113–114.

[2] Нерсисян М. Из истории русско-армянских отношений, II. – С. 250, 251 и след.

[3] ЦГВИА, ф. 38, оп. 8/851. св. 54. д. 10, л.л. 8–12; ф. 395, Канцелярия, 2-й стол, 1837 г., оп. 274, д. 135, л. 2 об.

[4] Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. III, СПб., 1896. – С. 147.

[5] Там же. – С. 147, 168.

[6] Подробнее об этом см.: ЦГВИА. ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22. л.л. I–54; Ш а д у р и В. Декабристская литература и грузинская общественность, Тбилиси, 1958. – С. 209–212.

держав»[1]. Обо всем этом управляющий Имеретией генерал-майор К. Ф. Гессе 10 января 1831 года рапортовал графу Паскевичу, а тот в свою очередь шефу жандармов Бенкендорфу[2]. По личному распоряжению Николая I Карвицкий был «удален» из Имеретии, где служили несколько декабристов. Он был переведен из 44-го егерского полка в 8-ой линейный Грузинский батальон, квартировавшийся в Ленкоране. Командиру 44-го егерского полка было приказано, чтобы он усилил секретный надзор «за всеми поступившими в сей полк лицами, принадлежавшими к тайным обществам»[3]. Командир Мингрельского пехотного полка полковник Жихарев получил строгий выговор за покровительство, оказанное Броке, Мусину-Пушкину и др.[4]

Офицер Херсонского внутреннего гарнизонного батальона Сальва Торович Седлицкий, родом из Владимирского уезда Волынской губернии, по распоряжению Николая I от 24 октября 1831 года «за намерение бежать в Литву на присоединение к польским мятежниикам» был заключен в Бобруйскую крепость сроком на 6 месяцев, затем переведен на Кавказ, где служил в 7-м Кавказском, 8-м и 1-м Черноморских линейных батальонах[5].

В 1834 году в Пятигорске возникло новое «дело» – политический процесс над декабристом С. М. Палицыным, доктором Н. В. Майером и Ваневым. Обвинялись они во многих политических «грехах», в частности, в общении с некоторыми декабристами, а

[1] ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л. 17 об. Выписка из секретного разыскания по донесениям строительного отряда путей сообщения подпоручика Рельи [на имя управляющего Имеретией г.-м. Госсе от 24 декабря 1830 г.).

[2] ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экспед., 1831, г., д. 90, л. 1. Нерсисян М. Указ. соч. – С. 258.

[3] Там же, л. 19; Нерсисян М. Указ. соч. – С. 259.

[4] Нерсисян М. Указ. соч. – С. 259.

В 1833 году С. Карвицкий по приказу Николая I был удален с военной службы «по немолодым уже летам». Однако ему не разрешили вернуться в Польшу по причине «содеянного им преступления» и по тогдашним «польского края обстоятельствам». С 1934 года он жил в Воронежской губернии под строгим надзором полиции (ЦГВИА, ф. 395, Канцелярия, 2-й стол, 1834 г., оп. 271, д. 66, л.л. 1–2). Ворцелю же не разрешили оставить службу. В 1835 году Николай I на ходатайство барона Розена, к которому обратился с просьбой отец Ворцеля, написал «рано» (ЦГВИА, ф. 395, Канцелярия, 2-й стол, 1837 г., оп. 274, д. 135 л. 3). Он был уволен от службы лишь в 1843 году, а в 1856 году возвращены ему права потомственного дворянства (Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А., т. VII, № 13, СПб., 1892. – С. 237).

[5] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 910, л. 31.

также в связях с сосланными поляками. В бумагах Палицына найдено было запечатанное письмо Ходзько к сыну на польском языке, которое тот должен был переслать с какой-либо «верной оказией»[1]. А вот что писал жандармский полковник Юрьев 12 апреля 1834 года: «Кроме того, что в Пятигорске нет места для удобного их помещения, нет людей, которым можно было бы поручить надзор за ними. Самый караул занимают здесь три роты Кабардинского полка, наполненные поляками и состоящие под командою капитана Перекрестова, находившегося в дружеских связях с гг. Палицыным, Майером и Ваневым»[2].

В архивном фонде Отдельного Кавказского корпуса хранится «Дело штаба Отдельного корпуса по дежурству Особого отделения о патриотических сочинениях, отобранных у нижних чинов – военнорабочих рот в Анапе состоящих»[3]. В этом «Деле» имеется рапорт командующего войсками на Кавказской линии и Черноморья генерала А. А. Вельяминова от 4 ноября 1836 года, на имя барона Г. В. Розена, в котором говорится, что анапский комендант граф Н. Е. Цукато 7 сентября того же года передал ему отобранные у польских солдат 40-й и 41-й военнорабочих рот «разного рода польские стихотворения, между коими находятся патриотические мотивы и песни», «непозволительные сочинения», на 21 странице[4]. Дальше приводится список найденных сочинений с указанием лиц, у кого они были изъяты.

Выше говорилось о сосланных в Грузию поляках, из которых отдельные лица – Петр Завилейский и Войцек Потоцкий – имели даже отношение к заговору 1832 года. Следует отметить, что руководители заговора в лице этих поляков видели серьезную опорную силу[5].

Особого внимания заслуживают замечательные поэты Тадеуш Лада-Заблоцкий[6], Леон Янишевский и Владислав Стшельницкий,

[1] Бронштейн Н. Доктор Майер, – Литературное наследство. М., 1948. № 45–46. – С. 480.

[2] См. там же. – С. 494–495.

[3] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 845.

[4] Там же, л.л. 2–3.

[5] Николаишвили Н. Указ.соч. – С. 72–75, 80–81.

[6] Т. Лада-Заблоцкий (1813–1847) был одним из замечательных людей своего времени. В 1831 году Заблоцкий, студент словесного отделении Московского университета, через И. С. Савина сближается с. В Г. Белинским, руководителем кружка «Литературное общество 11-й нумер». Вскоре оба молодые поляки ут-

сосланные на Кавказ за свою революционную деятельность. Здесь они провели большую часть своей жизни, и вдохновленные величием края, создали произведения, проникнутые любовью к его природе, населению. В истории польской литературы они известны как группа «польских кавказских поэтов». Члены этой группы внесли значительный вклад в сокровищницу поэзии польского народа. Между Лада-Заблоцким, самым крупным представителем этой группы, и Н. Бараташвили и М. Туманишвили устанавливается трогательная дружба и творческое сотрудничество. Эти выдающиеся грузинские поэты и сами стремились к установлению широкой связи с поляками, сосланными на Кавказ. В Тифлисе Заблоцкий сближается и сотрудничает со ссыльным известным русским писателем Я. П. Полонским[1].

Владислав Стшельницкий (1820–1846), студент Киевского университета, был сослан на Кавказ и отдан в солдаты в 1839 году по делу «о конарщине». В Тифлисе он сблизился с Лада-Заблоцким, Янишевским и Потоцким и, очевидно, под их влиянием начал писать стихи. Писал он и прозу. В творчестве Стшельницкого сочеталось влияние Адама Мицкевича и живой поэзии Кавказа. Замечательно было и то, что его повесть «Махмудка» была создана под влиянием известной повести А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур», которую Стшельницкий высоко ценил и любил[2].

Среди польских патриотов, переселившихся в Грузию в 30-х годах XIX века, был также известен Александр Ходзько, пробывший в Тифлисе два года. Вероятно, его близость с лучшими представителями грузинской общественности позволила ему основательно познакомиться с историей и литературой Грузии. В XIX веке Ходзько был первым, кто сделал достоянием своего народа бессмертное творение Шота Руставели. С помощью «Общества по изучению Востока» Александр Ходзько в 1833 году издал в Лондоне на польском языке труд «Образцы из персидской поэзии», в который включил свой очерк «Шота Руставели – грузинский поэт», вызвавший большой интерес в передовых кругах как Польши, так и России. Очерк был перепечатан в журнале «Телескоп» (1833, № 5). Это сочинение о гениальном грузинском поэте перевел с польского на русский язык соотечественник А. Ходзько П. Дубровский[1]. Вторым польским руствелологом был переселившийся в Тифлис в 40-х годах XIX столетия инженер Казимир Лапчинский, который в 1863 году опубликовал в четвертом томе «Библиотека варшавска» прозаический перевод «Витязя в тигровой шкуре» (со своим предисловием), сделанный им с помощью Г. Эристави[2].

Наконец, о знаменитом Ярославе Домбровском, хотя пребывание его на Кавказе относится к 1855–1859 годам. Самый факт пребывания здесь имел для молодого польского патриота то значение, что он понял истинный смысл проводимой на Кавказе царским правительством политики, которая сводилась к той же цели, которую осуществлял царизм и на польской земле. Существенное значение имел также прямой или опосредственный контакт Домбровского с целым рядом ветеранов русского и польского освободительного движения, сосланных на Кавказ в разное время. В период нахождения Домбровского на Кавказе, объятом пламенем войны, особенно западной его части, только в 19-й пехотной дивизии состояли на службе декабрист А. И. Сутгоф, польские революционеры Ф. Вояковский, М. Важинский и Л. Корытовский. В других частях, действовавших на Кавказе (Апширонский пехотный полк и др.) служили А. Кузьмин-Караваев, который, будучи офицером царской армии, пытался в 1838 году освободить из тюрьмы Конарского, а также десятки участников польского освободительного движения 30–50-х годов. Можно с уверенностью сказать, что Домбровский о многих политических ссылках слышал, а с некоторыми и встречался, что не могло пройти для него бесследно[3].

верждают «Общество любителей отечественной словесности» (ставило главной целью распространение патриотических и революционных идей) и устанавливают связь с пленными польскими офицерами. Однако через некоторое время, по доносу, последовал арест членов этого общества. За революционную деятельность и «возмутительные» стихотворения Заблоцкий был приговорен к каторжным работам, которые он должен был отбывать в качестве рядового на Кавказе. Польского поэта ссылают в этот край в 1837 году, а в 1839 году он переселяется в Тифлис (История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV, М., 1967. – С. 322–323; И. Богомолов. Я. П. Полонский в Грузии. Тбилиси, 1966. – С. 37).

[1] См.: Богомолов И. Указ. соч. – С. 37.

[2] Живов М. Польские певцы Кавказа. – Литературная Грузия, 1957, № 6. – С. 67–71.

[1] Николайшвили Н. Витязь сближает народы. – Заря Востока. 1966, 21 октября.

[2] Там же,Табагуа И. Польская Народная Республика. Тбилиси, 1970. – С . 101–105 (на груз. яз.)..

[3] Дьяков В. Ярослав Домбровский. М. ЖЗЛ. 1969. – С. 39, 45.

Хотелось бы в заключение привести некоторые данные из очень интересной книги «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917» (М., 1976, с. 123–124), появившейся позднее первоначальной публикации данной работы. По свидетельству польского мемуариста Матеуша Гралевского, в 40–50-х годах на Кавказе находилось свыше 20 тыс. репрессированных поляков. В 1835–1846 годах в частях Кавказского Отдельного корпуса прибыло 14 430 поляков. Среди поляков, оказавшихся на Кавказе «не по своей воле», находились участники вооруженных выступлений и членов конспиративных организаций за период, начиная с 20-х годов до Крымской войны. Рядом с ними были, о чем частично говорилось выше, декабристы, члены русских революционных кружков 20–30-х годов, петрашевцы и другие участники русского освободительного движения. Одной из форм протеста против существовавших в армии порядков для русских и польских солдат на Кавказе являлось «дезертирство». Например, из Тенгинского и Навагинского пехотных полков за период с 12 августа по 1 октября 1834 года бежало к «немирным горцам» 26 поляков. В некоторых частях корпуса существовали кружки, включавшие в себе подвергнувшихся репрессиям русских и польских революционеров. Вообще между ними существовали дружеские контакты, усилившиеся особенно после Крымской войны. С середины 40-х годов русско-польские кружки с участием репрессированных лиц существовали в Кабардинском и Аиширонском пехотных полках. Например, в 40–50-х годах в последнем служили Н. А. Кузьмин-Караваев и петрашевец Н. А. Момбелли. Из поляков здесь находились в основном сторонники Ш. Конарского и его ученики более поздних конспиративных организаций, в том числе Ян Зродловский, Нербет Савич, Ян Савич и другие. Более или менее значительные контакты с поляками имело местное население Кавказа. Известные грузинские писатели и общественные деятели Акакий Церетели и Нико Николадзе, например, отзывались о ссыльных поляках Роздевиче и Казановского.

Таковы некоторые сведения, представляющие интерес для освещения затронутой темы.

Естественно возникает вопрос, имеются ли данные, свидетельствующие об обратном явлении, т. е. о пребывании и прогрессивной деятельности сынов Абхазии на польской земле? Да, имеются.

Правда, факты эти относятся к позднейшему периоду, точнее к периоду, современниками которого мы являемся. Речь идет о второй мировой войне, когда в схватке с фашизмом решалась судьба человечества. В то тревожное для всех народов время наши земляки-солдаты и офицеры в рядах частей Советской Армии сражались и во имя светлого будущего Польши, потерявшей во время войны пятую часть своих граждан и боле трети достояния[1]. Многие воины-абхазы были награждены орденами и медалями, за проявленные ими отвагу иа польской земле, в том числе и ветеран борьбы за власть Советов в Абхазии М. Г. Кучуберия. На его груди сияет медаль «За освобождение Польши».

Немало из них легли на польской земле, которая приняла их, в числе других советских воинов, как своих дорогих сынов. Они покоятся рядом с польскими патриотами.

Так, в столице Польши, на Брузденском кладбище, имеется могила советских воинов. Там покоится отважный сын абхазского народа – старший лейтенант Михаил Пкин. Он командовал пулеметной ротой, входившей в 66-й ордена Суворова стрелковый полк 61-й Никольской Краснознаменной ордена Суворова и Кутузова дивизии. За смерть своего командира жестоко отомстили отважные пулеметчики – ими было скошено свыше 150 гитлеровцев. Погиб он геройски у польской деревни Зявишни под Варшавой.

В одном из живописных уголков Польши – в городе Вольштык (Познанское воеводство) расположено красиво оформленное кладбище, где выстроились в шеренги пирамидальные обелиски над могилами погибших офицеров доблестной 33-й армии. Там лежит другой славный сын абхазского народа – Петр Чанба.

Таких кладбищ, почитаемых как священные места, в народной Польше множество. Они напоминают о многом и взывают к единению сил всех людей доброй воли во имя мира и безопасности народов.

---

[1] Свидзинская Н. Польша 1944–1969. Факты и цифры. Варшава, 1969. – С. 6.

ИЗ ПРОШЛОГО СУХУМСКОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА[1*]

Сухумский ботанический сад – одна из интереснейших достопримечательностей гор. Сухума, посещаемых ежегодно многочисленными гостями из самых различных концов Советского Союза.

Вместе с тем в Сухумском саду ведется большая работа в направлении привлечения и ботанического изучения растительных ресурсов для использования их в народном хозяйстве.

Значительна вообще роль сада в деле введения в культуру субтропических растений и распространения на юге нашей страны. Начало истории Сухумского сада восходит еще к тридцатым годам XIX столетия. Его зарождение и дальнейшее развитие были связаны с общим развитием Сухума, обусловленным прогрессивным характером присоединения последнего, как и всего края, к России.

Сухумский ботанический сад возник на базе любительского сада, заложенного лекарем сухумского гарнизона Станиславом Багриновским, отданным в солдаты и сосланным сюда в 30-х гг. XIX в.

В 1840 г. указанный сад, в котором успешно выращивались различные фруктовые и декоративные растения, стал излюбленным местом для прогулок сухумских жителей, обратил свое внимание начальник Черноморской береговой линии ген. Н. Н. Раевский – друг А. С. Пушкина, близкий к декабристам человек. Это был любитель и ценитель садоводства. Он имел прекрасный парк в своем имении в южном Крыму, где у него гостил великий поэт.

При содействии Раевского, сад Багриновского был взят в казну и преобразован в «военно-ботанический сад». Такой же сад Раевский пытался организовать и в Бамбора, расположенной в нескольких километрах западнее современного г. Гудаута.

[1] *Дзидзария Г. А. Труды. Книга третья. – Сухум, 2006. С. 174–178.

Эти мероприятия вытекали из общей прогрессивной идеи Н. Н. Раевского относительно развития технологических культур и поощрения «торгового земледелия» в Абхазии, как и на всем восточном черноморском побережье.

Заведовать Сухумским ботаническим садом Раевский поручил тому же Багриновскому. Это был образованный человек и, по свидетельству ген. Г. А. Филипсона, проявлял интерес к научным знаниям. М. Селезнев, посетивший Сухум в 1841 г., также отмечал, что Ботанический сад находится под надзором «умного ботаника, абхазского доктора».

Багриновский окончил медицинский факультет Виленского университета, однако, вместо лекарского мундира, на него надели солдатскую шинель. Но зато он пользовался большим уважением со стороны местного населения: его возили за несколько десятков верст для оказания медицинской помощи, а также всячески содействовали ему в деле устройства Сухумского сада.

Первоначальная площадь сада равнялась 0,5 га, а в 1841 г. эта площадь достигала уже более 3 га. Осенью 1840 г. из Сухумского сада было взято 6 тыс. корней различных деревьев для посадки в черноморских береговых укреплениях. М. Селезнев сообщает, что в 1841 г. он лично ряд растений из Сухумского сада послал «для зоологических опытов» в разные места Кавказа.

В 1842 г. общее количество видов разводившихся растений в Сухумском саду достигало 61. Здесь росли, в частности, лимонные и апельсиновые деревья. В 1842 г. также был посажен чайный куст, который существовал до недавнего времени.

И. С. Радожицкий, описавший флору Западного Закавказья (1845 г.), писал, что при правильном устройстве Сухумского сада деятельность его должна быть направлена к распространению на побережье таких ценных растений, как апельсины, лимоны, чай, хлопок и т. д.

Сухумский сад был связан с Никитским садом (Крым), откуда поступали семена и растения. Он становится научным центром акклиматизации и субтропических растений, которые распространялись на юге России.

В период Крымской войны 1853–1856 гг., когда Сухум подвергся турецкой оккупации, жизнь Ботанического сада замерла.

Но в 60-х гг. вновь оживилась деятельность сада. В 1865 г. был разработан проект о Сухумском акклиматизационном саде, в котором выдвигались ряд очень важных мероприятий. Предполагалось обратить внимание на сад, как на одно из общественных учреждений, «служащим удовольствием публики».

Особо указывалось на необходимость расширения фруктового питомника и огородничества, в интересах широкого внедрения этих культур в хозяйство края.

Вместе с тем констатировались успехи в области разведения овощей, в частности, капусты. Таким образом, был решен вопрос о возможности широкого внедрения северной капусты в Абхазии. Пользуясь удачными опытами Ботанического сада, ее начали разводить почти во всех сухумских огородах, а в 1867 г. возле р. Гумиста капустой было засажено около двух десятин земли. Имелись также питомник плодовых деревьев и виноградник для продажи.

Интересно также отметить, что в 1874 г. в Сухуме насчитывалось до 10 видов эвкалиптовых деревьев, старейший из которых был посажен в Ботаническом саду в 1868 г.

Сухумский Ботанический сад является неоднократным свидетелем революционных событий в Абхазии. Во время восстания 1866 г., когда крестьяне в течение нескольких дней штурмовали сухумскую крепость, за толстыми стенами которой засел противник, Ботанический сад оказал большую услугу повстанцам. Очевидец события передает, что т. к. последние удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревьями, то их нелегко было выбить из сада.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., во время которой Сухум снова был оккупирован турецкими войсками, свела почти на нет Ботанический сад. Современник свидетельствовал: «В самом городе (Сухуме. – Г. Д.) не осталось камня на камне, не пощадили даже прелестного Ботанического сада, в котором все редкие и долголетние деревья повырублены, оранжереи разбиты и разрушены».

По данным, относящимся к 1 января 1876 г. мы узнаем, что Сухумский акклиматизированный сад выписывал сельскохозяйственные орудия, как, например, плуги и раздавал «выдающимся хозяевам», а также знакомил их с устройством и употреблением этих

предметов. Выписывались и раздавались также улучшенные виноградные лозы и другие растения, которые разбирались населением с большой охотой.

Из отчета о деятельности Сухумского сада за период с 1890 г. по 1892 г. мы узнаем, что до 1889 г. он находился в очень тяжелом состоянии. Парк был совершенно запущен, опутан почти сплошь разного рода вьющимися колючими растениями, в которых лишь кое-где виднелись декоративные и фруктовые растения.

В 1890-х гг. начинается возрождение сада. В 1894 г. он был включен в состав образовавшейся Сухумской опытной станции, и с этого времени развертывается более широкая деятельность сада.

Перед Первой мировой войной в Сухумском ботаническом саду, в котором богато были представлены экзотические растения, имелись: декоративный питомник, опытный огород, музей сада, лаборатория, контрольная семенная станция и др.

Наряду с большими экземплярами пальм различных видов, эвкалиптов и других образцов субтропической флоры, привлекали внимание находившиеся в бассейне сада водяные растения. Особенно любопытным было то, что в 1912 г. здесь удалось вывести на открытом воздухе «царицу» водяных лилий – Виктория Регия.

В № 10 журнала «Черноморское сельское хозяйство» за 1912 г. появилась статья В. В. Марковича под сенсационным названием: «Тропическая нимфея Виктория Регия царица вод на открытом воздухе в Сухумском акклиматизационном саду». Газета «Сухумский листок» сообщала о предполагаемом цветении Виктории. Путеводители и другие официальные органы также вещали о том, что рост и цветение Виктории на «вольном воздухе» в Сухуме – единственный случай во всей Европе.

Несмотря на усилия отдельных и научных работников и любителей, в условиях царского самодержавия субтропическое сельское хозяйство не могло получить широкого развития. Только в условиях советской власти интродукционная работа в Сухумском ботаническом саду приобретает плановый характер.

С 1941 г. Сухумский ботанический сад находился при Абхазском институте языка, литературы и истории АН Грузинской ССР, а в 1945 г. был выведен в самостоятельное научно-исследовательское учреждение АН Грузинской ССР. Работа сада приобретает строго

научное направление, тесно увязанное с задачами народного хозяйства.

В настоящее время Сухумский ботанический сад АН Грузинской ССР является разветвленным научным учреждением, в коллективе которого насчитывается 2 доктора и несколько кандидатов наук. В коллекция дендрологического парка сада имеется 580 видов, 40 разновидностей и свыше 1 тыс. сортов разнообразных растений. В коллекционной оранжерее сада культивируется до 400 видов различных представителей тропической флоры.

Использованная литература

1. Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866–1904.
2. «Кавказ», № 46, 24 апреля 1874 г.
3. «Кавказ», № 46, 25 февраля 1878 г.
4. «Кавказ», № 70, 8 сентября 1886 г.
5. Малеев В. П. Древесные экзоты Абхазии. Сб. Абхазия. Геоботанический и лесоводческий очерк. М. – Л., 1936 г.
6. Мачавариани К. Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913 г.
7. Пахомов А. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении.
8. Радожицкий И. С. Взгляды на флору Восточного берега Черного моря. Жур. «Садоводство». № 5. М., 1845 г.
9. Филипсон А. Г. Воспоминания. Жур. «Русский архив», кн. 6, 1883 г.
10. Центральный государственный архив Абхазской АССР, ф. 3, д.2. лл. 22–24.
11. Центральный государственный исторический архив Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 962; лл. 1–3., ф. 545, д. 986, лл. 79–116.
12. Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Петроград, 1916 г.
13. Маркович В. В. Тропическая нимфея Виктория Регия царица вод на открытом воздухе в Сухумском акклиматизированном саду. Жур. «Черноморское сельское хозяйство». № 10. Сухум 1912 г.

Ф. Ф. ТОРНАУ И ЕГО КАВКАЗСКИЕ МАТЕРИАЛЫ XIX ВЕКА[1*]

Присоединение Кавказа к России имеет длительную историю и проходило в разных формах. Значительная часть Северного Кавказа и Закавказья добровольно приняла русское подданство (Кабарда в 1557 г., Восточная Грузия – в 1801 г.), другие территории были присоединены к России в результате русско-иранских и русско-турецких войн, что спасло кавказские народы от их закабаления отсталыми феодальными режимами Ирана и Турции, способствовало экономическому, политическому и культурному развитию кавказских народов, установлению связей между передовыми общественными деятелями России и Кавказа, участию кавказских народов в общероссийской революционной борьбе против царизма. Однако некоторые территории (особенно в горных районах) не сразу вошли в состав Российской империи, а были присоединены в результате ряда военных кампаний, известных под общим названием Кавказской войны 1817–1864 гг.

В военных действиях на Кавказе принимали участие и кадровые военные, «кавказцы», изображенные Лермонтовым в образе Максима Максимовича, и представители передовых кругов русской интеллигенции, в частности ссыльные декабристы, с уважением относившиеся к представителям разных народов Кавказа, интересовавшиеся их историей и культурой.

К числу военных, оставивших определенный след в кавказоведении, относился и Ф. Ф. Торнау, волей судеб заброшенный на Кавказ в

[1] * Книга «Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы» впервые опубликована в 1976 году в издательстве «Наука», Москва

очень сложный период истории этого края. Офицер-разведчик, в силу служебного положения сыгравший известную роль в осуществлении задач царизма на Западном Кавказе, Торнау внес в то же время заметную лепту в позитивное изучение Кавказа. Этим обстоятельством в первую очередь и можно объяснить некоторую его известность.

И действительно, даже при самом строгом подходе к Торнау как исследователю следует признать, что, когда встает вопрос о более или менее глубоком изучении истории и культуры Кавказа первой половины XIX столетия, особенно его северо-западного района, вряд ли можно обойтись без тех уникальных сведений и красочных описаний, которыми так богаты многочисленные рукописи – официальные донесения, записки и письма, погребенные в свое время в недрах военных архивов, а также печатные работы Торнау.

По поводу опубликованных сочинений Торнау, носящих в основном мемуарный характер, следует еще добавить, что в них в противовес тогдашним модным дилетантским, но с претензией на сенсацию писаниям о «романтическом» и «экзотическом» Кавказе (журналы и газеты того времени наводнялись описаниями Кавказской войны, фантастическими рассказами о пребывании в плену у горцев, о черкешенках дивной красоты и т. д.[1]) обобщен и сделан достоянием широкого круга читателей материал важного познавательного значения. Это целый ряд подробнейших данных по истории, этнографии и исторической географии действительно экзотического Кавказа, в особенности Западного.

Научная и писательская добросовестность, с которой Торнау стремился описывать события, факты и людей, преобладает над объективистскими чертами отдельных его оценок и характеристик. И это стремление автора правдиво показать действительность

[1] См., например, Н. М. Кавказский пленник, – «Библиотека для чтения», 1838, т. 31; Л. Екельн. Из записок русского, бывшего в плену у черкесов, – «Отечественные записки», 1841, № 12; В. И. Савинов. Три месяца в плену у горцев (абазин), – «Современник», 1848, № 11; его же, Два года в плену у горцев, СПб., 1851; «Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 году», – «Кавказ», 1849, № 1–5; С. Беляев. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев, – «Библиотека для чтения», 1848, т. 88–89; Ф. Ф. Вигель. Воспоминания, ч. I, М., 1864 («В наше время появилось бесчисленное множество исторических записок; ими наводнен запад Европы. Иные из них мало занимательны, другие мало правдивы, но все могут для будущих историков быть более или менее полезны»).

определяет общий тон его материалов и делает их весьма достоверным – в своей фактической части – источником комплексного изучения указанного региона первой трети XIX в. Особого внимания заслуживает стремление Торнау широко привлечь данные личной и общественной биографии ряда деятелей русской и местной культур, с которыми он соприкасался.

Торнау вместе с тем обладал несомненным дарованием воспроизводить конкретную историческую действительность в живых зарисовках событий и людей. Кстати, некоторые из аборигенов Кавказа (убыхи, садзы-джигеты и др.) в силу целого ряда внешних и внутренних причин прекратили свое существование на родной земле почти через три десятка лет после первого непосредственного знакомства Торнау с данным краем. Речь идет о трагедии мухаджирского движения, т. е. о переселении значительной части кавказского населения в Турцию и некоторые другие страны Ближнего Востока.

Торнау обнаруживает относительную непредубежденность и тонкую наблюдательность в воспроизведении самобытной жизни горцев «Седого Кавказа», отдает должное их самоотверженной борьбе за свою свободу. Во всяком случае, он не проявляет в этом вопросе безрассудства, которого можно было бы ожидать от человека в его положении. «Признаюсь, – писал о своих молодых годах Торнау, – в то время мне в голову не приходило, что этот жгучий вопрос (покорение горцев. – Г. Д.) так «благодушно» разрешится наполовину истреблением и наполовину изгнанием с Кавказа всего горского населения». Тогда ему казалось еще возможным решить вопрос «менее черствым способом»[1].

Да и чисто биографические данные о Ф. Ф. Торнау представляют живой интерес, и прежде всего с точки зрения уяснения судьбы достаточно трезво мыслящего и в известной степени демократически настроенного русского военного деятеля на Кавказе определенной исторической эпохи. Его биография примечательна и просто даже как любопытный пример человеческой жизни, насыщенной интригующими приключениями, эпизодами яркой драматической окраски.

Если к тому же учесть значение разрабатываемой темы в плане освещения проблемы русско-кавказских отношений в первой по-

[1] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович..., – С. 231 (полное описание всех работ Торнау (Т.) дано в Приложении II настоящей монографии).

ловине XIX в., то станет вполне очевидным, что в целом она представляет несомненный интерес и для науки, и для широкого круга читателей.

В самом деле, если из жизненной и творческой биографии Торнау, всей совокупности его деятельности на Кавказе выделить то, что можно признать рациональным с точки зрения главной цели настоящего исследования, то нельзя не сказать особо о фактах сугубо научного значения. Факты эти вместе с другими данными, в частности общественно-политического порядка, представляют интерес и для более полного понимания личности самого Торнау.

Итак, Ф. Ф. Торнау – безусловно заслуживающий внимания русский писатель и исследователь, мировоззрение которого отражало широкое общественное движение его эпохи.

* * *

Федор Федорович Торнау (Турнау, Торнов[1]) происходил из прибалтийских (курляндских) баронов[2]. Родился он в 1810 г. в Полоцке; отец его – артиллерии полковник Ф. Г. Торнов, участник Отечественной войны, умерший от раны, которую он получил в первом Дрезденском сражении 1813 г., а дед – генерал екатерининских времен[3]. Воспитывался Торнау в Царскосельском лицее[4]. Он получил хорошее образование.

После успешного окончания курса Торнау поступил на военную службу. В декабре 1828 г. был произведен в прапорщики. Отныне, писал он, «судьба переносила меня из конца в конец России, помещая в разных частях огромной русской армии, на моих глазах боровшейся в Турции, Польше и на Кавказе». Уже в 1829 г. Торнау попадает в действующую армию, куда он направился «с богатым запасом молодости и надежд, но с довольно тощим кошельком». Служил он в 33-м егерском полку в Малой Валахии (Задунайская кампания). Это была русско-турецкая война 1828–1829 гг.[1].

[1] Ф.Ф. Торнау писал, что фамилия эта была «исковеркана писарскою милостью разных военных канцелярий», и считал «правильнее подписываться барон Торнов», как звали его отца, «как следует писать на всех языках» и как нередко он сам подписывался. Она восходит к середине XVI в. и происходит из Померании (Поморья) (Т., Гергебиль. – С. 445).

[2] Индигенат (подданство) в Курляндии баронский род Торнау получил в 1639 г.

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о кампании 1829 года..., – С. 19.

[4] «Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1886 год», СПб., 1886. – С. 135.

В 1830 г. Торнау состоял в геодезическом отряде в Яссах и находился при топографическом отделении управления генерал-квартирмейстера действующей армии. В это время он усердно занимался сбором различного рода статистических сведений[2].

Вскоре Торнау был вытребован своим дядей, фельдмаршалам И. И. Дибичем, в Польшу, охваченную в это время восстанием. Но Торнау прибыл на место нового назначения в самый день смерти Дибича[3]. «Мирно, чинно, – писал впоследствии Торнау, – сохраняя на строгих лицах надлежащее выражение горести и сожаления, выступили перед нашими юными глазами представители высшей военной иерархии; что же у них происходило в глубине души, какие надежды и какие опасения в них возбуждала смерть фельдмаршала, про то нам не позволено было ни ведать, ни судить»[4]. Главнокомандующим в Польше был назначен граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, переброшенный с Кавказа, где он занимал такую же должность.

Максимально, что мог выиграть сам Торнау от Польской кампании, исполняя при главной квартире армии должность офицера Генерального штаба, – это повышение в чине (он получил звание подпоручика) и серебряную медаль за взятие Варшавы[5], и то ценой сильной контузии. Осенью 1831 г. Торнау был переведен в Петербург, где в канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба три месяца «прилежно просидел» за «маршрутным столом». В начале 1832 г. Торнау отпросился на Кавказ, «привлекавший в то время русскую (дворянскую. – Г. Д.) военную молодежь, предпочитавшую труды боевой жизни парадной службе и блеску паркетных удач»[6].

В апреле 1832 г. молодой и восторженный офицер прибыл в Тифлис, проделав путь «длиною» почти в полтора месяца по при-

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о кампании 1829 года..., – С. 5, 6.

[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 1. – С. 7; ЦГВИА, ф. 400, отд. 8, ст. 2, оп. 173, д. 37, л. 15 об. Послужной список Ф. Ф. Торнау.

[3] Некролог Ф. Ф. Торнау, – «Новое время», 12(24). I. 1890; «Разведчик», СПб., 1890, № 19. – С. 99.

[4] Барон Торнов. Панна Зося..., – С. 120.

[5] Послужной описок Ф. Ф. Торнау.

[6] Т. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 1. – С. 7.

чине «нестерпимо дурного состояния дорог», заставившего его испытывать «поочередно всевозможные способы передвижения – в санях, на колесах, верхом и, в горах, даже пешком»[1].

Начинается 12-летняя служба Торнау на Кавказе. Только по Военно-Грузинской дороге[2] он за это время проезжал 18 раз. В 1832 г. Торнау обосновался в Тифлисе, где и начал работать в Генеральном штабе в чине армейского подпоручика. Ему приходилось много сидеть в канцеляриях «за бумагами, прислушиваясь к скрипу писарских перьев»[3].

Отдельным Кавказским корпусом тогда командовал генерал барон Г. В. Розен, сменивший на Кавказе графа И. Ф. Паскевича; начальником штаба был генерал В. Д. Вольховский.

Здесь уместно сказать несколько слов о Кавказском корпусе. В те времена он занимал особое положение среди других соединений царской армии, будучи в меньшей степени затронутым губительным влиянием аракчеевского режима. Объяснялось это также особенностями организации и комплектования его полков. После 1815 г. на Кавказ было переведено немало участников Отечественной войны и европейских походов. Кроме того, Кавказский корпус пополнялся всякого рода «штрафованными» и ссыльными, участниками крестьянских, солдатских и иных выступлений. Так, на Кавказ, в эту «теплую Сибирь», были сосланы солдаты прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка, расформированного после известных событий 1820 г. Затем, с 1826 г., началось отправление на Кавказ участников восстания декабристов[4]. Например, все части Черноморской береговой линии состояли «из разжалованных или по крайней

[1] Там же.

[2] С 1814 г. по всей Военно-Грузинской дороге, от Владикавказа до Тифлиса, уже можно было ездить в экипажах, а с 1817 г., когда дорога перешла в ведение Управления путей сообщения, начались регулярные работы по ее благоустройству. В 1827 г. дорога была приведена в такое состояние, что по ней пустили экстрапочту, а вдоль нее выстроили почтовые станции. Однако все эти улучшения носили весьма ограниченный характер во времена не только Торнау, но и Л. Н. Толстого, который проезжал по ней в 1851 и 1852 гг. и на которого величественная красота этой дороги произвела неизгладимое впечатление. А красота эта – необыкновенная. Здесь и величественное Дарьяльское ущелье, и бурные реки Терек, Кура, Арагви, и знаменитый Крестовый перевал.

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 3. – С. 103.

[4] Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века, М., 1958. – С. 216–227.

мере не по своей воле прибывших на Кавказ»[1]. Были и такие, которые по тем или иным причинам сами хотели укрыться за Кавказским хребтом. Нельзя не вспомнить знаменитые лермонтовские строки:

Прощай, немытая Россия
. . . . . .
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Так среди кавказского офицерства возрастал процент изгнанников, которых объединяла ненависть к николаевской реакции. Причем ввиду постоянного недостатка в подготовленных и образованных офицерах в Отдельном Кавказском корпусе иногда даже ссыльные декабристы выдвигались на ответственные посты (И. Г. Бурцов, А. М. Миклашевский, В. Д. Сухоруков и др.)[2].

В Тифлисе Торнау более всех и очень быстро сближается с «кавказским старожилом» капитаном Пикаловым, что имело для него весьма важное значение. Из рассказов этого «очевидца, умного и беспристрастного, судившего о вещах и людях, основываясь на оригинальных документах и на самых положительных данных», Торнау познакомился с разными фактами кавказской жизни в последние годы «совершенно с другой стороны, чем они были известны публике». Вообще, благодаря объяснениям Пикалова его «взгляд на вещи получил более рациональное направление». Даже о Цицианове, Ермолове, Котляревском и других «знаменитостях» Пикалов говорил «без восторга» и, писал Торнау, «охлаждал мой собственный жар удивления», «раскрывая существенное значение их подвигов и их истинный характер». «Случалось, – продолжает Торнау, – глубоко разочарованный, я узнавал в моем герое человека весьма обыкновенных способностей или, еще хуже, открывал на нем личину поддельной гениальности, которая нередко успевает поработить общественное мнение в ущерб государственной и

[1] Филипсон Г. И. Воспоминания, М., 1885. – С. 209.

[2] Фадеев А. В. Россия и восточный кризис..., – С. 227; Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе, М., 1973. – С. 237.

народной пользе. И не удивительно: хитрость – вместо ума, тупое упрямство – на место твердой воли, сердечная пустота – вместо силы душевной слишком часто принимаются за проявление гения, если личность, одаренная этими отрицательными качествами, умеет действовать обаятельно на самолюбие людей или поражать их своею самонадеянностью. Вспомните мои слова, кто станет рыться в пыли Тифлисского и ставропольского военных архивов и извлечет из них правду для обнародования – не теперь, а позже, когда ее можно будет высказать без обиняков, не опасаясь задеть чье-либо самолюбие или против воли впутаться в бесполезную борьбу против современных предубеждений»[1].

Торнау особенно обращал внимание на «проекты о покорении Кавказа», которыми в начале 30-х годов было засыпано военное министерство: «...и кто их не писал, и чего в них не написано!» Министерство, «не давая себе труда разбирать, препровождало рукописи в Тифлис на рассмотрение и требовало ответа». Однако «после короткого отрицательного ответа» проект «укладывали в архивную пропасть, на изучение мышам и бумаготочивым насекомым»[2].

С еще большим сарказмом Торнау говорит о форме военного письмоводства, жертвой которой он стал с самого же начала своей деятельности. Трудно вообразить, писал он, как хитро сплетена фразеология служебной переписки, какие «тонкие оттенки» следовало соблюдать «в сношениях с равными, с зависимыми и независимыми ведомствами, с младшими, высокими и высшими лицами, и какие разнообразные формы были установлены на основании этих отношений для вступления, изложения и заключения в каждой бумаге. От беспрестанного повторения титулов и от выражений преданности и подчиненности рябило в глазах; настоящий смысл дела утопал в потоке исковерканных фраз... Способности правильно понимать дело и ясно излагать свои мысли было недостаточно для овладения с тогдашним письмоводством; легче всего оно одолевалось форменным педантизмом... Даже в министерствах, в которых служили действительно способные люди, чиновник, обладающий плодовитым пером, т. е. умеющий нанизывать слова и растягивать фразы, не придавая им... смысла, высоко ценился в служебном кругу».

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 2. – С. 415, 416.
[2] Там же. – С. 416–417.

Это была, конечно, настоящая критика бюрократическо-чиновничьих порядков. Но Торнау в этом отношении идет еще дальше. Например, следующее его рассуждение граничит уже с форменным протестом: «Ведь бумаги писались в то время по присутственным местам не для уяснения, а для искажения правды...»[1]. В наиболее открытой форме «искажение правды» проявлялось во времена царского фаворита Паскевича, когда «репутация Кавказа как страны, дающей способы сделать без особенных усилий и пожертвований быструю карьеру, была установлена... Искусство сочинения дошло вскоре до такого «совершенства», что даже холодный и ничему не удивлявшийся скептик А. А. Вельяминов[2] дивился лживости донесений генералов Понкратьева и Фези»[3].

Конечно, были люди, которые к подобным явлениям относились более принципиально, более критически, чем Торнау. Возьмем для примера обличительную, проникнутую оппозиционным духом повесть «Проделки на Кавказе», написанную Хамар-Дабановым[4]

[1] Там же. – С. 411–412, 415.
[2] Вельяминов А. А. – генерал, командующий войсками Кавказской линии и начальник Кавказской области.
[3] Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды (Исследования и заметки), Тифлис, 1901. – С. 230.
[4] Это псевдоним Е. П. Лачиновой (урожд. Шелашниковой), жены Н. Е. Лачинова, бывшего в 1839 г. генерал-интендантом Отдельного Кавказского корпуса. Но повесть могла быть написана только с помощью человека, хорошо знавшего положение дел на Кавказе. Таковым, видимо, и был брат мужа Лачиновой – Е. Е. Лачинов, который, попав в число лиц, «прикосновенных» к делу декабристов, был отправлен на Кавказ. Как человеку весьма образованному и дельному ему поручались разные административные должности. Одно время он даже управлял канцелярией генерального штаба А. А. Вельяминова. Однако и после выхода в отставку Е. Лачинов через бывших своих сослуживцев имел возможность узнавать о многих из тех «проделок», которые изображены в повести (О Е. Е. Лачинове см. «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, Л., 1925. – С. 110 и 340; АКАК, т. X, ч. I. – С. XXXII; Языков Д. Д. Образ жизни и трудов покойных русских писателей, вып. III, СПб., 1887, стр. 86; Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, ч. III, – КЭС, III. – С. 266; его же, Этнография и история Кавказа (Исследования и материалы), М., 1961, стр. 171 и сл.; Д. Л. Ватейшвили, Русская общественная мысль..., – С. 251 и сл.). Вместе с тем и сама Лачинова, находясь с 1836 г. со своим мужем на Кавказе, вращалась в обществе ссыльных декабристов и литераторов. По некоторым данным, она была лично знакома и с Лермонтовым (А. Титов, Александр Бестужев – герой забытого романа, – «Русская литература», Л., 1959, № 3. – С. 134, 138).

под влиянием декабриста А. А. Бестужева-Марлинского (он один из центральных персонажей произведения)[1].

Эта книга – первая печатная попытка критически отнестись к системе управления и действиям царских властей на Кавказе. Время, описанное в повести (1838–1842 гг.), – мрачная эпоха генерала Е. А. Головина, главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. Конкретно же речь идет о «проделках» на правом фланге Кавказской линии во времена управления свирепого царского колонизатора генерала Г. Х. Засса – «страшилища черкесов»[2], для которого экспедиции и бои были «забавою, потребностью, как травля для охотника, как вода для рыбы»[3]. Как отмечал А. А. Бестужев-Марлинский, этот жестокий и честолюбивый до мелочности военачальник бредил эполетами и крестами[4]. «А кому бы, – писал и Ф. Ф. Торнау, – любопытным показалось покороче познакомиться со славными его делами, тому советую попытать, не окажется ли у какого-нибудь букиниста... книжонка... под заглавием «Проделки на Кавказе»»[5].

Приподняв край той красивой декорации, которая закрывала от непосвященных истинное положение дел на Кавказе, автор «Проделок на Кавказе» осмелился показать читателю закулисную сторону Кавказской войны. Разоблачение было весьма умеренным, но «по тогдашнему времени» казалось слишком смелым и даже дерзким.

По признанию военного министра А. И. Чернышева, «книга эта тем вреднее, что в ней что ни строка, то правда». Эпиграф к ней «Не любо – не слушай, а лгать не мешай» не обманул бдительное начальство: книга подверглась запрещению не за ложь, а за правду[6]. Все это объясняет переполох и беспокойство, вызванные появлением в «Отечественных записках» (1844, № 6, стр. 67–72) рецензии на книгу. Рецензия эта тем более интересна, что существуют веские основания считать ее автором В. Г. Белинского[7].

[1] Титов А. Александр Бестужев..., . – С. 131, 133 и сл.

[2] Декабрист Н. И. Лорер, разоблачая «проповедуемые Зассом идеи страха», свидетельствовал, что на специально насыпанном кургане у Прочного Окопа «при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру» (Н. И. Лорер, Записки декабриста, М., 1931. – С. 248).

[3] Розен А. Е. Записки декабриста, СПб., 1907. – С. 250.

[4] «Русский вестник», 1861, № 4. – С. 471–472.

[5] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович..., – С. 246.

[6] Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды..., – С. 308.

[7] Никитенко А. В. Дневник, т. 1. 1826–1867, М., 1955. – С. 283, 510–511 (Прим. И. Я. Айзенштока).

И очень важно для нас отношение Ф. Ф. Торнау к этой «крамольной» повести, в которой отразилось влияние декабристской идеологии, тем более что одно из его сочинений служит надежным источником для выяснения всех обстоятельств, связанных с событиями, описанными в «Проделках на Кавказе». Вот что он, в частности, пишет: «В пользу правдивости, с которою книга была написана, вернее всего свидетельствовала ярая ревность, употребленная на ее уничтожение. Напиши небылицу, от которой уши вянут, – беда не велика, пусть читают на здоровье; а коли кто иначе поймет, чем приказано вещи понимать, так нетрудно доказать, что это пустые бредни, басня, аллегория; бесспорную же правду только и можно пришибить обухом полицейского запрета»[1].

О своем же непосредственном начальнике, генерале В. Д . Вольховском, Торнау был самого высокого мнения. Это – «даровитый и гражданскому долгу свыше всякого себялюбия преданный» человек[2]. Вообще, его сведения о Вольховском – весьма существенный материал для характеристики этой замечательной личности. «Его неутомимое трудолюбие, – пишет Торнау, – его добросовестность и его неизменно настойчивое терпение служили для меня живым примером и не допускали с моей стороны ни ошибок, ни упущений. Вникая сам во все, он предпочитал вместо укора собственным трудом исправить невольную ошибку подчиненного и ни в коем случае не дозволял себе резких выражений... он был требователен к самому себе, когда дело касалось службы... он решался тратить на сон не более шести часов в сутки и потому каждый раз, когда его одолевала усталость, отмечал минуты, проведенные в дремоте, для вычета их общего итога из ночного сна. Он знал заранее, какое спасибо ему готовилось за все его труды. Многотерпеливый страдалец чужого, неимоверно раздражительного самолюбия, он кончил тем, что был удален из армии, когда им же подготовленные успехи позволили обойтись без него»[3]. Это было в 1837 г.

Все это важно для понимания личности самого Торнау, его общественно-политических взглядов. Не менее ценны и другие такого же рода факты, сообщаемые Торнау. Но об этом ниже.

[1] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович..., – С. 228–248.

[2] Там же. – С. 246.

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 2. – С. 425–426.

Как видно, именно к 30-м годам относится знакомство Торнау с литературой о Кавказе. Читал он, конечно, и «Тифлисские ведомости» – первую русскую газету на Кавказе, издававшуюся с 1828 г. и печатавшую большой и разнообразный материал о кавказских народах. Газета способствовала плодотворным контактам между передовыми деятелями России и Кавказа. Среди ее авторов значились А. С. Грибоедов, сосланные на Кавказ декабристы А. А. Бестужев-Марлинский, В. Д. Сухоруков, И. Г. Бурцов и Е. Е. Лачинов, а также выдающиеся просветители Закавказья С. И. Додашвили, А. К. Бакиханов, Х. Абовян и др.[1].

Торнау прибыл в Тифлис в апреле 1832 г., а уже летом того же года находился в чеченской экспедиции корпусного командира барона Г. В. Розена. Здесь, в сел. Гурдали, в районе действия генерала А. А. Вельяминова, Торнау 14 сентября был тяжело ранен и чудом спасен от верной гибели. За эту экспедицию он был произведен в поручики[2]. Между прочим, в боевых операциях Торнау сражался рядом с Павлом Бестужевым, командовавшим горными орудиями[3].

После ранения Торнау перевезли в Наур. «Память о душевной внимательности», которую проявил к нему генерал Вельяминов, Торнау сохранил навсегда. Вскоре он получил от Вольховского из Темир-Хан-Шуры (ныне г. Буйнакск) письмо, в котором тот «в самых убедительных выражениях» предлагал ему вернуться в Тифлис, чтобы продолжать службу в его непосредственном ведении. Поскольку в Тифлис, кроме прочего, «манили теплый климат, прекрасная природа Грузии и веселая городская жизнь», Торнау ответил утвердительно [4].

В конце ноября 1832 г. Торнау выехал из Наура и в начале декабря прибыл в Тифлис. Он был переведен в Генеральный штаб с назначением дивизионным квартирмейстером Кавказской гренадерской резервной бригады.

Теперь Торнау стал более внимательным к окружающему миру, да и мир этот несколько изменился за недолгое время его отсутствия. Тифлисское общество манило Торнау не просто своим веселым нравом. Оно «очень разбогатело людьми, с которыми приятно было жить». Но что это были за люди? Собственно, об этом сам Торнау писал совершенно ясно: «К числу лиц, разнообразивших интерес нашего круга, бесспорно, принадлежали многие из помилованных декабристов, отбывавших на Кавказе последние годы высылки. Это были люди, получившие большею частью хорошее воспитание, некоторые с замечательными душевными качествами, испытанные несчастней и наученные тяжелым опытом жизни. Для молодежи они могли служить спасительным примером и уроком. Спрашиваю, можно ли было, узнав, не полюбить тихого, сосредоточенного Корниловича, автора «Андрея Безымянного», скромного Нарышкина, Коновницына, остроумного Одоевского и сердечной добротой проникнутого Валерьяна Голицына. С Александром Бестужевым (Марлинским) я имел случай часто встречаться у брата его, Павла. Литературный талант его известен и давно оценен...»[1].

В другом месте Торнау еще более откровенно определяет свое отношение к представителям дворянских революционеров. «Наши сношения с этими лицами, – пишет он, – были самые откровенные... в политическом смысле... нашлись такие люди и в Тифлисе, которые «из ревности и преданности», а, полагаю, больше всего из ошибочного низкого расчета писали тайные доносы насчет опасности, могущей возникать от сближения молодых офицеров с людьми, осужденными законом за политическое преступление. Не входя в их забытое прошедшее... я водился с ними, не опасался показываться публично в их обществе и никак не скрывал мою симпатию к Нарышкину и Голицыну. По этому случаю один господин счел обязанностью шепотом мне посоветовать быть поосторожнее»[2].

Это описание важно и в том отношении, что подтверждает мнение о Тифлисе как об одном из центров общения декабристов. В этом городе, который уже тогда считался не только административно-политическим, но и культурным центром Кавказа, были сосредоточены как прогрессивные силы местного грузинского общества, так и передовые представители России, видные деятели ее культуры. Несмотря на то что Тифлис все еще сохранял специфически

[1] Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль..., – С. 230, 340, 355, 445.
[2] Торнау Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 3, 4; АКАК, т. XII, ч. I. – С. XII.
[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 4. – С. 672, 674.
[4] Там же. – С. 684, 692.

[1] Там же. – С. 700.
[2] Там же. – С. 701.

азиатский внешний облик, его общественная жизнь к концу первой трети XIX в. заметно европеизировалась[1].

Характеризуя положение декабристов на Кавказе, академик М. В. Нечкина пишет: «Но как бы ни были тяжелы условия пребывания на Кавказе, более широкие, чем в Сибири, возможности общения с людьми делали жизнь декабристов осмысленней и содержательней... Вокруг декабристов создавалась сочувствующая социальная среда, завязывались связи с местным населением, возникало благотворное взаимодействие первых русских революционных борцов и передовых представителей местных народов»[2].

Этому немало способствовали товарищи русских декабристов по ссылке – грузин А. С. Гангеблов, а также служившие в Кавказском корпусе некоторые офицеры- грузины[3]. Гангеблов, например, вспоминает, как у него на квартире в Тифлисе жили декабристы Н. П. Кожевников, Ф. Г. Вишневский, а частыми гостями были братья Бестужевы и др.[4].

Одним из главных мест общения декабристов и вообще представителей передовых культурных сил России с лучшими сынами Грузии был гостеприимный дом Александра Чавчавадзе – человека передовых взглядов, выдающегося поэта. В этом доме в свое время решилась личная судьба А. С. Грибоедова; здесь же, как предполагают, состоялось первое представление его бессмертной комедии «Горе от ума». Великий русский поэт, длительное время живший в Грузии, по образному выражению М. В. Нечкиной, «был живой связью декабристов с кругами местной интеллигенции»[5].

А. Г. Чавчавадзе, будучи поклонником старого уклада жизни грузинских семейств, вместе с тем ввел у себя много новшеств, «порожденных просвещенным обществом»[6]. И во времена Торнау гостиная семьи Чавчавадзе никогда «не опорожнялась от гостей», достойных этого традиционного дома, декабристские симпатии хозяина которого «не вызывают никакого сомнения»[7]. Бывал

[1] Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль..., – С. 118.
[2] Нечкида М. В. Движение декабристов, т. II, М., 1955. – С. 448.
[3] Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в., М., 1960. – С. 360.
[4] Гангеблов А. С. Воспоминания, М., 1888. – С. 202–203.
[5] Нечкина М. В. Движение декабристов. – С. 449.
[6] Ениколопов И. К. Грибоедов и Грузия, Тбилиси, 1954. – С. 15.
[7] Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность, Тбилиси, 1958. – С. 495.

здесь часто и Ф. Ф. Торнау, а познакомил его с этой замечательной семьей В. Д. Вольховский – старинный приятель Александра Гарсевановича. С глубокой любовью пишет Торнау в своих «Воспоминаниях о Кавказе и Грузии» об этой семье, особенно о сестрах Екатерине и Нине – 16-летней вдове А. С. Грибоедова, которая умерла в 1857 г. «под вдовьим покрывалом»[1], оставив надпись, навечно запечатлевшую ее безутешную печаль на черном мраморном пьедестале – памятнике в Тифлисе[2] своему знаменитому мужу: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя».

Как известно, А. Чавчавадзе был обвинен в участии в заговоре грузинского дворянства 1832 г. и выслан в Тамбов. Но это не помешало Торнау продолжать посещать семью Чавчавадзе, хотя ему какой-то «господин... советовал... прервать знакомство с Чавчавадзевыми... опять его не послушал». Кстати, весьма положительно характеризует Федора Торнау вообще его отношение к Грузии и ее народу. «Грузины, – восклицал он, – народ добрый, откровенный, общительный, храбрый...»[3].

Дом Чавчавадзе и после смерти главы семьи еще долго оставался не только «первым домом в Тифлисе по радушию и гостеприимству»[4],

[1] Трудно назвать другой пример такой поэтической и трагической любви, которая выпала на долю А. Грибоедова и Н. Чавчавадзе. Насколько кратковременным оказалось счастье, настолько долговечной была верность прославившейся умом и красотой Нины Чавчавадзе памяти погибшего супруга. Д. Г. Эристави, один из первых исследователей творчества Грибоедова, писал: «Нина Александровна Чавчавадзе была одним из прелестнейших созданий того времени. Красавица собой, «великолепно образованная, с редким умом, она безусловно завоевывала симпатии всех, кто только с ней был знаком. Все, кто только ее знал, – люди самых разных слоев, понятий, мнений, сходятся на одном, что эта была идеальная женщина. Не было мало-мальски выдающегося поэта в Грузии, который бы ни посвятил ей несколько стихотворений» (цит. по: И. Богомолов, Я. П. Полонский в Грузии, Тбилиси, 1966. – С. 57).
[2] Памятник был воздвигнут в искусственном гроте, у основания церкви св. Данаида (VI в.), выстроенной на склоне господствующей над городом Мтацминдской горы, которую Грибоедов назвал самым поэтическим местом Тифлиса. На пьедестале – бронзовый крест с распятием, у подножия которого выделяется коленопреклоненная фигура рыдающей женщины – изображение Нины Александровны Чавчавадзе.
[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 2, стр. 423; № 4. – С. 702.
[4] Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV, СПб, 1894. – С.27.

но и его культурным центром, литературным салоном. Так, молодой ссыльный поэт Я. П. Полонский, с лета 1846 г. живший в Тифлисе, становится частым посетителем этого дома. Между ним и Ниной Чавчавадзе устанавливаются дружеские отношения; ей он посвящает проникновенное стихотворение «Н. А. Грибоедова». Здесь поэт встречается с многочисленными представителями грузинской интеллигенции[1]. И Л. Н. Толстой, осматривая с большим интересом древний Тифлис в 1851 г., не мог упустить случая познакомиться с семьей Чавчавадзе[2]. Великий писатель земли русской отмечал: «Тифлис – цивилизованный город, подражающий Петербургу, иногда с успехом, общество избранное и большое»[3]. Полученные в Тифлисе впечатления и послужили Л. Н. Толстому одним из стимулов для создания «Хаджи-Мурата»[4].

Заслуживает внимания и дом самого командующего Отдельным Кавказским корпусом – Г. В. Розена. Прежде всего отметим, что Розен – участник Отечественной войны 1812 г., человек «с почетным боевым прошлым», а о «личной порядочности» генерала говорили даже его недруги. Но главное для нас в данном случае то, что он был известен и как человек, иногда очень осторожно покровительствующий декабристам[5]. Французский ученый Фредерик Дюбуа де Монпере, совершивший в 1833 г. путешествие вокруг Кавказа, писал: «Дом генерал-губернатора был по праву центром дел, так же как и отдыха. Он задавал тон. В течение всей зимы каждое воскресенье здесь бывали приемы, игры, беседы, ужины. Здесь всегда встречались люди, с которыми хотелось поговорить». Сравнивая дом Розена с парижскими салонами, француз особенно восхищался появлением среди «вполне европейского общества» представителей кавказской аристократии, придававших вечерам Розена экзотический характер своими костюмами и национальной пляской[6].

[1] Богомолов И. Я. П. Полонский в Грузии. – С. 57–58.

[2] Опульский А. Л. Н. Толстой на Кавказе (Литературно-краеведческий очерк), Орджоникидзе, 1960. – С. 62.

[3] Толстой Л. Н. Собрание сочинений в двадцати томах, т. 17, М., 1965. – С. 49.

[4] Николадзе А. Русско-грузинские литературные связи, Тбилиси. 1965. – С. 176.

[5] Косвен М. О. Этнография и история Кавказа..., – С. 157.

[6] Цит. по: М. А. Ашукина-Зенгер, О воспоминаниях В. В. Бобарыкина о Лермонтове, – в кн.: «Литературное наследство», № 45–46, М., 1948. – С. 747.

Приведу еще одну деталь, правда относящуюся к более позднему периоду, но весьма существенную с точки зрения представления о посетителях «вечеров» барона Розена. В Сухуме в мае 1837 г., перед Адлерской экспедицией, Розен дал обед, на котором присутствовали А. А. Бестужев-Марлинский, В. Д. Вольховский и азербайджанский писатель М. Ф. Ахундов. За обедом Розен просил Бестужева совместно с автором «Восточной поэмы на смерть А. С. Пушкина» Ахундовым перевести эту поэму на русский язык. Поэма великого азербайджанского писателя и мыслителя, написанная под свежим впечатлением известия о трагической гибели гениального поэта, вышла в свет в прозаическом переводе прославленного писателя-декабриста[1].

Примечательны также встречи на квартире писателя Н. П. Титова, который служил при штабе Отдельного Кавказского корпуса в Тифлисе. Н. П. Титов был родным братом декабриста П. П. Титова, сосланного на Кавказ в 1827 г. и В. П. Титова – известного литератора. Как установил недавно литературовед В. Безъязычный, Н. П. Титов – автор очерка «Прогулка за Балкан», часть которого с подзаголовком «Отрывок из невероподобного рассказа Чичероне дель К....О» была напечатана в пушкинском «Современнике»[2]. Таким образом, раскрыт псевдоним автора «загадочного романа», «удивившего свет» еще при жизни Пушкина. Советскому исследователю помог ...Ф. Ф. Торнау, который о Н. П. Титове сообщал, что он был добрый, умный, честный, со странностями и в высшей степени рассеянный писатель. Во время устраиваемых, пишет Торнау, Н. П. Титовым литературных вечеров последний читал «отрывки из своего «Cicerone del Caucaso», в котором описывалась рассказанная мною чеченская экспедиция с поэтической точки зрения... Умно было написано, занимательно слушать... декламировал с жаром...» Кстати, Н. П. Титов принадлежал «к числу самых частых посетителей дома» А. Чавчавадзе[3].

Между прочим, Торнау, описывая рассматриваемый период времени, упоминает и П. П. Каменского, который особенно дружил с братьями Павлом и Александром Бестужевыми. Он был сослан на

[1] Мирза-Фатали Ахундов, Сочинения, Тбилиси, 1938. – С. 361.

[2] См. В. Безъязычный, Чичероне дель К.... О, – «Неделя», 1975, № 3 (775) . – С. 8.

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 4. – С. 698–700.

Кавказ (в Грузии находился в 1833–1837 гг.) за «свободные разговоры» и служил здесь юнкером. В то время Павел Каменский пользовался славой талантливого писателя; особый успех имели его кавказские повести. Его перу принадлежит, в частности, повесть «Келиш-бей»[1] об абхазском владетеле конца XVIII – начала XIX в. Келешбее Шервашидзе (Чачба), где он выступает как автор, хорошо осведомленный в сложных вопросах истории, быта и нравов абхазского народа[2]. Это относится и к роману «Искатель сильных ощущений» (СПб., 1839), одна из глав которого посвящена Абхазскому краю, где Каменский был в 1834 г. как участник военной экспедиции. В этих произведениях писатель выступает против такого социального зла, как работорговля.

В домах старого Тифлиса декабристы встречались и с молодыми поэтами Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, философом С. Додашвили и другими представителями прогрессивной грузинской общественности, которые сочувствовали декабристам и проявляли по отношению к ним дружеское участие. Эти встречи в немалой степени способствовали укреплению содружества двух народов[3].

Как мы видели, Торнау был самым непосредственным участником оживленной общественной жизни Тифлиса в начале 30-х годов. Он довольно подробно описал эту жизнь и сам город.

Жил Торнау «далеко не роскошно», с князем Чегодаевым, в Солдатской слободке, в небольшом домике, который они «нанимали у женатого унтер-офицера». Квартал был «не щеголеват, комнаты

[1] Впервые была опубликована в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» от 20 и 28 января 1837 г.

[2] Прочитав указанную повесть П. П. Каменского, А. А. Бестужев-Марлинский 13 апреля 1837 г. писал своему брату Павлу: «Кланяйся Каменскому, читал я его Келиш-бея – недурно, только зелено...» («Отечественные записки», 1860, т. 131, № 7, стр. 75). А вот что в 1838 г. писал В. Г. Белинский в рецензии на «Повести и рассказы» Каменского, куда вошел и «Келиш-бей»: «Если дело идет о Кавказе, то никогда не ищите в повести ничего тихого, веселого или забавного: повесть обыкновенно начинается громкими фразами, а оканчивается резко, предательством, отцеубийством. Конечно, все это бывает в жизни... но ведь это только одна сторона жизни горцев: зачем же отвлекать только одну ее?» (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, М., 1953. – С. 482).

[3] Фадеев А. В. Россия и Кавказ..., – С. 361; Шадури. Декабристская литература,.., – С. 573 и др.

малы, не высоки, меблированы крайне незатейливо»[1]. В связи с ранением Торнау часто болел и лето 1834 г. провел в Минеральных Водах. В том же году он вернулся в Тифлис, в момент, когда кавказское командование разрабатывало план продолжения сухопутного сообщения вдоль восточного берега Черного моря, включая и Абхазию.

Здесь следует сделать небольшой экскурс в историю Абхазии начала XIX в. Край был присоединен официально к России в 1810 г. Однако за последующие 20 лет царские войска не занимали прочно на абхазском побережье ни одного пункта, за исключением Сухумской крепости, небольшой гарнизон которой находился в постоянной блокаде. По Адрианопольскому мирному договору 1829 г., заключенному между Россией и Турцией, последняя, как известно, вынуждена была отказаться от своих притязаний на Черноморском побережье Кавказа. Вскоре после подписания Адрианопольского мира Николай I в рескрипте от 25 сентября 1829 г. на имя И. Ф. Паскевича, в то время главнокомандующего на Кавказе, писал: «Кончив, таким образом, одно славное дело (войну с Турцией. – Г. Д.), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»[2].

В соответствии с этой директивой граф Паскевич осенью 1829 г. разработал план занятия Черноморского побережья Кавказа от Анапы до Поти. Попытка осуществить это мероприятие была сделана летом 1830 г., когда экспедиционным отрядом генерала К. Ф. Гессе в нескольких пунктах побережья Абхазии (Бамбора, Пицунда и Гагра) были возведены укрепления. Однако дальнейшее продвижение царских войск (на север от Гагры) было приостановлено сопро-

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 2. – С. 401–404, 417–421, 423–424 и др.; № 4. – С. 706.

[2] Щербатов, Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский, т. III, СПб., 1891. – С. 230.

тивлением абхазских[1] и убыхских[2] племен[3]. Как писал граф Паскевич, большая часть народа «не имеет решительной привязанности... к правительству и буйную свою свободу считает дороже всего»[4].

На этом закончилась широко задуманная, но плохо подготовленная Абхазская экспедиция 1830 г. Возведенные русскими укрепления не могли не только гарантировать «прочного овладения» морским побережьем от Поти до Анапы, но даже обеспечивать «спокойствия» в самой Абхазии, где связь между гарнизонами практически осуществлялась только по морю.

И вот в 1834 г. царское командование решило проложить сухопутное сообщение вдоль восточного берега Черного моря от Редут-Кале (Кулеви) до Анапы[5]. С этой целью в Абхазию были направлены значительные военные силы под командованием управляющего Имеретией, генерала Д. Д. Ахлестышева. А командующий войсками Кавказской линии и Черноморья генерал А.А. Вельяминов уже шел за Кубань из Ольгинского редута для установления сообщения с бухтой Суджук-Кале (ныне Новороссийск). Три месяца отряд Ахлестышева двигался от Кутаиса до Сухума, прокладывая «военную дорогу», которая в 1835 г. была доведена до Гагры; таким образом, было завершено ее соединение с Военно-Имеретинской дорогой. Маршрут экспедиции лежал по берегу моря, достаточно знакомому командованию. Но продолжение работ по устройству береговой дороги к северу от Гагринского укрепления требовало предварительной разведки[1]. «Сверх сил главных действий на правом фланге Кавказской линии, – писал Г. В. Розен 4 апреля 1834 г. военному министру А. И. Чернышеву, – Его Величество (Николай I. – Г. Д.) признавал бы весьма полезным направление некоторого отряда из Абхазии от Гагры по берегу морскому... до Геленджика, дабы пресечь горские племена, или затруднить сношение их с Турцией, или по крайней мере для военного обзора сего неизвестного края»[2].

И новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов в рапорте на имя Николая I от 26 августа 1836 г. писал: «На восточном берегу Черного моря, по счастливому приобретению Анапы и по мерам, в недавнем времени Вашим Величеством предписанным, Россия имеет твердую ногу от севера до Геленджика включительно; начиная же от южной турецкой границы, весь берег от крепости св. Николая и устья Риона до крепости Гагры занят нашими войсками; остается промежуток между Геленджиком и Гагрою в протяжении 200 верст, который, по моему мнению, необходимо занять. Это, конечно, будет не без труда, не без издержек...»[3].

Вместе с тем царское командование намечало в ближайшие годы осуществить ряд карательных экспедиций для «усмирения» абхазских горских племен: в Цебельде (Цабал), Дале, Ахчипсу (Ахчипсы) и др. Они не только оставались не покоренными русским царизмом, но и не признавали власти абхазских владетелей. Поэтому сбор политических и топографических сведений об указанных горных районах и их обитателях был настоятельной необходимостью для царского командования.

---

[1] Речь идет о с а д з а х (точнее, садзуа или асадзкуа)-джигетах (джики), занимавших территорию от Гагринских теснин до р. Хоста (Хамышь). Они делились на горных и береговых. Первые (ахчипсаа, аибгаа, псхуаа и др.), обитавшие в верховьях рек Мзымта и Псоу и в среднем течении Бзыби, были известны под названием «мдюаа» (в русских источниках «медовеевцы»). Здесь господствовала главным образом княжеская фамилия Маршания (Маршьан). Территория же, занятая прибрежными садзами, делилась на общества, связанные главным образом с наиболее знатными родами данного региона: Гечба (Геч), Арыдба (Арыд, Аред), Артба (Арт) и др. Эти общества северо-западных «абхазских племен Ф. Ф. Торнау называл также княжествами и республиками (см. Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 46).

[2] У б ы х и занимали также часть Черноморского побережья между реками Хоста и Шахе; на востоке они граничили с абхазскими племенами, а на западе – с шапсугами и подразделялись на несколько племен. Этнически и лингвистически убыхи составляли промежуточное звено между абхазами и адыге (черкесы) и занимали особое место в западной группе народов Кавказа.

[3] Термин «племя» здесь употребляется несколько условно. Разумеется, племена Западного Кавказа в XIX в. существенным образом отличались от племен первобытнообщинного строя. В данном случае речь идет лишь о полупатриархальных формах и родо-племенных пережитках, которые прикрывали классовые, феодальные отношения.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6339, л. 63.

[5] Там же, д. 6302, л. 1.

[1] Декабрист В. С. Норов, в 1835–1838 гг. служивший в войсках, действовавших в районе Северо-Западного Кавказа, отмечал, что «все... побережье от Анапы до Гагр было еще мало известно», причем на участке Пшад – Гагра росли «дремучие леса, и продвигаться войскам было очень трудно» (ОРГБЛ, ф. 201 В. С. Норова, № 56, лл. 35, 63).

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312.

[3] «Русский архив», 1894, вып. 6. – С. 229.

Разумеется, последнее могло использовать и использовало в этих целях преданных ему местных феодалов. Однако сведения, полученные таким путем, были далеко не полны, недостаточно ясны и четки, а главное, нуждались в проверке опытного и квалифицированного разведчика-офицера, знакомого с топографией, военной техникой и организацией армии, а также с социально-политическими особенностями местного края[1].

Надо сказать, что царское командование не раз уже практиковало посылку разведчиков и агентов в непокоренные районы Кавказа. В Абхазию, в частности, специально командировались офицеры Ф. Я. Скирневский (1807 г.) и Е. И. Энсгольм (1817 г.), а также Р. де Скасси (1818–1820 гг.), Поль Гибаль (1820 г.), Тебу де Мариньи (20-е годы), Гамба (1820–1824 гг.) и другие предприниматели и разведчики, пытавшиеся использовать в интересах западноевропейского капитала установление на Кавказе колониального режима русского царизма. В их записках, обозрениях и описаниях общего характера также содержатся экономико-географические, этнографические, политические и некоторые иные сведения[2].

В 1829 и 1830 гг. дважды побывал у черкесов капитан-артиллерист Г. В. Новицкий. Как он сам сообщал, целью его было обследование «всего Закубанья, Большой и Малой Кабарды и местности на восточном берегу Черного моря, между Гагрой и Анапой, населенной племенами адыге и абазде (садзы. – Г. Д.)». Для выполнения этого задания Новицкий должен был проникнуть на указанную территорию под видом горца. Поэтому он обрил голову, отпустил бороду, надел черкесскую одежду и притворился глухонемым. Перу Новицкого принадлежат следующие работы: «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе» (в соавторстве с Н. П. Лукиным), «Топографическое описание Северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапы до истока реки Кубани...» (1830 г.),«О черкесских племенах», «Описание Кубанской кордонной линии от стока реки Кубани в Черное море до города Екатеринограда, в 1831 г.». Кроме того, опубликованы поданные Новицким в 1830 и 1831 гг. его четыре рапорта (два – на

[1] ЦГАА, ф. 833, д. 1, лл. 4–8.

[2] См. М. А. Полиевктов. Европейские путешественники по Кавказу. 1800–1830 гг., Тбилиси, 1946.

имя И. Ф. Паскевича и два – на имя полковника Ракосовского), а также особая «Записка» 1831 г.[1].

Между прочим, к названным материалам Новицкого генерал Г. И. Филипсон относился весьма скептически, называя его поездку «бесполезным подвигом». Филипсон писал, что Новицкий в представленной Паскевичу толстой тетради «систематически, хотя не всегда верно», описал «Черкесский край и племена, обитающие не только по пути его проезда, но и по южной покатости хребта до самой Абхазии. Разумеется, сам Новицкий ничего этого не видел и не слышал, а все сведения сообщены ему были Таушем и Люлье – переводчиками, служившими прежде в компании де Скасси и жившими около 15 лет между горцами»[2].

В 1830 г. поручик Генерального штаба барон И. К. Аш в связи с Абхазской экспедицией был секретно командирован в Абхазию. Граф Паскевич в своем обширном предписании от 28 марта 1830 г. управляющему Имеретией К. Ф. Гессе отмечал, что разведчику было поручено предварительно осмотреть будущее место (Бамбора) расположения штаб-квартиры 44-го егерского полка. Далее говорилось: «Тотчас по прибытии в Соуксу (Лыхны. – Г. Д.) нужно начальнику отряда заняться собиранием подробнейших сведений о прямой береговой и других дорогах, ведущих оттуда к р. Анапа; также о племенах, населяющих пространство сие... Необходимо иметь также верные известия о дорогах, ведущих из Абхазии через горы Кавказские в земли черкесов и на Кубань... Для употребления по своей части и для съемки мест прикомандируется к отряду ген. штаба поруч. бар. Аш с одним топографом. На поруч. бар. Аша возлагается сверх того ведение подробного журнала о всех обстоятельствах и действиях отряда в продолжении сей экспедиции».

Для осмотра береговой дороги от Редут-Кале до Сухума барон Аш прибыл в Сухум 10 апреля 1830 г. В донесении, где сообщался ряд фактов о положении дел в Абхазии, барон подчеркивал, что абхазские князья «не отказались бы признать царскую власть», «если уверены будут, что они не лишатся своих прав, земель и прочей собственности».

В результате указанной поездки барон Аш в 1830 г. и составляет свою хорошо известную в специальной литературе рукопись

[1] См. М. О. Косвен, Материалы... [ч. I], – КЭС, I. – С. 300–301.

[2] Филипсон Г. И. Воспоминания. – С. 98.

«Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелией, крепостью Анапою, Черным морем и северо-западною частью Кавказского станового хребта» (другое название – «Описание Абхазии»). Ему же принадлежат «Описание Цебельды и дорог, ведущих из оной в Абхазию и закубанскую сторону к карачаевцам и чеченцам» (без даты) и «Сведения, составленные по расспросам о народах, населяющих пространство от развалин монастыря Гагры до р. Сочали и береговой дороги на сем расстоянии» (1831 г.)[1].

Другому военному специалисту Генерального штаба, штабс-капитану И. В. Шаховскому, было поручено составление общей карты Закавказья. В связи с этим особым заданием он в 1834 г. был командирован в Сванетию, откуда через Карачай поехал в Кабарду и для обозрения другого пути, идущего с Кавказской линии, через Сванетию возвратился обратно в Тифлис. Это путешествие князя Шаховского описано в его рапортах на имя Г. В. Розена от 24 ноября 1834 г. и от 24 января 1835 г.[2]. «Путешествие его, – пишет Торнау, – было весьма любопытно, сопряжено с большими трудностями среди дикой природы, но не представляло прямой опасности для жизни»[3].

«Желая получить важнейшие сведения о народах, обитающих на восточных берегах Черного моря между Абхазиею и крепостью Геленджиком и равно о стране вдоль всего сего пространства», барон Розен 7 июня 1834 г. предложил командующему русскими войсками в Абхазии, полковнику А. Г. Пацовскому отправить из Гагры вдоль морского берега в Геленджик унтер-офицеров Черноморского линейного 7-го батальона К. И. Заха и Ф. Я. Лисовского (из польских революционеров) с письмом на имя геленджикского коменданта, полковника Чайковского[4]. Однако в сентябре того же года Лисовскому и Заху была поручена рекогносцировка лишь Гагринского ущелья, в результате чего первый представил «Описание Гагринского ущелья», а впоследствии, в феврале 1839 г., завершил

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6234, лл. 59–70; д. 6239, лл. 9–10; д. 103212, лл. 1–28; 29–34; д. 146, лл. 1–3.

[2] АКАК, т. VIII, ч. I, стр. 380, 465–467; ч. II. – С. 635–637, 747.

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 14.

[4] Отдел письменных источников Государственного исторического музея СССР, ф. 6, т. 41, лл. 50–51.

составление довольно обширного «Замечания о местоположении гагринских окрестностей»[1].

Однако пребывание всех названных лиц у горцев было довольно кратковременным, а маршруты незначительными. Кроме того, материал, добытый таким образом, не всегда отличался должным качеством и имел практическое значение.

Имея в виду все это, Торнау писал, правда, не без умаления значения сведений своих непосредственных предшественников, что необходимые данные о дорогах внутри гор, о количестве народонаселения края, о его «средствах к жизни и к войне оставались совершенно недоступными для войск».

Стало ясно, что надо заменить «полезным образом» «мало обещавшие» рекогносцировки, т. е. поручить более «сведущему офицеру осмотреть тайным образом морской берег».

Таким человеком был признан Ф. Ф. Торнау. Поручение же было дано ему непосредственно начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса генералом В. Д. Вольховским. «Вольховский, – пишет Торнау, – встретил меня с предложением отказаться на долгое время от общества и от всех его удовольствий, преобразоваться с виду в черкеса, поселиться в горах и посвятить себя на сообщение сведений, добыть которые предполагалось было такою дорогою ценой; он не скрыл от меня опасностей, с которыми я должен был бороться, да и я сам понимал их очень хорошо»[2].

По поводу этого задания барон Г. В. Розен писал: «По совершенной неизвестности о крае, лежащем на север от Гагринского

[1] ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 3029, лл. 20–31 об.

Надо отметить, что предпринимаемые -правительством с 20-х годов систематические описания Кавказского края завершились в 1836 г. известным «Обозрением российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях» (ч. I–IV, СПб.). Кстати, в этих описаниях принимали участие и некоторые из лиц, близко стоявших к «Тифлисским ведомостям», где они помещали первоначальные наброски своих описательных работ. А издание этой газеты официальные лица рассматривали как первую попытку создать на месте разведывательный орган, обслуживающий интересы колониальной политики русского царизма та Кавказе. В «Тифлисских ведомостях», как уже отмечалось, помещался свежий и разнообразный материал, который нередко перепечатывался в столичных газетах (М. А. Полиевктов, Европейские путешественники по Кавказу..., – С. 49).

[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 13.

хребта... в 1835 году послан был мной... барон Торнау для скрытного обзора берегового пространства на север от Гагр, а в случае невозможности исполнения этого, то чтобы обозрел пути, идущие из Абхазии через Кавказский хребет на Кисловодскую линию»[1].

Но так как возложенное на Торнау дело выходило из круга обыкновенных поручений, то нельзя было требовать от него исполнения этого обычным служебным порядком, без «добровольного согласия» разведчика. Поэтому Розен и поручил генералу Вольховскому убедить Торнау ехать в горы, предоставив последнему возможность самому предложить условия, на которых он считал для себя выгодным оказать требуемую от него услугу. «Готовый жертвовать собой» для дела, но «отнюдь не располагая торговать своею жизнью и свободой», Торнау отверг условия, которые «могли касаться до его личных выгод», и настоял только на доставлении ему всех тех преимуществ, от которых зависела, по его убеждению, удача путешествия. Розен согласился предоставить Торнау право «располагать свободно собой и своим временем», вступать в сношения с «покорными» и «непокорными» горцами, «не стесняясь существующих правил», и в указанных ему границах обещать им награды или прощение за различные «преступления», если кто из них станет ему помогать в его делах. Получив, таким образом, гарантию о «невмешательстве в его дела местных кавказских властей», Торнау принялся «с охотою и с уверенностью в успехе» за выполнение поручения[2].

Как мы видим, рассказывая о переговорах с Розеном и Вольховским, Торнау пытается представить себя в выгодном свете, т. е. показать, что он был «идейным разведчиком», готовым «жертвовать собою для государственной пользы». Но, видимо, молодой офицер пошел на это весьма трудное дело еще и потому, что прекрасно знал о тех высоких наградах, которые ожидали его в случае успеха[3].

Тем не менее следует сказать и о немалых трудностях путешествия, которое предстояло Торнау совершить вдоль Черноморского побережья. Прежде всего надо было найти опытных и надежных проводников. Далее, разведчик должен был проникнуть в среду «самого густого» горского населения, «встревоженного и раздраженного» опасностью и угрозой появления царских войск с двух сторон – в Абхазии и за Кубанью. Ему предстояло осмотреть значительное пространство в горах, жить и путешествовать долгое время в чрезвычайно опасных условиях.

[1] АКАК, т. VIII, ч. I. – С.. 380–381.
[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 14.
[3] ЦГАА, ф. 833, д. 1, л. 9.

Цель военной разведки, порученной Торнау, достаточно четко определена в рапорте исполняющего должность квартирмейстера Отдельного Кавказского корпуса, полковника барона Х. Х. фон дер Ховена от 25 июля 1835 г., который сообщал Главному штабу, что «дабы в будущее время можно было продолжать таковое полезное предприятие (устройство военной дороги. – Г. Д.) от Гагры далее к Геленджику, то предварительно необходимо получить нам... топографические и статистические сведения о совершенно еще не известных нам сих странах, для приобретения каковых был избран известный уже своими способностями и предприимчивостью, оказанными во время экспедиции в 1832-м году против Кази-Муллы, Генерального штаба поручик барон Торнау»[1].

Правда, Торнау не знал тогда ни одного кавказского языка, но это нисколько не смущало его, так как здесь существовало «такое множество различных наречий», что ему «всегда было возможно выдавать себя за человека, принадлежащего к племени, языка которого не понимали жители того места», где он находился. И вообще, «чем более представлялось препятствий и затруднений, тем сильнее укоренялось» в нем «желание исполнить путешествие вопреки всем предсказаниям».

Для того чтобы скрыть настоящую цель поездки в Абхазию, откуда было признано удобным начать его путешествие, Торнау получил гласное назначение состоять при войсках «Абхазского действующего отряда».

Выехал он из Тифлиса в декабре 1834 г., хотя ненастное зимнее время обещало ему самую трудную и неприятную дорогу. И действительно, «плохие дороги, дурные ночлежки, холод, грязь и снег попеременно преследовали» его от начала до конца путешествия. До Сурамского перевала Торнау двигался на русских почтовых телегах, а «всем известно, как они „покойны"». Дальше приходилось ехать верхом на казачьих переменных лошадях. В Кутаисе Торнау остановился на несколько дней, чтобы явиться к управляющему

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 1 об.

Имеретией и начальнику Абхазского экспедиционного отряда, знавшего только о его назначении находиться при войсках в Абхазии: в Тифлисе было признано необходимым никому не поверять тайны его действительного поручения, чтобы предохранить разведчика «от последствий всякой даже неумышленной нескромности». От самого Кутаиса Торнау не пользовался иным помещением, кроме постовых плетеных хижин с земляным полом, где он ночевал, закутавшись в бурку.

Следующая остановка состоялась в Редут-Кале. Это было земляное укрепление, построенное еще в 1804 г. на берегу моря, около устья р. Хоби, посреди непроходимых болот – «забытый уголок, в котором прозябали изнуренные лихорадками» несколько солдат и офицеров, карантинных и таможенных чиновников. От Редут-Кале в Сухум Торнау ехал по дороге, проложенной русскими войсками в 1834 г. Вот как описывает ее Торнау: «...проходя на большом протяжении через вековой лес, без выбора местности, она извивалась лентою густой черной грязи, в которой лошади утопали выше колен, спотыкаясь на каждом шагу о пни и корни срубленных деревьев». Много времени отнимали у него также переправы через бесчисленные реки и речушки, вышедшие из своих берегов. Только на р. Ингури был паром, и лишь на двух других реках Торнау видел выдолбленные из дерева и связанные между собой лодки[1].

Приехав в Абхазию, Торнау немедленно взялся за дело. Он должен был, совершая беспрестанные поездки, знакомиться с краем и его людьми, от которых, как он полагал, можно было ожидать помощи для достижения цели. Прежде всего необходимо было завязать знакомства и установить связи с нужными лицами, а также найти благовидный предлог для своих будущих поездок, чтобы даже самые недоверчивые не смогли заподозрить истинных намерений разведчика. И Торнау решил начать «с умного и хитрого Гассанбея[2], тайного противника русских», имевшего «большой успех у тех людей», которые были недовольны «существовавшим порядком вещей»[3]. Для Торнау было очень важно приобрести расположение

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 14–18.

[2] Гасанбей (Хасанбей) Шервашидзе, третий сын владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе, считался «удельным» князем Гумской (Сухумской) Абхазии.

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 28.

этого в самом деле незаурядного человека, а тем более заслужить его доверие. Во всяком случае, Торнау считал, что Хасанбея лучше иметь «приятелем», чем врагом: вражда с ним была весьма опасна, если учесть широкие связи князя с горцами.

Хасанбей нужен был Торнау, в частности, для так называемого цебельдинского дела.

«Независимая» горная Цебельда, управление которой, по характеристике начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова, осуществлялось «по народным обычаям, в форме аристократической республики»[1], давно «служила неприятною помехой» и для абхазского владетеля, и для царского правительства. Она была «главным районом» высокогорной зоны края долго сохранявшим политическую и экономическую обособленность[2].

И вот в 1835 г. Торнау стремится собрать «при случае самые точные сведения» об этом районе[3]. Узнав, что сестра Хасанбея замужем за Хинкурасом Маршания, одним из влиятельнейших цебельдинских князей, Торнау решил предложить через Хасанбея «отдать самого себя амонатом», т. е. заложником, князьям Маршания «для того только, чтобы иметь случай видеть часть Цебельды». Однако такой шаг не был одобрен Розеном. Федору Торнау вообще запретили вмешиваться в «цебельдинское дело», которое «было признано решить другим путем». Сочли несвоевременным также его предложение о десанте на мыс Адлер[4]; было поставлено «ему на вид, чтобы он вообще обратил главное внимание во время пребывания своего в Абхазии на собирание сведений о стране сей»[5].

Однажды, переодевшись в черкеску, Торнау направился к Хасанбею, полагаясь на все «выгодные стороны кавказского гостеприимства». И действительно, хозяин встретил «путника», как по-

[1] См. «Вестник архивов Армении», Ереван, 1973, 1 (35) . – С. 85.

[2] «Цебельдинское дело» завершилось в 1835 г. тем, что князья Маршания дали обещание не вторгаться в пределы побережья Абхазии, а Михаил Шервашидзе, владетель Абхазии, обязался не нападать на них и не обижать тех из них, которые станут приходить в его владения «без дурных намерений». Торнау «не мешался в самый ход дела, а только следил за ним со стороны, изучая его» (Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 49, 51).

[3] Там же. – С. 26.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 23, л. 2.

[5] ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, л. 90.

лагается, если не считать, что в самом начале знакомства Хасанбей, вооруженный двумя длинными пистолетами, один из них держал наготове. Вскоре они сделались даже «совершенными друзьями». Хасанбей жил в сел. Келасури. Его рубленый деревянный дом, имевший вид широкой четырехугольной башни, стоял на высоких каменных столбах, возвышаясь на живописном Келасурском холме. Крытая галерея вокруг всего дома, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен палисадом с бойницами.

В общем Торнау пошел на сближение с Хасанбеем, а через него и с другими абхазскими феодалами – «врагами нового порядка» в Абхазии, между которыми, по мнению готового к риску разведчика, скорее всего можно было и «отыскать помощников для... предприятия, и узнать их мысли, нисколько не обнаруживая сокровенных желаний». Что касается самого владетеля Абхазии – Михаила Шервашидзе – и его сподвижников, то они уже давно стали прочной опорой царизма в деле присоединения края и сопредельных с ним районов.

Сухум произвел на Торнау «самое неблагоприятное впечатление». Крепость уже тогда имела вид развалин. «Внутри ее помещались две ветхие деревянные казармы, госпиталь, артиллерийский цейхгауз, провиантский магазин и дом коменданта. Сухумский гарнизон составляли две пехотные роты и команда крепостной артиллерии... Люди имели болезненный вид несчастных жертв, обреченных на вечную лихорадку, от которой половина их ежегодно умирала». Помимо гарнизона здесь не было и сотни жителей.

Тем не менее Торнау упоминает о сухумском обществе, но, к сожалению, ограничивается чисто внешним его описанием. Только об одном человеке – враче госпиталя, имя которого он скрыл под буквой «К», о человеке, который вызвал к себе его симпатии за благородные качества, Торнау сообщает некоторые сведения: «...хороший доктор и очень умный человек, пользовался уважением всего сухумского общества... был беден и своими трудами не мог ничего нажить...» Между тем здесь тоже «теплилась» тогда общественная жизнь. Именно к этому времени относится, в частности, пребывание в Абхазии декабристов А. А. Бестужева-Марлинского, С. И. Кривцова, А. А. Фока, В. С. Норова и др. Гораздо больше сообщает Торнау о северокавказских «гнездах вольнодумцев». Но об этом ниже.

Своим постоянным местопребыванием Торнау избрал местечко Бамбора (январь 1835 г.), расположенное близ Гудауты и в нескольких километрах от резиденции абхазского владетеля в Лыхнах. В то время Бамбора была центром русской военной администрации в Абхазии. Здесь находились начальник войск края и полевой штаб 44-го егерского полка, а также один из батальонов этой части. Полковник А. Г. Пацовский ознакомил Торнау с положением дел в крае.

Через некоторое время Торнау поехал представиться владетельному князю Михаилу Шервашидзе, имевшему в то время звание полковника лейб-гвардии Преображенского полка. Это был красивый молодой человек, примерно 24 лет, пользовавшийся «всеми качествами, имеющими высокую цену» у горцев, т. е. был «силен, стрелял отлично из ружья, ловко владел конем и не боялся опасности». Как правитель, он был, несмотря на свою молодость, «далеко не хуже, если не лучше других, много хваленных кавказских владельцев... Как настоящий горский князь, Михаил исполнял правила гостеприимства в самых широких размерах, никто не уезжал из его дома без угощения и без подарка».

Торнау с большим одобрением пишет о стремлении полковника А. Г. Пацовского сблизиться с местным населением. Уверившись в «прямом характере и здравом смысле» этого военачальника, Торнау вскоре открыл ему настоящую цель, которую он преследовал. Однако, по мнению полковника, не существовало никакой возможности проехать за Гагру, главным образом по причине удвоенной осторожности, с которой «неприятель караулил Гагринский проход со времени прибытия в Абхазию действующих войск». Но Торнау не скрыл от Пацовского своего намерения «стараться всеми силами опровергнуть фактом его убеждение»[1].

Командующий войсками, стремясь «облегчить» Торнау «отношения с абхазами», поручил прапорщику Черноморского линейного 5-го батальона Эмину (Николаю) Шакрылу постоянно находиться при бароне в качестве переводчика и проводника. Шакрыл, владея несколькими языками (абхазским, русским, черкесским, турецким), по словам самого Торнау, служил «как нельзя лучше»[2].

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 23–49.
[2] ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, л. 113.

В Бамборе Торнау не терял времени даром. Прежде всего он вместе с Пацовским направился в Пицунду с целью выявить место для укрепления, что должно было обеспечить сообщение Гагры с Бамборой. На берегу р. Бзыби, у поворота дороги через горы в Пицундинский монастырь, Торнау обозрел «многолюдное» сел. Аджапхуны, где жили князья Инал-ипа (Нарчоу и др.) и где был «лучший брод через реку».

После этого Торнау, «не давая себе отдыха», продолжал странствовать по горной Абхазии, осматривать дороги и знакомиться с людьми, от которых «надеялся узнать что-нибудь полезное» для «скрытого намерения». Побывал он уже в Сухуме и селениях Келасури, Дранде и Лыхнах.

Дороги были в то бремя весьма небезопасны. Между Бамборой и Сухумом нередко появлялись разбойники из Псху или из Ахчипсу – из этих двух абхазских «вольных обществ», занимавших высокие горы около истоков Бзыби и Мзымты. Между Сухумом и Драндой рыскали цебельдинские искатели приключений. Встречались и абреки, бежавшие от своих владельцев или от царских властей в неприступные горные места. Трудно было уберечься от них, поскольку «всё выгоды находились на их стороне». Скрытые в чаще, они настигали того, кого искали, на открытой дороге, пролегавшей между морем и густым лесом. А в то время «абхазские леса были непроходимы для того, кто не знал местности и всех проложенных по ним... тропинок. Дерево теснилось возле дерева; огромные пни и корни деревьев, опрокинутых бурею, загораживали дорогу со всех сторон; колючие кусты и тысячи нитей от вьющихся растений, снабженных острыми шипами и широкими листьями, пресекали путь и составляли непроницаемую сеть, через которую можно было прорываться только с помощью топора или кинжала»[1].

Фредерик Дюбуа де Монпере, сведения которого относятся к 1833 г., писал, что, например, окрестности Сухума «из-за коварства Гассан-бея были настолько ненадежны, что после захода солнца никто не осмеливался пройти с базара к карантину... Избегали проходить здесь в одиночку даже среди бела дня...»[2].

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 42, 43, 45.

[2] Фредерик Дюбуа де Монперэ, Путешествие вокруг Кавказа, т. I, Сухуми, 1937. – С. 136.

Кстати говоря, почти каждый участок береговой дороги имел своего «героя», «присвоившего себе право грабить путешественников преимущественно на его протяжении». Так, между Бамборой и Сухумом обыкновенно устраивал засады со своей шайкой псхувский беглец Софыдж Гублия, имя которого наводило страх на каждого, имевшего основания считать его своим недругом. За Сухумом и в районе Дранды чаще других грабил цебельдинский князь Багаркан-ипа Маршания.

Николай Шакрыл был неразлучным товарищем Торнау во всех его поездках. Люди, встречавшие Шакрыла и Торнау на дороге, одетых в горскую одежду, с винтовками за спиной, принимали их за своих. Это было первое условие их безопасности. Зная, что от случайной встречи с Софыджем, Багаркан-ипа или другим разбойником и от пули, направленной из леса, не существовало другой защиты, кроме везения или «счастья», они заботились только о том, чтобы уберечь себя от засады, приготовленной именно для них. С этой целью Торнау беспрестанно менял своих лошадей и цвет черкески; в дорогу он выезжал то с одним Н. Шакрылом, то с его братьями или с более многочисленным конвоем, который давали ему владетельный князь или Хасаибей. Никогда он не говорил заранее, куда и в какое время намерен ехать; никогда не возвращался по прежней дороге.

Николая Шакрыла в Абхазии знали многие. Часто встречая его с незнакомым человеком в горском одеянии кабардинского покроя и с бородой, любопытные стали интересоваться личностью Торнау. Находя ответы Шакрыла и Хасанбея на сей предмет неубедительными, они начали следить за ним, и он сделался, не зная того сам, предметом частых разговоров «абхазских политиков».

Одним из них был Кац Маргания (Маан) – первый сподвижник владетеля Абхазии, генерал царской армии. Внимательно следя за Торнау, этот «тонкого ума» человек догадывался о секретной миссии последнего. На отрицания же русского разведчика Кац отвечал: «Ты – молодая лисица, а я – старый волк, напрасно станем друг друга обманывать» и предупреждал: «Побереги свою голову, она нужна тебе для другого дела... Багаркан-ипа хвалился тебя поймать и привезти в Цебельду живого или мертвого, если ты не перестанешь ездить по Абхазии, и прибавил, что он позволит надеть себе через плечо прялку вместо ружья, если он не сдержит своего слова»[1]. Между

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 45–46, 48.

прочим, Торнау однажды в лесу столкнулся с отчаянным абреком, но разведчику удалось ловко уйти от него неузнанным.

После каждого возвращения из таких поездок Торнау садился «приводить в порядок» сведения, которые «успел собрать». Писал он систематически на имя полковника Х. Х. фон дер Ховена (по случаю отпуска генерала Вольховского он исполнял должность начальника штаба корпуса, а во время отлучек барона Розена управлял всей военной частью на Кавказе)[1].

В письме, например, от 6 февраля 1835 г. из Бамборы фон дер Ховену Торнау просил о присылке топографов и разных редких в Абхазии вещей (кинжалы, сукна, сафьян, нитки и пр.) для подарков. Как раз в этом письме он отмечал, что «карта наша Абхазии чрезвычайно неверна; случаев ее исправить иногда представляется довольно». И в другом месте: «Карта Новицкого неверна. По описанию его я бы никогда не отыскал ни одного из князей, живущих за Бзыбом. Имен, какие у него в описании, нет во всех горах». Торнау обещал до своего отъезда составить описание дорог и мест, которые он успеет увидеть в Абхазии, и «замечания на край вообще»[2]. Одним из важнейших материалов в этом отношении стало обширное письмо разведчика от 20 февраля 1835 г. на имя генерала В. Д. Вольховского.

Но самую большую роль с точки зрения изучения истории Абхазии того периода сыграла рукопись Торнау «Взгляд на настоящее положение Абхазии и русских войск, ее занимающих», состоящая из следующих частей: первая – под приведенным заглавием, вторая – «Обычаи абхазского народа и разделения его на состояния» и третья – «Краткая записка о сообщениях, существующих между укреплениями Дранда и Бамбора»[3]. Вторая часть[4], по характеристике большого знатока этнографии Кавказа М. О. Косвена, «представляет, собой весьма содержательную и отчетливую характеристику общественно-политического состояния абхазов, власти и прав князей и дворян, положения крестьян и рабов; содержит также краткие замечания о следах христианства у абхазов, об их семейных отношениях, обычном праве и судопроизводстве»[1]. Под заголовком документа имеется следующее примечание полковника фон дер Ховена, свидетельствующее о дате документа: «Составленный в 1835-м году, в первых месяцах, то есть до экспедиции». Рукопись была представлена тем же фон дер Ховеном обер-квартирмейстеру Главного штаба генерал-лейтенанту Шуберту с препровождением «копии с краткого описания Абхазии, составленного находящимся там Генерального штаба поручиком бароном Турнау»[2].

Однако главным в ту пору для Торнау было непосредственно самому увидеть морской берег за Гагринским укреплением, чтобы «разрешить различные спорные вопросы», и он «сгорал нетерпением» исполнить свое слово, данное по этому поводу в Тифлисе, не упуская никакого случая, «сколько бы он ни представлял опасностей»[3].

Для достижения этой цели Торнау завел знакомство с князьями Инал-ипа, имевшими родственные связи и сношения с соседними «сильнейшими» садзскими (джигетскими) фамилиями: Цанба (Цумбая) в сел. Цандрипш и Арыдба близ мыса Адлер (Лиашв, у Торнау – Лиешь). При содействии Инал-ипа и Николая Шакрыла Торнау надеялся вступить в сношения с упомянутыми «влиятельными» садзскими феодалами и с их помощью найти возможность проехать по берегу моря до Геленджика; на эту операцию была отпущена значительная сумма. Этим своим соображениям разведчик посвятил большую часть своего обширного рапорта от 6 мая 1835 г. на имя полковника фон дер Ховена.

Во всяком случае, Торнау удалось «установить от людей, бывших в тех краях», что береговое сообщение между Гагрой и Геленджиком действительно существует; прерывается оно только в од-

[1] Кстати, Х. Х. фон дер Ховен все рапорты и письма Торнау на его имя обобщил в одном рапорте от 25 июля 1835 г., адресованном и. д. генерал-квартирмейстера Главного штаба Ф. Ф. Шуберту (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, лл. 1–11). Заметим также, что сам фон дер Ховен собирал материал для подробной карты Кавказа, за что в 1836 г. его произвели в чин генерал-майора. Он сумел, добывая сведения от своих многочисленных «кунаков», составить детальную карту «непокоренных» частей Кавказа.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 23, лл. 7–8.

[3] ЦГВИА, ф. 548, оп. 3,д. 21, лл. 63–65, об., 80–80 об.; ф. 482, д. 57, лл. 1 об. –6 об., 7–11 об., 14 об.; ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 3029, лл. 1–19.

[4] Она затем вошла с небольшими изменениями – в книгу Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера» (ч. I. – С. 55–60).

[1] Косвен М. О. Материалы..., ч. II, – КЭС, II. – С. 150.

Тем не менее рассматриваемый документ, как увидим ниже, требует к себе критического отношения, поскольку он содержит ряд ошибочных и противоречивых положений и неточностей.

[2] ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21., л. 1а.

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 68.

ном месте, несколько выше Гагры, скалами, выступающими в море, но и там возможен объезд, по горе, проходимый даже для конного.

Тем не менее Торнау, несмотря на все свои старания, вынужден был отказаться от намерения проникнуть в загагринский район прямым путем. «Проехать по этой дороге, – писал он, – русскому офицеру, хотя бы он был переодет, весьма трудно по причине бдительности и недоверчивости живущих около нее горских племен, в особенности со стороны Абхазии, откуда они ныне ожидают вторжения русских войск». В другом рапорте (от 29 мая 1835 г.) Торнау отмечал, что ближайшие к Гагринскому укреплению племена находятся в раздоре между собою: одни желают изъявить «покорность» русскому правительству, другие противятся этому намерению. Убыхи же, западные соседи садзов, узнав о движении отряда к Бзыби, собрались за Гагринокой крепостью для защиты прохода и взяли с садзов заложников с целью «остановить» их намерения «в изъявлении покорности русским»[1].

Кроме того, в то время сведения о данном крае были для русских «еще очень новы» и никто не знал, где именно живут люди того или иного племени и на каком языке они говорят. «Абхазцы... не имели никакой связи с шапсугами; сношения их с приморскими джигетами были совершенно ничтожны; и так как неприятель караулил гагринскую дорогу день и ночь со времени прихода наших войск на устье Бзыба, то нечего было и думать проехать этим путем».

Таким образом, Торнау не мог найти удобного случая проникнуть в землю садзов-джигетов, убыхов и шапсугов – племен, по его утверждению, враждебно относившихся не только к царским деятелям, но и к правителям феодальной Абхазии. Ни один абхазский проводник не решался провести к ним русского офицера-разведчика.

К этой «борьбе с враждебными обстоятельствами» прибавилась для Торнау еще «новая напасть», угрожавшая разрушить все его планы. Начальник Абхазского отряда, не согласный с «взглядом на вещи» разведчика и недовольный тем, что последний имел сверх официального еще и другое назначение, освобождавшее его от непосредственного надзора, начал «вредить [Торнау] служебным путем»[2]. Речь идет об управляющем Имеретией, генерале Д. Д. Ахлестышеве, под командованием которого, как уже говорилось, в 1834–1835 гг. вдоль

[1] ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, лл. 4–5, 60, 103–105 об., 110 об.
[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 68, 69.

абхазского побережья прокладывалась военная дорога для соединения воздвигнутых на этой территории укреплений[1].

Торнау сталкивался с генералом Ахлестышевым «по практическим вопросам», связанным именно с данным строительством. Так, он считал, что дорогу в Гагру надо провести не через Пицунду, а через Аджапхуны, чтобы сократить ее на 16 верст. Однако генерал был упрям. «Меня, – жаловался Торнау, – он выгнал из отряда весьма учтивыми намеками и удалил меня от участия в делах». В другом письме он также писал: «Боюсь, чтобы генерал Ахлестышев своим незнанием обстоятельств края и упрямством не погубил дело». Но Торнау был принципиален: «Никогда я не соглашусь выставлять предметы таковыми, как их хотят иметь, говорить истину моя обязанность, и я всегда ее буду исполнять»[2]. В другом письме он заявлял еще более категорически: «Буду продолжать свои занятия как прямую обязанность офицера Генерального штаба, невзирая на делаемые мне личные неприятности, которые никогда меня ни в чем не остановят. Ошибочен мой взгляд на вещи, так я готов нести все обвинения и даже взыскания молча»[3].

Разведчик днем и ночью напряженно думал, пытаясь найти новые средства и пути для осуществления предприятия. Наконец он решил пробраться на желанный берег моря обходным путем, с западной стороны, преодолев грозный Кавказский снеговой хребет, как это предписывалось распоряжением барона Розена[4]. Этот план был основан на сведениях, тщательно собранных Федором Торнау в той же Абхазии.

Торнау установил, что с абазинским населением аулов Башилбай, Шегирей, Там и некоторых других аулов северного склона Кавказского хребта многие жители Абхазии поддерживают самые дружеские отношения[5]. Намерение разведчика заключалось в том, чтобы, пользуясь этим обстоятельством, перейти через горы с че-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 1; АКАК, т. VIII, ч. I. – С. 335.
[2] ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, л. 111, 111 об., 112, 114.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 32, л. 16 об.
[4] АКАК, т. VIII, ч. I. – С. 381.
[5] Профессор А. Н. Генко отмечал, что в дореволюционное время вообще «существовали целые группы абхазцев, систематически, из года в год, посещавших абазинские аулы, знакомившихся с их жизнью и бытом попутно, при совершении своих торговых операций по закупке скота и кубанского хлеба» (см. А. Н. Генко, Абазинский язык, М., 1955. – С. 9).

ловеком, имевшим друзей или родственников в одном из названных аулов, поселиться в нем и, выждав удобный случай, склонить «первого решительного удальца» провести его к морю.

Таким «удальцом» мог быть один из трех братьев абазинских князей Лоо[1], которые скрывались недалеко от Башилбая, а прежде жили в своем собственном ауле, лежавшем на берегу Кумы. Торнау узнал от абхазского дворянина Соломона Мканба (у Торнау – Микамбай), что «в припадке оскорбленной гордости» Лоо в 1831 г. убили пристава Ганартука, поставленного царской администрацией над их аулом. Лоо бежали в горы с довольно большой группой дворян и более четырех лет тревожили царские власти своими частыми и «весьма удачными набегами». Хотя они и получили «некоторую известность», но скучали по родным местам и думали, как бы снова помириться с русской администрацией.

Завязавшаяся по этому поводу официальная переписка закончилась одобрением предложения Торнау: было решено объявить князьям Лоо о том, что если они помогут разведчику пройти от Гагры к Геленджику, то проступок их будет прощен правительством[2].

Торнау послал Лоо письмо, составленное Николаем Шакрылом на турецком языке. Он предлагал князьям свое посредничество, если они действительно намерены «покориться». Охотник по имени Хатхуа, один из крестьян Мканба, доставил письмо в нужное место. Он же принес Торнау ответ, где его предложение принималось, но с оговоркой – разведчик сам должен приехать к ним для переговоров. В ответном письме князья обещали, пишет Торнау, «принять меня как неприкосновенного гостя, кто бы я ни был, так как в моем письме я объявил им, что назову себя только тогда, когда наше дело уладится и они удостоверятся в моем праве говорить именем русского правительства». Это приглашение вполне устраивало Торнау, так как оно давало ему «весьма благовидный предлог» для путешествия через горы. И он решил воспользоваться этим обстоятельством немедленно.

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 106.

Многочисленная и сильная фамилия Лоо относилась к одной из племенных абазинских групп – Таланта. К началу XIX в. эти абазины вместе со своими соплеменниками (тамовцы, бибердовцы и др.) занимали территорию по рекам Подкумка, Кума и Танлыку. Кроме того, две тысячи дворов Лоо в конце XVIII – начале XIX в. селились по рекам Большой и Малый Зеленчук, правобережью Кубани и ее левым притокам (Лавров Л. И. Абазины, – КЭС, I. – С. 23 и сл.; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Автореф. канд. дисс. М, 1973. – С. 11).

[2] ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, лл. 67–79.

Началась подготовка к экспедиции. После долгих отказов старик Мканба по просьбе самого владетеля согласился быть проводником. Он прекрасно знал дороги в горах и в молодости очень часто, а в преклонные годы лишь иногда «ходил за горы» красть лошадей и черкесских мальчиков. Эти «подвиги», кстати, доставили ему известность. Кроме того, у него там были родственники[1].

В эти весенние дни 1835 г. Ф. Ф. Торнау продолжал напряженно работать и над своим по его словам «кратким описанием Абхазии». В письме от 6 мая на имя полковника фон дер Ховена Торнау сообщал, что «полного статистического и топографического описания» Абхазии он еще не может представить, так как «прежние записки об Абхазии... служат примером, сколько для сего нужны сведения полные и проверенные по возможности», на что он «по разным обстоятельствам не имел способа»[2].

Надо сказать, что в сборе физико-географических, историко-этнографических, лингвистических, статистических и других сведений об Абхазии, а также в знакомстве с «языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью», барону Торнау большую помощь оказал Николай Шакрыл[3]. В этом деле, по-видимому, немалую роль сыграл и другой молодой абхазский офицер, друг Шакрыла – Соломон Званба (1809–1855), в будущем известный абхазский этнограф.

29 мая 1835 г. офицер Шакрыл утонул в р. Бзыби, разлившейся из-за сильного ливня. Это случилось во время переправы на пароме. В тот день на месте разлива (здесь стоял военный лагерь) погибли 19 человек, в том числе 13 солдат[4]. «Это известие меня чрезвычайно огорчило, – писал Торнау, – потому что я привык видеть в Шакрылове моего неразлучного товарища и любил его за добрый нрав и за качество ума...»[5]. И Торнау посчитал своим долгом похлопотать перед высшим кавказским начальством об оказании помощи семье покойного, оставившего троих малолетних сыновей и жену.

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 70, 74.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 23, л. 16 об.

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 40–41, 70, 71, 112 и др.

[4] ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, лл. 111 об., 112, 115.

[5] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 75.

К началу июня 1835 г. подготовка к экспедиции была закончена. В ее состав кроме Ф. Торнау и С. Мканба входили переводчик Муты Шакрыл (старший брат Николая), охотник Хатхуа, проводник Багры («настоящий горный волк» из Псху) и еще двое слуг Соломона Мканба. Путешественники собрались в доме последнего, где на «совете» каждый из них дал торжественную присягу «хранить все дело в совершенной тайне, не обманывать и не выдавать друг друга ни в коем случае, даже если это стоило бы жизни». Кроме того, Торнау, отправляясь в столь опасное путешествие, чтобы обезопасить себя, решил надежным образом связать себя с одним из проводников, а именно «породниться» с супругами Багры посредством обряда усыновления. Усыновляемый должен был при этом сделать подарки усыновителям. И вот несколько кусков холста, ножницы и иголки, считавшиеся в Псху «неоценимыми редкостями», да кинжал с золотой насечкой, подаренные Федором Торнау жене и мужу, окончательно закрепили их «союз». По окончании путешествия в случае добросовестного исполнения всеми участниками экспедиции своих обязанностей Торнау обязывался заплатить С. Мканба 30 руб., Хатхуа – 50 руб., двум крестьянам, принадлежавшим Мканба, – по 25 руб.; Багры выпросил оседланную лошадь и двух коров с телятами; М. Шакрыл желал офицерского чина. Владетель Абхазии, сделавший подарки Соломону Мканба, поручился за точное исполнение всех обещаний Торнау[1].

Местожительство Мканба (Акуача) было расположено в неприступной верхней части сел. Анухва, у самого входа в ущелье, по которому пролегали дороги в Псху, Ахчипсу, Цебельду и на Кавказскую линию[2].

[1] Там же. – С. 82, 83.

[2] Для того чтобы попасть на Северный Кавказ, в Абхазии с древнейших времен пользовались следующими маршрутами: Мзымта – Кбаада (Красная поляна) – верховья Большой Лабы; Бзыбь – Санчара – Большая Лаба; Бзыбь – Псху – Большой Зеленчук; Бзыбь – Псху – Санчарский перевал – верховья рек Уруп и Заадан; Гума – реки Гумиста и Келасури – горный перевал – верховья Большого и Малого Зеленчуков; Кодор – Лата – Клухор – р. Теберда; р. Сакен – р. Учкулан. По Кодорскому ущелью проходил главный маршрут. Очевидно, по этим маршрутам шло переселение абазин на Северный Кавказ. Так, через Санчарский перевал абазины могли проникнуть на р. Лабу, а оттуда – на Большой Зеленчук, в местность Аркыз («Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XVI, ч. 3, СПб., 1853. – С. 10–11; ч. 5, 1858. – С.. 274; Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов, Сухуми, 1962. – С. 32, карта; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, М., 1971. – С. 197).

Была выбрана дорога через Псху: здесь можно было выдавать Торнау за кабардинца.

Главным проводником стал Хатхуа. Это был старик 70 лет, из которых большую часть он провел не под кровлей, а в путешествиях и на охоте в горах. Высокий, худощавый, закаленный в трудах и опасностях, всегда рассудительный и хладнокровный, стрелок без промаха, этот «железный человек» не имел во всей Абхазии равного себе охотника, который бы так хорошо знал в горах все тропинки и скрытые места, представлявшие удобную защиту от врага и непогоды. Его опыт во всем, что касалось жизни в горах, отличное знание повадок животных, за которыми он привык охотиться с детства, были настолько известны, что никто не осмеливался вступать с ним в спор, и сам Мканба беспрекословно подчинялся его мнению.

Дорога была очень трудной[1]. Случалось, что лошади срывались с тропинки и катились в пропасть. Временами путешественников застигали страшные бури. Они были измучены трудными переходами и жаждой. На четвертый и пятый день они переходили по скалам из ущелья Гумисты к истокам Чхалты, впадающей в Кодор. Здесь Торнау собрал большое количество камней разных пород, кварцы со следами золотой руды. Круто повернув от Чхалты налево, к р. Бзыби, путешественники только на седьмой день подошли к главному перевалу, покрытому вечными снегами. Накануне они съели последний кусок баранины; в запасе оставалось лишь немного проса, которое Мканба берег на крайний случай и теперь скупой рукой каждый вечер выдавал не более одной горсти на человека.

Хатхуа и Багры уходили в сторону искать дичь, но как назло не находили ее. Туры то и дело показывались на скалах, и как будто

[1] Вот как описывает А. И. Лаврентьев эти места: «Все... дороги, почти без исключения, представляют тропинки, трудные даже для вьючного сообщения. В некоторых местах они лепятся по карнизам отвесных ущелий... над руслом реки, переходят через крутые и каменистые овраги и обрывистые ущелья; иногда путь совсем прекращается, упираясь на отвесную скалу... При всем этом нужно еще иметь в виду препятствия со стороны рек, отличающихся чрезвычайною стремительностью течения... В некоторых местах, на означенных путях, через реки устроены висячие мосты, замечательные смелостью постройки» (Лаврентьев А. И. Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства, – «Статистическое описание губерний и областей Российской империи...», т. XVI, ч. 5, СПб., 1858. – С. 274–275).

только для того, чтобы дразнить изголодавшихся путешественников. Они появлялись вдалеке, там, где пуля не могла настигнуть их, и исчезали с быстротой молнии.

Наконец голодные путешественники, опираясь на свои окованные железом длинные посохи (алабашьа), поднялись на седловину Главного Кавказского хребта, лежащую между истоками Бзыби, уходящей к Черному морю, и Большого Зеленчука, впадающего в Кубань. Затем они начали спускаться в ущелье Большого Зеленчука, где вскоре встретили стадо лохматых бурых зубров (адомбеи у Торнау; по-абхазски «адумпей»). Удалось подстрелить вожака – быка огромной величины, под шкурой которого все семеро путников находили укрытие во время своей стоянки здесь.

«Между русскими, – писал Торнау, – я был первый, имевший случай видеть кавказского зубра и за ним охотиться[1]. Его огромный рост, темно-коричневый цвет, чисто бычья голова, мохнатая, как и грудь, и

[1] О кавказском зубре, самом крупном копытном в этих местах, в мире стало известно лишь в XVII в. Петербургская Академия наук долгое время не верила в существование его на Кавказе. Во всяком случае, записка академика Г. М. Ловица от 1774 г., сообщавшая о наличии на Кавказе этого млекопитающего, была расценена как несерьезная. А группы ученых – участников экспедиции 1829–1830 гг. – на основании найденных ими нескольких черепов зубров сделали поспешный вывод об исчезновении этих животных 60–80 лет назад (А. Блех, Возвращение зубра, – «Неделя», 1870, № 52). Поэтому, очевидно, и писал П. Надеждин: «Но особенного внимания заслуживает открытие Торнау в лесистых горах Малой Абхазии зубра, животного, которого до сих пор находим только в одной Беловежской пуще, в Гродненской губернии» (Надеждин П. П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом, по рассказам путешественников, поэтическим произведениям А. Пушкина, Лермонтова, Я. Полонского и ученым исследованиям. Учебное пособие для учащихся, СПб., 1869. – С. 97). Однако и профессор А. Д. Нордман, совершивший одновременно с Торнау, т. е. весной 1835 г., путешествие по Западному Кавказу, в кратком отчете об этом путешествии отмечал: «В горах и лесах, между Абхазиею и Джигетскою областью, а именно в округе Заадан, живет зубр *Bos urus* L., по-абхазски а д о м п е» ([Нордман А. Д.]. Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю, – «Журнал Министерства народного просвещения», 1838, № 11. – С. 419). Удивительное совпадение. Зубра на Кавказе после Торнау видели и другие (см. «Известия Кавказского общества любителей естествознания и Альпийского клуба», Тифлис, 1879, кн. I. – С. 47–61; 1880, кн. II. – С. 6–8). А в 1883 г. известный кавказовед А. П. Берже писал: «В сосновых лесах, по верхнему Зеленчуку и другим притокам, попадается исчезнувший везде в Западной Европе зубр, который сохранился только на Кавказе и в Гродненской губ., в Беловежской пуще» (Берже Ад. Горные племена Кавказа, – «Живописная Россия», СПб., 1883, т. IX. – С. 144). См. также Н. Динник, Горы и ущелья Кубанской области, – ЗКОРГО, 1884, кн. XIII, вып. 1. – С. 359–361; Немирович-Данченко В. И. В гостях, СПб., 1880. – С. 85.

гладкая задняя часть не допускали никакого сомнения, что он одной породы с животным, сберегаемым в лесах Беловежской пущи»[1].

Зубры водились в ту пору на северном склоне Кавказа, в глубоких ущельях Кяфира, Урупа, Большого и Малого Зеленчуков, в сосновых лесах. Несколько раз во время путешествия Торнау показывали логовища этих животных и дорожки, которые зубры прокладывали по самым крутым горам и которые служили, как правило, на пользу человеку: они всегда вели в какое-нибудь ущелье или к ручью.

Торнау хотел взять с собой шкуру убитого зубра, его голову и копыта и привезти их на Кавказскую линию в доказательство того, что зубры водятся на Кавказе, «чему не хотели верить, слыша об этом от горцев»[2]. Однако спутники Торнау запротестовали, убеждая его в том, что ни одна из лошадей не в состоянии тащить такую ношу даже один день. Пришлось подчиниться такому «весьма практическому заключению».

На протяжении всего пути Торнау вел записи, однако весьма скрытно от своих новых товарищей, которые в случае какого-нибудь несчастья могли увидеть причину его в этом «дьявольском искусстве».

От Зеленчуков путешественники перешли на Кяфир через высокий скалистый гребень, где стояли развалины древней церкви. Отсюда надо было повернуть на запад, обогнуть самые крутые склоны Главного хребта, а затем подняться наверх по Урупу, где жили в то время башилбаевцы (абазины). Приходилось соблюдать большую осторожность – не разводить огня, идти только ночью и дневать в глубоких балках, не расседлывая лошадей и не выпуская из рук оружия. Наконец они близко подошли к месту жительства Мамат-Кирея Сид-ипа (у Торнау – Сидов) из рода Маршания – приятеля Соломона Мканба. Последний в ту же ночь послал Хатхуа уведомить Мамат-Кирея о своем прибытии. Хатхуа вернулся перед рассветом вместе с доверенным слугой Мамат-Кирея, который доставил путникам продовольствие. Выяснилось, что несколько дней назад абазинские и ка-бардинские «старшины», в том числе Мамат-Кирей Сид- ипа и братья Лоо, уехали в Железноводск, к командующему Кубанским кордоном генералу Г. Х. Зассу. Стало также известно, что башилбаевцы уже полгода как «покорились» царскому

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 99.
[2] Там же.

правительству, а Лоо – совсем недавно, вследствие чего те и другие «не могли более... быть полезными» для путешествия Торнау к морскому берегу.

Пришлось организовать стоянку на длительное время. Устроившись «в пещере совершенно по-домашнему», путешественники стали терпеливо ждать. Так они прожили восемь дней. На девятый день башилбаевец, доставлявший им пищу, принес известие о возвращении Мамат-Кирея, с которым приехали князья братья Лоо. По приказанию Засса, неожиданно узнавшего о появлении Торнау на Урупе, Мамат-Кирей и братья Лоо должны были обеспечить проезд Торнау с Урупа на Кубань. Наконец Торнау гласно был принят Мамат-Киреем, разумеется готовым защитить своего гостя ценой собственной жизни. А принять такого посланца достойным образом он вполне мог, «властвуя над башилбаевским обществом в две тысячи душ мужского пола». Хозяин дома представил Торнау своих гостей – трех братьев Лоо. Здесь Торнау воспользовался горским обычаем – обмениваться подарками с новым знакомым. Это было весьма кстати для него, так как черкеска его была в лохмотьях, а обувь едва держалась на ногах.

Погостив у Мамат-Кирея три дня, Торнау отправился на Кубань в сопровождении большой свиты абазинских узденей. Переправившись через Кубань в районе Баталпашинской станицы, он прибыл в Минеральные Воды. 1-е июля Торнау провел в Железноводске. На Куме он гостил у Лоо. Этим и закончилось первое путешествие Ф. Ф. Торнау[1].

Однако, «имея в голове одну мысль и в сердце одно желание» исполнить то, что обещал насчет осмотра морского берега, Торнау не терял надежды сдержать свое слово. Но вскоре он получил травму, упав с лошади, и ему пришлось лечиться в Пятигорске. «Ноги мои в ужасном положении, – писал Торнау 6 июля 1835 г. полковнику фон дер Ховену, – теперь отказываются мне служить, но я спешу их излечением, дабы быть в состоянии через самое короткое время продолжить начатое; я и теперь не отказываюсь от проезда по берегу моря, когда бы нашелся хоть один человек для провода меня. Хотя и вижу ясно, что подвергаюсь неминуемой опасности... Испытал я все, что мог испытать и перенести...» [2].

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 106, 106, 110.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп., 2, д. 23, л. 22.

Здесь Торнау приводит в порядок свои путевые записи. О своей первой экспедиции он сообщает в «Подробном описании проезда через снеговой хребет из Абхазии на р. Кубань в июне 1835 года», а в другой записке он дает «Описание дороги от с. Акуача в Абхазии через снеговой хребет Кавказских гор до станицы Баталпашинской на р. Кубани». Оба эти «Описания» были составлены в Прочном Окопе – крепости (основана в 1794 г.) – 8 августа 1835 г. (впоследствии они вошли в сочинение Торнау «Воспоминания кавказского офицера») и представлены Розену и Вольховскому, которые в то время прибыли в Минеральные Воды. В одной из этих работ Торнау писал: «Дорога, по которой я перешел через снеговой хребет из Абхазии на линию, не представляет никакой возможности к разработке. В настоящем ее состоянии она не может служить сообщением, хотя и считается таковым у абхазов, которые проводят по ней и лошадей. Проходима она только для горцев, для войск же нет...»[1].

В это время Торнау продолжил начатое еще в Абхазии с помощью Н. Шакрыла изучение «языков и наречий, находившихся в употреблении за Кубанью». Его «учителем» на этот раз был один из братьев Лоо – Мамат-Кирей. Торнау получил «этим способом возможность положить первое основание правильному систематическому разделению на племена горцев, живущих против правого фланга Кавказской линии». «Прежде, – пишет Торнау, – у нас считалось за Кубанью столько же различных народов, сколько там существовало названий обществ или отдельных аулов. Древние греческие, византийские, арабские и генуэзские историки также мешали племена и народы... Я же нашел на берегу Черного моря и за Кубанью только три различных народа: абазин, черкесов и татар... Не знаю, позволено ли считать убыхов, имеющих свой собственный язык, четвертым племенем...»[2].

Вообще же Торнау был вполне осведомлен о чрезвычайно пестром в этническом отношении составе Кавказского края. Он хорошо сознавал и то, что этот вопрос, особенно в отношении Западного Кавказа, еще совершенно не изучен. И даже значительно позднее, в 1857 г., А. П. Берже писал: «Но еще и по сие время Главный Кавказский хребет, эта исполинская, недоступная твердыня на рубеже Европы и Азии, вмещает в себе самые разнородные племена и обще-

[1] Там же, оп. 3, д. 23; лл. 24–32 об., 33–34.
[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 112.

ства, о которых мы имеем очень поверхностные и нередко весьма сбивчивые понятия... Если Кавказ представляется для нас еще землею неведомою (terra incognita) –эпитет давно уже избитый, но пока еще оправдываемый в применении к нашему краю, то это именно в отношении изучения населяющих его народностей»[1]. Более того, академик Н. Я. Марр считал, что даже в 1922 г. «сетования Берже... можно бы... повторить без особой надежды на лучшее»[2].

И если в исследовании Берже все-таки виден какой-то сдвиг в изучении затронутой проблемы, то в этом несомненно есть и некоторая заслуга Ф. Ф. Торнау.

Торнау за время своих путешествий, включая и пребывание в Абхазии, отправил в штаб Отдельного Кавказского корпуса большое количество рапортов, писем и записок, содержавших разнообразные сведения, касавшиеся топографии, экономической географии, военной и политической ситуации в районах Западного Кавказа, еще не присоединенных к России.

В рапорте фон дер Ховена от 25 июля 1835 г., посланном в Главный штаб, подводятся итоги деятельности Торнау как разведчика. Он характеризуется «как полезный офицер», а его «работы» как «похвальные трудные занятия... соединенные с беспрерывным преодолением значительных препятствий»[3]. И действительно, сведения о крае, добытые Торнау, были настолько ценны для царского командования, что после первой его разведки он был произведен в следующий чин – штабс-капитана.

Следует отметить, что в материалах Торнау содержатся весьма важные данные и для науки. Показательно, что и сам автор значение своего путешествия оценивал прежде всего именно с этой точки зрения. «Если, – писал он, – пройденная мною дорога не представляла особенного интереса, зато собранные мною этнографические сведения были новы и весьма положительны. Из Абхазии до верховья Урупа я шел по местам, совершенно незаселенным, наполненным на нашей карте множеством несуществующих народов,

[1] Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе, – «Кавказский календарь на 1857 год», Тифлис, 1858. – С. 267, 271.

[2] Марр Н. Батум, Ардаган, Карс. Исторический узел межнациональных отношений Кавказа, Пг., 1922. – С. 5.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 11.

которые мне пришлось стереть. Ошибки происходили оттого, что карты местностей, куда не проникали еще ни путешественники, ни войска, пополнялись через расспросы людей, дурно говоривших по-русски и которых язык мы совершенно не знали».

О своей жизни в Пятигорске летом 1835 г. Торнау пишет вскользь, но многозначительно: «Время летело для меня на Минеральных Водах, наполненных посетителями со всех концов России». Торнау отмечает также свое «знакомство» и «дружбу» с «знаменитым по своему уму доктором Мейером (Майером. – Г. Д.), выведенным Лермонтовым в его «Герое нашего времени» (Вернер)»[1].

Николай Васильевич Майер действительно был замечательный человек – высокообразованный, оригинального ума и вольнодумец[2]. Г. И. Филипсон, который в 1835 г. появляется на Северном Кавказе и был «дружбе его (Майера. – Г. Д.)... многим обязан», характеризовал доктора как личность, «далеко выступавшую из толпы»; «во всяком обществе его нельзя было не заметить»[3]. Он всю свою жизнь вращался в среде ссыльных и находился в дружеском общении с А. Бестужевым, Одоевским, Лермонтовым, Огаревым и другими выдающимися людьми эпохи [4]. Г. И. Филипсон подчеркивал, что именно через Майера он познакомился со многими декабристами, разбросанными по войскам Отдельного Кавказского корпуса[5]. А один из них, Н. И. Лорер, отмечал, что «в полном смысле слова умнейший и начитанный» Майер «знал многих из нашего кружка и помогал некоторым и деньгами, и полезными сове-

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 111–112, 116.

[2] Н. В. Майер получил «очень хорошее домашнее воспитание», а затем окончил Медико-хирургическую академию. Его отец был «уважаемый ученый секретарь одной Академии». На формирование умонастроения Н. В. Майера большое влияние оказали особые условия его воспитания, окружение. С детства он получил возможность пользоваться книгами и журналами, которые его отец, как ученый секретарь Академии, получал непосредственно из-за границы. Это давало возможность Майерам следить за политическими событиями и движением умов в Западной Европе. Майер-отец имел друзей даже среди итальянских карбонариев (Филипсон Г. И. Воспоминания. – С. 106).

[3] Там же. – С. 106, 107.

[4] Бронштейн Н. Доктор Майер, – в кн.: «Литературное наследство», М., 1948, №№ 45–46. – С. 473.

[5] Филипсон Г. И. Воспоминания. – С. 108.

тами. Он был друг декабристам»[1]. Вообще Майер, по словам Торнау, был «другом всех кавказских страдальцев»[2]. Примечательно, что не только по мнению Торнау, но и по свидетельству А. М. Миклашевского, А. Н. Розена и других декабристов, Николай Васильевич Майер послужил М. Ю. Лермонтову прототипом доктора Вернера.

В Минеральных Водах в то время побывали и другие замечательные русские люди. Места эти были поистине оживленными «гнездами вольнодумцев». Сюда, особенно летом, устремлялись раненые и больные декабристы. На северокавказские курорты их влекла также возможность свободного общения друг с другом и с «водяным обществом»[3].

Незадолго до прибытия Торнау в Пятигорск был закончен политический процесс над декабристом С. М. Палицыным, пятигорским окружным врачом Н. В. Майером и местным городничим Ваневым. Им приписывались многие политические «грехи», в частности Палицын обвинялся в обширной тайной переписке с декабристами З. Г. Чернышевым, М. П. Малютиным (племянник К. Ф. Рылеева) и И. П. Жуковым. Однако процесс провалился. Далеко не последнюю роль в исходе дела сыграло благожелательное отношение к арестованным Г. В. Розена и А. А. Вельяминова.

И уже совсем к моменту появления Торнау в Пятигорске здесь возникло новое «дело», связанное с именем А. А. Бестужева-Марлинского и того же Н. В. Майера. В этом «деле» также упоминаются, по разным обстоятельствам, декабристы В. М. Голицын, З. Г. Чернышев, С. М. Палицын, М. П. Малютин, В. С. Толстой и С. И. Кривцов[4]. Предыстория этого «дела» такова.

В мае 1835 г. Бестужев из Екатеринодара обратился к генералу Вельяминову, которого сам он характеризовал как «отличного генерала и отличного человека», с просьбой о помощи. По получении «отчаянного письма» серьезно больного декабриста генерал, ничего не сообщив даже командующему Отдельным Кавказским корпусом, тотчас дал ему разрешение отправиться в Минеральные Воды. В Пятигорске Бестужев встретился с В. Голицыным и ставро-

[1] Лорер Н. И. Записки декабриста. – С. 189.
[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 171.
[3] Шадури В. Декабристская литература..., – С. 226–227.
[4] Там же. – С. 226–232; Бронштейн Н. Доктор Майер. – С. 476, 490.

польским своим приятелем доктором Н. Майером. Вместе с последним он поселился в одной квартире. Доктор взял на себя лечение Бестужева[1]. И... возникло новое «дело».

Однако обо всем этом Торнау ничего не пишет. И это очень жаль. А знал он, надо полагать, немало.

Весьма возможно, что Торнау был слишком отвлечен планом своего предприятия, от исхода которого зависела его дальнейшая карьера. Во всяком случае, в рассматриваемое время он был занят «бумажной войной» против тех, которые «лишают средств» его, в то время как князю Шаховскому они были даны «с излишком», а между тем возложенное на Торнау поручение «во сто крат труднее, опаснее и более требует издержек»[2].

Не задерживаясь долго в Пятигорске, где он «привел в порядок... путевые записки»[3], Торнау едет в Прочный Окоп – резиденцию командующего правым флангом Кавказской линии. Эта крепость стояла на самом высоком месте правого берега Кубани, и через нее шел путь из Ставрополя на Лабинскую линию. Недалеко от крепости, между реками Уруп и Сагуаш (Белая), были расположены полукругом абазинские аулы Башилбай, Там, Кизилбек, Шегирей, Баг и Бракий (Баракай). За р. Сагуаш начиналась земля абадзехов, далее жили шапсуги и натухайцы. Эти адыгейские (черкесские) племена в то время не желали присоединения к России.

У абадзехов скрывалось много выходцев из Кабарды, Кубани и других «покоренных» мест[4]. Эти лица, известные под названием

[1] Попов А. В. Декабрист А. А. Бестужев в Ставрополе, – в сб. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. I, Ставрополь, 1949. – С. 120–121.
[2] ЦГВИА, ф., 548, от. 3, д. 21, л. 29.
[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 111.
[4] Известно, что против царского правительства выступали и отдельные группы горских феодалов. Они старались вовлечь в борьбу широкие массы своих соплеменников, недовольных колониальным режимом царизма. Но, потерпев неудачу в этих восстаниях, некоторые из них с подвластными крестьянами уходили за Кубань, которая до Адрианопольского мира была границей русских владений на Северном Кавказе. Анапский же паша с «радушием и даже почетом» принимал таких беглецов и селил их на Урупе, в ближайшем соседстве от границ русских владений. А эти «оскорбленные в своем достоинстве» князья «пылали мщения... и охотно становились во главе всякого военного предприятия, принимая на себя предводительство партиями» («Утверждение русского владычества на Кавказе», под ред. г.-м. Потто, т. III, ч. 2, Тифлис, 1904. – С. 101). После Адри-

абреков, «посвятили себя на постоянную, беспощадную войну» с царским правительством, действовали отчаянно и весьма умело. Среди них были и братья Карамурзины, «принадлежавшие к числу самых богатых и знатных ногайских князей»[1]. Они бежали в горы, «можно сказать, поневоле, побуждаемые к тому постигшею их тяжкою несправедливостью». «Их история... – пишет далее Торнау, – любопытна и являет... разительный пример пристрастного суда, которым позволяли себе иногда расправляться в былое время...» Словом, случилось так, что ногайские князья Карамурзины, которые прежде «честно и откровенно служили» царским властям, «так же горячо предались жизни абреков». Но Карамурзины любой ценой готовы были вернуться к прежнему положению; однако этому мешало «общее правило», запрещавшее возвращение абреков в родные места.

Итак, положение ногайских князей Карамурзиных было совершенно аналогично положению абазинских князей Лоо. Поэтому Торнау решил на этот раз обратиться именно к первым. Он был убежден, что никто лучше их не может посодействовать ему «в открытии способа» пробиться к морскому берегу.

Карамурзины, встретившись с Торнау в Прочном Окопе, после «длительного томительного молчания» дали клятвенное согласие. В ответ Торнау заявил: «Я еду с вами, куда вы меня поведете, и в свою очередь клянусь как христианин и даю слово как русский офицер, что обещания, которые я вам делаю теперь или стану делать позже, будут свято исполнены русскими властями, от которых я получил назначение ехать в горы»[2].

После этого все вместе принялись составлять план своего путешествия. Тембулат, старший из Карамурзиных, рассчитывал провести Торнау по горам в числе своих товарищей, не опасаясь возбудить подозрение черкесов, знавших его как неукротимого врага русских властей. Путешественники наметили свой маршрут – следовало пройти через Ахчипсу к р. Сочи (Саше), или вниз по р. Мзымте на мыс Адлер. Это был весьма трудный и рискованный путь.

анопольского договора, когда Закубанье вошло в состав России, аулы «беглых» горцев были вместе с другими аулами переселены из бассейна Урупа на берега Малого и Большого Зеленчуков и на правый берег Кубани («Народы Кавказа», т. I, М, 1960. – С. 97).

[1] «Утверждение русского владычества на Кавказе». – С. 87.

[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 9–11, 17.

Карамурзин не мог выйти на побережье без «благовидного предлога» и без проводников. Таким предлогом могло служить, например, гласное намерение Тембулата «переселиться» в Турцию, а для этой цели необходимо было нанять судно, которое в следующем году перевезло бы его семейство в Константинополь. Для вящей убедительности он хотел повести с собой пленную абазинку для продажи туркам. Прибрежных жителей он собирался уверить в том, что до переселения ему необходимо повидаться с абхазским князем Хасанбеем Шервашидзе, для чего он и едет в Абхазию.

Было решено изменить внешность Торнау, чтобы «замаскировать все признаки», по которым барона могли бы узнать горцы, когда-либо встречавшие его. Торнау переменили лошадь, черкеску и оружие, а шапку его украсили чалмой.

Карамурзины уехали из крепости, где провели одну ночь. Торнау тоже покинул Прочный Окоп, чтобы «углубиться в горы незаметным образом». Через некоторое время он должен был встретиться с Тембулатом в ауле Шегирей. В день выезда из аула (Торнау пробыл здесь четыре дня) к Т. Карамурзину прибыл его аталык (воспитатель) садзский князь Мафадук Маршания со своим сыном Сефербеем. Они были приглашены Тембулатом «для совещания касательно» путешествия Торнау, «на успех которого нельзя было рассчитывать без их согласия». Мафадуку было под 90 лет, а его сыну – около 70, но оба они «сидели еще твердо на лошадях и не плошали в драке». В «партию» были включены еще несколько «доверенных лиц». Был пущен слух, что все приготовления делаются для нападения на русские укрепления.

Но в это время в этих местах оказался известный убыхский предводитель Хаджи-Берзек-Дагомуко (Адагуа-ипа), перешедший с группой в несколько сот человек на северную сторону Главного хребта с целью напасть на башилбаевцев и, если представится случай, на русские укрепления. Т. Карамурзин отказался от его предложения принять участие в этих операциях, чем и лишил себя возможности появиться в Убыхии. Стало также известно об отражении нападения убыхов и приморских садзов на Гагринское укрепление[1]. Между тем Торнау намеревался проехать именно к устью р. Джубга или р. Шахе и, таким образом, осмотреть довольно значительное пространство морского побережья. Теперь же им предсто-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, лл. 74–76.

яло пройти через Ахчипсу, где было несколько удобных перевалов через Главный хребет.

Наконец 18 сентября 1835 г. путешественники тронулись в путь. Поднявшись после «неимоверных усилий» вверх по ущелью Малой Лабы, они перешли через хребет и достигли лесистого гребня, откуда им следовало спуститься в селение абхазского племени Ахчипсу, лежавшее в ущельях Мзымты. Эта тесная и опасная дорога служила для местного населения лучшей защитой с северной стороны. В местах, удобных для засады, Сефербей Маршания, чтобы избавить путешественников от неожиданных встреч с пулями, выезжал вперед и громко извещал о том, что едет Тембулат Карамурзин, а он, Сефербей, его сопровождает.

Приезд Карамурзина в Ахчипсу, где он провел свое детство, было «довольно редким происшествием». Жители селения провожали Тембулата толпой. Все они считали себя «аталыками воспитывавшегося между ними ребенка знатной фамилии». В этом укромном уголке гор еще господствовали патриархальные обычаи.

В «походном обществе» Торнау именовался Гассаном. Его выдавали за чеченского абрека, так как от самой Кубани до Черного моря можно было не опасаться встретить человека, говорящего по-чеченски.

Пробыв несколько дней в Ахчипсу, путешественники отправились в сел. Чужгуча. Они переехали через р. Мзымту по висячему мосту, с большим искусством сделанному из жердей, досок и виноградных лоз, связанных веревками (кстати, подобных мостов Торнау насчитал через эту реку пять для пешеходов и два для лошадей). Из Чужгучи они направились в сел. Чужи, лежавшее на р. Худапсы (Кудепста), а оттуда – в сел. Чуа, расположенное на р. Мце (Мацеста). Из Чуа Торнау и его спутники спустились к морскому берегу по широкому ущелью, покрытому густым лесом, и вскоре прибыли в Сочи. Здесь они остановились в доме Али Ахмета Облагу. Это был самый значительный владелец от Бзыби до Шахе, ревностный мусульманин и покровитель турок, имевших здесь постоянный склад товаров. Его дом, окруженный частоколом, стоял на краю селения, расположенного вдоль р. Сочи и закрытого со стороны моря непроходимым лесом[1].

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 37–39.

Отсюда путешественники пошли на юг, к границам Абхазского княжества. Двигаться же к Геленджику оказалось невозможным ввиду возобновившейся в это время вражды между приморскими шапсугами и их соседями. В такой обстановке никто не соглашался быть проводником. Кроме того, для предполагаемого проезда нельзя было и «предлога найти»[1]. Переночевав в Арткуадже, где жили садзские дворяне Артба (Арт), путники поехали на мыс Адлер, к местному владельцу Арыдба.

Пользуясь тем, что все внимание жителей было обращено на Карамурзина, имя которого было хорошо известно и на побережье, Торнау тщательно осмотрел долину Лиашв, открытую и плодородную, отлого спускающуюся к морю и известную еще под названием мыс Адлер (от искаженного Арыд, Арыдба). Это было очень важно для разведчика, так как «Адлерский мыс принадлежал к числу тех пунктов, которые предположено было занять непременно»[2].

От Адлера Торнау и его спутникам оставалось сделать последний переезд. Этот долгий трудный и во всех отношениях опасный переезд изобиловал памятными для разведчика похождениями. Наконец они вышли к Гагринскому укреплению. Это произошло после шести с половиной недель, проведенных в горах. Разведчик предъявил коменданту укрепления, командиру Черноморского линейного 5-го батальона, подполковнику Малинскому[3] предписание главнокомандующего на Кавказе.

Участь гагринского гарнизона (около 220 человек) в то время была «очень незавидна». Горы «командовали» укреплением с трех сторон, с четвертой стороны оно примыкало к морю. Горцы «били солдат из ружей внутри Гагр, дрова и фураж доставались гарнизону не иначе как с бою». По целым месяцам солдаты питались одной солониной и хлебом, крупой и картофелем. Овощи, свежее мясо и живность считались величайшей редкостью. Здесь «женщин не су-

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 23, лл. 5–5 об.

[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 53.

Командир Отдельного Кавказского корпуса в июле 1836 г. писал: «Пункт сей должен служить опорою будущих наших действий и как первое укрепление, занятое нами с сей стороны, среди многолюдного населения» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6311, л. 11). Причем количество этого населения (джигетского) он определял в 5 тыс. дворов (там же, л. 4).

[3] Торнау ошибочно называет его Малашевским.

ществовало... о них знали только по преданию». Гагринское укрепление не имело сухопутного сообщения с другими пунктами Абхазии и получало провиант по морю лишь в определенные сроки. Положение солдат было бы еще тягостнее, если бы не огромные собаки, караулившие укрепление по ночам[1].

Пробыв один день в Гагринском укреплении, Торнау и его спутники направились к другому укреплению – Бамбора – 8 октября. Здесь их встретили князь Михаил Шервашидзе и генерал Пацовский, которым разведчик поведал, где он был и что делал в течение своей четырехмесячной отлучки. Свыше двух недель Торнау прожил в Бамборе. Здесь он занялся составлением своих путевых заметок. «Проехал я по берегу моря, – писал Торнау полковнику фон дер Ховену из Бамборы 8 октября 1835 г., – небольшое расстояние... по крайней мере я успел обозреть нужнейшие места для военных действий будущего года, и что видел, так видел хорошо, теперь занимаюсь составлением описания и маршрута»[2].

20 октября 1835 г. Торнау наконец получил разрешение прибыть в Тифлис, и он немедленно отправился туда, находясь в пути 14 дней под проливным дождем.

Вторая разведка Торнау дала царскому командованию ценные сведения о новом районе – участке побережья от Гагры до р. Сочи. Они были изложены в его рукописи, состоящей из трех частей: «Описание части восточного берега Черного моря от реки Бзыба до реки Саше» (25 ноября 1835 г.), «Описание дороги по берегу Черного моря от укр. Гагры до устья реки Саше» и «Подробное описание поездки с линии через хребет Кавказских гор и по берегу Черного моря от Сочи до р. Бзыба, в сентябре месяце 1835-го года» (26 ноября 1835 г.). Эти записи Торнау в основном содержат сведения военно-топографического характера. Но, несомненно, важное научное значение (топонимика и пр.) имеет его «Карта части восточного берега Черного моря», охватывающая главным образом район путешествия Торнау в 1835 г. (чертеж топографа Алексеева)[3].

В Тифлисе Торнау был принят с почестями. Были «ласково» встречены и проводники разведчика, которым барон Розен объявил «полное прощение» и «осыпал» их подарками. Однако, когда речь зашла о возвращении аула Карамурзина, переселенного с Кубани в Саратовскую губернию, главнокомандующий стал колебаться: подобного примера не было еще на Кавказе. Разумеется, Карамурзин отважился провести Торнау с условием, что все прошлое будет забыто и ему возвратят родовой аул. Торнау же, основываясь на данном ему праве, согласился с этим условием и поручился за точное его исполнение «именем правительства и собственной честью».

Между тем гражданская канцелярия, куда дело поступило на рассмотрение, в своем «бюрократическом воззрении» нашла непреодолимые препятствия к исполнению указанного обещания. Карамурзину стали предлагать другие награды. Но он отказался от всего, заявив, что взялся за дело барона Торнау только для того, чтобы своим детям возвратить «потерянное им через бегство родовое достояние».

В свою очередь, Торнау требовал от кавказского командования буквального исполнения всего обещанного им Карамурзину. Он просил суд взыскать с него, если он превысил данное ему право, а также хлопотал о позволении ехать в Петербург и «повергнуть все на личный суд» Николая I. Но «доброжелательный и в высшей степени рассудительный» Розен наконец должным образом оценил причины, побуждавшие молодого офицера к такой настойчивости, и выпросил у императора разрешение возвратить Карамурзину его аул. Тембулат дал слово никогда не забывать того, что сделал для него Торнау. И действительно, как увидим ниже, через два года после описываемых событий гордый горец доказал, что умеет помнить добро и быть благодарным[1].

В Тифлисе Торнау встретил еще одно препятствие, преодолеть которое оказалось невозможным. Он тщетно доказывал ненужность учреждения на кавказском побережье Черноморья линий небольших укреплений, считая, что они не только не способны блокировать берег, но, напротив, сами находятся в постоянной блокаде. И действительно, события 1840 г.[2] и Крымская война 1853–1856

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 59–60.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, д. 23, л. 36.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18 510, лл. 1–8 об, 9–19 об.; д. 20 600.

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 62.
[2] В начале 1840 г. на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа вспыхнуло всеобщее восстание, в результате чего была прервана береговая линия (пали Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и другие укрепления). В

гг. подтвердили его мнение относительно Черноморской береговой линии[1].

Так закончились первое и второе путешествия Ф. Ф. Торнау[2]. Николай I, «обратив особое внимание» на его «труды», приказал, «чтобы и на будущее время разъяснение вопросов, относящихся до правого фланга Кавказской линии», было поручено именно Торнау, а не кому-либо другому[3].

В 1836 г. «тайное обозрение» морского берега уже от р. Сочи до Геленджика было поручено именно Торнау благодаря «приобретенной им опытности в обращении с горцами и познанию обычаев и характера сих племен»[4].

Торнау решил проникнуть на побережье опять через Главный Кавказский хребет, а не по береговой дороге. Вместе с Т. Карамурзиным, когда тот еще находился в Тифлисе, Торнау составил план предстоящего путешествия. Ногайский князь хотя и не мог быть проводником, но должен был принять косвенное участие в предстоящем деле, склонив своего приятеля кемиргоевского владетеля Джамбулата Айтеки оказывать содействие Торнау в его намерениях. Однако Федору Торнау было поручено в «самых лестных выражениях» предпринять путешествие к черкесскому берегу с проводниками по маршруту, предложенному генералом Г. Х. Засом, советам и наставлениям которого он должен был следовать. Положение, в которое поставили разведчика, не позволило ему отказаться от предстоящего путешествия, хотя он и предвидел, что «оно не может иметь полной удачи»[5].

Так или иначе, в мае 1836 г. Торнау выехал из Тифлиса в Минеральные Воды, где провел все лето. Ему надо было прежде всего отрастить бороду, без которой он не смел показываться в горах. В конце августа Торнау по требованию генерала Засса переехал в Прочный Окоп, где занял ту же комнату, где жил год назад. Вскоре ему были представлены его будущие проводники. Это были абреки из «беглых кабардинцев»[1]: князь Аслан-Гирей Хамурзин[2], хаджи Джансеид и Асланбек Тамбиев. Тембулата Карамурзина Засс отстранил от этого дела и не советовал Торнау даже видеться с ним. Все это делалось под видом личного участия к Торнау, а «в сущности из мелкого честолюбия».

Надо сказать, что на Торнау Хамурзин сразу произвел неблагоприятное впечатление: «Сквозь его тихий и медленный разговор, сквозь полузакрытые глаза и сдержанные движения проглядывала кошачья натура тигра, прячущего когти». А Тамбиев – человек исполинского роста, с незлобным, но глупым лицом. Один Джансеид – «действительно замечательный человек по своему уму и по храбрости»[3].

Все трое жили у абадзехов и, подобно Т. Карамурзину, изъявляли готовность «покориться» и перейти на Уруп, если им будут возвращены их крестьяне, захваченные царскими войсками, когда они сделались абреками. Проводникам было объявлено: чтобы заслужить «царскую милость», они должны проводить Торнау к берегу Черного моря.

Генерал Засс, которому Торнау высказал сомнения по поводу будущих своих «сподвижников», начал уверять его в противоположном. Он клялся, что готов сам ехать с ними куда угодно. Хотя генерал и не смог рассеять сомнения разведчика, но положение обязывало его отправиться в путь в сопровождении указанных лиц.

Таким образом, генерал Засс, воспользовавшись правом самому снабдить разведчика проводниками в предстоящем путешествии по земле «непокорных черкесов», как выяснилось впоследствии, «беззащитно отдал» русского офицера в руки «самых отъявленных разбойников, сперва их обманув»[4].

Дорога Торнау и его спутников лежала через землю абадзехов к устью р. Шахе и далее – по берегу моря – до самого Геленджика, где он должен был якобы отыскать турецкое судно для путешествия

этом выступлении горцев известную роль сыграла подрывная деятельность английских и турецких агентов.

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 61.

[2] Краткое описание этих путешествий см. АКАК, т. VIII, ч. I. – С. 381.

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 61.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, лл. 24–24 об.

[5] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 63.

[1] Речь идет о тех кабардинских феодалах, которые, потерпев поражение в восстаниях 1804, 1813 и 1822 гг., вызванных попыткой царизма ограничить их судебные права, бежали с подвластными им крестьянами за Кубань (см. прим. 154).

[2] В других случаях Торнау называет его Беслановым (см., например, Барон Торнау, Записки русского офицера...).

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 64–65.

[4] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович..., – С. 243.

в Мекку. Из Прочного Окопа Торнау намеревался переехать в Чанлыкское укрепление, где ему надлежало встретиться с Джансеидом. Уже известный нам абазинский князь Мамат-Кирей Лоо согласился сопровождать Торнау в качестве переводчика. Это был человек «хитрый и энергичный, красавец и отличный наездник»[1].

30 августа 1836 г. Торнау и Мамат-Кирей Лоо переехали с Кубани на Чанлык, несмотря на опасность подобного путешествия: самым сложным было «оставить незаметным образом русскую границу». В Вознесенском укреплении они двое суток прождали Тамбиева и Джансеида, а затем все вместе отправились к абадзехам. Путешественники прибыли в маленький аул, расположенный на р. Вентхуве (приток Белой), в дом Джансеида.

По богатству абадзехи ставили этого человека в один ряд с «самыми зажиточными людьми». Кстати, Джансеид ушел из Кабарды с одной лошадью и ружьем. Он добыл свое состояние «собственными трудами, разумеется, не плугом и не топором, а с шашкою в руках». Семидесяти лет, весь покрытый ранами, он не знал усталости, «скакал на выстрелы, где бы они ни послышались, и в деле, всегда впереди, увлекал своим примером самых робких»[2].

Аслан-Гирей присоединился к путешественникам 8 сентября. Ловкий и внимательный Джансеид в продолжение всего этого времени успел дать мыслям разведчика «совершенно другое направление» – внушить ему полное доверие к себе и к своим товарищам. Ночью того же дня они оставили дом Джансеида и через несколько часов приехали в аул Аслан-Гирея, населенный «беглыми кабардинцами». В это же время сюда съехалось много «гостей», большей частью из абадзехских «старшин». Торнау и Мамат-Кирей Лоо находились в отдельном помещении, почти взаперти. Гости и хозяин весь день о чем-то толковали.

В ночь с 9 на 10 сентября путешественники покинули дом Аслан-Гирея. Луна бросала яркий свет на дорогу, извивающуюся над крутым берегом р. Курджипсе, впадающей в Белую в трех верстах от Майкопа. Часа полтора они ехали, не встретив ни души. Но при выезде на одну из небольших полян, перерезавших дремучий лес, перед ними появились два всадника. Один из них назвал Мамат-

[1] Филипсон Г. И. Воспоминания. – С. 97.
[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 67.

Кирея Лоо по имени. Немного погодя кто-то набросился на Торнау сзади и молниеносно стащил его с лошади. С разведчика сорвали оружие, заломили ему руки назад и связали их. Оглянувшись, Торнау увидел несколько вооруженных людей, готовых выстрелить в него в упор. Сопротивляться было бессмысленно.

«Всем понятно, – писал Торнау впоследствии, – если в моей голове мелькнула мысль о смерти... В двадцать шесть лет нелегко расставаться с жизнью; но раз пришел конец, и я хотел расстаться с нею, как следует русскому солдату. Сохраняя глубокое молчание, я смотрел на луну»[1]. Торнау услышал сзади себя свист. В ответ раздался свист из леса. Вскоре послышался конский топот. Перед Торнау остановился Мамат-Кирей Лоо, бледный как полотно.

– Что прикажешь делать? Пропадать с тобою? – проговорил он едва внятным голосом. – Оглянись, и ты поймешь. Торнау машинально оглянулся. Четыре ружья метили Мамат-Кирею в грудь.

– Что прикажешь делать? – снова заговорил он.– Одно слово, одно движение в твою пользу – и меня убьют. На русскую сторону не смею идти: генерал не поверит, что я не знал об измене, и прикажет меня повесить.

Как выяснилось впоследствии, на совете в доме Аслан-Гирея было решено схватить Торнау, а Мамат-Кирея Лоо убить, чтобы он не помешал делу. Но один из злоумышленников, некий Тума Тембот, вступился за Мамат-Кирея; тогда от него потребовали поруки в том, что Мамат-Кирей не станет мешать заговору.

– Помощи ты не можешь мне оказать, а погибать незачем. Насчет твоей судьбы, когда ты явишься к генералу, будь покоен. Я уверен, что ты не знал об их измене, дам тебе письмо в доказательство твоей невиновности[2].

Эти слова обреченного Торнау еще больше возвысили его в глазах горца. Затем заговорщики спросили через Мамат-Кирея, какой за Торнау будет выкуп.

– Выкуп? Никакого! – ответил Торнау.

[1] Там же. – С. 76.
[2] Между прочим, генерал Г. И. Филипсон был несправедлив, когда писал, что Мамат-Кирей Лоо, «отправляясь к немирным абадзехам, продал порученного ему капитана Генерального Штаба барона Торнау» (Г. И. Филипсон, Воспоминания. – С. 97).

Мамат-Кирей Лоо отказался переводить, упрашивая пленного не сердить горцев. Но Торнау настаивал.

– Посмотрим! – ответили они. – Теперь нечего рассуждать, пора ехать.

У Торнау отняли 700 рублей ассигнациями, золотые часы, лошадь с седлом, полное черкесское вооружение. Тума Тембот увез Мамат-Кирея в одну сторону, а Торнау, связав ноги ремнем, – в другую, вниз по Курджипсе. Около часа ехали они не говоря ни слова, потом остановились перед низенькой плетеной избушкой. Торнау сняли с лошади и ввели в нее. Это была кунацкая (гостиная) Асланбека Тамбиева. Таким образом, Тамбиев счел более выгодным для себя задержать разведчика и получить за него от русского правительства выкуп.

Отношение к Торнау было довольно вежливым, поскольку он был схвачен не в открытом бою, т. е. считался не обыкновенным пленником, а «гостем поневоле». Следовательно, соблюдались правила гостеприимства, предписывавшие беречь гостя, переступившего порог дома. Тем не менее можно себе представить, в каком состоянии провел Торнау первую ночь в плену. Мысли теснились в голове: он искал выхода из создавшегося положения и не находил. Тамбиев ночевал вместе с «гостем». Он отобрал у него вещи и спрятал их у себя в изголовье, а раб по имени Бечир не спал всю ночь – возился около огня и смотрел на барона бессмысленными глазами.

На следующий день Торнау кормили, как настоящего гостя. Асланбек даже церемонился, беспрестанно извинялся за недостаточно пышные блюда. Улучив момент, он осведомился о возможном размере выкупа. Но получил прежний ответ: «Ни одного целкового». Тем не менее хозяин не переставал мечтать о богатом выкупе за русского потомственного дворянина.

На четвертый день Торнау был подвергнут тяжкому испытанию: на него надели массивные цепи. Хозяин собирался уехать из дому на несколько дней.

Генерал Засс, узнав о случае с Торнау, заявил, что ни одного золотника не даст в качестве выкупа. Тамбиев вернулся домой в самом дурном расположении духа. Спустя же несколько дней в ауле поднялся какой-то переполох и все его обитатели переселились в другое место. Это было в октябре. В ноябре и декабре генерал Засс тревожил абадзехов уже беспрестанными набегами.

Торнау усиленно караулили. Цепь была протянута через стену в примыкающее к ней помещение хозяина. К тому времени Торнау успел серьезно переболеть. Ходил он в лохмотьях, а обуви у него уже давно не было.

В конце декабря 1836 г. в аул, где находился Торнау, приехал Аслан-Гирей и Джансеид. Они приветствовали Торнау не как пленного, а как гостя, и привезли ему полученные от Засса – через Карамурзина – табак, чай, сахар и шубу, в чем Торнау весьма нуждался. К вещам была приложена записка, составленная на немецком языке. Генерал призывал барона проявить терпение, обещая употребить все средства к его освобождению, и советовал ему не отнимать у своих «хозяев» надежду на хороший выкуп. Однако убеждения и угрозы, с помощью которых Аслан-Гирей и другие старались принудить Торнау писать генералу и просить его о выкупе, называя весьма крупную сумму, не имели успеха.

В январе 1837 г. в аул приехал Карамурзин с тем же Джансеидом. Свидание с ним доставило Торнау «первую радостную минуту» в его заточении. Душевная благодарность и непритворная дружба горца тронули русского офицера до глубины души. Они обнялись, как братья. Джансеид же начал с объяснения обстоятельств завязки в драме Торнау. По его рассказу, зачинщиком всего дела был Тамбиев, который вовлек в него Аслан-Гирея, а он, Джансеид, вынужден был идти за ними обоими. Затем Торнау вместе с. Карамурзиным и Джансеидом начал строить «удобоисполнимые» планы своего освобождения. Торнау изложил их в письме к главнокомандующему Розену, которое Тембулат Карамурзин должен был повезти в Тифлис.

Торнау не терял времени даром. У него была возможность «вполне изучить» быт кабардинцев (в данном ауле насчитывалось около 100 семейств). Но положение его целиком зависело от хозяина, который в выкупе за Торнау видел последнее средство поправить свое бедственное состояние. Смерть или бегство пленника одинаково угрожали Тамбиеву окончательным разорением.

Между тем от Карамурзина не было никаких известий. Это тревожило и Тамбиева. Торнау сковали, и он пробыл в таком положении около трех недель, не имея возможности даже отойти от постели. Наблюдение за пленным усилилось. Сам хозяин по нескольку раз за ночь вставал и с оружием в руках осматривал окрестности дома.

В одно прекрасное майское утро Торнау «погрузили» на арбу и повезли по дороге, ведущей из леса на р. Курджипсе. За ними следовала другая арба, с семейством Тамбиева, который решил переселиться в аул абадзехского старшины Даур-Алим-Гирея и отдать себя под его «покровительство». Аул Даур-Алим-Гирея лежал среди лесов, между реками Курджипсе и Пшеха. Дело было в том, что барон Розен обещал «беглым кабардинцам» вернуть крестьян, если они выдадут пленного офицера, безоговорочно «покорятся» России и перейдут жить на Уруп, на что Аслан-Гирей и Джансеид были согласны. Тамбиев же, опасаясь жить вблизи русских и подозревая во всем этом обман, заупрямился и решительно объявил, что не отступит от Торнау, пока принадлежащие ему крестьяне или «равная их ценности сумма денег» не будут находиться в его руках здесь, в Абадзехии.

Даур-Алим-Гирей, по мнению Торнау, оказался порядочным человеком. У себя в доме он не хотел видеть в русском офицере ни врага, ни пленного, а только гостя из дальней страны. «К чести горцев могу сказать, – пишет Торнау, – что кроме Тамбиева, подвергавшего меня из жадности к деньгам действительно трудно переносимым мучениям, надеясь этим способом добиться своей цели, все они, не исключая убыхов и шапсугов, нарочно приезжавших, чтобы видеть меня, обращались со мною не только вежливо, но даже старались оказывать услуги...»[1].

По-прежнему опасаясь, что Торнау уйдет или его выкрадут, Тамбиев построил для него что-то вроде деревянной башни. Это было темное сырое помещение. Опять Торнау по целым неделям должен был лежать, и только иногда снимали цепь. Добыв огрызок карандаша, Торнау рисовал на стенах (о бумаге нечего было и думать) все, что приходило ему на ум. Потом он занялся резьбой палок из кизилового дерева. Строгий закон заставлял женщин держаться от него в отдалении. А доверчивые дети стали близко подходить к пленнику; некоторые из них даже начали учить его черкесскому языку. Торнау внимательно наблюдал жизнь горцев. Впоследствии он особо подчеркивал такой отвратительный факт, как работорговля: «Турки, доставлявшие горцам разный товар, не меняли его иначе как на девушек и на мальчиков», а местные феодалы охотно шли на это[2].

[1] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 103.
[2] Там же. – С. 120.

Вскоре от командующего войсками на Кавказской линии генерала А. А. Вельяминова, которого Торнау называет своим «искренним благожелателем»[1], пришли офицеры-черкесы Шан-Гирей-Абат и Тлекес Тамбиев. Они предложили Асланбеку Тамбиеву выдать Торнау добровольно и явиться с повинной к Николаю I, которого в это время ожидали на Кавказе. Генерал при этом требовал от «беглых кабардинцев» полной покорности. Однако Асланбек отклонил и это предложение. Он заявил, что если через шесть недель не будут присланы деньги, то барону «аккуратно» снесут голову и отошлют ее русским. «В таком случае не забудьте посолить голову: время жаркое, может испортиться», – ответил Торнау. Асланбек побагровел от злобы.

Между тем Абату удалось передать Торнау записку генерала А. А. Вельяминова, где говорилось: «Не имея возможности освободить Вас другим способом, разрешаю Вам самому назначить за себя выкуп и переговорить об этом деле с захватившими Вас людьми через посланных мною...» На обороте записки Торнау ответил: «Выкуп считаю невозможным. Чем более будут предлагать, тем больше станут требовать. Человек в цепях не может назначить, чего он стоит, поэтому отказываюсь от предоставленного мне права. Не хочу показаться малодушным в глазах Вашего Превосходительства. При совершенно потерянном здоровье я ничего не стою, потому что ни к чему более не годен»[2].

Между прочим, этот ответ каким-то образом сделался гласным и был напечатан в английской газете «Таймс», пока его автор находился в плену.

На этом закончились переговоры. Тамбиев был страшно зол. Он отказался снять с Торнау цепи, скверно кормил его и постоянно бормотал: «Гяур бзагэ» (злой гяур).

Вскоре Николай I из Геленджика отправил флигель-адъютанта Хан-Гирея сказать «беглым кабардинцам», что он повелел наконец выкупить Торнау, если они умерят свои требования. В ответ те изъявили согласие сделать «уступку» – взять столько золота, сколько в пленнике окажется веса. Однако царское правительство, щедро наградившее Торнау чинами и орденами, не пожелало заплатить крупный денежный выкуп за своего разведчика, хотя «высочайше» и было

[1] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович..., – С. 230.
[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II, 112–113.

«поведено» уведомить барона Розена «о непременной воле» царя принять «всевозможные меры к освобождению» Торнау из плена[1].

Оставалось думать только о бегстве. И в мае 1837 г. Торнау, сговорившись с другим пленным – казаком, предпринял первую попытку к побегу. Запас продуктов и обувь он раздобыл через дочь Даур-Алим-Гирея. Эта девушка, по имени Аслан-Коз, прониклась даже нежной любовью к Торнау. Последний мог пользоваться также услугами пленницы Марии – служанки Алим-Гирея, схваченной у русских лет восемь назад. Однако казак, у которого хранились продукты, не явился в условленное место. Торнау пытался самостоятельно пробраться на Кубань, двигаясь только по ночам. Он пробовал есть листья, травы и коренья. Пятеро суток странствовал Торнау таким образом. Но вскоре голод стал его мучить, а истерзанные босые ноги начали пухнуть. Торнау приходилось встречаться и с волками. В конце концов на берегу какой-то речки на него набрели два конных абадзеха, которые задержали бежавшего и привезли его в свой аул. Торнау пытался через новых «хозяев» связаться с определенным лицом, обещая вознаграждение за свое освобождение. Однако, испугавшись мщения, они решили выдать свою «добычу» Тамбиеву, люди которого приехали за пленником через несколько дней.

Торнау снова посадили в прежнюю избу, где вместе с ним на этот раз поместили пленного ногайца. Трое караульных каждую ночь спали в домике у самого порога. Однако Аслан-Коз и Мария не упускали случая принести Торнау что-нибудь съестное. Пленник с самого начала заявил, что он все равно уйдет, и немедленно принялся за дело. Распилив за 18 дней камнем звено в цепи, Торнау вместе с ногайцем однажды ночью снова бежал. За шестеро суток они достигли р. Сагуаш, в которой беглецы, не умея плавать, чуть было не утонули. Но вскоре они наткнулись на ожидавшую их засаду (Алим-Гирей, Тамбиев и др.): следы на берегу Сагуаша выдали их.

По возвращении в аул пленники заняли свое старое помещение. Ногайца приковали исправленной цепью, а Торнау наложили оковы на ноги. Затем для последнего построили крепкий бревенчатый дом; караулили его по-прежнему три человека. В заточении Торнау мог только лежать или сидеть. Всю одежду, за исключением рубашки и шаровар, у него отняли. Кроме оков на ногах его еще

[1] ЦГВИА. ф. ВУА, д. 6302, л. 24.

«приковали за шею». В таком положении – без движения, без занятия, без света, почти без свежего воздуха и, самое страшное, без надежды на освобождение – он находился около трех месяцев.

Известному немецкому исследователю и путешественнику Августу Гакстгаузену летом 1843 г. в Тифлисе в салоне командира Отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгарта рассказывали, что, когда Федора Торнау заковали в тяжелые цепи и он стал жаловаться, то ему заявили: «Если б ты был женщина, мы бы отдали тебя под стражу женщин, но ты храбрый муж, а муж претерпевает рабство лишь в цепях»[1].

Однажды в аул прибыл Тембулат Карамурзин, который вот уже более года безуспешно старался освободить пленника. Он уговорил Тамбиева согласиться на выкуп в 12 тыс. руб., обещая добыть их у родственников Торнау и уверяя абрека, что от правительства совершенно нечего ждать, так как оно окончательно отказалось от узника. Тембулат требовал, чтобы его допустили переговорить с Торнау. Это была «наружная оболочка дела». В действительности же Карамурзин намеревался увезти Торнау, а после этого судиться или драться с Тамбиевым. Но для этого надо было сперва вырвать Торнау из заточения и перевезти к Джансеиду, приятелю Тембулата. Болезнь, якобы угрожавшая Торнау смертью накануне его «выкупа», служила к тому хорошим поводом: Тамбиев по своей бедности не имел возможности поддержать здоровье своего «драгоценного» пленника. Перспектива выкупа с новой силой пробудила в Тамбиеве все его прежние надежды и опасения, а Торнау должен был довершить дело, притворившись совсем больным. Чтобы еще более усыпить бдительность Тамбиева, Торнау передал Карамурзину открытое письмо, адресованное «своим родственникам» в России, в котором просил выкупить его, не жалея денег. Вскоре «опасно больного» пленника перевезли в богатый дом Джансеида, где он «нашел все удобства для жизни».

Как-то Джансеид отправился в набег на русскую границу. Вечером 9 ноября 1838 г., после ужина, жена хозяина вызвала к себе человека, караулившего Федора Торнау. Крепкая буза, которой его

[1] Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями, СПб., 1857. – С. 83.

напоили, погрузила его в непробудный сон. Вскоре был подан условный сигнал, и Торнау вышел за дверь. Его поджидал Тембулат Карамурзин. Торнау быстро переодели и вооружили, и друзья поскакали в Вознесенское укрепление. (Между прочим, Торнау, по его словам, был вырван из плена «без воли и ведома» генерала Засса[1]). Пробыв здесь всего несколько часов, Торнау и Тембулат отправились на Кубань в сопровождении взвода пехоты и сотни казаков.

Тамбиев, узнав о бегстве Торнау, собрал несколько десятков человек и погнался вдогонку, но скоро потерял след. Раздосадованный неудачным поиском, он бросился на Уруп, где захватил шесть рабов и несколько десятков лошадей, принадлежавших Карамурзину, который не переселился на Кубань для того только, чтобы иметь возможность бывать у абадзехов и добиваться освобождения Торнау.

Торнау находился уже за Кубанью, вне всякой опасности, и мог сказать, что он действительно свободен. Плен его длился ровно два года и два месяца: в ночь с 9 на 10 сентября 1836 г. его схватили на берегу Курджипсе, в ночь же 9 на 10 ноября 1838 г. Тембулат Карамурзин увез его от Джансеида.

Прибыв в Прочный Окоп 11 ноября 1838 г., Ф. Ф. Торнау поспешил в Ставрополь. На Кавказской линии после смерти А. А. Вельяминова весной 1838 г. командовал (до 1842 г.) П. Х. Граббе (1789–1875), которого Торнау называл русским Баярдом («рыцарь без страха и упрека») и под началом которого Торнау получил первое боевое крещение в 1829 г. при взятии турецкого г. Рахова. В «доме у него и в тесном кружке» «изнуренный» Торнау нашел «самый ласковый прием и нравственно мог отдохнуть»[2]. И это естественно.

П. Х. Граббе – личность примечательная: бывший член Союза благоденствия, участник Отечественной войны 1812 г. и русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В момент же встречи с Ф. Ф. Торнау он был в числе передовых военачальников Кавказской армии, находившихся в оппозиции к реакционному генералу Е. А. Головину. Головин был одним из активных участников подавления восстания декабристов, а в 1838–1842 гг. – вдохновителем гонений на политических ссыльных, когда «шпионаж на Кавказе принял эпидемический характер». Более того, Граббе в это время как раз находился в состоянии «активной войны» с главкомом и его штабом. Декабрист А. Е. Розен, характеризуя Граббе, подчеркивал, что он – «один из тех редких людей, который во всю жизнь в различных и очень трудных обстоятельствах никогда не изменял строжайшим правилам честности и благородства»[1].

[1] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович... – С. 243.

[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 170.

Не случайно поэтому, что не только люди типа Федора Торнау, но и декабристы находили «прибежище» и покровительство у таких людей, как А. А. Вельяминов, Н. Н. Раевский (друг А. С. Пушкина, деятель декабристского круга, сын знаменитого героя Отечественной войны 1812 г.), П. Х. Граббе и др. Так, рассказывает декабрист Н. И. Лорер, при первом же свидании с вновь прибывшей группой декабристов в 1837 г. А. А. Вельяминов[2] предупреждал их: «Помните, господа, что на Кавказе есть много людей в черных и красных воротниках, которые следят за вами и за нами»[3]. Как свидетельствует и Г. И. Филипсон, Вельяминов обращался с декабристами «учтиво, ласково и не делал никакого различия между ними и офицерами»[4].

Нелишне в связи с этим заметить, что, например, А. А. Бестужев-Марлинский, откомандированный в августе 1834 г. рядовым в расположение генерала Вельяминова в Ставрополь, свободно обедал у своего начальника. Причем «это правило распространялось» и на

[1] Розен А. Е. Записки декабриста. – С. 259.

[2] Вот какую характеристику дает Торнау генералу А. А. Вельяминову: «Александр Александрович Вельяминов, бесспорно, принадлежал к числу наших самых замечательных генералов. Умом, многосторонним образованием и непоколебимою твердостью характера он стал выше всех личностей, управлявших в то время судьбами Кавказа. Никогда он не кривил душой, никому не льстил, правду высказывал без обиняков, действовал не иначе, как по твердому убеждению и с полным самозабвением... Я не встречал другого начальника, пользовавшегося таким сильным нравственным значением в глазах своих подчиненных... Горцы, знакомые с ним исстари, боялись его гнева как огня, но верили слову и безотчетно полагались на его справедливость» (Т.. Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 3. – С. 128–129). Г. И. Филипсон, также хорошо знавший А. А. Вельяминова, писал: «А. А. Вельяминов получил хорошее образование, а от природы был одарен замечательными умственными способностями... Хорошо, основательно учился и много читал... Его нравственные и религиозные убеждения построились на творениях энциклопедистов и вообще писателей конца XVIII века... с властями держал себя самостоятельно... не было и нет другого, кто бы так хорошо знал Кавказ, как А. А. Вельяминов... как в военном деле, так и в мирной администрации это был самобытный и замечательный деятель» (Г. И. Филипсон, Воспоминания. – С. 110–111, 113).

[3] Лорер Н. И. Записки декабриста. – С. 217.

[4] Филипсон Г. И. Воспоминания. – С. 115.

некоторых других «разжалованных в солдаты»[1]. Выше уже говорилось о той помощи, которую оказал Вельяминов Бестужеву, когда тот весной 1835 г. серьезно заболел. Вельяминов не мог не симпатизировать прославленному писателю хотя бы потому, что сам был весьма начитанным человеком и страстно любил художественную литературу. Отсюда и понятно, почему в свое время, а именно в 1825 г., А. С. Грибоедов сблизился с Вельяминовым, личностью «прекрасных сведений», и считал это «прекраснейшим открытием достойного человека»[2]. Кстати, А. А. Вельяминов, этот «умный и проницательный» человек, знал Кавказский край, «как никто другой, и его нельзя было обольстить реляциями, как бы мастерски они ни были написаны»[3].

Таким образом, на Кавказе сложились очень своеобразные условия, особенно в 1837 г. Николай I и главнокомандующий держали под надзором не только разжалованных декабристов, но и командиров войск, благосклонно относившихся к «злоумышленникам»[4].

Именно по этой причине ко времени появления Торнау (1838 г.) уже не было на Кавказе ни Г. В. Розена, ни В. Д. Вольховского. Как известно, в 1837 г. «венценосный палач» посетил Кавказ и остался весьма недоволен положением дел в крае. Были отстранены тогда и некоторые другие неугодные офицеры. Уж слишком стало явным сочувственное отношение этих лиц к ссыльным вольнодумцам, тем более «дружеские связи Вольховского с декабристами»[5]. Торнау знал, конечно, и то, что сам Вольховский принадлежал к декабристскому кругу, состоял когда-то членом тайных обществ, а на Кавказ был «переведен» именно как находившийся «на замечании».

Торнау очень огорчило, что Вольховского и Розена уже не было на Кавказе и что вместе с ним уехали почти все старые товарищи. Одним словом, «Тифлисская военная семья... разлетелась во все стороны пространной России»[6].

[1] Бентковский. Генерал-лейтенант А. А. Вельяминов, – «Ставропольские губернские ведомости», 21.III.1881.

[2] Грибоедов А. С. Сочинения, Л., 1945. – С. 498.

[3] Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды..., – С. 290.

[4] Шадури В. Декабристская литература..., – С. 238.

[5] Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскому лицею, т. I, СПб., 1912. – С. 138–139.

[6] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. II. – С. 170–171.

В Ставрополе Торнау задержался: у него открылась рана, полученная им в 1832 г. в Чечне. За это время он подружился еще с одной интересной семьей. Это был дом «доброго и честного» командира Моздокского казачьего полка Баранчеева, у которого по вечерам собирался «избранный кружок» кавказских офицеров. Здесь опять можно было встретить «памятью, умом и знанием богато наделенного» доктора Н. В. Майера и декабристов А. И. Одоевского, С. И. Кривцова, В. Н. Лихарева, М. М. Нарышкина, П. П. Коновницына, А. И. Черкасова и С. М. Палицына – «все люди умные и отменно хорошие»[1].

Но в Ставрополе было и другое «общество». Здесь сосредоточивалось тогда военное и гражданское управление обширного Северокавказского края. В Ставрополе жил командующий войсками Кавказской линии и Черноморья. Здесь составлялись планы экспедиций в горные районы, раздавались места и награды. Каждую весну город наполнялся военными, желавшими принять участие в экспедициях и походах. «Одни искали сильных ощущений, другие – дешевых отличий, третьи, меньшинство, хотели практически научиться военному ремеслу»[2]. Но в целом это были люди, «без лести преданные» российскому монарху, который в январе 1839 г. грозно требовал выяснить: «Кто осмелился пропустить портрет Бестужева в альманахе Смирдина[3] “Сто русских авторов?”»[4].

После получения известия об освобождении Торнау из плена Николай I «повелеть соизволил... по отобрании от него на Кавказской линии всех нужных сведений о положении горских народов»[5], среди которых разведчик находился столь длительное время, прислать его в Петербург для отдыха и личных объяснений, выдав ему жалованье за время пребывания его в плену. Федор Торнау добил-

[1] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович.., – С. 231.

[2] Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды.., – С. 310.

[3] Смирдин А. Ф. (1795–1057) – издатель и книгопродавец, значительная и интересная фигура в литературном мире пушкинского времени. Он был, в частности, основным издателем произведений А. С. Пушкина.

[4] Никитенко А. В. Дневник, т. I.., – С. 207.

Материал о запрещении распространения портрета А. А. Бестужева-Марлинского, помещенного в издании «Сто русских литераторов», см. ЦГАОР, ф. 109, III отд., I экспед, [д.] 61, ч. 53.

[5] Эти предварительные материалы, собранные Ф. Ф. Торнау, немедленно, за две недели до его отъезда с Кавказской линии, повез в Петербург лично фон дер Ховен.

ся разрешения привести с собой в столицу Тембулата Карамурзина, которому также были выданы деньги – 500 руб. ассигнациями[1].

На пути в Петербург Торнау встречался со своими бывшими кавказскими начальниками – Вольховским в Ельце и Розеном в Москве. Первый ехал из Динабурга[2], где он командовал бригадой, в родную Полтавскую губернию на гражданскую службу, на должность председателя «гражданской палаты» (здесь он вскоре умер). Бывалый генерал очень советовал молодому офицеру не возвращаться более на Кавказ. Но Торнау не послушал его «опытного совета» и потом раскаялся, когда в «сороковом году» «без проку и без пользы, потеряв здоровье в Черноморской береговой экспедиции, должен был выехать из Крыма полуживой и, наверное, умер бы без рациональной помощи», оказанной ему доктором Н. В. Майером[3]. Старик Розен, уже разбитый параличом, обрадовался, увидев Торнау живого, и со слезами на глазах просил извинить его за то, что не вполне доверился ему некогда, отнюдь не полагая, что это приведет к таким последствиям[4].

По словам Ф. Торнау, император «свыше ожидания» оценил его «слабые заслуги». Щедро наградил он и Карамурзина. «За исследование совершенно неизвестных до сих пор частей Кавказа» Торнау удостоился ордена св. Владимира 4 ст. и звания капитана[5]. Карамурзин же, миновав сразу два низших чина, получил поручика и св. Владимира 4 ст., а также единовременное пособие и пожизненную пенсию в полторы тысячи рублей[6].

Однако, писал Торнау, «не все одинаково смотрели на мое дело, не от всех удостоились мы с Карамурзиным равно поощрительного

[1] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, д. 192, лл. 1, 2, 7.

[2] С 1893 г. – Двинск, в настоящее время – Даугавпилс.

[3] С 1839 г. Н. В. Майер в качестве главного доктора служил при штабе генерала Н. Н. Раевского – начальника Черноморской береговой линии. В это время он жил уже в Керчи, разъезжая для осмотра госпиталей береговых укреплений. В письмах декабриста Н.И. Лорера постоянно упоминается его имя .(см. Н. И. Лорер, Записки декабриста. – С. 373–374). В одном из них, на имя декабриста М. М. Нарышкина, говорится: «Я постоянно переписку веду с Майером и Розеном. Наш Николай Васильевич начинает хворать, в письмах его нет прежней энергии, нет веселья и соли». Н. В. Майер умер в 1846 г. в Керчи (Н. Бронштейн, Доктор Майер. – С. 492–493).

[4] Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера, ч. II. – С 171.

[5] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839. д. 192, лл. 11–12; АКАК, т. XII, ч. I. – С. XII.

[6] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович.., – С. 238.

приветствия»[1]. Например, исполняющий должность генерал-квартирмейстера Шуберт, непосредственный начальник Торнау, встретил его «с радушною важностью». А военный министр А. И. Чернышев и «всесильный при дворе»[2] граф Т. К. Клейнмихель «удостоили» выразить ему «свое одобрение, не переступая, однако, за пределы формальной служебной внимательности»[3]. Генерал Филипсон впоследствии и вовсе скептически отнесся к «предприятию» и Торнау, и его предшественников. Он даже считал, что это было показателем слабого знания края и «странным приемом» сбора материалов[4].

Интересно сообщение Торнау о поведении Тембулата Карамурзина в Петербурге: «Замечательно красивый вид этого статного закубанца с первого взгляда располагал в его пользу. Благодаря ловкому обращению, которому он на первых же порах себе усвоил, приноравливаясь к требованиям дотоле ему совершенно незнакомого общества, его стали возить из дома в дом, угощать... наделять разными подарками... Карамурзин из России повез на Кубань два сундука, туго уложенных разными вещами, которые ему были подарены моими знакомыми, а нередко и совершенно мне незнакомыми людьми»[5].

Торнау, «повинуясь приказанию военного министра», сразу же принялся за работу и уже в феврале 1839 г. представил записки «Журнал плена» и «Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубани до устья Ингура»[6].

Напрасно думал Торнау, что собранные им сведения, «не встретив единомыслия», безвозвратно канули «в пучину архивного забвения». Напротив, данными Торнау чисто военного значения царское командование воспользовалось при организации Черноморской береговой линии в 1837–1840 гг., когда на кавказском побережье был возведен ряд укреплений, отрезавших непокорные

[1] Там же.

[2] Никитенко А. В. Дневник, т. 1. – С. 242.

[3] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович… – С. 228.

[4] Филипсон Г. И. Воспоминания. – С. 98.

[5] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович… – С. 228–230.

[6] См. ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, д. 192, лл. 14–39 об.; ф. ВУА, д. 18 511, лл. 1–18.

Последняя работа была напечатана под заглавием «Горские племена, живущие за Кубанью и по берегу Черного моря от устья Кубани и до Ингура» («Кавказ», 1860, № 94–96, 98).

абхазские, убыхские и черкесские племена от морского берега. Немалое значение имели данные Торнау и для проведения военных экспедиций в горных районах края в начале 60-х годов, которые завершили присоединение Западного Кавказа к России (1864 г.). Но вместе с тем в указанных материалах, как уже подчеркивалось, содержатся сведения, весьма ценные в научном отношении.

После своих приключений в 1836–1838 гг. Торнау уже больше не рисковал отправляться в разведку, хотя и продолжал службу на Кавказе в качестве штабного офицера. Летом 1839 г. он побывал под Москвой и в Минеральных Водах, а осенью вернулся в Тифлис. Однако, как отмечалось выше, «много нового... там ожидало» его: «умный и честный, хотя для правителя такой страны, как Кавказ, слишком добродушный», Г. В. Розен лежал в Москве, разбитый параличом; В. Д. Вольховский, «горячий защитник» Торнау, «в немилости доживал последние часы своей жизни» председателем Полтавской гражданской палаты, а «горой... стоявший» за Торнау полковник Х. Х. фон дер Ховен, который из-за него даже хотел стреляться с генералом Зассом, занимал скромную должность в далекой Сибири. Более того, въезжая в Пятигорск, Торнау узнал, что он больше не числится в Кавказском корпусе, а откомандирован в Новгородскую губернию, в гренадерский корпус. Однако новый корпусный командир, генерал Головин, узнав, что Торнау откомандирован с Кавказа не только вопреки его желанию, но и «противно высочайшей воле», приказал отменить такое «неблаговидное распоряжение»[1].

Итак, Торнау «не миновал... неизбежною бедою» ему «грозивших берегов Черного моря», куда он прибыл весной 1840 г. Он был назначен в войска генерала Н. Н. Раевского, действовавшие на побережье Западного Кавказа[2].

Надо сказать, Торнау, как уже упоминалось, был невысокого мнения о Черноморской береговой линии, укрепления которой «не давали другого проку, кроме напрасной траты людей и денег». Еще в тот период на вопрос Николая I о значении этой оборонительной системы Торнау дал такую характеристику: «Боюсь... что береговая линия не оправдает ожиданий Вашего Величества. Укрепления малы, гарнизоны слабы, изнурены болезнями, едва в силах оборо-

[1] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович... – С. 231, 248.
[2] Послужной список Ф. Ф. Торнау.

няться от горцев, которых не они, а которые их держат в постоянной блокаде. Кроме того, в случае европейской войны при появлении в Босфоре любого неприятельского флота окажется необходимым снять всю линию; в горы гарнизонам нет отступления, и ни одно укрепление не в силах выдержать бомбардировки с моря»[1]. Кстати, так оно и получилось во время Крымской войны.

В мае и июне 1840 г. Торнау принимал участие в операциях войск Черноморской береговой линии, в частности при вторичном занятии отрядом начальника линии Н. Н. Раевского устьев рек Туапсе и Псезуапе и ряда укреплений и фортов (Вельяминовское, Лазаревское и др.). В отряде было много «разжалованных», в том числе и декабристов. В 1838–1839 гг., например, в части этого соединения были направлены ссыльные декабристы А. Одоевский, Н. Лорер, М. Нарышкин, В. Лихарев, В. Толстой, А. Черкасов, Н. Загорецкий и др. В 1838 г. в лагере у Тамани с ними встречался Н. П. Огарев, посвятивший декабристам вдохновенные стихи. В войсках береговой линии служил и С. Званба, который в 1842 г. был произведен в чин майора.

В мае 1843 г. Торнау был командирован на правый фланг Кавказской линии. С сентября он служил в Дагестане, в штабе генерала В. О. Гурко. В начале ноября развернулись решающие бои за Гергебильскую крепость (аул в Северном Дагестане). Генерал Гурко поставил вопрос об участи крепости на военном совете, куда был приглашен и походный обер-квартирмейстер Ф. Ф. Торнау. Последний был в числе тех, кто считал бессмысленной попытку удержать Гергебиль. «С силами нашего отряда, – аргументировал он свою позицию, – я не считаю возможным идти на выручку Гергебильского укрепления. Неприятель многочислен, местность неприступна... В пользу атакованного укрепления отряд может только опуститься несколько ниже, отнюдь не вдаваясь в ущелья, для того чтобы отвлечь от Гергебиля неприятельские толпы»[2].

Впоследствии события этого периода Торнау описал в статье «Гергебиль»[3], некоторые положения которой заслуживают внима-

[1] Торнау Ф.Ф. Государь Николай Павлович... – С. 234, 241.
[2] См. А. Юров, 1843-й год на Кавказе, – «Кавказский сборник», 1882, т. VI. – С. 142–147, а также Приложение IX. – С. 25.
[3] Статья была написана в октябре 1880 г. в Вене и опубликована в «Русском архиве» (1881, кн. II (2). – С. 425–470).

ния. Так, говоря о Кавказской войне, он пишет: «Долгие годы длилась борьба – и много-много поглотила она молодых, недозревших сил, преждевременно канувших в вечность... Не успели в бою уцелевшие утереть пот с лица своего, не успели осушить кровь, капавшую из свежих ран, как издалека, коршунам подобно, налетели искатели наживы, без риску и без труда и по клочкам разнесли землю...» Генерала Евдокимова, одного из самых жестоких царских завоевателей Кавказа, Торнау называет «покоритель-истребитель черкесских племен правого фланга Кавказской линии».

Свою штабную работу этого периода Торнау описывает в довольно ироническом тоне. Здесь ему «больше приходилось отписываться, чем дело творить». «Благодаря таким „из ничего" придуманным донесениям, – пишет он далее, – несмотря на нашу излишнюю осторожность, когда приходилось действовать, мы не раз вызывали заочное одобрение нашей последовательной деятельности»[1]. Из данной статьи мы также узнаем, что у Торнау дом и хозяйство оставались в. Ставрополе, а супруга[2] – в Тифлисе у родственников.

Свидетель «гергебильской драмы», Торнау в 1844 г. участвовал в экспедиции генерала Р. К. Фрейтага в Чечне[3], которой он посвятил свое сочинение «Из воспоминаний бывшего кавказца». Оно было напечатано в «Складчине...»[4]. Торнау, как видно, искренне уважал Р. К. Фрейтага, этого «доброго и честного» человека, который «ни перед

[1] Торнау Ф.Ф. Гергебиль. – С. 425, 428–429, 459.

[2] Торнау женился в 1842 г. на княжне Екатерине Александровне Черкасской, племяннице супруги командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта А. И. Нейдгарта. В послужном же списке Ф. Ф. Торнау отмечено, что он был женат «на купеческой дочери Екатерине Александровне».

[3] Об этой экспедиции см. А. Юров, 1844-й год на Кавказе, – «Кавказский сборник», 1883, т. VII. – С. 157–373.

[4] Полное название – «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии» (СПб., 1874). На страницах сборника сошлись и революционные демократы (Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. С. и Н. С. Курочкины, Д. Д. Минаев), и либералы (И. С. Тургенев, А. Д. Градовский, П. В. Быков, П. И. Вейнберг), и консерваторы (А. К. Толстой, И. А. Гончаров, А. Н Майков), и даже крайние реакционеры вроде М. П. Погодина и В. П. Мещерского (последний входил в редакционный комитет «Складчины...»). Идейная пестрота этого издания вызвала резкие отклики радикальной печати. Сборник разошелся в течение нескольких недель. См. А. В. Никитенко, Дневник, т. 3. 1866–1877, М, 1956. – С. 306–307, 464–465 (прим. И. Я. Айзенштока).

кем спины не гнет» и, естественно, «не всем... приходился по сердцу»[1]. Между прочим, такого же мнения о генерале был и декабрист А. П. Беляев, который в 1843–1844 гг. также служил в отряде Фрейтага[2].

В марте 1849 г. Торнау в чине полковника ушел в бессрочный отпуск и поселился в своем нижегородском имении[3], проводя время «за сохой»[4]. Но с апреля 1854 г. в связи с Крымской войной Торнау снова на театре военных действий. Он был назначен в личное распоряжение князя М. Д. Горчакова, занятого тогда осадой Силистрии[5]. После обратного перехода русской армии на левый берег Дуная, полковник Торнау получил должность обер-квартирмейстера при графе Д. Е. Остен-Сакене, у которого пробыл в течение всего времени его стоянки в Яссах. В апреле 1856 г., после заключения мира, Торнау временно был прикомандирован к департаменту Генерального штаба. В память войны 1853–1856 гг. его наградили бронзовой медалью. Торнау решил было снова «взяться за соху», но был «удержан» тогдашним военным министром В. А. Долгоруковым.

В том же, 1856 г. Торнау назначили военным атташе (агентом) при русском посольстве в Вене, куда он и выехал в июне вместе с женой. В 1861 г. Федор Федорович был произведен в генерал-майоры, а в 1870 г. – в генерал-лейтенанты[6].

Свою дипломатическую деятельность, относящуюся к 1856–1861 гг., Ф. Ф. Торнау довольно подробно изложил в воспоминаниях, опубликованных в 1897 г. в петербургском журнале «Исторический вестник» (№ 1 и 2). В них, между прочим, приводятся любопытные описания обязанностей военного агента, этикета австрийского двора, придворных обычаев, церемонии заключения конкордата, жизни венского высшего общества и т. д. Генерал В. И. Ден, характеризуя указанный период жизни Ф. Ф. Торнау, которого он хорошо знал, имея с ним «почти ежедневные свидания в Вене», писал: «Это был добрейший человек, но большой оригинал, ненавидел дипломатов и утверждал, что, как у нас, военных, кампании заносятся в

[1] Торнау Ф.Ф. Гергебиль. – С. 469.

[2] См. «Русская старина», СПб., 1881, т. XXXII, декабрь. – С. 691.

[3] Послужной список Ф. Ф. Торнау; Некролог Ф. Ф. Торнау.

[4] Торнау Ф.Ф. Воспоминания о кампании 1829 года..., – С. 5.

[5] Болгарский город Силистра на правом берегу Дуная.

[6] Послужной список Ф. Ф. Торнау; Некролог Ф. Ф. Торнау.

формулярный список, так у дипломатов – обеды, которым они придают такое огромное значение»[1].

Однако осенью 1862 г., накануне нового польского восстания, «судьба грозила поставить» Ф. Ф. Торнау «в несказанно горькое положение». Министр иностранных дел А. М. Горчаков решил сделать Александру II предложение о немедленном отзыве Торнау из Вены «в укор австрийскому императору за недостаток внимания» к русскому атташе. Но Торнау назвал этот акт «в высшей степени неприличным». Действительность, по его словам, заключалась в том, что «политические отношения между русским и австрийским правительствами вступили тогда в эпоху самого резкого обоюдного недоверия»[2].

Это был период, когда Австрия и Англия, желая ослабить Россию, вступили в сговор с правительством Наполеона III. А в апреле 1863 г. послы трех держав, все более вмешиваясь в польский вопрос, вручили Горчакову ноты; в июне последовали новые ноты[3]. Однако в то время, когда отношения между государствами были настолько натянутыми, что война казалась неизбежной, русская дипломатия сумела дать отпор западноевропейским политикам, которые свои корыстные цели лицемерно выдавали за заботу о поляках[4].

Но Торнау считал крайне «неприличным» поведение русского посланника в Вене В. П. Балабина, который «своими далеко не дипломатическими и не политическими выходками навлек на себя справедливое негодование австрийского двора». В то же время незадачливому дипломату «удалось оказать и славянскому делу несколько медвежьих услуг, т. е. камнем бить по лбу, чтобы спугнуть докучливую муху».

Торнау в ноябре выехал в Петербург, чтобы предотвратить решение об его отзыве. Он беседовал с самим императором, а также с министром иностранных дел и военным министром. Однако его «положение... становилось безвыходным», и только вмешательство великой княгини Елены Павловны, к посредничеству которой он вынужден был прибегнуть, «вывело» Торнау из неблагоприятного для него положения[5].

[1] [Ден]. Записки Владимира Ивановича Дена, – «Русская старина», 1890, № 7. – С. 170.

[2] Торнау Ф.Ф. Великая княгиня Елена Павловна. – С. 307–308.

[3] «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. V, М., 1968.– С. 231.

[4] Бушуев С. К., Горчаков А. М., М., 1961. – С. 89.

[5] Торнау Ф.Ф. Великая княгиня Елена Павловна. – С. 307–310.

В 1873 г. Ф. Ф. Торнау становится членом Военно-ученого комитета Главного штаба (с оставлением в Генеральном штабе), который направлял научную деятельность этого учреждения, а также содействовал развитию военного образования в армии. В том же году Торнау было пожаловано 300 десятин земли на Кавказе. Ф. Ф. Торнау был кавалером многих российских и иностранных орденов[1]. Отправившись в 1875 г. в бессрочный отпуск за границу, Ф. Ф. Торнау с больной женой поселился в живописном местечке Эдлице, недалеко от Вены, где и провел свои последние годы[2].

В этот период жизни в тиши деревенского уединения Торнау был увлечен написанием своих мемуаров и рассказов, которые, как мы видели, еще при жизни автора в основном были изданы или отдельными книжками, или в журналах и газетах. Воспоминания Торнау, относящиеся уже к его службе и жизни в Австрии, благодаря стараниям его дочери Борк и, вероятно, М. И. Семевского, известного общественного деятеля и публициста, были напечатаны посмертно. К этому циклу примыкают и его «путевые замечания» «От Вены до Карлсбада»[3]. Но личный архив Ф. Ф. Торнау, к сожалению, остается неизвестным. Поэтому вполне возможно, что наше представление о его мемуарном наследии далеко не полное[4].

Умер Ф. Ф. Торнау на 80-м году жизни, 7 января 1890 г., в Эдлице, одном из тихих уголков Нижней Австрии, где были разбросаны «милые, приятные» домики, где, казалось, наконец «обретаешь» «настоящее жилище мира, простоты и семейного счастья», но где «люди страдают также от нужд, раздоров и терпят скорби, как и везде»[5]. Смерть престарелого генерала прошла почти незамеченной. Лишь опубликованный в газете «Новое время» (12 (24) I. 1890) единственный некролог, если не считать почти его повторения в «Разведчике» (СПб., № 19, стр. 90), скупо напоминал о его служебных и литературных заслугах.

Ф. Ф. Торнау оставил довольно обширное и многообразное научное и литературное наследие, ценность которого в значительной

[1] Послужной список Ф. Ф. Торнау.

[2] Некролог Ф. Ф. Торнау.

[3] «Исторический вестник», 1872, № 1.

[4] Между прочим, сам Ф. Ф. Торнау неоднократно писал о «разборе» своих «старых, залежавшихся бумаг». О «ненапечатанных бумагах» Торнау писали и другие лица (см., например, «Исторический вестник», 1897, № 1. – С. 50).

[5] Никитенко А. В. Дневник, т. 3..., – С. 362–363.

своей части не подлежит сомнению. Поэтому нельзя, конечно, согласиться с односторонней оценкой И. Ф. Масанова, который рассматривает Торнау лишь как «автора работ по военным вопросам»[1]. Еще более досадно, что выдающийся русский библиограф, профессор С. А. Венгеров в своем известном многотомном сочинении «Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (Историко-литературный сборник)» (т. 1–6, СПб., 1889–1904) вовсе не упоминает Ф. Ф. Торнау.

Следует также заметить, что Торнау многие свои произведения подписывал «Т» или же оставлял их безо всякой подписи. Принято считать, что авторство произведений Торнау раскрыто по десятому выпуску известного сочинения Д. Д. Языкова «Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц», вышедшему в Москве в 1907 г. Но это верно лишь отчасти. Например, Г. Н. Казбек (Казбеги) еще в 1865 г. по поводу автора «Воспоминаний кавказского офицера» отмечал: «...по имеющимся источникам, можно почти наверняка сказать, что это Генерального штаба штабс-капитан бар. Торнау»[2].

Из всех произведений Ф. Ф. Торнау несомненно наиболее значительно это последнее. Оно написано в Вене и вышло в Москве в 1864 г. (в университетской типографии) за подписью «Т». Одновременно «Воспоминания кавказского офицера» были опубликованы в «Русском вестнике» (1864 г.)[3]. Вот как оценивал научные достоинства «Воспоминаний» еще академик Н. Ф. Дубровин: «Основательное знакомство с народом и прекрасное изложение делают воспоминания его (Торнау. – Г. Д.) отличною характеристикою быта этих народов (черкесов и абхазов. – Г. Д.). Этнографические сведения о черкесах, абазинцах и ногаях, касаясь всех сторон быта, отличаются полнотою и достоверностью. А описание исторических событий, касающихся 182, 1824, 1830, 1831, 1834–1837 годов, как очевидца и

[1] Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. IV, М., 1960. – С. 473.

[2] Казбек Г. Военная история Грузинского гражданского е. и. в. великого князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны, Тифлис, 1865. – С. 144.

[3] Отрывок из этого произведения, относящийся к путешествию Ф. Ф. Торнау в 1835 г. через Главный Кавказский хребет на Северный Кавказ, под тем же названием, но с пропусками был издан в «Известиях Кавказского общества любителей естествознания и Альпийского клуба» (кн. I).

участника, весьма важны и интересны по многим подробностям»[1]. Сам Торнау в письме к М. И. Семевскому от 22 февраля (6 марта) 1865 г. скромно отмечал, что достоинства «Воспоминаний» состоят «единственно в точности фактов и в непреувеличенном изложении случившихся» с ним происшествий, в доказательство чего указывал на двух свидетелей – уже известных нам Х. Х. фон дер Ховена и полковника Мамат-Кирея Лоо[2]. На экземпляре книги, хранящемся ныне в библиотеке Ленинградского государственного университета, имеется следующая надпись Ф. Торнау от 19 мая 1875 г.: «Отдавая на суд... незатейливый рассказ похождений моей молодости, заранее прошу быть снисходительным к литературным и иным недостаткам, которые, боюсь, откроет... опытный глаз. Одним могу только похвалиться: рассказывая, я ни в чем правде не изменил и ничем не прикрасил, а рассказал, как было...»[3].

Уже в 1865 г. в газете «Голос» (№ 184) и журналах «Отечественные записки» (№ 10) и «Военный сборник» (№ 11) появляются весьма положительные отзывы о рассматриваемом сочинении Торнау.

В «Отечественных записках» прежде всего подчеркивалось, что «Воспоминания кавказского офицера» «читались не без удовольствия». «Самым простым языком, – пишет рецензент, – без всяких особенных усилий... достигнув эффектных описаний и художественных картин, неизвестный автор представляет нам довольно подробную картину общего положения дел в том крае в продолжение тридцатых годов». И далее: автор не только «передает, по возможности, все виденное и слышанное о характере и плане современных ему действий против непокорных горцев, но и приводит разные исторические и этнографические сведения о крае». В рецензии отмечен факт стремления Торнау дать «критические обзоры действий тогдашних властей Кавказа». При этом «к числу самых интересных глав» произведения рецензент отнес по преимуществу те, где сообщаются сведения о горских племенах и их предводителях. Наконец, автор «Воспоминаний», сообщается в статье, «не только имел случай совер-

[1] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. III. Библиографический указатель источников к первым двум книгам, СПб., 1871. – С. 22.

[2] ИРЛ, Рукописный отдел, ф. 274, оп. 1, № 355, лл. 3 об. – 4.

[3] На этот интересный факт мое внимание обратил ленинградский ученый профессор Л. И. Лавров.

шать разные поездки в места, до сего времени неизвестные, но также имел несчастье провести два с небольшим года в плену у горцев, что и дало возможность так близко узнать быт народов».

Более обширной является рецензия, помещенная в «Голосе». Ее автор указывает на чрезвычайно «важную роль Кавказа» в истории русской литературы, который служил для поэтов «вдохновенным Парнасом». Но, с другой стороны, «нельзя не удивляться если не отсутствию, то, по крайней мере, бедности» научной литературы об этом крае. И «Воспоминания кавказского офицера» «принадлежат к числу немногих сочинений о Кавказе, способных познакомить» публику «и с краем, и с его населением, и с действиями» русских войск в крае. Издание «Воспоминаний» «не могло остаться незамеченным, если бы наша литература и была богата дельными сочинениями о Кавказском крае». Далее читаем: «Любопытные приключения, в которых главным действующим лицом был автор «Воспоминаний», представляют столько интереса и так хорошо знакомят с краем, с характером и нравами его туземного и пришлого населения, что от книги нельзя оторваться, не дочитав ее до конца. Правда действительных фактов при их романтическом характере придает книге занимательность истории и романа. Переход автора через ту часть правого фланга кавказской цепи, которая была до тех пор совершенно недоступна русским, и продолжительный плен его у горцев представляют несравненно более поэтический интерес, чем наши поэмы и романы, в которых действие перенесено на Кавказ и украшено всевозможными вымыслами... В описаниях автора простота соединяется с картинностью, наблюдательность – с живостью и непринужденностью рассказа».

В этой рецензии особо подчеркивался факт разоблачения автором книги тех незадачливых царских администраторов, которые «притеснениями и интригами» мешали установлению нормальных отношений с кавказскими народами. Эти «ограниченные люди, – писалось в статье, – нередко занимавшие довольно значительные по влиянию места, не понимали вовсе характера горцев». Книгу Торнау рецензент рекомендовал «всякому, кого интересует Кавказ, как одно из самых занимательных сочинений, в котором положительные сведения соединяются с увлекательным интересом самых романтических событий».

В статье, опубликованной в журнале «Военный сборник», главным образом приводятся большие выдержки из «Воспоминаний», а отдельные замечания даются лишь в сносках. Анонимный автор этой обширной рецензии задался целью именно познакомить читателей с сочинением, «заключающим в себе много интересных сведений», потому считая «посторонние рассуждения» излишними. «Эти, – пишет он, – в высшей степени интересные записки... представляют много любопытного как для знающих Кавказ, так и для каждого образованного человека. События, в них представленные, не вымышлены досужею фантазиею туриста, но от первой до последней строки правдивая повесть развитого и просвещенного офицера, который, увлекаясь, с одной стороны, пользою службы, а с другой – духом пытливой любознательности, решился на опасное путешествие...»

Через четыре года после выхода «Воспоминаний кавказского офицера», в 1868 г., в той же Вене Федор Торнау закончил «Воспоминания о Кавказе и Грузии», опубликованные в журнале «Русский вестник» (1869, № 1–4).

За многие годы, прошедшие с момента первоначальной службы Торнау на Кавказе и его бегства из плена до выхода названных произведений, различные факты, имена и названия, вероятно, стерлись бы в памяти автора, если бы он не имел под руками оригиналы или копии своих рапортов, записок и писем. Возможно даже, что к составлению своих записок он приступил еще на Кавказе. Во всяком случае, в рецензии на книгу «Воспоминания кавказского офицера», опубликованной в «Голосе» (6(18).VII.1865), мы читаем: «Записки эти давно уже были известны по слухам через некоторых лиц, имевших случай познакомиться с их автором на Кавказе. Вероятно, какие-нибудь особые обстоятельства были причиною, что это любопытное сочинение так долго оставалось в рукописи». Сам Торнау в статье «Из воспоминаний бывшего кавказца» сообщает: «Разбирая... старые залежавшиеся бумаги, нашел я между прочим несколько листов, испещренных пометками о давно прошедшем времени»[1].

Этим и объясняется, что опубликованные сочинения Торнау не только носят мемуарный характер, но и, как уже отмечалось, содержат целый ряд весьма подробных сведений о значительной части Кавказа определенной исторической эпохи. Именно с этой точки

[1] «Складчина...». – С. 73.

зрения в настоящее время, когда возникает настоятельная потребность глубокого научного изучения прошлого народов Советского Кавказа, работы Торнау представляют для нас большой интерес. Другими словами, несмотря на политические цели Торнау, из названных его работ можно почерпнуть важные сведения о Кавказе, его истории, этнографии, исторической географии и т. д. – материал непреходящей ценности.

В частности, большого внимания заслуживают его подробные описания ряда городов и других населенных пунктов (Тифлиса, Владикавказа, Ставрополя, Прочного Окопа, Сочи, Сухума, Гагры и др.), какими они были примерно 140 лет назад, портреты местных феодалов, русских военных и гражданских чиновников, характеристика положения солдат[1] и кавказских народных масс, детальное изложение быта грузин, абхазов, черкесов, чеченцев и т. д. Следует также подчеркнуть, что автор «Воспоминаний» во многих случаях дает различные справки об истории отдельных районов Кавказского края, что представляет определенный интерес даже и в наши дни, не говоря уже о времени Торнау. Однако, как уже говорилось, наиболее ценны данные о тех кавказских народностях и племенах, которые впоследствии, в результате Кавказской войны и других событий, частично погибли, частично были изгнаны из родных мест и основная масса которых в силу целого ряда причин (особенно мухаджнрства) оказалась на чужбине – в Турции и других странах Ближнего Востока. В этом отношении большой интерес представляет описание населения Западного Кавказа, в частности рассказ о пребывании Торнау среди отдельных черкесских, абхазских и убыхских племен, т. е. как раз среди тех племен, которые, по словам профессора А. Н. Генко, «оказались после выселения или совсем не представлены в числе народностей Кавказа, или же сохранили немногие обломки некогда многочисленных и богатых поселений»[2].

Социальный строй абхазско-адыгских (черкесских) племен имел ряд своеобразных особенностей. Феодальные отношения,

[1] Кавказские войска, по словам Торнау, «обыкновенно страдали и гибли несравненно более от болезней, чем от неприятельского огня» (Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 22).

[2] Генко А. Н. О языке убыхов, – «Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук», Л., – М., 1928. – С. 227.

сильно переплетавшиеся у них с патриархально-родовым укладом, отличались некоторыми характерными чертами. Это явление не прошло мимо Торнау. В «Воспоминаниях кавказского офицера» и записках, которые легли в основу данного сочинения, автор значительное место отвел, например, вопросам «разделения абхазского народа на различные состояния» и положения этих сословий. Трудно, конечно, переоценить значение этого материала, знакомящего читателя с давно изжитыми культурными формами и представлениями, для специалистов – историков и этнографов.

То же можно сказать и о данных по исторической географии Западного Кавказа, поскольку десятки и сотни населенных пунктов и местных географических названий были стерты с лица земли не только «ходом» времени, но и главным образом в результате известных нам неблагоприятных исторических событий. Правда, здесь у Торнау немало ошибок и неточностей.

По поводу конкретных демографических данных, приводимых Торнау, следует сказать, что и в этом важном и нелегком вопросе он относится к числу не тех авторов, которые склонны «брать на веру любые цифры», а к числу «весьма добросовестных и требовательных»[1]. Но надо иметь в виду, что даже численность тех частей горцев, которые в первой половине XIX в. находились под управлением царских военных администраторов, определялась весьма приблизительно. Объясняя это явление («все цифры того времени, которыми обозначали кавказское население, брались приблизительно, можно сказать, на глаз»), Торнау писал: «По понятиям горцев считать людей было не только совершенно бесполезно, но и даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться»[2]. А говоря словами А. П. Берже, «горцев никогда никто не считал, почему и точных статистических сведений о них не существовало»[3].

К чести Торнау следует отметить, что он дал не только наиболее полное, но и относительно «свободное» от великодержавно-шовинистических характеристик описание весьма важных аспектов истории Кавказа, особенно его западного региона, первой трети

[1] Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов, М., 1967. – С. 28.

[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 56.

[3] Берже Ад. Горные племена Кавказа. – С. 72.

XIX столетия. Правда, Торнау при описании, скажем, быта черкесов и абхазов не может удержаться от оскорбительных эпитетов вроде «разбойники», «варвары», «хищники» и т. д. Но в то же время он, не в пример многим другим своим современникам, не только воздерживается от дифирамбов в честь царской администрации, но, как мы видели, даже резко критикует действия отдельных ее представителей на Кавказе.

И именно отмеченное обстоятельство – более или менее «свободное» описание жизни, быта, культуры и борьбы за свободу целой группы народов и племен Кавказа – было истинной причиной постоянного интереса к трудам Ф. Ф. Торнау. Известный кавказовед Е. Г. Вейденбаум уже материалы Торнау (отчеты, записки и письма) считал «проливающими первый свет на неведомые до тех пор части Кавказа»[1]. Профессор М. О. Косвен также подчеркивал, что история этнографического изучения, например, Абхазии начинается именно в 20–30-х годах XIX в. материалами Ф. Ф. Торнау, О. Г. Блома и И. К. Аша[2].

Тот факт, что в трудах Торнау содержится весьма ценное и достоверное свидетельство о Кавказе, подчеркивали и другие авторы. Не вызывает сомнения, что этими материалами пользовался еще А. П. Берже, в частности, при написании своей известной работы «Краткий обзор горских племен на Кавказе», составленной не только по литературным источникам, но «и [по] архивным материалам»[3].

Во всяком случае, уже в своем «Этнографическом обозрении Кавказа», опубликованном в «Трудах III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге» (т. I, СПб., 1879/80), почтенный кавказовед писал: «В 1864 году Торнау издал свои «Воспоминания кавказского офицера». Представляя живой рассказ... томления автора в плену

[1] АКАК, т. XII, ч. I. – С. XII.

[2] См. М. О. Косвен. Материалы..., ч. III. – С. 268.

Надо иметь в виду, что, как уже подчеркивалось, в рассматриваемое время Кавказ – малоизвестный край. Значительная отдаленность его от центральной части Европейской России, недоступность, обусловленная обстановкой военных действий и трудными путями сообщения, плохая изученность страны – все это способствовало тому, что у очень многих современников Торнау представления о Кавказе были неверны и даже фантастичны. Любознательный читатель мог почерпнуть сведения об этом крае лишь в трудах географического или военно-статистического характера (Л. П. Семенов, Пушкин на Кавказе, Пятигорск, 1937. – С. 7–8).

[3] См. М. О. Косвен, Материалы... ч. 1. – С. 369.

у горцев, они содержат много новых и любопытных подробностей о домашнем и юридическом быте абхазцев и их соседей черкесов. Как по изложению, так, главным образом, по содержанию своему сочинение Торнау принадлежит, по моему мнению, к лучшим произведениям, вышедшим из-под пера наших отечественных деятелей на Кавказе» (стр. 307). Далее Берже, делая обзор литературы по этнографии народов Кавказа (стр. 312–326), в частности абхазов, ссылается на «Воспоминания» Торнау, выделяя в этой книге следующие вопросы: общественный и домашний быт, одежда и вооружение, промышленность и ремесло, религиозные верования, обряды и обычаи.

Основательно использованы материалы Торнау и в работе А. Н. Лаврентьева «Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства» (в частности, в разделе об Абхазии), который в отдельных случаях непосредственно ссылается на отдельные рукописи автора «Воспоминаний».

Работы Ф. Ф. Торнау по Кавказу, особенно «Воспоминания кавказского офицера», наиболее широкое отражение нашли в многотомном сочинении академика Н. Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе». Это относится главным образом к описанию социального строя, быта, нравов и обычаев черкесов и абхазов (т. I, кн. I и II).

К трудам Ф. Ф. Торнау обращался и известный русский ботанико-географ и путешественник XIX в. Н. М. Альбов. Он подчеркивал, что в «известных «Воспоминаниях кавказского офицера»» приводятся чрезвычайно правдивые и притом художественно изложенные сведения об Абхазии»[1]. Говоря об «оригинальных жертвенниках», находившихся на некоторых перевалах абхазских гор, Альбов также ссылается на «превосходные» «Воспоминания кавказского офицера», где дано описание одного из таких жертвенников[2]. А Н. А. Котляревский, русский историк литературы, академик, дважды ссылается на «Воспоминания о Кавказе и Грузии» Торнау, правда, без указания автора, который, видимо, оставался для него все еще неизвестным[3].

[1] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии, – «Живая старина», СПб., 11893, вып. III. – С. 298.

[2] Альбов Н. М. Ботанико-географическое исследование в Западном Закавказье в 1893 году, – ЗКОРГО, 1894 кн. XVI. – С. 145.

3 Котляревский Н. А. Декабристы. Кн. А. Одоевский и А. Бестужев, СПб., 1907. – С. 701.

Труды Торнау – не сухая «фактография». Ему вообще было чуждо стремление к бесстрастному коллекционерскому «нанизыванию» фактов, без попытки их объяснить и осмыслить, хотя нередко они сами по себе представляют гораздо большую ценность, чем толкования и обобщения автора. Так, для академика М. Броссе, который перевел на французский язык книгу Торнау «Воспоминания кавказского офицера» и напечатал их в качестве Приложения к своему «Collection d'historiens Armeniens» (t. II, SPb., 1876)[1], самое существенное в этом произведении составляли факты исторического, географического и этнографического порядка, относящиеся, в частности, к абхазскому народу, который «когда-то обладал выдающейся славой» (стр. 487–496).

Если к этому прибавить литературный талант, которым Торнау несомненно обладал[2], то станет ясным, почему некоторые его сочинения сразу обратили на себя всеобщее внимание.

Хотелось бы остановиться на описании Федором Торнау жизни его в плену у горцев с точки зрения установления возможного отношения этого, по словам М. Броссе, «драматического рассказа» к «Кавказскому пленнику» Л. Н. Толстого (1872 г.). Надо сказать, что даже при самом поверхностном сравнении не трудно заметить, что судьба толстовского Жилина-пленника имеет много общего с судьбой Торнау-пленника. Между тем сопоставление «Кавказского пленника» Л. Толстого, скажем, с одноименными поэмами Пушкина и Лермонтова меньше всего допустимо, хотя Толстой и испытал в свое время очарование этих бессмертных творений; в частности, пушкинская традиция в творчестве великого Толстого «заметна в «Кавказском пленнике»»[3].

Как отмечает В. С. Спиридонов, в основу толстовского рассказа – до захвата Жилина в плен – лег эпизод из кавказской военной жизни самого Л. Н. Толстого[4], а в остальной части могли быть использованы в качестве материала «Воспоминания» Ф. Ф. Торнау, а также рассказ «Кавказский пленник», подписанный Н. М. (см. прим. 1)[1]. Действительно, сюжет «Кавказского пленника» Толстого мог сложиться и под непосредственным впечатлением повествования Торнау, с работами которого он до 1872 г. не раз имел возможность познакомиться.

[1] Как видно, автор «Воспоминаний кавказского офицера» для М. Броссе оставался загадкой, анонимом.

[2] «Сочинение Торнова по своему интересу не уступает романам, кипящим содержанием» («Разведчик», СПб., 1890, № 19. – С. 99). А В. И. Ден писал, что «Воспоминания» Торнау – «сочинение, преисполненное интереса по содержанию, представляет еще особенную прелесть изящною формою изложения» ([Ден], Записки..., – С. 170).

[3] Семенов Л. П. Пушкин на Кавказе. – С. 46, 110.

[4] Имеется в виду «нападение 13 июня 1863 г. чеченцев на пятерых русских офицеров, в числе которых был Толстой. Этот эпизод описан в воспоминаниях В. П. Полторацкого («Исторический вестник», 1893, № 6. – С. 672) и в «Воспоминаниях о гр. Л. Н. Толстом» С. А. Берса (Смоленск, 1894. – С. 9).

Таким образом, научная (кавказоведческая) и в известной мере литературная ценность работ Ф. Ф. Торнау и сейчас делают их достойными внимания. Более того, его сочинения, как уже говорилось, благодаря чрезвычайно важным фактическим данным служат одним из источников по изучению истории и культуры Кавказа, и особенно Абхазии и Черкессии, первой половины XIX столетия. Не утратили они и своей увлекательности.

Тем не менее материалы Ф. Ф. Торнау требуют к себе известного критического подхода. Не имея специальной подготовки и не располагая достаточным запасом времени и необходимыми условиями для углубленного изучения Кавказского края, Торнау допустил целый ряд фактических ошибок и неверных трактовок. Это относится прежде всего к вопросам социальной структуры абхазов, а также к характеристике и некоторых других кавказских народов.

За сравнительно короткое время своего пребывание в Абхазии Торнау, естественно, трудно было разобраться во всей сложности ее социального строя[2]. Его ошибка и неточности в этом отношении, пожалуй, особенно отразились в описании категории анхаю – высшего и основного слоя абхазского крестьянства. Торнау все трудовое население Абхазии делит лишь на два разряда – анхаю и агыруа, которых он характеризует как крестьян (первых) и рабов (вторых). Следовательно, в социальной структуре Абхазского княжества автор не заметил существования особой категории крепостных – ахоую (агыруа). Кроме того, Торнау ошибочно называет рабов (ахашвала) агыруа.

Что же касается неточностей автора, допущенных в характеристике, например, убыхов, то Торнау иногда включает их в общую

[1] См. Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 21, М., 1957. – С. 668.

[2] Подробнее об этом см. Г. А. Дзидзария, Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке, Сухуми, 1958. – С. 190–191, 311–312.

численность «черкесского племени»; количество же их он явно преуменьшает, приводя цифры 6 тыс. вместо примерно 40 тыс. Столь же грубую ошибку допускает Торнау в определении восточной границы Убыхии – между реками Сочи и Шахе, а не между реками Хоста и Сочи и в отношении отдельных черкесских племен. Так, натухайцев Торнау включает в состав шапсугов, считая, что последние, таким образом, занимали пространство от Анапы до р. Шахе, а адемиевцев, являвшихся одним из темиргоевских подразделений и занимавших нижнюю часть долины р. Белой до Лабы, – к бжедугам.

Много неточностей у Торнау и в передаче географических названий и собственных имен. Кроме того, как отмечал еще Н. Ф. Дубровин, в опубликованные работы Торнау вкрались «некоторые довольно важные опечатки», «вероятно, от неразборчивости рукописи».

Надо сказать, что это было вызвано не только «неразборчивостью рукописи», а почерк у Торнау действительно был очень «трудный», но и тем, что автор, находясь вдали от родины, был лишен возможности проверять корректуру. И Торнау очень остро переживал из-за этих корректурных ошибок. Пожалуй, он первым их заметил и старался исправить некоторые из них при издании своих «Воспоминаний» отдельной книгой. О многочисленных опечатках Торнау несколько раз сообщал М. И. Семевскому, прося его содействовать в их исправлении. Так, 21 апреля (2 мая) 1885 г. он писал: «И спешу со своей стороны переслать опечатки, найденные мною в издании. Некоторые из них, искажая собственные имена, мне кажутся довольно важными. Не представится ли возможность напечатать таковые на мой счет, приложить к экземплярам «Воспоминаний»? Без этого меня могут обвинить в искажении или в ошибочном произношении этих имен... Поймите, в какой степени мне должно быть неприятно попасть под незаслуженное обвинение»[1].

Хочется еще раз подчеркнуть, что Торнау, как мы видели, имел если не прямое, то косвенное отношение к тому широкому общественному движению, в которое была вовлечена значительная часть русской дворянской интеллигенции, – «декабризму», под которым следует понимать не только политическую деятельность тайных организаций, но и определенный тип мировоззрения, включающий в себя передовое понимание политики, истории, эстетики, морали,

[1] ИРЛ, Рукописный отдел, ф. 274, оп. 1, № 355, л. 5.

литературы[1]. Иллюстрацией этому служит, например, факт горячего приветствия Федором Торнау сближения русских с абхазским населением и решительного осуждения им «нравственного гнета, который всегда лежит на завоеванном народе»[2], что явно перекликается с воззрениями декабристов на Кавказскую войну. Как известно, у последних признание необходимости этой войны сочеталось с резко отрицательным отношением к жестоким методам усмирения и к господствовавшему на Кавказе произволу и насилию царской военной и гражданской администрации, естественно вызывавшими решительный отпор со стороны свободолюбивых народов края.

Таким образом, многолетнее пребывание Ф. Ф. Торнау в кулуарах высшей бюрократии, близость его со многими лицами, причастными к правительственным кругам, и его довольно высокое служебное положение как человека, принадлежащего «к числу выдающихся офицеров русской армии»[3], – все это не помешало ему достаточно трезво смотреть на печальную действительность родной страны, которой он честно служил.

В этом свете показательны отношения Ф. Ф. Торнау с М. И. Семевским, который был связан с А. И. Герценом и находился в близком литературном общении с Н. Г. Чернышевским. Главная заслуга Семевского – основание и издание исторического журнала «Русская старина» (1870–1892 гг.). В раскрытии этих отношений, носивших в основном творческий характер, важнейшим и пока что единственным источником являются венские письма Ф. Ф. Торнау на имя М. И. Семевского за 1865–1866 гг.

Из этих документов выясняется большая роль Семевского в публикации, реализации и популяризации сочинений Торнау, в частности «Воспоминаний кавказского офицера». В письме от 17 (29) июля 1865 г. Торнау выражал Семевскому благодарность за его «расположение и за литературную помощь», а также сообщал о намерении прислать ему на просмотр свою рукопись о Турецкой кампании 1829 г. Торнау был уверен, что автором опубликованной в газете «Голос» рецензии на его «Воспоминания» (она цитирова-

[1] См. И. Семенко, Поэтическое наследие декабристов, – в кн.: «Поэты-декабристы», Л., 1960. – С. 17.

[2] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 36.

[3] «Исторический «вестник», 1897, № 1. – С. 50.

лась выше) был Семевский. Он не сомневался и в том, что появление рецензии на страницах «Военного сборника», кстати, о которой ему впервые стало известно от Семевского, – результат «участия, принимаемого» последним «во всем, касающемся до изданий Воспоминаний»». А в письме от 12 (24) октября 1865 г. Торнау писал: «Отзыв «Отечественных записок», который Вы себе дали труд мне сообщить, очень интересен для меня... Не знаю, право, чем я успел заслужить доброжелательную снисходительность, проявляющуюся во всех разборах моих «Воспоминаний»»[1].

Еще об одном моменте. В изучении весьма сложных и глубоко специфических явлений в жизни народов Кавказа определенной исторической эпохи Торнау проявляет не только тонкую наблюдательность и большую эрудицию, но и основательное знание литературы об интересном для него предмете. Так, в своих работах он ссылается на исследования итальянца Г. Интериано, француза Фредерика Дюбуа де Монпере и других авторов, писавших в разное время с разных позиций о Кавказском крае.

В Приложениях к настоящей работе даются наиболее ценные неопубликованные и частично опубликованные архивные материалы и отрывки (преимущественно этнографические сведения) из печатных сочинений Ф. Ф. Торнау, а также перечень его опубликованных произведений.

Ввиду многочисленных неточностей в названиях (собственных имен, географических, этнографических), по тем или иным причинам допущенных в работах Торнау, некоторые грубые ошибки выправлены, а разночтения унифицированы автором данной монографии.

[1] ИРЛ, Рукописный отдел, ф. 274, оп. 1, № 356, лл. 11–11 об., 13, 15.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР – Архив внешней политики России (Москва).

АИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР (Сухуми).

АКАК – Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссией (Тифлис).

ВУА – Военно-ученый архив.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края (Краснодар).

ЗКОРГО – Записки Кавказского отделения Русского географического общества (Тифлис).

ИКОРГО – Известия Кавказского отделения Русского географического общества (Тифлис).

ИРЛ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

КЭС – Кавказский этнографический сборник (М., т. I – 1955 г., т. II – 1958 г., т. III –1962 г.).

ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

ОРГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

РОГПБ – Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ЦГАА – Центральный государственный архив Абхазской АССР (Сухуми).

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов (Москва).

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (Москва).

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва).

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (Тбилиси).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Из докладной записки Ф. Ф. Торнау командующему Абхазским отрядом полковнику А. Г. Пацовскому о князьях бзыбских Инал-ипа и садзских (джигетских) Аредба и Цанба

3 января 1835 г., Бамбора

...Из того, что я досель мог узнать, оказалось, что некоторые абхазские фамилии не только что находятся в сношениях с джигетами, но между «ими имеются и родственные связи, навещают друг друга часто и хранят свято между собой права гостеприимства, по обычаю существующие между всеми горцами.

В особенности Нарчоу, сын его Ростом и Долт-Мирза (пожалованный прапорщиком), князья Инал-ипа, проживая на Бзыби, по близкому соседству с джигетами связаны с ними узами родства и более других абхазцев с ними сближены.

Сильнейшие фамилии из соседственных Абхазии джигетов – Цанба, в с. Цандриш живущие, и братья Аредба, имеющие свое селение близ мыса Адлер... Они съезжаются с Ина-ипа и могут, если только захотят, меня провести до Геленджика. Остается склонить к сему кого-либо из них, надеюсь успеть в этом, познакомившись предварительно с ними, что я смогу сделать посредством одного из Инал-ипа и с помощью прапорщика Шакрыла, абхазского уроженца, который кроме природного языка своего знает и турецкий и, служа в одно время и переводчиком и проводником по Абхазии, много может способствовать... Считал бы я нужным также назначить

прапорщику Шакрылу во время поездок его со мною... казенное содержание: бедность его семейства дает ему на сие право...[1*].

Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше

25 ноября 1835 г., Тифлис

Хребет Кавказских гор, «которого последняя высота на западе, покрытая вечным снегом, есть гора Сагдан (Оштен), разделившись на две главные отрасли, одною из них уперся около Гагр круто в море, другою, поворотив на север, оканчивается не доходя Анапы распустив по всем направлениям отроги лесистых высот, примерно понижающихся по мере приближения их к морю и к Кубани.

Река Бзыбь, но более еще хребет гор, которого начало у горы Сагдан, а крайняя оконечность близ укр. Гагр, резко отделили от покорной нам Абхазии пространства земли, населенные садзами и сашою, живущими по берегу моря, медовеевцами и убыхами, прислонившимися к юго-западной покатости каменистого хребта Кавказских гор...

Далее на север, не находя особенной преграды в лесистых горах, далеко уступающих в высоте и крутости хребтам, снеговому и каменистому, шапсуги распространились от Кубани к берегу моря, близ которого разделились на отдельные вольные общества, мало связанные с жителями гор и плоскости кубанской, им одноплеменными.

Ближе к Анапе берег моря занят поколением черкес, или адыге, известным под названием натухайцы.

Пространство земли и число народонаселения

Полоса земли, заключающаяся между берегом Черного моря, хребтом Кавказских гор и реками Сочи и Бзыбом, представляет до 4000 кв. верст пространства, заселенного повсюду, где только местность представила малейшее угодье для жительства. Число народонаселения весьма трудно определить, видев даже места, ибо дома разбросаны по высотам и ущельям, следуя течению рек, на довольно значительное протяжение. С первого взгляда оно пока-

[1] * ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, лл. 4–5.

жется значительнее, чем действительно есть, когда станешь заключать по количеству жительств о числе народонаселения, встречая повсюду купы домов, которые обыкновенно занимаются одним семейством. Узнать о народонаселении у туземцев также трудно, ибо они его сами не знают и никогда не заботились о числе его. Ни один из владельцев и князей не знает наверное, сколько ему повинуется народу. Приблизительно можно положить, что всего на сем пространстве поселено до 2300 семейств, но отнюдь не более; полагая в семье до 5-ти душ мужского и женского полу все народонаселение представит около 11500 голов... это слишком мало; по пространству 4000 кв. верст... легко может быть и втрое более.

Горы и долины

От главного хребта проходят на юго-запад отроги лесистых гор, которыми покрыто все пространство земли между реками Сочи и Бзыбом. Ущелья, по которым протекают главные реки... представляют возможность селиться, но они вообще тесны, и скат их к морю стремителен, что делает здешние реки чрезвычайно быстрыми и причиною скорых изменений в состоянии вод.

Горы, подходя к морю, приметно понижаются и каменистые в начале своем близ оного представляют почву глинистую и иловатую. Хребты более замечательные по высоте своей на сем пространстве, следующие.

1) Около укр. Гагр упирается в море и каменистою подошвою своею от укрепления на север на расстоянии 2-х верст в бурную погоду совершенно прерывает сообщение по берегу.

2) Между реками Сочи и Мца касается моря, не вредя сообщению по берегу.

3) Между реками Мцою и Худапсом, подходя к морю, оканчивается отдельною довольно значительною горою, по покатостям которой расположено сел. Хамышь.

4) Хребты гор по течению рек Мдзимта и Псоу, в начале своем представляющие ряды обнаженных скал, понижаясь мало-помалу, несколько не доходя моря, превращаются в лесистые холмы.

Самая значительная плоскость по всему пространству от Сочи до Бзыба есть долина Лиешь, образующая близ истока Мдзимты

мыс, известный у нас под названием Адлера. Пространство она может представить около 60 кв. в[ерст], обнаженных от лесу только на Св. (Север. – Г. Д.) от Мдзимты на расстоянии 3-х в. в длину и с лишком 2-х с половиною в ширину.

Долина по течению Сочи близ самого моря, после Лиешь, есть обширнейшая.

Есть, кроме того, долины по течениям рек Мца, Худапс, Псоу и Хучупсу, но они весьма незначительны, находятся в недальнем расстоянии от моря и, протянувшись на 1, 2, много 3 версты, стесненные снова горами, превращаются в узкие ущелья, только достаточные для протока рек.

Реки

Кроме Бзыба, совершенно принадлежащего Абхазии, по сему пространству протекают еще три реки, в быстроте и глубине вод и широте ложа ему подобные, они суть: Сочи, Мдзимта и Псоу. Мца, Худапс, Хучупсу, Бегеуча, или Багрыпш, и Агис уступают в величине помянутым рекам, которых характер одинаковый с водами Абхазии: мелкие в течении своем во время маловодия, они в мае и июне месяцах, когда тает снег в горах, наполняются с неимоверной скоростию и тогда быстрые и глубокие... ворочают с ложа огромные камни. Кроме сих рек втекает в море еще множество притоков, заметных только во «время полноводия; в другое же время устье их забито песком, или они, размыв оный узкою струею, обозначают исток свой.

В мелководие все помянутые воды проходимы вброд как при самом истоке их в море, так и несколько выше. Во время прибоя с моря переправа около устья иногда делается опасною через реки Сочи, Мдзимту и Псоу, но всегда возможна.

В полноводие броды выше предпочтительны бродам по устью сих рек, ибо они там, где ложе их состоит из наносного песку и мелкого хряща, быстротою течения часто вырывают ямы, и неожиданно находишь глубину в местах, где было мелко.

Реки Сочи, Мдзимта и Псоу имеют начало свое в вершине Главного хребта Кавказских гор и текут на юго-запад, вливаясь в море одним устьем, соединяющим множество рукавов течения их.

Сочи выходит из гор противу истока Белой речки... текущей на северо-запад по другую сторону хребта, и отделяет племя абадза, или абазин, от убых, жительства коих начинаются от правого берега сей реки.

Мдзимта имеет начало свое противу истока Малой Лабы, течет верст на 15 в крутых обрывистых берегах, образуя множество водопадов, потом по лесистому ущелью и, наконец, перерезав долину Лиешь, по которой протекает тремя главными и множеством побочных рукавов, одним устьем впадает в море.

Псоу вытекает из острога высоты Сагдан, дающей начало Большой Лабе, и в течении своем подобна Мдзимте; трудно определить на глаз, которая из сих рек значительнее, особенно не видав их в полноводие, когда они собственно делаются достойными замечания в отношении препятствий...

Леса и пастбищные места

Вся юго-западная покатость Кавказских гор вплоть до самого моря покрыта густым лесом, представляющим весьма немного открытых мест для пастбищ и для полей. На пространстве от Сочи до Бзыба они все обозначены жилищами и находятся только по ущельям рек или по высотам Главного хребта... по расселинам обнаженных скал дают самую скудную пищу небольшим стадам коз, коих преимущественно водят жители сего края. Леса около Главного хребта сосновые, ниже – лиственные, близ моря же – фруктовые, перевитые колючкою, делающей их большей частью неудобопроходимыми.

Обширных пастбищных мест, кроме [как] на долине Лиешь и по Сочи, не существует.

Климат

В горах воздух чист и здоров; по берегу моря летние жары совокупно с испарениями моря и сырых лесистых берегов производят лихорадки и другие губительные болезни.

Места по устьям Сочи и Мдзимты, несколько обнаженные от лесу, более здоровы.

Произведения

Произведения – одинаковые с Абхазией.

Из царства животных водятся здесь в небольшом количестве лошади, ослы, буйволы, порода малорослых коров, изредка бараны и козы. В горах немного диких зверей, по скалам Главного хребта есть туры и альпийские козы, [а] также медведи; ближе к морю водятся куницы и зайцы; леса наполнены шакалами.

Из домашних птиц видны одни куры, диких же – только можно заметить голубей, а по берегу моря – гусей и других, рыболовных птиц.

Из царства растительного находятся по лесам и около аулов произрастающие без всякого присмотру яблони, груши, орехи, волошские и простые, в большом количестве каштаны, персики и виноград, не уступающий в величине ягод и во вкусе садовому, произведением которого занимаются в Закавказском крае. Произрастают хорошо кукуруза, гоми[1*] и пшеница. Из огородных овощей видны огурцы, тыква и редька.

Строевого лесу множество пород: по высотам гор и по ущельям рек около Главного хребта – сосна и береза, ниже – дуб, клен, потом ясень, бук, орех, каштан и около моря – пальма. По берегу моря видны в разных местах небольшими купами и сосновые деревья, как то: между Гаграми и реками Хучупсу и близ реки Сочи.

Из царства ископаемого жителям здешнего края неизвестно никакое произведение.

От реки Бзыба до р. Сочи обитают абазины – поколение, одноплеменное с абхазцами, говорящее с ним [одним и] тем же языком, без всякого приметного изменения. Называют они себя сами абадзою, иногда и садзами, под каким названием более известны соседям своим, ибо абадза – слишком общее название и принадлежит всему племени, колена которого находятся и на северо-восточной покатости Кавказских гор и распространились до самой Кубани.

Оклад лица, одежда, вооружение, образ жизни, обычаи и понятия их ни в чем не отличаются от других горцев сего племени, разве только в том, что они далеко уступают в воинственности племенам, обитающим по Кубани... Места, занимаемые ими, горы и леса сдела-

[1] * Вид проса (в Приложении все примечания даны автором настоящей монографии).

ли из них пеших воинов и хороших стрелков; особенно отличаются цельною стрельбою медовеевцы, в чем им должно отдать полную справедливость, как и в неутомимости, с которою делают по горам пешие переходы. Конницы у них нет: недостаток в пастбищных местах не позволяет садзам иметь лошадей, и только князья и уздени обладают оными в небольшом количестве. Вообще садзы дерутся только по лесам и в враждах своих с черкесами стараются ставить засады, не смея с ними мериться в открытом бою.

Добродетель садзов, общая... со всеми горцами, – гостеприимство, которое свято соблюдается.

Религия

Невзирая на частые сношения с турками и на пребывание сих последних по берегу моря, магометанская религия не распространилась между абазинами, одни только князья и уздени ее исповедуют, и те держатся весьма слабо предписываемых ею правил и обрядов. Народ же не имеет никакой религии, но полон суеверия и предрассудков, обнаруживающих смесь магометанства с идолослужением. Медовеевцы менее других имеют религиозные понятия.

Промыслы и торговля

Хлебопашество и скотоводство суть единственные отрасли промышленности, известные жителям здешнего края; садоводством они не занимаются, природа сама заботится о снабжении их плодами всякого рода. Пчел [раз]водят у медовеевцев и по берегу моря.

Поселение в тесных местах, не представляющих возможность разводить стада, [и] необходимость пропитания заставили их обратить внимание на хлебопашество и заняться им с тщанием. Около селений все почти пространство, за лесом и камнем удобное к вспашке, засеяно, но оно обыкновенно столь невелико, что дает жатвы едва достаточно для собственного их прокормления. Сеют кукурузу, гоми и в небольшом количестве пшеницу; у медовеевцев есть и овес. В некоторых местах, по берегу моря, разводят с успехом табак.

Медовеевцы и в хлебе терпят нужду, так что Маршания каждую осень выходят на линию, выпрашивая там у родичей своих и знакомых пшеницы и проса для пополнения зимнего запаса.

Рогатого скота весьма немного, как и баранов, так что зажиточные даже люди между садзами и медовеевцами обладают не более как 10-ю или 20-ю коровами и 30-ю или 50-ю баранами. Стада коз, пасущихся по горам, значительнее. В лошадях совершенный недостаток, родящиеся здесь – малорослы и слабосильны в сравнении с лошадьми Кавказской линии, но отличаются искусством ходьбы по трудным горным тропам.

Садзам и медовеевдам неизвестны даже промыслы, которыми занимаются горцы северной покатости хребта. Сукна для одежды, здесь приготовляемые, чрезвычайно грубы и непрочны; полотно из конопли, делаемое у медовеевцев, дурно. В оправе оружия и в приготовлении одежды они совершенно отстали от других горцев.

Торговля их ограничивается меною между собою и с турками, которые их снабжают необходимым для одежды – бумажным, шерстяным и шелковым товаром самого низкого разбору, [а также] оружием, порохом, свинцом и солью, в которых они терпят совершенную нужду. Променивают туркам пальмовое дерево, мед, воск и чаще всего женщин и мальчиков. Порох делают в некоторых селениях, между прочим и в Ахчипсу, за свинцом ходят в Абхазию, к Гумисте[1*].

Гражданский быт

Народ мало повинуется князьям и дворянам, которым обычай, некоторый достаток и личная храбрость дают право на уважение своих соотечественников, не предоставляя между тем никакой власти. В совете, когда князь известен храбростью, когда умеет увлечь толпу и согласовать намерения свои с желаниями народа, то может ожидать некоторого повиновения, и то только временного. Непостоянство характера и легкомыслие заставляют здешний народ бесправно разделяться, имея в виду одни частные выгоды.

Садзы числом хотя и не слабее убых и медовеевцев, но совершенно находятся под влиянием первых и часто переносят обиды от

[1] * В ущелье р. Гумисты издавна существовал свинцово-серебряный рудник.

последних, причиною тому: согласие между собою убых, которым нетрудно управляться с садзами через разделение свое на отдельные общества и неприступность мест, занимаемых медовеевцами, которым для хищничества легче спускаться к морю, чем садзам для отомщения им идти в горы.

Разделение на общества

Абадза, населяющая восточный берег Черного моря от Бзыба до Сочи[1**], разделяется на множество обществ, независимых одно от другого, вольных, неповинующихся никакой власти. В каждом обществе есть одна или две фамилии, которые по древности рода, по достатку и по многочисленности пользуются общим уважением и неприкосновенностью, основанною на числе кровомстителей, которых они могут выставить в случае обиды, нанесенной одному из членов ее. Народной вражды между сими обществами не существует, что не мешает отдельным семействам предаваться распрям, часто нарушающим общее согласие.

Обществ столько же, сколько селений, они следующие.

1) А х ч и п с у, у верховья реки Мдзимты... расположено по покатостям и на небольших полянах при подошве гор, образующих ущелья помянутых рек. Дома (которых всего до 200), отстоящие один от другого на довольно значительное расстояние, разбросаны на протяжении 5-ти верст почти, и каждое семейство имеет около жилища своего сад и небольшое поле, засеянное кукурузою и гоми. Сообщение в самом селении чрезвычайно затруднительно и представляет узкую каменистую тропинку, часто заваленную огромными массами камня... круто теряющуюся над обрывистым берегом Мдзимты, через которую существуют 2 висячих моста, подле коих есть и броды для переправы лошадей. Господствующая здесь фамилия Маршания чрезвычайно многочисленна, старший и более уважаемый в народе есть Дударуква Багаркан-ипа Маршания.

2) А и б г а, у верховья р. Псоу, несколько менее Ахчипсу и вмещает до 180 семейств, также заселено Маршаниями; кроме [н]их в сем селении есть еще уздени Вахох, Тлабог и Кота, имеющие некоторый вес в народе.

[1] ** Правильно – до р. Хосты.

3) Ч у ж г у ч а, на р. Чужипсы, впадающей в Мдзимту; население его простирается до 100 семейств, построивших жилища свои по лесистым высотам около течения сей реки. Они беднее жителей Ахчипсу и Аибга, чему причиною теснота мест, не представляющая угодий, коими пользуется население помянутых деревень. И здесь Маршании имеют первенство в народе, старшим и более зажиточным в сем селении считается Каздатук Дударуква Маршания.

Селения Ахчипсу, Аибга и Чужгуча, находясь в недальнем расстоянии одно от другого, в местах, равно укрепленных природою, через фамилию Маршаниев, их населяющих, тесно связаны между собою, и в соединении известно соседям своим под названием медовеевцев. Одноплеменные абхазцам, они говорят одним с ними языком и ни в образе жизни, ни в обычаях не отличаются от первых. Медовеевцы между горцами отличаются хищничеством, в котором им много способствует неприступность собственных жилищ, огражденных горами от набегов соседей, которые бы захотели им воздать за равное.

4) Ч у ж и, на р. Худапс, около 100 семейств, которых жилища разбросаны по высотам, открытым более предыдущих; здесь произрастает виноград, которого нет у медовеевцев, и хлебопашество в лучшем состоянии. Общество Чужи признает над собою власть кн. Джимир-ипа Ислам Бага.

5) Ч у а, на р. Мце, семейств... считается в сем селении до 150, живут растянуто, на расстоянии 3-х верст и признают над собою власть кн. Безишь Ачу.

Жители обществ Чужи и Чуа, живущие между собою дружелюбно, называют себя абадзою, не принимая названия садзов, принадлежащего собственно жителям прибрежным из племени абадзы.

6) Сел. С о ч и п с ы, или Облагукуадж[1*], расположено по обеим сторонам р. Сочи, на довольно обширной долине, близ устья ее; в нем считают до 450 семейств, частию абазин, частию убых и небольшого числа турок, соединенных под названием саше. Турки в сем селении имеют одно из главных пристанищ своих и отсюда производят торг с горцами; влияние их на жителей заметно по ревности сих последних в исполнении обрядов магометанской религии, чего нельзя видеть в других селениях.

[1] * К у а д ж – по-черкесски «селение».

Князь Али Ахмет Облагу, происхождение которого... от племени адыга, сам ревностный мусульманин и окружен турками. Племя саше ему повинуется, хотя и не во всех случаях; особенно влияние его упало с того времени, как туземцы, неизвестно по какой причине, его стали подозревать в тайных сношениях с русскими, но при всем том он из всех князей и владельцев от р. Шахе до р. Бзыба сильнейший и пользуется хорошим достатком.

Дом кн. Облагу построен в одной версте от с. Сочипсы и на таком же расстоянии от моря, на берегу которого сделан небольшой завал из деревьев и земли для прикрытия дороги, ведущей в селение.

В с. Сочипсы в употреблении три языка: черкесский, абазинский и убыхский.

7) Х а л ц и с, на правом берегу Мцы, близ устья ее; до 60 семейств; придерживается общества Хамышь.

8) Х а м ы ш ь, на покатости горы, над самым морем по речке того же имени, признает князем своим Джембулата Хамышь, малосильного даже в собственном владении своем, хотя и считается по роду старшим из абхазских князей. Полагают в селении около 80-ти семей.

9) Общество Э с х о р и п ш, или А р т к у а д ж, считает до 200 семейств, поселенных по р. Худапс, в двух верстах от устья ее; не повинуется никому; в нем проживают уздени фамилии Арта.

10) Общество А р е д б а, поселенное на долине Лиешь, считает около 430 семейств, пользующихся выгодами равнины, которых лишены другие селения. Хлебопашество и скотоводство здесь в лучшем состоянии, чем где-либо из других мест, есть и небольшой табун лошадей. Зажиточность жителей долины Лиешь известна между садзами.

Братья Аредба – Беслан, Соуоран и Чигуа – старшие в роде, не имея никакой власти над народом, у него в уважении. Влияние свое они утратили с того времени, как вступили в сношение с русскими, и должны выдерживать за сие частые упреки.

Поселение общества Аредба, обнимающее долину Лиешь полумесяцем, разделено на следующие аулы: Керека, Абаха, Банширипш, Учуга и Хышхорипш, лежащие по покатостям холмов, ограничивающих с востока долину Лиешь, Ката и Джанхота...

По дороге, ведущей от берега моря через небольшой промежуток к помянутым селениям, в 2-х или 3-х верстах от устья Мдзимты

на север устроен жителями над самым береговым песком обширный, но слабый для защиты завал.

11) Г е ч ь к у а д ж, на правой стороне р. Псоу, вмещает до 80 семейств и занято фамилиею Гечь, из которых Едырбей более других имеет значение.

12) Ц а н д р ы п ш, или Ц а н к у а д ж, по р. Хучупсу; в нем считают до 120 домов, занятых большею частью узденями фамилии Цонбай, из которых старший хаджи Салама.

13) Х ы с х а, на горе, местожительство фамилии Анчабадзе, считает не более 40 семейств.

14) Б е г е у ч а, или Б а г р ы п ш ь, ближайшее к Гаграм селение, вмещает в себе около 100 семейств.

С о о б щ е н и я

Вообще, по всей юго-западной покатости гор, прилегающих к морю, сообщения чрезвычайно трудны; положение местности, представляющей узкие хребты и тесные ущелья, занятые течением быстрых рек, делает их таковыми.

В Абхазии до сего времени не было повозочных дорог, далее на север по местам, занимаемым садзами, находим их еще менее; только за [р.] Тагапс, у сапсуг, начинаются арбяные дороги. Путь по береговому песку при всем неудобстве служит главным сообщением прибрежных жителей, пользующихся им для переезда на арбах. Выше в горах видны одни вьючные тропинки, весьма неудобные для проезда во время дождей и зимою, но по нужде проходимые во всякое время. Жители там не имеют арб, всегда ездят верхом, а для перевоза тяжестей употребляют ослов.

От каждого селения идут дороги к берегу моря, пролегающие по ущельям рек и по хребтам гор. Последние предпочитаются жителями для переездов, невзирая на частые подъемы и спуски, которые не встречаются по ущельям; причиною тому, что обыкновенно на высотах хребтов лес реже и всегда можно найти объезд трудного места, чего не всегда можно сделать в тесном ущелье, поросшем густым лесом и заваленном... камнями, которых жители никогда и не думают скидывать с дороги.

Для прохода по сим дорогам войскам с одною горною артиллериею нет необходимости их разрабатывать; кроме того, одни дороги к медовеевцам, живущим близ Главного хребта, особенно трудны; пути же к селениям, лежащим ближе к морю, не представляют особенных препятствий к проходу.

Дорога через хребет Кавказских гор

Дорога через хребет Кавказских гор, от Шегирея к с. Ахчипсу и оттуда к берегу моря... хотя и с большими трудами и издержками, но может быть разработана и, раз проложенная, будет служить прочным и твердым сообщением. Вечные снега, кончившись на высоте Сагдан, на 6 месяцев в году оставляют перевал через хребет свободным, и в зимнее время на нем не может быть снежных завалов. Проходит дорога, поднимаясь по широкому ущелью Малой Лабы, суженному и каменистому, близ -горы Диц и невдалеке от впадения в Лабу р. Псизипс, по течению которой, поворотив, доходит широким ущельем, не требуя даже в настоящем виде никакой разработки, к верховью реки Мдзимты; от него – к истоку р. Зикуой, где, обогнув каменистую гору, по лесистой покатости круто спускается в с. Ахчипсу, от которого по каменистому грунту узким ущельем над обрывистым берегом Мдзимты пролегает до долины Лиешь, не доходя которой версты на две, расширившись, снова делается удобною для повозок.

Дабы миновать каменистые и тесные места по Лабе, около горы Диц, горцы проезжают от Шегирея хребтом до горы Ашишбог, от которой поворачивают снова к Лабе; здесь дорога хотя и представляет множество крутых подъемов и спусков, но менее камениста, не столько портит некованых лошадей, что служит главною причиною предпочтения ее. От Шегирея, к которому проходит с линии весьма удобная арбяная дорога от ст. Прочноокопской через Вознесенское укрепление на Чаплыке и оттуда через Лабу по Калашскому броду, до долины Лиешь не более 130 верст.

Дорога по берегу моря

Дорога по берегу моря от Сочи до Бзыба прерывается скалами, вдавшимися в море, около которых проезд во время прибоя делается чрезвычайно опасным и иногда и совершенно невозможным, между реками Багрыпшь и Бзыбом в трех местах:

1) в 7 верстах от укр. Гагр на север, на расстоянии 1 1/2 верст, здесь существует объезд над самыми скалами, удобный к разработке;

2) не доходя Гагр верст четырех, на расстоянии сажений 20-ти, не более, где объезд так не может быть устроен;

3) подле самых Гагр на 2 версты; разработка объезда здесь будет стоить больших трудов, но, раз сделанная, даст дорогу прочную и довольно удобную.

От р. Бегеучи до р. Сочи идет по береговому песку широкая дорога, в настоящем виде чрезвычайно неудобная и затруднительная к провозу тяжестей, но может быть продолжена другая дорога по берегу от Сочи через с. Хамышь до р. Худапс горами и оттуда ровным местом до р. Бегеучи, от которой к Гаграм горы подходят к самому морю.

Реки, затрудняющие во время полноводия свое сообщение: Псоу и Мдзимта. Наполняются они обыкновенно в конце апреля и в мае месяцах, когда в горах тают снега, и во время осенних дождей в октябре месяце.

От Гагр ведет дорога через хутор Саандааршиха, выходящая на Бегеучу в объезд скал; говорят, что она для конного неудобопроходима.

От Бзыба через Гагринский перевал от с. Аджепхуны к селению Хысха пролегает тропинка, по которой можно провести лошадей.

Дорога к селениям от берега моря

От берега моря к с. Сочипсы проходит дорога, при самом незначительном исправлении удобная для провоза артиллерии и тяжестей.

Вверх по Мце есть дорога к с. Чуа, проходящая большею частью... по ущелью сей реки; в настоящем положении она неудобна к провозу тяжестей и артиллерии, но легко может быть расчищена.

От с. Чуа в Чужи дорога идет хребтом горы, крутых спусков и подъемов по ней нет, но есть тонкие места; во всяком случае, она проходима для войск с горной артиллериею.

От Чужи до с. Чужгуча дорога идет каменистым хребтом, представляя два крутых и продолжительных подъема около помянутых

селений; по ней множество тонких мест: по нужде дорога эта проходима для войск с горной артиллериею.

От с. Чужгуча в с. Ахчипсу дорога более удобная.

От Ахчипсу в с. Аибга ведет через каменистый хребет горы конная тропинка.

От с. Аибга в с. Псоу и оттуда в Абхазию к селениям Аджепхуны и Ачандара ведут тропинки, проходимые для конного.

К с. Эсхорипш идет от берега моря по довольно трудной переправе через небольшую гору, которой почва – вязкая глина, дорога, удобная к проезду легкой артиллерии. Через помянутую же гору без исправления дороги нельзя оной провести.

К долине Лиешь идет дорога через небольшой пролесок на расстоянии 1 1/2 версты, ровная и сухая; оно проходима для легкой артиллерии.

Такая же дорога, от берега моря к долине Лиешь, проходит лесом от устья Мдзимты, через которую брод, по крайней мере, в мелководие весьма удобный.

В с. Гечь и Пондрыпшь идут дороги по довольно ровному месту, за расчисткою леса удобные к провозу тяжестей и артиллерии.

В селения на Багрыпшь и Хысха ведут дороги, проходимые только конному.

Штабс-капитан барон Турнау[1*].

Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубани до устья Ингура

1 февраля 1839 г., С.-Петербург

Основываясь на различии языков, которыми говорят горцы, населяющие Закубанье и берег Черного моря от устья Кубани вниз до Ингура, их можно разделить на три племени:

I. *Племя абазин*, имеющее собственный, коренной язык свой, ничем не сходный с языком черкесским, занимает берег Черного моря от Ингура до р. Саше, прилегающую к сему пространству юго-западную покатость хребта Кавказских гор и некоторые ущелья на северном склоне их, между Урупом и Белой речкой.

[1] * ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18510, лл. 1–8 об.

II. *Племя черкес [ов]*, говорящее несколькими наречиями коренного черкесского (кабардинского) языка, заселяет берег Черного моря от р. Саше вверх до Анапы и все пространство земли между Кубанью и Главным хребтом Кавказских гор.

III. *Ногайские татары*, живущие вдоль по Кубани, одноплеменные им карачаевцы... занимают верховья рек Кубани и Теберды, впадающей в первую; говорят они наречием языка татарского.

Кроме этих трех племен находится еще в горах народ, имеющий собственный язык свой; это убыхи, они занимают юго-западную покатость хребта Кавказских гор, между реками Саше и Шахе.

Племена эти, различаясь языком, отчасти и верою, сходны между собою характером, обычаями, образом жизни, одеждою и вооружением. Соседство турок или русских, степень самостоятельности, выгоды и невыгоды заселяемых ими земель и другие обстоятельства хотя и имели некоторое влияние на быт и на понятия разных горских племен, но не лишили их помянутого общего сходства.

Вера, господствующая между горцами, живущими за Кубанью и по берегу моря, магометанская. В Абхазии много новообращенных христиан, следы христианства видны и у сапсуг. Часть же сапсуг, абазех и абазин – идолопоклонники или не имеют никаких религиозных понятий.

Абазины и черкесы разделились на множество отдельных владений и обществ, частью связанных между собою узами родства и обоюдностью выгод, частью разделенных враждою.

I. Племена абазинские[1]*

а) Абхазцы повинуются владетелю из древнего рода Ачь (Шарвашидзе). Занимают они берег Черного моря от р. Ингура до р. Бзыби. Самурзакань, присоединенная ныне к Мингрелии, составляла прежде один из четырех округов Абхазии, от которой отделяется р. Гализгою.

В 1808 г. (1810 г. – Г. Д.) еще Сефер-бей Шарвашидзе, сын Келешбея, с принятием христианской веры отдал себя в подданство русского правительства; потом абхазцы несколько раз буйствовали и были укрощены.

[1] * Речь идет об абхазо-абазинских племенах.

Жителей в Абхазии, не исключая Самурзакаии, считают около 45 000 душ мужского полу.

б) С а д з ы занимают берег Черного моря от укрепления Гагры до р. Саше. Разделены они на несколько обществ, по семьям князей и дворян, не владеющих округами, в которых живут и которые носят название фамилий их, но только первенствующих между согражданами своими. Округов этих семь: Гечь, Цандрыпшь, Аредба, Арткуадж (или Эсхорипш), Хамышь, Чужи и Чуа.

в) С а ш а, на реке Саше, или Сочи, одно общество по всему берегу Черного моря, за исключением Абхазии, признающее над собою власть князя. Настоящий владетель Саше – Али Ахмет. Саше не суть чистые абазины, они представляют трех сопредельных племен – абхазского, убыхского и черкесского, языками которых и говорят. Садзы вместе с сашою полагают до 12 000 душ мужского пола.

г) Ц е б е л ь д а, называемая черкесами Херпыскуадж (аул Херпыс) по имени родоначальника цебельдинцев Херпыса Маршания, иногда и Цымпар. Живут цебельдинцы в местах неприступных, на юго-западной покатости хребта Кавказских гор, по верховью Кодора. Часть их вследствие семейного раздора между князьями Маршаниями переселилась в место, известное под названием Дал, невдалеке от прежнего жилья своего. В 1837 году они изъявили покорность русскому правительству и приняли приставство. Владетели Абхазии считают цебельдинцев своими подданными, между тем ими никогда настоящим образом не владели, напротив, цебельдинцы часто вторгались в Абхазию и производили в ней грабежи. Общей вражды между абхазцами и цебельдинцами не существует, многие из них связаны родством.

Жителей в Цебельде до 4000 душ мужского полу.

На юго-западной покатости хребта находятся еще:

д) П с о у – между истоками Бзыба и Апста, Аибга – у верховья р. Псоу, Ахчипсу – у верховья р. Мдзимты, Чужгуча – у верховья р. Мцы. Четыре общества эти, известные у черкес, живущих на северной стороне гор, под общим именем медовеевцев, суть абхазцы, удалившиеся по разным причинам в неприступные скалы, сопредельные вечным снегам. Занимая места неудобовозделываемые, бедные пастбищами и произведениями земли, они нуждаются в хлебе, в скоте и в одежде. В селениях только Ахчипсу и Чужгуча растут фруктовые деревья, которые находим по берегу моря, в Абхазии и у убыхов. Неприступность жилищ и крайняя бедность сделали медовеевцев хищниками, страшными своим соседям. С одноплеменными им абхазцами и садзами медовеевцы вступают в родство, иногда находятся с ними в дружеских сношениях, а иногда во вражде.

С черкесами медовеевцы ведут открытую вражду: переходя хребет Кавказских гор, они спускаются в лесистые ущелья Урупа, Лабы, Ходза и Белой речки, убивают там черкес и захватывают у них людей и скот. Почти ежегодно жители Чужгучи и Ахчипсу угоняют у абазех баранов; только раз удалось абазехам, собравшимся в большом количестве, ограбить несколько крайних домов в Ахчипсу.

Медовеевцы не имеют никаких религиозных понятий; некоторые только из дворян исполняют обряды, предписываемые магометанскою верою, не заботясь, впрочем, о догмах ее.

Во всех четырех медовеевских селениях первенствует фамилия Маршания, разделившаяся «а две линии – на Мас-ипов и иа Багаркан-ипов; первые живут в селении Псоу, последние – в Аибге, в Ахчипсу и в Чужгуче.

Медовеевцев, судя по местам, ими занимаемым, нельзя полагать более 5000 душ мужского полу.

Абазинские общества, поселенные на северо-восточной покатости хребта:

е) Башилбаевцы живут у верховья Урупа; до 1834 года они враждовали с русскими, но в том году вследствие набега, сделанного на них г. Зассом, изъявили покорность русскому правительству. Башилбаевцы признают над собою власть первостепенных узденей Маршаниев... прежде плативших дань бесленеевским князьям Кануковым, что ныне прекратилось. Жителей в Башилбае – 860 душ мужского полу.

ж) Т а м, у верховья Большой Лабы; жители сего в 1834 году, после набега, сделанного на них г. Зассом, покорились; после того несколько раз отлагались и вновь были приводимы в повиновение. Врожденная страсть к хищничеству и бедность, побуждающая их к воровству, делают весьма ненадежными обещания, даваемые ими насчет верности и преданности после каждого наказания.

В Таме первенствуют уздени Заурумовы; они магометанского вероисповедания, прочие же жители Тама дурно выполняют и на-

ружные обряды, предписанные Кораном. Тамовцы прежде платили подати кабардинским князьям, от чего теперь отказываются; жителей в Таме – 270 душ мужского полу.

з) К ы з ы л б е к о в аул, названный так по имени родоначальника жителей его, Кызылбека Маршания, находится за горою Ахмет, у верховья реки Андрюк. В 1834 году кызылбековцы покорились, но после того несколько раз отлагались. Сказанное насчет покорности о тамовцах можно применить и к ним. В Кызылбековом ауле проживают три султана – Кабардинский, Сапсугский и Султан-Ханш, взимающие подать с жителей сего.

Жителей в Кызылбековом ауле – 220 душ мужского полу.

и) Ш е г и р е й, лежит у подошвы хребта Кавказских гор, над крутым и обрывистым берегом Малой Лабы. Жители Шегирея дики и бедны; находясь в связи с медовеевцами, они много им помогают в неприязненных действиях против черкес, от хищничества которых сами много терпят. В 1835 году шегиреевцы добровольно изъявили покорность, потом отказались от повиновения и после набега, сделанного на них г. Зассом в 1837 году, покорились вновь. Шегиреевцы едва ли преданы Корану, хотя некоторые из дворян их и исполняют обряды, им предписанные. Дворянская фамилия Шиокюш, равно как и другие жители Шегирея, платят дань бесленеевским князьям Шалоховым и Кануковым.

Жителей в Шегарее – 330 душ мужского полу.

к) Б а г о в ц ы живут в трех небольших селениях, расположенных над р. Ходзою, у лесистой подошвы горы Ашишбог; они беднее еще шегиреевцев и, не имея лошадей, никогда не беспокоили Кубанскую кордонную линию. Первенствующие в Баге уздени Баг – данники бесленеевских князей Шалохов.

Баговцы – без положительных религиозных понятий; их считают не более 300 душ мужского полу.

л) Баракаевцы занимают в трех селениях утесистые берега Губса, близ подошвы главного хребта Кавказских гор; они богаче трех предыдущих обществ; между ними есть смельчаки, которые нередко ездят на воровство в наши пределы. Покорившись в 1835 году, в 1837 году они отложились, и поныне они непокорны. Трудная дорога и неприступность местоположения их ограждают от должного наказания за измену. Баракаевцы считаются данниками бесленеевских князей Шалохов, которым и платят подать. Признавая над собою власть первостепенных узденей Лях и Анчок, вступивших в родство с Даурами, одной из сильных абазинских фамилий, баракаевцы пользуются покровительством абазех.

Часть жителей в Баракае исповедует магометанскую веру; число всех их полагают в 620 душ мужского полу.

По несогласиям с соотечественниками три княжеские фамилии Лоовы, Дударуковы и Биберды с подвластными им дворянами и узденями выселялись из Абхазии на северную сторону Кавказских гор и образовали три отдельных общества, от которых теперь остаются только два селения:

м) Л о о в о в аул – на р. Куме, по правую сторону Кубани. Общество это было многочисленно и богато, особенно табунами лошадей, но чума в 1814 году, опустошившая Кавказ, и русское оружие значительно уменьшили народонаселение его и богатство.

Теперь в Лоовом ауле считают до 980 душ мужского полу, совершенно покорных.

н) Д у д а р у к о в аул, также утративший прежнюю силу, поселен на левом берегу Кубани, против станицы Баталпашинской. Жители его, которых считают 870 душ мужского полу, повинуются князьям Дударуковым, совершенно покорным русскому правительству.

Жители аулов Лоовов и Дударуковых – ревностные магометане.

Бибердов аул существовал до 1829 года, когда в наказание за измену [был] разорен русскими войсками. Часть жителей его отведена в плен, остальные погибли.

Между языком абхазским, которым говорят все абазины, живущие на южной стороне Кавказских гор, и наречием, употребляемым абазинами, занимающими северный склон их, есть небольшое различие.

II. Племена черкесские

Племя черкес разделилось на два поколения, не сходных между собою как в отношении политического быта, так и в отношении наречий, которыми говорят. Корень же языка один, что и служит ясным доказательством одноплеменности их.

1) Поколение черкес, сохранившее коренной (кабардинский) язык свой во всей его чистоте, признающее над собою власть ро-

довых князей, преимущественно присваивает себе название адыге. Оно распалось на несколько феодальных владений, которые, невзирая на размножение потомства своих родоначальников, остаются в прежнем составе, признавая обыкновенно главою старшего князя в роде, имеющего влияние на умы своих соотечественников, но не пользующегося никакою властью над другими князьями.

Владений этих шесть, они следующие:

а) Бесленей, повинуются князьям Кануковым и Шалоховым. До 1834-го года бесленеевцы непокорные занимали левый берег Большой и Малой Лабы; изъявив покорность русскому правительству, они в том же году [были] переселены на правый берег Большой Лабы и на Большой и Малый Тегени, впадающие в Уруп.

Число народонаселения у бесленеевцев простирается до 3750 душ мужского полу.

б) Келиоргой и

в) Егерукай, достояние двух линий князей Балатуковых, соединены ныне под управлением князя Шерлетука. Два владения эти во время малолетства настоящего владетеля повиновались князю Джембулату Балатукову, который в 1830 году добровольно явился к князю Варшавскому (И. Ф. Паскевичу. – Г. Д.) с изъявлением покорности. Прежнее место жительства келиоргоевцев и егерукаевцев было между Лабою и Белой речкой; в 1835 г. Засс вместе с мохошевцами выселил их на Лабу, где они и находятся поныне, занимая левый берег низовья этой реки.

В Келиоргое и Егерукае считают 4580 душ мужского полу...

г) Мохошь, повинуется инязьям Богорсук. Селения мохошевские расположены на левом берегу Лабы, выше егерукаевских жителей. У мохошевцев 1270 душ мужского полу.

д) Гатюкой, расположен частью на Лабе и частью на правом берегу Белой речки, между устьями ее и впадением в нее реки Пшахи. Гатюкаевцы, которых считают 2390 душ мужского полу, повинуются князьям из роду Гатюк, покорных русскому правительству.

е) Бжедухи, живут по низовьям рек Пшукупса и Пшиши, частью и над самой Кубанью, признавая над собою власть многих князей, друг от друга совершенно не зависимых, ведущих происхождение свое от двух родов – Черчиней и Камышей. Бжедухи покорны русскому правительству, число их полагают в 3000 душ мужского полу...

ж) За Кубанью, на Тегенях, между бесленеевцами и отдельно по Урупу и на Большом и на Малом Зеленчуках, поселены кабардинцы, с позволения правительства возвратившиеся из бегов. Число их простирается до 1950 душ мужского полу; каждое селение кабардинское повинуется проживающему в нем старшему князю или дворянину.

Черкесы, адыге, отличаются перед другими горцами религиозным фанатизмом и молодечеством на войне и в хищничестве – две отличительные черты характера их, бывшие долгое время причиною непокорности и упорства, с которыми они держались против натиска русских войск. Занимая между Белой речкой и Кубанью места ровные малолесные, не представляющие особенных препятствий к быстрому движению войск, они в последнее время подверглись набегам наших отрядов. Необходимость самосохранения заставила их покориться, и один страх удерживает их в повиновении.

Ревностные последователи Корана покорные черкесы едва ли могут быть откровенно преданными русскому правительству; ни удобства жизни, ни спокойствие, ни подарки, которыми они пользуются, по крайней мере до сего времени, не уничтожили в них скрытого чувства ненависти к русским, разноверцам и завоевателям их... преданности [черкесов] купить нельзя, ибо фанатизм религиозный часто заставляет их искупать грех услуги, оказанной неверным русским... преступлением, тайным или явным, клонящимся ко вреду русского же правительства. Нельзя сказать, чтобы между черкес не было, как и в каждом другом народе, людей, пользующихся здравым смыслом и благородными понятиями, но число их незначительно...

Многие молодые люди из числа покорных черкес в обретение блаженства будущей жизни, в удовлетворение страсти к хищничеству и иногда для того только, чтобы сделаться известным своим молодечеством, бросая семью и имущество, уходят в абреки... прощение за [их] преступления есть одна из мер, столько же, сколько и хищничество их, вредящая спокойствию Кавказской линии.

Пока воровство и разбои абреков будут прощаемы, до того будут абреки и Кавказская линия не успокоится. Утвердительно можно сказать, что две трети абреков, в настоящее время обеспокоивающие своими набегами Кавказскую линию, никогда бы не решились оставить семью и имущество, когда бы ни имели надежду по изъявлении покорности получить полное прощение.

Сверх того, местное начальство на линии привыкло ласкать возвращающихся абреков более черкес, живущих спокойно, выставляя необходимость этой меры, якобы полезной для спокойствия линии.

Действительно, с возвращением «нескольких абреков число разбойников уменьшится, но вместо [н]их прибывают другие, не видя особенной выгоды жить спокойно. В 1835 году более 40 абреков прощены и получили дозволение возвратиться на прежнее место жительства; последовали ли за ними остальные, которые у абазех терпят недостаток во всем? Нет, некоторые из числа прощенных успели снова бежать в горы и, высмотрев места на линии, служат проводниками хищническим партиям.

Удовлетворение просьб покоряющихся абреков [является] причиною и того, что покорный черкес, имея надобность какую-нибудь или делая требование к начальнику, часто самое бесмысленное, в случае неудовлетворения его уходит в абреки и начинает грабить и разбойничать, полагая этим достичь цели своих желаний или, по крайней мере, причинить убыток русскому правительству. Делает он это в надежде рано или поздно получить прощение и не лишиться навсегда тех выгод, которые он теряет от ухода в горы.

2) Черкесы, живущие по лесам и ущельям хребта Кавказских гор, на пространстве земли, ограниченном Белою речкою, Кубанью и берегом Черного моря, от Анапы до устья р. Саше, носят между горцами общее название абадза; они разделены на две породы вольных, неповинующихся князьям – на сапсуг и на абазех.

Убыхи хотя по происхождению своему и не принадлежат к имени черкесскому, но, слившись с соседями своими, которых язык предпочитают собственному, могут также быть причислены к абадза – название, которое присвоили им турки, общее с другими горцами. Черкесы, адыге, имея родовых князей, для отличия от себя называют абадзою всех горцев, не признающих над собою власти княжеской.

Абазехи и сапсуги «говорят двумя наречиями черкесского языка, довольно сходными между собою; разница же между этими наречиями и языком кабардинцев довольно значительна.

а) Сапсуги, народ воинственный и смелый, занимает северную покатость хребта гор – от источника р. Пшукупс до Кубани и берег

Черного моря – от Анапы до р. Шахе. Сапсуг сами горцы делят на больших и на малых, называя большими сапсугами тех, которые живут на северной покатости гор, против Кубани, малыми – сапсуг, занимающих берег Черного моря. Так называемые натухайцы, также сапсути, получили... название это от земли, называемой Наткуадж (Натов аул). Между сапсугами нет князей, есть одни дворяне (уорк) и люди вольные (азат), которые имеют, как и первые, рабов... Дворянских фамилий у сапсуг три: Абаты, Немиры и Шерлетуки; пользуясь полным уважением своих соотечественников, по обычаю, ведущемуся издавна, они между тем не имеют никакой власти над ними.

Большие сапсуги составляют одно общество; малые разделены на множество отдельных селений, тесно связавшихся только в последнее время для отражения русских войск, действующих наступательно на восточном берегу Черного моря.

Между приморскими сапсугскими обществами примечательно тагапса – на вершине речки того же имени. Общество это, состоящее не более как из 100 или 120 семейств, подобно медовеевцам, поселилось в неприступных скалах, враждуя со всеми горскими племенами, за исключением сапсуг. Тагапсы занимают дороги, ведущие близ поселения их к берегу моря, и без пощады убивают и грабят каждого встречного. Ни увещевания сапсуг, ни неприязненные действия убых и абазех, неоднократно ополчавшихся против тагапсы, не могли их принудить к перемене образа жизни.

Некоторые из черкес полагают, что тагапсы поклоняются кресту, другие считают их идолопоклонниками.

Частые сношения с турками развили понятия у сапсуг несколько более, чем у соседей их – абазех, но не имели такого влияния на религиозные чувства сего народа, которого бы можно было ожидать от этой связи. Только большие сапсуги и часть натухайцев последовали ревностно учению Корана и строго исполняют предписываемые им обряды, остальная же часть сапсуг держит ненавистное магометанам животное – свинью, не запирают женщин и продолжают чтить леса, животных и тому подобное.

Есть несколько сапсугских обществ, которые хотя и утратили совершенно учение христианской веры, но продолжают уважать крест и ему поклоняться, сохранив память некоторых христианских праздников.

Сапсуг считают до 150 000 душ мужского полу.

б) А б а з е х и, отделенные от сапсуг р. Пшукупс, занимали прежде северную покатость хребта Кавказских гор вплоть до Белой речки; страх, наведенный в последнее время набегами русских отрядов, заставил их удалиться с отрытых и привольных мест по Белой речке и по низовьям р[ек] Пшахи и Пшиши; они стеснились в лесах и по ущельям, где терпят недостаток в пастбищных местах, в пахотной земле, часто и в воде, ибо летом большая часть ручьев пересыхает.

Абазехи не повинуются своим дворянам, но страшатся их, ибо они, размножившись, составляют ныне значительную часть народонаселения; дворянство абазехское вообще бедно и поэтому более воинственно, чем народ.

Между вольными абазехами есть люди, пользующиеся некоторым достатком, которого предел есть 1000 баранов, несколько сот лошадей и рогатого скота и душ 20 или 30 крестьян.

Дворянские фамилии у абазех – Инемуква, Здыге, Даур, Джангята, Амфок и Берзеки; немногие из членов их пользуются достатком, который стараются дополнить грабежом в русских пределах, часто и у соотечественников своих.

Дабы иметь проводников в русских границах и по окрестностям Кубани, абазехи охотно принимают к себе кабардинских и других черкесских абреков и даже беглых казаков. Абреки эти по недостатку земли и по бедности угодий ее никогда бы не смогли существовать у абазех, когда бы ни были снабжены припасами всякого роду от покорных черкес, которые им помогают и в воровстве, передавая известия, скрывая их и снабжая провиантом.

Абазехи вообще дурные мусульмане, не уважают эфендиев, не платят им десятины, как другие черкесы, и редко судятся по шариату, который есть единственный доход духовенства у абазех, ибо за каждое определение по шариату платится эфендию 1 боз (кусок толстой бумажной материи, имеющий ценность одного рубля серебром). Много абазех не следуют учению Корана; они удержали привычки идолослужения, жертвуют ветрам, чтут священные леса и в распрях предпочитают шариату суд по обычаям.

Обычаи, заменяющие у абазех закон, налагают пени за убийство, за покражу, за бесчестие женщины и за обиду, нанесенную словом или делом.

По обычаям дворяне пользуются перед вольными абазехами преимуществом в цене, платимой за убийство или за покражу; по шариату все мусульмане равны и обида, нанесенная дворянину или вольному, изыскивается одинаково.

По обычаю платится: за убийство дворянина – 240 штук рогатого скота, за убийство вольного абазеха – 200 штук, за убийство раба – 160 штук. За покражу у дворянина лошади, быка, коровы, барана или козы, – когда похищенная скотина отыщется и возвратится, – то каждый из похитителей платит вдвое, так что если б пять человек похитили 1 корову, то истец получает свою корову и еще 10 коров пени.

Когда украденный предмет утрачен, то каждый из похитителей платит истцу втрое. Вольному абазеху при возвращении покражи похитители платят по одной скотине; когда украденный предмет не может быть возвращен, то они платят вольному вдвое. За украденную вещь из дому, самую бесценную даже, как то: ножик, плеть и так далее, платят два быка пени.

За бесчестие, нанесенное женщине или девушке, отплачивается обыкновенно смертью или взыскивается кровавая пеня по званию, равняющаяся пене за убийство. За рану шариат допускает примирение и плату, определенную обществом мусульман. Жена, нарушившая обет верности, по суду предается смерти или делается рабою мужа, который вправе ее продать. Бесчестие, нанесенное девушке, может быть искуплено женитьбою, когда того захотят родители ее.

За обиду, как то: угроза убить или когда кто возьмется за оружие, при примирении делается подарок; когда это случится в гостином доме дворянина, то обидчик ему платит пени 7 штук рогатого скота. Кров дома у абазех священен, и силою из дому ничего не может быть взято; нарушитель права этого навлекает на себя мщение всего народа. Когда абазех, навлекший на себя взыскание, несостоятелен, то за него должны платить ближайшие родственники или он и семейство его делаются рабами истца. Взыскание делается всем обществом.

Обычаи у сапсуг и убых [одни и] те же, вся разница в плате.

Невзирая на неумеренное взыскание за покражу, абазехи беспрерывно похищают друг у друга скотину, часто и людей. Крайняя бедность, недостаток в одежде и в пище их доводят до того, и после, когда покража открыта, они часто предпочитают взысканию суда

вражду и мщение истца, имеющую обыкновенным последствием убиение похитителя.

Абазех, по достатку и по понятиям общежития, можно разделить на абазех, живущих по течению рек, и на абазех лесных и горных; первые живут селениями, более достаточны и не так дики и хищны, как последние; абазехи лесные и горные живут в обществе двух или трех семейств и иногда по семьям отдельно.

Земля абазех покрыта непроходимыми, вековыми лесами, занимающими две трети всего пространства ими населенного. Бедная произведениями, она снабжает абазех количеством дурного проса и ржи, едва достаточным... По течению рек, в местах более привольных, абазехи сеют пшеницу, ячмень и овес, там находятся и сенокосные и пастбищные места. Из фруктовых деревьев у абазех по лесам раскинуты небольшие яблони, груши, кизил и орехи. В горах, прилегающих к убыхам, в округе, называемой Мезмей (Земля лесов), находят в большом количестве железо. На р. Пшахе есть горячий серный источник, а на Пшукупсе – нефтяные колодцы.

Реки, протекающие по земле абазех: река Белая (Сагуаш), принимающая в себя справа Вентхуве, слева Курджипсе... Пшиша и Пшукупс текут в Кубань. Реки эти, удобопроходимые во время мелководия, делают переправу весьма опасною в полную воду. Когда в Кубани и в Лабе наступает полноводие, то вода в них убывает, и обратно, когда Кубань и Лаба мелкие, то абазехские речки наполняются. Явление это объясняется характером гор, из которых вытекают помянутые реки: Кубань и Лаба берут начало свое из Главного хребта Кавказских гор, покрытого вечным снегом, пределом которого есть высота Сагдан (Оштен). Снега там начинают таять в мае месяце, когда горы на северо-западе от Гагр, дающие начало абазехским рекам, почти обнажены от снега, начинающего сходить в марте.

У абазех повсюду пролегают арбяные дороги то причине твердой глинистой и песчаной почвы, удобопроходнмые во всякое время года. Только в нагорной части земли, населенной абазехами, дороги трудные. Через хребет Кавказских гор ведут от абазех две дороги: одна – к убыхам, другая – к сапсугам. Первая из сих дорог проходима только для конных, и зимою по причине крутизн и глубокого снега не посещается. Вторая от Белой речки, разрезав землю абазех на две равные части, выходит на Пшукупс, глубоким

ущельем поднимается по течению его и потом уже вдоль р. Тугапши спускается к берегу Черного моря против места, занятого нашими войсками в 1838 году; по дороге этой абазехи летом и зимой ездят на арбах.

Народонаселение абазех можно положить не более как в 80000 душ мужского полу.

в) Убыхи – народ, между черкесами славившийся своим молодечеством и неустрашимостью, занимают юго-восточную покатость хребта Кавказских гор, между р[еками] Саше и Шахе. По берегу моря, между устьями сих рек, убыхи живут мешано с сапсугами, составляя несколько отдельных обществ – Хизе, Уордане, Шлисткуадж – и селения Зюешь, известные у соседей их под названием Ардона. Дворянских фамилий у убыхов две – Дещен и Берзеки; все они ревностные магометане, между тем как часть народа продолжает поклоняться кресту. Убыхи говорят собственным языком, не похожим ни на одно из наречий языков абазинского или черкесского. Народонаселение у убых не простирается за 5[000] или за 6000 душ мужского полу.

Близкие соседи между собою – абазехи, сапсуги и убыхи положили противиться русским донельзя; невзирая на это, они не оказывают друг другу никакой помощи, ограничиваясь каждый защитой собственной земли.

Причины упорства их: религиозный фанатизм, дикость и страсть к хищничеству... Средства к защите – лес и горы; надежда – на помощь Турции... а в последнее время – и... Англии... [все эти посулы о помощи] пустые слухи, которыми турецкие контрабандисты, хаджи, возвращающиеся из Мекки, и английские путешественники стараются в горцах поддержать падающий дух.

III. Племя татарское

а) Ногайские татары поселены вдоль Кубани от ст. Баталпашинской вниз до устья Лабы. Говорят они собственным языком, совершенно покорны, несут некоторые повинности кордонной службы и более других горцев сжились с русскими. Между ногайцами есть люди, действительно преданные правительству, невзирая на приверженность свою к магометанству. Немногие только из них нахо-

дятся в абреках. У ногайцев нет дворян, а есть вольные люди, признающие над собой власть родовых князей, разделенных на пять поколений, как то: на Келембетей, на Мангит, на Кипчак, на Карамурзиных и на Наврузов.

Ногайцев считают 6760 душ мужского полу.

в) Карачаевцы, говорящие языком татарским же, занимают скалистые ущелья по верховью Кубани и р. Теберды; народ это не воинственный, занимается более скотоводством и выделыванием сукон и бурок, которыми торгуют. Карачаевцы в 1834 году добровольно покорились правительству и приняли приставство. У карачаевцев одна дворянская фамилия – Крым-Шакал, которая, как и народ, платит дань кабардинским князьям Атажукиным.

Число народонаселения в Карачае простирается до 4000 душ мужского полу.

Штабс-капитан барон Турнау[1*].

Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния

1835 г.

Абхазия, разумея под сим названием пространство земли по берегу Черного моря, разделяющееся между реками Гализгою... и Бзыбом, разделенное на три округа: Абживский, Сухумский и Бзыбский, населена народом, называемым черкесами бзыбь от реки этого имени, как и называют себя сами, принимая также название абсуа. Под словом «бзыбь» понимается обыкновенно вся Абхазия или весь абхазский народ; абсуа – более частно и служит ответом абхазца при вопросе ему, какого он происхождения.

Самурзакань, составлявшая прежде отдельное владение, но причислившаяся к Абхазии во время управления его князем из рода Шарвашидзевых, присоединена ныне к Мингрелии. Трудно определить, какого именно происхождения народ, ее населяющий. Говоря частью абхазским, частью мингрельским языком, черты лица его не отличают резко ни кого из двух ему соседних народов. Подобное слияние племен заметно и в Бзыбском округе, особенно между абхазцами, над самою рекою Бзыбом живущими, которых

[1] * ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, д. 192.

оклад лица более правилен и ближе подходит к черкесскому. Говорят они языком абхазским, понимая вместе с тем и наречие своих соседей – джигетов (асадзкуа).

Цебельдинский округ, или, вернее, земля цебельдинцев (Цебель), принадлежала собственно по положению своему к Абхазии, [но] никогда не повиновалась в полном смысле слова владетелю оной. Народ, ее населяющий, занимая подошву снегового хребта Кавказских гор, по верховью реки Кодора, защищенной горами, более или менее неприступными, всегда сохранял свою независимость и не переставал грабить ближайших соседей своих – абхазцев, переходя для сего же [через] снеговые горы в Карачай и Кабарду. Происхождения он абхазского, говорит одним с ним языком и имеет те же обычаи, но черты лица и одежды его ставят ближе к карачаевцам. Можно сказать, что он состоит из одной фамилии Маршаниев, чрезвычайно многочисленной, члены которой правят каждый своим участком, не повинуясь другому.

Народ абхазский, управляемый владетельным князем (ах) из рода Шарвашидзевых, утвержденным русским правительством со времен Сефер-бея в 1808 году (1810 г. – Г. Д.), добровольно отдавшегося в подданство России, делится на пять состояний: на князей (тавад), дворян (амиста), среднее состояние между дворянами и крестьянами (ашнакума), крестьян (анхаю) и рабов (агыруа).

Права и обязанности каждого из пяти состояний, на которые делится абхазский народ, обозначены обычаем, хранимым в Абхазии с незапамятных времен. Влияние Порты на край мало его изменило. Приняв вместе с верою от турок некоторые из их привычек, освоившись с понятиями их, жители Абхазии между тем не изменили обычаю предков, заменяющему им закон. Даже в магометанстве они удержали многие обыкновения христианской религии, продолжают праздновать св. Христово Воскресенье, меняются в сей день окрашенными яйцами, празднуют Рождество Христово и Троицын день и не перестают есть свинину и пить вино. Многоженство у жителей из магометан не в обыкновении.

Существуют между абхазцами и следы язычества, как, например, уважение их к священным деревьям близ сел. Матригелас (Мтыргелаз. – Г. Д.) и совершение тризны по умершему, состоящей из пиршества, конской скачки, стрельбы в цель и т. д.

Власть владетеля весьма ограничена; не имея ни силы, ни средств, ни доходов, кроме собственно ему принадлежащего имения, он – в зависимости от сильных князей и дворян, которых ему весьма трудно заставить себе повиноваться. Наказать кого-либо из них за неисполнение воли его он не может иначе, как через посредство же князей и дворян, которых должен прежде на то согласить, что ему почти всегда стоит больших трудов и издержек. Имеет он право раз или два в год посетить дом каждого из них, который тогда по обычаю обязан его угостить и сделать ему подарок. Платится ему также за убийство, воровство или всякий другой беспорядок, совершенные близ дому его (ахтыны) или на земле, ему принадлежащей, по мере преступления.

Князья обязаны повиноваться одному владетелю; не платят никакой подати и не подлежат другому наказанию, кроме пени. Они вправе владеть землею и иметь крестьян и рабов. Обязаны они собираться для защиты владетеля и в посещение дома их его угощать и ему делать подарок по состоянию. Угощение, делаемое владетелю, не есть прямая к нему обязанность; существующее здесь, как и между другими горцами, гостеприимство ее сделало таковою. Обычай делать подарки введен тщеславием принимающих его хозяев, и они ценою его хвалятся друг перед другом, впрочем, то же соблюдается и в отношении других гостей, которые обыкновенно привозят подарок и хозяину.

Гостеприимство есть самый разорительный для абхазцев обычай; чтобы принять достойно почетного гостя и не уронить себя в глазах своих соотечественников, он должен убить быка или козла и, изготовив всего, подать на стол; что остается – принадлежит прислуге, что при бедности скотоводства в Абхазии делает хозяину чувствительный ущерб.

Княжеских фамилий в собственно Абхазии немного, они следующие: в Бзыбском округе – Инал-ипа, Чабалурхуа и Шарвашидзе, есть и Анчабадзе; в Сухумском – Дзапш-ипа и Маршании; в Абживском – Эмха, Шарвашидзе и Анчабадзе.

Фамилия Шарвашидзе, которая одного происхождения с владетельною, по сему обстоятельству занимает в Абхазии первое место; она расселена по всем округам, не исключая и Самурзакани, и крайне бедна.

Дзапш-ипы после нее считаются старшими. Анчабадзе и Чабалурхуа – древнейшие фамилии Абхазии; отрасли первой находятся в Самурзакани, в Псху, Ахчипсу и между джигетами. Инал-ипы богаче других.

Дворяне пользуются правами князей и несут с ними одинаковые обязанности; также должны владетеля, их посещающего, угощать и одаривать. Важнейшие дворянские фамилии в Абхазии: Лакербаевы, Маргании, Микамбаи и Зумбаи (Званбай, Званба. – Г. Д.). Из которых Хыбр-ипы Маргании, предки Каца Маргаиия, всегда славились приверженностью владетельскому роду. Кроме того, есть в Абхазии фамилии незначительных дворян, называемых лесными (акуаца амисцуа): Цимбаи, Багба и Акыртаа.

Ашнакума – собственно телохранители владетеля, который один вправе их иметь, – пользуются – правами дворян, могут иметь крестьян, рабов и обладать землею. Вместо подати они обязаны находиться при владетеле во время его поездок и служить ему на посылках. Состояние это составилось частью из крестьян владетеля абхазцев, получивших за оказанные ими услуги разные льготы, частью из выходцев черкес или других горцев.

Крестьяне вправе владеть землею и иметь рабов, но вместе с тем составляют сами собственность своего господина. Они обязаны платить владельцу своему летом арбу кукурузы или гоми и козленка, барана или рогатую скотину, в зимнее время – также рогатую скотину или барана и кувшин вина и помогать ему в полевых работах. В случае недостатка каких-либо припасов у господина крестьянин сверх установленного обычаем, по просьбе же оного, снабжает его таковыми. Побои не в обычае, обыкновенное его наказание – заключение в цепи. За нанесенную ему обиду крестьянин вправе судиться с владельцем своим и часто переходит под защиту другого какого-либо сильного князя или дворянина, который его селит на своей земле. В случае, если прежний господин захочет потребовать крестьянина своего обратно, приютивший его обязан возвратить по приговору суда, который заботится уже об обеспечении обиженного от беззаконного мщения господина.

Рабы бывают... коренные агыруа, абхазцы и люди, приобретенные грабежом или на войне. Раб, составляя неотъемлемую соб-

ственность господина своего и находясь в полной его власти, по обычаю работает на него только три дня в неделю, остальные же три дня – на себя, кроме того, исполняет и все домашние его работы и после этого не платит более никакой подати. Дочери раба, сколько бы он таковых ни имел, находятся все в доме господина, который вправе их отдать или променять... а обязанность жен из сего сословия есть поочередно варить гоми своему господину и за столом раздавать оный.

Бедные дворяне, крестьяне и рабы в Абхазии нашли хороший способ ограждать себя от притеснения сильных обычаем, существующим у князей и богатых дворян, – воспитывать детей своих вдали от родительского дома. Принимая на себя эту обязанность, они вступают как бы в родство с родителями воспитываемых ими детей и пользуются их покровительством.

Рабы новоприобретенные продаются; на продажу же или отдачу коренных агыруа из абхазцев один владетель имеет право. Они подлежат телесному наказанию.

Власть родительская в Абхазии неограниченна; одно природное чувство любви к детям, сильное в здешнем народе, служит порукою ненарушимости их прав.

Имение, оставшееся после смерти родителя, движимое и недвижимое, делится на равные части между детьми мужского пола, в выборе которых они имеют право по старшинству. Дети женского пола не имеют участия в сем разделе, но до замужества должны быть содержимы братьями и по состоянию получают приданое из рабов и движимого имения.

Вдова, когда ей покойным мужем ничего не было отказано, не имеет участия в наследстве, но по смерть должна иметь пропитание у детей своих.

Часто, когда братья живут согласно, имение остается неразделенным, но каждый из них вправе потребовать такового.

В случае бездетства имение умершего делится на равные части между ближайшими его родственниками мужского полу... В фамилию же жены имение не переходит. Когда бы ни нашелся никто из родственников мужского полу, то владетель Абхазии делается наследником умершего; когда бы остались одни дочери, он обязан их содержать до замужества и им дать приданое.

Спорные дела всякого рода с согласия владетеля решаются шариатом, носящим в Абхазии только одно название – духовного суда, ибо при собрании оного судят не по Корану, а по обычаю. Шариат обыкновенно составляется из почетных князей и дворян, сильных и уважаемых в народе; избираются они каждою из тяжущихся сторон в равном числе.

Собравшись в важном случае близ стен монастыря или под тенью священных деревьев, судьи после данной им клятвы разбирают дело по праву, выслушивают тяжущихся, их удаляют и совещаются наедине. Согласившись между собою, они до оглашения еще приговора берут поруку в исполнении его, потом уже объявляют оный. Обязанность судей есть пещись о приведении в действие решения суда.

Зовут к шариату: по спорным делам об имении и [за] неисполнение всякого рода договоров; по подозрению или по уликам в воровстве; по подозрению прав супружества; по делам об убийстве и кровомщении.

Смертная казнь не в обычае в Абхазии; единственное наказание преступника, особенно когда он князь или дворянин, есть денежная пеня или плата людьми.

Когда осужденный не в состоянии уплатить возложенной на него пени, то по оценке отнимаются у него дом, земля или даже имущество; когда он крестьянин или раб и не имеет ничего, то сам делается собственностью обиженного, который тогда вправе его продать.

За воровство, когда оно учинено на земле владетеля, ему платит укравший двумя мальчиками... и, кроме того, возвращает украденное вдвойне.

За убийство зовут обыкновенно на суд, когда родственники убитого слабые и не в состоянии отомстить убийце или когда кровомщение делается бесконечным. Судьи налагают на виновного пеню по званию убитого, что и служит главным различием состояний и точною оценкою силы и звания фамилий кровомстителей.

За доказанное нарушение прав супружеских во всяком случае метится смертью, как и вообще за обесчещение девушки; женщину обличенную муж или ближайший родственник вправе продать. Случаи эти весьма редки в Абхазии, и их помнят здесь только два.

Кровомщение, служащее, по-видимому, к всегдашнему нарушению порядка, в народе необразованном, в котором нет закона и силы, его поддерживающей, которые бы могли остановить преступника, здесь, кажется, есть необходимость; особенно в Абхазии, в которой народ не столь пылок и не столь воинствен, как в других местах, заселенных горскими племенами; страх кровомщения частью удерживает убийцу и грабителя в его покушениях или по совершении преступления заставляет скрываться, чем избавляет край от вредного его присутствия.

В характере абхазцев мало оригинального, он принадлежит всем горским племенам западной части Кавказского хребта. Менее храбры и воинственны, чем кабардинцы и черкесы, они более склонны к домашней жизни; хищничество обнаруживается в них только тогда, когда приобретение этим способом не сопряжено с большою опасностью.

Положение края, средства его, которые он представляет, влияние на него соседних народов и владычества турок [– все это] образовало их характер и понятия. При хороших умственных способностях, которыми обладают абхазцы, они любопытны и склонны к нововведениям[1*].

Хозяйственная деятельность абхазов в 30-х годах XIX в.[2**]

Восточный берег Черного моря населен двумя совершенно различными племенами: от Анапы до реки Саше живут натухайцы и шапсуги, принадлежащие к племени, известному у нас под именем черкесского, или адыге, как они сами себя называют; от Саше до устья Ингура морской берег занят абазинами, называющими себя «абсасца». Последние делятся на джигетов, или садзов, живущих между реками Саше и Бзыбь, и на абхазцев, составляющих отдельное владение. Черкесы и абазины говорят на двух различных языках, не имеющих между собою никакого сходства. Трудно определить число абхазского народонаселения: в мое время нам не удавалось еще нигде пересчитать горцев точным образом. Все цифры

[1] * ЦГВИА, ф. 482, д. 57, лл. 7–11 об.

[2] ** Из кн.: Т., Воспоминания кавказского офицера, ч. I. – С. 56, 61–62.

того времени, которыми означали кавказское население, брались приблизительно, можно сказать, на глаз. По понятиям горцев, считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться. В мое время, то есть в тридцать пятом году, считали в Абхазии около сорока тысяч мужского пола – цифра, которую я повторяю, не позволяя себе ручаться за ее точность...

Все абазинское племя воинственно несколько менее черкесов. Занимая весьма лесистую и гористую местность, абазины дерутся преимущественно пешком и пользуются славою отличных стрелков. В домашней жизни, в одежде и вооружении они совершенно сходны с черкесами и отличаются от них в этом отношении только двумя особенностями, весьма приметными для горца. Кафтан с патронами на груди, составляющий общую горскую одежду на всей северной стороне Кавказа, они носят гораздо короче черкесов и, кроме того, имеют привычку обвивать башлык чалмою около шапки, когда концы его не распущены по плечам против дождя, чего не делают черкесы.

Прибрежные абхазцы занимаются рыбной ловлей. Устья горных речек, впадающих в море, изобилуют лососиною, которая составляет весьма лакомую пищу и по здешнему обычаю жарится обыкновенно на вертеле. Берега посещаются летом несчетным количеством дельфинов, которых абхазцы ловят для вытапливания из них жира, закупаемого турками и греками. Ловля дельфинов весьма любопытна. В хорошую погоду они имеют привычку держаться на поверхности моря, подпрыгивая беспрестанно колесом. Тогда абхазцы выезжают на самых маленьких каюках, выдолбленных из дерева, обхватывают довольно большое водное пространство длинною сетью, имеющею футов шесть ширины, с поплавками наверху и с тяжестью внизу, заставляющими ее принять в воде вертикальное положение. Две или три каюки въезжают во внутренность обхваченного сетью пространства, и ловцы начинают бить баграми находящихся в нем дельфинов. Этот способ ловли небезопасен, потому что каюки иногда тонут под тяжестью убитой рыбы и [иногда] опрокидываются, когда дельфины ударяют в них, кружась в воде, но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей островов Южного океана.

Хлебопашество находится в Абхазии, как и во всех горах, в самом первобытном состоянии и ограничивается небольшим посевом гоми, кукурузы, ячменя, фасоли и табаку. Пшеницы сеют очень мало. Русские научили абхазцев разводить капусту, картофель и некоторые другие овощи. Абхазия чрезвычайно богата виноградом и разными фруктами, в особенности грушами, сливами и персиками, растущими без всякого ухода. В лесах господствуют дуб, бук, чинар, чиндар, орех, каштан и шелковица. Около Сухума встречается в больших размерах буксовое дерево (самшит. – Г. Д.) и растет лавр. Скотом абхазцы беднее прочих горцев. Лошади их небольшого роста и не отличаются силою; ослы в большом употреблении. Дичи так много в горах и в абхазских лесах, что хлебопашцы не знают, как уберечь от нее свои поля. Чаще всего встречаются дикие козы, серны и кабаны. Последние производят весьма убыточные опустошения в полях, засеянных просом, почему абхазцы истребляют их без пощады и продают в Сухуме их головы и окорока за несколько зарядов пороха. Из диких зверей водятся медведи, волки, лесные кошки, лисицы, куницы и шакалы в несметном количестве. Иногда случается охотникам ловить барсов, но это бывает нечасто.

Тифлис в 30–40-х годах XIX в.[1*]

Тифлиса, каков он теперь, я не знаю. В 1844 году я распростился с ним навсегда. Уже и тогда город, увеличенный порядочным числом домов европейской постройки, много утратил из оригинальности своего первобытного вида. В 1832 году Тифлис не только по наружности, но и по характеру народной жизни принадлежал к числу городов самородного азиатского типа, если не считать несколько зданий новой постройки и некоторые русские привычки и понятия, успевшие проникнуть в верхний слой грузинского общества. Народ оставался чем был при царях, город только начинал менять физиономию.

От Гарцискарской заставы, далеко выдвинутой в поле в ожидании будущих построек, до первой правильной улицы, начинавшейся за домом главноуправляющего, дорога извивалась по пустому

[1] * Из кн.: Т., Воспоминания о Кавказе и Грузии, № 2, стр. 401–403, 404, 417, 418–422, 423, 427–428.

месту мимо обрывистого возвышения направо и оврагов, с левой стороны упиравшихся в берег Куры. Овраги были испещрены мазанками и домиками Солдатской слободки. Далее открывались приезжему с одной стороны съезд к Мадатовской площади, с другой – подъем к арсеналу и к Артиллерийской слободке, построенным у подошвы горы св. Давида. Большой двухэтажный дом, снабженный рядом арок и колоннадой над ними во всю длину главного фронта, с боковым фасадом, поднимавшимся в гору уступами, и обширным садом, давал начало настоящему городу. В стенах этого дома помещались все генералы, командовавшие на Кавказе... Все они строили и пристраивали, меняли и охорашивали в нем так много, что и следов первой цициановской постройки нельзя приметить. Перед домом раскрывалась необстроенная площадка, на которой бывали скачки, народные праздники и фейерверки. За домом начиналась улица, выходившая на Эриванскую площадь – центр нового города; на ней красовались штаб, гимназия, полиция и домов пять новейшей архитектуры. Крутоберегая, широко размытая, водоточная рытвина прорезывала площадь во всю ее длину, от юга на север, после чего, поворотив на восток, по направлению к Куре, она пролегала вдоль подошвы старой крепостной стены, оборонявшей город с севера и с запада. С восточной стороны протекала Кура, а с юга возвышалась гора, на которой виднелись еще развалины верхней крепости, служившей цитаделью в прежние времена. Все, что лежало по сю сторону стены, было новой, русской постройки. Через площадь, в левом углу, открывалась тесная и кривая улица, носившая название Армянокого базара и упиравшаяся в мост через Куру. И действительно, вся улица представляла вид нескончаемого рынка: по обе стороны сплачивались одна возле другой открытые лавки, в которых, как водится на Востоке, на глазах у прохожих шили платье и сапоги, чеканили серебро, оправляли оружие, брили головы и бороды, варили плов, жарили баранину, ковали лошадей, пекли лаваши и чуреки – одним словом, занимались всеми промыслами, без которых не обходится городская жизнь. Дома на Армянском базаре, равно как и во всех прочих улицах старого города, были прежней, восточной постройки, в один, много в два этажа, с плоскими крышами, с невообразимым количеством окон и дверей и крытыми галереями для защиты от солнца. В городе существовала

только одна еврейская гостиница Соломона, под вывеской льва, терзающего змею огромной величины, с надписью «Справедливая Россия». Все номера были заняты; поэтому нам не оставалось другого выбора, как, переехав за реку, отыскивать квартиру на Песках, у немецких колонистов.

Пять или шесть колонистских домов стояли на самом берегу реки, под Авлабарскою горой, на которой три большие казармы Ермоловской постройки господствовали над лабиринтом сакель и землянок, составлявших часть города, обитаемую рабочим народом. Немцы не содержали гостиницы, но, имея дома, построенные на две половины, в одной помещались сами, а в другую пускали наемщиков поденно и понедельно, если кому было угодно, с полным продовольствием. Комнаты были у них светлее, чище, постели несравненно опрятнее и незатейливый обед удобосваримее, чем в «Справедливой России», пропитанной еврейским спекулятивным духом, в одинаковой мере посягавшим на обоняние и на кошелек посетителей... Германские колонисты были вызваны в Закавказский край А. П. Ермоловым. Он поселил их в окрестностях Тифлиса, на реке Иоре, и около Елисаветполя в колониях: Александердорф, Елизабетталь, Петерсдорф, Мариенфельд, Анненфельд, Геленендорф, и десятку семейств позволил устроить свои хозяйства на берегу Куры, возле самого города... В самое короткое время трудолюбивые швабы устроили свои хозяйства примерным образом, развели сады и огороды... В 1832 году существовал в Тифлисе на весь город один русский булочник, не поспевавший изготовлять сколько требовалось так называемого французского хлеба. Ближайшая колония пополняла чего недоставало...

Против полиции, за угловым домом, в котором два года спустя была открыта памятная всем прежним тифлисцам ресторация Матасси, начинались сады, заслонявшие все Салалакское ущелье. Посреди живой зелени их, вправо от тесной дороги, извивавшейся между каменными садовыми стенками, одиноко стоял дом князя Бебутова, окруженный высокой оградой, с крепкими, всегда затворенными воротами, ревниво укрывавшими домашний быт жильцов от чужого любопытства... Улица, ведущая от Эриванской площади на юг, к подошве горы, на которой находились развалины старой крепости, окончательно обстроилась после моего приезда; в 1832 году

дома существовали только по левую руку; вся ее правая сторона, исключая угловой дом, прилегала к пространному винограднику, доходившему до самой горы. Правый берег Куры, за Елисаветпольскою рогаткой, представлял одну сплошную массу садов, где над тенистыми сводами широколистой лозы гранат, персик и миндаль раскидывали роскошь своей блестящей зелени, ластясь вокруг вековых, объемистых орехов и пирамидальных тополей, высоко к облакам возносивших гордые вершины. Не знаю, потому ли только, что в тогдашнее время я смотрел на предметы глазами молодости или потому, что тифлисская природа действительно так хороша, но Тифлис посреди окружающих его гор, окаймленный садами, с его быстрою рекой, с грядой снежных вершин на дальнем горизонте, с темно-голубым небом над головой, несмотря на палящее солнце, казался мне местом, краше которого я ничего не знал, да и узнать не желал. Даже те городские неудобства, которые в других возбуждали неудовольствие, имели для меня свою привлекательную сторону, обнаруживая оригинальность, доставлявшую моему любопытству всегда новую пищу.

В новом городе не существовало мостовой. Отсутствие ее было нечувствительно в сухую погоду, но после легкого дождя улицы мгновенно покрывались непроходимою грязью: тогда экипаж или верховая лошадь становились необходимыми. Во всем Тифлисе были в те года восемь, много десять карет и колясок, принадлежавших высшим властям и двум или трем богатым грузинским семействам. Внутри края грузинские дворяне, мужчины и женщины, путешествовали преимущественно верхом, реже на воловьих арбах и в трахтараванах – крытых носилках, повешенных между двумя гусем идущими лошадьми... городские жители и за ними русские офицеры предпочитали ездить верхом и только в особенных случаях прибегали к извозчичьим дрожкам в две лошади, для которых были устроены стоянки на Армянском базаре и на площадях Эриванской и Мадатовской. Тифлисские извозчики ездили шибко, но их дрожки, известные в Москве и в Петербурге под именем «гитар», не отличались ни удобством, ни безопасностью сидения: на них можно было удержаться только верхом, сидевший боком рисковал при скорой езде на первом крутом повороте ринуться лицом в грязь или, что хуже, полететь назад через голову ногами вверх. Это метательное

свойство, казалось бы, должно было противиться употреблению их прекрасным полом, однако грузинки и армянки, которые, следует заметить, не покидали народного костюма и под юбкой прикрывались красными шальварами персидского покроя, изобрели весьма остроумный способ ездить по четыре на дрожках, считавшихся не довольно просторными для одного русского. Две садились верхом одна против другой, две помещались справа и слева на колени к своим подругам, оплетавшим их талию скрещенными руками, и таким образом составляли четырехголовую женскую пирамиду, сверху до низу покрытую белыми чадрами, которая мчалась по тифлисским улицам в назидание всем прихотливцам, брезгавшим извозчичьим экипажем. Случалось, что на задней дрожечной оси, уцепившись руками за рессоры, висел еще «бичо» – мальчик, без которого для порядочной грузинки считалось неприличным показываться на улице.

Об освещении города нечего и говорить; на главной улице, направо и влево от дома главноуправляющего, горели по два тусклых фонаря, да на Эриванской площади светил фонарь возле полиции, а все остальные улицы старого и нового города оставались погруженными в непроницаемый мрак южных ночей, когда луна не разливала по ним своего чудного света. Хорошее знание местности требовалось для того, чтобы в безлунную ночь уберегаться от ям, оврагов и буераков, испещрявших самые жилые части нового города. Экипажный спуск к Мадатовской площади был открыт с левой стороны, – дом для начальника штаба построили только в сороковом году, – и упирался хотя в неглубокие, но очень крутые овражки, отделявшие ездовую дорогу от Солдатской слободки. Тут легко было сбиться с пути, и в тесные дождливые ночи мне самому не раз случалось – и с дрожками, и пешему – лежать в этих овражках. Благо они были неглубоки, и рыхлая, дождем размягченная почва сберегала от опасного ушиба – весь изъян ограничивался замаранною шинелью да разве еще потерянною фуражкой. Только с трех сторон обстроенная Мадатовская площадь вмещала следующие сооружения: длинный одноэтажный инженерный дом занимал северный фас; на углу восточного фаса стоял одноэтажный же дом с мезонином, подпертым четырьмя толстыми неуклюжими колоннами, в котором жил тогда дивизионный командир барон Роман Федорович

Розен; от этого дома до противоположного угла тянулась невысокая стена из дикого камня с двумя безворотными проездами, отделявшая от площади целый квартал, занятый жилищами нескольких семейств из рода Орбелиани. На южном фасаде красовались три дома, из коих один, угловой, принадлежал князю Туманову, о котором нечего было бы упомянуть, если б он не пользовался счастием иметь красавицу жену и хорошенькую дочку. На западе площадь упиралась в обрывистое возвышение, с которого спускалось несколько тропинок, удобопроходимых днем, но весьма небезопасных в ночное время; поэтому она могла считаться загороженною и с этой стороны, хотя тут не было ни одной постройки.

Старый город составлял, бесспорно, самую живописную и истинно любопытную часть Тифлиса, несмотря на нечистоту, неудобства и очень некрасивые вещи, ежеминутно попадавшиеся на глаза человеку, проникавшему в его извилистую внутренность. Тесные и кривые улицы местами были устланы такого рода головоломною мостовой, что без греха позволялось включить в ежедневную молитву: и избави нас господь от такой напасти. В целой России, известной многими плохими мостовыми, один Арзамас стоял выше Тифлиса в достоинстве всеразрушительных свойств своего знаменитого мощения. Местами улицы, подымаясь на гору, не требовали мостовой по причине каменистого грунта. Это были самые покойные и безопасные участки. С утра до позднего вечера народ толпился на этой ухабистой мостовой, промеж лавок, открытых мастерских и духанов, покупая, продавая и перекрикиваясь на множество разнозвучных наречий, которыми Кавказ так изобильно наделен... Несмотря на кинжал, неизменный товарищ каждого кавказского уроженца, на шашки, сабли и ружья, которым народ был обвешан, воровство и убийство на базаре считалось неслыханным делом...

К Армянскому базару примыкали несколько небольших площадок; каждая из них имела свое особенное назначение: на одной покоились развьюченные верблюды, оглядывавшие проходящих с выражением неудовольствия, исполненного горечи; другая была запружена сотнями ишаков, навьюченных корзинами с углем для мангалов – комнатно-нагревательных жаровень – и для оружейных мастеров, которыми был набит Тифлис; третья была заставлена буйвольими бурдюками, наполненными вином... В Грузии, как извест-

но, вино хранится не в бочках. Для перевозки его с места на место употребляются бурдюки разных величин, делающиеся из цельной кожи животного, начиная с козленка до буйвола, с внутрь обращенною шерстью, намазанною нефтью. Новые бурдюки передают вину дух и вкус нефти, неприятные для человека, не привыкшего пить вино с этою приправой, почти нечувствительною, если оно хранилось в старом бурдюке.

Во всех закавказских провинциях виноград растет в изобилии, но ни одна из них не равняется добротой вина с Кахетией, покрытою вдоль Алазаньской долины на протяжении ста двадцати верст, от Алаверды до Алмалы, непрерывным рядом виноградников, посреди которых многолюдные селения покоятся в тени громадных ореховых домов. По высотам, ограничивающим долину с севера на юг, грузинские помещичьи дома, фланкированные крепкими башнями старинной постройки, красиво отделяются от темной зелени густых лесов. Засеянных полей немного: вся земля отдана виноделию; зерна в Кахетии недостает, она покупает его на деньги, вырученные за вино. По богатству почвы, по климату и по красоте природы Кахетию можно, не предаваясь метафоре, назвать земным раем...

Грузины – народ добрый, откровенный, общежительный, храбрый и крайне беззаботный; любят они разгул и военные похождения...

К числу более осязательных и каждому душевному настроению доступных удовольствий принадлежали тифлисские бани, построенные на серных горячих источниках... Они занимали немаловажное место в быту туземного населения, посещавшего их не по одной надобности, но и в смысле приятного препровождения времени. Четыре бани, между которыми лучшею считалась баня, носившая название «архиерейской», потому что доходы с нее поступали в пользу тифлисского архиерея, никогда не оставались пустыми. Летом они посещались преимущественно от заката до восхода солнца. Поочередно две бани отводились для женщин, а две оставались в распоряжении мужчин. Наружным видом тифлисские бани мало отличались от других восточных купальных заведений, построенных на один общий образец. За длинным темным входом – просторная ротонда, получающая свет через окна, пробитые в куполе, посреди ротонды – бассейн студеной воды с фонтаном, по сторонам – глубокие ниши для раздевания, примыкающие к одной

общей и к двум или трем отдельным купальням, в которых из стен бил горячий ключ. Широкие каменные скамьи, застланные циновками и тюфяками, были расположены в нишах для отдыха после бани. В Турции мне случалось видеть публичные бани красивее и богаче, но что касается до искусства мыть, растирать и переминать суставы так приятно, что купающийся погружался в какое-то неопределимо сладостное изнеможение, тифлисские банщики не находили равных себе. Лучшие из них набирались в Персии, откуда они охотно переходили в Грузию, дороже ценившую их талант. Банщицы, носился слух, не уступали им в искусстве костомятной манипуляции, и поэтому не удивительно, если тифлисские красавицы, не имея большого выбора в удовольствиях, любили нежиться в банях и проводить в них целые вечера в обществе своих приятельниц. При тогдашней строгости грузинских обычаев мужчине не позволялось даже близко подойти к бане, отданной в распоряжение женщин, и всякая попытка нарушить запрещение повлекла бы за собой весьма неприятные последствия для нескромного искателя приключений.

II

Печатные работы Ф. Ф. Торнау

Горские племена, живущие за Кубанью и по берегу Черного моря от устья Кубани и до Ингура, – «Кавказ», 1850, № 94–96 и 98.

Барон Торнау. Записки русского офицера, бывшего в плену у горцев, – «Кавказ», 1852, № 1, 2.

Т. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. 1835 год; ч. II. 1835, 36, 37 и 38 года, М., 1864[1*].

Т. Воспоминания о кампании 1829 года в Европейской Турции, М., 1867[2**].

Т. Воспоминания о Кавказе и Грузии, – «Русский вестник», 1869, № 1–4.

---

[1] * В том же году было напечатано и в журнале «Русский вестник» (1864, № 9–12), а затем вышла в переводе на немецком, французском и английском языках.

[2] ** В том же году было опубликовано и в журнале «Русский вестник» (1867, № 6–7).

Т. От Вены до Карлсбада (Путевые впечатления), – «Русский вестник», 1872, № 1.

Из воспоминаний бывшего кавказца, – «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов...», СПб., 1874.

Барон Ф. Торнов. Панна Зося (Рассказ армейского прапорщика), – сб. «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины», СПб,, 1876[1***].

Барон Торнау. Воспоминания кавказского офицера. 1835 год, – «Известия Кавказского общества любителей естествознания и Альпийского клуба», Тифлис, 1879, кн. I.

Государь Николай Павлович (Из автобиографических рассказов бывшего кавказского офицера), – «Русский архив», 1881, кн. II (1).

Т. Гергебиль, – «Русский архив», 1881, кн. II (2).

Т. Великая княгиня Елена Павловна, – «Русский архив», 1881, кн. III (2).

Воспоминания барона Ф. Ф. Торнау, – «Исторический вестник», 1897, № 1, 2.

[1] *** В этом сборнике, задуманном членами петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, участвовали также Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, А. А. Краевский и др.

БИОГРАФО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О С. Т. ЗВАНБА[1*]

Соломон Теймуркович[2] Званба[3] – ученый-этнограф, один из ярких представителей абхазской интеллигенции XIX столетия. Его перу принадлежит несколько очерков и статей, главным образом, по отдельным вопросам этнографии абхазского народа. Небольшое научное наследство Званба тем не менее сыграло важную роль в истории изучения этнографии Абхазии: его сведения, говоря словами известного советского этнографа профессора М. О. Косвена, «составили... значительный вклад в абхазоведение»[4]. А современник Званба, К. А. Бороздин, справедливо отмечал, что он оставил заметный след вообще в литературе Кавказа[5].

Вместе с тем имя С. Т. Званба вписано и в историю русской армии как имя человека, проявившего себя храбрым и талантливым военачальником во время Крымской (Восточной) войны (1853–1856), что было официально признано тогдашним главнокомандующим Кавказской армией Н. Н. Муравьевым (Карским) и руководи-

[1] * Печатается по изданию: С. Т. Званба. Абхазские этнографические этюды. – Сухуми, «Алашара», 1982. – С. 43–85.

[2] В официальной справочной литературе XIX века С. Т. Званба фигурирует иногда под отчествами Титовича, Николаевича и Балахуховича, но чаще Теймурковича, как он значится и в его формулярных списках.

[3] Сам С. Т. Званба предпочитал писать Званбай; иногда его именуют также Званбая, Званбаев, Зомбай, Цомбай, Цумбай. Наиболее правильная транскрипция – Званба (Аҿанба). Академик И. А. Джавахишвили употреблял именно эту, абхазскую форму. (См.: И.А, Джавахишвили.????? Т.1, 1979. – С. 118–119, 123, 134.

[4] Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. – КЭС, I, М., 1955. – С. 356.

[5] Бороздин К. Омер-паша в Мингрелии (Рассказ очевидца). – «Военный сборник», 1873, № 6. – С. 207.

телем военных операций в Западной Грузии генералом И. К. Багратион-Мухранским. «Храбрый подполковник Званбай», – отзывались о нем тот и другой[1]. К. Д. Мачавариани также называл С. Т. Званба одним «из выдающихся боевых офицеров»[2].

I

Дед Званба, Ламкац Званба, происходил от звандрипшских[3] дворян (аамста) Званба. Он поселился в селе Дранда (Цкыбын) в качестве управляющего владетельским имением при Зурабе Шервашидзе (Чачба), или в начале княжения племянника последнего – Келешбея Шервашидзе (Чачба), т. е. около 70 или 80 годов XVIII века[4]. Ламкац Званба владел лишь несколькими крестьянами. Когда третий сын Келешбея, Хасанбей (Гасанбей), около 1804 года получил в «удел» земли, расположенные на территории значительной части современных Сухумского и Гульрипшского районов, княжеские дворяне Званба «сделались вполне его (Хасанбея. – Г. А.) подвластными и особенным значением в округе[5] не пользовались, как люди бедные и далеко не самостоятельные. Драндские анхаю[6] им по-прежнему никаких повинностей не отбывали, а отбывали их Хасанбею»[7].

[1] Муравьев Н. Н. Война за Кавказом в 1855 году, т. II, ч. IV. СПб., 1877. – С. 289; Багратион-Мухранский И. К. Подробное описание дела, бывшего 25 октября 1855 г. на р. Ингуре, при вторжении Омер-паши в Мингрелию. – АКАК, т. XI, ч. I. – С. 108.

[2] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу, Сухум, 1913. – С. 266.

[3] Селение Звандрипш находится в современном Гудаутском районе Абхазской АССР. Кстати, это название происходит от фамилии Званба (Ажæнба), одного из старинных абхазских родов.

[4] Ген.-л. Багратион-Мухранский. Записка о владении кн. Г. Д. Шервашидзе. – ЦГИАГ, ф. 416, 1863 г., д. 180, лл. 2–8; «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, т. 7. – С. 268, 284.

[5] Здесь имеется в виду Абхазский округ (Гумская Абхазия), как была названа тогда царской администрацией территория современных Сухумского и Гульрипшского районов (без Цебельды и Дала и некоторых других земель), которую почти целиком занимали имения Хасанбея Шервашидзе (Чачба).

[6] Анхаю (анхаюы) – основная крестьянская категория в предреформенной Абхазии; лишь формально юридически свободные, экономически и политически феодально-зависимые крестьяне.

[7] «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, т. 7. – С. 285.

Во время событий, последовавших за убийством Келешбея в 1808 году, дворяне Званба начали играть более видную роль и приобрели большое доверие у князя Хасанбея, который в тогдашней политической обстановке в крае старался приблизить их к себе. Во время же ссылки Хасанбея в Сибирь (1821–1827 гг.) дворяне Званба еще более усилились, и подвластные князю крестьяне, жившие в селение Дранда, начали им служить. Вернувшись из Сибири, князь Хасанбей Шервашидзе не лишил дворян Званба права пользоваться повинностями драндских крестьян (анхаю), но при этом последние и князю были обязаны определенными повинностями. Причем и сами дворяне Званба должны были в пасху приводить Хасанбею «лучшую корову», а также наблюдать за целостью его скота, который пасли между реками Пшап и Кодор.

Хасанбей Шервашидзе не давал дворянам Званба прав собственности на землю. Княжеский скот пасся в драндских лесах. Князь позволял селиться здесь разным анхаю, своим и чужим, с тем, чтобы они платили подати ему, а не Званба. При таком положении анхаю не могли считаться безусловно подвластными дворянам Званба, которым было предоставлено право пользоваться не всеми повинностями анхаю, а лишь их частью[1]. Эти анхаю, например, при преемнике Хасанбея, Дмитрие (Сеитбее) Шервашидзе, обязаны были от каждого дыма давать княжеским пастухам, пасшим стада в Дранде, по одному килограмму кукурузы и одному кувшину (абхал) вина. Кроме того, на пасху от каждого крестьянского дыма дворян Званба князь Дмитрий Шервашидзе получал, «сообразно состоянию каждого», барашка, козленка или курицу[2].

Зависимое положение Званба от князей Шервашидзе выразилось и в следующем факте. Владетель Абхазии Георгий (Сафарбей) Шервашидзе (1808–1821), желая скрепить дружбу с младшим братом Хасанбеем, отдал ему на воспитание своего сына Константина (Хуршидбея). Хасанбей приставил к молодому князю в качестве агандала[3] старшего сына Теймурквы Званба – Соломона, которому в ту пору было около

[1] Багратион - Мухранский. Записка...; «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, т. 7. – С. 285.

[2] ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 6, л. 204.

[3] В Абхазии, как и в некоторых других областях Кавказа, существовал обычай: когда отдавали на воспитание ребенка княжеского рода, то вместе с ним в качестве прислуги посылали кого-нибудь из ему подвластных, как правило, одних лет с воспитанником. Такой слуга и назывался агандал (гандали).

10 лет[1]. Мальчик выделялся своими способностями и был скоро замечен начальником Абхазского отряда полковником А. Г. Пацовским, часто бывавшем в княжеском доме. Желая «составить новую связь с абхазцами»[2], последний около 1824 года[3] взял к себе на «воспитание» Соломона Званба вместе с его сверстником Николаем (Эмином) Шакрылом из с. Лыхны, также человеком очень способным[4].

В 1826 году на основании ходатайства главнокомандующего на Кавказе генерала А. П. Ермолова Константин Шервашидзе был определен «к высочайшему двору» пажем и помещен в Пажеский корпус на казенное содержание[5]. Вместе с ним в Петербург был отправлен и прислуживавший ему Соломон Званба. В 1827 году отец Соломона, Теймурква Званба, как и некоторые другие абхазские князья и дворяне, дал клятвенное обещание «верно и нелицемерно» служить русскому правительству[6]. В следующем, 1828 году, очевидно, по ходатайству того же полковника Пацовского, С. Т. Званба был определен в Дворянский полк[7] «для изучения порядка военной службы»[8]. С этого момента и начинается военная служба Соломона Званба, благодаря чему мы имеем в своем распоряжении официальные сведения о его жизни и деятельности, хотя несколько односторонние и скудные, но тем не менее почти единственные.

Соломон Теймуркович Званба родился в 1809 году[9] в с. Дранда (Цкыбын)[10]. В Дворянском полку в Петербурге он находился с 24 апреля 1828 года по 11 марта 1832 года; 14 марта 1831 года – был

[1] «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, т. 7. – С. 286.

[2] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, М., 1864. – С. 41.

[3] С. Т. Званба в 1849 году был награжден орденом св. Георгия 4 степени за 25 лет военной службы.

[4] Торнау Ф. Ф. Указ. соч. – С. 41.

[5] ЦГВИА, ф. 35, д. 109, лл. 1–5; АКАК, т. XII, ч. I. – С. VI.

[6] АВПР, ф. Главный архив, 1–7, 1827 г., д. 2, лл. 8–10.

[7] Дворянский полк – военно-учебное заведение, существовавшее с 1808 по 1855 год; в 1855 году он был переименован в Константиновский кадетский корпус, а затем – в Константиновское военное училище.

[8] Формулярный список о службе и достоинстве Черноморского линейного № 10 батальона штабс-капитана Званбай, 3 января 1841 года. – ЦГВИА, ф. 395, III отд. стол 1, оп. 455, св. 1100, ч. II, д. 546, лл. 91–98; АКАК, т. XII, ч. I. – С. VI.

[9] Формулярный список С. Т. Званба... 1841 года.

[10] Село Дранда находится в современном Гульрипшском районе Абхазской АССР.

произведен в чин унтер-офицера, а 10 февраля 1832 года – в прапорщики. В марте 1832 года С. Т. Званба был отправлен в 91 егерский полк, где 22 марта 1834 года произведен в подпоручики. В ноябре того же года его перевели в Мингрельский егерский полк. В марте 1839 года Званба из этого полка был переведен в Черноморский линейный № 10 батальон, где в июне произведен в чин поручика, в марте 1840 года – штабс-капитана, а в ноябре 1841 года – капитана[1]. В названный батальон в ноябре 1836 года был направлен и известный писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский.

С. Т. Званба одновременно «приобрел довольно большое значение у русского начальства и в Абхазии»[2], где с 1833 года он, как человек «верный» и достаточно «подготовленный», равно знающий абхазский и русский языки, состоял при абхазском владетеле «для помощи в письменных сношениях» последнего с российскими властями[3].

Тем временем отношения между Соломоном Званба и Хасанбеем Шервашидзе стали натянутыми. Это было вызвано, с одной стороны, положением молодого Званба при дворе владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе, а с другой – отношениями между противником последнего – Хасанбеем и драндскими дворянами Званба. Фигура Соломона Званба становится предметом особого внимания и Михаила, и «всесильного» его дяди Хасанбея.

Владетель Абхазии в 1834 году дал С. Т. Званба грамоту на получение земли в с. Дранда, которую Хасанбей считал своей бесспорной собственностью. Правда, впоследствии (в 60-х годах) управляющий имениями потомков Хасанбея Шервашидзе А. В. Пахомов отрицал такой факт, но он имел лишь одну цель – доказать во что бы то ни стало, что князья Шервашидзе являлись полными собственниками как той земли, на которую претендовали дворяне Званба, так и всей обширной территории, известной в то время под названием «Абхазского округа» (Гумская Абхазия)[4]. Что же касается доводов Пахомова для отрицания существования указанной владетельной грамоты, помеченной 1834 годом, то они настолько неубедительны и тенденциозны, что скорее доказывают обратное.

[1] Формулярный список С. Т. Званба 1841 года.

[2] «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, т. 7. – С. 286.

[3] АКАК, т. XII, ч. I, с. VI.

[4] «Исторический вестник». Тбилиси, 1953, № 7. – С. 286–287.

К сожалению, нам не удалось разыскать этот документ. Пахомов же утверждает, что он видел копии грамоты, из которых одна находилась у Таты Званба, жены двоюродного брата Соломона Батыршаха Званба, а другая – в делах Мингрельского егерского полка. И поскольку, отмечает Пахомов, в первой копии было сказано, что подлинник грамоты хранится в делах указанного полка, а там была обнаружена также только копия, то документ был составлен будто самим С. Т. Званба. Между прочим, все «доводы» Пахомова были отражены в «Проекте поземельного устройства населения Сухумского военного отдела», составленном Сухумской сословно-поземельной комиссией (1869 г.), в котором на этом основании положение дворян Званба в Дранде было определено лишь как ахылапшю («покровителей»)[1].

Из сообщений А. В. Пахомова выясняется кое-что по существу содержания грамоты. В ней были указаны границы имения Соломона Теймурковича, известного и как село Званба[2]. Однако Пахомов о размерах этого имения только указал: «В грамоте (копии. – Г. А.) отмечены большие границы, далеко выходящие из пределов того, чем когда-либо пользовались аамста Званба». Грамота также предоставляла С. Т. Званба и его братьям право продажи самшита из с. Звандрипш. Пахомов, возражая и против этого, писал, что, во-первых, владетель никогда бы не лишил себя этого важного дохода и, во-вторых, драндские Званба уже давно ничем не пользовались в селе Звандрипш[3].

Хотя А. В. Пахомов и отрицал существование владетельной грамоты, но в то же время он признавал наличие «имения Званбаевых». По его же сведениям, при сыне Хасанбея, Дмитрие Шервашидзе, подвластными дворянам Званба считались 22 крестьянских дыма. Владельцем имения считался С. Т. Званба, как «старший в роде». В доме Соломона жил его двоюродный брат Батыршах, сын Матырбея Званба, но он почти ничем не пользовался. Из Записки того же А. В. Пахомова узнаем, что С. Т. Званба выстроил два дома: один в городе Сухуми[4], а другой – в селении Дранда (Цкыбын)[5].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869, д. 1017, лл. 82–83.

[2] ЦГАОР, ф. 649, д. 156, л. 89.

[3] «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, № 7. – С. 286–287.

[4] Этот дом с земельным участком в 1860 году владетель Абхазии Михаил Шервашидзе приобрел у жены Соломона Званба и подарил своему младшему брату Александру Шервашидзе, который затем продал его жене Константина Шервашидзе, Наталье Матвеевне, за 400 руб. (ЦГАА, ф. 60, д. 95, л. 2).

[5] «Исторический вестник», Тбилиси, 1953, № 7. – С. 289.

В мае 1837 года С. Т. Званба участвовал в военной экспедиции в Цебельду, предпринятой под непосредственным начальством главнокомандующего на Кавказе Г. В. Розена. В ней были ссыльные декабристы А. А. Бестужев-Марлинский и В. С. Норов, а также великий азербайджанский писатель и мыслитель М.-Ф. Ахундов и начальник штаба Кавказского корпуса, декабрист В. Д. Вольховский. Затем, в июне того же года, экспедиция была направлена на мыс Адлер, где при перестрелке с горцами и погиб А. А. Бестужев-Марлинский[1].

В начале мая 1842 года С. Т. Званба сопровождал в Петербург «депутацию» из князей и дворян Джигетского (Садзского) приставства[2], назначенную для представления Николая I. Из «депутации» в пути умерло три человека. Об этом случае писал С. Т. Званба из г. Орла начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии Н. Н. Муравьеву (Амурскому)[3].

В июне 1842 года С. Т. Званба получил звание майора[4]. В мае 1843 года он был переведен в Черноморский линейный № 16 батальон. В том же году Званба назначается начальником войск и милиции, расположенных в Цебельде, а с 12 ноября – исправляющим должность джигетского пристава; 11 июня 1845 года – командиром Черноморского линейного № 8 батальона. К нему неоднократно обращаются князья и дворяне Джигетского приставства, в августе 1847 года он принимает «почетных старейшин» и т. д.[5] Джигетское приставство вместе с Цебельдинским приставством в

[1] Подробнее см.: Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1972. – С. 53, 65 и др.

[2] Это приставство, обнимавшее пространство между гагрскими теснинами и р. Хоста, было образовано в 1840 году и причислено к Абхазскому княжеству в 1841 году. Данная территория была известна также под названием Малая Абхазия. Ее обитатели – садзы (джигеты, или джики) – принадлежали, как уже отмечалось, к абхазской этнической группе и делились на горных (мдыюаа, или медавеевцы) и прибрежных, которые, в свою очередь, подразделялись на ряд обществ. Образование приставства приняли только прибрежные садзы. В результате Кавказской войны все они почти целиком выселились в Турцию (махаджирство).

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6435, лл. 82–83 (Записка Н. Муравьева от 11 мая 1842 г. П. Клейнмихелю).

[4] «Список майоров по старшинству», СПб., 1844. – С. 233.

[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, лл. 65–74; оп. 272, св. 122, д. 147/3., лл. 125–127; Стефанов Т. Т. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819–1906. Батум, 1906. – С. 196.

1847 году было введено в расписание приставских управлений на Кавказе[1].

В силу «служебной опытности и знания военного дела» неоднократно отмечавшийся начальством, С. Т. Званба 21 марта 1848 года был произведен в подполковники[2]. В августе того же года он избирается посредником, в переговорах между гарнизоном Навагинского форта (Сочи) и окрестным населением, с целью прекращения «продолжительной войны»[3]. 22 января 1850 года С. Т. Званба подал рапорт начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии генералу К. К. Гогенбаху с ходатайством об отправлении его в Пятигорск для лечения. Из рапорта Гогенбаха на имя начальника Черноморской береговой линии генерала А. И. Будберга узнаем, что С. Т. Званба в это время, помимо того, что являлся командиром Черноморского линейного № 8 батальона и джигетским приставом, занимал также должность военного начальника укрепления Св. Духа (Адлера)[4].

С. Т. Званба 28 мая 1850 года был переведен командиром Черноморского линейного № 10 батальона, а 14 апреля 1852 года назначен командиром Черноморского линейного №11 батальона «для приведения его в полный порядок после двух быстро сменившихся командиров»[5]. На этой должности С. Т. Званба оставался до конца своей жизни.

За время пребывания в армии С. Т. Званба был награжден орденами: св. Владимира 4 степени, св. Анны 3 ст., св. Станислава 4 ст., св. Георгия 4 ст., а также золотой шпагой с надписью «За храбрость» и др. Как офицеру царской армии, Соломону Званба приходилось принимать участие в военных экспедициях, которые проводило царское правительство в те годы в Абхазии и на Черноморье. Вместе с тем С. Т. Званба принимал активное участие в строительстве дорог, имевших большое значение, в частности, для разрушения натурально-патриархальной замкнутости, развития внутреннего

[1] АКАК, т. XII, ч. II. – С. 648; Стефанов Т. Т. Указ. соч. – С. 203.

[2] «Русский инвалид или военные ведомости», СПб., 1848, № 67; «Список генералам и штабс-офицерам Отдельного Кавказского корпуса», СПб., 1853. – С. 86.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 272, св. 124, д. 173, лл. 121–121 об.

[4] ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 855, лл. 1, 2, 16.

[5] Стефанов Т. Т. Указ. соч. – С. 203.

рынка и т. д. Он был награжден орденом св. Станислава 4-й степени[1] за участие в экспедиции по устройству сухопутного сообщения на побережье Абхазии, состоявшейся еще в 1834–1835 годах[2]. Между прочим, в этой экспедиции находились также декабристы В. С. Норов, Павел Александрович Бестужев, писатель П. П. Каменский и др.

Следует отметить и активное участие С. Т. Званба в борьбе русского правительства против англо-турецкой контрабандной торговли, в том числе пленопродавства (работорговли), на побережье Кавказа. Как известно, большое значение в этом деле имело крейсерство русского флота и затем учреждение Черноморской береговой линии, состоявшей из ряда крепостей и укреплений, построенных войсками на Кавказском берегу Черного моря в 30–40 годах. В 1845 году С. Т. Званба был награжден золотой шпагой за участие в десанте против контрабандных судов[3].

В книге Т. Т. Стефанова «Михайловский крепостной пехотный батальон[4] на Кавказе» приводится интересный материал, характеризующий начальника Черноморского линейного 11-го батальона подполковника С. Т. Званба как прогрессивного и гуманного офицера русской армии. Картина состояния названного батальона, как и других военных частей на Черноморской береговой линии, «была крайне неутешительная». Первое, на что обратил внимание новый командир, это офицеры, мало знавшие службу и не обращавшие внимания на образование солдат, предоставляя это дело «дядькам» и унтер-офицерам. Хотя роты батальона часто бывали на работах, все же подполковник Званба успевал с ними пройти несложный курс стрельбы и «устные учения». Он добился выделения средств на постройку каменных казарм и устройство лазарета в здоровой нагорной части Сухума[5], а также заботился об обеспе-

[1] ЛФЦГВИА, Научно-справочная библиотека, кн. 7107. – С. 79 об. Приказы по Отдельному Кавказскому корпусу. Приказ № 69, п. 2.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 66.

[3] Формулярный список о службе и достоинстве командира Черноморского линейного № 11 батальона, состоящего по армии подполковника Званбая, 16 ноября 1855 г. – Стефанов Т. Т. Указ. соч., приложение XVII. – С. 24.

[4] Михайловский крепостной батальон был образован из Черноморского линейного № 11 батальона.

[5] Генерал Г. И. Филипсон, служивший в 30–40-х годах на Черноморском побережье, свидетельствовал: «Сухум казался каменным гробом: нельзя было встретить свежего, здорового лица... В Сухум ежегодно посылали 16% штатного

чении солдат и офицеров батальона теплым зимним обмундированием и т. д.

Как признавал и Т. Т. Стефанов, служба в Черноморских линейных батальонах была тяжелая. И подполковник Званба «стремился улучшить жизненную обстановку солдата своего батальона». Он «особенно оставался недовольным, когда поступали жалобы от нижних чинов на офицеров, взявших у них деньги и не думавших об уплате». «Поступки, недостойные имени офицера, им строго карались». В то же время командир Званба «дорожил своими офицерами и всегда горячо отстаивал их, когда начальство, узнав о поступке офицера, собиралось уволить его со службы». Таким образом, С. Т. Званба «всегда оставался деятельным и требовательным при исполнении службы и в то же время добрым, сердечным человеком, в полном смысле отцом-командиром своих офицеров и солдат», благодаря чему он и «достиг громадных успехов»[1].

Говоря словами того же Т. Т. Стефанова, «вот с каким командиром Черноморский линейный № 11 батальон начал Восточную войну», участие в которой и батальона, и лично его командира, подполковника С. Т. Званба, были поистине выдающимися.

Как известно, турецкие войска во время Крымской войны повели наступление на территорию Закавказья. Летом 1855 года был выдвинут проект о диверсии в Западной Грузии, чтобы принудить русскую армию снять осаду с Карса и создать угрозу Тифлису, а также поднять кавказских горцев против России[2]. Было решено начать это вторжение со стороны Абхазии, откуда еще весной 1854 года были эвакуированы русские войска: Сухум был избран исходным пунктом движения, где противник сосредоточил войска в составе около 30 тысяч человек. Турецкая оккупация тяжело отразилась на всей жизни Абхазии. Сухум и некоторые другие места были разорены и пришли в упадок. Вместе с тем англо-турецкие захватчики, пользуясь благоприятной обстановкой, развернули работорговлю.

В первых числах октября 1855 года главнокомандующий турецкой экспедиционной армией генералиссимус Омер-паша начал

числа нижних чинов, (солдат. – Г. Д.) на укомплектование, т. е. средняя жизнь считалась там почти в шесть лет» (Филипсон Г. И. Воспоминания, М., 1885. – С. 193).

[1] Стефанов Т. Т. Указ. соч. – С. 203–205.

[2] Муравьев Н. Н. Указ. соч. – С. 265.

движение из Сухума к границам Мегрелии, и к 20 октября главные силы противника были стянуты на правом берегу Ингури, где расположились в селах Пахулани, Дихазурга и Чубурхинджи, став у переправ Оцарце[1]. Когда наступление неприятеля со стороны Абхазии ясно обрисовалось, начальник Гурийского (Кутаисского) отряда русских войск, предназначенного для обороны Западного Кавказа (на Батумском и Сухумском направлениях), генерал И. К. Багратион-Мухранский на левом берегу Ингури сосредоточил большую часть своих войск, в том числе и Черноморский линейный № 11 батальон[2], составлявший 30 проц. всей пехоты и 15 проц. всего отряда[3]. Перед этим батальон, командуемый С. Т. Званба, участвовал в движении: в Кобулетский санджак – с 10 до 28 мая, на р. Супса – с 10 по 29 сентября, 5 октября – следование в Коки и 21 октября – на р. Ингури[4].

Русское командование решило встретить на р. Ингури противника упорным боем, несмотря на незначительность сил, имевшихся в его распоряжении для обороны линии фронта с многочисленными переправами через реку. Общее руководство обороной этих переправ было возложено на начальника кавалерии Гурийского отряда гвардии полковника Дмитрия (Сеитбея) Хасанбеевича Шервашидзе (Чачба)[5].

Между прочим Омер-паша сразу же после своей высадки в Сухуме пытался добиться перехода Д. Х. Шервашидзе на свою сторону. Однако происки турецкого главнокомандующего оказались совершенно тщетными[6]. Как сообщал Багратион-Мухранский, полковник немедленно покинул родину «против всех убеждений и даже угроз со стороны родных и друзей» и, «оставив там на произвол судьбы престарелую мать свою и имущество, явился в ряды русских войск;

[1] Услар П. К. Записка о военных действиях Гурийского отряда. – АКАК, т. XI, ч. I. – С. 241–242.

[2] Муравьев Н. Н. Указ. соч. – С. 278–279; АКАК, т. XI, ч. 1. – С. 135–137.

[3] Стефанов Т. Т. Указ. соч., приложение XVIII. – С. 27.

[4] Формулярный список. С. Т. Званба 1855 года. – С. 24.

[5] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 108. Подробнее о Д. Х. Шервашидзе см.: Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной интеллигенции, Сухуми, 1979. – С. 50–52, 98–99.

[6] Муравьев Н. Н. Указ. соч. – С. 387–388; см. также: АКАК, т. XI, ч. I. – С. 123–124, 131 (на франц. яз.).

мать едва находит пропитание, а имущество разграбили дотла...»[1] В рядах же русских войск он, как доносил наместник Кавказа генерал И. Н. Муравьев (Карский) военному министру Долгорукову от 6 января 1856 года, «исполняет обязанности службы с полным рвением и отличается мужеством и храбростью в делах против неприятеля»[2].

25 октября неприятель завязал перестрелку у развалин Рухской крепости. Начался знаменитый Ингурский бой. Встретив сильное сопротивление со стороны отряда генерал-майора Григория Дадиани, который находился на Рухской позиции, прикрывавшей самый удобный путь в направлении Зугдиди, турки главной своей массой продвинулись до переправ в Коки. И скоро на высоте Нарманиевской переправы[3] появился их значительный отряд.

Оборона этого самого «опасного пространства» фронта, куда были брошены основные силы турок, поручается подполковнику Званба[4], который стоял здесь со своим Черноморским линейным № 11 батальоном и взводом легкой № 1 батарей. Он непосредственно подчинялся гвардии полковнику Д. Х. Шервашидзе. Званба приготовился к бою с неприятелем, превосходившим силы командуемой им части в десять раз. Это было в 3 часа дня. Турки из кустов противоположного берега открыли огонь. Отвечал и отряд Званба. «Неустрашимый подполковник Званба, находясь впереди батареи под неприятельскими выстрелами, отдавал приказания»[5]. Полковник Шервашидзе, услышав перестрелку, тотчас же лично прискакал на место с двумя конными дружинами.

Но вскоре массы турецкой пехоты вступили в самую р. Ингури. Бойцы Званба «молодецки отбивали переправу войск Омер-паши... с утра до поздней ночи»[6], «солдаты дрались отлично»[7]. Река, наконец, была очищена от противника. Однако, писал Багратион-Мухранский, «это блистательное отражение дорого нам стоило. Не заботясь о себе, думая лишь о поражении неприятеля, начальники

[1] АКАК, т. XI, ч. II. – С. 949.
[2] ЦГВИА, ф. 482, д. 110, л. 213.
[3] В донесениях о военных действиях на р. Ингури эта переправа называется «Норманской» вместо «Нарманиевской» (Санарманиа).
[4] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 108.
[5] Стефанов Т. Т. Указ. соч. – С. 241.
[6] «Кавказская старина», Тифлис, 1872, № 1. – С. 68.
[7] Колюбакин Н. П. Закавказье в 1855 г. – «Русская старина», 1876, X. – С. 690.

и подчиненные вырвались из-за завалов на самый берег и представили собой широкую цепь для турецких штуцеров и турецкой картечи»[1].

Перед ротами линейных батальонов пали один за другим три командира. Первым из них был подполковник С. Т. Званба. Он был убит штуцерной пулей, вошедшей в правое ухо и вышедшей в левое[2]. Званба был немедленно вынесен на перевязочный пункт. Врач констатировал смерть[3]. Командование отрядом принял сражавшийся рядом командир Грузинского № 1 батальона полковник Р. И. Иоселиани, «впереди всех подавший пример неустрашимости»; но он также мужественно погиб[4]. Командиром «этой геройской колонны»[5] стал штабс-капитан И. Л. Кобелев. Раненный в руку, он не хотел оставить боя, но вскоре получил другую, смертельную рану[6]. Командование батальоном, по старшинству, принял поручик Рубцов. Для общего командования на Нарманиевских переправах был призван майор Ивин. Но через некоторое время и он был тяжело ранен, а Рубцов убит. Пришлось лично приехать Д. Х. Шервашидзе, чтобы организовать отступление истекавшей кровью части. Прибыл и сам командир Гурийского отряда И. К. Багратион-Мухранский, находившийся до этого на Рухской позиции[7].

Как сообщал начальник штаба Гурийского отряда полковник П. К. Услар, который внимательно «следил шаг за шагом за действиями двух воюющих сторон»[8], «героическая оборона Норманских (Нарманиевский. – Г. Д.) переправ шестью ротами заставила Омер-пашу на время усомниться даже в возможности успеха; роты эти, потеряв всех своих начальников, не уступили до самой ночи пяди земли неприятелю и потом отступили будучи уже окружены со всех сторон ту-

[1] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 108.
[2] Там же; Н. Н. Муравьев. Указ. соч. – С. 289.
[3] Стефанов Т. Т. Указ. соч. – С. 289.
[4] 1914, № 49. – С. 4.
[5] Бороздин К. А. Закавказские воспоминания... – С. 27.
[6] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 109.
[7] Колюбакин Н. П. Закавказье в 1855 г. – С. 330; «Кавказский сборник», 1880, т. V. – С. 338–341.
[8] Загурский Л. Г. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе. – ССКГ, вып. X, 1881, с. XVI. П. К. Услар с 7 октября 1854 года находился в командировке в распоряжении начальника Гурийского отряда и был начальником штаба этого отряда (См.: «Список генерального штаба», СПб., 1855. – С. 34).

рецкими батальонами, успевшими переправиться на других пунктах, где не встретили они столь отчаянно-упорного сопротивления»[1].

Кровопролитное сражение на рубеже реки Ингури в целом закончилось неудачно для Гурийского отряда. К 9 часам вечера все части снялись с Ингури и отступили на новую позицию. Однако в этом сражении численно превосходивший противник понес «огромную потерю, в несколько раз превышавшую нашу»[2], и впоследствии вся эта кампания Омер-паши была сведена к нулю[3].

Население Абхазии с большой ненавистью встретило оккупантов и приняло активное участие в борьбе с ними. Двадцать дней понадобилось Омер-паше для перехода от Сухума до Ингури, т. е. на расстоянии 70 верст. Треть его войск пришлось оставить позади для обеспечения коммуникационной линии. В английской газете «Times» уже накануне этого выступления, 24 сентября, было напечатано сообщение из Сухума: «Отвращение здешних абхазов не подлежит никакому сомнению... Они не только не помогают нам, но еще разрушили несколько мостов, которые облегчили бы наши движения, и портят везде, где могут, дороги. Высшие классы в этом народе не скрывают своего сочувствия и приверженности к России и ожидают не иначе, как с ужасом, вторжения турок»[4]. Английский агент Лоуренс Олифант также свидетельствовал, что перед «носителями фесок» «всюду закрыты двери крестьянских хат. Сельчане во всем отказывают им»[5].

Многие местные жители вступили в ряды русской армии, чтобы с оружием в руках сражаться с агрессорами. В общий состав милиции (ополчения) Гурийского отряда входили конные и пешие сотни, сформированные на территории Абхазии. В Самурзаканском ее районе уже к апрелю 1854 года было создано пять таких сотен. Причем здесь, вдоль всей границы, в том числе и со стороны моря, были устроены завалы в две линии и т. д.[6]

---

[1] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 243.

[2] Там же.

[3] Тарле Е. В. Крымская война, т. II, М.–Л., 1950. – С. 535.

[4] Цит. по: «Кавказ», 2 ноября 1855 г.

[5] Цит. по: Бурчуладзе Е. К вопросу о роли грузинского ополчения в Восточной войне 1853–1856 гг. – «Труды Тбилисского государственного педагогического института им. А. С. Пушкина», т. VIII, 1950. – С. 98.

[6] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия, Сухуми, 1975. – С. 149–150.

Так не оправдался расчет Турции и ее союзников использовать стихийный протест народа Абхазии, как и других кавказских народов, против колониальной политики царизма.

Багратион-Мухранский в официальном донесении о ходе Ингурского сражения особо отметил заслуги Черноморского линейного № 11 батальона, которым командовал подполковник С. Т. Званба. «Изложенный мною ход боя, – писал он, – как я смею надеяться, красноречивее всяких похвал доказывает, с каким геройским мужеством, с каким упорством сражались войска наши против многократ сильнейшего неприятеля. Черноморский линейный № 11 батальон кровью своей и кровью врагов записал имя свое в летописях славы русского оружия. Все части, бывшие в деле, соперничали взаимно в мужестве; но, по ходу самого боя, в наилучшем блеске обнаружили это качество части, оборонявшие Норманские переправы»[1]. Генерал Муравьев подчеркивал, что именно на этом месте «происходил самый сильный бой»[2]. Английский советник Л. Олифант также свидетельствовал, что отпор, данный турецким войскам на Нарманиевской переправе, был самым сильным, что турки понесли здесь значительные потери[3].

Это было достигнуто действительно кровью Черноморского линейного № 11 батальона. Согласно официальным сведениям в сражении на Ингури 25 октября 1855 года, из 7 убитых здесь офицеров Гурийского отряда 3 человека падало на этот батальон, а из 412 убитых, раненых и без вести пропавших солдат – 152 человека[4]. «Из всех наших, – писал «Русский инвалид», – рассеянных на большом пространстве, только 11-й Черноморский линейный батальон и 2 роты 1-го Грузинского встретили войска Омер-паши при переправе их через Ингур. Жаркий бой сей, в коем, несмотря на свою малочисленность, солдаты наши три раза отбили неприятеля, вдесятеро сильнейшего, и отступили в порядке, когда храбрые начальники пали от вражеских пуль, надолго останется в памяти турок»[5].

---

[1] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 107–108.

[2] Муравьев Н. Н. Указ. соч. – С. 296, примеч. 2.

[3] Там же. – С. 298–299.

[4] Там же, приложения. – С. 391–392.

[5] «Русский инвалид», 1856, № 55.

Черноморскому № 11 линейному батальону (переименованному в № 3) и Грузинскому линейному № 1 батальону в 1858 году были вручены георгиевские знамена с надписью: «За отличие в сражении на р. Ингуре 25-го октября 1855 года»[1].

Героем-командиром этого «в высшей степени кровопролитного сражения»[2] был также Д. Г. Шервашидзе. Полковник Д. Г. Шервашидзе, доносил генерал В. О. Бебутов Муравьеву, «во время наступательных действий Омер-паши находился при войсках наших... В деле на р. Ингуре он командовал той частью войск, которая расположена была для обороны Кахатской, Норманской и Кокской переправ и куда неприятель направил главные свои силы»[3]. «Героев сражения: Званбай, Иоселиани, Ивина и Кобелева, – писал К. А. Бороздин, – мы уже назвали... Было бы несправедливо умолчать о начальнике кавалерии, полковнике князе Дмитрие Шервашидзе, отличившемся в этом деле... наравне с упомянутыми героями; он вышел невредимым из боя, несмотря на то, что его видели все время на коне в самой жаркой схватке, впереди командуемой им части. Званбай и Шервашидзе были абхазцы, Иоселиани – мингрелец; все трое пользовались особым уважением и доверием как своих земляков, так и своих сослуживцев, и глубоко были проникнуты русским патриотизмом, что и доказали на деле»[4].

Во время Ингурского боя отличились и другие абхазские офицеры – Григорий и Самсон Шервашидзе, Зураб Анчабадзе (Ачба), Бабишбей Маршания, которые удостоились различных наград. Они участвовали и в боевых операциях на территории Мегрелии, куда вскоре вторглись турецкие войска. Например, Д. Шервашидзе вместе с Г. Дадиани осуществлял общее командование над ополченскими отрядами, которые преследовали и уничтожали войска противника.

Среди грузин, отличившихся во время Ингурского боя, следует еще назвать подполковника Симона Церетели, командиров имеретинских дружин (милиции) Сико Цулукидзе и Бабэ Агиашвили и др.

---

[1] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 321; А. Л. Гизетти. Хроника кавказских войн, ч. II, Тифлис, 1896. – С. 138.

[2] Бороздин К. Омер-паша в Мингрелии. – С. 207.

[3] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 203.

[4] Бороздин К. Указ. соч. – С. 207.

Золотыми буквами в историю этого кровопролитного сражения записаны также имена капитана Панфилова, поручика Шкляревского (убит), Симонова, Катаева и др.

По некоторым данным, С. Т. Званба, оставивший «между офицерами и солдатами лучшую память о себе», погребен в церкви Старо-Сенаки (ныне город Миха Цхакая)[1], а по иным сведениям он вместе с другими героями, павшими смертью храбрых во время Ингурского боя (Иоселиани и др.), был предан земле в с. Коки, в местности Налима[2]. Здесь 25 октября 1913 года был воздвигнут памятник, на котором и сегодня можно прочитать:

СЛАВНЫМ ПРЕДКАМ-ГЕРОЯМ,
ПАВШИМ В БОЮ ПРИ РЕКЕ ИНГУР
25 ОКТЯБРЯ 1855 г.

II

В силу своего служебного положения С. Т. Званба приходилось постоянно разъезжать по Абхазии. Это давало ему возможность близко общаться с населением, изучать его быт, нравы и обычаи, накапливать этнографический материал. В одной из своих статей Званба отмечал: «Хотя в молодости я часто присутствовал при религиозных обрядах абхазского народа, но полагая, что позабыл некоторые из них», жил у пастухов, внимательно наблюдал за совершением ими религиозных обрядов, связанных со скотоводством[3]. Современники подчеркивали, что С. Т. Званба был знатоком быта и

---

[1] ИРК, ф. Вейденбаума Е. Г. картотека (словарь) – Званба С. Т.

[2] Стефанов Т. Т. Указ. соч., приложение, XVIII. – С. 27 (Рапорт зугдидского пристава от 4 марта 1903 г.).

По данным Стефанова Т. Т., у С. Т. Званба остался трехлетний сын Георгий. Но в материалах А. В. Пахомова Георгий уже не упоминается и сообщается, что имение С. Т. Званба перешло к его двоюродному брату Батыршаху Званба, и вдова, Нина Шереметовна, вышла замуж за сына последнего. Сухумский дом С. Т. Званба перешел к кн. Д. Г. Шервашидзе, а драндский дом был продан купцу Иордану Метакса, который перевез его в г. Сухум.

[3] Званба С. Т. Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии. IV. Айтар. – «Кавказ», 1855, № 82.

обычаев населения. Так, например, К. А. Бороздин свидетельствует, что Званба знал «прекрасно свою родину и ее своеобразные обычаи, весьма интересные...»[1]. Но об этом лучше всего говорят статьи самого Соломона Теймурковича.

В то же время С. Т. Званба, как сообщают источники, «свободное время от службы... охотно посвящал чтению и литературным занятиям»[2]. Следует особо отметить знакомство Званба со специальной литературой, частично использованной в его сочинениях. Это больше всего чувствуется в очерке «Абхазская мифология». В нем автор конкретно указывает на географическое описание Грузии известным грузинским географом и историком XVIII века Вахушти Багратиони. Причем к утверждению Вахушти «...Вместо того, чтобы хоронить своих покойников, они (абхазы. – Г. Д.) одевают их в лучшее платье и оружие, запирают в ящики и ставят на деревья»[3], Званба подходит критически, считая это ошибочным обобщением, вероятно, случая похорон человека, убитого молнией, при котором труп действительно клали на специальной вышке – ашвымкят (ашәымкьат), и лишь впоследствии кости предавали земле. Кроме того, Званба ссылается на сочинение Н. И. Ушакова «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» (СПб., 1836, ч. I). Вместе с тем в материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим указание о том, что С. Т. Званба был хорошо знаком с характером поземельных отношений в России[4].

С. Т. Званба для своего времени был образованным человеком. К. А. Бороздин, по-видимому, хорошо знавший Званба, писал, что он был «очень начитанным и развитым человеком»[5]. В формулярном списке С. Т. Званба отмечено: «Российской и французской грамоте читать и писать умеет; математику, тригонометрию, алгебру, историю, географию, фортификацию, ситуацию и закон божий знает»[6].

[1] Бороздин К. Омер-паша в Мингрелии. – С. 207.

[2] АКАК, т. XII, ч. I. – С. VII.

[3] (M. Brosset) . СПб., 1842. – С. 409.

[4] Проект поземельного устройства населения Сухумского военного отдела, составленный сословно-поземельной комиссией (1869 г.) – ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 83.

[5] Бороздин К. Омер-паша в Мингрелии. – С. 207; см. также его соч. «Кавказские воспоминания, Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год» (СПб., 1885. – С. 27–28).

[6] Формулярный список С. Т. Званба 1855 года. – С. 25.

Т. Т. Стефанов сообщает, что С. Т. Званба выписывал разные газеты и журналы[1]. Сохранился автограф рапорта Званба от 28 августа 1845 года из укрепления Св. Духа, из которого узнаем о получении им центрального журнала «Военный сборник» за 1844 год для библиотеки ему «порученного... укрепления»[2]. Все эти и другие факты свидетельствуют о широком научном диапазоне С. Т. Званба.

На развитие общественно-политических взглядов С. Т. Званба и возникновение у него интереса к изучению абхазской этнографии, несомненно, решающее влияние оказало его тесное общение с представителями передовой русской общественности.

В Дворянский полк Званба поступил в апреле 1828 года, а вообще в Петербург приехал он в 1826 году, т. е. через несколько месяцев после восстания декабристов, когда русское общество находилось еще под живым впечатлением жестокой расправы с отважными дворянскими революционерами, и жил здесь до 1832 года. Все это время он был в постоянном контакте с К. Г. Шервашидзе, пребывавшим в Пажеском корпусе. Это была значительная фигура в истории культуры и общественной мысли Абхазии[3]. В столице молодой Шервашидзе знакомится с идеями декабристов, а также с передовыми русской и европейской культурами. Он общался со многими замечательными личностями, в том числе с представителями учившейся здесь революционно настроенной грузинской молодежи – Вахтангом и Александром Орбелиани, Элизбаром Эристави и др. Это последнее обстоятельство приводит его к участию в дворянском заговоре 1832 года в Грузии, являвшемся выражением протеста против колониальной политики царского самодержавия.

После незабываемой жизни в Петербурге, где один величественный архитектурный пейзаж «младшей столицы» пушкинской поры держал С. Званба в постоянном трепетном состоянии, оказывая глубокое влияние на его эстетическое воспитание, С. Т. Званба все время находился в рядах Кавказской армии. И здесь он имел возможность общаться с отдельными передовыми людьми России,

[1] Стефанов Т. Т.. Указ. соч. – С. 205.

[2] ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, д. 1882/347, лл. 283–284.

[3] Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции, Сухуми, 1979. – С. 26 и сл.

в том числе с декабристами и их единомышленниками, сосланными в эту «теплую Сибирь». При этом была особенно благодатна служба переводчика, которая неизбежно вводила формирующегося интеллигента в новый круг лиц и интересов, и этот круг, наиболее отвечавший культурным запросам Званба, сильно занимал его.

На Черноморской береговой линии, в частности, где непосредственно служил С. Т. Званба, с 1837 по 1841 год находился Н.Н. Раевский (младший) в качестве его командира. Это был друг А. С. Пушкина, человек декабристского круга. В отряде Раевского находились декабристы А. И. Одоевский, Н. Н. Лорер, М. М. Нарышкин, Н. А. Загорецкий, В. Н. Лихарев, А. И. Черкасов, В. С. Толстой, М. А. Назимов и К. Г. Игельстром, а до этого в пределах Абхазии пребывали В. П. Романов, братья Александр и Павел Бестужевы, А. А. Фок, С. И. Кривцов, В. С. Норов, В. Д. Вольховский. С некоторыми из них и другими лицами (Ф. Ф. Торнау, И. К. Айвазовским, М. В. Ахундовым, Б. Г. Чиляевым (Чилашвили), П. К. Усларом и т. д.) С. Т. Званба встречался и общался. В общественное окружение С. Т. Званба, несомненно, входили и польские революционеры В. И. Багриновский, Ф. Я. Лисовский, А. Ф. Тржасковский и К. И. Зак, которые в 20–30-х годах были сосланы на Кавказ и служили главным образом в Абхазии.

При этом следует выделить декабриста-писателя А. А. Бестужева-Марлинского, как представляющего особый интерес с точки зрения выяснения расширения научных интересов Званба. Бестужев, как известно, был прекрасным знатоком этнографии. Более того, он сыграл важную роль в развитии русского кавказоведения. И такой человек не мог, разумеется, не «заметить» С. Т. Званба – знатока абхазов, их нравов, обычаев и традиций, тем более, что с ним он некоторое время служил в одной воинской части. Важен и такой факт. В период Крымской войны известный русский кавказовед П. К. Услар, впоследствии успешно занимавшийся исследованием абхазского языка, по сообщению Л . Г. Загурского, в Абхазии «успел на досуге набросать ценные этнографические заметки»[1]. Услар, как мы видели, являлся начальником штаба Гурийского отряда и, между прочим, оставил обширную Записку о действиях этого отряда во время Ингурского боя, в которой дается описание и геройства С. Т.

[1] Загурский Л. Г. Указ. соч. – С. XVI.

Званба[1]. Надо полагать, что именно последний способствовал полковнику П. К. Услару в указанном научном занятии.

Все это было подтверждением того известного положения, что близкое общение русских с народами Кавказа приводило к тому, что из среды последних выделились интеллигентные люди, с интересом относившиеся к быту своего народа. Уже в 40-х и 50-х годах можно назвать ряд выходцев из местных национальностей, сделавших свой вклад в этнографическое изучение кавказских народов. К числу их из представителей горских народов Кавказа относятся: черкес Хан-Гирей, кабардинец Шора Бекмузин Ногмов, осетин Соломон Жускаев и абхаз Соломон Званба[2].

Вместе с С. Т. Званба служили и некоторые грузинские офицеры, с которыми он был в близких отношениях. Так, в 50-х годах в составе войск Черноморской береговой линии находились упомянутый выше Р. И. Иоселиани, подполковник С. И. Коркия и князь Егор Микеладзе. А задолго до этого, в 1837 году, командующим войсками в Абхазии являлся подполковник Б. Г. Чиляев (Чилашвили) – видный деятель грузинской культуры первой половины XIX века. Кстати, он был связан со многими декабристами, в первую очередь с А. А. Бестужевым-Марлинским, с которым воспитывался в Горном кадетском корпусе[3]. Генерал И. К. Багратион-Мухранский, начальник Гурийского отряда, хорошо знал С. Т. Званба и высоко ценил его. Об этом свидетельствует, например, его записка о владениях Д. Г. Шервашидзе, составленная в 60-х годах, в которой он приводит некоторые детали из биографии С. Т. Званба. А в «Подробном описании дела, бывшего 25 октября 1855 года на р. Ингуре при вторжении Омер-паши в Мингрелию»[4], Багратион-Мухранский несколько раз упоминает имя С. Т. Званба и в другом документе, где с глубокой скорбью говорит о его гибели, называет Званба «храбрым подполковником»[5].

Кроме того, С. Т. Званба был тесно связан с Николаем (Эмином) Шакрылом и Дмитрием Шервашидзе[6]. Шакрыл являлся ближай-

[1] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 231–255; КС, 1880, т. V. – С. 235–333.

[2] Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период), М., 1966. – С. 230–231.

[3] Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. – С. 63–64.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863, д. 180, лл. 2–8.

[5] См.: АКАК, т. XI, ч. I. – С. 107–110.

[6] Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – С. 48–52.

шим другом Соломона Званба. Они вместе начали военную службу и вскоре из них вышли «прекрасные офицеры, ничем не отстававшие от своих русских товарищей»[1]. Затем они оба находились при дворе владетеля Абхазии в качестве переводчиков и проводников. Шакрыл владел несколькими языками (абхазским, русским, турецким, черкесским); «зная основательно свою родину», много помог, как и Званба, русскому офицеру Ф. Ф. Торнау[2], от которого «в продолжении многих месяцев не отступал... ни на шаг»[3], в сборе физико-географических и историко-этнографических и статистических сведений об Абхазии[4], а также в деле знакомства его с «языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью»[5].

Что же касается Д. Х. Шервашидзе, то он выделялся своими незаурядными способностями, учился в свое время в Тифлисской гимназии, увлекался литературой, прекрасно писал по-русски и грузински. Одним словом, это был, по свидетельству современников, «один из умнейших людей Абхазии»[6].

III

Будучи военным и уделяя основное время своим служебным обязанностям, притом в чрезвычайно напряженный период истории Кавказской армии, и прожив сравнительно короткую жизнь, С. Т. Званба, естественно, не мог отдать много времени науке. Тем не менее он, сотрудничая в Тифлисской газете «Кавказ»[7], опубликовал несколько очерков. Имеются сведения, что они являются лишь частью его сочинений[8].

[1] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. 1. – С. 41.

[2] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века, М., 1976.

[3] Торнау Ф. Ф.. Указ. соч. – С. 76; ЦГВИА, ф. 548, оп. 3, д. 21, л. 103.

[4] Сведения эти вошли в названную книгу Ф. Ф. Торнау.

[5] Торнау Ф. Ф. Указ. соч. – С. 72, 112.

[6] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907. – С. 151.

[7] Надо сказать, что «Кавказ» стимулировал вступление на литературно-этнографическое поприще ряда представителей кавказских народов (см.: Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. – КЭС, 1. – С. 321).

[8] АКАК, т. XII, ч. I. – С. VII.

Подтверждением этого является не так давно установленный нами факт авторства С. Т. Званба в отношении рукописи «О Гагре и джигетах»[1], хранящейся ныне в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это исключительно ценная работа, содержащая фактический материал о жизни и месте обитания садзов (джигетов) – западноабхазских племен, исчезнувших почти целиком из родного края в результате махаджирства 60-х годов XIX века.

Указанная анонимная рукопись носит в основном географо-этнографический характер. Из ее чтения вытекает следующее предположение об авторе: прежде всего, он подходит к своей записке не как к обычной официальной справке военного значения – в ней чувствуется и определенный научный интерес составителя. Обращает на себя внимание также тот факт, что документ не имеет адресата и оформлен скорее как самостоятельная работа. Во-вторых, аноним проявляет опытность и детальное знание региона – в частности, что особенно важно, внутренней жизни садзского общества, а также более или менее точность в фиксации топонимических и антропонимических данных, отмечая в отдельных случаях, в скобках, их абхазское произношение или соответствующие эквиваленты, а иногда и комментируя их. Наконец, анализ текста приводит и к тому выводу, что его автор не случайный, а долговременный наблюдатель.

Таким в ту пору мог быть прежде всего С. Т. Званба, который, ко всему прочему, с 1842 по 1850 год был в должности джигетского (садзского) пристава, а в конце этого периода еще и в качестве военного начальника (коменданта) пункта Св. Духа (Адлер) – центра Джигетии. Надо также иметь в виду его очерк «Зимние походы убыхов на Абхазию», о котором речь пойдет ниже и который кое в чем созвучен рассматриваемой работе.

Другим лицом, кто мог бы «претендовать» на авторство рукописи, является Ф. Ф. Торнау. Он еще в середине 30-х годов довольно подробно описал значительную часть территории Западного Кавказа, в том числе земли убыхов и садзов[2]. Торнау появляется здесь вторично в 1840 году, в составе отряда ген. Н. Н. Раевского, но нена-

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство..., – С. 80.

[2] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы...

долго и в другом качестве. Причем его пребывание в этом случае ограничивается территорией между реками Псезуапе и Туапсе[1], что довольно далеко от Джигетии. Даже простое сравнение географических номенклатур и местных фамилий, содержащихся в анонимной рукописи и в материалах Торнау, обнаруживает разноречие. Это относится и к стилю изложения. Наконец, и, наверное, самое убедительное, – рассматриваемая рукопись не является автографом, а представляет из себя писарскую копию, написанную, как нам кажется, одним почерком с упомянутым выше рапортом С. Т. Званба от 28 августа 1845 года. Кроме того, заглавие анонимной рукописи и небольшая приписка на ее полях в конце написаны другим, «обычным» почерком, совершенно не похожим на хорошо известный нам автограф Торнау, но во многом совпадающим с почерком Званба.

Серьезным «соперником» Званба можно было бы считать еще и Ф. Я. Лисовского, сосланного сюда в начале 30-х годов польского революционера, который изучал окрестности Гагры в топографическом отношении[2], к тому же в 1842 году дважды совершил переход через Главный Кавказский хребет из Абхазии на Лабинскую линию[3]. Однако и к нему почти целиком применимо то, что сказано выше в отношении авторства Торнау, которому он ко всему прочему уступает не только своим узкопрофессиональным подходом, но и локальностью изучаемого объекта. Еще менее вероятна принадлежность рассматриваемой рукописи другим лицам (И. В. Шаховскому, И. И. Нордестаму и т. д.).

Теперь о датировке рукописи. Одна дата нами уже названа – 1845 год. Во-вторых, в архивной описи документа имеется отметка, также указывающая на 40-е годы. В-третьих, в рукописи говорится о 1837 годе как о несколько отдаленном времени. Наконец, в ней отмечается, что в год ее составления, 27 февраля, джигеты перешли р. Бзыбь, в верховьях, и совершили нападение на село Дурубши (Дурипш?). По другим данным, в конце января 1846 года «довольно сильная партия» убыхов вторглась в пределы Абхазии, при этом часть ее перешла Бзыбь и напала на одно из сел, расположенных

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 173, 8 отд., 2 стол, 1890 г., д. 37, лл. 1 7–18.
[2] ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 3029, лл. 30–31.
[3] ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 910, лл. 1–10.

в верховьях этой реки[1]. По всей вероятности, здесь речь идет об одном и том же факте.

Таким образом, есть основание датировать рассматриваемый материал серединой сороковых годов XIX века. Кстати, тогда Торнау давно уже не было на Западном Кавказе, Лисовский же был отвлечен другими делами (с 1837 года пристав в Цебельде, в 1842–1843 годах занят изучением Сванетии и ее описанием, в 1847 году уволен от службы), а Званба, как уже отмечалось, находился в Джигетии в качестве пристава.

«О Гагре и джигетах» – единственная сохранившаяся рукопись С. Т. Званба. Его архив, к сожалению, остается неразысканным.

Но и то, что дошло до нас из научного наследия С. Т. Званба, достаточно ясно свидетельствует о его глубоких познаниях в вопросах истории и этнографии Абхазии, о его методе работы и исследовательском опыте.

Первая печатная работа С. Т. Званба – «Зимние походы убыхов на Абхазию» – была опубликована в 1852 году («Кавказ», № 33). Подчеркивая значение этого труда для современной науки, профессор М. О. Косвен писал, что она «осталась и по сие время единственной специальной статьей об этом народе»[2]. В ней даются сведения о военном строе убыхов (это главное содержание статьи) и частично о боевых качествах абхазов, а также сообщаются отдельные факты об их пище и одежде[3].

Как уже отмечалось, по соседству с убыхами в 30-х годах было образовано Джигетское (Садзское) приставство, приставом которого был назначен С. Т. Званба. Работа «Зимние походы убыхов на Абхазию» является результатом его непосредственных наблюдений и изучения военной жизни убыхов, а также личного участия в различных военных экспедициях Кавказской армии на территорию убыхских племен. Действительно, убыхи часто совершали организованные нападения на Абхазию с целью грабежа, угона скота и пленных. Однако отметим, что, во-первых, такие нападе-

[1] Там же, ф. ВУА, д. 6597, лл. 10, 13.
[2] М. О. Косвен. Указ. соч. – С. 356.
[3] Убыхи занимали часть Черноморского побережья, между реками Хоста и Шахе. Этнически и лингвистически они составляли промежуточное звено между абхазами и адыгами (черкесами) и занимали особое место в западной группе народов Кавказа. Убыхи также почти целиком выселились в Турцию.

ния совершались и со стороны Абхазии, во-вторых, в том и другом случае это было делом рук представителей привилегированной части общества. Кроме того, приход убыхских отрядов в Абхазию не всегда был проявлением «неугомонной страсти к приключениям и грабежам». Часто такие взаимопосещения происходили в мирных целях.

В 1852 же году был напечатан небольшой очерк С. Т. Званба «Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами» («Кавказ», № 90). В нем дается подробное описание обрядов, связанных с жертвоприношением в честь Георгия Илорского. Оно выполнено очень тщательно. Однако неточным является утверждение, что указанное жертвоприношение совершалось каждым абхазом. Правда, Илорский храм[1], как в Абхазии, так и почти во всей Западной Грузии пользовался особой известностью и играл значительную роль в деле одурманивания населения. Но Илорский храм или Елырныхы[2], как называют его абхазы, был лишь одним из известных центров религиозной жизни. В Абхазии он особенно почитался в Абжуйской и Самурзаканской (современные Очамчирский и Гальский районы) частях края. Храм возник, по всей вероятности, на том же самом месте, которое древним населением считалось жилищем какого-то языческого божества[3].

Несколько слов об Аерге – одном из главных и древнейших абхазских божеств, упоминаемом в статье С. Т. Званба. До сих пор в литературе нет единого мнения об этом божестве, А. М. Дирр склонен отождествлять Аерга с божеством молнии и грозы – Афы[4]. А. Н. Введенский определял Аерга как бога воров и разбойников[5],

[1] Илорский храм находится в 4 км к востоку от г. Очамчира, дата его основания относится примерно к XIII–XIV вв. Построенный из сцементированного известковым раствором булыжника, храм имеет прямоугольную форму, прикрыт двухскатной крышей, с фронтонами на запад и на восток. (Подробнее см.: А. Кация. Илори. Сухуми, 1963).

[2] Аныха – икона, святыня, священное место.

[3] В Абхазии, кроме Илорской «святыни», известны: в с. Лыхны – Лыхных, в с. Лдзаа (Пицунда) –Лдзааныха, в с. Ачандара – Анысныха, в с. Аацы – Аиргьныха, в с. Блабурхва – Лапырныха, в с. Джирхва – Чугурныха и др.

[4] Дирр А. М. Абхазские слова. Заключение. – СМОМПК, в. 44. – С. 22.

[5] Введенский А. Н. Религиозные верования абхазцев. – ССКГ, 1871, вып. V, отд. III. – С. 17.

что является односторонним и потому неверным, а между тем оно было подхвачено многими авторами[1].

Действительно, Аергь в известной мере сближается как с Ажвейпшаа, так и с Афы, которые иногда в понятиях абхазцев даже смешиваются, выполняя одинаковые функции. И все же Аергь имеет свое самостоятельное значение. Д. И. Гулиа разграничивает эти божества; по его совершенно правильному определению, «единственным подлинным и древним языческим именем абхазского бога охоты надо признать «Ажӡеицшьаа» («Ажвейпшаа»)[2]. В народных сказаниях и в песнях «Аергьашӡа» и «Ажӡеицшьаа-рашӡа («Песня об Аерге» и «Песня Ажвейпшаа») Аергь и Ажвейпшаа выступают вместе, но противостоят друг другу как самостоятельные божества и часто наделены различными функциями.

Аергь представляют иногда в образе всадника[3], который, быть может, сближается с известным изображением Георгия Победоносца. Что же касается названия «Аергь», то существующие толкования на этот счет пока не решают вопроса. С. Т. Званба, а за ним некоторые другие авторы это название отождествляют с Георгием, исходя из абхазской транскрипции последнего – Гьаргь. Во всяком случае несомненно то, что древнейшее абхазское языческое божество Аергь гораздо старше христианского Георгия. Если между изображениями Аерга и Георгия в образе всадников имеется какая-нибудь связь, то подобное представление, как это бывает очень часто, могло сложиться и в более позднюю эпоху. Следует также иметь в виду, что Аергь связывается не только с Илорской, но и с другими «святынями» (Аергь-Аацныха, Аергь-Лапырныха, Аергь-Чугурныха).

В 1853 году появилась статья С. Т. Званба «Поцелуй за занавесом» («Кавказ», № 55), которая в 1854 году в немецком переводе была помещена в «Archive fur wissenschaftliche Kinde von Russland» (XIII, 3). О цели этой работы автор писал следующее: «Взглянув на заглавие этой статейки, читатель может подумать, что я хочу рассказать о какой-нибудь закулисной интриге. Чтобы не заставить его

[1] Чурсин Г. Ф. Ерги. – ЛОААН, ф. 800, оп. 6, д. 513.

[2] Гулиа Д. И. Божество охоты и охотничий язык у абхазов. Сухуми, 1926. – С. 6. Много интересного об Аирге и Ажвейпшаа и в книге А. А. Аншба «Абхазский фольклор и действительность» (Тбилиси, 1982).

[3] Чурсин Г. Ф. Ерги, л. 168.

обмануться, я должен объяснить, что дело идет о свадебном обычае абхазцев».

А. А. Миллер еще в 1907 году отмечал, что свадебный обряд абхазцев сильно изменился, «насколько можно судить по описанию г. Званба. Теперь свадебный обряд сопровождается пиршеством, танцами, скачками и стрельбой в цель, но любопытные черты, отмеченные в обряде Званбаем, уже исчезли»[1].

С. Т. Званба дает прекрасное описание двух основных видов абхазских жилищ: асасааирта (асасааирҭа) – гостиная и амхара (амҳара) – брачное помещение. При этом он делает очень важное сообщение, указывая на факт наличия амхары в доме родителей невесты, каковой порядок давно уже не существует в этнографическом быту абхазцев[2]. Особо обращает на себя внимание занавес, который вывешивали в амхаре, причем только в амхаре невесты, ожидающей жениха. Уже давно абхазская этнографическая действительность также не помнит обычая, связанного с занавесом. Видимо, во времена С. Т. Званба, т. е. еще в середине XIX века, он существовал как пережиток древних брачных норм, как символ вселения мужчины в дом жены и их уединения в особое брачное помещение. С. Т. Званба совершенно правильно отмечает тот факт, что в разрешении брачного вопроса широко участвовали коллективы и роды брачащихся сторон, но не выясняет причины этого явления. Дело в том, что брак не был частным делом двух субъектов, так как браком связывались определенными отношениями два рода.

В 1855 году была опубликована последняя и самая значительная работа С. Т. Званба – «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии» («Кавказ», №№ 81–82). В 1856 году она была перепечатана в названном выше «Archive...» (XV, 4), а в «Журнале Министерства народного просвещения» (1856, ч. XC, № 4, отд. VI, с. 31, 41) была помещена рецензия с кратким извлечением из этой статьи. Затем, в 1867 году, «Абхазская мифология» с незначительными изменениями редакционного характера вновь

[1] Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. – Материалы по этнографии России, т. I, СПб., 1910. – С. 65.

[2] Этот вопрос в литературе надо считать решенным после выхода работы Ш. Д. Инал-Ипа «Очерки по истории брака и семьи у абхазов» (Сухуми, 1954).

была перепечатана полковником Ф. А. Завадским под названием «Очерк абхазской мифологии» («Кавказ», 1867, №№74–76)[1].

В Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе Академии наук Грузинской ССР, в фондах ROS (№ 293) и Е. Г. Вейденбаума (д. 1401), хранятся копии статьи С. Т. Званба «Абхазская мифология», написанные разными почерками под названием «Краткий очерк мифологии абхазской. Последняя статья бывшего командира Черноморского линейного № 11 (ныне № 3) батальона, подполковника Званбая». В первом случае имеется следующая приписка Вейденбаума: «Печатные статьи Званбая: 1. Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии (из заметок природного абхазца) Соломона Званбая, 1855, №№ 81, 82. 2. Очерк Абхазской мифологии Званбай. Кавказ, 1867 г., №№ 74, 75 и 76. Это та же статья, что и в Кавказе 1855, но дополненная и с измененной орфографией. Во втором случае материал заверен майором Завадским».

Рассматриваемая работа С. Т. Званба, составляющая «значительный вклад в абхазоведение»[2], в руках специалистов всегда являлась и является весьма ценным материалом в изучении мифологии и религии абхазов. В ней автор затрагивает целый ряд очень важных вопросов. Опираясь в основном на свои собственные наблюдения и полевой историко-этнографический материал, он дает описание

[1] При внимательном сличении обеих редакций этой статьи выясняется, что Завадский в ряде мест допускает произвольные сокращения и изменения, отрицательно отражающиеся на качестве материалов. Например, в словах о том, что у абхазов, «как и у язычников, остались христианские понятия», во второй редакции исправлено так: у абхазов, «как и обратившиеся в язычество, остались христианские понятия». Здесь не просто стилистическое исправление, но и смысловое, причем утверждение Завадского, безусловно, ошибочно. Правильно записанные С. Т. Званба наименования: абжныха, абна-инчваху, гоутану (еще точнее – готануа), каланда и мумыр-ах – Завадский везде искажает, передавая их: абисныха, анаинчваху, гаутану, коланда и нумыр-ах. Текст песни «Дзиоу» в статье «Абхазская мифология», очень сильно искаженный, несомненно, по вине редакции газеты «Кавказ», Завадский не только не исправил удовлетворительно, но и в свою очередь внес новые искажения. Заметим еще, что на с. 8 (примеч. 7) статьи А. Н. Введенского «Абхазцы (азега)», по поводу сочинения Г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих», помещенного в VI выпуске ССКГ за 1872 год, датой переиздания работы С. Т. Званба «Абхазская мифология» Завадским ошибочно (очевидно, опечатка) называется 1861 год.

[2] Косвен М. О. Указ. соч. – С. 356.

главнейших абхазских божеств (Ажвейпшаа, Айтар, Джаджа и др.) и связывавшихся с ними явлений и обрядов.

При этом, однако, С. Т. Званба в известной мере умаляет степень распространения в Абхазии (в первой половине XIX века) пронесенного через века мусульманской агрессии христианства, имевшего здесь глубокие корни и большие традиции. Он утверждает, что будто бы во все молитвы и религиозные обряды абхазы включали владетеля и своих помещиков. Между прочим, по поводу приводимой С. Т. Званба в статье «Поцелуй за занавесом» молитвы: «Переверни вверх ногами всех тех, которые лишают и тем отбивают нас от занятия хозяйством», А. Н. Введенский замечал, что под словами «всех тех», напротив, подразумеваются владельцы. Из этой молитвы видно, писал он далее, «какими чувствами дарили вообще зависимые своих владельцев»[1].

Говоря об обряде «готануа» (а не «гоутануа»), С. Т. Званба упускает его абхазское наименование «шарпныхва» («шарԥныҳәа») – «утреннее моление», хотя мегрельское название («готануа») «больше в обиходе». Ко времени выхода работы Н. С. Джанашиа «Религиозные верования абхазов» («Христианский восток». Пг., 1915, т. IV, вып. 1) этот обряд сохранился лишь «у некоторых родов».

Текст песни «Дзиоу» (у Званба неправильно: «Дзвау») искажен очень сильно. Даже запятые проставлены так, что местами разделяют одно слово на две части. Например, «ах ипа (аҳ ипа)» (сын владыки или владетеля) записано: «ах, и па». В исправленном виде текст, приводимый С. Т. Званба, выглядит так: «Дзиоу, Дзиоу, дзари кваква, мыркылд апшь, ах ипа (по другому варианту: ах ипха (аҳ ипҳа) – дочь владыки или владетеля) дзыша дакыит, дзы хучык». Но это лишь часть песни. Вот ее продолжение: «Хучык азы дахзытиуам, дыук азыха дахтиуеит» (хәчык азы даҳзыԥтиуам, дук азыҳәа дахԥыиуеит), т. е. «из-за малости не можем отдать, за большую (при обилии) отдадим». Песня древнего происхождения, и текст очень трудный, отдельные слова некоторыми исследователями понимаются различно (См. И. Джавахишвили. История грузинского языка. Т. I, Тбилиси, 1979. – С. 119–120; Н. Я. Марр. О религиозных верованиях абхазов. – Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. – М.–Л., 1938; Н. С. Джанашиа. Абхазский культ и быт. – Н. С. Джанашиа. Статьи по этнографии Абхазии, Сухуми, 1960. – С. 62–63; Ф. Чурсин. Указ. соч. – С. 114–116 и др.). Перевод С. Т. Званба носит характер догадки.

[1] Введенский Д. И. Абхазцы (азега).., – С. 10, примеч. 9.

IV

Вряд ли стоит подходить к оценке научного уровня работ С. Т. Званба с современными критериями и искать в них всесторонний анализ. Необходимо отметить и то, что его познания в ряде случаев отражают мировоззрение господствующего класса. Не лишены они и отдельных погрешностей в описательной части. Здесь как раз сказалось отсутствие у Званба специальной подготовки и достаточного запаса времени, а также условий для углубления своих знаний в деле изучения истории и этнографии Абхазии.

Тем не менее работы С. Т. Званба, как уже подчеркивалось, заслуживают самого серьезного внимания и сохраняют свое значение по сей день. До появления статей Званба фактически не было ни одной работы, которая бы сколько-нибудь удовлетворительно освещала ту или иную проблему абхазской этнографии. Сочинения С. Т. Званба представляют интерес и с точки зрения выяснения тех религиозных предрассудков, которые связывали абхазский народ, мешали его развитию. В ряде случаев описания Званба вскрывают реакционную сущность всевозможных суеверий, религиозных обрядов, обычаев и праздников, а иногда автор иронизирует над «чудодейственностью» того или иного божества (Шашвы-абжныха, св. Георгия). Однако эта критика проводилась с позиции христианской морали.

Работы С. Т. Званба, высоко оцененные еще в XIX веке, способствовали тому, что на изучение Абхазии стали обращать внимание не одни только любители сенсационных сообщений, но и серьезные авторы. Они сыграли значительную роль в истории изучения этнографического быта абхазского народа. В этом отношении особое значение имело появление первого издания настоящей работы в 1955 году под названием «Этнографические этюды»[1]. Но следует отдать должное прежде всего газете «Кавказ», благодаря которой

[1] См. рецензию Г. А. Сергеевой в журнале «Советская этнография», 1957, № 2. – С. 183–184.

сохранилось для истории основное научное наследие С. Т. Званба, как и некоторых других авторов[1]. А до этого, с 1828 года, в Тифлисе же издавалась газета «Тифлисские ведомости» – первая русская пресса на Кавказе, в которой также печатался большой и разнообразный материал о кавказских горцах. Способствовала она, в частности, плодотворным контактам между передовыми деятелями России и Кавказа[2].

Приведем обзор работ, для которых сведения С. Т. Званба явились источниками основными или частичными, а также работ тех авторов, которые дают отзывы и замечания о трудах нашего ученого. К. Чернышев в статье «Еще об Абхазии», помещенной на страницах «Кавказа» в 1854 году (№ 81–83), черпает сведения о свадебных обычаях абхазов из работы С. Т. Званба «Поцелуй за занавесом». А. И. Лаврентьев при составлении «Статистического описания Кутаисского генерал-губернаторства» широко использовал «Абхазскую мифологию» С. Т. Званба и, характеризуя абхазские языческие верования, оговаривает: «Сведения эти заимствованы из статьи г. Званбая: «Абхазская мифология и проч...» А в предисловии он также отмечал: «Я нашел много любопытных сведений в статьях... Абхазская мифология и проч.»[3].

В газете «Кавказ» от 12 января 1868 года была помещена статья «О положении Абхазии в религиозном отношении», принадлежавшая, по-видимому, перу А. Н. Введенского. И этот автор считал необходимым оговорить, что он находит «излишним распространяться про абхазскую мифологию; желающие с нею познакомиться могут обратиться к статье г. Званбая «Абхазская мифология и проч...» Тот же Введенский в 1871 году в пятом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» поместил статью под названием «Религиозные верования абхазцев». Хотя сам автор, будучи «непосредственным наблюдателем быта абхазцев», привлекает интересный материал, но, как справедливо замечает и редакция сборника, он лишь пополняет сведения С. Т. Званба. «До сих пор, – говорится в редакционном примечании, – наиболее достоверными сведениями о божествах абхазцев мы обязаны абхазцу же, г. Званбаю...»[1] Академик Н. С. Державин также подчеркивает, что указанная статья А. Н. Введенского служит дополнением к «Очеркам абхазской мифологии» С. Т. Званба[2].

[1] Косвен М. О. Указ. соч. – С. 321.

[2] Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе, М., 1973. – С. 239, 340, 355, 445.

[3] Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Т. XVI. Кавказский край, ч. 5, Кутаисское генерал-губернаторство. СПб., 1858. – С. IX, 261–263, 266.

А. Н. Введенский, высоко ставя авторитет С. Т. Званба как этнографа, который, по его мнению, дает «правдивые», «самые точные сведения о своих соплеменниках», совершенно правильно отмечает, что Званба в известной мере проявляет узкоклассовый подход в вопросе о сословных правах населения Абхазии – «самой слабой струне всех лиц привилегированных сословий, к числу которых принадлежал г. Званбай». При этом Введенский крайне сожалеет, что все, что С. Т. Званба «успел написать, относится только к религиозному состоянию и поверьям абхазцев»[3]. Но в последнем своем утверждении критик не был прав, так как С. Т. Званба, как уже отмечалось, занимался и другими проблемами абхазской этнографии – в частности, свадебными обычаями, которые, как констатировал К. Чернышев еще в 1854 году, «весьма подробно и занимательно изложены г. подполковником Соломоном Званбаем...»[4]. Мы уже не говорим о статье Званба об убыхах, также высоко оцененной в литературе.

Академик Н. Ф. Дубровин в своей известной «Истории войны и владычества русских на Кавказе», в разделе, который, как отмечает один из его критиков, является самым точным и верным[5], детально использовал работу С. Т. Званба о «религиозном состоянии», поверьях и обычаях абхазов[6], а также статью об убыхах, которую он почти целиком изложил в указанной монографии[7]. В числе основных работ, касающихся абхазов, обративших на себя внимание Н. Ф. Дубровина, были и статьи С. Т. Званба[8]. Сам Дубровин в своем

[1] ССКГ, 1871, вып. V, отд. 111. – С. 1.

[2] Державин Н. Абхазия в этнографическом отношении. – СМОМПК, 1907 г., в. 37. – С. 1.

[3] Введенский А. Абхазцы (азега). По поводу сочинения г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих». – ССКГ, 1872, вып. VI. – С. 8–9.

[4] Чернышев К. Еще об Абхазии. – «Кавказ», 1854, № 83.

[5] Введенский Д. Абхазцы (азега).., – С. 8–10.

[6] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. II. СПб., 1871. – С. 16–18, 23–30, 38–39, 47–49.

[7] Там же, кн. I. – С. 254–258.

[8] Введенский А. Абхазцы (азега).., – С. 7.

обширном библиографическом указателе к названному сочинению рекомендовал «Абхазскую мифологию» С. Т. Званба как работу, которая «по своей важности должна служить главным материалом» при изучении быта и общественной жизни абхазов[1].

В справочном систематическом каталоге о Кавказе М. М. Миансарова, в списке литературы по этнографии Абхазии, указываются все работы С. Т. Званба, а также краткое извлечение из «Абхазской мифологии»[2]. В 1889 году К. Д. Мачавариани выступил со статьей «Религиозное состояние Абхазии»[3], в которой при описании религиозных верований абхазов базируется на работах С. Т. Званба и А. Н. Введенского. Работы этих двух авторов послужили важнейшими источниками и М. Г. Джанашвили при составлении этнографического очерка «Абхазия и абхазцы»[4].

Н. М. Альбов[5] и автор книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь», скрывшийся под инициалами И. Н.[6], целиком заимствовали у С. Т. Званба сведения о религиозных верованиях абхазов. При этом и тот, и другой подчеркивают, что «самые ценные сведения о языческой религии абхазцев мы находим в «Очерках мифологии», написанных природным абхазцем, Соломоном Званбайя»[7]. В другом месте Н. М. Альбов «Очеркам» Званба дает следующую характеристику: «...Среди литературы об Абхазии мы имеем много весьма ценных статей, которые должны послужить основой для будущих этнографических исследований Абхазии. Из этих статей на первом плане должны быть поставлены просто, но правдиво и толково написанные «Очерки абхазской мифологии»

[1] Дубровин Н. Указ. соч., т. I, кн. III. – С. 3.

В упомянутом указателе перечислены и все другие работы Званба: на с. 70 – «Зимние походы убыхов на Абхазию», на с. 161 – «Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию», на с. 267 – «Поцелуй за занавесом».

[2] Миансаров. Bibliographia Caucasica ct Franscaucasica. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих, т. I, СПб., 1874–1875. – С. 259–260.

[3] «Кутаисские губернские ведомости», 1889, № 11, 14, 16, 20–22, 24, 26–29.

[4] ЗКОРГО, 1894, кн. XVI.

[5] Альбов Н. Этнографические наблюдения в Абхазии. – «Живая старина», СПб., 1893, вып. III.

[6] И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь. М., 1898.

[7] Альбов Н. М. Указ. соч. – С. 321; И. Н. Указ. соч. – С. 45.

Соломона Званбайя, дающие нам превосходные понятия о религиозных верованиях абхазцев...»[1]. «Наши мимолетные наблюдения не могли ничего прибавить существенного к этим сведениям...»[2] И действительно, Н. М. Альбов, говоря об абхазских языческих жертвоприношениях, об остатках языческих верований и т. д., целиком заимствовал данные у Званба, местами оговаривая: «Мы нарочно привели во всей подробности эту выдержку из статьи Званбайя»[3]. Альбов пользовался трудами С. Т. Званба и в работе «Ботанико-географические исследования в Западном Закавказьи в 1893 году»[4]. А. М. Дирр ссылается на «Абхазскую мифологию»[5], а Ф. И. Леонтович – на «Зимние походы убыхов на Абхазию»[6].

В предисловии к первой части двенадцатого тома «Актов, собранных Кавказскою археографическою комиссиею», вышедшего в 1904 году в Тифлисе под редакцией Е. Г. Вейденбаума, в списке «кавказских деятелей» с краткими биографическими сведениями о них, в котором значится и С. Т. Званба, названы все работы последнего с указанием места и времени их опубликования. При этом, как отмечалось выше, подчеркивается, что эти напечатанные работы Званба являются лишь частью «из его сочинений», а также указывается, что «свободное от службы время он охотно посвящал чтению и литературным занятиям»[7]. Кроме того, в библиографическом алфавитном каталоге (словаре) Е. Г. Вейденбаума, хранящемся в Институте рукописи им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, содержится также справка (довольно пространная) о С. Т. Званба, составленная самим Вейденбаумом из различных источников.

Т. Т. Стефанов в работе «Михайловский крепостной батальон на Кавказе», прилагая формулярный список С. Т. Званба, приводит, как уже отмечалось, более или менее подробный материал, интересный с точки зрения всесторонней характеристики деятельности С. Т. Званба. В частности, он следующим образом отзывается о

[1] Альбов Н. М. Указ. соч. – С. 298.

[2] Там же. – С. 321.

[3] Там же. – С. 322–324.

[4] ЗКОРГО, 1894, кн. XVI. – С. 141.

[5] Дирр Д. М. Божество охоты и охотничий язык у абхазцев. СМОМПК, 1915, вып. 44, отд. IV. – С. 1, снос. 1.

[6] Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев, вып. II. Одесса, 1882. – С. 327.

[7] АКАК, т. XII, ч. I. – С. VI–VII.

работах С. Т. Званба: «Сам не чужд был литературы и заявил себя рядом очень интересных и до сего времени не утративших своего научного значения этнографических статей об Абхазии», и в сноске перечисляются все эти статьи (с. 205).

А. А. Миллер в своем очерке «Из поездки в Абхазию в 1907 г.», указав, что любопытные черты, отмеченные в абхазском свадебном обряде Соломоном Званба, уже исчезли, писал также: «В литературе не раз отмечались языческие жертвоприношения и другие обычаи, сохранившиеся, как пережиток, до наших дней. Отмечу очерк Званбая («Абхазская мифология». – Г. Д.), который, будучи сам абхазцем, записал языческие верования еще в пятидесятых годах прошлого столетия». Вместе с тем он приводит сообщение Званба об абхазском обряде воздушного погребения быка, убитого молнией[1].

Академик Н. С. Державин положительно оценивает очерк С. Т. Званба «Абхазская мифология», называя его «обстоятельной статьей», а работу А. Н. Введенского «Религиозные верования абхазцев», как было сказано, считает дополнением к этому труду Званбая[2]. Академик Н. Я. Марр также пользовался сведениями Званба[3]. Академик И. А. Джавахишвили в первом томе «Истории грузинского народа», описывая языческие верования грузин в специальной главе (гл. III), говорит о некоторых божествах животных, погоды, растительности и религиозных верованиях (поклонение деревьям) абхазского народа, неоднократно ссылаясь на материалы С. Т. Званба[4], равно как и на Н. С. Джанашия[5] и П. Г. Чарая[6].

В библиографическом указателе А. Л. Гизетти по истории Кавказской войны упоминается статья С. Т. Званба «Зимние походы

[1] Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. – Материалы по этнографии России, т. I, СПб., 1910. – С. 65, 66.

[2] Державин Н. С. Указ. соч. – С. 1.

[3] Марр Н. Я. О религиозных верованиях абхазов. – Н. Я. Марр. О языке в истории абхазов. М.–Л., 1938. – С. 113–119.

[4] Джавахишвили И. Указ. соч. – С. 118–119, 123, 134. В этой книге в качестве даты напечатания «Абхазской мифологии» С. Т. Званба в газете «Кавказ» в трех случаях (с. 118, 119, 123) ошибочно (опечатка) указывается 1885-й вместо 1855 года.

[5] Джанашия Н. С. Религиозные верования абхазов. – «Христианский восток», Пг., 1915,, т. V, вып. III.

[6] Чарая П. Об отношениях абхазского языка к яфетическим. СПб., 1912.

убыхов на Абхазию»[1]. В предметном указателе к «Перечню некоторых книг, статей и заметок о Кавказе» Д. Д. Пагирева[2] и «Указателе сочинений о Черноморском побережье Кавказа» Н. И. Воробьева (Пг., 1915) в отделе (III) этнографии, антропологии и языковедения перечислены все работы С. Т. Званба с указанием места и времени их напечатания, а также указанная выше рецензия с извлечением из «Абхазской мифологии», помещенной в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1856 году[3]. Абхазской мифологией интересовался и С. С. Эсадзе[4].

Д. И. Гулиа в своих научных исследованиях по этнографии Абхазии также обращается к литературному наследству С. Т. Званба[5]. Г. Ф. Чурсин в монографии «Материалы по этнографии Абхазии», в числе наиболее ценных и богатых по содержанию статей указывает на «Абхазскую мифологию» С. Т. Званба[6], а в общем списке литературы – и все другие его работы[7]. Причем «Абхазскую мифологию» Г. Ф. Чурсин называет «первой серьезной статьей о религиозных верованиях абхазов» и вместе с тем подчеркивает, что сведениями Званба «пользовались многие позднейшие авторы»[8]. В названном труде и сам Г. Ф. Чурсин часто прибегает к цитированию работ Званба, а также не раз замечает, что то или иное явление в религиозной жизни абхазов впервые или подробно записано Соломоном Званба[9]. Последующие авторы, говоря, например, об

[1] Гизетти А. Библиографический указатель печатным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб., 1901. – С. 62.

Нужно заметить, однако, что в этом указателе название статьи Званба дается не совсем точно – вместо «Зимние походы убыхов на Абхазию» мы читаем: «Зимние походы убыхов в Абхазию в 1823 году».

[2] ЗКОРГО, 1914, кн. XXX, добавление. – С. 357.

[3] В указателе Н. И. Воробьева неточно называется статья С. Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию». Кроме того, статья «Абхазская мифология» значится в списке дважды (с. 6, 7, 69), с той лишь разницей, что во втором случае в ее названии отсутствует подзаголовок – «Из заметок природного абхазца».

[4] ЦГИАГ, ф. 1438, оп. 1, д. 368 (см. выписки из газет).

[5] См. например, работу Д. И. Гулиа «Божества охоты и охотничий язык у абхазов».

[6] Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. – С. 249.

[7] Там же. – С. 251.

[8] Там же.

[9] См.: Там же. – С. 49, 55, 60, 67, 75–77, 114.

Ажвейпшаа[1], «большей частью ограничивались повторением сведений, сообщенных» С. Т. Званба[2].

Б. А. Куфтин в работе «Материалы к археологии Колхиды», говоря о вторичном погребении и указывая, что самый факт вторичного погребения находит «опору в очень позднем переживании этого обычая у абхазов в случае погребения убитого молнией», пользуется данными С. Т. Званба по этому вопросу и следующим образом отзывается о его работе «Абхазская мифология»: «Ценный очерк полковника[3], природного абхазца С. Званбая, убитого в турецкую войну[4], содержит в себе наряду с подробным описанием этого обычая параллельные указания на применение его также в случае подобной же смерти человека. Ввиду малой доступности этой статьи, я позволю себе привести из нее необходимые выдержки, до некоторой степени, может быть, восстанавливающие древний обряд». В примечании же пишет, что указанное сообщение Званба «пересказано М. Г. Джанашвили в статье «Абхазия и абхазы...»[5].

В 1949 году автором этих строк был опубликован краткии биографо-библиографический очерк о С. Т. Званба[6]. Ш. Д. Инал-ипа, И. А. Аджинджал, Л. Х. Акаба и другие ученые в своих работах по абхазской этнографии почерпнули немало фактического материала из сочинений С. Т. Званба. Причем некоторые из них особо отмечают тот факт, что первое по времени упоминание и описание абхазского архаического брачного дома амхара принадлежит С. Т. Званба, при этом чрезвычайно любопытными являются его сведения о наличии такого дома и для девушек в доме их родителей[7].

Профессор М. О. Косвен в статье «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке», дав краткую биографо-библиографическую справку о С. Т. Званба, следующим образом оценивает работы С. Т. Званба: «Публикации Званба были

[1] Ажвейпшаа (Ажәеицшьаа) – бог охоты и зверей.

[2] Чурсин Г. Ф. Указ. соч. – С. 76–77.

[3] С. Т. Званба умер в чине подполковника.

[4] Речь идет о Крымской войне 1855–1856 годов.

[5] Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949. – С. 189.

[6] «Труды Абхазского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР», XXX, Сухуми, 1949.

[7] Инал-Ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов; Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района. – КЭС, 1.

первыми появившимися в печати серьезными этнографическими сведениями об абхазах и составили, в особенности его работа о мифологии и религии абхазов, значительный вклад в абхазоведение»[1].

Можно было бы назвать еще и ряд других авторов, но и сказанного вполне достаточно, чтобы видеть, как важно само по себе было значение работ Соломона Званба и их влияние на развитие последующей литературы по изучению этнографии абхазского народа.

Научное наследие и отдельные стороны практической деятельности С. Т. Званба имели также важное общественное значение. Они несомненно способствовали сближению абхазов с русским народом, что можно охарактеризовать как проявление любви к своему народу, стремление вывести его из состояния темноты и приобщить к русской культуре. Таким образом, С. Т. Званба являлся одним из тех представителей угнетенных кавказских народов, которые по своей культуре и интеллектуальности поднялись до уровня прогрессивной категории русского образованного общества. И это тем более показательно, что жизнь и деятельность С. Т. Званба протекала в мрачные времена коронованных жандармов России – Александра I и Николая I. Между тем книга С. Т. Званба «Этнографические этюды», вышедшая в 1955 году и представлявшая сборник его газетных очерков с пространным введением составителя, признанная, кстати, в свое время профессором М. О. Косвеном «прекрасным переизданием» этих работ[2], давно стала библиографической редкостью. Новым же в настоящем издании является рукописная работа автора «О Гагре и джигетах», считавшаяся до сих пор анонимной. Кроме того, составитель книги существенно переработал свой биографо-библиографический очерк и дополнил его новыми данными.

[1] КЭС, 1. – С. 356.

[2] Косвен М. О. Указ. соч. – С. 263.

АБХАЗО-УБЫХСКИЙ СОЮЗ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[1*]

Второго июля 1853 года в газете «Кавказ» появилась статья абхазского этнографа-краеведа, подполковника Соломона Теймурковича Званба (1809 –1855 гг.) под названием «Зимние походы убыхов на Абхазию». До сих пор исследователи мало обращали внимание на эту работу С. Званба. А между тем она является исключительно важным источником в изучении жизни ныне совершенно отсутствующего на территории нашей страны убыхского народа, памятники материальной и духовной культуры которого исчезли в пламени «Кавказской войны». Статья С. Званба имеет большое значение также в выяснении истории других родственных убыхам и находившимся на той же ступени общественно-экономического развития, и, вместе с тем, с аналогичной, или почти с аналогичной, судьбой племен и народностей Западного Кавказа. Даже А. В. Фадеев, так много занимавшийся изучением истории Абхазии и, отчасти, всего Западного Кавказа, в своей статье «Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе»[2] касаясь вопроса о военной организации убыхов, ссылается на Н. Ф. Дубровина, замечая – «о военной организации убыхов рассказывает генерал Н. Дубровин». Между тем последний лишь незначительно сократив, целиком переложил названную статью С. Званба и добросовестно указывает на нее, как на источник[3]. Неслучаен был интерес С. Т. Званба к изучению военного строя убыхов. Оригинальная военная жизнь, высокие боевые качества этого в высшей степени воинственного народа естественным образом привлекли внимание этнографа-энтузиаста, который имел близкое соприкасательство с убыхами, долгое время живя в соседнем с ними районе северо-западного абхазского племени садзаа или асадзкуа, Садзын (Джикетии, Джихии)[1], в качестве пристава[2].

Убыхи занимали часть Черноморского побережья, приблизительно, между реками Шахэ и Хамышь (Хоста), гранича на востоке с абхазскими племенами, а на западе – с шапсугами, и подразделялись на несколько племен.

Убыхи были сравнительно малочисленны. В 30-х гг. XIX в. количество их доходило, по данным поручика Новицкого, первого русского офицера, проникшего в глубь гор северо-западного Кавказа в 1830 г.[3] до 40.000 человек. Однако на побережье, с самого начала возникновения т. н. «Черноморской береговой линии», наибольшее сопротивление царским войскам оказали именно убыхи, так что «русские по славе убыхов у закубанских черкесов считали их народом многочисленным и сильным»[4].

Убыхи – «это самое воинственное и враждебное из племен, обитающих в Западной половине Кавказа»[5]; они составляли «главное ядро, образцовый отряд» среди черкесских племен, бились «отчаянно впереди всех, в отступлении – сзади всех»[6] и завоевали себе славу самой «лучшей в горах пехоты»[7].

[1*] Дзидзария Г. А. Труды. Книга третья. – Сухум, 2006. – С. 105–141.

[2] «Исторический сборник». М.-Л. 1935. №4.

[3] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1871. т. 1. Кн. 1. – С. 254-258.

[1] Садзаа или асадзкуа (джигеты, джихи) – занимали территорию, согласно авторам первой половины XIX в., от гагринских теснин до р. Хамышв (Хоста), а по Ф. Ф. Торнау- даже до р. Саше (Сочи).

[2] «Джигетское приставство» было создано в 1840 г. («Кавказский календарь», 1846. – С. 274) и причислено к Абхазии в 1841 г. (М. Селезнев. Руководство к познанию Кавказа, Спб, 1847 г., кн. 11. – С. 201). Однако приставство царского правительства приняли, да и то вынужденно, лишь прибрежные садзы (АКАК, т. XI, ч. II. – С. 660); отсюда и понятно, почему на должность русского пристава здесь был назначен именно абхазский дворянин и офицер на русской службе С. Званба.

[3] Торнау Ф. Воспоминания Кавказского офицера, ч. I. М. 1864. – С. 14.

[4] Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь, т. 67. СПб. 1902. – С. 413.

[5] Филипсон Г. И. Воспоминания.// «Русский архив».VI. М. 1883. – С. 299.

[6] Брокгауз и Эфрон. «Энциклопедический словарь», т. 67, 1902 . – С. 413.

[7] Филипсон Г. И. Указ. соч. кн. 1. – С. 203. Мысли ген. Филипсона, который в 30-40-х гг. XIX в. был начальником штаба Черноморской береговой линии, а затем команд. Правого крыла Кавказской линии, повторяет и историк Ф. А. Щербина в

Вот как отзывался об убыхах в 1858 г. начальник войск в Абхазии, будущий министр внутренних дел правительства Александра II, генерал, граф М. Т. Лорис-Меликов: «Воинственное и предприимчивое племя убыхов... пользовалось всегда особым значением у прочих соседей своих. У горцев существует и поныне поверие: чтобы быть храбрым, надо пожить и поучиться у убыхов»[1]. И адмирал Л. Серебряков, долгое время бывший начальником Черноморской береговой линии, подчеркивал, что убыхи отличались воинственным духом, предприимчивостью, способностью к перенесению трудов и особенной военной организацией[2].

Причины этих черт, которыми выделялись убыхи, кроились, разумеется, не в их «национальном характере», а в социальной специфике убыхского общества, характеризовавшееся патриархальностью, родоплеменной общностью.

Военная организация убыхов, основанная на патриархальных началах, отличалась от войск тех кавказских народов, общественное устройство которых было типично феодальным. Феодальные отношения уже не обладали теми качествами, которыми так сильно было убыхское войско[3].

Выборы предводителей, деление на отряды по родам и общинам, своеобразная организация снабжения и все это основанное на строгой дисциплине – такова была структура убыхского войска[4].

Тактика и стратегия горских народов Кавказа вырабатывались и применялись, прежде всего, на основе сложившейся здесь экономики. Не будучи в состоянии противопоставить регулярной царской армии такую же свою регулярную армию, не принимая и не давая т. н. генеральных сражений, горцы систематически и упорно

соч. «История Кубанского казачьего войска». Т. 2. Екатериндар. 1913. Убыхи, пишет Щербина, «самое воинственное и предприимчивое племя во всей Западной части Кавказского края» (т. II. – С. 261).

[1] Записка нач-ка войск в Абхазии ген. – м. Лорис-Меликова, относительно свободной торговли в Абхазии и далее по восточному берегу Черного моря, от 3 октября 1858 г. АКАК. Т. XII, ч. II. – С. 796.

[2] Рапорт нач-ка Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова главком – щему Отдельным Кавказ. Корпусом кн. М. С. Воронцову от 1 августа 1852 г., ЦГВИА, ВУА, д. 35-692, лл. 105- 108.

[3] Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. // Исторический сборник. Вып. 4. М-Л. 1935. – С. 145.

[4] См. С. Званба. Этнографические этюды. Сухуми. 1972. – С. 43-45.

в течение нескольких десятков лет вели партизанскую войну, которая только и могла дать, и подчас действительно давала победу над царскими войсками[1].

Из царских генералов на Кавказе более или менее полное и правильное описание военной системы, способов ведения войны, какие именно приемы применяли кавказские горцы в целом в своей долголетней героической борьбе с царизмом, приемы, какие диктовали им и имевшиеся у них средства производства, и средства сообщения, и вся сложившаяся обстановка борьбы, даны в одном из рапортов командовавшего войсками на кавказской линии в 30-х гг. ген. А. А. Вельяминова, много лет проведшего на Кавказе и хорошо изучившего горцев[2]. Вот что писал ген. Вельяминов: «Большими силами они делают нападения на станицы и селения. Для этого желающие принять участие в таком предприятии съезжаются в какое-нибудь назначенное место и располагаются в окрестных аулах. Такое собрание продолжается не менее 2 недель, обычно – более. Время и место нападения держатся в большой тайне и, кроме начальника предприятия, обычно никто не знает его плана.

Если сборы к нападению долги, то выполнение его быстро. Редко случается, чтобы нападение продолжалось более 2 час., после чего неприятель с «пленом» и полученной добычей поспешно отходит и почти никогда не идет тем направлением, по которому пришел, особенно если встречает при этом хоть малейшее сопротивление. Так как горцы ничего, кроме конницы, не имеют и не обременены никакими тяжестями, то дороги для них почти совсем не нужны, и они идут полями без малейшего затруднения; это же дает им возможность всегда легко уклониться от пехоты, если только они ее встречают.

Перейдя границу, они всегда находят где-нибудь пристанище и продовольствие; потом при первой возможности делят полученную при набеге добычу, и каждый возвращается домой с тем, что пришлось на его долю...

Разбой и грабежи на Кавказской линии мелкими партиями горцы делают преимущественно весною и осенью, т. е. с апреля по

[1] Сивков К. Борьба горцев Кавказа за свою независимость//. «История в школы», Москва, 1936., № 4. – С. 110.

[2] Там же.

июль и с сентября по январь; зимою им мешает холод и недостаток подножного корма, а летом – большой жар, воды и повышение уровня воды в реках. Наоборот, в Черноморье нападения, как большими силами, так и мелкими партиями делаются, главным образом, зимой, когда Кубань покрыта льдом; в остальное время года глубина реки мешает переправам, и потому набеги горцев бывают редки и по большей части – неудачны...

Отправляясь на какое-нибудь предприятие, горцы не отягощают себя никакими тяжестями; в пути они имеют продовольствие от своих кунаков (приятелей, друзей); весьма редко бывает, чтобы кто-нибудь из них взял с собой проса на 2 или на 3 дня и то в таком только случае, когда предвидит дальнюю поездку и невозможность иметь в пути какое-нибудь пособие в этом отношении; до самого места нападения идет тихо, сберегая силы лошадей на обратный путь; сколько возможно ближе от места нападения хищники останавливаются у своих кунаков и проживают у них иногда по несколько дней, осведомляясь и высматривая в продолжение этого времени, где можно безопаснее проехать, где беспечность жителей или войск представляет более удобства что-нибудь схватить. Если партия нигде не находит безопасного проезда или оплошности в том месте, где она предполагала проехать, то возвращается домой или едет на какое-нибудь новое предприятие. Таким образом, горцы почти всегда нападают внезапно и там, где нет достаточной обороны. Если удается им что-нибудь схватить, то они поспешно удаляются. В случае преследования стараются уйти, оставляя даже полученную добычу, если это необходимо; дерутся же с преследующими только в крайности, т. е. когда невозможно избежать этого»[1].

Ф. Энгельс, на основании изучения громадного опыта борьбы горских народов Кавказа за свою независимость, следующим образом характеризовал способы ведения этой борьбы: «Сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах против передвигающихся русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Фактически, во всех случаях даже

[1] ЦГВИА, ВУА, Д. 6263, лл. 29-32. Цит. По указ. статье К. Сивкова. – С. 110-112.

временно успешных восстаний горцев эти успехи, таким образом, были результатом наступательной тактики»[1].

Царские военные историки (Н. Дубровин, Ф. Щербина и др.), исходя из великодержавного определения горских народов Кавказа как «разбойников» и «грабителей», эту наступательную тактику, вытекавшую из специфических особенностей их борьбы против царизма во имя сохранения своей независимости, рассматривали как действие, которое осуществлялось ради личной наживы. Надо сказать, что М. Н. Покровский в оценке горских народов недалеко ушел от царских военных историков хотя и критиковал их, и, вместе с тем, игнорировал аннексионистско-колонизаторскую роль царизма на Кавказе[2].

В первый период борьбы убыхов против этих аннексионистско-колонизаторских действий царизма военнополитическое руководство находилось в руках рода Берзек, представлявший собою первую племенную верхушку, из которой чаще всего вербовались предводители[3].

Из рода Берзек вышел и известный Хаджи Догамуква Берзек, предводитель убыхского народа в 30-40-х гг. XIX в. Хаджи Берзек[4], по отзыву царского генерала Г. И. Филипсона, «был человек храбрый, предприимчивый, большого ума» и «закоренелый враг» российского самодержавия[5].

Хаджи-Берзек, этот, по словам современного автора (английского агента на Западном Кавказе) Джемса Белля, «Вашингтон черкесов»[6] пользовался огромным авторитетом на всем Западном Кавказе[7], и голова его была оценена царским командованием в 1000 рублей серебром[8].

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XI, ч. I. – С. 177.

[2] Покровский М. Н. Завоевание Кавказа. // «История России в XIX», т. V. – С. 293-294.316.

[3] Фадеев А. В. Указ. соч. – С. 146.

[4] Хаджи-Берзек жил в ауле Мутыхуасуа, на правом берегу Сочипста, а до этого местожительство его находилось в долине р. Бзгу. (АКАК, т. XI, ч. 1. – С. 471).

[5] Филипсон Г. И. Указ. соч. кн. VI 1883. – С. 303.

[6] Journal d'une residence en Circasse pendant les annes 1837, 1838, 1839. Paris. 1841. T. II. C. 228.

[7] Волконский Н. А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // КС. т. XIII. – С. 361; Торнау Ф. Указ. соч. ч. 1. – С. 30.

[8] Journal d'une residence en Circasse pendant les annes 1837, 1838, 1839. Paris. 1841. T. II. C. 228.

С. Званба, как уже указывалось, одно время находился у садзов, и статья «Зимние походы убыхов на Абхазию» является результатом его непосредственных наблюдений и изучения военной жизни убыхов. А также и личного участия в борьбе против организованных походов убыхов на Абхазию, которые они совершали систематически, по словам Званба, до 1824 г. в каждое время, а с 1825 г. – зимой.

С. Званба, коснувшись коротко истории этих нападений убыхов, и подробно об их военном строе, что является центральным содержанием статьи, говорит и об организации «обороны» абхазами и почти мимоходом – о боевых качествах последних. Конечно, вторжения убыхов на Абхазию в целях грабежа и угона скота и пленных вызывали и ответные нападения абхазов на убыхов, что вообще в те времена было обычным явлением среди многих племен и народов Кавказа. Но абхазы и убыхи не только враждовали между собой, а в XIX веке, особенно 1830-х гг., и вовсе меняется характер отношений между ними. Абхазы и убыхи совместно вписали не мало славных страниц в анналы освободительного движения на Западном Кавказе. На этом фоне лучше всего можно было показать тот вопрос, который был поднят С. Званба в указанной статье. Однако подполковник царской армии дворянин Званба не мог этого сделать в силу своих политических и классовых убеждений. Отсюда и понятно, почему всякое организованное появление убыхов на территории Абхазии С. Званба рассматривалось именно как акт проявления их «неугомонной страсти к приключениям и грабежу».

Обратимся к фактам. Еще в 1806 г. убыхи были в рядах 25 тысячного войска абхазского владетеля Келеш-бея Чачба-Шервашидзе, которые своей решительностью отогнали от берегов Абхазии военную флотилию с десантом, двинутую сюда турецким султаном, стремившимся прочно завладеть краем[1].

Убыхи оказали существенную помощь народному движению в Абхазии в 1821 и 1824 гг. В первой половине июля 1830 г. убыхи совместно с западно-абхазскими племенами ведут ожесточенную борьбу против десантного отряда ген. – м. К. Гессе в Гаграх, а затем, в августе месяце, они упорно штурмуют укрепление, возведенное

[1] Рапорт ген. Рыкгофа ген. Несветаеву от 30 июля 1806 г. АКАК, т. III. – С. 192-193; Письмо гр. Гудовича бар. Будбергу от 21 августа 1806 г. Там же. – С. 519.

здесь[1], чтобы преградить «доступ в Абхазию партиям джигетов и убыхов»[2]. Убыхи и абхазы, учитывая значение Гагр в завоевательной политике царизма на Западном Кавказе, серьезно нацелились на Гагринское укрепление, и русский гарнизон здесь оказался в постоянной блокаде.

Известный французский ученый Фридерик Дюбуа де-Монперэ, посетивший Гагры в 1833 г., писал: «Черкесы (речь идет, главным образом, об убыхах и садзах. – Г. Д.) ничем не пренебрегали, чтобы выбить русских из этой (гагринской. – Г. Д.) позиции, которая пресекает им всякую возможность сообщения с Абхазией; они долго их тревожили». Далее Дюбуа рассказывает об их большом выступлении, которое, вероятно, непосредственно предшествовало его пребыванию в Абхазии, когда они «решили осадить крепость по всем правилам и взять ее приступом. Несколько тысяч черкесов, хорошо вооруженных, внезапно напали на Гагры; батальон имел только время обороняться от врагов, которые уже хотели взобраться на стены». И после этого они постоянно «тревожат Гагры, скрываясь на высотах»[3].

Мы видим, что в феврале 1835 г. значительный отряд горцев, перешел снеговой хребет и, пройдя мимо Гагр, завязал перестрелку с гарнизоном[4]. По свидетельству Ф. Торнау, посетившего Гагры в 1835 г. «дрова и фураж доставались гарнизону не иначе как с боем»[5].

«Есть на берегу моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. В этом ущелье построена крепостишка, которую враги бьют со всех сторон в окошки»... – писал известный русский писатель и декабрист А. А. Бестужев-Марлинский[6], сосланный на Кавказ правительством Николая I и здесь, в 1836 г., получивший назначение в Гагры – в этом «ссылочном месте»[7]. В июле того же года садзы

[1] Рапорт гр. Паскевича гр. Чернышеву от 26 августа 1830 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6339, лл, 12-16.

[2] Мачавариани К. Д. Описательной путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913. – С. 258.

[3] Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми. 1937. – С. 96.

[4] Отношение бар. Розена гр. Чернышеву от 20 апреля 1835 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6297, лл. 5-7.

[5] Торнау Ф. Указ. соч., ч. II. – С. 35, 39.

[6] Цит. По книге К. Д. Мачавариани «Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу». Сухум. 1913. – С. 260.

[7] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 306.

и убыхи собрались в числе 3 тысяч человек также «с намерением овладеть Гаграми».

В 2 часа ночи 10 июля 1835 г. они подкрались к самому укреплению и, сделав залп из ружей, «бросились на штурм: одни рубили полисад, другие лезли на туры и в амбразуры», стремились «с отчаянием вторгнуться в укрепление». В течение ночи несколько раз предпринимались атаки. На рассвете повстанцы вынуждены были окончательно отступить, но «наложив на себя клятвенный обет непременно овладеть Гаграми». Царское командование перебрасывает сюда дополнительные свои силы[1].

Вот что писал о положении гагринского гарнизона одесский профессор, естествоиспытатель Нордман: «Это укрепление важное в военном отношении тем, что пересекает береговое сообщение между джигетами и абхазами не менее значительно и по своему единственному положению. Здесь часть Кавказской цепи гор врезывается в море, и образует ущелье, в котором на самом берегу лежит укрепление, с двух сторон окруженное высокими холмами. Отсюда-то бдительные джигеты примечают малейшее движение гарнизона и, по своему выгодному положению, нередко стреляют сверху прямо в укрепление. Поэтому, когда гарнизон запасается водою и дровами, перестрелка неизбежна»[2]. При этом на территории садзов, начиная от р. Хоста, проф. Нордман заметил восемь «завалов», которые «служили для прикрытия аванпостов по дороге от Адлера в Гагру»[3].

Воспользовавшись временными поражениями Шамиля в 1839 г., в результате экспедиции под командой графа Граббе, а также слабым проявлением крестьянского движения в начале деятельности Шамиля (1834-1839), царское командование усиливает свое наступление на Западном Кавказе. Оно ставило своей задачей окружить горские племена и отрезать их от Черного моря. В 1837 г. было начато новое продвижение царских войск по Черноморскому побережью; укрепления здесь строились со стороны Сухума и от

[1] Отношение бар. Розена гр. Чернышеву от 16 июля 1835 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6312, лл. 75-76.

[2] Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю. // ЖМНП. СПб. 1838. №11. – С. 412.

[3] Там же. – С. 414.

правого фланга Кавказской линии. В начале 1838 г. десантный отряд высадился у устья р. Сочи и построил там укрепление (Вельяминовское), у устья р. Шапсуго сооружено было Тснгинское укрепление. На месте прежней крепости Суджук кале при устье р. Цемес[1] была заложена крепость, впоследствии названная Новороссийском. В мае 1838 г. все укрепления от устья Кубани до границы Мегрелии соединились в одно управление под названием Черноморской береговой линии. Укреплениями был застроен промежуток между Анапой и Гаграми[2]. В результате этих мероприятий на территории, занятой убыхами, появились несколько форпостов царизма. Убыхи, вплотную столкнувшись с российской колониальной политикой, начинают активные действия, вместе с тем ставя задачу организации всеобщей совместной борьбы против царизма всех соседних племен и народностей.

«...Прибрежное народонаселение от Геленджика до границы джигетов составляет второй союз, во главе которого стоят убыхи», – констатировал генерал-адъютант Будберг 29 июня 1848 г.[3] А генерал Анреп в рапорте от 19 марта 1842г. объяснял военному министру графу Чернышеву, что «глава этого племени (адыги – Г. Д.) – убыхи, и пока они сохранят то же влияние на эту часть Кавказа, никакое приобретение наше не может быть прочным...»[4].

В цепи укреплений Черноморской береговой линии, укрепление, воздвигнутое в 1837 г. на Адлерском мысе у устья р. Мзымты под названием св. Духа имело, ко всему прочему, и то назначение, чтобы создать клин между убыхами и садзами, а надо сказать, что «джигеты (садзы – Г. Д.) были под сильным влиянием убыхов и волею-неволею должны были участвовать во всех предприятиях»[5].

Перед занятием Адлерского мыса царским отрядом под общим командованием командира отдельного кавказского корпуса бар. Г. В. Розена в первой половине июня 1837 г., садзы, убыхи и другие соседние племена собрались «и взаимно поклялись совокупными силами сопротивляться русским до последней возможности и в

[1] Цемес, Дзе-мес – по-адыгейски (черкесски): «войсковой лес».

[2] БСЭ, т. XXX. – С. 496-497.

[3] Рапорт ген.- адьют. Будберга кн. Воронцову. АКАК, т. X, ч. II. – С. 670.

[4] ЦГВИА, ВУА, д. 6470, л. 5.

[5] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 304.

обеспечении сего обязались друг другу выдать аманатов»[1]. И действительно, они в районе предполагаемой высадки царского отряда, вдоль берега, устроили «завалы» и «окопы», и оказали героическое сопротивление десанту, ведя неравную борьбу[2]. Между прочим, в этой жестокой схватке погиб и писатель А. А. Бестужев – Марлинский.

Зимой 1840 г. движение на Западном Кавказе уже принимает массовый характер. В феврале – марте этого года Черноморское побережье пылает в огне всеобщего восстания: было занято ряд важных укреплений (Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское).

Однако, слабо поддержанные соседними племенами, убыхи, которые играли ведущую роль в этом движении, в конце концов, теряют свои достижения.

(...)[3*] Хаджи-Берзек стремится обеспечить себе поддержку на юго- востоке. Он ясно учитывал популярность освободительной борьбы и лояльность к ней абхазских племен. Еще 4 марта 1840 г. начальник 1- го отдела Черноморской линии ген.-м. Ольшевский писал: «Я не ручаюсь ни за одно укрепление, начиная от форта Головинского до Гагр включительно»[4]. Укрепление убыхов в Садзын (Джигетии) тем более было важно, что царское командование, в свою очередь, стремилось сюда, дабы превратить его в плацдарм для наступления на убыхов с этой стороны, само собой, парализовав садзов от участия в освободительной борьбе.

«Мы едва можем защитить Абхазию, – писал начальник береговой линии ген. Раевский военному министру графу Чернышеву, – пока убыхи в союзе с джигетами. Из этого следует необходимость принудить сих последних к немедленной покорности, а потом соединенными силами джигетов и Абхазии, поддержанными нашими войсками, действовать решительно против убыхов»[5].

В конце сентября 1840 г. убыхи, «в соединении с другими горцами», численностью до 7 тысяч человек, собрались в Сочи под

[1] АКАК, т. VIII. – С. 837.

[2] Отношение бар. Розена гр. Чернышеву от 11 июня 1837 г. АКАК, т. VIII. – С. 870-871.

[3] * В оригинале текст обрывается.

[4] Щербина Ф. А. «История Кубанского казачьего войска». Т. 2. Екатериндар. 1913. – С. 315.

[5] Рапорт от 16 июля 1840 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6422, лл. 1-5.

предводительством престарелого Хаджи-Берзека[1], с намерением вторгнуться в Абхазию и овладеть одним из царских укреплений. Но на пути остановились в Цандрипше и Хышха[2] для наказания принявшего русское подданство князя Цанба (Цан), а затем совместно с ахчипсаа[3] достигают Бзыби.

Однако Хаджи-Берзек дальше этой реки не пошел. Осуществлению его плана помешало, во-первых, обострившиеся в это время противоречия между Хаджи-Берзеком и некоторыми другими представителями убыхской племенной знати, (так, например, влиятельный вождь сочинских убыхов Абдула-Ахмет[4] был настроен примиренчески), во-вторых, промедление черкесов на Цандрипше и колебания цебельдинцев, не решившихся поднять восстание до вторжении убыхов[5].

Хаджи-Берзек ограничился: 1) войти в сношения с Цебельдою и Далом и в них найти себе союзников в тылу Абхазии; 2) наказать Цандриншских князей, вступивших в русское подданство. Он «успел в том, и в другом»: Цандрипшские князья были им строго наказаны, и Цабал начал волноваться. Это движение имело важное значение особенно для Дала[6].

Здесь с самого начала нового похода убыхов готовились «поднять оружие против правительства и вторгнуться туда же (на побережье – Г. Д.) с другой стороны»[7]. Дальцы настойчиво приглашают к

[1] Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву от 17 октября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6381, лл. 75-78.

[2] Садзская община Цандрипш занимала территорию черноморского побережья от Гагр до устья р. Хошипсе, во внутрь же района – до ахчипсаа и аибга. Цандрипш составлял владение князей Цанба. Хышха – другая садзская община, расположенная в верховьях Хошипсе, частью Цандрипша, принадлежала князьям Ачба.

[3] Ахчипсаа (Ахчипсоу) – небольшое абхазское племя, жившее в верховьях рек Псоу и Мзымта, которые, по характеристике Ад. Берже, отличались «духом воинственным, отважным и находятся в тесной связи с убыхами». Ад. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. «Кавказский календарь», Тифлис, 1857. – С. 289.

[4] Владения кн. Абдула-Ахмета простирались между устьями рек Мыца, Сочи и Псаха.

[5] Рапорт ген. Раевского ген. Головину от 17 октября 1840 г. ЦГВИА, ВУА. д. 6381 лл. 75-78.

[6] Рапорт ген. Раевского ген. Головину от 2 ноября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6392, лл. 7-9.

[7] То же, от 17 октября 1840 г. Там же, Д. 6381, лл. 75-78.

себе на помощь ахчипсаа[1]. Вместе с тем стараются установить связи с Кабардой и Карачаем. Так, в последнюю был послан один кумык с извещением, что здесь намерены непременно отложиться от царского правительства и начать свои действия до наступления зимы, что дела дагестанцев и Чечни в наилучшем положении, а дела царизма – в очень скверном. При этом просили сообщить, что известно им «со всей подробностью о действиях Шамиля»[2]. К сожалению, посланец из Цабала вернулся с дороги и даже явился в русский лагерь в Мрамба.

Движением в Дале и Цабале в это время руководил бесстрашный абрек Шабат Маршания, сын далекого князя Даруквы Маршания. В марте 1837 г. Шабат, по приказу барона Розена, был схвачен неожиданно и выслан из пределов Абхазии. Шабат просидел более года в Метехском замке в Тифлисе, а затем был отправлен на фронт в Дагестан[3]. В ноябре 1838 г. Шабат вернулся на родину даже в чине прапорщика: царское правительство решило «обласкать» «буйного и влиятельного» дальца. Однако Шабат думал о противоположном – об изгнании из родины царских завоевателей[4]. Он готовит восстание. Чтобы привлечь к движению колеблющиеся элементы, однажды, бросив в огонь свои эполеты и темляк, Шабат воскликнул: «Я обласкан русским начальством, я офицер и мне обещали хорошее содержание, но для избавления родины, жертвую всем». Обращаясь к нерешительному брату своему Халыл-бею, Шабат сказал: «Помоги мне в этом славном деле... Иначе, мы не признаем тебя родственником... Враги твои будут друзьями нашими, и без мести прольется кровь твоя, как кровь нам чужого...»[5]. Авторитет Шабата был очень высок. «Умный и отважный», его красноречию были «все слепо послушны»[6]. Он сумел привлечь к движению основные массы населения Дала и Цабала.

[1] Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву от 17 октября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6381, лл. 75-78.

[2] Рапорт ген. Раевского гр. Чернышеву от 17 октября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6392, лл. 1-4.

[3] Юрьев А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе.// КС. т. X. Тифлис. 1886. – С. 384.

[4] Калюбакин Н. Картины и характер Кавказа (Рукопись). ЦГИА Груз. ССР. ф. АКАК, д. 9(200), XII.

[5] Там же.

[6] Там же.

В самом начале октября 1840 г. далцы перешли в наступление. На всей границе Дала были расставлены отряды, сделаны завалы, поставлены караулы и т. д. Укрепляя «завалами все тропы своего ущелья», – как писал ген. Раевский, далцы ожидали «на помощь 1000 горцев, которых Хаджи-Берзек обещал им прислать на всю зиму»[1]. Он ищет союзников не только в жителях горных районов, но и среди трудового населения всей Абхазии. Восстание абхазских крестьян в прибрежье, особенно в Кодорском районе летом 1840 г. во главе с Измаилом Допуа, несомненно имело связь с движением убыхов и с событиями в Дале и Цабале. В октябре 1840 г., когда убыхи стояли еще в Цандрыпше бзыбцы строят «завалы» в разных местах на р. Бзыбь[2].

Политическое положение Абхазии поэтому внушало опасения царскому командованию. «По собранным мною сведениям, – писал ген. Раевский, – убыхи с соумышленниками своими обратятся нынешнюю зиму не на I отделение, а на Абхазию. ...Все заставляет думать, что Хаджи-Берзек преимущественно обратится на Абхазию, где он не найдет сопротивления, где ожидает его надежда взволновать край против нас... Есть часть народа, которая готова восстать против него (владетеля Абхазии – Г. Д.) и присоединиться к убыхам. Вторжение Хаджи-Берзека будет сигналом восстания Абхазии, Цебельды, Самурзакана...»[3]. Раевский просил Чернышева усилить гарнизоны в Абхазии. «В противном случае, – писал Раевский, – повторится в предстоящую зиму то, что было в прошедшую, и я не знаю что сделается с Абхазией, если Хаджи-Берзек обратится на нее с 1500 человек, как в прошлом году на береговые укрепления»[4].

Просьба Раевского была удовлетворена. Гарнизоны Сухума, Гагры, Бомборы и др. укреплений были усилены. Вместе с тем, в конце декабря 1840 года была организована карательная экспедиция под командованием начальникам отделения Черноморской береговой линии полковника Н. Муравьева для «приведения к покорности

[1] Рапорт ген. Раевского ген. Головину от 2 ноября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6392, лл. 7-8.

[2] Рапорт ген. Раевского гр. Чернышеву от 17 октября 1840 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6392. лл. 1-4.

[3] Рапорт ген. Раевского гр. Чернышеву от 23 ноября 1840 г., ЦГВИА, ВУА, д. 6392. лл. 7-11.

[4] Там же

возмутившихся дальцев». Возникла героическая оборона Дала. Но в конце концов, на исходе января 1841 г., Дал был разгромлен. Шабат со своими отважными абреками ушел в горы. Возобновились постоянные партизанские налеты. Царскому командованию с Далом удалось покончить раньше, чем убыхи сумели оказать ему помощь. А Хаджи-Берзек уже окончательно было собрался «и с духом, и с силами», которых набралось у него от убыхов, садзов и ахчипсаа до трех тысяч человек[1]. С частью этих отрядов, доходившей до тысячи человек, он послал в Абхазию своего племянника Керентуха-Берзека. Последний, пройдя горами по обледенелому снегу, 15 февраля 1841 г. устроил нападение на село Отхара, принадлежавшее владетелю Абхазии. Возвращаясь обратно, этот отряд атаковал гагринское укрепление, но был отбит орудийным огнем[2]. Немедленно по занятии Дала, Муравьев отделил часть своего отряда для движения на р. Бзыбь, «где опять угрожали Абхазии убыхи»[3]. Между тем усиленно распространялся слух, что другая часть отряда Хаджи-Берзека двинулась через горы на сел. Гума с намерением напасть на Келасур или на Дал. Во всяком случае, полковник Муравьев приостанавливает войска, приготовленные для следования в Гагры и, составив из них два небольших отряда, послал один из них из Сухума через сел. Гума, а другой из Бамбора на Псху с целью преградить неприятелю обратный путь через последнюю[4]. Отправив Керентуха в Абхазию, Хаджи-Берзек с остальной частью своего отряда двинулся к форту Лазаревское. Возобновились нападения на береговые укрепления. По-прежнему «не спокойно было также и на абхазском побережье»[5].

В это время «партия непокорных жителей» Ахчипсоу и Аибга, в соединении с вытесненными из Дала людьми, в числе 500-600 чел., выступила горами для вторжения на Цабал. Между тем кавказское командование считало не столь важно «перехватить и рассеять эту партию», сколько необходимо было предотвратить ее нашествие, так как цабальские абреки намерены были присоединиться к ней и, под

[1] КС. т. III. – С. 366-367.
[2] Журнал военных происшествий в 3 отделении Черноморской береговой линии с 15 по 20 февраля 1841 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6392, лл. 93-95.
[3] Рапорт полк. Муравьева от 7 января 1841 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6392, л. 45.
[4] Волконский Н. А. Указ. соч. – С. 367.
[5] Там же. – С. 368-373.

ее прикрытием, переселиться «к непокорным племенам». Ген. Муравьев вынужден был двинуть из Пицунды в Сухум четвертый батальон Тенгинского полка, предназначенного для отправления в Гагры.

Первого апреля 1841 г. повстанцы явились в Псху, а 10 го числа часть их в 300 чел. подступила к Чхалта – центру Дала и оттуда двинулась к Багада, разрушив мост через р. Адзгара. Муравьев двинул туда Тенгинский полк и «милицию» абхазского владетеля. Неуловимые повстанцы, нанеся противнику значительный удар, в средних числах апреля скрылись[1]. Но нападения на отдельные гарнизоны на побережье все также частые и кровопролитные. Так, например, 28 апреля того же года в Гаграх было нападение на отряд, вышедшего для рубки дров в лес в ущелье Жоадзех, потери которого равнялись: 10 чел. убитыми, 12 ранеными и 12 попавшими в плен[2]. Особенно убыхи, «ободряемые безнаказанностью, продолжали свои кровавые похождения на суше и на море»[3], и не раз Хаджи-Берзек затевал продолжительные «обширные предприятия» против отдельных укреплений и гарнизонов царизма.

Одновременно с борьбой горских народов за независимость развивалось массовое движение и в Грузии. В 1841г. произошло восстание гурийского крестьянства – крупнейшее в истории крестьянского движения в Грузии в первой половине XIX в., которое, вместе с тем, имело большое влияние на эти события, в частности и особенно – на Западном Кавказе. Главный штаб восставших гурийских крестьян, число которых доходило по официальным данным около 7200 человек, оказывается единственной властью в крае, а в руках царского командования – только Озургети. Гурийцы нанесли сильное поражение мегрельскому владетелю Дадиани, который с отрядом в 1000 чел. спешил на помощь осажденному Озургети – административному центру Гурии[4].

В Мегрелии крестьяне не только отказались участвовать в карательной экспедиции против гурийских повстанцев, но в сел. Джвари собрался отряд в 1000 человек и спешно готовился выступить на помощь последним. В Абхазии крестьяне также категорически

[1] Там же. – С. 375-377.
[2] Там же. – С. 382-383.
[3] Там же. – С. 384.
[4] Хачапуридзе Г. Гурийское восстание в 1841 году. Тифлис. 1931.

отказались участвовать в карательной экспедиции против восставшей Гурии. Тоже самое произошло и в Сванетии.

Генерал Головин доносил кн. Чернышеву (7 сентября 1841 г.), что «... ныне в Самурзакани, Абхазии и у джигетов и убыхов, относительно причины восстания в Гурии, распространены самые неблагоприятные для нас слухи, которые... производят сильное влияние на умы покорных нам племен. Между народами этими носится молва, что гурийцы восстали потому, что со введением нового в Закавказском крае управления собираются подати отяготительные и вводится рекрутский набор. Эта молва... имела уже влияние на сбор милиции в Самурзакани»[1].

Как видно из приведенного документа, вести о Гурийском восстании доходили также до садзов и убыхов. И здесь «эта молва» оказывает большое влияние на события. Об этом ясно свидетельствует современный автор историк Н. А. Волконский. «Джигеты, – пишет он, – полагая, что наши силы обратятся в Гурию, и что мы будем вынуждены отказаться от действий в земле убыхов, стали опасаться за свою собственную безопасность; Цвиджа и горные общества переменили тон и не говорили уже о покорности; убыхи ободрились, прекратили переговоры и положили противиться до последней возможности. Перейдя затем от слов к делу, они быстро принялись за устройство завалов на дороге, ведущей в их землю, и за приведение своих аулов в сильно укрепленное состояние»[2].

«Вдруг, – пишет тот же Н. Волконский, – все... рухнуло моментально и мы возвратились к прежнему положению. Таким неожиданным оборотом дел мы внезапно были обязаны возмущению, вспыхнувшему в Гурии. Весть о нем с быстротой молнии пролетела по всему восточному берегу (Черного моря. – Г. Д.) и произвела весьма неблагоприятную для нас перемену в умах народов... «Гурийское сотрясение» оказалось «в тесной связи... с делами в остальной части восточного берега...»[3]. Еще 2 сентября 1841 г. ген.-м. Анреп в своем докладе на имя ген. Головина писал: «Усмирение гурийцев, покорение и наказание убыхов и упрочение покорности джигетов суть вопросы, тесно между собой связанные,

[1] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 172-173.
[2] Волконский Н. А. Указ. соч. – С. 422.
[3] Там же. – С. 421.

и решение двух последних зависит от скорой и совершенной развязки первого»[1].

Кавказское командование, учитывая, что «если первые пушечные выстрелы раздадутся в Гурии, то последние могут кончиться в Анапе и на берегах Каспийского моря», – как писал генерал Анреп[2], спешит скорее ликвидировать гурийское восстание 1841 года. Именно «сознание необходимости для всего восточного берега скорейшего усмирения Гурии», заставило генерала Анрепа отправиться в Гурию лично, а также посетить Мегрелию, куда собирался перебросить крупные военные силы. Он был твердо уверен, что немедленное «усмирение Гурии», «не только могло поправить все дела, но дать им еще лучше прежнего оборот»[3].

Царское командование вынужденно было временно приостановить свое наступление против горцев Западного Кавказа. «Медленный сбор милиции, – писал бывший тогда батальонным адъютантом в 3 батальоне Тенгинского полка, стоявшего в то время лагерем при укр. св. Духа, на Адлерском мысе, М. Федоров, – по причине бунта в Гурии, задержал наш отряд на Адлере, который, к досаде нашей, слишком два месяца собирался сделать нашествие на землю убыхов. Два месяца – такое время, в которое не только убыхи, имеющие земли каких нибудь 1500 квадратных верст, но все прибрежье линии могло ополчиться и приблизиться к отряду»[4]. «Таким образом, возмущение в Гурии приостановило экспедицию к убыхам», – констатировал и историк И. Волконский[5]. Крестьянское движение в Гурии было подавлено. «...Но, – писал ген. Раевский в своем рапорте военному министру Чернышеву от 16 октября 1841 г., – как и должно было ожидать, весть об этом не могла нисколько вознаградить того зла, которое сделало для нас в расположении горцев известие об этом несчастном смятении»[6].

[1] Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву от 7 сентября 1841 г. АКАК, т. XI., ч. I, – С. 172.
[2] Хачапуридзе Г. Крестьянские движения в Грузии. // «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии», Тифлис. 1931.– С. 25.
[3] Волконский Н. А. Указ. соч. – С. 423-424.
[4] Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. // КС т. III. Тифлис. 1879. – С. 205.
[5] Волконский Н. А. Указ. соч. – С. 424.
[6] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 513.

Экспедиция к убыхам была возобновлена сейчас же после подавления гурийского восстания. Борьба была жестокой. Старый Хаджи-Берзек, по сообщению ген. Филипсона, «при всех принес присягу, что он скорее позволит на себя надеть женские шаровары, чем пропустить русских в свой край»[1]. Вместе с тем, в это время во многих районах Кавказа значительно углубляется крестьянское движение, явно проявляя тенденции к созданию единого фронта в борьбе с местными феодальными классами и российским царизмом. В Абхазии'оно выразилось, прежде всего, в активном выступлении крестьянства на побережье, а также в усилении партизанской борьбы в Дале и Цабале – происходившей под руководством того же Шабата Маршания. Движение абречества в этих высокогорных районах Абхазии усиливается в мае следующего 1842 года. В августе месяце оно принимает еще более острый характер. 22 числа – в день коронования императора Николая I абреки решали устроить нападение на укрепление Мрамба. Однако это нападение повстанцев было отбито с большими потерями для них. В состоявшейся жаркой схватке был сражен и руководитель абреческого движения Шабат. Он был «убит на месте, как умирают храбрые»... в момент, когда, ранив одного солдата из пистолета, изрубив другого на части и с окровавленной шашкой шел на других[2]. Активный участник борьбы против этого абреческого движения и автор любопытной рукописи «Картины и характер Кавказа» Н. П. Колюбакин, задаваясь очевидно, целью дать психологическое «объяснение» такого конца жизни «буйного» Шабата, писал: «Есть люди, которых несчастное стечение обстоятельств, увлекает в бездну преступлений; но Шабат сам вольно, по какому-то внутреннему призванию, выбрал из многих представляющихся ему путей к известности и счастью, поприще крови, по которому он шел упорно, радостно и в конце которого нашел смерть»[3].

После гибели Шабата во главе абреческого движения стал его младший брат Эшсоу. О неуловимом абреке Эшсоу также прекрасно знают наши источники. Он еще до этого совместно с Шабатом не мало хлопот принес царским отрядам. В конце февраля 1843 г.

[1] Филипсон Г. В. Указ. соч. 1884. №1. – С. 214.

[2] Колюбакин Н. Указ. рукопись.

[3] Там же.

Эшсоу со своими абреками устраивает смелую диверсию на Цабал и Дал. Началось движение и в сел. Джгерда. Царское командование вынуждено было усилить войска в укр. Мрамба, для чего послана была туда еще одна рота и сводно-учебная команда, которым не раз приходилось вести перестрелку с абреками в течение всего 1843 г. В это время началось движение и в Псху. Чтобы локализовать возобновившееся движение в этом районе Абхазии, царское командование в декабре 1843 г. двинуло туда усиленную карательную экспедицию. Тем не менее, нападения повстанцев на царские гарнизоны и отряды «все таки продолжались, как в 1844, так и в 1847 году»[1].

Вместе с тем, подъем освободительного движения на Западном Кавказе в целом характеризуется окончательным переходом феодальной и племенной знати на сторону царизма, становясь его социальной опорой. Мы видим, что и влияние Берзеков быстро падает среди трудовых масс. Даже наиболее популярный вождь убыхского народа Хаджи-Берзек, хотя и не присягнувший официально царской России, теряет свой авторитет. Убедившись в этом, он отрекается от политической деятельности, направляется в богомолье в Мекку и умирает на обратном пути на родину, летом 1846 г.[2]

До сих пор еще не было установлено тесных связей между движением в Дагестане и Чечне с движением на Западном Кавказе. И вот именно в этот период Шамиль делает практические шаги к завязыванию непосредственных сношений с племенами и народами Западного Кавказа[3]. Факт отхода верхушки, делавшего движение лишь еще более народным, крестьянским, создавали Шамилю здесь весьма благоприятные условия. Наместник Кавказа Воронцов отмечал, что после успехов Шамиля в 1843 г., «его влияние распространилось во всех горах, и за Кубаню, и по Черноморской береговой линии…»[4].

На Западном Кавказе официальное эмиссары Шамиля появляются с 1842 г. Однако еще раньше Шамиль решил обратиться к нарядам Западного Кавказа. Идеи освободительной борьбы именно в

[1] Мачавариани К. Указ. соч. – С. 276-277.

[2] АКАК, т. XI, ч. II. стр.

[3] Бушуев С. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М-Л. 1939. – С. 95, 154-155.

[4] Инструкция кн. Воронцова, данная генералу Реаду в марте 1854 г. АКАК, т. X. ч. I. – С. 93.

той форме, в какой их Шамиль и его предшественники проповедовали и осуществляли, доходят до трудовых масс этой части Кавказа. Уже собрание убыхов, шапсугов и абадзахов в 1841 г. на р. Пшеха, где был принят знаменитой «дефтер», прошло под знаком газавата – «священной войны» против наступающего царизма.

Мюридизм, несмотря на его религиозную оболочку, объединял трудящихся в борьбе против местной феодальной знати и против захватнической политики российского самодержавия. В этом была его сила. Только поэтому и здесь, на Западном Кавказе, принципы мюридизма нашли отклик в широких массах. Таким образом, почва для агитации шамилевских посланцев была подготовлена. Что же касается открытого препятствия местной феодально-родовой знати агитации представителей Шамиля, то это лишь благоприятствовало распространению идеи освободительной борьбы, поскольку данное препятствие способствовало росту самосознательности трудовых масс Западного Кавказа.

В 1847 г. на категорический вопрос генерала Завадского абадзахам (абадзехам): «Скажите мне громко кто вы: друзья ли наши, или же враги?», – последние ответили откровенно: «...Власть над нами вручена шейху Шамилю, правителю всего пространства от Темир- капы (железные ворота Дербента) до Анапы; это и вы знаете, – следовательно, никто из нас не может иначе себя вести, как сообразуясь с волей этого ученого шейха – истина всякой мудрости.

Мы никогда и ни в чем не покоримся вам и делаем то, что повелевает нам этот избранный правитель (векиль). Мы ваши враги и будем вести с вами войну до тех пор, пока никого из нас не останется. Мы (абадзахи), шапсуги и убыхи, все заодно в этом деле»[1]. Заодно с ними были и многие западно-абхазские племена.

Выдающаяся политическая роль в этом освободительном движении по прежнему принадлежала убыхам. Мы видим, что весной 1845 г. убыхи под руководством абрека из крестьян Омера Чизма едва не взяли Навагинское укрепление[2]. За 1846 г. согласно приказу по Отдельному кавказскому корпусу от 3 февраля 1847 года, на Черноморской береговой линии было 88 сражений, из них наибольший процент падает на Головинское и Навагинское укрепления, расположенные на территории убыхов[1]. В начале этого года убыхи совершили и один из крупнейших «зимних походов» на Абхазию.

[1] АКАК, т. XII, ч. II. – С. 590.
[2] Фадеев А. Указ. соч. – С. 166.

В конце января 1846 г. вблизи Навагинского укрепления, в ауле Джембулата Берзек, был составлен «большой сбор горцев разных племен», с намерением «сделать покушение» против укр. Св. Духа и Пицунды. В этот отряд входили садзы и другие представители западных абхазских племен. Однако военные власти об этих приготовлениях были предупреждены изменником Аубла Ахметом, благодаря чему были приняты «все меры усиленной предосторожности». 28 или 29 января отряд Джембулата Берзек двинулся на Абхазию. Но узнав о сильных приготовлениях здесь, Берзек не решился перейти через р. Бзыбь с основной массой своего отряда, а послал лишь группу в 200 человек, но и она встретив сильное сопротивление, вернулась обратно[2]. Однако активные действия убыхов вызывали брожения среди абхазского населения.

Мы уже указывали, что в этот период очень часты были нападения повстанцев на царские гарнизоны и отряды. Так, 15 января 1846 г. было устроено нападение на солдат сухумского гарнизона, вышедших в лес за дровами и при этом был ранен шашкой один солдат. 19 января того же года вблизи пицундского укрепления повстанцами был изрублен один человек. 4 февраля 1846 г. в ближайшем лесу к сухумскому укреплению имело место новое нападение на солдат этого гарнизона, при котором был ранен один человек[3] и т. д. Генерал А. Будберг 30 июля 1846 г. констатировал рост «враждебных настроений» среди садзов[4].

В конце 1847 г. в Самурзакане началось открытое восстание «для достижения самостоятельности». Командование вынуждено было снарядить особый отряд, который и явился в сел. Окум – в тогдашний центр этого района[5].

В 1848 г. среди народов Западного Кавказа появляется по числу третий шамилиевский посланец – наиб и вместе с тем «самый задушевный приближенный» Шамиля и «самый ученый... имам после

[1] АКАК, т. XI, ч. II. стр.
[2] Рапорт начальника черноморской береговой линии Будберга кн. Воронцову о нападении убыхов и джигетов на Абхазию. // ЦГВИА, ВУА, д. 6596. лл. 10-17.
[3] Там же.
[4] ЦГВИА, ВУА, Д. 6597, л. 66.
[5] Мачавариани К. Указ. соч. – С. 277.

Шамиля», знавший прекрасно «как помочь горю» народа, сам будучи «родом плебей»[1]. Это был – знаменитый Мухаммед-Эмин (Могамет Амин). «О его энергии и справедливости, молва о его ненависти к русским и задушевной дружбе с шейхом Шамилем всегда и везде предшествовали ему...»[2].

На исходе 1852 г. Мухаммед-Эмин уже на побережье у убыхов, где также имеет большой успех. «Кавказский Демосфен», способный «на самостоятельную широкую организаторскую деятельность»[3], – Мухаммед-Эмин принимает энергичные меры для сплочения народов и племен Западного Кавказа под знаменем освободительной борьбы. Объединительная политика этого вождя повлекла за собой еще более четкое разграничение классовых сил внутри адыгейских и убыхских племен. Народные массы, склоняясь к объединению в борьбе против царизма, а феодалы стремились к контакту с царизмом. Среди многочисленных племен Западного Кавказа, слабо связанных между собой, Мухаммед-Эмин сумел создать централизованную государственную систему, во многом напоминавшую имамат Шамиля.

Даже такой представитель буржуазной историографии как Ф. Щербина вынужден был подчеркнуть, что Мухаммед-Эмин, опираясь «на тфокотль, средний класс или народ»[4], «организовал народные управление на демократических началах» и стоял «все время на торном пути объединения черкесских народностей...»[5]. Воронцов отмечал, что представители Шамиля на Западном Кавказе, в том числе и Мухаммед-Эмин, «говоря его именем и действуя по его системе, хотя имели и имеют сопротивление от аристократического духа большей части тамошнего народонаселения... мало-по-малу приобрели там силу и восстановили там более или менее единство против нас»[6].

Возглавляемые Мухаммед-Эмином горцы вели упорную борьбу с царизмом: в течение одного 1849 года они произвели 101 вторжение на занятую русскими войсками территорию[1]. Кроме того, Мухаммед-Эмин упорно стремился расширить сферу своего влияния и в областях Закавказья, прежде всего на территории, занятой северо-западными абхазскими племенами.

[1] Щербина Ф. Указ. соч. – С. 555.
[2] Там же. – С. 205.
[3] Там же. – С. 543.
[4] Там ж. – С. 548.
[5] Там же. – С. 555.
[6] Инструкция кн. Воронцова, данная ген. Реаду в марте 1854 г. АКАК, т. X, ч. I. – С. 93.

«Опасность попасть под иго царизма и энергичная деятельность наиба Мухаммеда-Эмина, – пишет Т. Лапинский, – привели народ адыгов к неслыханному до тех пор единению... Прошло бы еще немного времени и возведенное новое здание административной и религиозной системы вполне утвердилось бы. Наиб стал серьезно думать о распространении своей власти также и на южные племена...». Мы видим, что Мухаммед-Эмин, обосновавшись на территории убыхов немедленно начинает вести переговоры с соседними садзами. Царское правительство было крайне обеспокоено, так как «из этого абхазского племени мюридизм легко мог бы постепенно распространиться во владении абхазском...»[2].

Как результат приближения шамилевского посланца непосредственно к пределам Абхазии, здесь усиливается движение. Руководитель абреческого движения в Дале и Цабале Эшсоу Маршания, как сообщал адмирал Серебряков, «вошел в сношение с Могаметом Амином и, как носятся слухи, получил от него приглашение принять начальство над сильною партиею в замышленном наибом предприятии овладеть Карачаем». При этом уверяли, что «наиб объявил, будто бы это предприятие необходимо для открытия Шамилю свободной дороги к Абхазии, а также и для предварительного распространения влияния своего на этот край…»[3].

В 1849 г. в Цабале и Дале вновь начались выступления. К. Мачавариани это событие непосредственно связывает с движением Мухаммед-Эмина. При этом он указывает, что «глава восстания» Эшсоу Маршания «принимал участие во всех действиях Магомета- Эмина...»[4].

Зимой 1852 г. убыхи совершают очередной «зимний поход» на Абхазию через снеговые горы. Число участников этого похода до-

[1] История СССР. Учебник для высшей школы, под ред. проф. М. В. Нечкиной. Москва, 1946 г., т. II. – С. 287-288.
[2] Рапорт ген. Будберга кн. Воронцову от 22 ноября 1850 г. ЦГВИА, оп. 272, св. 126, д. 206/11,лл. 104-118.
[3] Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 8 июля 1852 г. ЦГВИА, ВУА, д. 35-692, лл. 89-98.
[4] Мачавариани К. Указ. соч. – С. 277.

ходило до 3 тыс. человек и во главе стоял Хаджи-Керентух Берзек. Убыхи имели целью, как доносил начальник Черноморской береговой линии адмирал Серебряков, напасть на одно из укреплений, в первую очередь – на Пицунду. Тем временем ахчипсаа должны были напасть на имение Каца Маан или также на Пицунду.

Серебряков так определяет характер этого движения убыхов на Абхазию: «Многочисленность сбора, известность предводителей и обдуманность предприятия, для успеха которого неприятель даже взял с собою запасы продовольствия, доказывают, что оно было делом не частным, а народным и имел характер не простого набега для хищничества, всегда кратковременного, предполагало цель более обширную. Убыхи шли с полной уверенностью в успехе». И. д. начальника береговой линии полк. Н. Колюбакин наспех усиливает укр. в Пицунде и Бамбора, где сосредотачивает крупные силы и, составив отряд из 1000 штыков с тремя орудиями и ракетной командой, выступил из бамборского укрепления для встречи неприятеля. 22 февраля отряд подошел к ущелью Аура, в 12 километрах от Бамборы, здесь он расположился.

Между тем адмирал Серебряков, 20 февраля, вышел из Керчи с двумя пароходами с войсками, чтобы устроить демарш на убыхеком побережье с целью «отвлечь их от намерения вторгнуться в Абхазию, или заставить их возвратиться с пути, если они уже выступили и отошли еще недалеко». Для «вернейшего достижения» этой цели Серебряков предполагал собрать войска также из других пунктов, сделать движение в горы, разорить ближайшие к форту Навагинскому аулы и тем «вынудить убыхов отозвать партию, предпринявшую набег на Абхазию». 23 февраля адмирал Серебряков прибыл в укр. св. Духа, где и узнал, что убыхи уже перешли через горы и находятся у спуска с них в Абхазию. Серебряков послал «предать пламени» аул в близи Сочи. В течение всей ночи и утра 24 февраля регулярные войска из всех видов оружия палили по жилищам мирного населения. «Зарево пожара освещало отряд», – писал цинично адм. Серебряков. Но ближайшее «к истребленному» аулу население скоро собралось в значительном числе и «с ожесточением бросились в шашки». «Упорный бой» продолжался 2 часа. С наступлением вечера 24-го же февраля Серебряков с двумя ротами отплыл к берегам Абхазии, которые он расположил в Бамбора, чтобы

«в случае надобности направить их к тому пункту, куда обратится неприятель»[1].

Убыхи шли 16 дней по весьма трудным дорогам через территории ахчипсаа. Дойдя до спуска в Бзыбской Абхазии, они оставили на хребте при переправе через Бзыбь около 500 человек с вещами и частью продовольствия. Остальные 2500 человек 24 февраля спускаются в ущелье Аура, где, неожиданно, сталкиваются с крупными силами противника. Не зная силы противника, и увидев, что уже на самом спуске с гор готовится им встреча, они после перестрелки с передовыми частями отряда, продолжавшегося до полудня, обратились назад на снеговой хребет, унося с собой раненных. Узнав от горцев о разорении аула на родине и о сборе отряда при форге Навагинском, убыхи поспешили домой, не выполнив и второй задачи похода: на обратном пути пройти через территории садзов[2].

В конце июня 1852 г. жители Ахчипсоу и Аибга составили отряд в 300 чел. с намерением напасть на имение Каца Маан и, если удастся, на дом владетеля в сел. Лыхны. В связи с этим военное командование вынуждено было отправить в Бзыбскую Абхазию дополнительные силы. В середине июля ахчипсаа снова готовятся к выступлению, на этот раз – для разорения имения кн. Дм. Шервашидзе в окрестности Сухума. Но и в данном случае находя везде готовую встречу, они вынуждены были опять отказаться от своего решения.

В это время в Дале и Цабале усиливается движение, особенно в Дале. Все это благоприятствует убыхам, которые тем временем готовились соединить свои силы под властью Магомета Амина, располагавшего также частью сил абадзахов[3].

Мухаммед-Эмин, «благодаря своей необычайной напряженной и кипучей деятельности»[4], как раз в это время у убыхов вводит систему общественного устройства, «какую Шамиль ввел в

[1] ЦГВИА, ВУА, д. 35-692, лл. 54-63.

[2] Приказ кн. Воронцова по Отдельному кавказ. корпусу от 15 марта 1852 г. // АКАК, т. X, ч. II. – С.. 537.

[3] Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 1 августа 1852 г. «О нападении жителей Ахчипсоу и Аибга и убыхов под руководством Магомет Амина на Абхазию». // ЦГВИА, ВУА, д. 35- 692, лл. 105-108.

[4] Щербина Ф. Указ. соч., т. II. – С. 547.

Дагестане»[1], и старается распространить ее и над другими племенами Западного Кавказа[2]. К концу лета 1852 г. кроме абадзахов, ему уже подчинилась к северу от земли убыхов часть шапсугов до форта Лазаревки, а к югу – абхазские племена до владения Арыдба, на правом берегу р. Мзымта, и на остальные садзские общества наиб «также имеет виды»[3], из которых Арыдба[4] скоро призвали к себе Мухаммед-Эмина.

«Нельзя предвидеть, – писал адмирал Л. М. Серебряков, – к чему может повести пребывание наиба между убыхами, но должно быть готовыми на все и, особенно на защиту Абхазии от властолюбивых его замыслов. Обстоятельства могут потребовать сбора значительного числа абхазской милиции и вызвать мигрельскую милицию»[5].

Царское командование перебрасывает значительные силы в укрепление св. Духа в долине р. Мзымта. Мухаммед-Эмин в свою очередь стремится прочно укрепиться на территории садзов. Он располагал 3 тыс. отрядом. В первой половине сентября 1852 г. состоялась ожесточенная борьба из-за Садзын (Джикетии). Убыхи, встретив сравнительно слабое сопротивление на нижнем течении р. Мзымта, прорвались в край. Арыдба пропустили их через свою территорию, присягнули наибу и присоединили к нему свою милицию. Отдельные конные части местами переходят через Мзымту. Наибу присягнули и Цвиджаа (Цужу)[6]. Но в верхней части земли садзов, где были сосредоточены значительные силы, путь убыхам был прегражден. Наиб вынужден был отступить[7].

(...)[8*] «Для защиты джигетов от Магомета Амина и убыхов, – доносил адм. Серебряков кн. Воронцову, – я сделал все, что от меня

[1] Письмо И. Колюбакина кн. Мих. Шервашидзе от 1 августа 1852 г.// ЦГВИА, ВУА, Д. 35-692, лл. 105-108.

[2] Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 4 сентября 1852 г. //Там же, лл. 115-122.

[3] Там же.

[4] Арыдба (Аредба, Аредбай) – садзские князя владения кот. находились между реками Мзымта и Хоста на берегу Черного моря до границы с убыхами.

[5] Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 1 августа 1852 г.// ЦГВИА, ВУА, д. 35-692, лл. 105-108.

[6] Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 4 сентября 1852 г. //Там же, лл. 115-122.

[7] Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 10 октября 1852 г. // Там же, лл. 155-165.

[8] * В рукописи отсутствует одна страница.

зависло». Далее начальник Черноморской береговой линии констатировал, что «джигеты ни одного раза не оказали почти никакого сопротивления неприятелю»[1].

В ноябре 1852 г. Мухаммед-Эмин направился к прибрежним шапсугам. Арыдба и Ацанба отправляют ему всадников[2].

В связи с таким положением, у кавказского командования зарождается план «о необходимости произвести сильную диверсию в Закавказском крае, для отвлечения мятежных горцев от Абхазии»[3].

Таким образом, освободительная война, развивавшаяся под флагом газавата уже давно перешла этнографические границы Абхазии и бушевала непосредственно на ее северо-западной политической границе, находя свое яркое отражение внутри страны. Идеи освободительной борьбы настолько глубоко пускают свои корни и в Абхазии, что они прекрасно запечатлелись не только в документальном, но и в фольклорном материале.

Особенно героическая народная поэзия хорошо знает газават, в его почти идентичной форме – казаут[4]. «Казаутная война» (казаут) тема многих песен этого жанра. Например, в песне о Пшкиач-Ипа Манча говорится: Когда храбрый апыза[5] Манча отступая от превосходившего противника, подошел к границе, дальше которой он уже не должен был сделать ни шагу, левая нога его была пронизана семью пулями, правая – взывала казаут! Когда враги напали на местность Джмарынцвара, герой Даур Ачба – сломленную правую руку держал на перевязи, левой рукой взывал казаут! Иногда священный казаут призывает героя на подвиг даже при полной физической невозможности. Очень часто в песнях и сказаниях, особенно фрагментарных, встречается сюжет: витязь с отсеченной головой, но с не покоряющим туловищем, взывающем – «казаут»! и т. п.[6].

[1] Рапорт адм. Серебрякова кн. Воронцову от 10 октября 1852 г. //Там же, лл. 155-165; Газ. «Кавказ», №71, 15 ноября 1852 г.

[2] Донесение адм. Серебрякова кн. Воронцову от 10 ноября 1852 г. // ЦГВИА, ВУА, д. 35-692, лл. 167-174.

[3] Рапорт кн. Долгорукова кн. Воронцову от 6 сентября 1853 г. // АКАК, т., Х. ч. II. – С. 626.

[4] Абхазский «казаут» сходен с кабардинским «казаут».

[5] Апыза, ацыза – предводитель войска, вождь.

[6] В фольклорном фонде Абхазского научно-исследовательского Института им. акад. Н. Я. Марра Акад. наук Груз. ССР о казауте имеется интересный матери-

И сейчас еще старики говорят как о недавнем времени, а для некоторых и при их жизни, когда «народы воевали казаутом». При этом характерно, что иногда территорией этих сражений являются районы северо-западного Кавказа и равнины Кубина (Кубани), встречаются и такие топонимические названия, которые заставляют искать места отдельных событий в областях Восточного Кавказа – родины газавата.

Началась Крымская воина. Еще накануне, летом 1853 года, царское командование, опасаясь всеобщего восстания в Абхазии, спешно укрепляет Сухум и усиливает свои гарнизоны по всей территории Абхазии. «Положение наше в Абхазии в военном отношении весьма неудовлетворительно», – писал адмирал Серебряков в 1852 г., т. е. спустя 42 года после официального присоединения Абхазии к России.

Уже в начале 1854 г. царское командование ставит вопрос об эвакуации гарнизонов Черноморской береговой линии. Это было вызвано не только обстоятельством господства неприятельского флота на Черноморском бассейне. Царское правительство боялось еще всеобщего восстания горских народов, в частности, активизации деятельности Мухаммед-Эмина.

Наместник Кавказа Воронцов в инструкции, данной им ген. Реаду в марте 1854 г., прямо предупреждал, что «одно поле для действий и возможных успехов Мухаммед-Эмина остается на южном покате гор со стороны Черного моря и особенно Абхазии... У часть Абхазии также связана с положением нашим на Черном море...»[1]. И гарнизоны, расположенные на территории Абхазии, за исключением Гагринского, по суше были направлены в Мегрелию для усиления Гурийского отряда. Но это движение происходит буквально с боем. Что же касается Гагринского гарнизона, который решено было на некоторое время оставить на месте «для прикрытия Абхазии от вторжения горцев», скоро он оказался обложенным отрядами Мухаммед-Эмина, его еле-еле спас большой

ал, собранный в результате долголетних научных экспедиций. В настоящее время над сбором нового материала об абхазской народной поэзии и казауте и над их научным изучением специально работает старший научный сотрудник института, кандидат филологических наук Б. В. Шинкуба.

[1] АКАК, т. X, ч. I. – С. 94.

военный пароход «Св. Иоанн», пришедший к нему на помощь из Керчи 20 апреля[1].

После окончания войны, осенью 1856 г. царские войска снова заняли Абхазию, а в 1857 г. и все Черноморское побережье. Возобновилась «Кавказская война». Уже весной 1857 г. начинается ожесточенная борьба из-за Гагр. Еще в мае 1856 г. ген.-адъют. кн. Барятинский писал, что Гагринский пункт необходимо возобновить и укрепить «прежде всего, чтобы замкнуть убыхам ворота для вторжения в Абхазию, так как гагринское ущелье служит им единственным удобным для сего путем...»[2]. При этом предполагалось еще устроить укрепление на р. Бзыбь, которое, в случае падения Гагр, могло бы «защищать Абхазию от горцев»[3]. Уже 1 апреля 1857 г. убыхи совместно с садзами совершают набег на владение князей Инал-ипа в сел. Калдахвара[4]. В мае они атакуют десантный отряд царских войск, занявший бывшее Гагринское укрепление. В первых числах июня того же года около Адлера состоялся сбор пятитысячного отряда. Руководство над этим сбором приняли на себя Хаджи-Керентух-Берзека и Баракай-ипа Измаил Дзиаш (Дзейш). Последний доставил даже 3 небольших медных орудия. Однако эти приготовления были расстроены одним обстоятельством. В конце мая племянник Хаджи-Ксрентух-Берзека, называемый «меньшой Хаджи-Берзек», тайно поехал в Сухум, столковался с кн. Дм. Шервашидзе, и явился к Кутаисскому генерал-губернатору кн. Гагарину и обещал «при благоприятных обстоятельствах служить усердно» царскому правительству. Это «возбудило крайнее негодование на всех Берзеков». Для наказания изменника Хаджи-Берзека «скопище отправилось грабить его имущество, что и было исполнено». Затем никакого согласия уже восстановить было невозможно, и повстанцы окончательно разошлись по домам, «оставив предприятие на Гагры не исполненным»[5].

[1] Мачавариани К. Указ. соч. – С. 278-279.

[2] Записка ген. – адъют. кн. Барятинского о новом устройстве восточного берега Черного моря от 25 мая 1856 г. // АКАК, т. XII, ч. II. – С. 693.

[3] Записка Обер-кварт. Отдельного Кавказ, корпуса ген-м. Карлгофа от 23 декабря 1856 г. // Там же. – С. 709.

[4] ЦГВИА, ВУА, д. 6668, л. 4.

[5] Журнал происшествий в Кутаисском генерал-губернаторстве по 15 июля 1857 года.// ЦГВИА, ВУА, д. 6668, л. 30.

Под влиянием убыхов росло повстанческое движение у западных абхазских племен, особенно – у садзов, активизировались абреки в Абхазии, пламя восстания разгоралось в Дале[1]. Генерал Гагарин, доказывая необходимость сосредоточения 1300 чел. пехоты на мысе Пицунда, писал: «В последнее время число недовольных настоящим порядком вещей в Абхазии значительно увеличилось в Бзыбском округе, и они могут, соединяясь с горцами, произвести большие беспорядки в Абхазии»[2].

В 1858 г. Мухаммед-Эмин снова прибыл к убыхам, и «стал вводить у них народные суды и убеждать племена северо-восточного берега Черного моря соединиться в одно целое»[3]. Владетель Абхазии не замедлил принять меры противодействия, так как он «видел ясно, что упрочение власти Магомет-Амина произойдет в ущерб его собственному влиянию. Владетель убеждает горцев «остерегаться Наиба, не принимать его»[4]. Скоро Мухаммед-Эмин ушел обратно[5].

В результате «твердого курса» – решительного наступления царизма на Кавказе, в 1859 г. Шамиль вынужден был сложить оружие. 25 августа 1859 г. Главнокомандующий и наместник Кавказа кн. Барятинский восторженно донес Александру II: «Гуниб взят. Шамиль в плену и отправлен в Петербург». Пленением Шамиля заканчивается завоевание восточной части Кавказа.

До тех пор пока держался Шамиль, Мухаммед-Эмин одерживал победы, но после пленения «великого демократа Шамиль-бея» (К. Маркс) царские войска кольцом окружают Мухаммед-Эмина. Внутренняя борьба с местным «вождем» шапсугским князем Сефербеем, ставленником султанской Турции, крайне ослабила боевую силу западнокавказских племен. Население было истощено войной. Большинство аулов было сожжено и разграблено. Были отняты лучшие земли.

Мухаммед-Эмин вскоре после падения Шамиля вынужден был сдаться – 20 ноября 1859 г. присягнул вместе с абдзахами на «верноподданство» российскому царю[1]. Но и после этого Кавказская война далеко еще не была закончена. Разрозненные горские племена вели еще почти пять лет упорную борьбу с царизмом, оказывая ему героическое сопротивление. Однако, конец Шамиля был сигналом к решительному наступлению на Западном Кавказе. Против горцев было сосредоточено 70 батальонов, драгунская дивизия, 20 казачьих полков и 100 орудий[2].

Генерал Евдокимов, командующий войсками вновь образованной Кубанской области, начал наступление на абадзехов и шапсугов. Царские войска со стороны последних встречают героическое сопротивление. Тем временем убыхи и абхазские племена усиливают свои нападения на царские гарнизоны на побережье. Вот что писал Кутаисский генерал-губернатор ген. – л. кн. Эристов в своем рапорте кн. Барятинскому от 19 марта 1860 г.: Убыхи и абхазские племена «беспрестанно появляются на высотах, прилегающих к укр. Гаграм, и, как видно, следят за действиями гарнизона с намерением воспользоваться малейшей нашей оплошностью. ...Воинский начальник укр. Гагр доносит, что в Сочи горцы снаряжают до двадцати пяти галер, или когерм, с целью сделать десант между Гаграми и Пицундою... Снаряжение убыхами значительного числа когерм может быть весьма опасно для наших коммерческих парусных судов, тем более, что бывали и прежде примеры, что убыхи захватывали наши купеческие суда и предпринимали дерзкие и весьма отважные набеги на берега Абхазии и часто с большим успехом»[3]. «Убыхи, джигеты, псхувцы и другие враждебные нам племена замышляют, как слышно, нападение на укр. Гагры или на Пицунду. Гарнизоны этих укреплений усилены», – доносил команд. Кавказской армии ген. – адъют. кн. Орбелиани воен. министру ген. – адъют. Сухозанету от 20 августа 1860 г.[4]

Общее положение царизма в Абхазии так характеризовал ген.-м. Лорис-Меликов в своем рапорте кн. Орбелиани от 12 августа 1858 г.: «Мы заняли Сухум в 1810 году. С того времени прошло уже полстолетия и надо сознаться, что влияние наше в Абхазии нисколько не увеличилось, что, действительно, как выразился ген.-л.

---

[1] Фадеев А. Указ. соч. – С. 172.

[2] Журнал происшествий в Кутаисском генерал-губернаторстве по 15 июля 1857 г. // ЦГВИА, ВУА, д. 6668, л. 33.

[3] ЦГИА Груз. ССР, ф. АКАК., д. XXVI. лл. 6-20.

[4] Там же.

[5] Там же.

[1] Щербина Ф. Указ. соч., т. II. – С. 555.

[2] История СССР, т. II. – С. 289.

[3] АКАК, т. XII, ч. II. – С. 843.

[4] Там же. – С. 861.

Филипсон[1] мы не владеем, а только занимаем ее. Даже кажется вернее предположить, что это занятие в настоящее время менее прочно, чем было прежде...»[2].

В августе 1860 г. кавказское командование решило покончить с Псху, который в это время становится центром абреческого движения, создавая угрозу в тылу царских сил в Абхазии. В середине августа в Псху был двинут «усиленный отряд». Поход длился 7 дней. Тем временем на помощь к псхувцам приходят убыхи и побережные садзы, а также ахчипсаа и аибгаа. Повсюду строятся завалы. На высотах и по долинам Грыбза завязывается ожесточенная борьба, которая местами переходит в «отчаянный рукопашный бой». Между тем командование устраивает ложное движение на побережье, занятое убыхами и садзами, «могущих идти на помощь к псхувцам». Однако этот маневр не отвлек внимания тех и других от борьбы, развернувшейся в Псху. Но силы были слишком неравные, и 17 августа 1860 г. «усиленный русский отряд» сломил сопротивление повстанцев, занял долину Грыбза[3].

Став перед лицом исключительной опасности в начале 60-х гг., трудовые массы убыхов, шапсугов и абдзахов пытаются, еще больше сплотиться. Ярким показателем этого является «съезд выборных старшин», созванный по инициативе убыхов 13 июня 1861 г. в долине р. Сочи, на котором были приняты важные решения: о создании знаменитого меджлиса – «великого и свободного заседания» и проч.[4], т. е. здесь была принята конституция. Однако убыхская конституция 1861г. – это лишь проект социальной реформы, которую пытались осуществить вожди убыхкого крестьянства. Убыхско-адыгейский меджлис делает попытки преодолеть племенную

[1] Ген.-л. Филипсон, командующий в то время войсками «правого крыла кавказской линии», в своем письме нач-ку Главного штаба Кавказ, армии ген.-м. Милютину от 13 мая 1858 г. писал: «...положение Абхазии не изменилось к лучшему... также точно наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен... Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею. В случае повторения несчастных событий 1854- 1856 годов, мы опять потеряем эту область...». АКАК, т. XII, ч. II. – С. 776.

[2] АКАК, т. XII, ч. II. – С. 791-792.

[3] Отношение Орбелиани Сухозанету от 20 августа 1860 г. // АКАК, т. XII, ч. II. – С. 861.

[4] ЦГВИА, оп. 286, св. 233, д. 12а, лл. 21-22.

разобщенность и разрозненность выступлений и прибегает к единственному в его руках средству – к лозунгу газавата, а также делает попытку апеллировать к мировой общественности.

Между прочим, царское правительство не без основания подозревало абхазского владетеля Михаила Шервашидзе в том, что мысль о новом союзе между убыхами, шапсугами и абадзахами «была внушена» им, хотя он, несомненно, имел большие заслуги в стремлении царизма подчинить себе как эти, так и абхазские племена. Эту «скрытую позицию» владетеля царские правители объясняли стремлением его «отдалить развязку борьбы» царизма с горцами, чтобы сохранить собственную власть[1].

В сведениях о Михаиле Шервашидзе и вообще о положении дел в Абхазии со времени Крымской войны, составленных в канцелярии начальника Главного штаба Кавказской армии в марте 1863 г. мы читаем: все князья Шервашидзе «уверены в том, что непосредственно вслед за подчинением России земель окружающих Абхазию, значение их и почет, коим они пользуются от нашего правительства, должны будут прекратиться. Убеждения эти до того вкоренились в Шервашидзевых, что всякое старание уверить их в противном сопряжено было с огромными затруднениями или оказалось невозможным»[2].

Хаджи-Берзек, который вместе с другими представителями племенной знати в качестве депутата прибыл в Тифлис осенью 1861 г., пытаясь выслужиться «приведением к покорности» своих «подвластных», прямо заявил кн. Орбелиани, что «Союз убыхи, шапсуги и абадзехи заключили по совету владетеля»[3]. Так ли это было, сказать трудно. Но и нечего невероятного в этом не было. Не приходится сомневаться в том, что Михаил Шервашидзе не был заинтересован в окончательном торжестве царизма и на Западном Кавказе, с чем он не мог не связывать ликвидацию и своей политической власти. Во всяком случае, абхазский владетель имел значительное влияние на северо-западном Кавказе, в частности и, пожалуй, особенно –

[1] Всеподаннейшая записка управляющ. военного министерства ген. – адъют. Милютина от 29 августа 1861 г. // АКАК, т. XII, ч. II. – С. 933.

[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. АКАК. д. XXVI, лл. 6-20.

[3] Отношение ген.-адъют. кн. Орбелиани ген. – адъют. Милютину от 7 октября 1861 г. // АКАК, XII, ч. II. – С. 934.

в Убыхии. Михаил Шервашидзе, по обычаю края, воспитывался в доме Хаджи-Берзека, где жил до 9 летнего возраста и, таким образом, являлся его названным сыном, и получил прекрасное «горское образование».

«Владетель Абхазии – воспитанник убыхов, – писал ген.м. Лорис-Меликов, – пользуется в этом племени популярностью и влиянием совершенно исключительным. Что он у убыхов сильнее Магомет-Амина и прочих проповедников, в этом нет сомнения...»[1]. Заметим также, что владетель первым браком (в 1831 г.) был женат на дочери садзского кн. Беслангура Арыдба[2], воспитанной у его матери Тамары Кациевны Дадиани[3].

6 марта 1864 г. убыхи прекратили сопротивление. В апреле того же года было сломлено последнее сопротивление горных абхазских племен – ахчипсаа и псхуаа, и 21 мая из урочища Губаадвы в верховьях реки Мзымта приемник Барятинского вел. кн. Михаил отправил в Петербург донесение об «окончании Кавказской войны».

Укрепляясь на Кавказе, царизм прибегал к жесточайшим мерам: выселял горское население с территории Западного Кавказа – из родины, во имя которой они с люльки получали соответствующее военное и моральное воспитание, родины, которая была обильно орошена кровью поколений. Злополучный 1864 г. – год официального покорения Кавказа был позади.

«Теперь, – писал один из великодержавных авторов «Очерков покорения Кавказа», – когда умолкли шум и азарт отчаянной борьбы, когда наша власть на Кавказе вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага, честно защищавшего свою родину и свою свободу до полного истощения сил»[4].

Из всего сказанного выше ясно видно насколько было глубоко ошибочными утверждения М. Н. Покровского, который писал, что:

[1] Записка ген.-м. Лорис-Меликова от 3 октября 1858 г. // АКАК т. XII, ч. II. – С. 796.

[2] Записка ген. Раевского, Январь 1840 г. // АКАК, т. XI, ч. I. – С. 180.

[3] АКАК, т. VIII. – С. 451-452.

[4] Цит. по предисловию Правления Общества изучения Адыгейской автономной области и Адыгского областного историко-этнографического музея к труду А. Фонвиля – «Последний год войны Черкессии за независимость 1863-1864 гг». Краснодар, 1927. – С. 4.

1. Западные горцы, охваченные царскими войсками с двух сторон – Кавказской линией и Кубанью и Черноморской вдоль морского берега – не могли «вести сопротивление сколько нибудь продолжительное время»;

2. «Завоевание замедлялось, главным образом, наличностью помощи со стороны Турции... Крымская воина заставила даже на время вовсе бросить Черноморскую береговую линию, т е. выпустить черкесов из русских тисков» (подчеркнута мной – Г. Д.)[1].

М. Н. Покровский также был не прав; когда говорил, что пять лет после 1859 г., т. е. в 1864 г. «прекращается борьба и на Западном Кавказе»[2].

Вот сжато, какой в основном характер носили те беспрерывные убыхские «нападения» на Абхазию в XIX в., о которых писал С. Званба. Подобные общения между убыхами и абхазами только определенного круга верхушки этих народов, так или иначе перешедших на сторону российского самодержавия могли быть лишь «приключенческими» и «грабительскими». Причем, сказанное выше в опровержении этого утверждения – это еще только одностороннее освещение абхазо-убыхских отношении и связей. Последние были гораздо шире, вытекавшими и из того фактора, что оба эти составляли родную среду.

Убыхи, будучи третьей независимой этнической единицей на Западном Кавказе, занимали, как писал академик Н. Я. Марр «по своей природе место промежуточное между абхазским и адыгейским» языками[3]. Об этом ясно говорили и академики П. К. Услар[4] и С. Н. Джанашиа[5], а также профессоры А. Н. Генко[6] А М. Дирр[7] и М. И. Артамонов[8] и др.

[1] Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М. 1923. – С. 229.

[2] Там же. – С. 214.

[3] Марр Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык. // «О языке и истории абхазов». М.-Л. , 1938. – С. 135, 142. См. так же его же. Племенной состав населения Кавказа. Пг. 1920. – С. 44.

[4] Услар П. К. О языке убыхов. «Этнография Кавказа». Тифлис. 1887.

[5] Джанашиа С.Н. «Материалы по истории Грузии и Кавказа». Тб. 1940. Вып.3. (на груз.яз.).

[6] Генко А. Н. О языке убыхов. «Известия Академии наук СССР», отд. гуманитар. наук, Ленинград, 1928 г.

[7] Дирр А. Язык убыхов. // Журнал «Кавказ». Лейпциг. 1927. (на нем яз.)

[8] История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Рукопись. Часть I. – С. 1. на правах рукописи, М.-Л., 1939 г. ч. IV. – С. 786.

П. К. Услару, которому посчастливилось, хотя и на очень короткое время, непосредственно изучать живой язык убыхов, так и писал – убыхский язык является «промежуточным между обоими» т е абхазским и адыгейским языками. А Ад. Дирр, который также изучал хотя уже совершенно исчезавший, убыхский язык в Турции, писал, что язык убыхов «занимает промежуточное место между абхазским и черкесским языками в широком смысле»[1]. Об этом догадывались И. А. Гюльденштедт и Георг Розен.

Мимоходом заметим, еще, что в изучении этой проблемы исследователи привлекали лишь лингвистический материал и подходили к нему прежде всего с точки зрения лингвистики. Авторы мало обращались к историческому материалу и почти совершенно – к материалам многих областей духовной культуры обоих народов. А между тем, данные этого порядка не говоря уже об исторических разумеется, главным образом у абхазов – по причине большего их сохранения, в интересующем вопросе являются очень важным источником, и достаточно богаты.

Укажем также, что, например, абхазский фольклор между убыхами и абхазами знает не только вражду, но и высокую дружбу того и другого народов, которую, идея совместной борьбы за одинаковые и притом возвышенные цели делали еще более прочной и той реальной силой, которая выдержала столько тяжких испытаний.

Сухум, 1945 – 1947 гг.

[1] Дирр А. Язык убыхов, перевод с немецкого И. М. Ферма.

ОБ ИЛОРСКОМ СВЯТИЛИЩЕ[1*]

(В связи со статьей Соломона Званба «Обряд жертвоприношения святому Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами»).

Абхазский этнограф Соломон Теймуркович Званба (1809–1855) в 1852 году в газете «Кавказ» (№ 90) опубликовал статью «Обряд жертвоприношения святому Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами». В ней автор задался целью описать лишь обряд, связанный с жертвоприношением в честь Георгия Илорского, что выполнено им с несомненным знанием этого обряда.

Однако неточным является утверждение автора, что жертвоприношение св. Георгию совершалось каждым абхазом. Правда, Илорский храм[2] или Елырныха[3] как называют его абхазы, пользовался особой известностью. Обычай совершать жертвоприношения св. Георгию соблюдался населением почти без различия вероисповедания. Но Илорский храм был лишь одним из известных центров религиозной жизни. В Абхазии он непосредственно почитался

[1] * Дзидзария Г. А. Труды. Книга третья. – Сухум, 2006. – С. 142–148.

[2] Илорский храм находится в 4 км. к востоку от гор. Очамчира. Дата его основания, предположительно, относится к XIII–XIV вв. Он неоднократно подвергался реставрации. Построенный из цементированного известковым раствором булыжника, храм имеет прямоугольную форму, прикрыт двухскатной крышей, с фронтонами на запад и на восток. На западной стороне имеется орнаментированное окно. Южный вход отделан специальным портиком, а перед западным пристроен длинный притвор. С севера имеется еще придел. На внутренних стенах храма сохранились фрагменты древней росписи. Каменная ограда храма была исправлена в XIX в.

[3] Аныха – икона, святыня, священное место.

в Абжуйской (современный Очамчирский р-н) и Самурзаканской (современный Галский р-н) частях.

Илорский храм возник, по всей вероятности, на том же самом месте, которое считалось жилищем какого-то языческого божества[1]. Мы имеем такое явление, когда христианские «святыни» оказываются преемниками и двойниками первобытных языческих божеств и от своей христианской природы мало что удерживают. Как правило, христианские храмы воздвигались именно на этих «священных» местах, в том числе и в Илори, как на привычных для населения местах молений, к которым и перешло, как бы по наследству, все религиозное поклонение, каким было окружено место языческого культа[2].

Этим, вероятно, и объясняется тот любопытный факт, что многие «святыни» в Абхазии (Илори, Дыдрыпшь, Пицунда и др.) одинаково почитались населением различных вероисповеданий, как в ряде случаев одинаково почитались и праздники, связанные с различными религиями. Вообще массам населения Абхазии всегда был чужд религиозный фанатизм, они довольно безразлично относились к официальной религиозной обрядности и т. д.

Но, в то же время, наличие у абхазов христианских «святынь» в качестве божеств говорит о том, пусть чисто внешнем, формальном, но все же бесспорном христианско-церковном влиянии на абхазов, которое имело место в определенную историческую эпоху[3]. Многие христианские обряды просто перешли в обычай. Происходит «отложение» христианской религии в народных верованиях.

[1] В Абхазии, кроме Илорской «святыни», известны: в сел. Лыхны – Лыхных, в сел. Лдзаа (Пицунда) – Лдзаа-ныха), в сел. Ачандара – Аныпсныха (Дыдрипшныха. – ред.), в сел. Аацы – Аиргьныха, в сел. Блабурхва – Лапырныха, в сел. Джирхва – Чугурныха и др. По отношению к ним соблюдались почти аналогичные обряды, описываемые С.Званба в рассматриваемой статье. О Лыхныхе следует еще сказать, что здесь, кроме того, делалось (в честь божьей матери) особое пожертвование, причем, исключительно фамилией Шакрыл. Оно совершалось внутри ограды церкви (где в земле был зарыт 25-ведерный кувшин, заранее наполнявшийся виноградным вином) в первый день пасхи поутру.

[2] Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии абхазов. Рукопись хранится в отделе рукописей библиотеки АбНИИ.

[3] Абазги приняли христианство в конце 20 или начале 30-х гг. VI в., а по одному источнику – конкретно в 529 г., апсилы – еще раньше (акад. С. Н. Джанашиа. Абхазия в пределах Колхидского царства. Рук.)

Божество Елырныха абхазы представляли в виде огненной змеи или огненного шара, как и все другие, подобные ему, «святыни», за которых принимали обыкновенные падающие метеоры. По преданию, «перелеты святынь» (аныха мœасоит) случались при посещении ими друг друга (аныха еиҿцааусит). В этом факте мы имеем определенное проявление космогонических воззрений, столь богато представленных у абхазов.

В 1948 году в селении Пакуашь Очамчирского района, Багратом Шинкуба был зафиксирован еще один, до сих пор неизвестный и весьма любопытный вариант предания об Елырныха, в котором орел олицетворяет Илорскую икону[1]. Заметим, абхазы еще определенно не знали, что за «святыня» Елырныха, однако существовала уверенность, что она – могущественная сила, карающая всякую несправедливость и являющаяся как бы божеством справедливости. Поэтому в Абхазии население Абжуйской и Самурзаканской частей, где Илорская церковь была общепризнанной «святыней», по всем важным делам приносило в Илори очистительную присягу. В связи с этим заслуживает внимания одна легенда, по которой некогда в церкви висели золотые «весы правосудия». Тяжущиеся становились под чашами весов, и она опускалось над головой правого[2]. Вообще с Илорской «святыней» связывается много легенд.

Любопытна еще одна очень распространенная легенда, в которой говорится, что накануне храмового праздника[3], ночью, в запертой ограде Илорского храма появлялся бык, которого затем торжественно приносили в жертву. Таким образом, божество (или

[1] Архив АбНИИ, отдел языка и литературы.

[2] Н. С. Джанашиа сообщает записанную им со слов Бирама Тхазоу и Сеита Жвания следующую легенду о «чудесах» Илорской «святыни»: «... Какой-то нечестный абхаз решился обмануть великую Илорскую икону. Он должен был своему соседу сто рублей и не возвратил; тот пожаловался. Они отправились в Илор. Когда предстали перед «иконой», должник передал свой посох, в который вложено было сто рублей, своему кредитору. Чаша весов наклонилось над должником, и тем оправдал его. Он взял свой посох обратно и вышел из церкви. Илорская «икона» обиделась и наказала нас всех из-за мошенничества одного абхаза: весы правосудия, раз и навсегда взяты «иконой» на небо. Джанашия Н. Религиозные верования абхазов. Сухум. 1915. – С. 93.

[3] Храмовой праздник в Илори (день св. Георгия. – ред.) – 23 апреля и 10 ноября ст. стиля. В эти дни собирались много народу из разных мест Абхазии, а также Мегрелии, Гурии и Имеретии.

святой) само добывало для себя жертвенное животное, которое само приходило, чтобы быть принесенным в жертву, самопоявляющийся жертвенный бык.

Бык этот, как и орел, олицетворяющий иногда Илорскую «святыню», возможно, тотем, как полагал покойный профессор А. Н. Грен, нечто вроде египетского священного быка Аписа[1], имевшего свой храм в Мемфисе.

После христианизации илорского святилища верх взял культ св. Георгия, но в народной памяти, пусть в легендарной форме, сохраняется пережиток культа быка. Таким образом, здесь мы как раз имеем образец того, как на древнеязыческое суеверие легло христианское.

Думается, находка бронзовых фигур быков на территории Абхазии, явно культового значения, что говорит в пользу указанного предположения. Таковы, например, найденная статуэтка быка в сел. Абгархук Гудаутского района[2], бронзовые фигурки быков на поясных конических бляхах, найденные в поселке Аагста сел. Мугудзырхава того же Гудаутского района[3] и т. д.

Говоря о быке, как об одном из тотемных животных у абхазов, следует заметить, что образ этого животного очень часто фигурирует во многих сказаниях, с его именем неразрывно связаны и некоторые верования[4]. Вообще в мифологии абхазов бык играет большую роль[5].

Кроме того, среди имен животных, входящих в название некоторых абхазских фамилий, мы встречаем быка, что опять-таки указывает на его тотемное значение[6]. Не последнее место занимают и данные топонимики[7].

[1] Грен А. Н. Абхазская мифология. Рукопись. – С. 3–4.

[2] Иващенко М. М. Материалы к изучению культуры колхов. // «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. II. Тбилиси. 1941. – С. 46.

[3] Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. // «Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа», табл. IV. Л. 1941.

[4] Интересно отметить, что на охотничьем языке абхазов старейший называется (ацәымш), что в буквальном переводе, возможно, означает «бык счастливый».

[5] Бык очень часто выступает как священное животное, или как символ добра и справедливости и как основная производительная сила. В эпических сказаниях абхазов о нартах бык является одним из любимейших животных и т. д.

6 Например, в составе фамилий Цәышба (Цушба), Цәеиба, (Цвейба), надо думать, налицо ацә (а-цв) – бык.

[7] Например, в Гудаутском районе встречаются: речки под названием Цәкәара (Цвкуара) – «бычья речка» (в 11 км по шоссе от г. Гудаута в сторону Сухума; в сел. Звандрипш между поселками Баалырхва и Алахашхуа) и родники под названием Ацәзы (Ацвдзы) – «бычья вода» (в сел. Дурипш в поселке Тванаархук; в сел. Отхара на пути к горам и т. д.).

Вообще же надо сказать, что тотемические воззрения и обычаи, возникшие в связи с ними, имели очень широкое распространение среди абхазов. В ряде случаев можно видеть отголоски прежних воззрений, указывающих на тотемические связи между человеком и растениями, животными и т. д.[1].

Теперь несколько слов об Аиргь – одном из главных и, по-видимому, древнейших божеств абхазов, которое упоминается в разбираемой статье С. Званба. До сих пор в литературе нет единого мнения об этом божестве. Некоторые склонны соединить Аиргь с божеством молнии и грозы – Афы, которые иногда и заменяют друг друга[2].

А. Введенский божество Аиргь определяет как бога воров и разбойников, что является односторонним и потому неверным, а между тем оно было подхвачено многими авторами[3].

Действительно, Аиргь в известной мере сближается как с Ажвепшаа, так и с Афы, которые иногда в понятиях людей даже смешиваются, выполняя одинаковые функции. Но Аиргь все же имеет свое самостоятельное значение. Д. И. Гулиа совершенно правильно разграничивает указанные божества, приходя к выводу, что «единственным» подлинным и древним языческим именем абхазского бога охоты надо признать «Ажвепшаа»[4].

В народных сказаниях и особенно в «Аиргьашәа» («Песне об Аиргь») и «Песне Ажвепшаа», Аиргь и Ажвепшаа выступают вместе, но противостоят друг другу как самостоятельные божества, и часто наделены различными функциями. В одном из вариантов песен об Аиргь в хвалебном отзыве о выдающемся охотнике передается: «кому дали палку раньше Аиргь, и раньше Ажвепшаа – печень».

[1] Факты такого рода довольно многочисленны. Однако, это интересное явление из прошлого абхазского быта почти совершенно не отмечено в литературе. Первые шаги в заполнении этого пробела были предприняты покойным проф. Чурсиным, рукопись которого («Материалы по этнографии абхазов») содержит значительный материал о тотемических обычаях и воззрениях абхазов (С. 216–228).

[2] СМОМПК. вып. 44. – С. 22.

[3] Чурсин Г. Ф. Указ. рук. – С. 166.

[4] Гулиа Д.И. Божество охоты и охотничий язык у абхазов. Соб. соч. т. 6. – С. 6.

В охотничьей песне «Дад Иуана» (Ажәеицшьаа рашәа) и в некоторых вариантах песен об Аиргь говорится: дочь Аиргьов[1] и невестка Ажвепшаа (или наоборот).

В других случаях, где также идет противопоставление этих двух божеств и, вместе с тем, более или менее четкое выявление их основанных функций, Аиргь определенно выступает как покровитель оружия, храбрости, войны и путешествия. В песне «Мшхатхуа» отважный охотник у Аиргьа просит штык, а у Ажвеипшаа – 60 серн[2].

Аиргь обуславливает действия холодного оружия: по его воле тупой кинжал превращается в грозное оружие в руках того или иного человека[3]. В героической песне «Напха Кягуа» рассказывается, что, когда в момент решительной схватки с противником, у героя Киагуа ружье дало осечку, он даже палку превратил в шашку Аиргьа и перебил врагов.

В песне «Мсоуст, сын Шаратхуа» («Шарытҳәа ица Мсоуҵ») Аиргь ясно выступает как божество войны. В ней рассказывается, как перед походом Мсоуст выслушивает напутствие своей жены Ятыры, которая, воодушевляя мужа, говорит, что смерть на поле брани с афырхацвами (афырхацәа) – героями из героев, от пули, посланной Аиргьами, – счастливая смерть; и тогда друзья на руках торжественно принесут останки умершего домой[4].

И «Песня об Аиргь» (Аиргьашәа) иногда поется именно как торжественный, героический гимн (а не только как охотничья песня). Затем Аиргь, как и Афы, стреляет на небо и часто мечет стрелы.

Аиргь – покровитель во всех серьезных делах и предприятиях. Он помогает в путешествиях. От него зависит благополучие в пути. Отличного стрелка, выдающегося охотника называют Аиргь. Всякого сильного, ловкого, храброго человека также уподобляют Аиргь[5].

Вообще абхазы любят сравнивать своих любимых героев с Афы и Аиргь. Выдающийся герой именуется афырхаца (афырхаца) и афырпхус (афырцҳәыс), аиргьхаца (аиргьхаца) и аиргьрыпхус (аиргьрцҳәыс), что буквально означают: мужчины Афыов, мужчина Аиргьов; женщина Афыов, женщина Аиргьов.

Наконец, Аиргь, – как пишет Г. Ф. Чурсин, – абхазы представляют иногда в образе всадника. Это сообщение требует еще подтверждения новыми данными, и если оно окажется неопровержимым фактом, то не исключена возможность, что мы здесь имеем сближение образа Аиргь с известным изображением Георгия Победоносца.

Что же касается названия Аиргь, то существующие толкования на этот счет пока не решают вопроса. С. Званба, а за ним и ряд авторов название Аиргъ отождествляет с Георгием, выведя из абхазской транскрипции последнего – (Гиаргь). Другие же возражают против такого объяснения. Во всяком случае, несомненно то, что древнейшее языческое божество Аиргь гораздо старше христианского Георгия. Если между изображениями Аиргь и Георгия в образе всадника имеется какая-нибудь связь, то подобное представление, как это бывает очень часто, могло сложиться и в позднюю эпоху.

Следует еще указать и на тот факт, что Аиргь связывается не только с Илорской, но и с другими «святынями» (Аиргь – Аацныха[1], Аиргь – Лапырныха, Аиргь – Чугурныха).

1948 г.

---

[1] Аиргь, как Афы и Ажвепшаа, очень часто имеют форму множественного числа.

[2] Шинкуба Б.В. Абхазская народная поэзия. Рукопись, стр. 218. (на абх. яз.).

[3] Чурсин Г. Ф. Указ. рук. – С. 167.

[4] Шинкуба Б.В. Указ. рук. – С. 24–30.

[5] Чурсин Г. Ф. Указ. рук. – С. 167.

[1] Об Аиргь – Аацныха существует рассказ, что туры, и другие дикие животные будто бы сами приходили к святилищу, чтобы быть принесенными в жертву они «останавливались у святыни, как остолбенелые».

ВОССТАНИЕ 1866 ГОДА В АБХАЗИИ[1*]

ВВЕДЕНИЕ

1

Со времени изучаемого события истекает девятое десятилетие. Тем не менее слова Ф. Е. Махарадзе, сказанные им еще в 1933 году о том, что история абхазского восстания не изучена[2], справедливы и в настоящее время. Имеющуюся весьма ограниченную литературу по предмету данного исследования нельзя в целом считать сколько-нибудь удовлетворительной.

Между тем марксистская разработка истории этого движения – задача назревшая, имеющая актуальное научно- исследовательское значение.

Что же касается материалов, необходимых для указанной цели, то наши исторические архивы заключают в себе достаточно богатые и очень мало использованные источники. Они вполне позволяют поставить вопрос о специальном исследовании указанного события.

Восстание 1866 г. в Абхазии, как и ряд других подобных выступлений в Грузии и во всем Закавказье в XIX в., по своему характеру и целям являлось сложным, неоднородным по социальному составу движением.

Между восставшими крестьянами и теми князьями и дворянами, которые оказались с ними в одном лагере, имелись глубокие социальные противоречия, определявшие и различные цели тех и других. Группа феодалов принимала участие в восстании, стремясь

[1] * Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. – Сухуми, 1955.

[2] Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. Краткий исторический очерк. Заккнига, (Тифлис), 1933. – С 46.

использовать его в своих интересах, вернуть утраченные политические привилегии или, по крайней мере, сохранить существовавшие социальные права – власть над своими крестьянами и бесконтрольную их эксплуатацию. Вместе с тем, часть из них ориентировалась на Турцию, стремилась к отторжению Абхазии от России, к восстановлению и упрочению в Абхазии феодального княжества под покровительством султанской Турции, находившейся «на самой низкой и варварской стадии феодализма»[1]. Цель выступления указанных феодалов была реакционной, она в сущности сводилась, говоря словами И. В. Сталина, к «феодально-монархическому национализму»[2].

Крестьяне же на протяжении длительного периода времени вели борьбу и против русского царизма, и против собственных помещиков. В восстании 1866 г. они составляли его основную движущую силу на всех этапах. Выступление крестьян носило освободительный, прогрессивный характер, его целью было: освобождение от крепостнического гнета « эксплуатации со стороны царских чиновников и местных феодалов. Именно таким представляют сами крестьяне восстание 1866 г. Вот что рассказывает житель с. Лыхны Осман Джения, которому во время изучаемого события было около 30 лет: «...Долго терпел народ... Абхазские крестьяне не могли уже мириться с тем, что князья и помещики отнимали у них лучшие земли, заставляли работать на себя, издевались над ними. И крестьяне восстали»[3].

Однако восстание абхазского крестьянства в 1866 г. имело ряд слабых сторон. Речь идет не только об исторической обусловленности и ограниченности тех форм и методов борьбы, которые были присущи крестьянам. К известным, основным чертам крестьянских движений той исторической эпохи, когда еще не было налицо пролетарского руководства, здесь присоединились некоторые дополнительные обстоятельства, обусловленные, как уже отмечалось, участием в восстании представителей князей и дворян, которые, пользуясь классовой ограниченностью и патриархальностью сознания крестьян, стремились к осуществлению своих реакционных устремлений.

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. IX. – С. 374.

[2] Сталин И. В. Соч., т. I. – С. 32.

[3] Газ. «Заря Востока», 24 января 1951г., Тбилиси.

Прогрессивная борьба крестьянства за свои права и националистически-реакционное движение феодалов не могли слиться в одном русле. Общего пути между феодалами и крестьянами не было и быть не могло. Когда феодалы на втором этапе движения раскрыли свои действительные цели, это оказалось одной из причин прекращения борьбы крестьянами, хотя они и имели значительные возможности для ее продолжения. Это обстоятельство является весьма важным фактом для раскрытия внутреннего содержания восстания 1866 г.

Те немногие авторы, которые касались истории восстания 1866 г., сосредотачивали свое основное внимание на внешней стороне вопроса, в должной мере не раскрывая его внутреннего содержания и подлинной роли в этом движении крестьянских масс.

Между тем основным вопросом, который возникает при разработке истории движения 1866 г. в Абхазии, является вопрос о его социальном характере. Необходимо точно разграничить борьбу крестьянских масс от участия в движении представителей феодалов, оценить по существу классовые устремления и политические цели тех и других.

Это можно сделать только исходя из руководящих методологических указаний основоположников марксизма-ленинизма. В. И. Ленин предупреждал, говоря об «общенациональном» движении, о необходимости никогда не затушевывать классовую борьбу, строго различать различные социальные силы, участвующие в движении.

В 1907 г. В. И. Ленин по поводу условной правильности выражения «общенациональная революция» писал: «Понятие «общенациональная революция» должно указывать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов различных классов, которые сходятся на известных определенных, ограниченных общих задачах. Ни в коем случае не может служить это понятие для того, чтобы затушевывать, заслонять изучение классовой борьбы в ходе той или иной революции. Подобное употребление понятия «общенациональная революция» есть полный отказ от марксизма и возврат к вульгарной фразе мелкобуржуазных демократов или мелкобуржуазных социалистов»[1].

[1] Ленин В. И. Соч., т. 12. – С. 363–364.

Для полного уяснения значения восстания 1866 г. в Абхазии необходимо еще определить место этого события в общем историческом развитии, не только в рамках данной страны, но и в более широком масштабе.

Вопреки тенденции некоторых авторов локализовать его в узких рамках «события в Лыхны», восстание 1866 г. было движением, охватившим значительную часть Абхазии и оказавшим влияние на соседние районы, где шла подготовка к проведению крестьянской реформы.

Восстание 1866 г. в Абхазии способствовало расшатыванию феодального строя, ускорило отмену крепостного права в крае, нанесло удар интересам российского царизма. Оно смыкалось с той освободительной борьбой, которую вел в то время с царем и помещиками великий русский народ.

2

События 1866 г. в Абхазии могут быть изучены путем сопоставления сведений, почерпнутых из архивных источников, с данными современной периодической печати, а также с материалами устных источников (свидетельствами современников и материалами фольклора). При этом, разумеется, все материалы должны быть подвергнуты тщательному критическому анализу.

При почти полном отсутствии исследований, специально посвященных изучаемому восстанию, в основу настоящей работы легли большей частью неопубликованные ранее архивные материалы, которые в значительной степени впервые вводятся в научный оборот. К сожалению, не сохранилось никаких письменных документов, которые непосредственно исходили бы от участников движения. Поэтому нам приходилось пользоваться в основном официальными документами: материалом следственной комиссии, донесениями царских военных и гражданских чиновников и пр.

Основные архивно-документальные материалы, относящиеся к данной теме, находятся в трех крупнейших архивохранилищах страны – Центральном государственном историческом

архиве (Москва), Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР (Тбилиси) и Центральном государственном военно-историческом архиве (Москва). В центре этого круга архивных материалов стоят: «Выписка из следственного дела об убийствах и грабежах в Абхазии во время последних беспорядков в ней» (октябрь 1866 г.)[1]; «Показание штатного переводчика управления Сухумского военного отдела милиции прапорщика Георгия Ткецишвили о происшествии 26 июля 1866 года»[2]; рапорт кутаисского генерал-губернатора кн. Святополк-Мирского наместнику Кавказа вел. князю Михаилу Николаевичу Романову от 13 сентября 1866 г.[3]

Следственное дело велось особой комиссией, учрежденной «для раскрытия участников бывшего в Сухумском округе возмущения»[4]. Следственная комиссия, работавшая с 31 августа по 19 октября 1866 г. под председательством капитан-лейтенанта Корганова, старалась выяснить начало и непосредственные мотивы восстания; возможно подробнее зафиксировать ход восстания, детально изучить Лыхненской событие; определить степень причастности к восстанию отдельных лиц и сел путем расследования. Комиссия опросила большое количество участников и свидетелей движения. К сожалению, текст заключения следственной комиссии о восстании 1866 г., представленного наместнику Кавказа, не удалось найти[5]. «Выписка из следственного дела...» (на 35 листах), особенно местами, изобилует грамматическими ошибками и описками, что известным образом затрудняет понимание смысла некоторых предложений и фраз. Кроме того, в ряде случаев допускаются погрешности при применении местных географических и других

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л.л. 230–265.

[2] ЦГВИА, ф. 400, азиатская часть, оп. 258/908, 1866 г., д. 54, л.л. 32–47.

Документ, хранящийся в данном архиве, является копией, посланной наместником Кавказа воен. министру Д. А. Милютину. (См. хам же, л. 31).

[3] ЦГВИА, ф. 400, аз. ч, оп. 258/908, 1866 г., д. 54.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн.2), 1866 г., д. 2784 лл. 216-316.

[5] Между прочим, из записки начальника Кавказского горского управления Старосельского наместнику о результатах работы следственной комиссии и о, причинах восстания 1866 г. (ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, л.л. 165–199) мы узнаем, что доклад и рапорт комиссии о причинах восстания в Абхазии были представлены наместнику Мирским вместе с его мнением об этих причинах.

собственных имен[1], что нашло свое отражение и в некоторых изданиях[2].

Второй документ – показание Г. Г. Ткецишвилн (на 15 листах) почти во всем основном вошел в состав следственного дела, для каковой цели он был и написан. Но этот документ и сам по себе является весьма существенным. «Показание», за исключением отдельных мест, дает довольно объективное и подробное описание события, непосредственным свидетелем и участником которого был автор. Свое показание Г. Г. Ткецишвили начинает с характеристики деятельности царских чиновников в Бзыбской Абхазии[3] в связи с подготовкой крестьянской реформы и кончает описанием лыхненского события. Г. Г. Ткецишвили не без возмущения говорит о грубых действиях Коньяра, Черепова и других царских чиновников и офицеров. Осо-

[1] Главнейшие искаженные географические наименования: Абцаева (вместо Апцхва); Дирипш и Дюрипш (Дурипш); Анхойская и Анхайская (Анухвская, сел. Анухва); Гуридуны (Бгарданы); Чигирко (Чигурхва); Псырха (Псырцха) и др.; название же «Аубара» и вовсе не понятно.

Искаженные имена и фамилии: Шам(ы) и Шим(ы) (Шамба), Хак и Хахба (Хаг и Хагба) Моргани (Маргания или Маан); Кагли и Кол- га (Калги); Джиния (Джения), Дбер (Дбар), Цехпер-ипа (Цахтыр-ипа).

Чеф Чал-ипа (Какучал-ипа; и др.

[2] В хрестоматии С. С. Дмитриева по истории СССР (т. III, Учпедгиз, 1949), напр. имя и фамилия крестьянина Османа Шамба переданы как «Мама-Осман». Дело в том, что в абхазской речи, когда имя и фамилия произносятся вместе, то обычно происходит сокращение окончания фамилии; в данном случае Шамба Осман будет звучать как «Шамы Осман». В материалах следственной комиссии, в «Показаниях» Г. Г. Ткецишвили и в некоторых других документах местами Шамба Осман, как имена и фамилии многих других участников и свидетелей восстания, записано в такой форме. Причем, начальная буква «Ш», которую переписчик снабжал росчерком, автор хрестоматии принял за букву «М», в результате чего и получилось «Мама-Осман». Подобные искажения наблюдаются также в сборн. документов проф. П. В. Гугушвили «Сельское хозяйство и аграрные отношения» (т. II, изд. АН Груз. ССР, Тбилиси, 1950): с. Лдзаа (в документе Ладзаа) написано искаженно – Аадзаса; в названиях селений Апцхва, Мугудзырхва и Чаабалурхва составитель вместо буквы «в» (в оригинале «у») написал «ц», с. Дурипш – Берипш и Дврипши (и в документе так), фамилию Маргания – Морган (и в документе так), Маги Шмаф – Пшимаер, Хагба – Хахба. Аналогичные искажения имеются и в сборнике «Материалов по истории Грузии (1862–19Х7)», т. I, ч. I, под ред. проф. Ш. К. Чхетия. Архивное управление МВД Грузинской ССР, Тбилиси, 1954.

[3] Бзыбская Абхазия, которая по административному делению изучаемого периода называлась Бзыбским округом, охватывает часть Абхазии к северо-западу от гор. Сухуми.

бое место в «Показании» занимает речь выборного от населения Эшерского крестьянина Османа Шамба на народном собрании 26 июля 1866 г. Переводчик (с абхазского на русский) старался передать речь оратора подробно, отражая весь ее гневный характер.

Рапорт кн. Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г. представляет подробное изложение восстания в целом. В этом документе (14 листов) обобщены все; официальные материалы, как исходившие от самого Мирского, так и поступавшие к нему по поводу движения. Кроме того, он сообщает дополнительные сведения, которые по той или иной причине не вошли в указанные официальные документы. Словом, это есть подробный отчет генерал-губернатора наместнику, в котором ставилась цель: дать возможно полное описание восстания и всех тех мер, которые были проведены под непосредственным командованием Святополк-Мирского для подавления движения. Рапорт Мирского интересен, прежде всего, как документ, содержащий значительный фактический материал, безотносительно того, что он излагается с той тенденциозностью, с какой вообще мог писать царский генерал-губернатор.

Следует также выделить пространный рапорт начальника Сухумского отряда полк, фон Кульмана[1] кутаисскому генерал-губернатору от 31 июля 1866 г.[2], хотя он до некоторой степени и использован в упомянутом рапорте Мирского; письмо и. д. помощника начальника Кубанской области по управлению горцами подполк. П. Дукмасова начальнику Зеленчукского округа подполк. Калиновичу от 28 июля 1866 г.[3] и записку, являющуюся, по-видимому, приложением к докладу и. о. помощника начальника Кубанской области по управлению горцами есаула Ротова от 22 июля 1867 г.[4] Первый документ особенно важен в той части, где дается описание штурма Сухума повстанческой массой. Второй и третий документы интересны с точки зрения освещения связи рассматриваемого восстания с подобными движениями, также на почве подготовки проведения

[1] В указ. хрестоматии С. С. Дмитриева начальник Сухумского отряда полк. Кульман ошибочно назван начальником Сухумского отдела, т. е. перепутано слово «отряд» с «отделом».

[2] ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., оп. 258/908, 1866 г., д. 54, л.л. 22–27.

[3] ГАКК, ф. 452, оп, 2, д. 517, л.л. 1–6.

[4] Там же, л.л. 7–16.

крестьянской реформы, в отдельных районах по ту сторону Кавказского хребта, т. е. на Северном Кавказе, его влияния здесь, а также выяснения мер, которые были приняты против распространения этого влияния, «к удержанию крестьян от своеволия» и «в прежних повинностях».

Необходимо затем обратиться к другим официальным материалам, также строго учитывая, что они вообще в значительной степени односторонни и тенденциозны, и поэтому требуют критической проверки и сопоставления с более достоверными историческими сведениями и фактами. Мы имеем в виду следующие материалы в фонде Кавказского горского управления ЦГИА Грузинской ССР: телеграммы и отношения отдельных должностных лиц из Абхазии, а также из Кутаиса, Поти, Сурама и т. д. в Тифлис и Боржом наместнику Кавказа и начальнику Горского управления полк. Старосельскому; рапорт управления 6 округа корпуса жандармов наместнику от 5 августа 1866 г.; приказы Святополк-Мирского по Кутаисскому генерал-губернаторству и его предписания начальнику Сухумского военного отдела ген. Толстому; отношения последнего кутаисскому генерал-губернатору; записка Старосельского наместнику о результатах работы следственной комиссии и причинах восстания в Абхазии (октябрь 1866 г.) и др.

Среди этих документальных материалов следует особо отметить «Общую ведомость о количестве огнестрельного оружия, как отобранного у жителей Сухумского военного отдела, так и оставленного при окружных управлениях»[1], подписанную ген. Толстым. В ней дано количество и род конфискованного оружия по отдельным районам и по Абхазии в делом. К этому источнику примыкает ряд других документов, которые дают более подробные сведения по отдельным селам, существенно ценные для выяснения социального состава, размаха и района распространения восстания.

Из важнейших источников ЦГВИА[2] также должны быть выделены телеграммы и отношения наместника Кавказа на имя императора Александра II и военного министра Д. А. Милютина.

Кроме упомянутых, использованы материалы и других фондов центральных архивных учреждений. Например, фонды кн. Шерва-

[1] Д. 2784.

[2] Ф. Главного штаба (№ 400), аз. ч., д. 54.

шидзе в 1ДГИА и ЦГИАЛ, фонд Кавказского комитета в ЦГИАЛ; фонды Кавказской археографической комиссии, Канцелярии по управлению кавказскими горцами и Комиссии для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края по военно-народному управлению в ЦГИА Грузинской ССР, фонды Сухумского окружного управления и Сухумской сословно-поземельной комиссии в ЦГА Абхазской АССР и др. В делах этих фондов, как и в названных выше, содержится материал, дающий возможность критически исследовать социально-экономическое состояние Абхазии накануне восстания и изучить всю подготовку и проведение крестьянской реформы здесь.

Таковы в общих чертах архивные материалы, которые дослужили главными источниками для настоящей работы.

Из архивных материалов, непосредственно относящихся к восстанию 1866 г. в Абхазии, опубликованы лишь из фонда Главного штаба ЦГВИА[1] следующие документы: в хрестоматии С. С. Дмитриева по истории СССР[2] – отрывки из отношения наместника Кавказа военному министру от 10 августа 1866 г., из показания Г. Г. Ткецишвили и из рапорта полк. Кульмана Мирскому от 31 июля 1866 г.; в сборнике документов «Сельское хозяйство и аграрные отношения[3], составленном проф. П. В. Гугушвили, – показание Г. Г. Ткецишвили, рапорт полк. Коньяра князю Мирскому от 23 июля 1866 г, донесение русского генерального консула в Трапезунде с. с. А. Мошнина в императорскую миссию от 1 августа 1866 г., отношение наместника Кавказа военному министру от 9 августа 1866 г. Наконец, во время уже набора настоящего труда мы получили возможность ознакомиться с только что вышедшим сборником «Документов по истории Грузии», в который включены отрывки из вышеуказанных рапортов Кульмана от 31 июля и Мирского .от 31 сентября 1866 г., «Выписки из следственного дела...» и записки Старосельского наместнику Кавказа от октября 1866 г.[4]. Сборник содержит также ряд документов по вопросу социальных отношений, подготовки и проведения

[1] Азиатская часть, оп. 258/908, 1866 г., д. 54.

[2] Т. III, Учпедгиз, 1949. – С. 233–237.

[3] Том II. Отмена крепостного права. Изд. АН Груз. ССР, Тбилиси, 1950. – С. 550–566.

[4] Документы по истории Грузии (1862–1917), т. I, ч. I. – С. 58–120.

крестьянской реформы в Абхазии, упразднения абхазского владетельства, вознаграждения князей Шервашидзе и т. д.[1].

С. С. Дмитриев указанные материалы помещает в главе «Национально-колониальная политика царизма в шестидесятых–семидесятых годах и национально-освободительное движение» и не дает никаких комментариев для объяснения социального характера восстания 1866 г. Тем самым он невольно затушевывает антифеодальное содержание восстания.

По поводу сборника проф. П. В. Гугушвили прежде всего следует сказать, что подбор материалов в части истории восстания 1866 г. в Абхазии, на наш взгляд, нельзя считать удачным. Во-первых, показание Г. Г. Ткецишвили (основной материал в сборнике) уже частично было опубликовано в указанной выше хрестоматии по истории СССР[2]. Во-вторых, можно было дать документы более ценные для правильного понимания сущности восстания, хранящиеся не только в ЦГВИА, но и в других архивах страны. В-третьих, важнейшим недостатком публикации является отсутствие пояснительных примечаний к документам, тем более, когда речь идет об официальных и тенденциозных материалах, к тому же содержащих явные искажения и ошибки различного характера и степени. Например, донесение А. Мошнина либо вовсе не следовало бы включать в сборник, либо обязательно с соответствующими примечаниями. То же самое надо сказать и об отдельных местах показания Г. Г. Ткецишвили, этого в целом очень важного документа. О фактах искажения собственных имен было сказано выше. Следует также заметить, что если придерживаться современной терминологии, то нужно было писать не Сухумский округ, а Сухумский отдел, как официально именовалась Абхазия в период крестьянской реформы.

Вышеуказанный сборник «Документов по истории Грузии», в целом нужный и полезный, вызывает ряд замечаний. Прежде всего, к сожалению, ему не предпослано специального археографического предисловия, что помогло бы читателю ориентироваться

[1] Там же. – С. 482–529, 630–678.

[2] Между прочим, в главе (XII), где даются материалы по Абхазии, помещены «Краткие заметки о сословных и взаимных отношениях жителей Бзыпского округа Абхазии» А. П. Черепова, которые были опубликованы раньше в пятом томе «Исторического архива» за 1950 г. (См. публикацию И. Г. Антелава, Г. А. Дзидзария, А. А. Олонецкого «Из истории крестьянской реформы в Абхазии»).

в характере и ценности того или иного документа. В обширном же введении не дается критической оценки архивных материалов, например, по истории Абхазии, даже когда речь идет о явно тенденциозном по характеру документе. В сборник не вошли некоторые очень важные материалы, в частности, по истории восстания 1866 г. в Абхазии, хранящиеся в исторических архивах Москвы и Краснодара. Сборник содержит, далее, очень много неисправленных и в свою очередь допущенных искажений географических и собственных имен[1].

Помимо опубликованных архивных материалов, в качестве источника для данной работы использованы напечатанные в современной тифлисской русской газете «Кавказ»[2] сведения, сообщаемые большей частью сухумским корреспондентом этого официозного органа[3]. Корреспонденции и другие материалы «Кавказа», несмотря на свою определенную тенденциозность, представляют интерес, поскольку дают известное количество фактов, а также помогают в выяснении позиции и мероприятий властей по отношению к восстанию. Значительную помощь в написании первой главы работы оказали также документы, включенные в Акты кавказской археографической комиссии.

Особую группу составляют устные источники: свидетельства современников и данные фольклора. Восстание 1866 г., как одно из крупнейших явлений в исторической жизни края второй половины XIX в., не могло не сохраниться в народной памяти и не найти соответствующего отражения в устном творчестве. К сожалению, уже потеряно время, чтобы в полной мере собрать материалы этого рода, по причине естественной убыли их хранителей. Тем не менее, работа в этом направлении дала свои результаты. Фактические данные некоторых свидетельств и преданий почти вполне согласуются с сообщениями письменных источников, а также отличаются колоритным характером передачи отдельных деталей события, которые не могли содержаться в официальных документах.

[1] Дуритли вместо Дурипш, Абгалафара – Абгалахара, Мцыри – Мцара, Апхо – Анухва, Ау – Аацы, Звандрыпек – Звандрипш, Акоскемда – Акуаскиамца, Псырт – Псырцха. Калдахаз – Калдахвара, Мчишиерт –– Мчишнырцв, Абжихва – Абжаква; Мам Осман – Шамба Осман, Хахба – Хагба, Дурак-ипа – Дурат-ипа, Дзяпшигалы – Дзапшиповы, Питу – Титу, Пшимаер – Пшимаф (правильнее Шьмаф), Зефел – Зафас, Ханам и Хамаш – Ханшв, Джикия – Джения, Гумблиа – Гублия и т. д. и т. п.

[2] «Кавказ», 1866 г., №№ 68–70.

[3] Газета «Кавказ» (1846–1918 гг.) в тот период (с. 1856 г.) являлась официальным правительственным изданием, имея официальную и неофициальную часть; редактировал в 1846–1867 гг. Э. Шварц.

Из преданий по своему содержанию и форме изложения обращает на себя внимание народная песня «Уазбакь» («Уазбакь»). Песня в стихотворном виде повествует о провокационной пропаганде группы князей и дворян в лице переводчика туркофила Уазбакь по поводу «планов» русского правительства насадить в Абхазии безнравственность. Она клеймит турецкого агента и осуждает тех крестьян, которые доверяли еще феодалам и таким образом становились жертвой своей политической слепоты; нашли не «рай», а гибель в султанской Турции[1].

Из воспоминаний следует назвать, прежде всего, сообщение 107-летнего колхозника из с. Анухва Кансоу Таркил, в воспоминаниях которого содержатся интересные фактические данные[2]. Автор фиксирует внимание особенно на событиях, имевших место в с. Лыхны и в районе крепости Сухума. Инициаторами выступления, которые первыми дали сигнал (выстрелами) и призвали к борьбе, он называет анухвского крестьянина Шпагу Дзган-ипа и Лыхненского крестьянина Кайнагу Мчич-ипа (Кобахия). О дворянах же он отзывается не лестно подчеркивая провокационный характер их пропаганды устами переводчиков и других во время лыхненского схода. Из описания же сухумских событии заслуживает внимания сообщение о местах расположения и действиях повстанческих масс.

Другим наиболее интересным надо считать сообщение лыхненского колхозника старика Езуг Герия, в памяти которого хранится много ценных сведений, частью заимствованных им от матери – сказительницы Джгуана Герия (Гагулия)[3], являвшейся непосредственной свидетельницей восстания 1866 г. В этом рассказе особенно интересны данные о «докторе» Иванове[4], который во время расследования

[1] Арх. Абхазского института языка, литературы и истории им. д. и. Гулиа АН Грузинской ССР, ф. 2, д. 71/74а, л.л. 21-22.

[2] Там же, ф. 1, д. 92, л.л. 23–26.

[3] Джгуан (Цыгаан) Герия умерла в 1943 г. в возрасте около 120 лет.

[4] Действительно, в 60–70-х гг. в Бзыбской Абхазии Василий Иванов работал в качестве земского фельдшера. В 1872 г. он подал заявление «о водворении» его в с. Лыхны, где, в поселке Бамбора, в 1873 г. ему был отведен из «общинных

дела о восстании, как русский свидетель, выступил с разоблачением деятельности царской администрации, оправдывая повстанцев. Благодарные крестьяне впоследствии охотно одобряли то, что Иванову был выделен участок земли в местности Бамбора[1].

Д. И. Гулиа в 1933 г. записал воспоминание «О полковнике Коньяре» со слов 102-летнего старика Мыстаф Агумаа из с Бырджа, Сухумского района[2]. В нем, как и в указанных выше воспоминаниях и преданиях, говорится о «безнравственных порядках», которые будто бы собиралось ввести правительство в Абхазии. Интересны данные о переводчике Георгие Ткецишвили. Из этого материала мы узнаем, что в связи с восстанием его лишили офицерского чина, и он умер в бедности[3].

3

Дореволюционная, дворянско-буржуазная историография, разумеется, не могла дать правильного анализа социально-экономических предпосылок, раскрыть закономерные причины и сущность восстания 1866 г. Оценка изображаемого явления диктовалась преимущественно политическими соображениями. Восстание порой рассматривалось лишь как эпизод, вызванный подстрекательством некоторых феодалов, а также злоупотреблениями отдельных офицеров и чиновников и т. п. Это была установка, данная наместником Кавказа. Кроме того, как уже отмечалось, дореволюционные историки рассматривали восстание 1866 г. в Абхазии совершенно изолированно, искусственно отрывая его от общей борьбы трудящихся Грузии и всего Кавказа.

При таком подходе к изучению интересующей нас темы указанная литература может представлять интерес лишь с точки зрения использования приведенного в ней фактического материала.

земель» участок земли (ЦГИАГ, ф. 545, оп 1, (кн. 1), 1872 г., д. 273, л.л. 3–9). Здесь до недавнего времени проживали потомки В. Иванова.

[1] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 92, л.л. 1–2.

[2] Там же, ф 2, д. 58/80, л.л. 89–90.

[3] Действительно, в заявлении от 9 февраля 1882 г. в Кавказское военно-народное управление сам Г. Ткецишвили писал: я «страшно бедствую, а потому, чтобы с голоду не умереть, осмеливаюсь покорнейше просить... Отвод земли спасет меня от многих бед» (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 7), 1882 г., д. 2638, л. 3).

Очень показательно высказывание писателя Г. М. Шервашидзе которое отличается крайней субъективностью в оценке восстания 1866 г. Он уверял, что восстание «не может считаться политическим»[1], т. е. антиправительственным, и вообще отрицал подобную борьбу в истории Абхазии. Антифеодальный характер выступления крестьян он также отрицал, исходя из своей концепции о том, что в Абхазии «все жили в довольстве и не было ни бедняков, ни рабов. Дворянство и крестьянство жило дружно, при взаимном уважении, ибо в Абхазии не существовало крепостной зависимости»[2]. Более того, Г. М. Шервашидзе восстанию 1866 г. придавал характер оскорбленного самолюбия: «от чего нам, мол, освобождаться когда мы совершенно свободный народ», рассуждали так абхазские крестьяне в ответ на решения правительства «освободить (их)... на осн. реформы 61 года»[3]. Подобные высказывания отражали точку зрения местного дворянства.

Первым автором, обратившим серьезное внимание на изучение восстания 1866 г., был историк С. Эсадзе, который в первом томе своего монографического труда «Историческая записка об управлении Кавказом» (Тифлис, 1907) посвятил 31 страницу рассматриваемому вопросу и связанным с ним событиям. Сочинение С. Эсадзе, по крайней мере в части интересующего нас вопроса, заключает в себе немного исследовательского материала и по большей части содержит описательные сведения. Конкретные исторические данные, которые излагаются пространно в работе, почерпнуты автором из очень важных документальных источников и прежде всего из следственного дела о восстании. Вообще работа С. Эсадзе представляет определенный интерес с точки зрения использования фактического материала, чем и ограничивается ее значение для изучаемого движения.

В освещении этого вопроса официозный историк С. Эсадзе придерживается тона официальных материалов, которые приводятся им без критического осмысления. Он изображает восстание

[1] Шервашидзе Г. Так ли пишется история. (Письмо в редакцию). Газ. «Закавказье», 6 июня 1910 г.. № 126, Тифлис.

[2] Его же. Открытое письмо агроному в Гудаутском участке г ну Ефимову. Газ «Сухумский вестник», 29 марта 1917 г., № 69.

[3] Его же. Так ли пишется история.

в идиллических тонах, как проявление всесословного единения, совершенно затушевывая ту внутреннюю классовую борьбу, которая скрывалась под этим «единением». Толкуя восстание как выступление, которое было направлено почти лишь исключительно против самодержавного правительства, автор писал о том, что это последнее будто желало «всем сословиям доставить выгоды свободной жизни».

Точка зрения А. Н. Дьячкова-Тарасова в его работе «Абхазия и Сухум в XIX столетии»[1] по вопросам о причинах и характере восстания 1866 г. вполне сходна с мнением С. Эсадзе. Только первый, быть может, сильнее подчеркивает произвол царских чиновников по отношению к населению, старание князей и дворян использовать движение в своих личных интересах, а также то положение, что «между некоторыми анхайе нашлись умные люди, критически относившиеся к слухам о русских реформах в Абхазии и мало доверявшие рассказам абхазских дворян».

Основное значение работы А. Н. Дьячкова-Тарасова заключается в том, что он сообщает не встречающиеся в других материалах факты из документов, которые не сохранились, или, во всяком случае, остаются пока не разысканными. В одном из примечаний автор указывает, что очерк восстания 1866 г. изложен им по запискам его отца – члена Сухумской сословно-поземельной комиссии полковника Н. А. Дьячкова-Тарасова. проживавшего в Абхазии с 1857 по 1876 г. и с 1878 по 1880 г., а также по рассказу полковника Давыдова[2], кавказского старожила[3]. В другом месте он пишет: от Османа Шамба «мой отец и слышал передаваемые мною подробности лыхненского убийства»[4].

Т. Т. Стефанов в книге «Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819–1906 г.» (Юбилейный выпуск, Батум, 1906), сообщая много фактов по истории Абхазии XIX в., определенное место уделяет и восстанию 1866 г. Он охватывает весь период движения, стараясь осветить его по возможности систематически и подробно. Автор ссылается на целый ряд архивных источников.

[1] ЗКОРГО, т. XX, Тифлис, 1910.
[2] Имеются в виду записки полк. Давыдова.
[3] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 186.
[4] Там же. – С. 183.

Поэтому и работа Стефанова в части описания восстания 1866 г., как и по другим вопросам истории края, несомненно, имеет значение в смысле использования фактического материала.

Что же касается оценки события, то Т. Т. Стефанов в том вопросе также стоит на позиции официозной историографии, является ее типичным представителем и оправдывает национальную и социальную политику самодержавия. Говоря о возникновении восстания, он выдвигает инициаторами движения «владельцев крепостных», рассчитывавших получить за крестьян вознаграждение от казны. По его утверждению, дворяне, увидев ошибочность этого расчета, стали распространять слух, что выкуп правительство наложит на самих крестьян. В книге повстанцы часто называются «хищниками», а их цель изображается как стремление ограбить г. Сухум и вообще «чем либо поживиться».

Истории абхазского восстания 1866 г. касался и К. Д. Мачавариани в «Описательном путеводителе по Сухуму и Сухумскому округу» (Сухум, 1913). Хотя он черпал сведения о восстании в основном из официальных источников, но пытался критически подойти к освещению некоторых вопросов. Например, по поводу официальной точки зрения о причинах движения К. Д. Мачавариани заявляет: «Но дело обстояло совершенно иначе».

Однако автор не мог, конечно, дать никакого классового анализа движения. Он не только не раскрыл подлинные мотивы восстания, но допустил глубоко принципиальные искажения в этом кардинальном вопросе. К. Д. Мачавариани утверждал, что вся вина лежала на чиновнике Черепове, хотя обстоятельства, связанные с деятельностью последнего в Абхазии, имели отнюдь не решающее значение для непосредственного взрыва возмущения среди населения. Более того, он даже возражал против положения о том, что движение 1866 г. носило характер выступления против крепостнической сущности реформы. Ошибочность понимания причин и характера восстания К. Д. Мачавариани ярко проявил и в статье «Очерки Абхазии»[1], в которой он коротко касался этого события. К. Д. Мачавариани писал, что судьи, изучив дело, будто убедились, что абхазцев, «можно сказать, вынудили турецкие фанатики взяться за оружие». Правда, в своей более поздней работе – «Путеводителе» –

[1] Газ. «Черноморский вестник», 14 ноября 1399 г , № 254, Батум.

К. Д. Мачавариани опровергал преднамеренно распространяемое мнение относительно того, что события 1866 г. были инспирированы происками Турции.

Вместе с тем он категорически утверждал, что представители абхазского населения ни в коем случае не ставили вопрос о переселении в Турцию.

К. Д. Мачавариани сообщал некоторые детали о событиях в Цебельде[1], заимствованные, очевидно, от его отца, миссионера Д. Мачавариани, который был в числе осажденных повстанцами в цебельдинском укреплении.

В некоторых других работах имеются лишь отдельные случайные замечания по интересующему нас вопросу. Таковы, например, очерки графини Уваровой, в которых дается великодержавно-шовинистическая оценка событий 1866 г. Действия повстанцев она называла «изменническими», вздыхая по поводу «заброшенного и запущенного» вида часовни в с. Лыхны над могилой полк. Коньяра и других царских чиновников[2].

В советской историографии восстание 1866 г. в Абхазии нашло лишь незначительное отражение. Только в некоторых общих работах по истории XIX в. делалась попытка осветить этот вопрос. Однако авторы ограничились лишь беглым и поверхностным обзором восстания 1866 г., к тому же нередко эти обзоры страдают методологическими ошибками. Следует особо отметить, что важнейшие документы вопроса, которыми располагают наши архивы, авторами не были подняты.

К. Д. Кудрявцев в работе «Сборник материалов по истории Абхазии» уделяет восстанию 1866 г. буквально одну страницу и освещает его неправильно. «В 1866 году,–пишет он,– при проведении в Абхазии освобождения крестьян- и разбора сословно-поземельных вопросов, в сел. Лыхны сход напал на прибывших русских чиновников и сопровождавший их конвой...»[3]. При таком одностороннем подходе создается впечатление, что крестьянские массы

[1] Эти данные приводятся им и в статье «Семь дней в горах Абхазии». (См. К. Д Мачавариани «Метафизические размышления. Кавказские очерки». – С. 92).

[2] Уварова. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия и Посковский участок, ч. II, М., 1891. – С. 150.

[3] Кудрявцев К. Материалы по истории Абхазии. Сухум, 1922.– С. 182.

выступили не против классово-феодальной основы крестьянской реформы, а против своего «освобождения» правительством и уничтожили русских чиновников, которые практически осуществляли это «освобождение». Книга содержит и ряд фактических ошибок.

В общей работе Г. В. Хачапуридзе «Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии»[1] восстание 1866 г. рассматривается как крупное крестьянское выступление. Причинами восстания автор считает: установление колониального режима в крае, дальнейшее усиление феодального гнета, помещичий характер подготавливаемой крестьянской реформы (непосредственная причина восстания) и др. Г. В. Хачапуридзе вместе с тем подчеркивает, что к восстанию, в силу его антиколониального содержания, примкнула известная часть феодалов оппозиционно настроенных против царских властей и стремившихся использовать это движение в своих интересах. Однако в ходе борьбы, за исключением отдельных лиц, они изменили крестьянским повстанцам, причем оказали царским властям ряд услуг. Фактическая сторона событий изложена весьма кратко.

Общий характер работы, разумеется, не позволил Г. В. Хачапуридзе специально исследовать источники и широко использовать имеющийся архивно-документальный материал, чтобы показать восстание во всех его проявлениях. Но нельзя пройти мимо тех некоторых недостатков, которые, к сожалению, имеются в названной работе Г. В. Хачапуридзе. Самым существенным из них является утверждение о том, что в подготовке восстания в Абхазии будто бы практически играла активную роль султанская Турция. Даже в официальных источниках такого категорического утверждения мы не имеем[2].

Г. В. Хачапуридзе пишет, что абхазское дворянство было настроено оппозиционно по отношению к царизму. Это верно только по отношению к части феодалов. Далее автор указывает, что к вечеру 27 июля Сухум был взят восставшими и царская власть пала во всей Абхазии. Это также не совсем точно. Полностью занять Сухум восставшим не удалось, восстание же не распространилось на определенную часть Абхазии.

[1] См. Ф Е. Махарадзе, Г- В. Хачапуридзе. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. Жур.-газ. объединение, (М.), 1932.

[2] См. напр., «Кавказ», 1 сентября 1866 г., №68.

Работа Г. В. Хачапуридзе содержит ряд других неточностей (о количестве отобранного оружия у населения, в написании некоторых фамилий и пр.). Не выяснена достаточно роль в восстании Георгия Шервашидзе; недостаточно раскрыты причины поражения восстания и его последствий, а также нечетко показана тактика повстанцев.

Вслед за указанной работой Г. В. Хачапуридзе вышел краткий исторический очерк Ф. Е. Махарадзе «Грузия в XIX столетии». Во второй главе («Система управления. Крестьянское восстание») он касается движения 1866 г. в Абхазии, но очень сжато. В вопросе о причинах и характере абхазского восстания Ф. Е. Махарадзе по существу не расходится с оценкой Г. В. Хачапуридзе. Автор, безусловно, преувеличивает значение «красного значка» (знамени) повстанцев, когда пишет: «Было ли это случайно? А если нет, то спрашивается, каким же образом красный значок – это эмблема пролетарской революции – очутился в руках абхазских повстанцев в 1866 г.?»[1]

Восстания 1866 г. в Абхазии в ряде своих работ касался А. В. Фадеев[2], а одна его статья – «Крестьянское восстание 1866 года в Абхазии»[3], – как видно из названия, специально посвящена этому вопросу. А. В. Фадеев выдвинул ряд важных положений, критически подходя к высказываниям буржуазных авторов и официальных источников. Он особо останавливается на причинах, характере и движущих силах восстания; отмечает его положительные и слабые стороны, предательскую роль феодалов-изменников и гнусную политику папизма и султанской Турции. Заслугой А. В. Фадеева является и то, что он выявил ряд ценных архивных документов и ввел их в научный оборот.

Однако нельзя согласиться с утверждением А. В. Фадеева о том, что слух о письме туркофила Хасана Маан (Маргания) «был достаточен», а «Крымская война была у всех в памяти», «для того, чтобы к восстанию примкнули самые широкие массы крестьянства»[4]. В одном месте автор и сам признает, что «однако события в Абхазии развиваются быстрее, чем Хасан Маан и его друзья находят союзников в Турции»[1].

[1] Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. – С. 45–46.

[2] Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932; Краткий очерк истории Абхазии. Сухум, ч. I. 1934: «Лыхненское восстание 1866 г.» Газ. «Советская Абхазия», 24 июля 1936 г., Сухум.

[3] «Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения», вып. II, Сухум, 1934.

[4] Фадеев А. В. Крестьянское восстание 1866 г. в Абхазии. – С. 124.

В отдельных работах А. В. Фадеева наблюдается известное преувеличение силы патриархальных обычаев и общинных традиций, что невольно принижает классовое самосознание крестьянства, хотя автор в принципе совершенно правильно подчеркивает низкий идейно-политический уровень восстания. Это замечается в вопросе об отношении крестьян к бывшей владетельской семье и, особенно, о понимании ими характера реформы. Так, в «Кратком очерке» говорится, что, не разобравшись в сущности вопроса, крестьяне реформу представляли лишь в виде новых карательных мероприятий, направленных против их обычаев и родового быта. Но в статье «Крестьянское восстание 1866 года в Абхазии» автор справедливо констатирует, что «...абхазские крестьяне достаточно уяснили себе классовый характер реформы»; в статье «Крестьянская «реформа» в Абхазии» мы также читаем: «Оказывается, выслушав Коньяра, абхазские крестьяне очень быстро разглядели классовую сущность реформы»[2]. Работы А. В. Фадеева не лишены и некоторых фактических ошибок. Например, датой выступления в с. Лыхны указывается 21 июля, тогда как в действительности оно произошло 26 июля; датой же появления повстанцев под Сухумом со стороны Бзыбской Абхазии – 17 июля, вместо 27 июля, а их численность – 15.000 чел., вместо – около 2.000; количество сданного населением оружия после подавления восстания – всего лишь 4.000 штук.

Восстания 1866 г. касается и Е. А. Мороховец в очерках «Крестьянская реформа 1861 г.»[3], где дана оценка этому событию. Указав, что в Абхазии реформа была проведена с гораздо более значительными отступлениями от «Положения 19 февраля», автор подчеркивает, что этой реформе предшествовало «упорное и бурное восстание крестьян 1866 г., направленное как раз против готовящейся реформы; крестьяне опасались, что реформа будет проведена в том виде, в каком она уже была проведена в ряде районов Грузии, и особенно возмущались выкупом ими повинностей, наста-

[1] Там же. – С. 122.

[2] «Известия Академии наук СССР», 1935, № 7. – С. 627–644.

[3] Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. Соцэкгиз, 1937. – С. 145–146.

ивая на том, чтобы выкуп был проведен за счет государства. К этому присоединялась давно накипевшая ненависть против самодержавия, подогретая свежим воспоминанием о недавних карательных экспедициях.

С. Н. Джанашиа в работе «Георгий Шервашидзе. Культурно-исторический очерк...»[1] также уделяет определенное место восстанию 1866 г. Он останавливается, прежде всего, на выяснении социального характера восстания. Указав на непосредственные причины, вызвавшие движение, и неоднородность классового состава участников восстания, С. Н. Джанашиа подчеркивает, что, «в частности, крестьянство (анхаю, основной слой населения) было возбуждено известием о том, что ему нужно откупиться от бывших господ. Представители народа заявляли, что они ничего не будут платить». В другом месте, констатируя факт недовольства дворян, автор заключает: «Во всяком случае, кроме социальных мотивов, движение основывалось и на политических»[2].

Однако краткость изложения и тематическая направленность работы не дали, очевидно, возможности С. Н. Джанашиа показать четко классовые противоречия и различия интересов и целей участников движения. Реакционный характер выступления части абхазского дворянства не выяснен. Нельзя, конечно, согласиться с безоговорочным утверждением, что факт ликвидации абхазского владетельства был одним из решающих причин восстания, а вопрос о восстановлении его – одним из основных требований всей повстанческой массы. Нельзя также согласиться с общей односторонней, преувеличеной оценкой роли князя Г. М. Шервашидзе в восстании.

Краткое изложение восстания 1866 г. в Абхазии имеется и в книге Тедо Сахокия «Путешествия»[3]. Материалы по Абхазии, содержащиеся в этой книге, автором были опубликованы еще в 1903–1904 гг. в форме газетных статей[4]. В освещении восстания 1866 г. Т. Сахокия опирается, в основном, на сообщения современников. В книге Т. Сахокия, хотя и приводится ряд любопытных сведений по

[1] Джанашия С. Георгий Шервашидзе. Очерк из культурной истории Абхазии и Мегрелии. «Материалы к истории Грузии и Кавказа», ч. III. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.)

[2] См. Георгий Шервашидзе. Лирика. Эпос. Драма. Сухуми, 1946. – С. 15.

[3] Тедо Сахокия. Путешествия. Тбилиси, 1950. – С. 309-311.

[4] «Цнбис нурцели», №№2309, 2343, 2349, 2356 и 2369-1903г.; №№ 2386 и 2456-1904 г.

вопросу абхазского восстания, но освещение его дано в целом с позиции старой историографии. Так, причины движения сведены, по существу, к «непониманию» миссии полк. Коньяра населением, высокомерному тону и оскорбительным выражениям «вспыльчивого» полковника и к «самолюбию абхазов». Словом, правильного представления о характере восстания 1866 г. в Абхазии работа Г. Сахокия не дает. Что же касается фактической стороны, то, пользуясь главным образом рассказами современников восстания, автор допускает, как бывает обычно в таких случаях, немало погрешностей.

Проф. Ш. К. Чхетия, рассматривая крестьянские выступления в предреформенной Грузии, касается восстания 1866 г.. в Абхазии[1]. В статье «Буржуазные реформы в Грузии», являющейся введением к первой части первого тома сборника «Документов по истории Грузии (1862–1917)», это восстание трактуется как крупное восстание абхазского крестьянства[2].

Восстание 1866 г. в Абхазии нашло свое отражение также в учебниках по истории СССР. Правда, данные о восстании, приводимые в этих учебниках, весьма лаконичны. И учебник для вузов[3], и учебник для средней школы[4] восстание 1866 г. оценивают как крестьянское. Причем, в первом учебнике это восстание названо «большим крестьянским восстанием», вызванным «слухами о готовящейся реформе по грузинскому образцу», а на карте Кавказа в XIX в., приложенной к нему, оно отмечено как крупнейшее крестьянское движение. Кроме того, в школьном учебнике даны следующие выводы: абхазские крестьяне не могли мириться с тем, что у них отнимали в пользу помещиков лучшие земли и заставляли нести повинности, и в 1866 г. подняли восстание, которое охватило всю страну; оно заставило царизм провести и в Абхазии крестьян-

[1] Чхетия Ш. К истории крестьянской реформы в Грузии. Исторический вестник, 4, Тбилиси, 1948. с. XLIII-XLIV.

[2] Документы по истории Грузии (1862 – 1917), т. I, ч. I. – С. XIV, XXXV.

Между прочим, утверждение III. К. Чхетия о том, что в июне 1866 г. была образована «Особая комиссия» под руководством А. Черепова, а 9 сентября того же года кн. Мирский писал начальнику Сухумского отдела полк. Коньяру (С. XXXV–XXXVI), является неправильным, так как председателем указанной комиссии был майор Баратов; Коньяр же был убит 26 июля 1866 г.

[3] История СССР, под ред. М. В. Нечкиной, т. II, Госполитнздат, М., 1954. – С. 417.

[4] История СССР, под ред. А. М. Панкратовой, ч II, Госучпедгиз, М., 1953. – С. 246.

скую реформу. Конечно, восстание 1866 г. в известной мере, так или иначе, было повсеместным, но категорическое утверждение о том, что оно охватило всю страну, не соответствует действительности.

Упоминание об абхазском восстании мы находим в коллективном историческом очерке об Абхазии в «Большой советской энциклопедии» С. Н. Джанашиа, Г. В. Хачапуридзе и З. В. Анчабадзе[1]. В статье восстание также рассматривается как крестьянское выступление. Причинами же, его вызвавшими, указываются: подготовка крестьянской реформы, которая должна была заставить крестьян заплатить выкуп за их «освобождение», и колониальная политика царизма.

В книге П. А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России» дается краткая справка об абхазском восстании 1866 г., которое характеризуется как крупное крестьянское восстание, возникшее в связи с подготовкой крестьянской реформы в Абхазии[2]. Аналогично расценивает восстание 1866 г. в Абхазии и В. Д. Мочалов в статье «Крестьянская реформа в Закавказье»[3].

Наконец, довольно пространную справку об изучаемом восстании мы находим в статье А. А. Олонецкого «Крестьянская реформа 1870 г. в Абхазии»[4], написанной одновременно с оформлением настоящей работы. Основные положения А. А. Олонецкого, по нашему мнению, являются правильными.

---

[1] БСЭ, т. 2, изд. 2. – С. 49.

[2] Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Госполитиздат, М., 1954. – С. 239–240.

[3] «Доклады и сообщения института истории» АН СССР, вып. 3, М., 1954. – С. 47, 63.

[4] См. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузин. ССР», XXV, Сухуми, 1954.

● ГЛАВА ПЯТАЯ ●

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АБХАЗИИ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1

Абхазия в предреформенный период являлась краем господства феодальных отношений и натурального хозяйства. Здесь существовало четкое классовое деление населения. Однако в определении отдельных социальных групп и их взаимоотношений в исторической литературе о дореформенной Абхазии много запутанного и неясного. Так, например, Сухумская сословно-поземельная комиссия, занимавшаяся выяснением сословно-поземельных вопросов накануне и в связи с подготовкой крестьянской реформы в Абхазии, оказалась в затруднении относительно предмета своего изучения. В материалах комиссии наблюдаются искажения и недостатки, обусловленные указанными обстоятельствами.

Общественный строй феодальной Абхазии характеризовался социальной иерархией со значительным числом ступеней. Феодальная знать была представлена двумя основными сословиями: тавадами (аҭауад) – князьями и аамста (аамсҭа) – дворянами. К ним примыкали и представители высшего духовенства, которые и по происхождению, как правило, принадлежали к тем же феодалам. Среди абхазских феодалов была определенная дифференциация. Наиболее привилегированную часть составляли князья, которые, в свою очередь, делились на степени, причем тавады Шервашидзе (Чачба), прежде всего члены семьи владетеля Абхазии, занимали первенствующее положение.

Владетель Абхазии – ах (ах) формально сосредотачивал в своих руках все нити управления, считался «главой страны.., и все население считало себя подданным его»[1]. Однако вследствие раздробленности княжества и феодальных междоусобиц власть его была слаба, отдельные князья и дворяне находились лишь в номинальной зависимости от владетеля; были даже районы, где владетеля почти не признавали. В XIX в. с помощью царского правительства происходит значительное усиление власти внутри княжества владетельного князя Михаила (Хамудбея) Шервашидзе (Чачба). Наместник Кавказа вел. кн. М. Н. Романов в записке, составленной им в марте 1864 г., подчеркивал: «Правительство наше осыпало его щедрыми наградами, награждало всех, кого он желал, без суда отправляло в ссылку тех, кто казался ему вредным. Благодаря этой поддержке власть кн. Шервашидзе, прежде весьма шаткая и неопределенная, сделалась вполне неограниченною»[2]. С другой стороны, власть владетеля в определенных ее сферах ограничивалась царским правительством, а в 1864 г. она вообще была упразднена.

Некоторые представители владетельской фамилии считали себя «удельными князьями»[3], в зависимости от которых находились отдельные другие князья. Все эти князья, как правило, имели зависимых от себя дворян. Это обстоятельство находило свое отражение в бытовавшем выражении: «тавад, не имеющий аамста, – не есть тавад».

За княжескими родами следовали дворяне – аамста различных категорий, социальный облик которых также определялся их происхождением, экономическим состоянием и служебным положением. Среди аамста высшее место занимали так называемые «чистые» или «настоящие», т. е. исконные дворяне[4]. Многочисленную группу составляли мелкие аамста, которые распадались на ряд категорий и в народе носили различные, насмешливые, наименования:

[1] ССКГ. вып. III, Тифлис, 1870. – С. 9–10.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, д. XXV, л.л. 29–34.

[3] М. Селезнев писал: «Над округами (отдельными частями Абхазии. – Г. Д.) есть потомственные владельцы, зависящие от общего, поставленного Россиею, которого власть ограничена законами русскими». (М. Селезнев. Руководство к познанию Кавказа, кн. 2, СПБ 1847. – С. 201).

[4] Они назывались еще «ахы-аамста» (ахы–голова).

«аамста-кятч»[1], «акуац-аамста»[2] и т. п. Некоторые дворяне были обязаны нести лишь личную, почетную службу патрону. Большинство же из них находилось в прямой зависимости от князей и выполняло различные обязанности. Однако все они пользовались всеми правами в отношении владения крестьянами.

Ниже мелких дворян стояли ашнакума (ашьнаԥәма), составлявшие переходный слой от высшей группы крестьянства к дворянству. Они составляли доверенную личную прислугу и охрану представителей феодальной верхушки, в первую очередь владетельного князя Абхазии. Ашнакума имели право жениться на дочерях дворян, владеть на одних с ними правах крестьянами и землей, почему во время крестьянской реформы они всячески и претендовали на дворянское достоинство. В этом отношении предпочтение было оказано преимущественно отдельным владетельским ашнакума, занимавшим более привилегированное положение среди данного слоя, являвшегося весьма незначительным.

* * *

Экономическая сила местной феодальной аристократии в известной мере характеризуется данными, относящимися к имениям членов владетельского дома и некоторых других помещиков. Прежде всего, здесь, как и повсюду, укрепление экономической власти помещиков-крепостников определялось феодальной собственностью на землю. Не товарное, а натуральное хозяйство было экономической основой феодального режима.

По официальной описи имущества[3], владетелю Абхазии М. Шервашидзе (Чачба) принадлежало 283.806 десят. земли, 1.613 крестьянских дворов или 5.048 душ, расположенных более чем в 40 се-

[1] Аамсҭа-кьаҷ – короткий (неполный) дворянин.

[2] Акәаҵ-аамсҭа – садовый (лесной) дворянин.

[3] Наследники же кн. М. Шервашидзе оспаривали эту опись, как преуменьшенную. Они доказывали также, что отмеченные богатства принадлежали всем членам абхазского владетельного дома, «коим, владетель лишь заведовал, как глава дома, как бы на правах майоратных, но кои отнюдь не составляли его личной собственности». («Материалы и записи по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков светл. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден, 1913. – С. 89).

лениях[1]. Согласно сообщениям Сухумской сословно-поземельной комиссии и комиссии ген. Понсэ, весьма приблизительным, владетель в своих «частных имениях» только с 1.243 крестьянских дворов получал в год: 1.620 голов скота, 608 мер кукурузы, свыше 140 ароб кормовой кукурузной чалы, 4.584 барщинных дней. «Подвластные» же поля и сады, например, в южной части Абхазии, давали ему: 576 пудов кукурузы и проса, 1.800 ведер вина, около 120 пуд. ореховых плодов[2].

Владетель, как высший судья, при разборе всевозможных конфликтов между отдельными сословиями, частными лицами и пр., получал в свою пользу определенные пени (айбар). Регулируя внешнеторговые связи, он взыскивал пошлины (абаць, абадж). Кроме того, взимал плату за право пастьбы стад на лугах, горных пастбищах и т. д. (ажьыз, ажидз)[3].

Общая сумма всех доходов владетельского дома согласно указанной выше официальной описи, определялась в 43.591 рублей в год[4]. В главных резиденциях владетеля – в селениях Лыхны и Очемчиры – одних двухэтажных каменных и деревянных владетельских домов было 8[5]. Княжеские лошади паслись в табунах[6], владетель имел конский «завод»[7].

В доме владетеля никогда не переводились гости, на содержание которых, а также на различные подарки уходили громадные средства[8]. Много средств и времени тратил владетель на охоту, служившую для него излюбленным времяпровождением. Он имел ряд «охотничьих мест», как, например, Гиндзе-Эцерский лес в Самурзакано, где М. Шервашидзе один мог вести охоту. Владетель содержал огромное количество охотничьих собак, которых кормили мясом и

[1] Там же. – С. 44.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, л.л. 10–11.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 188. л.л. 3–37.
[4] Материалы и записки… – С. 93.
[5] Там же, стр. 40–42; ЦГВИА, ф. БУА, д. 103212, л.л 1–34
[6] «Кавказ», 3 декабря 1852 г
[7] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении ЗКОСХ, Тифлис, 1868, №№ 1–2. – С. 76.
[8] Небезынтересно заметить, что летом 1838 г. мать владетеля Абхазии кн. Тамара Шервашидзе в подарок царским войскам послала 30 голов рогатого скота и 60 ведер водки, за что ей была объявлена благодарность Николая I. (ЦГВИА. ф. 38, оп. 20/286 1838 – д. 192. л.л.1-2).

мясным отваром. Княжеская охота большой тяжестью ложилась на крестьян, обязанных содержать охотничьих собак и соколов и, сопровождая владетеля, терять много времени и отрываться от своих работ. Кроме того, во время охоты сплошь и рядом уничтожались крестьянские посевы и т. д.

Владение другого крупнейшего абхазского помещика Д. Г. Шервашидзе распространялось от р. Шицкуара (западнее р. Гумиста) до р. Кодор и от берега моря до цебельдинского нагорья. На всей этой территории, площадью не менее 25 тыс. десят с 23 селами, было расположено около 5 тыс. зависимых крестьян (в 1857 г.). На холме, над бегущей к морю рекой Келасури, возвышался большой белый княжеский дом с восточными балконами[1]. До Крымской войны одних кобыл у Д. Г. Шервашидзе было 150 голов; имелось также огромное количество буйволов, коров и баранов. Скота этого «так было много», замечал заведывающий делами кн. Шервашидзе А. В. Пахомов, что до Крымской войны никто не мог сеять ни кукурузы, ни проса на низких местах по берегу моря, и крестьяне вынуждены были обрабатывать себе землю на горе[2].

Общий доход кн. Д. Шервашидзе в 1857 г. равнялся 50 тыс. рублям; причем сюда не входили «разные мелкие случайные доходы», получавшиеся большей частью натурой. В числе предметов, с которых была получена указанная сумма доходов, значилось; 33.000 пудов вина, ореховых плодов, кукурузы, проса, сена и лаврового листа; 480 коров, коз и баранов[3]. В доме Д. Г. Шервашидзе также никогда не переводились гости. А. В. Пахомов свидетельствовал, что у князя редко бывало менее 60 чел. гостей, да столько же его свиты. Шервашидзе получал вина до 3 тыс. ведер, кукурузы и проса около 10 тыс. пудов, и все это почти «расходовалось на домашнее употребление, угощение гостей»[4].

В 1850 г. супруга владетеля Абхазии была по приглашению в гостях у кн. Тлапса Инал-ипа в с. Мазихва. Жена Тлапса удочерила по обычаю владетельницу, и по этому случаю кн. Т. Инал-ипа подарил владетельнице 3 тыс. рублей деньгами, 12 лошадей и 4 дыма кре-

[1] «Кавказ», 1852 г., №72.
[2] Пахомов А. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, ч. 1 ЦГИАЛ, ф. 1087. оп. 1, 1868 г., д. 29, лл. 472-473.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г. д. 29, л.л. 392-393 об., 472.
[4] Там же, л.л. 388, 390.

стьян. При таком же случае усыновления в 1862 г. кн. Титу Инал-ипа подарил сыну владетеля кн. Георгию Шервашидзе 16 лошадей, 3 серебряных седла и 4 семейства крестьян в с. Калдахвара[1].

До нас дошел также документ, составленный летом 1866 г., под названием «Сведения о численности гагринского поселения и имеющемся у них движимом имуществе», согласно которому: кн. Якуб Цамба владел 220 крестьянами и 1.871 головой скота, кн. Састынгаз Анчабадзе –183 крестьянами и 820 голов скота, кн. Еслам Цамба – 104 крестьянами и 492 голов. скота; кн. Эдирбей Цамба – 99 крестьянами и 780 голов скота[2]. Летом 1866 г. в горных пастбищах паслось 60 лошадей, принадлежавших цебельдинскому князю Ширинбею Маршания[3]. Дворянин Ислам Баркалая в 60-х гг. построил церковь в с. Члоу, затратив 900 рублей деньгами[4].

Собственное помещичье хозяйство в Абхазии не носило крупного характера, барская запашка была незначительной. Даже крупнейший помещик Д. Г. Шервашидзе под собственную господскую запашку занимал всего 100–120 десят. Он «как и большая часть крупных землевладельцев Закавказского края, – писал А. В. Пахомов, – получая натурой подати с своих подвластных, почти не имеет надобности иметь своей собственной запашки»[5].

Но это нисколько не противоречило феодальным отношениям и лишь еще раз подтверждало положение К. Маркса о том, что «могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»[6].

Праздно проводившие время князья и дворяне ничем не обременяли себя. «Можно смело сказать, – писал А. Н. Введенский, – что у тавадов и амиста не существует рабочих дней, если не считать, конечно, таковыми дни, когда кто-нибудь из них отправляется на воровство»[7].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 42 об.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 278-4, л. 87.
[3] ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 749, л. 192.
[4] «Кавказ», 1870 г., № 43.
[5] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп 1, 1868 г., д. 29, л. 386.
[6] Маркс К. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952. – С. 722.
[7] Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского округа. ССКГ, вып. VI, отд. III, Тифлис, 1872. – С. 13.

Некоторые церкви также являлись крупными феодальными землевладельцами, влиятельные представители которых входили в состав господствующего класса. К сожалению, для характеристики хозяйства церквей мы еще больше ограничены материалами. В архивах Сухумской сословно-поземельной комиссии можно найти свидетельство о том, что, например, «вся илорская земля (между реками Гализга и Адзиква. – Г.Д.) принадлежит церкви» Илори[1]. Известно также, что этой церкви в местечке Хони и с. Кухи (Кутаисская губерния) принадлежало 118 крестьянских семейств, обложенных податями. В пользовании крестьян состояли церковные земли под усадьбами, садами, пахотой, сенокосами и под лесом 358 десят[2]. В тех же материалах мы находим указание, что некоторые крестьяне жили на земле пицундской церкви и считались церковными[3], а также имелись дворяне, принадлежавшие тому же храму[4]. В с. Набакеви, по данным 1865 г., некоторые крестьяне работали на церковного старшину Чхикватия 4 дня и кн. Левану Шервашидзе 3 дня в год; кроме того, приносили но I руб. серебром и по 8 аршин белого холста[5].

Крестьяне нередко обращались за помощью, к «покровительству» церкви, именно как к сильной феодальной организации. Л. П. Черепов отмечает, что при нарушении обязательств крепостному со стороны владельца, крепостной порой «уходит под покровительство церкви»[6]. Тот же Черепов приводил такой пример: когда крестьянин Дбар из с. Эмхы убил своего владельца за посягательство на честь его жены, то он прибег под покровительство Лыхненской церкви[7]. Крестьяне Бранзе, вынужденные бежать из родного села, расположенного на берегу Ингур, также прибегли к покровительству пицундской церкви[8]. Дворяне с. Лдзаа Садзба указывали

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 103.
[2] В 1872 г. указанные крестьяне илорской церкви поступили в казну и были обложены податями в казну. В компенсацию, с отмеченного же времени, илорской церкви было назначено постоянное вознаграждение по 354 руб. в год. (ЦГИАЛ, ф. 1268. оп. 23. д. 167. л. 9).
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, л.л. 1–5.
[4] ЦГАА, ф 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 103.
[5] ЦГИАГ. ф. 220, д. 877, л.л. 42–49.
[6] Черепов А. П. Краткие заметки о сословных и взаимных отношениях жителей Бзыпского округа Абхазии, ЦГИАГ, ф- 416, оп. 3, д. 1038. л.л. 1–46.
[7] Там же.
[8] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 123 об.

места для поселения лицам, прибегавшим к покровительству пицундского храма[1].

Капитан Энсгольм писал в 1817 г., что в Абхазии «многочисленное духовенство не упускает ни одного случая, дабы воспользоваться народным суеверием в собственную свою пользу, противится всему новому, хотя и полезному, ибо иное несообразно с личными выгодами оного»[2].

* * *

Крестьяне составляли абсолютное большинство населения и являлись основными производителями материальных ценностей в стране. По своему правово-экономическому положению они делились на ряд категорий. Основными из них являлись: анхаю, ахоую, ахашвала.

Анхаю[3] (анхаҩы) составляли основную массу всего населения и, следовательно, главную производительную силу феодальной Абхазии. Вопреки утверждениям некоторых официальных лиц и представителей дворянско-буржуазной историографии об абсолютной свободе этих крестьян, они были лишь формально юридически свободны, экономически и политически феодально-зависимы. Причем, являясь объектом феодальной эксплуатации, эти крестьяне, как и другие, испытывали усиление классового гнета в рассматриваемый период.

Будучи собственником земли, являющейся основой производственных отношений феодального общества, помещик вместе с тем в той или иной мере был носителем политической власти, чем и обусловливалось внеэкономическое принуждение крестьянина со стороны помещика. Феодалы стремились всячески расширить круг зависимых от них крестьян, сделать эту зависимость возможно более устойчивой, тяжелой и увеличить таким путем свои доходы.

Вместе с тем, с другой стороны, в результате общего хозяйственного развития края, когда усиливалось проникновение товарно-денежных отношений не только в помещичье имение, но и в крестьянский двор, проявление внутреннего расслоения анхаю,

[1] Там же, л. 103.

[2] Кап. Энсгольм. Краткое обозрение Имеретин, Гурия, Мингрелии и Абхазии. Тифлис. 1817 г. ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 74, л.л. 1–45.

[3] Крестьяне анхаю в Самурзаканской части Абхазии были известны еще под названием пиоши (циошьи).

как и всего крестьянства, углублялось. Деревенская верхушка формировалась главным образом именно из анхаю – наиболее сильных в экономическом отношении крестьян.

Наши источники дают достаточно сведений о повинностях абхазских крестьян предреформенного периода. Они по своему характеру как для анхаю, так и для других крестьянских категорий делились па отработочную и продуктовую ренты, причем постепенно распространялась и денежная рента. Для анхаю основной формой ренты являлаь продуктовая, – факт сам по себе существенный для характеристики положения данной категории крестьян. Сухумская сословнопоземельная комиссия, идеализировавшая права анхаю, всю совокупность повинностей последних сводила, по крайней мере, к 10 «статьям»[1]. Они были обязаны: приносить вино, кукурузу, просо, чалу, лобио, животных, птицу и пр.; отбывать полевую работу в течение нескольких дней в году, содержать лошадей, обслуживать и исполнять различные поручения и т. д.

За исправным отбыванием крестьянами повинностей строго наблюдали и, в случае неисправного платежа подати или не выхода на барщину, с крестьян брали штраф–коров[2]. Дворяне и ашнакума «наблюдали за исправным производством работы» крестьян[3].

Однако в силу отмеченных выше обстоятельств, а также вследствие различия условий отдельных районов и т. д., объем и, характер повинностей анхаю был неодинаков как для отдельных их прослоек, так и в территориальном отношении. Таким образом, крестьяне анхаю перед реформой по своему хозяйственному и правовому положению не составляли единой и устойчивой категории.

Тем не менее форма зависимости этих крестьян, по крайней мере известной их части, не была определена полностью как крепостническая зависимость и в значительной степени прикрывалась родо-патриархальными пережитками. Они в известной мере могли защищать свои права в суде; пользоваться обычаем «первой заимки», передавать или продавать свою землю; лично они мало зависели от помещика; могли уйти от него, хотя все это оспаривалось и ограничивалось феодалами.

[1] ССКГ, вып. V. – С. 49-50.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, л.л. 2–8; ф. 220, д. 877. л.л. 42–49.

[3] Там же, ф. 416, д. 180, лл. 2-8.

Собственно крепостными крестьянами являлись ахоую (ахәуӡы)[1], образовавшиеся в своей массе из рабов (ахашвала), получавших семейные права, а также за счет пленных, купленных и «закабаления из других, выше стоящих (крестьянских. – Г. Д.) сословий»[2]. Несмотря на то, что ахоую также сидел на фактически ему принадлежавшей земле, на которой создавал свое хозяйство, он тем не менее был лишь наследственным владельцем этой земли; собственником же земли являлся господин, имевший прямую власть над его личностью. В силу этого ахоую и отдавал свой прибавочный труд или продукт владельцу.

Из повинностей для ахоую основной являлась самая простая и вместе с тем самая тяжелая форма ренты – отработочная. Ахоую три дня в неделю работали на владельцев по одному работнику с дыма, если в последнем не было более одного взрослого; в других же случаях–два и три работника. Владельцы также имели право использовать ахоую для присмотра за скотом, для домашних услуг и исполнения всевозможных хозяйственных работ. В частности, на женщинах, а также на части мужчин ахоую лежала повинность приготовлять пищу для владельцев и, кроме того, в определенных случаях для их работников, занятых на поле. Домашние работы в целом для ахоую были настолько значительны, что именно они определяли наименование данной категории крестьянства – «ахоую»: «приготавливающий пищу» (слуга). Кроме того, ахоую были обязаны приношением владельцам всевозможных продовольственных продуктов и предметов домашнего промысла. Самой отвратительной формой эксплуатации крестьян являлась практика их продажи.

Среди рассматриваемых крестьян мы также наблюдаем различия в экономическом и правовом положении. Некоторые из них даже имели возможность сами эксплуатировать чужой труд они держали не только рабов, но и ахоую. Такие крепостные крестьяне

[1] Ахоую был известен еще (в Самурзаканской Абхазии) под названием «дельмахоре». Кроме того, он иногда назывался «агыруа» и «агур», т. е. «мегрел» и «гуриец»; под названием же «агыруа» он был известен и у абазин среди ашхаруа, а вообще «лыг». В наименовании «агыруа» и «агур» нашел свое отражение исторический факт более раннего и в более сильной форме развития крепостнических отношений в Мегрелии и Гурии, а также частичное получение из последних контингента рассматриваемой категории крестьянства.

[2] ССКГ, вып. V. – С. 45.

нередко выкупались и переходили в разряд анхаю, неся при этом большие расходы, чаще всего отдавая все свое хозяйство.

На самой низкой ступени, зависимости стояла немногочисленная социальная группа ахашвала (ахашәала) – рабы, которые по своему положению фактически в основном соответствовали грузинским моджалабе[1] и почти целиком унаутам адыгов. Ахашвалами становились преимущественно пленные, а также купленные рабы, «закабаленные лица из других (крестьянских.– Г. Д.) сословий» и прижитые вне брака женщинами из той же категории.

Ахашвала являлись полной собственностью владельцев. Дореволюционные авторы к ним без всякого колебания применяли термин «раб». Они не имели никаких юридических и материальных прав и постоянно проживали в домах владельцев: составляли рабочую силу, которой пользовались главным образом для домашних услуг, а также и для других работ. Ахашвала по произволу владельцев могли быть передаваемы, продаваемы и вообще всяким образом отчуждаемы – характерный пример рабской формы эксплуатации.

Историк Д. З. Бакрадзе, описывая исключительно тяжелую участь ахашвала (моджалабе), восклицал: «Это ни больше ни меньше, как рабы в наихудшем смысле слова. Я встречал их часто в Самурзкани и Абхазии, и, признаюсь, всякий раз меня коробит, когда припоминаю их участь. Моджалабе хуже чем вещь: вещь всякий более или менее бережет, но к этим жалким созданиям владельцы не питают решительно никакого сострадания»[2].

Слово «ахашвала» в переводе означает: «то, что досталось», «прибыль», «излишек» или «лишний». Почти его синонимом является термин «атвы» (атәы), употреблявшийся в значении «раб», а также выражающий более общее понятие - собственность вообще.

Категория ахашвала представляет собой институт домашнего рабства, является несомненным пережитком патриархального рабства. Эти остатки патриархального рабства, а также те родовые пережитки, которые чувствовались еще в Абхазии, тормозили общественное развитие в крае. Но общая численность категории

[1] Характерно, что ахашвала в Самурзакано были известны и под названием моджалабе.

[2] Бакрадзе Д.З. Дворянство Абхазии и Самурзакани. Рукописное отделение Госмузея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, фонд М. Туманова, д. 376, л.л. 1–4.

ахашвала была в рассматриваемую нюху очень незначительная и непостоянная, особенно перед реформой[1], и имела тенденцию к полному исчезновению. Это было обусловлено в основном двумя причинами: во-первых, невыгодностью рабского труда в новых условиях; стремлением помещиков сажать своих ахашвала на землю, сделать их крепостными крестьянами, обязанными барщиной и оброком; во-вторых, мероприятиями кавказской русской администрации по борьбе с практикой работорговли (пленнопродавства) в крае, прогрессивное значение которых трудно переоценить[2].

Здесь надо особо подчеркнуть, что вообще введение русского управления в крае, последовавшее после проведения крестьянской реформы в России, говоря словами Ив. Аверкиева, «имело влияние и на сословные отношения». Кроме факта уничтожения «права помещиков продавать» рабов, Аверкиев свидетельствовал о том, что переход крестьян в категорию анхаю «значительно облегчился»: выкуп уменьшился и доходил до 20 или 25 коров; притом, если анхаю попадал в категорию крепостных крестьян, то ему предоставлялось право доказать в народном суде свое происхождение, и если суд признавал доказательства основательными, то, «по удовлетворении во всем должном помещика», он возвращался к прежнему своему положению[3].

Кроме указанных основных категорий крестьян, имелись также амацура-зку (амацуразқәу), представлявшие переходное состояние от ахоую к анхаю, и азаты (азаҭ) – «вольноотпущенники».

* * *

Даже краткая характеристика положения крестьянства в целом далеко не исчерпывается сказанным выше. Подчиненное положение этой части – основной массы населения феодальной Абхазии

[1] К 1870 г. она достигла всего лишь около 1 300 душ обоего пола.

[2] Между прочим, было сделано правительственное распоряжение от 11 июля 1866 г., по которому не только продажа, но дар, «всякого рода отчуждение лиц всех вообще зависимых сословий совсем {были) воспрещены». Однако это распоряжение не было объявлено в тот период ввиду начавшегося восстания и связанными с ним правительственными предположениями. (ЦГИАГ. ф. 545 оп I, (кН. 1), 1868 г., д. 422, л. 27).

[3] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря «Кавказ», 1866 г., № 74.

проявлялось и внешним образом. Как правило, крестьянин не имел права сидеть в присутствии феодала. При встрече с последним он должен был уступить дорогу и, если на лошади, – спешиться. Крестьянин не мог иметь дом, крытый дранью, а также обладать лучшим, чем феодал, конем, одеждой, оружием и т. д.

Сословное неравенство крестьянства находило свое яркое выражение также в «цене крови». По обычаю платилось за убийство: князя – 30 душ крестьян, лошадь с седлом, полное вооружение и серебряная цепь; анхаю – 2 или 3 души крестьян, ружье и шашка; ахоую – одна душа[1]. М. Джанашвили также указывал, что если кровь крестьянина ценилась в 5 человеческих душ, то кровь дворянина стоила втрое, а князя впятеро дороже, чем кровь крестьянина[2].

В этом отношении характерен и тот факт, что когда абхазский владетель в 1846 г. пытался провести некоторые меры, направленные против отдельных видов преступлений, то за совершение этих преступлений было определено: князьям и дворянам – пеня и арест, а «простолюдинам» – пеня и телесное наказание[3].

Кроме того, основная тяжесть постоянной заботы по воспитанию почти всего подрастающего поколения феодалов ложилась дополнительным бременем на плечи крестьян. Между тем как обратное явление – воспитание крестьянских детей князьями и дворянами в порядке аталычества, хотя бы в качестве редкого случая, совершенно исключалось. Существовали правила о строгом сословном ограничении браков, и нарушения этого ограничения со стороны крестьян обычно влекли за собой трагические последствия[4].

Таким образом, отношения между крестьянами и помещиками в феодальной Абхазии, как и повсюду, были политически закреплены системой сословных привилегий.

Князья и дворяне, не имея крупного хозяйства и ведя праздный образ жизни, стремились максимально использовать свое привилегированное положение за счет крестьян. Причем, по мере раз-

[1] Аверкиев Ив. Указ. соч. «Кавказ», № 72, 1866 г.; Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867 г., № 63.

[2] Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. (Этнографический очерк). ЗКОРГО, кн. 16, Тифлис, 1894. – С. 11.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18514, л. 12.

[4] Инал-ипа Ш. Очерки по истории брака и семьи у абхазов Сухуми, 1954. – С. 26–46.

вития торговли, средств сообщения и связи и пр. происходил рост потребностей помещиков, имевший своей обратной стороной усиление эксплуатации крестьянства, так как источником удовлетворения этих потребностей являлся тот же труд крестьянина. Капитан Энсгольм замечал, что в Абхазии «дворянство... в праздности всего ожидает от своего поселянина», а тот является «невольником своего господина..., лишенным всех прав гражданина»[1].

А. Н. Введенский писал, что князья и дворяне всячески старались игнорировать права «всех ниже их стоящих сословий»[2]. К. Чернышев в 1854 г. указывал: «Надобно, однако, отличать жизнь абхазца по различию его состояния. Князь или богатый дворянин действительно проводит жизнь среди лени и бездействия; простолюдин же работает, и если он, не взирая на труды свои, остается беден, то это проистекает не от лени, а из отношений бедного, низшего класса к высшему, который грабит, разоряет его...»[3].

А.В. Пахомов, говоря о первых последствиях упразднения владетельства в Абхазии, также подчеркивал, что здесь раньше «никто... не мог ручаться за то, что может с ним случиться завтра... Крестьяне же были в более худшем положении1. каждый почти имел право их грабить и даже убивать, платя только небольшой штраф, и на них же лежала обязанность кормить своих господ, дворян и князей...»[4].

Так, например, самурзаканский феодал Манучар Шервашидзе (был убит крестьянином Маджи Кварацхелия в 1813 г.), как гласит одно народное предание, в сопровождении вооруженного отряда рыскал по разным селам, имея целью: «удовлетворение своих зверских потребностей, обесчещение крестьянских девушек и женщин, и куплю-продажу крестьянских детей». При этом крестьяне обязаны были угощать М. Шервашидзе и его свиту. Такие «обходы» князя продолжались 10–15, а иногда и 20 дней в месяц[5].

Бесконечные феодальные междоусобицы и распри, которые после присоединения Абхазии к России (1810 г.) хотя и стали невозможны в старых формах, но до непосредственного введения

[1] Кап. Энсгольм. Указ. рук.

[2] ССКГ, вып. VI. – С. 9

[3] Чернышев К. Еще об Абхазии. «Кавказ», 1854 г., № 82.

[4] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 84–85.

[5] Предание об убийстве Манучара Шервашидзе. Рукопись. Каб. ист. СССР Сухумского госпединститута им. А. М. Горького.

русского управления все еще истощали край, пагубным образом отражаясь прежде всего на крестьянском населении, положение которого было и без того крайне тяжелым. Враждующие стороны уничтожали хозяйства крестьян, а часто истребляли и их самих.

Начальник Черноморской береговой линии ген. А. Будберг в рапорте к кн. М. Воронцову от 7 сентября 1846 г. писал: «Мщение князей и дворян не ограничивалось личным вредом своим врагам, но распространялось на их подвластных. Целые аулы были уничтожаемы, жатвы истреблялись, народ оставался без крова и пищи и не был огражден против таких бедствии никакими условиями общественной жизни, потому что все это считалось законным мщением»[1].

Сухумская сословно-поземельная комиссия также указывала, что «всякое неудовольствие, ссора между привилегированными фамилиями прежде всего отражались на их подвластных: на них вымещалось это неудовольствие. При кровомщениях мстившая сторона вторгалась в другое селение, как в неприятельскую страну, предавала все огню, совершала убийства, захватывала пленных, угоняла скот, забирала все, что только можно было взять, и уходила обратно с добычею»[2].

Когда Нарчоу Инал-ипа, вследствие гнева владетеля за поддержку его противника Гасан-бея Шервашидзе, в конце 20-х гг. бежал из с. Калдахвара на правую сторону р. Бзыбь, в м. Аспа, то владетель Абхазии М. Шервашидзе напал на названное село, и оно было сожжено до основания[3]. В 1846 г. в с. Лыхны было созвано народное собрание, на котором, между прочим, был поставлен вопрос о борьбе против воровства, кровомщения и других видов преступлений. По сообщению Карлгофа, это предложение, особенно крестьянами, было принято единодушно и с восторгом. Но впоследствии князья и дворяне, «усмотрев, что новые постановления клонятся преимущественно к обузданию их сословия, тайно старались вредить их успеху»[4].

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, л л. 84–85.

[2] ССКГ, вып. III, стр. 16.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л.л. 66–66 об.

[4] Карлгоф. Военно-статистическое обозрение восточного берега. Черного моря. 1853 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18514, л. 12.

Акапский князь Кизилбей Маршания в 1852 г. напал на крепостных крестьян Д. Г. Шервашидзе около г. Сухума, сжег их дома, мужчин частью перебил, частью взял в плен с тем, чтобы продать их, беременным женщинам резал животы, грудным детям разбивал головы, а девушкам повырезал груди[1]. В 1854 г. в с. Окум молодой кн. Эмухвари похитил княжну Анчабадзе; взаимное кровомщение разыгралось в таких размерах, что с той и другой стороны было убито более 10 князей и несколько десятков подвластных им крестьян, а также дворян[2].

Дворянин Хасан Маргания (Маан) летом 1863 г. совершил вооруженное нападение на имение кн. Григория Шервашидзе: сжег 8 деревень и разорил все имение, убил несколько крестьян, а многих взял в плен[3], из коих 25 человек продал туркам[4]. Между прочим, названный дворянин пользовался особым покровительством владетеля Абхазии М. Шервашидзе., Надо сказать, что этот последний вообще, «облагая простолюдинов за малые проступки огромными штрафами в пользу своей казны», как писал наместник Кавказа вел. кн. М. Н. Романов в марте 1864 г., «оставляет всегда безнаказанными сильных хищников и убийц и даже покровительствует им; от этого-то хищничество, грабежи и убийства сделались в Абхазии явлениями постоянными. Народ страдает...»[5].

Жители селений, подвергавшихся варварским нападениям, часто «оставляли дома и бежали искать убежища в других селениях, забирая с собою что можно. Для многих такое переселение было полным, т. е. они водворялись окончательно в новых местах»[6]. В 1863 г. в с. Бармышь был убит кн. Чачагва Инал-ипа его однофамильцем калдахварским кн. Соулахом. Бармышские крестьяне, избегая нападения со стороны родственников Чачагвы, бежали в с. Псырцха. Действительно, скоро калдахварцы вторглись в с. Бармышь, не найдя никого, сожгли дома и забрали с собой имущество населения[7].

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29. л.л. 186–211.

[2] Бартоломей И. и Мачавариани Д. Нечто о Самурзакани. ЗКОРГО, кн. 6, 1864. – С. 76.

[3] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1863 г., д. 607, л. 39 об; ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286. 1865, св. 879, д. 12г, л. 135.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, д. 26, л.л. 34 – 38.

[5] Там же, л.л, 29–34.

[6] ССКГ, вып. III. – С. 16.

[7] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 93–личное дело А. И. Агрба (1862–1941 гг.), л. 33 об; ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, л.л. 1–21.

Дальский князь Магмед-Гирей Маршания напал на имения абжуйских феодалов Мажара и Гыд Шервашидзе, вследствие чего жители вынуждены были бросить свои жилища и посевы и скрываться в лесах[1].

Участь же попадавшихся в плен крестьян была поистине трагична. Их в значительной массе превращали в рабов и часто продавали за пределы края. Такие нападения очень часто устраивались именно с целью захвата живого товара. Торговля невольниками продолжала оставаться величайшим социальным недугом.

Правда, после присоединения Абхазии к России русские власти, как и повсюду, повели борьбу против этого явления, приняв ряд специальных мер, в связи с чем число рабов стало резко сокращаться[2]. Но все же в Абхазии торговля людьми не была ликвидирована окончательно вплоть до крестьянской реформы, хотя с 1864 г., т. е. с введением в ней русского управления работорговля сошла почти на нет.

Капитан Энсгольм, данные которого относятся к 1817 г., свидетельствовал, что «удобностям гнусного торга людьми… способствуют столь везде рассыпанные проповедники корана, как и приходящие с разных мест Турции купеческие суда, кои под видом торговли, сами останавливаясь в море, отправляют свои лодки в устья рек; схваченный своим соотечественником абхазинец принимается оными и с прибытием к судну навеки прощается с своим отечеством»[3]. Вероломный «соотечественник», о котором писал Энсгольм, был феодал. Работорговлей занималось и духовенство[4].

Торговля пленниками и рабами, осуществлявшаяся абхазскими феодалами в этот период, была под покровительством и осуществлялась самим владетелем Абхазии М. Шервашидзе. Еще швейцарский ученый путешественник Дюбуа де Монпере, посетивший Абхазию в 1833 г., писал, что «этот ужасный торг прекратился бы совершенно, если бы Михаил-бей и Гасан-бей не были сами его первыми зачинщиками»[5].

[1] ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, лл. 1-21.

[2] Авалиани С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. II, Одесса, 1913. – С. 73

[3] Энсгольм. Указ. рук.

[4] ССКГ, вып. VI, отд. III. – С. 4.

[5] Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. I, Сухуми, 1937. – С. 122.

Вот что мы читаем в одном документе, датированном 6 апреля 1846 г.[1]: «Торговля мальчиками и девочками производится в Абхазии преимущественно двумя купцами турецкими, из которых всякий имеет по одному катеру из Трапезонта. Первый из этих купцов доверенный Михаила (Шервашидзе. – Г. Д.) и главный производитель его торговли Кара Гассан имеет часть своего семейства в Очемчирах, а часть в Константинополе со старшим сыном своим Гуссейном, к которому отправляет нагруженных в Очемчирах мальчиков и девушек» Оба эти торговцы в течение года продали до, 400 мальчиков, девушек и взрослых людей. М. Шервашидзе штрафы брал «девушками и мальчиками или взрослыми людьми, которые или переходят в руки Кара Гассана или идут на подарки черкесским князьям и даже кобулетским бекам». Из одной Абжуйской Абхазии М. Шервашидзе выбрал штрафами 160 чел.[2].

Феодалы продавали и дарили своих крепостных в соседние области и внутри княжества, как вещи. Джеймс Станислав Белл рассказывает, что в апреле 1837 г. один из абхазских феодалов привел черкесскому князю Гассан-бею в подарок 15 рабов[3]. В цитированном выше документе, датированном 6 апреля 1846 г., сообщается, что во время масленицы к абхазскому владетелю приезжали черкесские князья с большой свитой и подарили ему 30 лошадей с седлами. В ответ владетель отдал гостям такое же количество мальчиков и девочек[4]. Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала целый ряд неопровержимых фактов, характеризующих это явление внутри княжества[5].

Вместе с тем, как это частично уже отмечалось, феодалы в широких размерах занимались грабежом, являвшимся их профессиональным занятием, а для крестьянского населения – разорением. «Замечательно еще и то, – писал К. Чернышев, – что воровством в Абхазии занимаются не столько низшие, сколько высшие члены общества; не имея достаточных средств к жизни и считая труд стыдом, для прокормления своего семейства пускаются в воровство»[1]. Ф. Завадский также подчеркивал: «Нужно сказать, к чести абхазцев, что воровством занимались немногие, и то люди бездомные, чуждающиеся труда, как-то: обедневшие князья и дворяне»[2].

Хозяйство абхазского крестьянина в условиях очень низкого уровня техники большей частью не давало и минимума для существования. Все отрасли этого хозяйства стояли на весьма низком уровне. Дюбуа указывал, что одна или тем более две коровы –большое богатство для абхазского крестьянина[3]. Инженер Иогель и топограф Рябов в 1850 г. писали, что в Цебельде, которую они специально обследовали, коровы имеются только у князей, дворян и зажиточных крестьян[4]. О лошадях М. Селезнев замечал, что они имеются также только у феодалов и наиболее богатых крестьян, что дает «некоторую значительность в простом народе[5]. Ф. Торнау свидетельствовал, что у бедного населения очень часто недостает хлебных продуктов – кукурузы и проса, вследствие чего крестьяне большей частью питались каштанами, которые собирали в лесах, затем сушили и заготавливали на зиму[6].

Дюбуа, проходя через с. Лыхны, видел деревянные или, слепленные из глины хижины – «убогие и хрупкие», рассеянные то там, то здесь под сенью деревьев[7]. Деревянными домами обладали «более богатые», «убежище» же крестьян составляла плетеная, крытая камышем сакля, не защищенная от зимних непогод[8]. Горный инженер Гурьев, побывавший в с. Лыхны в начале 1843 г., подчеркнув, что здесь абхазский владетель имел каменный дом, убранный по-европейски, писал: «жители (крестьяне. – Г. Д.), как многие кавказские горцы, живут в саклях (плетушки из сучьев, настоящие садки, в

---

[1] ЦГИАГ, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, л.л. 2–3.

[2] Там же.

[3] Journal d'une residence en Cireassie pendat les annees 1838 et 1839 par James Stanislaw Bell armatenr du Vixen., т. 1. Париж, 1841. – С. 36.

[4] ЦГИАГ, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, лл. 2-3.

[5] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5

---

[1] «Кавказ», 1854 г., № 83.

[2] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда.

[3] Здесь речь не идет, конечно, о той части крестьянства которая являлась ее верхушкой, составлявшей незначительный процент к общей массе крестьянства, о чем будет сказано в соответствующем месте.

Дюбуа. Указ. соч. – С. 123.

[4] ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 749, л... 192.

[5] Селезнев М. Указ. соч. – С. 207.

[6] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. 1, М., 1804. – С. 40.

[7] Дюбуа. Указ. соч. – С. 116.

[8] ССКГ, вып. VI, отд. 111. – С. 5; М, Селезнев. Указ. соч... – С. 206.

которых перевозят кур)»[1]. Цену такого дома Ив. Аверкиев в 60-х гг. определял в стоимость одной коровы, т. е. приблизительно 10 руб.[2].

Внутренняя обстановка крестьянского жилья была еще более убогой; вошедшего в него первый раз «поразит бедность и чистота», – писал А. Н. Введенский[3]. Вся посуда в семействе бедняков состояла из небольшого чугунного котелка и двух или трех маленьких ведер, в которых держали молоко[4]. Между тем, подчеркивал С. И. Пушкарев, быт князей и известных дворян отличался определенным удобством: «У них стены дома рубленые, потолки досчатые, устраиваются нары (тахты), заваленные одеялами и подушками и, вместо костров, камины»[5].

Начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии ген. Ольшевский, указывая на тяжелое положение трудовых масс Абхазии, писал (в 1839 г.): «На редком абхазце, из черного народа, вы увидите рубашку. Женщины их покрыты рубищами»[6]. Ген. Филипсон, служивший в управлении Черноморской береговой линии, посетив в том же 1839 г. дом владетеля в с. Лыхны, также был свидетелем того факта, что крестьяне ходили в лохмотьях, а многие и вовсе были босые, едва прикрытые дырявой буркой[7].

А.Н. Введенский отмечал, что в Абхазии начиная от года и до пяти лет ребенок ходит в одной рубашке, и только более, богатые с двухлетнего возраста напяливают на него узкие холщевые панталоны. Дети бедных крестьян ходят даже без рубашонок, так как последние представляют ряд лоскутьев какой-то материи, соединенных кое-где нитками. «Нужно удивляться, – писал он далее, – как при такой костюмировке дети переносят все невзгоды погоды, в особенности зимою, бывающей весьма холодною в горных частях Абхазии и даже Самурзакани»[8]. Б. З. Бакрадзе также свидетельствовал, что большая часть из рабов «едва прикрыты рубищем»[9].

---

[1] Гурьев. О нахождении лигнита в Абхазии. «Горный журнал», часть III, кн. V, СПБ, 1843. – С. 292, прим.

[2] Аверкиев Ив. Указ. соч. «Кавказ», № 74, 1866 г.

[3] ССКГ, вып. VI, отд. III. – С. 15.

[4] Аверкиев Ив. Указ. соч.

[5] Пушкарев С. Абхазия и абхазцы. «Кавказ», 1854, № 61.

[6] ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 9 об.

[7] Воспоминания Г. В. Филипсона. «Русский архив», кн. 6, М., 1883. – С. 307.

[8] ССКГ, вып. VI, отд. III. – С. 11.

[9] Бакрадзе Д. З. Указ. рук.

2

Основной формой промышленности Абхазии в предреформенный период было домашнее производство. Абхазское население с давних времен перерабатывало разнообразное местное сырье, овладев определенными техническими и художественными приемами и навыками в этой области. Домашние промыслы в интересующее нас время составляли необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого, почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство, они были неразрывно связаны с земледелием в одно целое[1]. Деревенское ремесло и домашняя промышленность носили в основном натурально-потребительский характер. Они были рассчитаны, главным образом, на удовлетворение личных потребностей как самого непосредственного производителя, так и феодала, который либо содержал крепостных крестьян – мастеровых, либо получал от зависимых крестьян разные предметы домашнего производства в качестве повинностей. Однако это ремесло, связанное с сельским хозяйством, не удовлетворяло всего спроса.

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим указание на тот факт, что в Абхазии были крестьяне, которые специализировались по отдельным ремеслам и были обязаны производить для помещика все работы по своей специальности из материала последнего. Так, в конце XVIII в. или в начале XIX в. владетель Абхазии в с. Звандрипш поселил крестьян Чкок, которые считались его ремесленниками[2]. А. В. Пахомов писал в 60-х гг., что в с. Яштхуа анхаю Мац Гулия занимался кузнечным делом, а 4 дыма Каландия и 1 дым Ахиба являлись серебряных дел мастерами, па которых лежала обязанность производить даром всякую работу по их специальности для кн. Г. Д. Шервашидзе, поставлявшего им весь необходимый материал[3].

Между прочим, характерно, что фамилия Ахиба происходит от слова ахий – золотых дел мастер, что указывает на потомственную специализацию этой фамилии по данному виду ремесла. В Абхазии

---

[1] Ленин В. И. Соч., т 3. – С. 285.

[2] ЦГАА. ф. 57, 1870 г., д. 5, л. 180.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29. л.л. 495, 497

еще имеются крестьянские фамилии, которые свидетельствуют о их потомственной специализации по другим видам производства, как, например, Жиба, происходящей от ажий (ажьий) – кузнец; Ардзынба – от арадзны (аразны) – серебро.

Среди «главнейших произведений» Абхазии акад. И. А. Гюльденштедт называл суконные кафтаны и войлочные епанчи или бурки, являвшиеся предметами вывоза[1]. Яков Рейнеггс писал, что абхазские женщины славятся тем, что они прекрасно умеют делать бумажные ткани[2]. С. Броневский «изделия жителей» – бурки, толстые сукна и хлопчатую бумагу относил к числу «изобильнейших произведений, составлявших народную промышленность»[3]. Барон Аш также указывал, что в каждом доме приготовляют для домашнего употребления толстое сукно серого и желтого цвета из шерсти овец; бурки и полотно – из хлопчатой бумаги[4]. Об этом писал и Д. Зубарев; он же, кроме того, сообщает о приготовлении пенькового и льняного полотен[5].

Крестьянское население занималось обделкой дерева и рога, шорным промыслом, имело распространение гончарное производство, а также обработка камня, кожи.

Особое место занимала обработка металла. Рейнеггс, характеризуя хозяйственный быт абхазского населения, писал, что оно занимается обработкой железа, из которого делается отличная сталь и выковываются ружья, сабли и ножи[6]. Энсгольм говорил также о кустарных металлообрабатывающих ремеслах Абхазии, называя их «фабриками». Главным из промыслов было выделывание железа; из него приготовляют особенной доброты сталь – выливают ружейные стволы, делают кинжалы и ножи, весьма порядочные[7]. В этом отношении особенно интересно сообщение Абрюцкого, который

[1] Гюльденштедт И. А. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа. СПБ, 1809. – С. 143.

[2] Эти и др. сведения об Абхазии Рейнеггс дает в своей книге «Allegemeine historische-topographische Beschreibung des Kaukasus», t-2, Gotha, 1797.

[3] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I, М.. 1823. – С. 328–329

[4] Аш. Военно-статистич. обозрение страны, заключенной между Мингрелиею, крепостью Анапою, Черным морем и северо-западной частью Кавказского хребта. 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 103212 лл- 1–34.

[5] Зубарев Д. Абхазия. «Русский вестник», т. V, СПБ, 1842. – С. 9-1.

[6] Reinegss. Указ соч. – С. 13.

[7] Энсгольм. Указ. рук.

писал: Ружья, кинжалы и сабли делаются во многих местах из железа... Абхазцы отлично выделывают и приготовляют из оного особенной доброты сталь. Есть мастеровые, которые искусно чернят серебро и золото для украшения оружий»[1].

С. Т. Званба, рассказывая о жертвоприношении, делавшемся богу кузни, писал, что его ежегодно совершают кузнецы и слесари[2]. Очень важно сообщение и М. Джанашвили. Кузнечное ремесло, указывал он, требующее уже некоторых специальных технических знаний, предоставлено особым мастерам этого дела; в каждом селении имеется по два, по три кузнеца, которые из доставленного куска железа выделывают все необходимое[3].

Однако рассматриваемая промышленность в Абхазии не успела еще оторваться от «патриархального земледелия», как на неё обрушилась конкуренция со стороны русских фабричных изделий. Такое явление наблюдалось на всем Кавказе.

В. И. Ленин писал, что на Кавказе «шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов»[4].

Мы находим очень интересные сообщения у А. В Пахомова и Ф. Х. Эшба, подкрепляющие местным материалом (из жизни Абхазии) знаменитое ленинское положение. «Тканье бязи, – писал Эшба, – в настоящее время падает заметно; это объясняется тем, что привозной товар, как-то: ситец, бязь, миткаль и др., превосходят местную бязь по качеству и к тому же приобретаются дешевле ее»[5]. В другом месте: «Гончарное производство падает, и число рук, занимающихся им, с каждым годом значительно уменьшается. Падение промысла объясняется привозом в край разного рода более удобной посуды из стекла, фарфора и др.[6]

[1] Абрюцкий. Статистический взгляд на Абхазию. «Тифлисские ведомости», 1831 г., №№ 24–29.

Это сообщение буквально повторяется в указанной выше рукописи бар. Аш. Об этом писал и Д. Зубарев в 1842 г. (См. указ. его Соч. – С. 94).

[2] Соломон Званбай. Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии. «Кавказ», 1855 г., №№ 81–82.

[3] Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. – С. 15.

[4] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 521.

[5] Фома Эшибая. Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы. СМОМПК, вып. XI, Тифлис, 1891. – С. 262.

[6] Там же. – С. 263.

3

30–50 годы XIX в. в истории России были отмечены подъемом в развитии производительных сил города и деревни. В области промышленности этот подъем захватил целые отрасли производства и был начальной стадией промышленного переворота. В области сельского хозяйства его количественные масштабы были не велики. Однако и в сфере промышленности и в области сельского хозяйства ясно обозначилась ведущая линия процесса развития производительных сил – систематическое применение машин и новых рациональных методов производства. Это обстоятельство не было совместимо с феодально-крепостническим строем и должно было привести к глубокому перевороту в общественных отношениях[1].

Народное хозяйство Грузии и всего Кавказа постепенно втягивается в общероссийскую хозяйственную систему. Вопреки колониальной политике царизма, это способствовало развитию промышленности, транспорта, городов, торговли, сельского хозяйства, культуры. Прогрессивное влияние России на жизнь кавказских народов давало себя знать в самых разнообразных формах[2].

Экономическая жизнь Грузии, получившая благоприятный импульс для своего развития, к середине XIX в. существенно отличалась от ее состояния в начале столетия. Были созданы условия, необходимые для оживления производительных сил. Наблюдается быстрое увеличение числа торговых заведений и промышленных предприятий; развитие городов и городской жизни; появление в городах мелких фабрик и заводов, а также мастерских и мануфактур; возникновение банковско-кредитных учреждений и торгово-коммерческих организаций, которые вели широкие торгово-денежные операции внутри страны и вне ее пределов; рост числа мелких и крупных базаров и ярмарок, которые также вели значительную

[1] Дружинин Н. М. Конфликт между производительными силами л феодальными отношениями накануне реформы 1861 года. «Вопросы истории», 1954 г., № 7. – С. 63.

[2] Чхетия Ш. Буржуазные реформы в Грузии. «Документы по истории Грузии (1862-1917)», т. I, ч. 1. – С. XI-XIII; Антелава И.Г. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века. Автореферат докторской диссертации. Сухуми, 1954. – С. 20-21.

торговлю; определенное улучшение путей сообщения и средств передвижения и т. д.[1].

В деревне также происходили заметные сдвиги и изменения, выражавшиеся в усилении товарности в различных отраслях сельскохозяйственного производства, наличии признаков дифференциации крестьянства и помещиков, обострении классовой борьбы.

Все эти явления, имевшие место в ведущих районах страны, вызывали процесс разложения феодальных отношений, способствовали отмене крепостного права и утверждению капиталистической формации.

Характеризуя процесс развития капитализма в России, И. И. Ленин писал: «Русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности–остаток старинной патриархальной замкнутости, – создавал себе рынок для своих фабрик»[2].

Само собой разумеется, что хозяйственное развитие происходило неравномерно во всех частях края, но указанное общее в целом для последнего положение в той или иной степени применимо и к Абхазии, хотя здесь, как и в некоторых других местах, имелись дополнительные преграды для экономического развития, прежде всего в виде многочисленных дофеодальных пережитков. При этом необходимо подчеркнуть, что одной из причин замедленного развития производительных сил Абхазии была длительная военно-феодальная экспансия султанской Турции.

Наиболее ощутительный перелом в области развития хозяйственной жизни Абхазии в начале второй половины XIX в. был связан с упразднением власти феодального владетеля и проведением крестьянской реформы. Но уже в первой половине XIX столетия, в период политического присоединения Кавказа к России, в Абхазии происходят существенные изменения.

Уже в 30-х гг. XIX в. делались попытки создать мелкие промышленные предприятия в Абхазии. Так, в 1833 г., по договоренности с абхазским феодалом Гасанбеем Шервашидзе, в Абхазию приезжали горные инженеры Гурьев и Воскобойников для разведки свинцо-

[1] Махарадзе Ф. Е. Грузия в XIX столетии, 133. – С. 68; Чхетия Ш. Буржуазные реформы в Грузии. – С. XI.

[2] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 521.

вой руды[1]. Говоря об этом руднике, расположенном в горах около истоков р. Гумиста, Абрюдкий замечал, что он известен с древних времен и разрабатывается до сих пор. Далее Абрюдкий писал, что такового же свойства и таким же образом добывается свинец, содержащийся в горе против деревни Анакуа[2], о чем писал и М. Селезнев[3]. В начале 30-х годов солдатами бамборского укрепления был построен лесопильный завод; здесь также заготавливались кирпич, известь[4].

В начале 1843 г. инженер Гурьев был командирован в с. Лыхны для исследования месторождения каменного угля – лигнита[5]. В первой половине 40-х гг. были предприняты некоторые шаги по линии организации производства кирпича. Опыты для устройства кирпичных заводов делались в Сухуме, Мармбе и Пицунде. Вместе с тем начальник Черноморской береговой линии ген. Будберг «употребил все усилия, чтобы склонить к устройству кирпичных заводов местных владельцев». Некоторые из них, в том числе князья М. и Д. Шервашидзе, дали Будбергу «слово сделать опыты»[6].

В 1849 г. из керченского механического завода в Сухум были привезены металлические части для лесопилки[7]. В 1853 г. житель Кутаиса Петр Зубалов обратился к наместнику Кавказа Воронцову с просьбой об отводе ему места в Сухуме под кирпичный завод и о дозволении добывать под городом камень для извести[8]. Н. А. Шавров, сведения которого относятся к 1860 г., отмечал, что в 5 верстах от Сухума, по дороге в Гумское ущелье, имеются каменоломни, где добывается известняк[9]. Очевидно, это предприятие принадлежало

[1] «Горный журнал», ч. 3, кн. 9, СПБ, 1833. – С. 330.

[2] Селезнев М. Указ. соч. – С. 182.

[3] (Абрюцкий). Статистический взгляд на Абхазию «Тифлисские ведомости, 1831 г.. №№ 27–29.

[4] Торнау Ф. Взгляды на настоящее положение Абхазии и русских войск, ее занимающих. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 45240, л. 52; М. Селезнев. Указ. соч. – С. 189.

[5] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 845, д. 25, л. 2 об.

[6] Рапорт нач. Черноморской береговой линии ген. А. Будберга. М. Воронцову от 24 ноября 1845 г. Архив Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 7, л. 103.

[7] ГАКК, ф. 260, д. 480, л.л. 193–195.

[8] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 5, 1854 г., д. 677, л. 1.

[9] Шавров Н. А. Проект гавани в Сухум-Кале и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки. «Морской сборник», т. VIII, № 4, апрель, СПБ, 1862. – С. 246.

кн. Г. Д. Шервашидзе и давало в 60-х гг. до 2.000 руб. дохода в год[1]. В 1870 г. А. В. Пахомов также свидетельствовал о том, что в с. Яштхуа, на горе Царцмал, добывался известковый камень, употреблявшийся на постройки в г. Сухуме[2]. К моменту упразднения владетельства из «фабрично-заводской промышленности» в г. Сухуме и в его окрестностях было 6 кустарных кирпичных заводов[3].

Происходило распространение и определенное улучшение водяных мельниц[4].

Наблюдалась массовая и все возрастающая заготовка леса исключительно на продажу, что В. И. Ленин называл «лесопромышленностью»[5]. «Лес закупается у землевладельцев предпринимателями – «лесопромышленниками», которые нанимают рабочих для рубки, пилки леса, сплава и пр.»[6]. Все это в известной мере имело место в действительности Абхазии, богатой лесами, в том числе ценными породами. Рост спроса на абхазский лес был связан, главным образом, с общим хозяйственным развитием юга России. Это обстоятельство определило не только вывоз леса из Абхазии, но и рост потреблении его на месте.

В связи «с развитием товарно-денежных отношений, когда начался вывоз», в частности, леса, владетель Абхазии М. Шервашидзе поспешил монополизировать в своих руках право взимания платы за рубку леса в Абхазии для вывоза[7]. Получаемый владетелем доход с леса составлял, приблизительно, 10 тыс. руб. в год. Около 4 тыс. руб. получал Д. Г. Шервашидзе[8].

А.В. Пахомов подчеркивал, что близость и потребности города Сухума, а также удобства сухумского порта для вывоза леса в Россию и за границу обуславливали особенно значительное развитие

[1] ЦГИАГ, ф. 231, 1867 г., оп. 2, д. 253, л. 98.

[2] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, 1870 г., д. 14, лл. 1-9.

[3] Статистическ. описание гор. Сухума. ЦГИАГ, ф. 416. д. 1083, лл. **1-8.**

[4] Описание устройства абхазской водяной мельницы рассматриваемого периода см. в статье А. Н. Введенского «Экономическое Положение туземного населения Сухумского отдела». – С. **8.**

[5] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 460.

[6] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 461.

[7] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г, д. 246, лл. 65–90.

[8] Там же, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 188, л.л. 3–37; ф. 545, оп. 1, (кн. **1**), 1867 г., д. 246, л.л. 65–90

такой торговли в имении Д. Г. Шервашидзе, благодаря чему здесь более чем в целой Абхазии встречаются факты продажи леса «частным промышленникам»[1].

Одним из откупщиков владетельских лесов был дворянин Соломон Лакрба. После Крымской войны владетель отдал ему на откуп рубку самшита в нескольких местах. Однако С. Лакрба не смог удовлетворительно завершить начатую им операцию и впал в долги. Вследствие этого владетель в1862 г. наложил секвестр на весь заготовленный Лакрба самшит, сложенный в Сухуме. Представленный в ответ на это Соломоном Лакрба иск равнялся 24.649 руб., из коих более 13 тыс. руб. следовало кредиторам последнего[2].

Как уже подчеркивалось, по мере развития общей экономической жизни края происходил рост потребления леса и на месте, что было связано, прежде всего, с увеличением потребностей г. Сухума. М. Селезнев свидетельствовал, например, что в с. Дранда стояла «лесная команда», которая заготавливала лес «на здания нового города Сухума»[3]. Спрос на лес был связан также с проведением шоссейных дорог и с другими работами в Абхазии. Так, в одном только 1850 г., во время постройки дороги на линии Илори – Зугдиди, дворянин Мурза Лолуа срубил 3.000 дубовых брусьев[4].

Положение особенно изменилось после упразднения Абхазского феодального владетельства. Князья и дворяне «начали заключать условия с лесопромышленниками на порубку ими пальмы и строительного леса, присвоив себе права бесконтрольного производства порубок, разрешение которые принадлежало владетелю, перешедшее, с упразднением владельческой власти, к русскому правительству»[5].

Плата, получаемая помещиками «при новых порубках», не имела значения «ни пошлины, ни покровительственной дани; она приняла посему характер продажной цены»[6]. Между помещиками начались споры, «ибо выгода, несмотря на ничтожную цену леса, была

[1] Пахомов А. Замечания на записку полк. Краевйча о поземельной собственности в Абхазии. 19 марта .1870 г. ЦГИАЛ, ф. 1087, (.п. 1, 1870 г., д. 36, лл. 40–41.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г.. д. 1017, л. 72 об.
[3] Селезнев М. Указ. соч. – С. 172.
[4] ГАКК, ф. 260. д. 480, л 417 об.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г, д. 1017, л. 75.
[6] Там же.

значительна, и потому всякий желал принять в ней участие»[1].

Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала и приобщила к своим материалам 11 контрактов на вырубку леса, заключенных между некоторыми самурзаканскими феодалами с разными торговцами в 1864–1865 гг.[2]. Хищническое истребление лесных массивов и вывоз леса приняли такие исключительные размеры в Абхазии, что возникла угроза полного уничтожения ценных пород деревьев. В 1867 г. последовало правительственное распоряжение о запрещении рубки леса для внешнего вывоза[3].

В.И. Ленин указывал, что лесные работы принадлежат к наиболее дурно оплачиваемым[4]. Как заявляли князья Инал-ипа членам Сухумской сословно-поземельной комиссии, за рубку и вывоз леса купцы платили анхаю около 2 руб. за сажень. Ничтожную плату получали акапские анхаю при рубках самшита в Гумистинском ущелье[5].

Крестьяне эксплуатировались также при рубках и подвозах леса для строительства мостов во время дорожных работ. Так, дворянин Мурза Лолуа за доставленные им летом 1850 г. дубовые брусья просил уплатить 7.136 руб. сер. При том он указывал, что крестьяне, привлеченные к данной операции, до сих пор еще не получили от него заработанную ими сумму, вследствие чего они, выходя из терпения, неоднократно покушались на его жизнь[6].

4

Делались попытки и в направлении дорожного строительства, значение которого было очень велико в деле разрушения натурально-патриархальной замкнутости, развития внутреннего рынка и пр. Летом 1834 г. в Кутаисе был сформирован воинский отряд для продолжения сухопутного сообщения по побережью Абхазии. Отряд начал свое движение во второй половине августа и в начале ноября достиг укр. Бамбора. Летом следующего года дорога была

[1] Там же.
[2] ЦГАА, ф 57, оп. 2. 1870 г., д. 5, л.л. 195–197.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3. 1869 г., д. 1017, л. 75.
[4] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 462.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л.л. 73–74.
[6] ГАКК, ф. 260, д. 480, л.л. 117 об., 423 об.–491 об.

доведена до Гагр[1]. Однако реальные результаты этой экспедиции были весьма незначительны. Тем не менее, значение дороги было немаловажным. В дальнейшем к дорожным работам привлекалось местное население. Так, в 1838 г. самурзаканские крестьяне «употребляемы были для разработки дороги в их крае»[2]. Кроме того, крестьяне подвозили лесоматериал, необходимый для строительства мостов и пр.[3].

Около 1840 г. была построена дорога от Илори па Зугдиди в Тифлис, правда, скоро пришедшая почти в негодность[4]. В 1844 г. в Грузию были командированы инженеры путей сообщения для составления общих соображений об укреплении береговых рек у приморских фортов линии, а также для исправления дорог в Гурии, Мегрелии и Абхазии[5]. Инженер кап. Ежиков в заключении своего описания дороги от Илори до Ингура указывал, что если главный путь сообщения Абхазии с Мегрелией и другими частями Грузии будет проходить через Редут-Кале, Анаклию и Илори, то эта дорога будет самая выгодная, потому что кратчайшая, по хорошему качеству грунта, по изобилию материалов для исправления, соединяет торговые места Очемчиры и Редут-Кале[6].

В 1845 г. было установлено морское сообщение между Сухумом и Керчью, в 1846 г. – и Одессой. С 50-х гг. морское сообщение между Сухумом и другими приморскими пунктами становится почти регулярным.

В 1848 г. наместник Кавказа, «имея в виду важные последствия от проложения прямого сообщения от Сухума на северную покатость Кавказского хребта», приказал о производстве топографической съемки местности, по которой должен был проходить этот путь, и о составлении сообщения насчет возможности разработки на первое время вьючной дороги до перевала через хребет[7]. В

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 66.

[2] ГАКК, ф. 260, д. 480.

[3] Там же, л.л. 417 об., 42-3 об., 491 об.

[4] Рап. нач. 3 отд. Черномор. берег. линии ген. Гогенбаха нач. Черномор. берег. линии геи. Будбергу от декабря 1847 г ГАКК Ф 260, д. 480, л. 112.

[5] Предписание воен. мин. нач. Отд. кавказ- корпуса от. 12 июня. 1844 г. ГАКК, ф. 260, д. 480, л. 6.

[6] ГАКК, ф. 260, д. 480, л. 27.

[7] Рап. ген. Карлгофа нач. 3 отд. Черномор. берегов. линии от 22 января 1849 г. ГАКК, ф. 260, д. 749, л. 29

1849–850 гг. инженером Иогелем и топографом Рябовым был произведен осмотр сообщения через Главный Кавказский хребет, между г. Сухумом и верховьями р. Кубани[1]. Затем, после рекогносцировки указанного района, была составлена обширная «Записка об устройстве части дороги между кр. Сухум-Кале и Пятигорском, по южному склону Главного Кавказского хребта, до Нахарского перевала»[2]. В «Записке» учитывались и «коммерческие виды предполагаемой дороги». Этот пункт и другие положения «Записки» ясно говорят о том, что авторы предполагавшейся перевальной дороги придавали ей не только стратегическое, но и экономическое значение.

В 1853 г. была открыта почтовая дорога от Сухума до Редут-Кале, на пространстве 110 верст, соединявшая: Сухум: с другими городами и торговыми пунктами Грузии и Закавказья, в результате чего город Сухум «вступил в общий, состав, общую семью их, как самый молодой член»[3].

После Крымской войны, которая особенно наглядно показала исключительно тяжелое дорожное положение края, еще чаще стали говорить о дорожном строительстве; посыпались всевозможные проекты и записки, подчас, правда, прожектёрские, но, во всяком случае, доказывавшие важность дорожного дела в военном, административном и торговом отношениях. Вновь на повестку дня было поставлено изучение перевальной дороги, которая систематически обследовалась в течение 1857–1859 гг. На основании всего материала, собранного до этого по вопросу перевальной дороги, инженером подполк. Иогелем была составлена новая «Записка»[4], в которой, между прочим, так определялась цель строительства указанной дороги: «во-первых, случайное движение войск и доставление продовольствия Абхазскому отряду, во-вторых, торговое сообщение с Сухум-Кале».

Правда, Иогель горный путь в Абхазию находил невыгодным как сообщение для внешней торговли, но полагал, однако, что эта дорога будет полезна «как внутреннее сообщение для размена произведений Абхазии с Правым крылом». Так, например, с разви-

[1] ГАКК, ф. 260, д. 749, лл. 156-159.

[2] Там же, л.л 172–194.

[3] Свешников В. Из письма о Сухуме. «Кавказ», 23 декабря. 1853 г., № 95.

[4] Записка корпуса путей сообщения подполк. Иогеля о проложении дороги с долины р. Кубани по ущелью р. Теберды на южный склон Кавказа в долину р. Кодора. АКАК, т. XII, ч. II. – С. 785–790.

тием виноделия абхазское население найдет выгодным привозить сюда свое вино и брать взамен пшеницу, просо и другие хлебные продукты; точно также и жители Кубанской равнины; но «эти виды есть будущего»[1]. О необходимости и важности перевальной дороги усиленно говорилось и в конце 60-х гг.[2]. Ставился вопрос и о Черноморской железной дороге (Туапсе–Сухум)[3]. В это время, т. е. с конца 60-х гг., началось железнодорожное строительство в Закавказье.

Однако в Абхазии все еще продолжало царить бездорожье. Начальник Сухумского отдела ген. Гейман в своем отчете за 1874 г. прямо признавал, что дорог в Абхазии буквально не существует, есть только пешеходные тропы, по которым совершаются, и то во многих случаях с трудом и опасностью, верховая езда, всякого рода переправы и доставки[4].

5

Определенное развитие, как город, получил Сухум, хотя его росту препятствовали те же общая отсталость народного хозяйства страны и колониальная политика царизма. В 1832 г. был официально разрешен приход транспортных судов в Сухум; устраивается таможенная застава. В 30-х же годах было начато городское строительство; для этой же цели делались попытки организовать производство строительных материалов и пр. В 1840 г., по инициативе начальника Черноморской береговой линии ген. Н. Н. Раевского, было положено начало городскому ботаническому саду в Сухуме под названием «Военно-ботанического сада». Он возник на базе небольшого садика, созданного лекарем сухумского гарнизона Багриновским, которому было и поручено Н. Н. Раевским заведовать ботаническим садом. По данным полк. И. С. Радожицкого, описавшего флору восточного берега Черного моря в 1842 году, количество видов разводившихся экзотических растений в Сухумском ботаническом саду доходило до 61[5]. Сухумский сад был связан с Никитским садом (Крым), откуда он получал семена и растения[1]. И. С. Радожицкий ставил вопрос о создании в Сухуме «правильно устроенного сада», с надлежащими пособиями и квалифицированными работниками, который мог бы из первоначально набросанного эскиза превратиться со временем в рассадник изящных и полезных экзотических растений. «Мы бы, – мечтал Радожицкий, – могли иметь свои апельсины, лимоны, миндаль, маслины, хлопчатую бумагу, наилучший табак, может быть, кофе, чай, пробку и множество аптечных растений»[2].

По инициативе же Н. Н. Раевского в 1840 г. были начаты работы по осушке болот в Сухуме[3]. Они продолжались в течение почти всего последующего десятилетия[4]. Для воинских частей, расположенных здесь и страдавших от злокачественной малярии[5], было начато строительство казарм и госпиталя на холмах, расположенных вблизи Сухумской крепости. О значении Сухума Н. Н. Раевский писал: «Сухум есть порт Закавказского края и так же важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области»[6].

В целях усиления экономических и торговых связей, в 1845–1846 гг. было открыто регулярное морское сообщение между Сухумом, Керчью и Одессой; в 1846 г. Сухум был объявлен торговым портом; в 1847 г. Сухуму было предоставлено право транзита товаров в Тифлис и, вместе с тем, он был возведен в степень города. Здесь было учреждено карантинно-таможенное управление восточного берега Черного моря (Очемчиры, Сухум, Новороссийск, Геленджик, Анапа)[7].

В 1851 г. в Сухум было переведено управление начальника 3 отделения Черноморской береговой линии, которое до этого на-

---

[1] Там же. – С. 789.

[2] «Кавказ», 1866 г., № 48.

[3] Проценко Ю. Вопрос о Кавказской железной дороге. «Кавказ», 1868 г., № 140.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), д. 996, л.л. 3–40.

[5] Радожицкий Ил. Взгляд на флору восточного берега Черного моря «Журнал садоводства». М., 1842, № 5. – С. 48–49.

---

[1] Малеев В. А. Древесные экзоты Абхазии и их лесоводственное значение. Сб. «Абхазия. Геоботанический и лесоводственный очерк». Изд. АН СССР, М.–Л., 1936. – С. 273–275.

[2] Радожицкий Ил. Указ. соч. – С. 43.

[3] ГАКК, ф. 260, д. 170; Раевский Н. Н. Записка о торговле с горцами... АКАК, т. IX, ч. I. – С. 471.

[4] ГАКК, ф. 260, д. 170.

[5] В конце 30-х–нач. 40-х гг. смертность войск в Сухуме от малярии и др. болезней, по сообщению Н. Н. Раевского, в среднем в год достигала 154 чел (из 659 чел. гарнизона).

[6] Раевский Н. И. Указ. записка.

[7] «Кавказский календарь на 1851 год». Тифлис 1850, отд. 5. – С. 69–70.

ходилось в сел. Бамбора[1]. В Сухуме строятся каменные здания, и в течение двух лет здесь появилось до 12 казенных и частных таких строений[2]. Кроме того, по данным «Кавказского календаря» за 1853 г., в Сухуме было 106 турлучных зданий, 2 кирпичных завода, 26 «питьевых домов» и 36 лавок. Здесь имелись полицейское управление, городское и окружное карантинно-таможенное управление, а также городская ратуша, которой были предоставлены права уездного «сословного» и «совестного» суда.

В 1853 г. от Марани до Сухума был открыт почтовый тракт, на котором было учреждено 10 станций, из них на территории Абхазии – 5 станций[3].

Во время Крымской войны Сухум был временно захвачен турецкими войсками, разорившими город, но после войны оп стал быстро возрождаться. В 1857 г. в Сухуме (около крепости) была открыта морская станция; такая же станция была открыта и в Новороссийской бухте, а в Поти – военно-портовое управление[4].

Из воспоминаний С. Смоленского мы узнаем о существовании в Сухуме в 50-х гг. «клубной библиотеки», между прочим, откуда он летом 1859 г. брал для чтения журнал «Отечественные Записки»[5].

Д. З. Бакрадзе писал в 1860 г.: «Зугдид и Сухум быстро растут; в окрестностях Сухума леса вырубаются, болота осушаются и проводятся канавы; прямые широкие улицы обстраиваются двухэтажными домами»[6]. Такое описание, строго говоря, не вполне соответствовало действительному положению вещей. Но оно верно в том отношении, что отражает развитие названных пунктов перед реформой.

Население Сухума росло очень медленно. Тем не менее, к моменту ликвидации владетельства в нем имелось более 1.200 чел., из коих «коренные обыватели» составляли 820 чел. Купцов было 24 чел., ремесленников – 13 чел., мещан – 427 чел.[7]. Количество же домов (каменных и деревянных) в 1865г. достигало 311[1]. Население г. Сухума в 1865 г. возросло до 1.612 чел.[2].

[1] ГАКК, ф. 260, д. 818.
[2] Свешников В. Указ. соч.
[3] АКАК, т. XI, ч. II. – С. 778–779.
[4] «Кавказский календарь на 1865 год» отд. 3. – С. 35.
[5] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», 1872 г., № 10. – С. 34.
[6] «Кавказ», 1860 г., № 49.
[7] Статист, списание г. Сухума. ЦГИАГ. ф. 416, д. 1083. л.л. 1–8

С 1867 г. в Сухуме было приступлено к шоссировке улиц и проведению водосточных канав, в результате чего скоро были уничтожены болота в самом городе. «Можно смело сказать, – писал А. Н. Введенский в 1871 г., – что в настоящее уже время не существует трех пятых условий, перечисленных г. Троповым в своем сочинении[3], делавших сухумский климат болезненным»[4].

* * *

Росли и другие населенные пункты городского типа. Местечко Очемчиры по своему экономическому значению занимало второе место в Абхазии. М. Селезнев, касаясь внутренней торговли, писал, что Очемчиры – богатые товарами – имеют постоянные связи с Илори, жители которого закупали товары и развозили по Абхазии. Здесь находился деревянный рынок в два ряда, по бокам его были разбросаны дома абхазских крестьян[5]. В 1847 г. был открыт очемчирский порт. В 1852 г. Очемчиры уже называют «большим местечком» со «значительным базаром»[6]. М. Селезнев отмечал, что теперь Илори обстраивается, общежитие развивается, сакли жителей наполняются европейскими побрякушками и строятся прочнее, виднее и опрятнее прежних[7].

С. Смоленский о состоянии м. Гудауты в 1859 г сообщает следующее. Местечко составляет одну улицу, застроенную с обеих, сторон рядами деревянных лавок; позади некоторых из них пристроены жилые дома. Улица начиналась почти от самого моря и упиралась в лес, тянувшийся к с. Лыхны. На самом видном месте, над берегом, стояла кофейня. Торговцы занимались спекуляцией, эксплуатируя крестьян. Торговля велась мелочная. Здесь находил-

[1] Сб. статистических сведений о Кавказе, т. I, отд. 2, Тифлис 1869. – С. 67.
[2] Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. – С. 68.
[3] Тропов Н. Опыты медицинской географии Кавказа. СПБ, 1864. – С. 157–163.
[4] Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 3.
[5] Селезнев М. Указ. соч. – С. 155, 157.
[6] «Кавказ», 1852 г, № 76.
[7] Селезнев М. Указ. соч. – С. 153.

ся дистанционный чиновник, подведомственный Сухумской карантинно-таможенной конторе, охранявший берег Сухум–Пицунда от ввоза беспошлинных товаров[1]. Впоследствии в Гудаутах была учреждена карантинно-таможенная застава, которая, по данным, относящимся к 1866 г., имела каменное здание[2]. К этому времени здесь был также двухэтажный дом и 5 флигелей, принадлежавшие владетелю Абхазии[3], и т. д.

Д. З. Бакрадзе писал в 1860 г., что в Зугдиди, Окуме, Сухуме и Гаграх «в настоящее время заметна особенная деятельность». Далее он сообщал: «В Окуме два года назад был лишь один дом священника; ныне... уже выстроен удобный казенный дом, проведена улица и обстроена лавками; строятся церковь и казармы. В Гаграх тоже: все помещения батальонного командира, офицеров и нижних чинов окончены и снабжены всем нужным; ...маленький садик вне укрепления усажен между прочим масличными деревьями»[4]. В конце 60-х гг. в Гаграх была организована санаторная стоянка[5], куда присылались для излечения страдавшие малярией воинские части гарнизонов Сухума и других мест Черноморского побережья[6].

Интересно сообщение Бакрадзе и о том, что местные помещики приобретают в городе места и строятся, многие из них и в своих поместьях строят дома и стараются вести хозяйство на европейский лад[7]. Акапский князь Чапияк Маршания в докладной записке Святополк-Мирскому в апреле 1869 г. писал, что в 1868 г. он начал постройку каменного дома, «и надеюсь построить гораздо лучше противу других жителей»[8].

---

[1] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», 1872 г., № 10. – С. 332.

[2] ЦГИАГ. ф. 416, он. 3. д. 185, л.л. 3–4.

[3] Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах… – С. 40.

[4] «Кавказ», 1852 г . № 76.

[5] Указанная санаторная стоянка была упразднена после русско-турецкой войны 1877 –1878 гг., так как войск осталось мало.

[6] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего). ЗКОРГО. кн. XXV, 1906. – С. 5.

[7] «Кавказ», 1860 г., № 49.

[8] ЦГИАГ, ф. 545, 1865 г., оп. 1, (кн. 1), д. 180. л. 290.

6

Несмотря на сильные колебания таможенной политики, торговые обороты Закавказья значительно выросли. Прогрессивные деятели России стремились к прочной мирной экономической связи с Кавказом. Н. Н. Раевский, стоявший за такой план, существовавшие укрепления на Черноморском побережье рассматривал не только как военные форпосты, но и как опорные пункты для развития торговли здесь. Он заявлял, что «бесполезное кровопролитие» надо заменить «средствами мирными». «Десятилетнее спокойствие и мирные сношения, – писал Раевский, – улучшили состояние края и сблизили жителей с русскими»[1]. При этом Н. Н. Раевский призывал к борьбе против английской и турецкой контрабандной торговли[2], с каковой целью он возводил укрепления на Черноморской береговой линии[3]. Н. Н. Раевский выдвигал и такие прогрессивные идеи, как ликвидация феодальной раздробленности и «насаждение гражданского благоустройства» в Абхазии, и т. д.

В связи с предположением изменить в Закавказском крае всю таможенную систему было признано необходимым, для общей связи этого предположения, торговые пункты Гудава, Очемчиры и Келасури принять в карантинно-таможенное ведомство[4], что и было сделано с 1 марта 1848 г. Карантинно-таможенная застава была учреждена в Очемчирах, а в других пунктах – карантинно-таможенные посты[5]. Вместе с тем надзор со стороны моря был возложен на крейсирующие военные суда и лодки, а по сухопутной границе – на разъездные посты. Для усиления же крейсерства по берегам Абхазии и Мегрелии были назначены особые команды[6]. Эти меры были

---

[1] Раевский Н. Н. Записка о торговле с горцами. АКАК, т. IX. – С. 471-474.

[2] АКАК, т. IX. – С. 251.

[3] Прекращению контрабандной торговли значительно содействовало крейсерство Черноморского флота по Кавказскому побережью и затем учреждение так наз. Черноморской береговой линии, состоявшей из ряда крепостей и укреплений, построенных русскими войсками на Кавказском берегу Черного моря в 30–40 гг.

[4] АКАК, т. XI, ч. II. – С. 948.

[5] Там же, т. X, ч. I. – С. 218.

Одновременно князья М. и Д. Шервашидзе, владевшие указанными пунктами, были вознаграждены в размере **12** тыс. руб.

[6] Отчет М. С. Воронцова за 1846–1848 гг. АКАК, т. X, ч. II. – С. 883–884.

направлены, прежде всего, против англо-турецкой контрабандной торговли на побережье.

Интересно отметить, что на это обстоятельство обратил внимание К. Маркс. Он писал: «...29 октября 1836 г., из Лондона в Черкессию отплыл «Виксен», торговое судно, принадлежавшее г-ну Джорджу Беллю и нагруженное солью. 25 ноября судно было захвачено русским военным кораблем в... бухте Сухум-Кале... Судно, его груз и экипаж были отправлены в Севастопольскую гавань, где 27 января был вынесен приговор России о конфискации судна». С этой поры судно плавало под названием «Сухум-Кале»[1].

Положительное значение для населения указанных мероприятий будет еще яснее, если учесть, что они наносили удар, по торговле рабами.

В 1831 году в Закавказье был упразднен льготный тариф, но в 1846 г. краю вновь вернули льготы в области торговли с заграницей. Такое положение длилось до конца 1850 г.; с 1 января 1851 г. во всей Российской империи был введен новый таможенный тариф, имевший отдельный параграф, касающийся налагаемых пошлин на ввозимые в Закавказье товары.

В Сухуме с 1845 г. начинает развиваться торговое мореплавание и его успехи с этого времени делаются довольно заметными. До этого ежегодный приход судов не превышал в год 20 мелких баркасов, каботажное судоходство также было слабо и не превышало 240 судов малого размера. С 1845 же года приход судов из-за границы в первом году превзошел цифру 50 и, постепенно возрастая, достиг в 1850 г. до 220 судов разной величины. Вместе с тем оживилось и каботажное судоходство, и теперь сухумский порт посещали от 357 до 420 каботажных судов ежегодно[2].

С 1847 г., когда в Сухуме начала свои действия «первоклассная таможня», дальнейшее развитие внешней торговли становится заметным. Привозились бумажные и полушерстяные изделия, сахар, табак, сафьян, мыло, соль и пр. Из «местных произведений» вывозились: самшит, сырые кожи, воск, мед, кукуруза, рыбий жир, сало и пр.[3].

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. IX. – С. 540–541.

[2] Пушкарев С. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания. ЗК0РГ0, кн. II, Тифлис, 1853. – С. 160–161.

[3] Там же. – С. 161 –162.

Каботажные суда в Сухум привозили из азовских портов и Керчи муку пшеничную, вино хлебное, керченский камень, железо и чугун в полосах, листах и разных изделиях, мануфактурные, галантерейные и другие товары; из разных мест Черноморской береговой линии – вымениваемые от населения воск, мед и кожи сырые. Из Сухума вывозили в Керчь и азовские порты разные местные продукты, а также некоторые товары, привозившиеся из-за границы, а по укреплениям Черноморской береговой линии, до Анапы включительно, развозились, кроме местных произведений, почти все привозившиеся йз-за границы товары[1].

Крымская война прервала на время развитие торговли Абхазии, ставшей непосредственной ареной военных действий. Но вскоре после войны торговля начала расти более быстрыми темпами. Например, орехового дерева из Сухума в 1860–1863 гг. было вывезено 25.464 пуда[2], а вывоз самшита по Абхазии в 1861 –1865 гг. составлял 556.785 пудов[3]. Из 2.330 рейсов, совершенных в 1860 г. каботажными судами в Поти, Николаев, Редут-Кале и Сухум, на последний падало 769 рейсов[4], а общий итог прихода и отхода мелких судов из российских и заграничных портов сюда в том же году равнялся 569 судам[5]. В 1862 г. приход каботажных судов (с грузом и без груза) в Сухум, Очемчиры и Гудауты составлял 499 единиц и отход–495 единиц[6].

Оборот торговли г. Сухума в 60-х гг. равнялся: отпускной – около 175,5 тыс. рублям, внутренней – около 536 тыс. рублям[7].

Положение особенно изменилось после упразднения Абхазского владетельства. Этот факт, несмотря на всю тяжесть для трудящихся царского колониального управления, способствовал втягиванию Абхазии, как и всего Кавказского края, в общую экономическую жизнь пореформенной России. В.И. Ленин указывал, что в это время в России «все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая»[8].

[1] Там же, стр. 162–163.

[2] ЦГИАГ. ф. 416, д 1083. л.л. 1–8.

[3] Там же, ф. о45. оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 246, л.л. 65–90.

[4] Там же, ф. 1 115, д. 11. л. 94

[5] Там же, л. 95.

[6] Там же, л. 120.

[7] Там же, ф. 416, д. 1083, л.л. 1–**8.**

[8] Ленин В. И. Соч., т. 17. – С. 65–**66**.

А. В. Пахомов, говоря о первых последствиях упразднения в Абхазии владетельства, о «благодетельном влиянии» этого факта на сельское хозяйство края, приводил, как «более разительный пример», сведения о вывозе кукурузы, который увеличился с 108.457 пуд. в 1864 г. до 166.320 пуд. в 1865 г.[1] О росте товарооборота говорят и данные о пошлинах, поступивших за указанные же годы - около 19 тыс. руб. и более 27 тыс. руб.[2]

По данным Сухумской карантинно-таможенной конторы, мы имеем такую картину движения судов через сухумский порт в 1867 г.: всего ушло и пришло 271 судно; из них–504 в российские порты и обратно, а 217-за границу. Таким образом основная масса судов (70,0%) приходила из Россиии направлялась туда[3]. Еще более интересны данные о вывозе из Сухума Уже таких предметов, как табак, мелкий орех, пшено, апельсины, инжир в указанном году было вывезено в порты Российской империи около 420 пуд., причем из них 151 пуд было вывезено в Поти[4].

Базары играли важную роль. В проекте Сухумской сословно-поземельной комиссии о поземельном устройстве населения Абхазии (1869 г) подчеркивалось, что произошло увеличение числа береговых базаров уже в период русской власти[5]. Это были сухумский, келасурскии, гудавский, илорский, гудаутский, бамборский базары. Торговые магазины появляются и в ряде других мест (Дранда и т. д.).

Базары характеризовали не только внешнюю торговлю, но до известной степени и внутреннюю, состояние данного рынка, величина которого всегда «неразрывно связана со степенью специализации общественного труда»[6]. Этот мелкий местный рынок связывал «крохотные группы мелких производителей…»[7].

Вопрос о втягивании абхазского населения в орбиту рыночных отношений опровергает ложное мнение о полной, индифферентности этого населения, в частности, крестьянства, по всякой торговле

[1] Похомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 87.

[2] Отношение кутаисск. ген.-губ. Святсполк-Мирского к А. П. Карцеву от 28 января 1866 г. ЦГИАГ, ф. 80. д. 49. л.л. 9–14.

[3] ЦГАА, ф. 8. оп. 1, Д. 7, л.л. 11 – 21, 23–44.

[4] Там же, л 52.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 71.

[6] Ленин В. И. Соч., т. 1. – С. 33–84.

[7] Ленин В.И. Соч., т. 3. – С. 331.

вообще. Французский консул в Тифлисе Гамба, посетивший Сухум в 1822 г., писал, что ежедневно абхазцы, часто в большом количестве, приходят в Сухум «производить свои операции обмена»[1].

Другой источник говорит нам о том, что с 1827 г. абхазцы начали приходить к сухумскому берегу, где покупали соль, железо и другие товары, привозившиеся из Редут-Кале[2].

Ф.Ф. Торнау свидетельствовал, что в Бзыбской Абхазии население вело определенную торговлю «съестными припасами», Главным пунктом этой торговли здесь являлась Бамбора[3]. О бамборском базаре писал и Дюбуа[4]. Более подробные сведения о той торговле, которую вели крестьяне па бамборском базаре, дает М. Селезнев. Жители близлежащих селений, особенно с. Лыхны, а часто и издали, приходили и приезжали продавать на форштате свои произведения и покупать нужное для своего обихода». «Каждодневно, – писал он далее, – базар наполняют толпы абхазов: они прохаживаются дружно из лавки в лавку…, торгуют яйцами, сыром и своим тарелочным медом». В Пицунде абхазские крестьяне также «приносили свои разные произведения домашнего хозяйства и продавали»[5].

Начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии ген. Ольшевский в рапорте на имя ген. Н. Н. Раевского от 3 сентября 1839 г. отмечал, что население Абхазии продает мед, воск, грецкие орехи, разные фрукты, а ближайшие жители приносили на продажу кур, каплунов, молоко, огурцы, лук и пр. Особенно интересно свидетельство Ольшевского о том, что «большая часть абхазов узнали теперь цену деньгам; и потому охотнее продают свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров»[6].

С. Смоленский, офицер сотни, стоявшей в Бамбора в июне 1859 г., свидетельствовал, что в первый же день их встретила целая толпа жителей соседних деревень, которые несли на продажу сыр, кур и яйца, причем отдавали десяток яиц за 2,5 коп., и курицу не дороже 10 коп. На следующий день посетителей явилось еще больше,

[1] Gamba. Vov. gr dans la Russie meridionale..,ариж, 1826. – С, 76.

[2] Краткое военно-статистич. обозрение Абхазии. ЦГВИА, ф. ВУА. 1843 г . д. 42976, л. 8.

[3] ЦГВИА. ф. ВУА, Д. 45240, л. 52 об.

[4] Дюбуа. Указ. соч. – С. 123.

[5] Селезнев М. Указ. соч. – С. 189–205.

[6] ЦГИАГ, ф. 1396. оп. 1, д. 69. л.л. 8 об.–9.

тут были и жители других деревень; некоторые из них приходили «для продажи чего-либо»[1]. При этом автор особенно подчеркивает факт завязывания дружбы между русскими солдатами и абхазскими крестьянами. Некоторые из лыхненских крестьян говорили Смоленскому, что у них есть дети, крещенные по-русски, восприемниками которых были из Бамбора фельдфебеля, унтер-офицеры и их жены. Указанная дружба[2] иногда сопровождалась взаимными подарками; в частности, абхазские крестьяне приносили сыр, молоко в бурдюках, кур, яйца и проч.[3]. Продавали же крестьяне в лагерь свои продукты преимущественно за деньги[4]. Из других фактов такого же рода, сообщаемых Смоленским, интересен и следующий. Абхазский крестьянин Аалил, житель одной из ближайших к Сухуму деревень, летом почти каждый день в город приносил для продажи кур, сыр, молоко в бурдюке, и ходил под окнами батальонных построек и штаба, выкрикивая «молоко...»[5].

В начале 50-х гг. в Сухуме временно проживало 85 крепостных крестьян, которые занимались торговлей[6]. На это обстоятельство указывал и А. В. Пахомов, который писал в Сухумскую сословно-поземельную комиссию (1869 г.), что большая часть крепостных (ахоую) кн. Д. Г. Шервашидзе, с позволения помещика и даже по его собственному желанию, занимались торговлей на келасурском базаре и имели там лавки, так что большая часть келасурских торговцев состояла из крепостных князя Димитрия Шервашидзе[7].

В проекте Сухумской сословно-поземельной комиссии о поземельном устройстве населения Абхазии приводились следующие данные: жители окрестных к Сухуму селении привозили дрова на сухумский базар, а жители с. Лыхны на гудаутский базар; «вообще сбыт дров в небольшом размере в духаны весьма обыкновенен... в Абхазии»[8]. «После введения в Абхазии непосредственного русского

[1] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», 1872 г., № 9. – С. 151.
[2] Там же, № 9. – С. 154.
[3] Там же, № 10. – С. 352.
[4] Там же, № 9. – С. 154.
[5] Смоленский С. Указ. соч., 1874 г., № 9. – С. 166.
[6] ЦГИАГ, ф- 416. оп. 3. 1863 г., д. 180, л.л. 2–8.
[7] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе, ч. II, ЦГИА, ф. 1110, оп.1, д. 15.
[8] ЦГИАГ, ф. 416. оп. 1869 г., д. 1017, л. 69 об.

управления, писал А. В. Пахомов, – жители окружающих город Сухум селении, крестьяне князя Георгия Шервашидзе, начали приносить на своих плечах в город на продажу не дрова, а пучки хворосту и валежнику. Занимаются этой мелкой промышленностью преимущественно дети бедных крестьян». По мнению ахомо за это было определенным «нарушением помещичьих прав»[1]. С . И. Пушкарев свидетельствовал, что абхазское население приносило на базары в Сухум, Келасури и Очемчиры кур, свежие фрукты, звериные кожи, мед и воск[2].

А.Н. Введенский писал, что необходимое для продовольствия семейства количество орехов и каштанов оставляется в запас, а остальные сносятся на базар местечек Гудаут и Очемчир где скупаются и отправляются в Россию[3]. Крестьяне на сухумском базаре сбывали разные фрукты (яблоки, груши, орехи, инжир, черешню, персики, сливы)[4], а также ягоды (ежевику, барбарис, кизил и пр.)[5]. В больших размерах продавалась и местная мелкая хурма, которая, вместе с тем, являть, но словам А. В. Пахомова, предметом огромного вывоза в Россию, где служила лакомством «для простого народа» и шла на винокурение[6]. Шелк-сырец сбывался, «как и все продукты полевого и домашнего абхазского хозяйства», на базарах местечек Гудаут и Очамчир и города Сухума[7].

Эти и иные товары сбывались и на ярмарках, расположенных за пределами Абхазии. Так, еще в 1836 г. подполк. Арцруни в своей записке об учреждении ярмарок в некоторых местах Закавказья считал участие Абхазии в кутаисской ярмарке вполне определенным[8]. А бар. Розен в своем отношении к т. с. Блудову от 21 февраля 1837 г. констатировал, что в м. Сенаки ярмарка начинается в июне и продолжается целую неделю; на нее съезжаются жители из разных мест, частью из Абхазии. «Главный торг» производился лошадьми и скотом, а также местными шелковыми, бумажными и шерстяными произведениями и сукном[9].

[1] Там же, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, л. 44.
[2] Пушкарев С. Абхазия и абхазцы. «Кавказ». 1854 г., № 61
[3] ССКГ, вып. VI. – С. 20.
[4] Там же. – С. 21.
[5] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 57–58.
[6] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 57.
[7] ССКГ, вып. VI. – С. 19.
[8] АКАК, т. VIII, ч. I. – С. 182.
[9] Там же. – С. 183.

Мы выше говорили об определенном, хотя и весьма медленном развитии, происходившем в жизни г. Сухума, в частности, по линии торговли. Из этой последней области в данном случае интересно заметить, что если к моменту упразднения владетельства в Сухуме было 24 купца[1], то к исходу 1868 г. их было уже 66 чел., из коих лиц, принадлежавших «к местному купеческому сословию», было 29 чел., мелких торговцев – 12 чел.[2]. Еще М. Селезнев сообщал, что среди «вольпопромыш- ленников Сухума «и абхазы имеют... свои лавки и убежища»[3]. Акапский кн. Чапияк Маршания в докладной записке на имя Святополк-Мирского в апреле 1869 г. сообщал, что он начал «заниматься коммерческими делами» с сухумскими жителями[4]. Из отношения начальника Пицундского округа Бутми де Кацмана А. В. Пахомову от октября 1868 г. мы также узнаем, что кн. Ростом Маршания в м. Келасури продал 2 духана, которыми он прежде пользовался[5].

7

Рост товарно-денежных отношений способствовал подрыву основного условия существования феодально-крепостнической системы – натурального хозяйства. Важнейшим предметом торговли была кукуруза, являвшаяся одной из главнейших полевых культур и основным хлебом в питании населения края; разведением ее занимались как помещики, так и крестьяне. Очень характерно сообщение А. В. Пахомова о том, что абхазское население, в том числе и крестьяне, стало засевать больше кукурузы и, сбывая свои продукты свободно и без затруднений, «начинает понимать значение денег»[6]. В другом месте: «...Одновременно с увеличением запашки под кукурузу увеличиваются размеры и других хозяйственных производств»[7].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, л.л. 1-8.
[2] «Кавказский календарь на 1870 год». – С. 415.
[3] Селезнев М. Указ. соч. – С. 205.
[4] ЦГИА, ф 1110, оп. 1, 1866 г., д. 24, л. 25.
[5] ЦГИАГ, ф. 545, 1865 г., оп. 1, (кн. 1), д. 180, л. 290.
[6] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 86
[7] Пахомов А. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, ч. I. ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, д. 29, л. 490.

Любопытно и такое сообщение Пахомова. «Жители начали понимать, что выгодно зарабатывать не один насущный хлеб, но некоторый излишек для продажи. Этот новый взгляд жителей на свое полевое хозяйство, конечно, следует поощрять»[1]. При этом он ссылается на следующий конкретный пример. Д. Г. Шервашидзе в последние годы своей жизни, т. е., следовательно, в 50-х гг., «качал разводить кукурузу для продажи, что в прежнее время для князей считалось позорным»[2]. Интересно также свидетельство Д. З. Бакрадзе о том, что со стороны жителей Абхазии и, особенно, Мегрелии «уже видно стремление к улучшению: они вырубают леса, стараясь селиться при дорогах; они выказывают много трудолюбия, разводя скот, в обилии сея гоми и кукурузу, рожь и лен»[3].

Вывоз кукурузы только за один 1865 г. по сравнению с предыдущим годом увеличился на 57.863 пуда. В 1867 г. из Сухума в Поти было вывезено 50 пуд. проса[4]. «Этот факт не случайный... Народ обратился к земле», – подчеркивал еще раз А. В. Пахомов[5].

Такое явление мы наблюдаем не только в Абхазии. Так, например, в Кутаисской губернии если посевы в 1847 г. составляли 90.358 четв., то в 1852 г.–93.272 четв.; в Тифлисской губернии производство хлеба в 1850 г. по сравнению с 1807 г. увеличилось с 398.254 четв. до 2.054.704 четв., т. е. более чем в 5 раз. Только из Гурии и Мегрелии и только кукурузы в 1862 г. было вывезено (для Англии) на сумму до 1 миллиона руб.[6].

Как известно, факт производства хлеба для продажи – это один из моментов, приводимых В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России» для характеристики разрушения натурально-хозяйственной системы. «Производство хлеба помещиками на продажу, – писал В. И. Ленин, – особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима»[7].

[1] Там же.
[2] Отношение А. Пахомова пред. Сухумской сословно-поземельной комиссии от 13 февраля 1869 г. ЦГИАЛ, ф. 1087, д. 29, л. 386.
[3] «Кавказ», 1860 г., № 49.
[4] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.
[5] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 86 –87.
[6] Гугушвили П. В. Сельское хозяйство и аграрные отношения, т. 1, Тбилиси, 1938. – С. 30, 34–37, 65.
[7] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 158.

Отдельные русские гражданские и военные чиновники, заинтересованные в получении как можно больше зерна и других продуктов для обеспечения войск, вопрос о «поощрении земледелия» уже в середине XIX в. ставили как задачу практического характера. Так, например, полк. Колюбакин в своем рапорте на имя вице-адмирала Серебрякова от 10 ноября 1851г. писал, что в районе, подобном Цебельде, «преобразование земледельческой промышленности есть первый и самый естественный вид ее преуспевания... Нужно научить жителей сеять рожь, гречиху и овес или ячмень...». Далее он считал необходимым «приобщить» к цебельдинцам опытных земледельцев, например, солдат цебельдинского гарнизона, которые бы нанимались за известную плату, а также покупку земледельческих орудий и семян через цебельдинского пристава[1].

Другим важнейшим продуктом, значительная часть которого шла на рынок, было вино. Виноград являлся древнейшей культурой в крае, и, несмотря на трехсотлетнее турецкое владычество, которое всячески убивало эту культуру, как приводило оно в упадок и вообще все народное хозяйство, виноделие в первой половине XIX в. оставалось значительной хозяйственной отраслью.

Первый опыт «промышленного виноделия» был сделан еще в 1836 г., когда в местности Бамбора было открыто 2 винокуренных «завода». По словам действительного члена Кавказского отделения Русского географического общества С. И. Пушкарева, опыт имел весьма удовлетворительный успех, и с того времени число таких «заводов», возрастая из года в год, достигло в 1851 г. до 11. Они устраивались в селах, имевших от 10 до 15 тыс. виноградных кустов каждое, и отдавались ежегодно помещиками на откуп «вольнопромышленникам» по цене от 250 до 600 руб. сер. в год, иногда за ½ или 1/3 выделанного вина. По объявлению помещика крестьяне приступали к сбору винограда и доставляли его откупщику. Подрядчик платил крестьянам за сбор винограда и его доставку на место[2]. С.И. Пушкарев свидетельствовал, что в начале 50-х гг. откупщики производили плату на «наем рабочих» от 5 до 7 руб. в месяц каждому.

[1] ГАКК, ф. 260, д. 1212, л.л. 1–6 об.

[2] Пушкарев С. О виноградниках и виноделии в Абхазии. «Кавказ», 1852 г., № 27; А. Пахомов. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 64.

А. В. Пахомов и И. К. Багратион-Мухранский[1], сведения которых относятся к концу 60-х гг., плату нанимавшихся крестьян считали от 15 до 20 коп. за корзину (акалат)[2].

Количество вина, выделывавшегося одним «заводом» в год в 1849–1851 гг., равнялось средним числом 4.300 ведрам, а на всех 11 «заводах» выделывалось до 50 тыс. ведер[3]. Вино, как мы видели, было вообще одним из основных предметов вывоза. Достаточно сказать, что в 1848–1852 гг. в общем экспорте из Сухумского порта стоимость вина составляла 28,6%. Вино являлось важным предметом и внутренней торговли; главное потребление его происходило в г. Сухуме, а также в укреплениях Черноморской береговой линии. Из 50 тыс. ведер вина, выделывавшихся за год на 11 указанных выше «заводах», 2/з потреблялось на месте, а остальное вывозилось[4].

Комиссия по исследованию земель северо-восточного берега Черного моря в своем отчете от 27 февраля 1867 г. отмечала, что пчеловодство составляет одну из главнейших статей дохода в Абхазии; мед и воск в большом количестве абхазское население сбывает на рынке[5]. Ив. Аверкиев писал, что в селах, виденных им, средним числом на двор приходилось от 3 до 4 колод. Например, в 1864 г. в горном обществе Кучба, состоявшем из 50 дворов, имелось до 20 тыс. ульев, каждый из которых давал около 10 фунт. меда и 30 фунт. воска[6].

Товарный характер начинали принимать и некоторые другие отрасли сельского хозяйства. А. В. Пахомов указывал, что одним из важных предметов торговли в имении кн. Д. Г. Шервашидзе являлись ореховые плоды, которые, так же как и виноград, сдавались подрядчику в Сухум за деньги[7]; «орехи с давних пор составляют предмет большого вывоза в Россию»[8]. В начале 60-х гг. среднее

[1] И. К. Багратион-Мухранский был сперва попечителем, а затем главным поверенным малолетнего сына кн. Д. Г. Шервашидзе (ум. в 1858 г.) – Георгия Шервашидзе.

[2] Пушкарев С. Указ. соч.; А. Пахомов. Указ. соч.; ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, л.л. 1–8.

[3] Пушкарев С. Указ.соч.

[4] В. Свешников. Из письма о Сухуме. «Кавказ», 23 декабря 1853 г.

[5] ЗКОСХ, Тифлис, 1867, №№ 5–6, стр. 9, 13.

[6] Аверкиев Ив. Указ. соч. «Кавказ», 1866 г., № 76.

[7] Пахомов А. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, ч 1. л. 484.

[8] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С.57.

количество вывоза орехов из Сухума составляло 6 тонн, а хурмы (мелкой)–2 тонны[1]. По данным Сухумской карантинно-таможенной конторы за 1867 г., из Сухума в российские порты было вывезено 142 пуд. 25 ф. мелких (лесных) орехов и 63 пуд. свежих яблок. Кроме того, в Поти было вывезено 9 пуд. инжира[2].

В имении Д. Г. Шервашидзе скашивалось ежегодно до 10 тыс. пудов сена, продававшегося в Сухуме[3]. Перед восстанием 1866 г. кн. Дзапш-ипа занял под деревню местность недалеко от Сухума, за р. Гумиста, и, вырубив лес и уничтожив папоротник, создал «отличные поля и луга», благодаря чему он «в большом количестве мог сбывать сено в Сухуме»[4].

Делались попытки внедрения новых культур, в том числе и технических, которые нужны были в качестве сырья для русской промышленности. Еще в начале 40-х гг. Н. Н. Раевский выдвигал проект о развитии в Абхазии ряда технических культур, о поощрении развития «торгового земледелия»[5]. В этой связи следует отметить и такой факт, что Раевский снабжал население Абхазии высокосортными виноградными лозами и другими культурами из своего имения, находившегося в южном Крыму[6] – в Гурзуфе[7]. Целью Сухумского ботанического сада стало: «служить рассадником для края лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и многих экзотических растений»[8].

Проф. П. В. Гугушвили отмечает, что в 1845 г. в Грузии появляются чайные кусты, которые привились в Озургети, Зугдиди и Сухуме[9]. Известно, что в Сухумском ботаническом саду чайный куст, полученный из Никитского сада, был посажен еще в 1842 г.[10]

[1] ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, л.л. 1–8.

[2] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.

[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С.75.

[4] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866 г., № 76.

5 Раевский Н.Н. Записка о торговле с горцами. АКАК, т. IX, ч. I. – С. 471-474.

[6] Мачавариани К. Абхазские вина. ТКОСХ, Тифлис, 1888, № 3.

[7] Малеев В.П. Указ. соч. – С. 274.

[8] Свешников В. Изписьма о Сухуме. «Кавказ», 23 декабря 1853 г., №95.

Между прочим, в Сухуме всех образцов эвкалиптов в 1874 г насчитывалось до 10, старейший из которых был посажен в Ботаническом саду в 1868 г. («Кавказ», 24 апреля 1874 г., №46.)

[9] Гугушвили П. В. К истории чайной культуры в Грузии и на Кавказе. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. VI, № 2, Тбилиси, 1945. – С. 165.

[10] Малеев В. П. Указ. соч. – С. 275.

В 40-х гг. прошлого века в ряде мест Западной Грузии проводится опыт широкого внедрения культуры табака Табак вместе с кукурузой завоевывает себе крупное место в районах Причерноморья[1]. М. Шервашидзе в переписке с д. с. с. Сафоновым дает подробные сведения об опыте разведения табака в Абхазии[2]. В своем письме от 18 июля 1846 г. владетель сообщал, что полученные табачные семена были посеяны «опытнейшими и усерднейшими здешними земледельцами... в каждом из округов Абхазии». Затем рассада (около 5 тыс. штук) была пересажена на особо устроенные грядки. «Сильная – писал владетель в указанном письме, прекрасная вегетация табачных растений позволяет мне надеяться, что растение это будет разведено с успехом в Абхазии и составит со временем одну из главных отраслей рождающейся промышленности...»[3]. В письме от 28 января 1847 г. владетель сообщал тому же Сафонову, что табачные семена собраны в большом количестве и розданы «с приличными наставлениями опытнейшим и усерднейшим абхазским землевладельцам»[4].

По данным Сухумской карантинно-таможенной конторы, уже в 1867 г. из Сухума было вывезено табака (в листах) в Поти – 92 пуд. 20 ф., в другие порты Российской империи – 9 пуд.[5]. А. В. Пахомов в 1868 г. констатировал, что в Абхазии сеют табак хорошего качества, часть которого продается и режется в Сухуме, а часть (до 300 пудов в год) вывозится в Россию и за границу[6]. В начале 70-х гг. разведением табака занимались в Сухуме, Цебельде, Очемчирах и Гудаутах, общее же количество ежегодного производства, для продажи достигает свыше 2 тыс. пудов, по ценам от 6 до 10 руб. за пуд[7]. Начальник Сухумского отдела ген. Гейман в своем отчете за 1874 г., от-

[1] Дружинин Н. М. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями накануне реформы 1861 года. «Вопросы истории», 1954 г., № 7. – С. 61.

[2] Еще в 1835 году Ф. Торнау видел в Абхазии небольшие табачные посевы; говоря о сельскохозяйственных' культурах края, он перечислял и табак (Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, 1864. – С. 47, 62).

[3] АКАК, т. X, ч.1. – С. 161.

[4] Там же. – С. 165.

[5] ЦГАА, ф. 8, оп.1, д.7, л. 52.

[6] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 45.

[7] Прудков Е. О табаководстве. «Кавказ», 12 мая 1874 г., № 54.

мечая, что табаководство усилилось значительно и плантации стали разводить по всей Абхазии, писал, что в Сухуме около года уже существует табачная фабрика (речь идет, конечно, о небольшом кустарном предприятии) где приготовляются изделия из местного табака, называемого «сухумским»[1].

Кроме того, разводили хлопок. По словам А. Н. Введенского, эту культуру вместе с табаком засевали «в значительных размерах», и обе они «в последнее время сделались предметом торговли». Вместе с тем, «в последнее время появление нескольких торговцев, скупающих льняное семя, заставило жителей селений, окрестных местечку Гудауты, выдерживать лен на корню до полного созревания семян»[2]. Разводилась и конопля для получения пеньки на веревки и пакли для чистки оружия, а также для набивки тюфяков и подушек[3].

А.Н. Введенский писал и о первых опытах занятия шелководством. Он сообщал, что не более 20 лет тому назад (около 1850 г.) абхазцы начали заниматься шелководством, «и эта отрасль промышленности, благодаря своей легкости и притом доходности..., начала быстро развиваться». Шелководство сделало «заметные успехи». Шелк сбывался на базарах[4]. На развитие шелководства и продажу шелка сырца на базарах указывал и А. В. Пахомов[5]. Между прочим, шелководство стало распространяться из Закавказья и Черноморских областей на губернии Черноземного и даже промышленного центра России[6].

К началу 1840-х гг. относится упоминание о разведении цитрусовых растений. Так, по сведениям И. С. Радожицкого, в 1842 г. в Сухумском ботаническом саду росли на открытом грунте лимонные и апельсиновые деревья[7]. Интересно также отметить, что, по данным Сухумской карантинно-таможеннои конторы, в 1867 г. из Сухума было вывезено 8 тыс. штук свежих апельсинов[8].

---

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 996, л.л. 3–40.

[2] ССКГ, вып. VI, отд. III. – С. 8.

[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 49.

[4] ССКГ, вып. VI, отд., III. – С. 20–21.

[5] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С.68.

[6] Дружинин Н. М. Указ. соч. – С. 61.

[7] Радожицкий Ил. Указ. соч. – С. 42.

[8] ЦГАА, ф. **8,** оп. 1, д. 7, л. 52.

7-летнее апельсиновое дерево в саду Завадского дало в декабре 1877 г. до 650 плодов, а в декабре 1878 г.– до 800 плодов.

Особо должен быгь отмечен факт развития огородничества и роста его товарности. Еще Ф. Ф. Торнау указывал, что абхазцы переняли у русских такие виды овощной культуры, как капусту, картофель и др.[1] Мы уже приводили сообщение А. Ь. Пахомова о том, что после введения в Абхазии русского управления крестьяне селений, расположенных поблизости к Сухуму, начали разводить огурцы и помидоры с целью продажи их жителям города. В имении кн. Г. Д. Шервашидзе устройство настоящего огорода было предпринято в 1867 г., и дело пошло успешно. В особенности хорошо удались картофель, морковь и бураки[2].

В деле развития и внедрения в Абхазии огородных и других культур определенную роль играл Сухумский ботанический сад. Деятельность этого сада, замершая во время Крымской войны, вновь оживилась в 60-х гг. В начале указанного десятилетия здесь была развернута интродукционная работа. За короткое время было «акклиматизировано» много растении с целью введения их «в обыкновенное абхазское хозяйство». Среди них была капуста и, таким образом, был решен «самым удовлетворительным образом вопрос о возможности развития в Сухуме капусты». Пользуясь этим опытом, капусту начали разводить во всех почти сухумских огородах, а в 1867 г. недалеко от города, около р. Гумиста, ею было засажено около 2-х десятин земли. Кроме того, при акклиматизационном саде были устроены виноградник и питомник плодовых деревьев для продажи населению Абхазии[3].

Товарный характер приобретало также скотоводство, являвшееся «главным подспорьем в хозяйстве местного населения»[4]. Наряду с земледелием, скотоводство составляет наиболее заметную отрасль хозяйства, – отмечал Лаврентьев[5]. Действительно, скотоводство являлось одной из ведущих форм сельскохозяйственного производства Абхазии. Дюбуа подчеркивал, что помещики владеют «целыми стадами скота»[6]. Так например, гагрские князья Якуб,

---

[1] Торнау Ф. Указ. соч. – С. 61.

[2] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 44-45.

[3] Пахомов А. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении. – С. 30–31, 36

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), д. 986, л. 116.

[5] Лаврентьев. Указ соч. – С. 251.

[6] Дюбуа. Указ. соч. – С. 123.

Еслам и Эдырбей Цанба м Састангаз Анчабадзе (Ачба), по данным, относящимся к лету 1866 г. имели всего 3.575 голов скота, из коих 1.871 голова принадлежала Якубу Цанба[1]. А. В. Пахомов отрицал наличие настоящих конских заводов в Абхазии, за исключением владетельских[2], но отдельные феодалы имели большие табуны например, Д. Г. Шервашидзе одних кобыл держал до 150[3].

Ив. Аверкиев свидетельствовал, что помещики, имевшие большое количество скота, на несколько лет нанимали пастухов, заключив с ними определенные условия[4].

Продукты животноводства занимали определенное место в общем вывозе Абхазии. Интересно отметить любопытный факт о том, что пастухи в горах во время летней пастьбы начали заготавливать сыр для продажи, что, по утверждению стариков, считалось еще незадолго до этого чуть ли не позорным поступком (не только для продажи, но даже для домашнего потребления). В отчете комиссии по исследованию земель северо-восточного берега Черного моря от 27 февраля 1867 г мы читаем: «В настоящее время абхазские пастухи приготовляемый ими на горах сыр и частью свежее молока сносят вниз, на равнину, на плечах, в козьих шкурах»[5].

Сельскохозяйственная техника находилась на весьма низком уровне. Тем не менее перед реформой мы наблюдаем некоторые изменения, хотя и очень мизерные, сельскохозяйственных орудий. А. В. Пахомов писал, что в южной части Абхазии употребляется плуг с железным лемехом[6]. А. В. Введенский возражал А. В. Пахомову, но признавал, что сведения последнего справедливы в отношении Самурзаканского участка, и не отрицал того факта, что железный лемех все же встречался и в остальной Абхазии[7].

Происходит определенное развитие и в технике виноделия.

В 60-х гг. все более широкое применение получает пресс при выделке вина, действовавший посредством рычага, на который надевался большой груз. В имении кн. Г. Д. Шервашидзе, где «разводится

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1. (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 87.
[2] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С.76.
[3] Пахомов А. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, ч 1, лл.472-473.
[4] Аверкиев Ив. Указ. соч. «Кавказ», 1866 г., № 14.
[5] ЗКОСХ, 1867 г., №№ 5-6. – С. 9, 13.
[6] Пахомов А. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении. – С.37–38.
[7] ССКГ, вып. VI, отд. III. – С. 6.

виноградник по европейскому способу», принимаются меры, чтобы выделка вина производилась «по возможности рационально»[1]. Все большее распространение получают деревянные бочки и чаны. А. В. Пахомов в 1868 г., «для опыта и для примера», устраивает маслобойню, в которой орехи растирались вертикальными жерновами, двигавшимися приводом от водяной мельницы, а масло выжималось прессом, действовавшим посредством клина[2]. Несколько усовершенствуются и получают распространение и некоторые другие орудия труда.

В условиях развития товарно-денежных отношений отдельные помещики стремились заменить натуральные повинности денежными. А. В. Пахомов, перечислив статьи и подсчитав общую сумму доходов кн. Д. Г. Шервашидзе за 1857 г., замечал, что все эти доходы получались большей частью не деньгами, а натурой[3], следовательно, меньшей частью деньгами. Почти повсеместным явлением была замена натуральных налогов ахшбыр и ачма денежными. Так, например, владетель Абхазии за каждую подвластную ему девицу при выходе замуж получал ачму в размере 6 коров и 6 руб[4].

Вообще ачма уплачивалась иногда скотом, чаще – скотом и деньгами, а в некоторых местах даже, только деньгами. Так, по свидетельству грузинского историка майора Сулхана Баратова (Бараташвили), обследовавшего Абжуйскую Абхазию в 1866 г., в с. Джал крепостные платили за невесту 24 руб. серебр[5]. В одном документе говорится, что лыхненский анхаю Кумач Куаса-ипа продал свой клочок земли, так как нуждался в деньгах для уплаты ачмы за дочь[6]. Иогель и Рябиков в записке о перевальной дороге, составленной в 1850 г., отмечали алчность к деньгам со стороны местных феодалов[7]. В выкупном свидетельстве, данном кн. Григорием Шервашидзе анхаю Квициния из с. Атара 24 января 18/2 г., в перечне повинностей, отбывавшихся ими до объявления крестьянской реформы в Абхазии, между прочим, указывалось, что

[1] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 64, 67.
[2] Там же. – С.57.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1084, оп. 1. Д. 29, л.л. 392–393.
[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1873 г., д. 403, л.л. 10–11.
[5] Там же, д. 1013, л. 13.
[6] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, л.л. 149- 150.
[7] ГАКК. ф. 260, оп. 1, д. 749, л. 194 об.

были обязаны приношением владельцу двух коз по стоимости их деньгами[1].

В связи с развитием земледелия росла ценность земли. Помещики все более проявляли стремление к расширению своих земельных владений. Они действовали в первую очередь по линии насильственных захватов. Князья и дворяне захватывали лесные массивы, общинные земли и пастбищно-сенокосные угодья: захватывали также земли и сады отдельных крестьян. Например, около 1865 г. кн. Зосхан Инал-ипа в местности Цера (в с. Лдзаа), «не имея там собственной своей земли, захватил поля и сады, принадлежавшие жителям сел. Лдзаа»[2].

Кроме того, отдельные помещики расширяли свои владения путем скупки крестьянских земель. Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала значительное количество данных по этому вопросу. Так, в с. Саберио кн. Зураб Чхотуа купил виноградный сад, принадлежавший пиоши Т. Цава (1858 г.), участок земли К. Тапагуа (около 1863 г.) и виноградный сад М. Кобалия (около 1864 г.). В с. Члоу кн. Беслан Ачба (Анчабадзе) около 1863 г. купил виноградный сад у анхаю Мадлея и Самаквы Цвижба за 8 или 10 коров и т. д.[3]

Не менее характерным явлением была сдача помещиками земли в денежную аренду. В этом отношении особенно интересен договор («контракт?), заключенный между управляющим имением кн. Г. Д. Шервашидзе Е. Туркия и сухумским жителем Н. Мачхаладзе 20 декабря 1869 г. В первом пункте этого договора указывалось, что последний нанимает в аренду в м. Келасури 5 десят. земли под посевы с платой за это в пользу помещика по 10 руб. сер. за каждую десятину[4]. Помещик Г. Д. Шервашидзе как-то жаловался, что ген. Гейман мешает ему отдавать земельные участки (расположенные вокруг г. Сухума) в наем даже на короткий срок[5].

В результате общего хозяйственного развития, происходившего в предреформенной Абхазии, усиливается расслоение крестьянства. Отдельные зажиточные крестьяне откупались от помещиков,

[1] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д- л.л. 2–4.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л.л. 271–277.
[3] ЦГАА, ф. 57, 1870 г., д. 5, л.л. 184–194.
[4] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, 1866 г., д. 24, л.л. 5 – 6.
[5] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, 1867 г., д. 253, л. 100 об.

платя при этом большие средства: несколько десятков крупного рогатого скота или сотни рублей. Так, например, перед введением русского управления в Абхазии выкупилось одно крепостное семейство, состоявшее из 4 душ, отдав своему владельцу 22 коровы, 4 буйзола, 4 лошади, 30 голов баранов, 1 мальчика, весь запас хлеба и т. д.[1]

Нуждаясь в рабочей силе, деревенская верхушка приобретала и владела рабами и даже крепостными. Богатый крестьянин, обязанный отбывать барщину, часто посылал вместо себя своего зависимого. Кроме того, последний нередко посылался и на заработки во время рубки леса, сбора винограда, фруктов и других сельскохозяйственных продуктов скупщиками. Тот же работник часто занимался реализацией на рынке продуктов из хозяйства своего владельца. О найме крестьян писали С. Пушкарев, И. Аверкиев, А. Пахомов и другие современники. Майор Баратов говорил (в 1866 г.) .о «найме рабочего человека»[2], а начальник Сухумского округа (в том же году) – о годовом заработке «нанятого работника»[3].

Деревенские богачи расчищали себе земли из-под леса, скупали и брали в аренау пахотные земли, леса и сады; давали ссуды односельчанам; брали на себя поставки и т. п. О кабальном характере ссуд свидетельствует хотя бы сообщение Ив. Аверкиева о том, что если кто задолжал другому корову, то через год обязан был возвратить корову с теленком, через два года–две тельных коровы, через три года–две коровы и двух телят и т. д.[4]. По словам Элизе Реклю, «случалось, что к концу нескольких лет небольшой заем нужно, было уплачивать целым стадом»[5].

Чрезвычайно интересны данные Сухумской сословно-поземельной комиссии о случаях покупки земли крестьянами. В с Дурипш анхаю Мадла Таркил имел 5 купленных участков в с. Эбырныха, а Кубзач Таркил – 9; другие крестьяне Таркил имели по одному и более участков в том же с. Эбырныха. Отхарский анхаю Туква Бия имел всего 6 купленных участков земли, составлявших более 10,5 десят.; а всего он имел 12 десятин. Анхаю Мусербей Тария, живший

[1] Там же, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 2.
[2] ЦГИАГ. ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 9 об.
[3] Там же, л. 4.
[4] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866 г., № 72.
[5] Элизе Реклю. Земля и люди. Всеобщая география, кн. 4, т. 6, СПБ, 1898. – С. 94.

в с. Бача, имел 3 приобретенных участка, примерно в 6 десят., заплатив за эту землю 4 коровы и 5 коз. Другой анхаю того же селения Фаткири Лугба за 5 коров купил 3 участка, составлявшие около 5 десят. Лыхненский ахоую Еслам Ванача у разных лиц и в разных селениях купил около 5,5 десят. земли, заплатив 24 руб., 1 корову и 1 козу. В с. Бедия: в 1865 г. анхаю Г. Гожаладзе купил землю с виноградным садом за 145 руб.; в 1866 г. Джиру Такия купил землю за 140 руб.; в 1867 г. Кипа и Кварца Джоларии у анхаю Сангулия купили 1,12 десят. виноградного сада, заплатив 100 руб.[1] В с. Гуп анхаю Елкаи и Чахта Капба у кн. Т. Маршания купили усадебное место и сад за 350 руб.[2]

Приведенные данные, разумеется, не дают еще полной картины роста землевладения деревенской верхушки. Но во всяком случае они в этом отношении представляют несомненный интерес. Количество купленных земель и садов у отдельных вышеуказанных крестьян доходило до 10,5 десят., а размер всей наличной земли – до 12 десят. Значительность этих цифр станет ясной, если сопоставить их, по крайней мере, с средним размером количества земли на крестьянский дым'. К сожалению, не представляется возможным точно установить этот размер. Однако косвенные данные могут создать определенное представление. А. В. Пахомов указывал, что до устранения владетеля вообще крестьянам давалась земля, количество которой не превышало 3,3–5 десят. на дым, или около 0,66 десят. на душу мужского пола. Но после 1864 г., т. е. с введением русского управления в Абхазии, появляются «претензии, превышающие это количество»[3].

В связи с этими новыми условиями А. В. Пахомов находил справедливым увеличить пахотные участки крестьян «против того, чем они пользовались в прежнее время», – на душу дать надел около 2 десят., что «вполне обеспечит благосостояние земледельческого класса»[4]. Очевидно, 3,3–5 десят. и составляли средний размер земли

[1] Некоторые случаи продажи земель зависимыми сословиями Абхазии. 1866 г. ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л.л. 184 – 194.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014. л. 41.

[3] Пахомов А. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе ч 1 л.л. 490–491.

[4] Комиссия, образованная при Кавказском военно-народном управлении для рассмотрения проектов инструкций... по земельному устройству населения Абхазии, на заседании от 10 марта 1883 г. также констатировала: «Со времени русского правления и утверждения в крае относительной безопасности зем-

на крестьянский дым. При этом обращает на себя внимание признание А. В. Пахомова о недостаточности этого размера для обеспечения «благосостояния земледельческого класса» в новых условиях.

Легко себе представить положение тех крестьян, которые вынуждены были продавать или закладывать свои земли, не превышавшие этой средней цифры. В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии местами указываются и непосредственные причины данного явления... Например, Еслам Ванача, обладая средствами, воспользовался тем, что анхаю Д. Тарба впал в долги, а Кумач Куаса-ипа нуждался в деньгах для уплаты ачмы за дочь, и скупил их земельные участки. Когда в с. Яштхуа Бата и Титу Бачер-ипа много задолжали разным лицам, то в 1866 г. вся их земля была забрана кредиторами. Тагелонский кн. Манча Анчабадзе заявил членам Сухумской сословно-поземельной комиссии, что пиоши отдают в залог свои участки, и если должник не в состоянии уплатить долг, «то земля переходит к кредитору, имея надобность увеличить пространство своего усадебного места». Куланурхвский анхаю Даут Гыцба «задолжал как-то много, не имел возможности заплатить», вследствие чего вынужден был продать свой сад дворянину Лакрба и т.д.[1]

Обследование названной комиссией селении Калдахвара, Блабурхва, Бармышь, Папцва и Шлара выяснило «недостаток такой земли («удобной для возделывания». – Г. Д.) у низшего сословия»[2]. Иллюстрацией имущественного неравенства крестьян является и такой факт. Согласно ведомости о сборе подати за 1865 г. в Бзыбском округе с бывших подвластных владетеля Абхазии, из 643 дворов (по 18 селам), главным образом анхаю, оказались несостоятельными и подати не внесли 101 человек[3]. Многие бедные крестьяне, даже из анхаю, не имели собственных домов и вообще никакого хозяйства и жили в домах своих владельцев или родственников, очень часто под видом асасов, т. е. «гостей».

леделие начало развиваться, и многие жители, не заботясь более о скученном расположении своих жилищ, стали переносить усадьбы на новые места, более близкие к их полевым угодьям». (ЦГИАГ, ф. 231, 1882 г., оп 2, д.49, л.105).

[1] Некоторые случаи продажи земель зависимым сословиям Абхазии. 1866 г. ЦГАА, ф 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л.л. 184–194.

[2] Журнал № 5 заседания Сухумской сословно-позем. комиссии от 6 июля 1868 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 3, 1863 г., д. 180, л.л. 271 – 277.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, л.л. 149–150.

Таким образом, в Абхазии, как и везде, говоря словами В.И. Ленина, «еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения»[1].

Это обстоятельство способствовало дальнейшему развитию товарного производства и обмена, хотя натуральное хозяйство все еще оставалось господствующим.

8

Влияние великого русского народа не ограничивалось областью материального быта. Укреплялись связи с Россией и в области культуры. Развивается культура абхазского народа.

В Абхазии, как вообще на Кавказе, бывали передовые русские люди, чему немало способствовало то обстоятельство что Кавказский край в XIX столетии служил местом ссылки.

В 30-х гг. XIX в. в Абхазии находился ссыльный декабрист-писатель А. А. Бестужев-Марлинский, служивший в частях Черноморской береговой линии[2]. Несмотря на неблагоприятные условия, Бестужев в годы ссылки продолжал свою творческую деятельность. Он изучал Кавказ и его людей в частности, интересовался Абхазией[3]. Бестужев критиковал иностранных авторов, которые неверно писали о Кавказе. Он критиковал и ученых, не уделявших внимания изучению жизни кавказских народов. «Слов нет, – писал Бестужев, – чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике все это необходимо в области наук; но для человека самое нужное, самое поучительное статься есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев нежели играть в жмурки с древними Меланхленами и спорить происходят ли Бжедухи от Страбоновых Скептухов...»[4].

[1] Ленин В. .. Соч., т. 3. – С. 143.

[2] Бестужев-Марлинский А.А. погиб 7 июня 1837 г. под Адлером, во время занятия последнего русскими войсками.

[3] Бестужев-Марлинский А.А. в своих письмах из Абхазии к матери и брату Петру Бестужеву дает ряд кратких описаний природы края, а также пишет о тяжелой жизни солдат, находившихся здесь на побережье (см. «Отечественные записки», т. С XXXI 1860 г. «Русский вестник», т. 88, 1880).

[4] Марлинский. Рассказ офицера в плену у горцев Русские повести и рассказы, ч. VIII, М., 1834. – С. 138.

С 1837 г. по 1841 г. на Черноморской береговой линии как уже говорилось, служил близкий к декабристам ген Н. Н. Раевский[1]. В отряд Раевского были направлены некоторые из высланных на Кавказ декабристов, среди которых находился выдающийся поэт А. И. Одоевский[2].

Небезынтересна личность Багриновского, который в 30-х гг. был отдан в солдаты и сослан на Кавказ. Он обосновался в Сухуме, где служил в местком гарнизоне в качестве лекаря. Багриновский усердно занимался выращиванием фруктовых и декоративных деревьев, на базе чего возник Сухумским ботанический сад. В дальнейшем он был назначен ген. Раевским заведующим этим садом и сыграл существенную роль в его развитии. Багриновский был образованным человеком и, по свидетельству ген. Г. А. Филипсона[3], проявлял интерес к научным знаниям[4]. М. Селезнев, посетившим сад в 1841 г писал что он находигся под надзором «умного ботаника, абхазского доктора»[5]. Багриновский окончил медицинский факультет Виленского университета. Он пользовался большим уважением среди населения Абхазии: его возили за несколько десятков верст «даже к непокорным горцам», для оказания медицинской помощи; ему содействовали в деле устройства Сухумского сада[6].

В середине XIX в. появляются первые школы в Абхазии, в 1851 г была открыта Окумская школа. В 1858 г. Лаврентьев отмечал «учреждение школ» в Сухуме и Лыхнах, «в которы. воспитываются на счет казны 40 детей туземцев, предназначенных для духовного звания и должностей переводчиков»[7]. В 1863 г. была открыта Сухумская горская школа. В 60-х г. было открыто еще несколько школ. Эти шко-

[1] Раевский Н.Н.оставил официальный материал, представляющий интерес по истории Абхазии. Таковы, например две его «Записки» (начало 1840 г.): «О женитьбе абхазского владетеля М. Шервашидзе» (АКАК, т. IX, ч. 1. – С. 180); «О торговле с горцами и переселении на восточный берег» (там же. – С. 474-480).

[2] Одоевский И.А. умер от лихорадки в Псезуапе, около Сочи 15 августа 1839 г.

[3] Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», 1833 г., кн. 6. – С. 347.

[4] Филипсон также свидетельствовал, что Багриновский выдержал экзамен на степень лекаря при Харьковском университете. Это, замечал он по этому поводу, «вероятно был единственный экзаменующийся в солдатской шинели». Багриновский затем готовился держать экзамен на доктора (там же. – С. 348).

[5] Селезнев М. Указ соч. – С. 178.

[6] Там же.

[7] Лаврентьев. Указ. соч. – С. 264.

лы являлись источником просвещения населения. В школах обучали русскому языку, арифметике, географии, истории. Школьники читали произведения Крылова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Начиная с 60-х гг. вообще Кавказ все чаще посещают русские ученые, литераторы, представители искусства, изучавшие историю, этнографию, хозяйственный строи и культуру народов этого обширного края[1].

В 1862 г. известный русский кавказовед-лингвист П.К. Услар (1816–1875) издал грамматику абхазского языка[2], а также на основе русской графики составил абхазский алфавит и готовил абхазский букварь, который, однако, ему не удалось закончить. Работа П. К. Услара по составлению абхазской грамматики и алфавита, несмотря на ряд недостатков, имела большое значение.

В 1862 же году комиссией под председательством генерала И. А. Бартоломея, на основе буквенных начертаний П. К. Услара, с небольшими изменениями, был составлен абхазский букварь, вышедший в Тифлисе в 1865 г. Этот букварь, по сообщению самого Бартоломея., был составлен «при содействии природных абхазцев» священника Иоанна Гегиа, прапорщика Георгия Курцикидзе и Симеона Эшба. Кроме того, абхазский текст был просмотрен и исправлен в 1863 г. К. Г. Шервашидзе, а в 1864 г. – Г. А. Шервашидзе, по предложению которых бзыбское произношение, сначала принятое в букваре было заменено общеабхазским[3].

Однако практическая абхазская азбука, появление которой стало большим событием для абхазских школ и абхазских детей, возникла позднее – в 1892 г. Она была составлена Д. И. Гулиа вместе с К. Д. Мачавариани. «Эту нашу азбуку писал впоследствии Д. И. Гулиа, – впервые увидели абхазские школы и по ней стали обучаться дети абхазов на родном их языке»[4]. При помощи этой азбуки были написаны и первые произведения абхазской литературы, произведения ее основоположника, ныне народного поэта Абхазии Д. И. Гулиа На поприще народного просвещения выступают также абхазские педагоги А. Эмухвари, Ф. Эшба, В. Гарцкия, Н. Джанашия, А. Чочуа и др.

[1] Гальцев В.С. Социально-экономическое и культурное развитие народов Северного Кавказа. «Вопросы истории», 1954 г., № 10. – С. 121

[2] Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание, 1. – Абхазский язык. Тифлис, 1887.

[3] Абхазский букварь, составл. под руковод. И. Бартоломея. Тифлис, 1865.

[4] Гулиа Д. История Абхазии, т. 1, Тифлис, 1925. – С. 21.

Вместе с тем, практиковалась посылка сыновей местных дворян в военные учебные заведения и даже в университеты. Среди них были такие лица, как этнограф С. Т. Званба, писатель Г. М. Шервашидзе, начало литературной деятельности которого относится к концу 60-х–началу 70-х гг., и др.

С. Т. Званба (1809–1855) общался с русскими прогрессивными деятелями, а с некоторыми декабристами (А. А. Бестужев-Марлинский) служил в одной части; его начальником по Черноморской береговой линии с 1837 г. по 1841 г. являлся ген. Н. Н. Раевский. С. Т. Званба, сотрудничая в Тифлисской русской газете «Кавказ», опубликовал несколько интересных статей, сыгравших определенную роль в деле знакомства русского читателя с этнографической жизнью абхазского народа, несмотря на классовую ограниченность его взглядов на вопросы вещественной жизни[1]. Заслуживает также быть отмеченным, что через 10 лет после смерти С. Т. Званба в «Абхазском букваре», изданном под руководством И. А. Бартоломея в 1865 г., появляются абхазские пословицы в количестве 89, записанные прап. Г. Курцикидзе.

Одним из первых среди абхазцев, поступивших в университет, был Д. 3. Чхотуа (1849–1928 гг.) - одаренный публицист и критик, автор очерков «Герои поэмы Руставели и их мировоззрение», написанных на русском языке[2].

С начала 70-х гг. практиковалась посылка абхазских детей в сельскохозяйственные учебные заведения. Так, из отчета начальника Сухумского отдела ген. Геймана за 1874 г. видно, что за последние два года из Абхазии несколько мальчиков было отправлено во Вла-

[1] Дзидзария Г.А. Соломон Званба. Биографическо-библиографический очерк «Труды Абхазского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР», XXIII, Сухуми, 1949. – С. 124-147

[2] Чхотуа Д.З. был представителем того же общественно-культурного круга. к которому принадлежал и писатель Г. М. Шервашидзе (см. ниже) вместе с ним он сотрудничал в газете «Дроэба», являвшейся в это время (начало 70-х гг.) самым прогрессивным органом в Грузии. Есть указание, что Чхотуа материально помогал кружку грузинского народника Эгн. Иоселиани в организации библиотеки в 1866 г (С. Н. Джанашиа. Давид Чхотуа и его очерки о поэме Руставели. «Сборник Руставели. К 760-летию «Вепхисткаосани». Тбилиси, 1938).

дикавказскую школу и в Никитский сад для обучения специально сельскому хозяйству[1].

Многие представители абхазского дворянства служили в русской кадровой армии; из них некоторые принимали активное участие в борьбе с турецкими и англо-французскими захватчиками. Так, например, во время Крымской воины полк. Д. Г. Шервашидзе командовал кавалерией Гурийского отряда, действовавшего в Западной Грузии, и весьма отличился, битве на Ингуре 25 октября 1855 г. участвовал и пал смертью храбрых подполковник С. Т. Званба, командовавший Черноморским линейным № 11 батальоном, оборонявшим самый ответственный участок позиции. Активным участником этой битвы был и прапорщик С. Л. Шервашидзе, командовавший артиллерийской батареей[2].

---

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 996, лл. 3-40.

[2] Дзидзария Г.А. Указ. соч.

Участие населения Абхазии в борьбе с турецкими оккупантами в 1855 г. было весьма активное. Достаточно сказать, что в общий состав народной милиции (ополчения) Гурийского отряда входила и местная милиция: конные и две пешие сотни. Народное ополчение сыграло значительную роль в поражении врага (ЦГИАГ, ф.167, д. 334, лл. 1–174; АКАК, т XI, ч.]). В «Times» сообщалось из Сухума: «Отвращение здешних абхазов от турок не подлежит никакому сомнению… Они не только не помогают нам, но еще разрушили несколько мостов, которые облегчили бы наши движения, и портят везде, где могут, дороги. Высшие классы (тем более крестьянские массы. – Г. Д.) в этом народе не скрывают своего сочувствия и привязанности к России, и ожидают не иначе как с ужасом вторжения турок». («Кавказ», 2 ноября 1855 г.). Вообще абхазский народ в лице России всегда видел могучего союзника в борьбе против внешних врагов. Известно, например, что в период русско-турецкой войны 1829–1830 гг. отряд абхазской конницы принимал участие в боевых действиях русских войск под стенами Поти и на батумском направлении. Во время русско-турецкой воины 1877–1878 гг. в общем составе русских войск активное участие в борьбе против турецких сил, высадившихся на территории Абхазии, вели и абхазские сотни (Климан. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре, т. V, составлен полк. Климаном, Тифлис, 1909. – С. 276, 327, сс1; т. VII, ч.II, сост полк. Томкеевым, 1911. – С. 253, 254, 258, 261 и др.). Группа крестьян Самурзаканского участка в своем заявлении на имя наместника Кавказа от 7 ноября 1882 г. указывала, что в начале войны население было «призвано к оружию и не осталось в Самурзакани ни одного крестьянского семейства которое не выставило бы одного или двух воинов, пеших и конных, которые составили громадное ополчение, сражались с врагами во все продолжение войны Многие из них положили свои головы на поле брани другие вернулись искалеченными…» (ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д 49, л. 16 об.).

Следует также сказать, что создание административного центра – Сухума и сосредоточение в нем некоторого количества русского населения, как мы видели, способствовали внедрению в хозяйство и быт абхазцев многих новых достижений.

Наконец, замечательным явлением было влияние прогрессивной русской общественной мысли на формирование мировоззрения лучших людей народов Кавказа. Великий грузинский писатель Илья Чавчавадзе писал: «Ясно, что русская культура оказала большое, руководящее влияние на путь нашего развития, оказала воздействие на то, что составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она оказала свое положительное влияние на наши чувства и направление…»[1].

Ф. Энгельс, говоря о роли и влиянии России на развитие экономики и культуры нерусских народов, писал: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для ирного и Каспийского морей и Центральной Азии для башкир и татар...»[2].

* * *

В заключение настоящей главы необходимо подчеркнуть следующее. Капиталистические тенденции мелкотоварного производства в Абхазии, проявлявшиеся особенно перед реформой, имели подчиненное значение. Приведенные данные как уже частично говорилось, далеко не опровергают факта господства в Абхазии натурального земледелия, соединенного с домашней промышленностью, составляющего основу феодального способа производства, а лишь свидетельствуют об известном подрыве натуральной экономики. Это выражалось в большом разнообразии барщинных повинностей и оброчных натуральных платежей, среди которых терялись денежные платежи, в удовлетворении нужд в промышленных изделиях в основном обычным для натурального хозяйства путем, в домашнем использовании подавляющей части продуктов, в чисто феодальном применении доходов.

---

[1] Чавчавадзе Илья. Полное собрание сочинение. Т. VIII, Тифлис, 1928. – С. 285.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXI. – С. 211.

Торговля, развивавшаяся в рамках феодального режима, обслуживала этот режим и способствовала усилению эксплуатации крестьян, являлась формой реализации части прибавочного продукта, создававшегося последними. Подобного рода торговля отнюдь не выражала отношений капиталистического производства. Приведенные в настоящей главе факты указывают лишь на некоторое развитие примитивной формы товарного производства, как составной части феодального способа производства. Таким образом, упомянутые сведения являются только показателями того медленного процесса экономической дифференциации простых товаропроизводителей, который создавал лишь некоторые предпосылки для капитализма[1]. Всякая же иная оценка этих фактов, преувеличение значения торговли в условиях предреформенной Абхазии неизбежно приведет к ошибочным выводам, к смешению товарного производства с капиталистическим.

Социально-экономическое и культурное развитие Абхазии в рассматриваемый период свидетельствует о прогрессивном значении присоединения ее к России. Учитывая, однако, прогрессивное влияние великого русского народа на все стороны жизни других народов, входивших в состав Российской империи, при этом ни в коем случае нельзя забывать и о другом – о колониальной политике царизма, произволе местной администрации, об отрицательном влиянии на развитие этих народов умышленной консервации культурной и экономической отсталости народов окраин со стороны царского правительства.

9

Усиление порабощения крестьянства на протяжении предреформенного периода вызывало обострение классовой борьбы, что находило свое выражение в росте крестьянского движения.

Исследователи, касавшиеся социально-политических движений в предреформенной Абхазии, останавливались обычно, на наиболее крупных фактах выступлений против царизма. Антифеодальные крестьянские выступления, характеризовавшие внутреннюю классовую борьбу, были почти вовсе обойдены.

[1] Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. – С. 15.

Между тем, борьба крестьянства здесь против самодержавия, в сущности, не отделима от борьбы против местных княжеско-дворянских реакционных элементов, всей системы феодально-помещичьей эксплуатации. Всякая попытка рассматривать антицаристские движения вне классовой борьбы является искажением исторической действительности; такой подход, неизбежно приводит к пресловутой теории «единого потока».

В массовых движениях, имевших место в первой половине XIX в. в Абхазии, ясно прослеживаются действия крестьян, Которые так или иначе были направлены и против местной феодальной знати. В 20-х гг. члены владетельского дома неоднократно осаждались вооруженными крестьянами почти во всех их резиденциях, а также в Сухумской крепости; был отравлен владетель Абхазии Димитрий Шервашидзе одним из прислуживавших ему крестьян – Урысом Лакоба; крестьянами же был сожжен дом абжуйского князя Алибея Шервашидзе и т. д.

В начале апреля 1830 г. в с. Мерхеули собралось свыше 4 тыс. вооруженных крестьян, которые поклялись не подчиняться власти владетельного князя. Затем они пытались напасть на имение другого крупного абхазского феодала – Гасанбея Шервашидзе в с. Келасури. Был сожжен дом владетеля в с. Илори, а также разгромлены Илорский и Пицундский храмы[1]. Согласно одной версии, в 30-х же гг. был убит кн. Гасанбей Шервашидзе Эшерским крестьянином Хакуцвом Шамба в с. Ачадара[2]. Выдвигаются и отдельные вожаки крестьянских выступлений, как, например, члоуский крестьянин Исмаил Джапуа в Абжуйской Абхазии. Он был вырван из рук царских властей вооруженными крестьянами в 1836 г. и бежал со своим отрядом в Цебельду (Цабал)[3].

Вообще бегство крестьян в Цебельду и в другие горные районы Абхазии (Дал, Псху и пр.) становится массовым явлением. Здесь феодальные отношения были менее развиты и власть абхазского владетеля и царского правительства фактически не признавалась. Беглые крестьяне отсюда совершали нападения на владения прежних своих господ и на царские опорные пункты.

[1] Отнош. Паскевича Чернышеву от 17 апреля и 15 мая 1830 г ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6239, лл. 1 – 7, 110–111.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 452.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, 1836 г., д. 42 – 601, л. 3.

Главноначальствующий на Кавказе бар. Розен в декабре 1834 г. требовал от цебельдинских князей Маршания вести решительную борьбу против набегов крестьян со стороны Цебельды на владения феодалов, а также «не принимать и не держать у себя беглых мингрельцев и абхазцев, а выдавать оных всякий раз владетелям их»[1].

В названные горные районы было направлено несколько крупных карательных экспедиций. В них активное участие принимали абхазские князья и дворяне во главе с владетелем Абхазии. Так, во время второй экспедиции феодалы выставили ополчение в 2.280 чел., во время третьей – 1.300 чел.[2]

Борьба абхазского крестьянства стала особенно активной в 1841 г. Этому подъему движения в Абхазии способствовало восстание в Гурии, которое, как известно, оказало сильное влияние на Имеретию, Мегрелию, Абхазию и т. д. Начальник Черноморской береговой линии ген. Анреп писал: «Невольный свидетель, я видел, как быстро разнеслась весть о восстании в Гурии по всему восточному берегу...»[3].

Когда М. Шервашидзе и другие феодалы Абхазии по распоряжению царского командования приступили к сбору ополчения («милиции») для участия в подавлении гурийского восстания, то даже их подвластные крестьяне отказались от участия в этом феодальном ополчении. Вместо 600 «милиционеров», в Самурзаканском приставстве с трудом удалось собрать 336 чел. В Абжуйской же Абхазии М. Шервашидзе вообще отказался от сбора милиции, так как «иначе, говорил он Анрепу, абживцы (абжуйцы. – Г. Д.) явно ослушались бы меня»[4]. Начальник 3 отделения Черноморской береговой линии Н. Муравьев в рапорте на имя ген. Анрепа от 1 сентября 1841 г. писал: «Из представленного мною рапорта самурзаканского пристава о малоуспешном сборе милиции ваше превосходительство уже изволили усмотреть, сколь вредное имеет влияние на умы туземцев гурийское возмущение...»[5].

[1] АКАК, т. VII:, ч. I. – С. 456.

[2] Рап. Головина Чернышеву от 20 июня 1840 г. АКАК, т. IX, ч. I. – С. 490–491.

[3] Цит. по кн. Г. В. Хачапуридзе «Гурийское восстание в 1841 году». Заккнига, 1931. – С. 62.

[4] Волконский Н. 1840, 1841, 1842 гг. на Кавказе. «Кавказский сборник», т. XIII. – С. 421.

[5] Цит. по кн. П. В. Гугушвили «Сельское хозяйство и аграрные отношении», т. I, Тбилиси, 1938. – С. 617.

Ген. Анреп в своем рапорте военному министру Клейнмихелю от 6 июня 1842 г. сообщал, что селения Гума, Джгерда и Члоу «мало признают над собою власть удельных князей и самого владетеля Абхазии»[1].

В 1843 г. в Псху, являвшемся, по словам того же ген. Анрепа, «убежищем всех беглецов из Абхазии», была направлена новая экспедиция под руководством владетеля Абхазии М. Шервашидзе, который вместе с другими абхазскими феодалами собрал ополчение на этот раз в 3.700 «милиционеров»[2]. Однако эти экспедиции не могли достигнуть своей цели. Один современник, побывавший в Абхазии осенью 1852 г. писал что он встретился с кН. Д. Г. Шервашидзе, который объявил что 300 человек абреков спустились с гор «с намерением ограбить его имение, что он их отыскивает и спешит к милиции находящейся под его начальством»[3].

В дальнейшем выступления крестьянства против феодально-помещичьего класса становятся еще ярче и разнообразнее. Особенно массовый характер они приняли перед крестьянской реформой в Абхазии. Причем е этот период борьба крестьянства из-за земли все более и более усиливается. Крестьяне упорно боролись и отстаивали свои права на землю, как основу своего экономического быта.

В конце 30-х гг. между самурзаканскими князьями Шервашидзе возник спор из-за небольшой территории в с. Оцарце. Бату и Алмасхан Шервашидзе (с. Саберио), не видя возможности выиграть дело, обратились к владетелю Мегрелии Левану Дадиани, которому за 1 тыс. руб. продали вместе с крестьянами землю в Оцарце между ручьями Торхули и Хумала я часть территории, принадлежавшей с. Чубурисхинджи. Население Чубурисхинджи, узнав об этой сделке, «восстало и хотело драться с Шервашидзевыми». Но видя, что против них заодно идет и владетель Мегрелии, они разошлись по домам не менее Шервашидзе вынуждены были вопрос о передаче земли Дадиани отложить, и он возник снова лишь в 1867 г.[4]

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, 18-12, д. 6470, л.л. 51 – 63.

[2] Рапорт М. Шервашидзе ген. Будбергу от 8 января 1844 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6540.

[3] «Кавказ», 19 ноября 1852 г.

[4] ЦГАА, ф.5, оп.2, 1870 г., д. 5, л. 110.

Крестьянин с. Отобаиа старик Георгий Бокучава рассказывал в 1868 г. членам Сухумской сословно-поземельной комиссии, что около 1858 г., когда он пахал свое поле, расчищенное и освоенное еще его отцом, князья Анчабадзе потребовали прекратить работу и вообще оставить землю навсегда. Бокучава оказал сопротивление. Но Анчабадзе с помощью своих людей избили и прогнали старика с его земли. На вопрос комиссии, почему он не жаловался, Бокучава ответил, что ему было трудно спорить с князьями, так как они всегда могли выиграть дело у самурзаканского пристава[1].

Около 1860 г. в с. Гали К. Маргания решил построить себе дом на территории, занятой под сад и кукурузное поле крестьян М. и К. Захария. Он привез туда строительный материал и посеял лобио. Но крестьяне Захария изрубили плетень и выдернули все лобио и заставили Маргания уйти оттуда[2]. Другой помещик того же селения Ростом Маргания также захватил поле, принадлежавшее крестьянам Ханашву, Гвату и Давиду Габлая, чтобы на нем устроить усадьбу. Но Габлая изрубили весь лесоматериал, переброшенный туда Маргания для строительства дома. Спор дошел до пристава. Последний распорядился... крестьянам Габлая выделить землю в другом месте[3].

В с. Анухва дворянин Беслан Мканба на земле анхаю Трапш построил кош. Но крестьяне уничтожили постройку Мканба[4].

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии мы находим также факты о выступлениях крестьян против попыток феодалов захватывать общинные земли и леса и против хищнического истребления лесных массивов. Население Самурзакано «недружелюбно отнеслось к противообычным порубкам высшим сословием лесов, имевшим вредное влияние на хозяйство по важному значению лесов для этого последнего». Когда в с. Отобаиа кн. Квач Анчабадзе в 1866 г. дозволил рубку дубового леса одному лесопромышленнику, то против этого восстало все население названного селения[5].

Засвидетельствованы некоторые факты захвата самими крестьянами помещичьих земель и лесов. Когда, примерно в 30-х или

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л.л. 139–156.
[2] Там же, л л. 139–156, 165–179.
[3] Там же, л.л. 139–156.
[4] Там же.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 76 об

40-х гг., умер дворянин Чахмат Эшба, то на его земле в с. Ткварчели «произвольно поселилось дымов 60»[1]. Гальский крестьянин Будгу Тарба захватил часть леса дворянина Мурзакана Маргания и расчистил себе землю для посевов и пастьбы скота[2]. Анхаю Джогория Лаблаа поселился на расчищенном месте в имении кн. Тлапса Маршания в с. Гуп. Маршания прогнал названного анхаю и занятый им участок продал анхаю Елкану и Чхате Капба за 350 руб.[3]

Вместе с тем, наши источники известным образом отражают борьбу крестьян против стремления помещиков присвоить себе выморочные хозяйства крестьян, которые проявляли подобную тенденцию даже в тех случаях, когда имелись налицо неоспоримые наследники умершего из числа его близких родственников. Когда в с. Члоу умер крестьянин Назруква Джелия без прямых наследников, то кн. Беслан Анчабадзе решил завладеть всем его имуществом. Но родственники Назруквы категорически возразили Анчабадзе и не дали ему по крайней мере движимого имущества покойного[4].

Наступление феодалов на права крестьян развивалось и по линии усиления эксплуатации крестьянства. При этом наблюдается увеличение удельного веса барщины в составе крестьянских повинностей, что надо считать одним из самых характерных явлений экономического развития предреформенной Абхазии. Поэтому крестьяне боролись не только за землю, но и против усилившейся эксплуатации.

Между прочим, согласно собранным Главным управлением Кавказа сведениям, число случаев неповиновения крестьян помещикам в Грузии только за 1843–1846 гг. было 131[5]; в масштабе же России число крестьянских волнений (помещичьих крестьян) в 1855 г. – начало 1861 г. доходило до 474[6].

А. Н. Введенский писал, что князья и дворяне с помощью владетеля Абхазии старались расширить свои права за счет прав кре-

[1] Там же, д.1014, л.35.
[2] ЦГАА, ф. 57. оп. 2, 1870 г., д. 5. л.л. 139–156.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, он. 3, 1866 г., д. 1014, л. 35.
[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1Р70 г.. д. 5, л. 158.
[5] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907. – С. 304. прим.1.
[6] Игнатович И. Крестьянские волнения первой четверти XIX в. «Вопросы истории», 1950 г., № 9. – С. 48–49.

стьян, «но здесь они встречали более единодушия, нежели в своей среде, и иногда коллективный протест нескольких многочисленных фамилий зависимых сословий заставлял их отказываться от своих попыток»[1].

В 20-х гг. кн. Нарчоу Инал-ипа, обширные владения которого были раскинуты в низовьях р. Бзыбь, пытался обложить натуральной податью всех крестьян, признававших его патронат. Но куда бы его сборщики кукурузы ни появлялись, «их выпровожали, а кошелки ломали»[2].

А. Н. Введенский и некоторые другие авторы указывали на следующий факт, имевший место, по всей вероятности, в середине или, во всяком случае, в первой половине XIX в. Между крестьянами анхаю с. Эмхы и их князьями Эмухвари (Эм хаа) возник спор о повинностях: помещики требовали 1 козу, 1 козленка и 9 акалат (корзин) кукурузы; крестьяне же соглашались лишь на 1 козу и 4 корзины кукурузы. Эмухвари повинности с анхаю тайно передали владетелю Абхазии, а последний, в свою очередь, передал их Кацу Маргания. Это вызвало «общий ропот, неудовольствие» крестьян. Вскоре они направились за р. Бзыбь. Владетель послал за крестьянами почетных стариков, чтобы уговорить их вернуться домой. Крестьяне возвратились, но только тогда, когда Маргания, в присутствии всех стариков, на поляне Бгарданы дал торжественное обещание, что права жителей ни в чем не будут нарушены, и в этом обязательстве заставил своего сына присягнуть на горе Дыдрыпшь. Вместе с тем, указанные крестьяне с этого времени платили ежегодно: дворянам Маргания – 1 козу и 1 козленка или же, кто этого не имел, 4 корзины кукурузы; князьям Эмухвари – 1 козленка и 4 корзины кукурузы[3].

Тот же Кац Маргания от трех братьев анхаю Цейба, живших в с. Хуап, потребовал платить систематически подать. Но старший из них, Мсруква, «не согласился платить, при первом насильственном поступке Каца ушел в абреки...» Маргания убил младшего Цейба. Мсруква, как рассказывал он председателю Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. П. Краевичу, с отрядом крестьян начал постоянно тревожить Каца и искать случая убить его. Кац Маргания вынужден был изъявить желание «мириться» с братьями Цейба, с целью чего он вернул крестьянам Цейба их семейства и дал землю для поселения. С этого времени Цейба ничего не платили Маргания[1].

На протяжении всего XIX в. до самой крестьянской реформы шла непрерывная борьба между крестьянами анхаю с. Звандрипш Чкок и дворянами Званба, стремившимися подчинить себе названных крестьян. Но дворянам гак и не удалось достигнуть цели[2].

Калдахварские князья Георгий и Даруква Инал-ипа оказали какую-то помощь крестьянам Барцыц, жившим в с. Блабурхва, вследствие чего крестьяне обязались платить названным феодалам по козленку, перестав давать его прежним своим владельцам Блаб, которым теперь приносили только козу. Однако Инал-ипа не удовлетворились этим и «стали очень требовательны». В ответ крестьяне Барцыц около 1853 г. бежали, однако попали к дворянину Кацу Маргания, который передал их Соулаху Инал-ипа. Платить по козленку князьям Инал-ипа крестьяне все же отказались[3].

В с. Дурипш дворянин Соломон Лакрба убил крестьянина Чача Тванба. Родственники покойного потребовали от убийцы удовлетворения. Не получив его, крестьяне отказались платить повинности феодалам Лакрба. Сухумская сословно-поземельная комиссия в 1868 г. застала 12 дымов крестьян Тванба не платящими повинностей, за исключением одного вида[4].

Старики Абхазии нередко сообщают интересные сведения о классовой борьбе в предреформенной деревне. Так, житель с. Атара, Очамчирского района, Ч. Б. Квициния рассказывает, что кн. Григорий Шервашидзе начал требовать от анхаю Квициния по 1 корове, вместо 1 козленка, на что последние ответили категорическим отказом. Однако помещик был упрям. Но были тверды и крестьяне. Однажды они сбросили помещика с лошади и избили.

Еще плачевнее была участь управляющего имением Григория Шервашидзе, которого князь послал к анхаю Адлейба, пасшим свой скот в местности Наа, с приказанием: взять у них ягненка, если не

[1] Введенский А. Абхазцы (азега). По поводу сочинения г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих». ССКГ. VI. – С. 11.

[2] Черепов А П. Указ. рук.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 34 об.: ССКГ, V, стр. 11, прим. 12.

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 125.

[2] Там же, л.л. 180–182.

[3] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 136.

[4] Там же, л. 128.

отдадут его добровольно, то силой отнять. Как рассказывает старик того же с. Атара Г. Е. Адлейба, пастухи на княжеского управляющего напустили собак, а потом сами нагнали его и избили до смерти[1].

Согласно рассказу других современников, к крестьянину Салмакве Акусба однажды пришли 4 княжеских сборщика. Последние потребовали от Салмаквы зарезать корову и угостить их. Крестьянин вынужден был уступить силе. Но сварив целиком корову, Салмаква взвел кремневку на непрошенных гостей и приказал съесть все мясо, чего, конечно, те не в силах были сделать. Тогда Салмаква нагрузил на них остаток мяса и, не опуская взведенного ружья, отвел их во двор владетеля. Владетель рассердился на Салмакву и велел убить его[2].

Князья и дворяне, одалживая деньги друг у друга, часто своими поручителями выставляли крестьян, что нередко для крестьян кончалось полным разорением и даже продажей в рабство. Наши источники сохранили немало данных, свидетельствующих о выступлении крестьян против подобной практики феодалов.

Когда в конце 1836 г. абжуйский князь Григорий Шервашидзе явился в с. Джгерда, чтобы забрать человека, обещанного покойному его отцу Алибею в поруку за долг, то крестьяне организовали нападение, в результате чего со стороны князя был ранен один человек и убита лошадь. Владетель Абхазии поспешно выехал в названное селение, «чтобы прекратить беспорядки»[3].

Около 1838 г. чхортольский кн. Бату Эмухвари захватил; крестьянина с. Окум Д. Булескирия, являвшегося поручителем Росто Эмухвари, должника Бату. Родственники Булескирия, узнав о вероломстве кн. Росто Эмухвари, начали преследовать его и сына Сасрыкву, которых заставили уплатить долг и тем освободить Д. Булескирия[4].

Болхуху Эмухвари, будучи должником, выставил своим поручителем крестьянина Шаматава. С последним случилось то же самое, что и с Д. Булескирия. Но его родственники также заставили кн. Эмухвари выкупить поручителя[1].

Темурква Эмухвари задолжал бзыбским дворянам Маргания, жившим в с. Апцхва. Эмухвари поручителем выставил окумского крестьянина М. Колбая. Но князь не платил своего долга, вследствие чего Маргания схватил поручителя и целый год держал его на цепи. Колбая дал знать своим родственникам о том, что его мучают. Последние «взбунтовали всех анхае и стали требовать возвращения поручителя». Эмухвари вынужден был освободить Колбая[2].

Цхирский дворянин Леван Лакербая был должен Шханукве и Чачагу Кучберия (с. Бедия) 200 руб., и выставил своим поручителем Гвада Накопия. Во время Крымской войны Лакербая вынудил Кучберия организовать нападение на Накопия и схватить его в плен. Все однофамильцы Гвада Накопия пытались отнять его силой и, оставив дворян Лакербая, разошлись по разным селениям. Но скоро русский пристав вмешался в это дело, и Г. Накопия был возвращен в Цхири, возвратились и все его однофамильцы. Лакербая точно так же хотели поступить и с крестьянином Ригуа, у которого украли, семейство, но тот сжег дом Куджмахана Лакербая и ушел в с. Тагелони[3].

Князь Балхуху Анчабадзе схватил царченского крестьянина Гуква Малания и отдал некоему Учардия Чхолария (с. Мухури) в уплату долга. Узнав об этом вероломном поступке князя Анчабадзе, крестьяне Царче подняли бунт и вынудили названного феодала выкупить их односельчанина, а также дать подписку о том, что он никогда больше не будет притеснять Малания[4], Аналогичный случай имел место и в с. Гудава, где крестьяне также «взбунтовались и заставили» дворянина Мсоуста Маргания выкупить крестьян Акшба и Ачая, насильственно отданных им царченскому кн. Алибею Шервашидзе[5].

Крестьяне порой дружно отказывались участвовать в уплате штрафов (айбар) и всяких долгов своих помещиков, которые очень

[1] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 92. лл.27-29.

Между прочим, о приведенных фактах (записал в 1950 г. Ш. Д. Инал-ипа; информаторам тогда было по 70 лет) знают многие жители с. Атара, что придает этим данным характер несомненной достоверности.

[2] «Советская Абхазия», 2 января 1935 г.

[3] ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 177, л. 3.

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л.л. 30–40.

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же, лл. 134 об., 137 –138.

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л.л. 17, 20, 30–40.

[5] Там же, л.л. 18, 22, 30–40.

часто обязывали их к этому. Так, крестьяне селений Окум и Куланурхва, всегда платившие много всевозможных штрафов за своих помещиков, наконец, категорически «отказались от дальнейшего участия в расчетах» последних. Вследствие этого окумские князья Эмухвари и куланурхвские дворяне Лакрба дошли до того, что вынуждены были продать своих собственных детей[1]. Мгудзырхвские анхаю Жиба также отказались от всякого участия в уплате долгов князей Инал-ипа, что произошло при последнем владетеле Абхазии[2].

Протесты крестьян против феодальной эксплуатации находили яркое проявление в массовом бегстве их от своих помещиков, чему, между прочим, в известной мере благоприятствовал институт асасства (обычай гостеприимства). Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. Краевич подчеркивал, что нарушения феодалами прав крестьян приводили крестьян к протесту, являвшемуся «одним из главных мотивов к переселению»[3].

Объяснение причин столь массового переселения крестьян Абхазии дал А. В. Пахомов. Он сводил их к преследованию крестьян врагами, в частности, помещиками, а также к увеличению численности душ в крестьянском дыме и, вследствие этого, недостатка в земле[4]. Даже депутаты дворянства Абхазии в своей докладной записке от 23 марта 1870 г. признавали: «Были, правда, нередкие случаи побегов, совершавшихся всегда скрытно и по большей части ночью»[5].

Как было сказано выше, крестьяне большими массами уходили в горные районы Абхазии. В частности, крестьяне с. Джгерда, отказываясь платить владетелю штрафы, в начале 1848 г. бежали в Цебельду в количестве около 60 семейств. После требования владетеля выдать заложников в качестве гарантии уплаты штрафов еще около 100 семейств приготовились перейти в ту же Цебельду[6]. Крестьяне согласились вернуться обратно лишь тогда, когда владетель дал им обещание отложить взыскание с них штрафов до следующей зимы[7].

[1] ССКГ, вып. VI, стр. 34, прим 41.
[2] ЦГАА, ф 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л.л. 126, 129.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, л. 21 об.
[4] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, л. 56 об
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д 1014, л. 42
[6] Рап. нач 3 отд. Черноморец. берег. линии Гогенбаха и. д. нач. Черномор, берег. линии Серебрякову от 30 марта 1848 г. ГАКК, ф. 260, оп. 1, д 761, л. 1.
[7] То же от 30 апреля 1848 г. Там же, л. 5 об.

Когда в 1860 или 1861 г. Кизилбек Маргания в с. Званд рипш, задолжав владетелю, передал ему 3 дыма анхаю Хынтба, то 8 других дымов данной фамилии, будучи недовольными этим поступком, ушли от своего помещика[1]. Четыре дыма анхаю с. Мгудзырхва Жиба «по неудовольствию» на князей Тлапса и Зосхана Инал-ипа, всячески притеснявших их, в частности, заставлявших их платить свои долги, переселились в селения Абжаква и Багажишта[2].

Незадолго до 1866 г. в с. Пахулаии, считавшемся имением кн. Г. Дадиани, 14 крестьянских дворов выселилось к другим самурзаканским помещикам, по-видимому, вследствие ухудшения положения крестьян в названном селении[3].

При составлении камерального описания Сухумской сословно-поземельной комиссией в 1867 г. в каждом селении обнаруживалось от 5 до 10, а в некоторых даже до 15 дымов крестьян-асасов[4].

А.В. Пахомов свидетельствовал, что, например, в с. Акапа беглые крестьяне в количественном отношении «превышают настоящих коренных акапских анхае». По поводу многих других соседних селений (Багажишта, Парнаут, Пшап, Бабишь-ира, Дранда и пр.) Пахомов замечал: «Все остальные жители, здесь не поименованные, суть асасы, беглые из разных мест Абхазии и потому должны быть возвращены на свои места»[5].

Бегство крестьян происходило и по другим причинам классового характера, в частности, на почве несправедливой деятельности «народных судов», защищавших интересы феодалов.

Заметим также, что крестьяне часто бежали и из пределов края, например, в соседнюю Мегрелию. Таким образом, наблюдался уход крестьян из Абхазии в Мегрелию, а не только наоборот, что было более массовым явлением вследствие более сильного там крепостного гнёта[6]. В 1852 г. между абхазским и мегрельским владетелями даже возник спор «о крестьянах, перебежчиках из одного владения в другое». Кутаисский генерал-губернатор Гагарин лично объяснялся с М. Шервашидзе, «соглашая его на размен

[1] ЦГАА, ф 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 29.
[2] Там же, лл. 126, 129.
[3] ЦГИАГ, ф. 220, д. 877, лл. 35–40.
[4] ЦГАА, ф 57., д. 5, л. 179.
[5] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.
[6] См. напр. ЦГИАГ, ф. .4/30, оп. 5, 1853 г., д. 652, л.л. 7 – 14.

с владетелем Мингрелии перебежчиками». Получив на это согласие владетеля Абхазии, ген. Гагарин просил князя Шервашидзе о присылке к нему списка абхазских крестьян, перебежавших в Мегрелию. Но на это Гагарин не получил никакого ответа. Когда же Гагарин по просьбе дворян Начкебия снова обратился к М. Шервашидзе с просьбой о возвращении последним 4-х дворов крестьян, бежавших в Абхазию, кн. Шервашидзе ответил, что он не может их выдать, так как у мегрельского владетеля тоже много находится подвластных ему людей. В связи с этим наместник Кавказа кн. Воронцов просил начальника гражданского управления Закавказского края ген. Бебутова «войти в сношение с владетелем Абхазии как по предмету размена с владетелем Мингрелии перебежчиками, так и возвращения принадлежащих мингрельским дворянам Иачкебиевым крестьян»[1].

Бегство крестьян часто сопровождалось убийством помещиков. В этом отношении известны факты, имевшие место в селениях Эмхы и Апцхва, где за попытку воспользоваться правом первой ночи «были умерщвлены владельцы этих родов мужьями жертв» – крестьянами Дбар и Чанба. Дбар (с. Эмхы) по совершении убийства прибег под покровительство Лыхненской церкви и этим избавился от мести, а крестьяне Чанба. (с. Апцхва) жили в разных местах и только в третьем поколении, в 50-х или 60-х гг., возвратились на старое свое место[2].

В 1813 г. в с. Окум был убит кн. Манучар Шервашидзе, отличавшийся жестокостью и развратным характером, крестьянином Маджи Кварацхелия[3], который после этого бежал в с. Дурипш.

А. Н. Введенский, возражая Н. Ф. Дубровину, утверждавшему, что князья в Абхазии считались лицами неприкосновенными, писал: «Не приводя примеров позднейшего времени, когда, по словам некоторых, под влиянием деспотичного управления кн. Михаила Шервашидзе значение высших сословий намного пало, я укажу на убийство тавада Дамба, бывшее четыре поколения тому назад»[4].

[1] Там же, оп. 1, д. 1473, л.л. 1–2.
[2] Черепов А. П. Указ. рук.
[3] Предание об убийстве Манучара Шервашидзе. Рукопись. Каб. ист. СССР Сухумского госпединститута им. А. М. Горького; ЦГИАГ. ф. 416, 1869 г., оп. 3, д. 1018, л. 1.3 об.; ССКГ, III. – С. 24.
[4] Введенский А. Абхазцы (азега)... – С. 24.

Вскоре после случая с кн. Дамба один из пастухов убил кн. Иналипа, «и убил не случайно, а подкарауливши»[1].

Около 1840 г. анхаю Дахюква Тарба участвовал в убийстве одного из дурипшских дворян Лакрба, за что владетель Абхазии подарил его Кацу Маргания, а тот перевел Тарба в свое селение Хуап[2]. В с. Чхортоли пиоши Читанава убили кн. Эмухвари и бежали во владение кн. Д. Г. Шервашидзе, где они были поселены в с. Багажишта[3]. В июне 1863 г. племянник владетеля Абхазии князь Харита Дзапш-ипа был убит одним крестьянином[4].

Князь с. Капшкыт Хаджилобей Эмухвари, проезжая как-то через с. Окум, увидел быка, который яростно ревел и копал землю копытами. Так как это считалось дурным предзнаменованием, Эмухвари застрелил быка. Хозяином убитого животного оказался крестьянин Багыр (Таго) Джинджолня. Он потребовал от Эмухвари уплатить стоимость рабочего скота, на что тот ответил пренебрежительным отказом. Возмущенный до крайности поступком князя, Джинджолня крикнул: «Ты убил моего быка, а я за это убью тебя», – с этими словами выхватил из чехла ружье и убил Х. Эмухвари. Джинджолня бежал в с. Маркула[5].

Другой князь из с. Мухури Манча Ачба публично высек крестьянина Гогуа за то, что тот стал выгонять со своей поляны, засеянной просом, скаковых лошадей князя. Этот крестьянин также убил князя и скрылся[6].

Между прочим, бегство крестьян из Мегрелии и других мест в Абхазию часто совершалось на почве убийства помещиков. Так, крестьянин Учая Микава около 1833 г. убил дворянина Дианоса Габуния и бежал в с. Набакеви. Около 1843 г. Иван Григолия в с. Чоча убил своего помещика Тотия Ратия и бежал в с. Окум[7].

В молитве, произносившейся при абхазском свадебном обряде, имелось такое место: «Переверни вверх ногами всех тех, которые лишают нас собственности, нарушают у нас ташину и спокой-

[1] Там же. – С. 24-25.
[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 36.
[3] ЦГИА, ф. 1110, оп 1, д. 15.
[4] ЦГИАГ, ф. 416, ф. ОВД, д. 48, л.л. 1–21.
[5] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л.л. 4–5, 165 – 179. ССКГ, VI. – С. 25
[6] «Советская Абхазия», 21 января 1953 г.
[7] ЦГИАГ, ф. 4/30, оп. 5, 1853 г., д. 652, лл. 7 – 14

ствие и тем отбивают нас от занятия хозяйством»[1]. Л. Н. Введенский предполагал, что под словами «всех тех» подразумеваются именно владельцы. Из этой молитвы видно, писал он далее, «какими чувствами дарили вообще зависимые своих владельцев»[2].

Имеются факты о выступлении крестьян против помещиков, которые на поставках лесоматериалов во время дорожных работ и пр. получали крупные денежные суммы за счет эксплуатации крестьян, заготавливавших и доставлявших материал на место назначения. Так, в 1850 г. крестьяне неоднократно покушались на жизнь дворянина Мурзы Лолуа, занимавшегося лесопоставками в районе Кодор – Ингур. Если Мурза Лолуа все же не был убит, то лишь благодаря владетелю Абхазии. Крестьяне «выходят из терпения, – писал Лолуа ген. Коцебу от 8 июня 1850 г., – и даже неоднократно вооружались лишить меня самой жизни, но в этом случае я обязан высокой милости его светлости владетеля Абхазии, ибо он строго приказал им. чтобы отнюдь не стеснять меня об уплате им денег, покамест я не получу таковых от правительства»[3].

Крестьяне, привлеченные непосредственно к дорожным работам за весьма мизерную плату, равнявшуюся в конце 30-х гг. 10 коп. в сутки, часто отказывались от работы. Так, в 1838 г. в Самурзаканской Абхазии «произошел между жителями большой ропот и многие с работы бежали»[4].

Известны примеры выступления крестьян против скупщиков сельскохозяйственных продуктов. Скупщики винограда иногда вынуждены были закрывать свои «заводы» из-за отказа крестьян продавать виноград. «Случается также, – писал С. И. Пушкарев в 1852 г., – что собиратели винограда туземцы, обеспечив себя в необходимых нуждах продажею части винограда, прекращают работу...»[5].

Таковы отдельные примеры антифеодальной борьбы, а также выступлений против царизма со стороны крестьян в предреформенной Абхазии. Эти и другие факты на фоне крупных волнений, ставших перед реформой обычным явлением во всех частях Грузии и Закавказья, говорят, насколько была напряжена обстановка и каково значение этой обстановки в деле отмены крепостного права в крае.

[1] Званба С. Поцелуй за занавесом. «Кавказ», №55, 1853 г.
[2] Введенский А. Абхазцы (азега)... – С. 10, прим. 9.
[3] ГАКК, ф. 260, д. 480, л. 423 об.
[4] ЦГВИА, ф. 283, 1844 ., д. 151, л.л. 91 – 104.
[5] «Кавказ», 1852 г., № 28.

Наиболее выдающимся из этих массовых крестьянских выступлений непосредственно перед реформой в Грузии было вооруженное крестьянское восстание в Мегрелии в 1856– 1857 гг. Чтобы не дать восстанию в Мегрелии переброситься в соседние Гурию, Имеретию, Абхазию, царская администрация и местные феодалы мобилизовали крупные силы и действовали чрезвычайно решительно. Восстание было жестоко подавлено. В том же году имело место серьезное волнение среди помещичьих крестьян Имеретии (с. Амаглеба, Багдади, Гадиди, Обча и др.). В течение 1862 г. крестьяне Гурии три раза выступали против помещиков Гуриели, Накашидзе и Мачутадзе. В мае 1863 г. в Сенакском уезде состоялось вооруженное столкновение между крестьянами и помещиками. В том же 1863 г. выступления крестьян, носившие антифеодальный характер, имели место в Ксанском ущелье, в Сурамском районе и в с. Эртиси[1].

Наместник Кавказа в своем письме к императору Александру II в июне 1863 г. так характеризовал положение в Закавказье: «Решение оного (крестьянского вопроса.–Г. Д.) необходимо безотлагательно, ибо отношения крестьян к помещикам весьма натянуты во всем Закавказском крае, в особенности это проявилось в здешнем и Горийском уездах, так что во многие селения были принуждены послать экзекуции»[2].

Значительным событием этого периода было восстание 1866 г. в Абхазии, правда, вспыхнувшее после осуществления крестьянской реформы в Восточной Грузии и в Имеретии и Гурии – в Западной Грузии, но до проведения реформы в Абхазии.

Таким образом, волнения крестьянства, бурно развивавшиеся по всей Российской империи, которые К. Маркс причислял «к самым великим событиям в мире»[3], находили и в Абхазии свое отчетливое проявление, являясь одним из звеньев в цепи крестьянского движения в Грузин и других частях Кавказского края.

[1] Чхетия Ш. Буржуазные реформы в Грузии. Сб. «Документы по истории Грузии (1862 –1917)», т. I, ч. I, Тбилиси, 1954. – С. XIII–XIV.
[2] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 607, л.л. 26 об. –27.
[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXII. – С. 474.

●ГЛАВА ВТОРАЯ●

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ

1

В первой главе были рассмотрены общие предпосылки крестьянских восстаний предреформенной Абхазии, а также отдельные факты из этих выступлений. Кроме предпосылок общего характера, каждое выступление имело свои непосредственные конкретные причины. В восстании 1866 г. их было несколько. Значение ближайших причин события 1866 г. в официальных источниках и литературе толковались по-разному, но почти во всех случаях указывалось «на скопление многих элементов восстания».

В июне 1864 г. было упразднено Абхазское княжество, владетельный князь отстранен от власти и введено, до утверждения положения и штатов, временное «военно-народное управление». Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел с подразделением на округа и приставства и подчинением кутаисскому генерал-губернаторству. Начальником отдела был назначен командующий войсками в Абхазии ген. Шатилов, которому было приказано вступить во внутреннее управление краем с 12 июля 1864 г.

В ноябре того же года последний владетель Абхазии Михаил Шервашидзе был выслан в г. Воронеж под надзор местного губернатора[1]. В ознаменование его прежних заслуг перед самодержавием за ним был сохранен титул «светлейшего князя», а также назначена значительная пенсия.

[1] Шервашидзе М. Г. умер в г. Воронеже, похоронен в моквской церкви (сел. Моква, Очамчирский район, Абхазской АССР) в фамильном склепе владетельных князей Шервашидзе (Чачба).

Акт ликвидации княжества был непосредственно связан с окончанием Кавказской войны[1].

Ликвидация феодального княжества и введение непосредственного русского управления в Абхазии, о положительном значении которых говорилось в первой главе, не вызвали никаких серьезных событий. Такое положение определялось, прежде всего, отношением к этому крестьянских масс. Часть дворянства, опасавшаяся потери своих привилегий, находилась в оппозиции новому управлению. Но ее активность была парализована противоположным отношением основной массы крестьянства к факту отстранения от власти феодального владетеля.

Между прочим, еще в 1850 г. Иогель и Рябиков писали: «Простой народ крепко желает спокойствия и не принимает живого участия в ссорах и междоусобиях князей, так что теперь, в случае надобности, не встретится препятствий в удалении самых беспокойных князей»[2].

Святополк-Мирский в письме наместнику Кавказа от 5 сентября 1864 г. отмечал: «В Абхазии совершенно спокойно, жители, выказывая полное послушание нашим властям, обращались к ним охотно по своим делам...»[3].

Кавказский наместник в своем отношении военному министру Д. А. Милютину от 15 января 1865 г. писал: «Как ваше превосход. усматриваете из прилагаемых при сем двух выписок из рапортов командующего войсками в Абхазии к кутаисскому генерал-губернатору, задержание кн. Шервашидзе и удаление его из Абхазии совершилось без всякого фактического сопротивления со стороны прежде бывшего под властью его населения и почти не имело влияния на состояние общественного спокойствия в стране»[4]. (Подчеркнуто мною. – Г. Д.).

Наместник в письме императору Александру II от 5 августа 1866 г., излагая свои «догадки» об обстоятельствах, обусловивших восстание, подчеркивал, что население было даже довольно введением нового управления в 1864 г., особенно же отменой всевоз-

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 75, л.л. 31–37.
[2] ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 749, л. 194 об.
[3] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 2–6.
[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 26, стр. 124–127.

можных пошлин, которыми владетель облагал его; «происшествий преимущественно в начале не было почти»[1].

Крестьянин О. Шамба в своей речи на сходе населения Бзыбской Абхазии 26 июля 1866 г. прямо заявил, что народные массы разочаровались в новом управлении, а они ожидали, что с упразднением владетельства благосостояние их будет возрастать с каждым годом и правительство будет с ним «милостиво»[2].

«Абхазцы, – писал Святополк-Мирский, – не без некоторого опасения и недоверия, но спокойно и безропотно приняли новый порядок управления. Можно верить, что они надеялись отдохнуть и устроиться после долгих бедствий и неурядицы». В другом месте: из края без всякого «сопротивления и даже волнения» насильственно был удален владетель; окружные начальники без затруднения начали собирать подробные статистические сведения[3]. Сам М. Шервашидзе, «вопреки всем ожиданиям, – констатировал тот же Мирский, – не только не препятствовал введению в Абхазии русского управления, но по первому требованию... созвал абхазцев для объявления им высочайшей воли и просил их ко мне для получения дальнейших указаний»[4].

Таким образом, с введением непосредственного русского управления в Абхазии крестьянские массы связывали улучшение своего положения. Совершенно очевидны тенденциозность и ошибочность утверждения тех авторов, которые абхазское восстание 1866 г. рассматривали как факт, который был абсолютно обусловлен упразднением княжества. В действительности непосредственные причины изучаемого восстания были вызваны последующими фактами и явлениями, шедшими вразрез с надеждами широких масс населения после введения нового управления, о чем недвусмысленно говорил О. Шамба в упомянутой его речи.

Недовольство населения было вызвано, прежде всего, неудовлетворительной организацией этого нового управления. Введение его вызывало глубокие изменения в жизни страны. Между тем, вре-

[1] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 29 – 38.

[2] Из следственного дела, л. 235.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 157.

[4] Записка Святополк-Мирского по делам Абхазии от 30 сентября 1864 г. ЦГИАГ, ф. 416, д. XXVI.

менные учреждения, по словам С. Эсадзе, «возникали без согласования их с местными потребностями и организовались спешно, под влиянием политических соображений, имевших целью как можно скорее заменить автономное управление владетеля»[1].

Существовавший в Абхазии «общественный строй был почти неведом русским чиновникам, призванным теперь управлять этой страной»[2]. Сам и. д. начальника Сухумского отдела полк. Коньяр, по словам А. Н. Дьячкова-Тарасова, был «мало знаком с краем, с характером и бытом абхазцев» и не находил «необходимым непосредственное общение с народными массами»[3]. Более того, «непосредственное начальство», – как писал А. В. Пахомов, – было не только «не знакомо с местными обычаями, с правами населения», но «вообще с гражданской частью»[4].

Святополк-Мирский в рапорте на имя наместника Кавказа от 13 октября 1866 г., говоря о причинах восстания, признавал, что «состав управления Сухумского отдела был неудовлетворителен, и это одна из причин беспорядков в Абхазии». Происшедшее замедление с введением штатов в Абхазии, представленных еще в 1864 г., объяснял Мирский, лишило возможности устроить правильное управление, выбрать на. должности лиц, соответствующих назначению. Генерал-губернатор спрашивал: но где такое положение не существует «яри том недостатке в способных и честных деятелях, который у нас везде ощущается?». И далее утверждал, что «нет нигде, и в особенности трудно их приискать для Абхазии...»

Мирский вместе с тем писал, что обязанность хорошего управления и правосудия сделалась еще обязательнее, чем. прежде, и считал необходимым как можно скорее разделить Абхазию на округа, согласно новым штатам, и открыть «правильный суд и расправу»[5].

Кавказский наместник одной из причин восстания 1866 г. также вынужден был признать «несоответственность вообще существующих административных учреждений» в Абхазии с сложившимися

[1] Эсадзе С. Указ. соч. – С. 272

[2] Гарсеванов Ал. Страницы из недавнего прошлого Абхазии. Газ. «Закавказье», 24 апреля 1910 г., № 91, Тифлис.

[3] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 185.

[4] Пахомов А. Замечания на записку... Краевича. 1869 г. ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, л. 6 об.

[5] ЦГИАГ. ф. 545, оп. 1, (кН. 2). 1866 г., д. 2784, л.л. 160–162.

привычками населения, между тем как вновь составленное «Положение об управлении Абхазиею» на иных началах не введено было еще в действие[1].

Это «Положение» было выработано особой комиссией под председательством ген. И. А. Бартоломея, созданной наместником еще в сентябре 1864 г., но работа комиссии затянулась почти на 2 года.

Комиссии ген. Бартоломея предшествовала другая комиссия, деятельность которой имела более непосредственную связь с возникновением восстания. Мы имеем в виду комиссию ген. Понсэ, прибывшую из Тифлиса в 1865 г. и ставившую своей задачей: выяснить размеры имущества бывшего владетеля и установить его семье соответствующее вознаграждение. На эту комиссию был возложен также сбор сведений об общем социально-экономическом положении Абхазии. Члены комиссии Понсэ собрали довольно значительный материал[2].

Комиссия ген. Понсэ имела ряд конфликтов на различной почве как с крестьянами, так и с отдельными князьями и дворянами. Крестьяне, в особенности бывшие владетельские, выступали, в частности, против требования с них платы для пополнения суммы, назначенной правительством в пользу членов владетельской семьи. Весьма показательно, что впоследствии, перед самым началом открытого всеобщего выступления, 23 июля 1866 г., крестьяне нескольких сел на сходе в с. Дурипш выражали неудовольствие, почему правительство не хочет спросить, желает ли «население детей бывшего владетеля Абхазии допустить остаться в крае на помещичьих правах»[3].

Кроме того, и, пожалуй, главное, работа комиссии Понсэ здесь рассматривалась как подготовка проведения крестьянской реформы, крепостнический характер которой крестьянам был известен из практики проведения ее в России в 1861 г. и в Восточной Грузии в 1864 г., а также подготовки этой реформы в Имеретии, Гурии и Мегрелии. Крестьяне в с. Лыхны и м. Очамчиры, где происходили

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 19–21.

[2] Результатом работы этой комиссии была и рукопись А. П. Черепова «Краткие заметки о сословиях и взаимных отношениях Бзыпского округа Абхазии», на которую мы ссылались выше.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 120.

сходы населения, сделали многочисленные заявления, что, согласно обычному праву, «земля принадлежит тому, кто ее расчистил от зарослей и засеял», – такое положение «распространяется на всех без исключения абхазцев[1]. «Заинтересованные в земельных вопросах» князья и дворяне были весьма обеспокоены: «они сознавали, что если русская власть всецело станет на сторону этого закона, то их мечты приобрести латифундии не осуществятся»[2].

Святополк-Мирский отмечал, что действия указанной комиссии, «затрагивая вопросы сословной поземельной собственности и возбуждая их разрешение, были первою причиною неудовольствий и волнения в народонаселении»[3].

Вместе с тем, крестьян возмущало грубое отношение членов комиссии, в особенности чиновника Черепова, к ним, к их обычаям, нравам. Начальник Пицундского округа майор кн. Д. Чавчавадзе в своем рапорте на имя начальника Сухумского отдела от 4 июня 1867 г., говоря о причинах восстания 1866 г., писал: «Я, к сожалению, убежден, что одной из главных (причин) были приемы работ членов комиссии генерал-майора Понсэ... Я положительно могу сказать, что она оставила весьма тяжелое впечатление в народе и породила в нем кучу сомнений по делу поземельной собственности и сословных прав»[4].

Абхазские феодалы, недовольные введением русского управления и опасавшиеся дальнейшего ухудшения своего положения, всячески препятствовали работе комиссии и вообще отрицательно относились к праву новой власти на вмешательство в отношения между помещиками и их крестьянами; нападками на русское правление они стремились скрыть крепостническую эксплуатацию крестьян. Некоторые из них действовали в направлении захвата общинных лесов и пастбищ; например, домогались получить джгердский лес в 100 кв. верст[5]. Другие пытались ввести в заблуждение членов комиссии в деле определения владетельских имений, что-

[1] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 180.

[2] Там же. – С. 185.

[3] Рапорт кутаисск. ген-губерн. главнокомандующему Кавказ, арм. от 13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д 2784, л. 158

[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л. 43.

[5] Дьячков-Тарасов А.Н. Указ.соч. – С. 186.

бы кое-что присвоить себе, в том числе и крестьян[1]. Среди местных феодалов имелись протурецки настроенные лица, всеми средствами старавшиеся заставить крестьян, в том числе и владетельских, отказаться от дачи каких-либо сведений комиссии, намереваясь потом увезти этих крестьян с собой в султанскую Турцию[2]. Они распространяли слухи, что русское правительство уже якобы решило отобрать в казну все леса, крестьян поселить в правильно расположенных селениях и ввести воинскую повинность[3]. Местные реакционные силы не только стремились создать общий фронт против русской власти, но и натравить отсталые элементы населения на русский народ.

Ген. Понсэ, отмечая наличие протурецких настроений у части дворянства, подчеркивал, что «толки о переселении не редкость между здешними дворянами», которые стараются «увлечь с собою возможно большее число людей, под предлогом подвластности».

В сентябре 1865 г. в с. Хуап состоялось нелегальное собрание некоторых протурецки настроенных лиц, большей частью из фамилии Маргания (Маан). Один из них–Камбулат Маргания–был отправлен в Турцию, чтобы с помощью своего зятя–убыхского князя Керантуха Берзек – завязать переговоры с турецкими властями[4].

Однако отрицательное отношение абхазского крестьянства к вопросу о переселении обусловило безрезультатность этих переговоров. Впоследствии Святополк-Мирский, говоря о том, что некоторые феодалы готовы были удалиться в Турцию, подчеркивал, что «их удерживало брать с собою своих подвластных и рабов»[5]. Следует также отметить, как положительную меру, стремление правительства ослабить «значение и влияние» этих протурецких реакционных элементов и помешать их провокационным замыслам относительно переселения абхазских крестьян.

Содержание членов владетельского дома было определено правительством в 25 тыс. рублей в год. Бывшие подвластные кре-

[1] Там же.

[2] Письмо ген. Понсэ Шатилову от 1 декабря 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545 оп1, (кн. 1– , 1864 г., д. 76, лл.113-116.

[3] Дьячков-Тарасов А.Н. Указ.соч. – С. 185.

[4] Письмо Понсэ Шатилову от 1 декабря 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545 оп1, (кн. 1– , 1864 г., д. 76, лл.113-116.

[5] Рап. кутаис. ген.-губерн. главнокомандующему Кавказ. арм. от 13 октября 1866 г ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 159.

стьяне этих князей Шервашидзе были обложены платой в казну на пополнение названной суммы. Сбор производился главным образом деньгами по стоимости натуральных налогов. Начальник Сухумского отдела ген. Гейман в 1868 г. писал: «Таким образом, этот непомерно большой налог взымался по настоящее время, вследствие чего и без того многие бедные подвластные люди теперь дошли до крайней бедности»[1]. Общий размер повинностей и разных налогов с рассматриваемых крестьян достигал в год в среднем около 17 руб. 40 коп. с дыма, что в натуральном выражении составляло 1 корову и 6 голов мелкого рогатого скота[2].

Сообщая «об этом крайне тяжелом положении» крестьян в Кавказское горское управление, Гейман просил испросить у наместника разрешения об уменьшении подати тех крестьян, которые платили ее в повышенном размере; о дозволении ему частным образом собрать сведения «о действительно бедных подвластных семействах, не имеющих средств отбывать» подать, и ходатайствовать потом о сложении с них этого налога на 1869 г.[3]

Особенно тяжело стало положение крестьян тех сел, на территории которых были расположены окружные управления, где очень часто имели место «разные случаи» для взыскивания дополнительных налогов. Кроме того, эти села, в силу обычая гостеприимства, содержали людей, «осаждавших своими просьбами и жалобами начальство»[4]. «Подобных гостей каждодневно бывает до 100 человек, и они в буквальном смысле объедают селения, где расположены окружные управления»[5]. Они «в полном смысле обеднели от кормления» этих посетителей[6]. Жители сел. Лыхны предлагали оказать свое содействие при постройке дома для окружного управления, если только оно будет перенесено из их селения в местечко Гудауты[7].

Новое управление разочаровало крестьянство. Результаты установления колониального режима здесь были вообще те же са-

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, л. 256–258.

[2] Там же.

[3] Там же, лл. 241–242.

[4] Там же, л.л. 256 – 258.

[5] ССКГ, вып. VI. – С. 38.

[6] Там же, VI, отд. III, стр. 10.

[7] Там же, IV, прим. 2.

мые, что и повсюду: это был дополнительный гнет и для абхазского народа.

Нельзя забывать тот факт, что «царская Россия была тюрьмой народов», и что «царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»[1].

«Злейшим врагом русского, украинского и других народов России являлось царское самодержавие. Опираясь на реакционную верхушку местных помещиков и буржуазии, царизм проводил политику жестокого национально-колониального угнетения нерусских народов»[2].

Возьмем, например, судебное дело. Одним из первых правительственных мероприятий в Абхазии было учреждение окружных судов, где, в силу инструкции, дела должны были решаться согласно требованиям местного обычного права. В предписании кн. Мирского ген. Шатилову от 12 июля 1864 г. о введении общероссийского управления в Абхазии предлагалось: спорные дела разбирать по народным обычаям, для чего, до утверждения «правильных судов», собирать при окружных начальниках «почтеннейших из жителей». Исключению из этого правила подлежало только смертоубийство, за которое абхазцы должны были судиться по русским законам[3]. Окружные суды состояли из председателя, должность его исполнял начальник округа или его помощник, и четырех депутатов по выбору населения.

Надо сказать, что изменения, последовавшие в области судопроизводства, в принципе имели положительное значение. Ив. Аверкиев в 1866 г. писал: «Отменою огромной платы, следовавшей с подсудимых в пользу владетеля и судей, равно и больших штрафов, введением за убийство суда по русским законам, во многом изменен строй жизни абхазцев...»[4].

Однако несовершенство этого судопроизводства и произвол, чинимый его отдельными деятелями, доходил до того что называлось не только разочарование, но и открытое возмущение широких крестьянских масс. Прежде всего, в состав окружных судов не допу-

[1] «История ВКП(б). Краткий курс». – С. 6.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс». – С. 6.
[3] ЦГИАГ. ф. 416, д. XXVI, лл. 85–86.
[4] Аверкиев Ив. Указ. соч.

скали представителей ахоую и ахашвала т. е. «более других нуждающихся в защите и без того не слишком широких прав их»[1]. Кроме того, хотя в представительстве от местного населения в судах анхаю и преобладали, но фактически руководящую роль играли не они, а князья и дворяне. К сожалению, нас ограничивают материалы для характеристики того положения, как последние, вместе с царскими чиновниками, пользовались судебной властью в своих классовых и личных интересах. В этом отношении наши сведения полнее но Самурзаканскому и Цебельдинскомуг приставствам, где новое управление, как известно, было введено гораздо раньше чем в других частях Абхазии.

В Самурзаканском приставстве после Крымской войны управление приняло такой «произвольный способ действия», что ген. Колюбакин вынужден был представить новые проекты управления, утвержденные кавказским наместником Барятинским в конце 1859 г.[2] Однако речь шла лишь о незначительных изменениях, и в сущности был сохранен прежний порядок. Судебное дело было сосредоточено в руках словесного суда, в него входили 5 мдиванбегов из местных князей и дворян (Шервашидзе, Чхотуа, Маргания, Акиртава); суд находился под наблюдением царского пристава. Дела по мелким кражам решались сельскими бокаулами. Поскольку значительная часть взыскивавшихся штрафов делилась между мдиванбегами и другими чинами приставства, а в селениях они целиком шли в пользу бокаулов, то нетрудно себе представить злоупотребления всех этих лиц. К этому нужно добавить что в словесном суде, находившемся в с. Окум, не велось какой- либо отчетности для записывания штрафных денег[3].

В 1859 г. в Цебельде было введено управление, очень сходное с самурзаканским приставство делилось на 4 участка во главе которых стояли мдиванбеги из князей Маршания, получавшие жалованье от казны и пользовавшиеся определенной судебно-полицейской властью[4]. Надо сказать, что цебельдинскии словесный суд, как и пристав, не имел никаких правил для своей деятельности[5]. Но

[1] ССКГ, IV. – С. 29–30.
[2] Иваненко В.Н. Гражданское Управление Закавказьем. Тифлис, 1901. – С. 428.
[3] Эсадзе С. Указ. соч. – С. 126–127.
[4] ВПСЗРИ, т. 34, № 35. – С. 196.
[5] Эсадзе С. Указ. соч. – С. 131.

полная лояльность указанной деятельности к интересам царизма была совершенно бесспорна. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в апреле 1862 г. все 4 мдиванбега Цебельдинского «народного суда» князья» Маршания кавказским начальством были представлены к награде «за преданность их правительству и служебные отношения»[1]. В наградном листе, например, прапорщика Бабышьа Маршания мы читаем следующее мнение ген. Шатилова об этом князе: «За отлично-усердное в продолжение более трех лет исполнение обязанности мдиванбега народного суда и во внимание к совершенной преданности правительству и постоянной готовности выполнять все приказания и поручения, даже вне круга его прямых обязанностей, полагаю испросить производство жалования по чину»[2]. А в наградном листе прапорщика Хирипса Маршания значилось: «Во внимание к долговременному, с примерным усердием исполнению должности мдиванбега народного суда и совершенной преданности правительству, полагаю испросить в награду производство жалования по чину»[3]. Причем кн. Бабышь Маршания, имевший офицерский чин с 1854 г. и награды, «вновь заслужил внимания правительства» сражаясь в рядах царских войск при операции против дальцев в 1861 г., во время которой он был тяжело ранен, а затем и умер[4].

Что же касается системы «народных судов», то подробную ее характеристику можно найти в статье «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии»[5], в которой автор описывает существовавшее до 1868 г. судопроизводство в Абхазии, знакомое ему, по его словам, «более других горских судов»[6].

Аноним указывал, что поводом к обвинению служил совершившийся факт, а основанием – полный произвол обвинявшего. Эта «полная безответственность обвинителя» давала возможность привлекать к суду людей, «совершенно невинных в преступлении», каковыми, как правило, являлись ахашвала в ахоую и вообще крестьяне. Результатом такой постановки было «размножение кляузников, затевавших иски при всяком удобном случае». Таким образом без

[1] ЦГИАЛ. ф. 1268, оп. 10, 1862 г., д. 109, лл. 2, 10.
[2] Там же, лл. 3–4.
[3] Там же, лл. 5–8.
[4] Там же, лл. 11–12.
[5] ССКГ, IV.
[6] Там же. – С, 29.

вины потеряв часть имущества и не имея средств в продолжение короткого времени поправить свое расстроенное хозяйство, ответчик часто уходил из дома и начинал скитаться.

«В Абхазии, – свидетельствовал тот же автор, – весьма достаточное число бездомных, отказавшихся от своих семейств... Если проследить их жизнь, то легко убедиться, что очень многие из них дошли до настоящего положения именно сказанным путем. Лишившись без вины своего рабочего скота или коров, кормивших все семейство, они тем же беззаконным путем хотели возвратить отнятое и, потеряв все состояние, увидели свои семейства в полной нищете: тогда, бросив последние на произвол судьбы, они начали скитаться из двора в двор...»[1].

Так, в 1867 г. в с. Ачандара один анхаю, лишившийся по суду последней коровы, сжег свой дом, бросил семейство и ушел в лес. На вопрос, почему он так поступил, заявил, что «обвиненный невинно два раза в воровстве, он лишился через это всего своего имущества и как убедился, что семейству его грозит полная нищета, то сжег дом, для того, чтобы лишить семейство крова и тем самым заставить родственников жены принять в нем более живое участие, а сам ушел, чтобы не видеть голодающими свою жену и детей». «Все это, – сообщает упомянутый автор, – обвиненный высказывал на суде, до своего преступления, и выставлял как доказательство своей невинности прежнюю честную жизнь, по суд остался глух к его оправданию и поступил совершенно правильно, на основании народных обычаев, дав присягу истцу, который, по бессовестности, легко ее исполнил. Настоящий вор коровы отыскался через три недели после сделанного обвиненным преступления»[2].

Кроме того, при выполнении всей процедуры суда иск, начатый по поводу какой-нибудь украденной козы, влек за собой отрыв от работы 10–15 чел. при самых благоприятных обстоятельствах на 6 или 10 дней. Причем, так как некоторые селения были расположены далеко от места пребывания окружного суда, то приходившие для выполнения какого-нибудь судебного акта сплошь и рядом оставались на 2–3 дня, а иногда и на неделю в том селении, где находился окружной суд, объедая это селение[3].

[1] ССКГ, IV. – С. 31, 33–35.
[2] Там же. – С. 35.
[3] Там же. – С. 38.

В судах часто происходили столкновения между населением и представителями царской администрации, а также и их сослуживцами из местных князей и дворян. «Суд, – писал Ал. Гарсеванов, – на первых порах принес сильный материальный вред коренным жителям; непоправимые недоразумения, происходившие на судах, сильно раздражали народ; ввиду этого многие абхазцы, недовольные русским правосудием, воспользовались удобным случаем и произвели открытое возмущение»[1]. Автор явно преувеличивал значение указанного фактора, считая его чуть ли не единственной причиной восстания. Но нельзя отрицать и серьезное значение его.

Крестьяне подвергались арестам со стороны властей и без всякого суда за малейшие проступки, как это явствует хотя бы из слов О. Шамба. Царские тюрьмы появились во многих местах Абхазии. Еще М. Селезнев отмечал, что теперь владетель часто отправляет людей на гауптвахту в Бамбора или Сухум, а потом, для окончательного решения их участи, в Кутаис[2]. Вот что писал ген. Гейман об условиях в этих тюрьмах в своем обзоре о положении в крае от 16 октября 1867г.: «Помещения для арестантов (в сухумской тюрьме. – Г. Д.) отвратительные, надобно удивляться их живучести»[3]. Не случайно, что одним из требований повстанцев было немедленное освобождение арестованных, после чего они разгромили тюрьмы в Лыхнах и Цебельде.

Следует также подчеркнуть, что, говоря словами автора статьи. «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии», «окружные суды, сверх прямого своего назначения, должны были быть учреждениями, подготавливающими население к принятию тех реформ в быте, которые рано или поздно должны были состояться»[4]. О характере этих реформ, их классовой сущности речь будет идти ниже.

* * *

Недовольство населения новым управлением особенно обострялось тем фактом, что в ряде случаев его возглавляли грубые

[1] Гарсеванов Ал. Указ.статья.
[2] Селезнев М. Указ. соч. – С. 188, 201.
[3] ГЦИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), д. 258, л.л. 1–8.
[4] ССКГ, IV. – С. 27.

и невежественные бездушные царские чиновники и офицеры, меньше всего думавшие о благе края. Как известно, «служить» на «окраины» часто отправлялись лица с очень подозрительными целями – искатели легкой наживы и быстрого продвижения в чинах. Эти люди, как правило, были попавшие в опалу генералы и офицеры, проворовавшиеся интенданты и чиновники. В системе военно-административного управления процветали взятки, грабеж, насилие, обман, надувательство, интриги. Еще генерал Ермолов, вскоре после своего назначения на Кавказ в 1816 г., дал такой отзыв о чиновниках в Грузии в донесении начальнику Главного штаба: «И доныне, если и приезжают в Грузию чиновники, то, конечно, большею частью такие, которые по ограниченным способностям и дурному поведению нигде уже в России не могли найти себе места. Вся цель их состоит только в том, чтобы, воспользовавшись определенным пособием, иметь возможность удовлетворить порочным своим наклонностям»[1].

Сенаторы Кутаисов и Мечников, производившие ревизию управления Грузией в 1830–1831 гг., сообщали, что приставы управляют не как чиновники от правительства, но как помещики своими поместьями[2]. Генерал Филипсон, вспоминая об этом периоде своей службы на Кавказе, писал, что последний и то время являлся «убежищем и сборным местом разных пройдох и искателей средств вынырнуть из грязи или из неловкого положения»[3].

В 1864 г., при упразднении владетельства и введении русского управления в Абхазии, Святополк-Мирский протестовал против учреждения здесь участковых управлений, считая их просто вредными, так как на должность участковых начальников, по его словам, нельзя было найти людей достойных, и места эти обыкновенно замещались или взяточниками, или людьми совершенно неспособными[4].

Эти военные и гражданские чиновники, действия которых носили характер преступного самоуправства и безграничного произвола, разумеется, ни в коем случае не представляли Россию, а являлись отбросами царской бюрократии. Они не имели ничего общего с русским народом, который сам от них тяжело страдал.

[1] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 45.
[2] Там же, т. VIII, ч. I. – С. 41.
[3] Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», 1883 г. кн. 6. – С. 285.
[4] ЦГИАГ. ф. 416, д. XXVI, л.л. 81–83.

Наместник Кавказа в письме Александру II от 5 августа 1866 г. заключал: теперь же стало слышно, что население Абхазии недовольно своими управителями, «находя, что они несоразмерно строги». Далее он писал еще более определенно: «Всего грустнее мне, что твои, Саша (Александр П.–Г. Д.), опасения оказываются основательными: мы сами виноваты в случившемся. Но только не ради злоупотреблений низших властей, а ради их ошибок и безтактности. Князь Мирский пишет, что, по-видимому, главная причина восстания заключалась в неосторожных действиях чиновника (убитого!), посланного собирать сведения о холопах и подвластных, и в недостаточном умении покойного окружного начальника направлять его деятельность»[1].

То же самое писал наместник в донесении военному министру Д. А Милютину. «Что касается до обстоятельств, – читаем мы в рапорте от 19 августа 1866 г., – побудивших весь Бзыбский округ восстать, то можно полагать с уверенностью, что они заключаются в ошибках лиц, пострадавших в этой катастрофе (Коньяр, Измайлов, Черепов и др. Г. Д.), не умевших примениться к обычаям и понятиям народа. Еще сильнее подтверждает это поведение жителей в двух других округах, в которых окружные начальники держали себя с большею осмотрительностью»[2]. «Грустнее всего, что мы сами виноваты бунту!», – восклицал наместник и в письме Д. А. Милютину от 10 августа 1866 г.[3]

Посетив Сухум, наместник в дополнение к упомянутому выше письму на имя Александра II, излагая ему же о том, «что видел в Сухуме и какие вынес оттуда впечатления», писал 21 августа 1866 г.: «Нет сомнения, что главнейшей причиной восстания были неосторожные действия лиц, которым поручено было собирание сведений по крестьянскому вопросу, несчастные поплатились за то жизнью! Думаю теперь даже, что ради... абхазцев, недавнего введения у них нашего правления, еще вполне не организованного и не окрепшего, вовсе не следовало теперь же затрагивать в Абхазии столь щекотливого и сложного вопроса; мы поторопились…»[4].

[1] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 610, 1866 г., лл. 29–33.

[2] ЦГВИА, ф. 400, аз- ч., 1866 г., оп. 258/908, д. 54, л.л. 28–30.

[3] Рукописное отделение Государствен. Библиотеки СССР имени В.И. Ленина, ф. Д. А. Милютина, шифр 1424/2 (переписка с вел кн. Михаилом Николаевичем), л.л. 188–189.

[4] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 34–37.

Стремление наместника объяснить возникновение восстания в основном «ошибками» представителей местной власти и свалить на них всю ответственность и, таким образом, затушевать главные причины, обусловившие движение, – совершенно очевидно[1]. Но то, что им было сказано при характеристике деятельности этой власти, является фактически признанием действительного положения.

Даже царский генерал Гейман признавал, что «во главе управления были люди, которых народ возненавидел, и довольно было только придирки, чтобы вспыхнуть волнению»[2]. Совершив же поездку по Абхазии после назначения его начальником отдела в 1867 г., Гейман о своих общих впечатлениях писал, что в период управления краем царского начальства «мы заботились о том, чтобы поселить полное недоверие к нам» в населении.

Для подтверждения своего вывода ген. Гейман приводил следующие факты. Когда Самурзаканская Абхазия перешла в российское управление, то «явился пристав и четыре участковых начальника, которые под шумок очень набивали карман. С уничтожением приставства бывший окружной начальник подполковник Кишельский, хотя, как известный человек, не пользовался достоянием народным, но неумением обращаться окончательно навел омерзение... Все это и было причиною крайней бедности этого края, богатого всеми дарами природы»[3]. Что же касается утверждения Геймана о том, что в последнее время дело идет хорошо, то оно имело целью затушевать печальную картину того, что творилось здесь в это «последнее время».

Г. М. Шервашидзе в статье «Так ли пишется история», опубликованной в газете «Закавказье» от 6 июня 1910 г.[4] сообщал ряд фактов, свидетелем которых он был, о надменном отношении чиновников и офицеров к местному населению, предварительно заметив: «...Насколько чиновники не только не изучали обычаев старины, но не

[1] Эта установка была воспринята историком С. Эсадзе.

[2] Письмо ген. Геймана гр. Евдокимову от 20 октября 1866 г. ЦГВИА, ф ВУА, 1856 г., д 6696, л. 326 об.

[3] Докладная записка ген. Геймана от 16 октября 1867 г. об осмотре Сухумского отдела. ЦГИАГ, ф.545, 1867 г., д. 252, л.л. 1–2.

[4] Статья Г. М. Шервашидзе была написана в ответ на очерк Ал. Гарсеванова «Страница Из недавнего прошлого Абхазии», опубликованного в той же газете «Закавказье» от 23–24 апреля 1910 г.

руководствовались даже общечеловеческой этикой, сейчас вам доложу». Однажды, отдавая приказание сельскому старшине, чиновник Черепов сказал: «Значит, завтра, к вечеру, я у вас буду, – собери кого нужно, чтобы встретили. – Да, мне придется у вас переночевать, прикажите там девчатам хорошенько вымыться, и старых рож чтобы не было!»

У старшины блеснул в глазах зловещий огонь, но он удержался и только ответил: «У нас всегда все хорошо умыты, но вас не ждут». С этими словами он ушел. Так как разговор этот происходил при мне, то я заметил г. Черепову, что таким языком говорить с ними не следует, и что напрасно он это делает. «Ничего», – ответил он, смеясь, – «надо их понемножку цивилизовать».

На следующий день, когда г. Черепов поехал в деревню, то ни в один дом его не впустили, и сход к нему не собрался Ему пришлось возвращаться в 10 часов ночи верхом с одним чапаром. Раздеваясь спать, возмущенный, он ругался. «Погодите, подлецы, я вам покажу, как над русским чиновником издеваться»[1].

Следственная комиссия и кн. Мирский утверждали, что Черепов еще во время работы комиссии Понсэ стал ненавистным абхазскому населению. Начальник Кавказского горского управления Старосельский при всем своем стремлении оправдать деятельность Черепова вынужден был заявить, что последний «действовал неблагоприятно на абхазское население»[2].

О вызывающем поведении Черепова писал и К. Д. Мачавариани, о чем он мог знать не только на основании официальных материалов, но и со слов своего отца, очевидца событий 1866 года в Абхазии – миссионера Давида Мачавариани. Правда, он явно преувеличивал роль этого чиновника, что видно из следующих его слов: «Вся вина лежит на чиновнике Черепове, который, не ознакомившись с правами, обычаями и нуждами населения, пожелал сразу ввести в действие все предложенные им свои проекты. Он издевался даже над князьями и дворянами, угрожая, что едва ли они будут причислены к привилегированным сословиям. Издевался и над представительницами женского пола, задевая самые священные чувства населения. И вот, когда изрубили Черепова,

[1] Шервашидзе Г. Указ.статья.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, д.2784, лл. 165-169.

абхазцы с своей стороны прибегли к тому же издевательству над его трупом»[1].

И. д. начальника Бзыбского округа Измайлов требовал на одном из сходов в поле, чтобы ему отвечали снимая шапку. Один из присутствовавших, по фамилии Мканба, ответил: «Мы шапки снимаем только в церкви, а святого Измайлова мы еще не знаем». За такой ответ Мканба был арестован и сидел в Сухумской крепости несколько месяцев. Когда в связи с подготовкой реформы крестьяне пришли к Измайлову с просьбой разъяснить им сущность предполагаемой меры, окружной начальник ответил: «Освобождаю вас, бараны, от тех, кому вы принадлежите». «Безтактные выходки в таком роде случались часто и производили на население удручающее впечатление». Они «вызывали в народе глухой ропот и недовольство»[2].

А. Н. Дьячков-Тарасов также указывал, что Измайлов был не только не администратор, но человек, «с пренебрежением относившийся к абхазцам: последние не имели к нему ни малейшего доверия, боялись его»[3].

Святополк-Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866г. так отзывался об Измайлове и Черепове: «Как бывший начальник Бзыбского округа капитан Синсоков, так и исправлявший эту должность З. А. Измайлов не обладали достаточными качествами для внушения народонаселению доверия и приобретения нравственного влияния... Чиновник Черепов, назначенный в Бзыбский округ для собирания сведений, был человек грубый, заносчивый и неосторожный в своих речах и поступках»[4].

В цитированной выше речи О. Шамба достаточно обстоятельно была охарактеризована деятельность самого и. д. начальника отдела полк. В. Коньяра, сменившего ген. Шатилова и бывшего до этого начальником штаба Кутаисского генерал-губернаторства[5]. Ввиду важности этой части речи крестьянина Шамба, смело произнесенной им перед Коньяром для общей оценки деятельности царских

[1] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуми и Сухумскому округу. Сухум, 1913. – С. 296.
[2] Шервашидзе Г. Так ли пишется история. «Закавказье», 6 июня 1910 г., № 126.
[3] Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. – С. 184.
[4] ЦГИА, ф. 649, оп.1, д.409, лл. 37-44.
[5] Список полковникам по старшинству. Спб, 1865. – С. 335.

властей в крае мы приведем ее целиком из показания Г. Ткецишвили, непосредственно переводившего речь оратора. Он начал с напоминания того факта, что в 1864 г. правительство нашло нужным удалить М. Шервашидзе из Абхазии и ввести непосредственное русское управление. При этом от имени кавказского наместника населению было объявлено о том, что правительство будет к последнему милостиво и благосостояние его будет возрастать. «Но, – сказал Шамба, – со вступлением вашим, т. е. полковника Коньяра в управление Абхазиею, вы давите и притесняете нас. Вы подвергаете нас тяжким наказаниям за малейшие наши проступки. Такие взыскания не могут быть налагаемы даже на образованных людей внутри самой России..., и едва ли там народ стерпел бы это, тем более мы не можем этого, мы – народ необразованный и незнакомый с законами русскими и непонимающий взгляда правительства на различные роды преступления. Вы столько стесняли и оскорбляли нас, что сердце наше переполнилось терпением и мы не в силах больше терпеть»[1],

Иванов, о котором сообщает Езуг Герия[2], во время расследования причин восстания, выступая в качестве свидетеля, разоблачал деятельность представителей царской администрации в Абхазии. Он заявил, что чиновники вели себя весьма грубо, не считаясь с привычками, нравами и обычаями населения; шли напролом, проводя важные мероприятия. В 1868 г. А.В. Пахомов с возмущением писал: «Я сам русский и мне обидно, что наше же русское начальство восстанавливает против нас и против себя все туземное население своими в высшей степени непрактическими распоряжениями»[3].

Было бы неправильно, однако, думать, что весь аппарат угнетения состоял из одних русских. Такая постановка вопроса неизбежно приведет к идеализации борьбы феодалов, как это свойственно дворянским буржуазным историкам-националистам. От поведения бездушных царских чиновников и офицеров не отличалась и деятельность местных князей и дворян, одетых в офицерские мундиры и служивших самодержавию не за страх, а за совесть. Поэтому крестьяне, в сущности, не дифференцировали свое отношение к тем и другим.

[1] Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/808, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32–47.

[2] См. введение к настоящей работ. – С. 13–14.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп.1, 1868 г., д. 29, л. 384.

Крестьяне Абхазии страдали от двойного гнета: от своих помещиков и от произвола, насилий и злоупотреблений новой царской власти, от которой оно ждало облегчения своего положения.

Поведение представителей власти в Абхазии, были ли они царскими офицерами и чиновниками, или местными князьями и дворянами, вызывало возмущение широких масс населения. Но это вовсе не означало, что последнее всегда и во всех случаях выступало против русского управления вообще и в принципе. Напротив, с введением нового управления крестьяне связывали надежду на большие перемены в их жизни в лучшую сторону. Кроме того, население подчас выступало в защиту того или иного представителя администрации, если он в его глазах зарекомендовал себя более или менее положительно.

Такой факт имел место, например, в 1868 г. в Бзыбской Абхазии, в том самом районе, где за два года до того вспыхнуло восстание. На место убитого во время восстания и. д. начальника Бзыбского округа Измайлова был прислан майор Д. Чавчавадзе. Нового окружного начальника здесь совершенно не знали. Но его скоро начали уважать. Однако именно за это его возненавидел новый начальник Сухумского военного отдела ген. Гейман. Против Д. Чавчавадзе были начаты интриги, чтобы заменить его человеком более «твердой руки».

Узнав об этом, население заступилось за Чавчавадзе. До нас дошло заявление жителей сел Бзыбской Абхазии на имя ген. Геймана по этому поводу. В этом прошении указывалось, что благодаря Чавчавадзе сложили оружие те лица, которые стояли за продолжение бесцельной кровопролитной борьбы после окончательного поражения восстания, а также было предотвращено массовое выселение. Кроме того, Чавчавадзе возбудил ходатайство перед высшим начальством о смягчении участи населения после совершенного им восстания, постоянно разъяснял крестьянам смысл происходивших событий. Бзыбцы просили оставить Чавчавадзе начальником округа еще на два года, пока не окончены «великие дела, а именно крестьянский вопрос, княжество и дворянство и поземельные права...».

Интересно также привести следующее место цитированного прошения: «Но если позволите сказать правду, и прежнее возмуще-

ние произошло (из-за) таковых же интриг; но и ныне не перестают, назначаются такие помощники в наш округ, что... напротиву своего начальника передают нам, что если начальник наш был бы хорош, дело решалось бы иначе и лучше, и подобные отзывы помощников настаивают выдумать и подать в сомнение, но отчего назначают таких помощников; должно полагать, что сами помощники домогаются получить место начальника, и потому не перестают возмущать народ, что нас беспокоит сильно и также служащие в" канцелярии выдумывают ложь»...[1]

Чавчавадзе все же был заменен. Но впоследствии, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда в Абхазии создалась весьма трудная обстановка, кавказское начальство решило командировать сюда подполк. Чазчавадзе, как человека, который управлял округом «и имеет там много связей». «Никто, – писал Святополк-Мирский генералу Кравченко, – более его неспособен приискать наиболее верных лазутчиков и вообще склонить туземцев на нашу сторону. Кроме того, он храбр и распорядителен»[2].

Указанное выше заявление населения Бзыбской Абхазии, с одной стороны, определенно свидетельствует о царистских настроениях его составителей, об их классовой ограниченности вообще, но с другой – совершенно ясно указывает на возмущение населения деятельностью большинства царских администраторов, отмечает благожелательное отношение к тем чиновникам, которые в той или иной мере шли навстречу населения.

В этой связи следует еще вспомнить сообщение о фельдшере Иванове, выступившем во время расследования причин восстания в защиту повстанцев и с разоблачением деятельности грубых администраторов. За этот справедливый поступок впоследствии крестьяне настаивали, чтобы Иванову был выделен участок земли на территории Бамбора.

Абхазские крестьяне выступали против России царской, против которой неустанно боролся и сам русский народ; против той России, которая в 1864 г. организовала позорную «гражданскую казнь» великого русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского, а двумя годами раньше заточила замечательного русского публициста и критика Д. И. Писарева в Петропавловскую крепость; против того правительства, которое А. И. Герцен в «Колоколе» назвал «шайкой разбойников и негодяев».

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1868 г., д. 324, л.л. 5–10.

[2] Климан. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877 –1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре, т. V, Тифлис, 1909, приложения … – С. 158.

Именно поэтому Чернышевский и Герцен поддерживали освободительную борьбу народов Российской империи против царизма. Они предсказывали будущее освобождение этих народов, их объединение в братской семье. Еще в 1853 г. Герцен писал: «Из-за насильственного единства виднеется единство свободное..., единство, основанное на признании равенства и самобытности...»[1].

Здесь нельзя не привести следующие слова В. И. Ленина из его статьи «Лев Толстой, как зеркало русской революции». «Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника...»[2].

* * *

Недовольство масс вызывалось также деятельностью российской официальной церкви – верного орудия колониальной политики царизма, призванной привести население к «повиновению» императору. В 1851 г. в Абхазии были учреждены духовная миссия и архиерейская кафедра, состоявшая в ведении русского Синода через посредство Кавказского экзархата[3]. Кавказский наместник кн. Воронцов, настаивая на немедленной организации Абхазской архиерейской кафедры, писал в своем отношении на имя Чернышева от 26 марта 1851 г.: «Отлагательство, однако, будет весьма неблагоприятно для желаемого нами всеми священного дела и отдалит, может быть, надолго несомненные надежды на великие успехи для нашей православной веры и для христианства вообще, и для того полезного в политическом виде влияния, которое мы в этих... горах и плоскостях всегда должны получать от распространения нашей веры...»[4].

Однако методы и цель достижения этих «великих успехов», вопреки официальным утверждениям, не могли, конечно, обеспечить их. С другой стороны, эти методы и задачи церкви, как и вся

[1] Герцен А. Соч., т. 7. – С. 257.

[2] Ленин В. И. Соч., т. 15. – С. 184.

[3] АКАК, т. X, ч. II. – С. 899.

[4] Там же, ч. 1. – С. 231.

система действий и цели царизма, мешали действительно великому прогрессивному делу тесного сближения местного населения с русским народом, жизненная необходимость которого была продиктована самой историей.

Святополк-Мирский так характеризовал деятельность миссионеров и результаты этой деятельности: «По недостатку у нас нравственных элементов для такой деятельности все наши попытки в этом деле имеют какой-то характер, смею сказать, недостойный такой высокой и священной цели, и поэтому вместо успеха возбуждают часто лишь справедливые нарекания и ненависть. В Абхазии по этому вопросу случилось и существует то же, что и везде»[1]. Генерал Гейман также писал, что в Абхазии начали «чуть не насильственно вводить христианство»[2] в другом месте: «само введение христианства, вследствие неосторожных приемов, придало некоторый вид будто, бы насилия»[3]. И в отчете «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» за 1865 г. мы читаем о «содействии некоторых внешних мер» в деле проповеди православия в Абхазии. И Гейман, и названное Общество слишком явно смягчали действительное положение, но характерно и сказанное ими.

Не лестно отзывался о деятельности «распространителей христианства» также автор статьи «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии». Он указывал, что духовенство добивалось перенесения практики дачи присяги населения исключительно в церковь, в результате чего акт присяги превратило в источник своего значительного дохода. Например, в Лыхненской церкви, сообщал этот автор, все присягающие платят от 20 до 30 коп. с человека, «деньги эти поступают в бесконтрольное распоряжение священника». И далее: «Толпы праздношатающихся нашли возможным изыскать из частого применения присяги к решению дел свою пользу, и образовались целые артели, готовые за известную плату подтвердить присягою какое угодно показание. Местное духовенство, признавая этот порядок вещей самым выгодным для своего кармана, открыло конкуренцию, сбавляя плату за принятие присяги и доказывая преимущественную святость одного

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, 1856 г., д. 6696, л. 326 об.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160.

храма перед другим. В последнее время Лыхненский и Илорский храмы занимали самые почетные места и каждодневно в них приносилась присяга десятками людей»[1].

К чему приводила такая практика? На этот вопрос автор, давал следующий ответ: «Неуважение к присяге ведет за собою неуважение и к тому месту, где она принимается. Какое значение имеют в настоящее время наши храмы в глазах абхазцев, трудно решить; но утвердительно можно сказать, что прежнее безотчетное уважение к ним рассеялось». Так, в 1866 г. в Лыхненской церкви происходила перестрелка с казаками, «тогда как, по понятиям также абхазцев, всякий прибегнувший под защиту храма делается неприкосновенным»; в 1867 г. дважды было сделано нападение на церковь в с. Аацы и «покушаются сделать то же самое в церквах селений Лыхны и Илори»[2].

90-летний старик (в 1914 г.), дурипшский крестьянин Антон Гуатас-ипа об алчности священников говорил следующее: «Пользуясь темнотой нашей, стали они изощряться, как бы извлечь от нас доход, казенного жалованья им было мало. Некоторые из них попридумали, например, что будто если на грудь покойника не будет положено 3 руб. для священника, то и отпевать усопшего нельзя...»[3].

Показательно было то, что верными помощниками миссионеров являлись те же абхазские князья и дворяне. Епископ Имеретии и временно управляющий Абхазской епархией Гавриил в «Обозрении абхазских и самурзаканских приходов за 1869 г.» по поводу своей проповеди в с. Ешера писал: «Убеждал простой народ последовать примеру своих помещиков, говоря, что верно они лучше их понимают это дело». В с. Мазихва кн. Александр Инал-ипа перед епископом произнес речь, в которой хвалил последнего и «благодарил за наставление»[4]. Тот же епископ в обозрении церквей края за 1870 г. с благодарностью отмечал, что успехами, например, в селах Гуп и Члоу он был обязан, главным образом, князьям Мсоусту Маршания и Салыбею Анчабадзе[5].

[1] Отчет Общества восстановления православного христианства за, 1865. Тифлис, 1866. – С. 4.
[2] ССКГ, IV. – С. 40–41.
[3] Журн. «Сотрудн. Закавказской миссии». Сухум, 1914 г., № 1. – С. 13–16.
[4] ЦГИАГ. ф. 545, 1869 г., оп. 3, д. 314, лл. 198–251.
[5] «Кавказ», 1870 г., №№ 133 и 139.

За помощь «миссионерскому делу» княгиня К. Шервашидзе получила крест «Общества восстановления христианства». В 1871 г. 17 князей и дворян Абхазии «за особые услуги», оказанные ими названному Обществу, были награждены знаками, установленными для его членов 4-го разряда, без внесения членского взноса[1]. Среди них был очемчирский дворянин Ислам Баркалая, построивший церковь в с Члоу- строительство обошлось ему свыше 900 руб.[2]

Надо сказать, что антирусские элементы, в частности турецкие агенты, стремившиеся воспользоваться каждой ошибкой русских властей вообще, старались использовать указанное выше неблаговидное поведение отдельных церковников.

2

К характеристике положения в Абхазии непосредственно накануне восстания 1866 г. надо еще прибавить факты неурожаев и эпидемических заболеваний. 1864 год ознаменовался неурожаем кукурузы – главной пищи населения края вследствие чего, например, в 1865 г. до нового урожая т е до осени, чувствовался острый недостаток в хлебе. Вместе с тем разразилась болезнь винограда, почти уничтожившая весь урожай[3]. Кроме того, вспыхнула эпидемия оспы.

* * *

В определении положения членов владетельского дома, по признанию Мирского, произошло «большое замедление», что вызывало недовольство со стороны князей Шервашидзе[4].

В июле 1866 г. состоялись торжественные похороны бывшего владетеля Абхазии в Моквском храме, в фамильном склепе князей Шервашидзе (Чачба). Наместник Кавказа в письме Александру II от 21 августа 1866 г. писал, что у многих из «влиятельных лиц», недовольных «переменой правления в Абхазии», «похороны покойного владетеля и бытность налицо многих членов его дома оживили воспоминания и сожаления о прошедшем»[1]. Они послужили поводом «к крайнему раздражению вражды между членами Шервашидзевского дома»[2]. Об этом обстоятельстве можно найти сведения и в докладе кутаисского генерал-губернатора наместнику Кавказа от 10 октября 1866 г.[3]

Но при этом и наместник, и генерал-губернатор подчеркивали второстепенный характер указанного факта среди непосредственных причин восстания: в первом случае он называется побочной причиной, во втором – способствовавшей. В этой связи небезынтересно привести сообщение наместника Кавказа (март 1864 г.) о том, что М. Шервашидзе покровительствовал князьям и дворянам, чинившим хищничества, грабежи и убийства благодаря чему «народ страдает, но не может ничего сделать вопреки власти, поддержанной русской (царской. - Г. Д.) силой, от этого-то она ненавидит и своего владетеля» и его покровителей[4].

3

В такой общей обстановке в июле 1866 г. в Абхазию прибыла новая комиссия в составе: майора кн. Сулхана Барагова (председатель), капитан-лейтенанта Корганова и титулярного советника Черепова. В задачу этой комиссии входил сбор сведений «о порядках землевладения», об отношениях между лицами разных сословий в каждом отдельном селении и затем систематическая обработка собранных ею данных, на основании чего можно было бы приступить к «разрешению той запутанности, которая поныне заметна в этого рода делах и которой никакие другие меры не в состоянии устранить». При этом командированным лицам было вменено в обязанность объяснить крестьянам, что правительство приступает

[1] Выписка из журнала Кавказского комитета от 5 октября 1871 г. ЦГИАЛ. ф. 1268, оп. 16, д. 111, 1871 г., л. 4.

[2] Отношение наместника Кавказа пред. Кавказского комитета от 25 июня 1871 г. ЦГИАЛ, ф. 1268, оп.16, д. 111, 1871, лл. 1-2.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн.1), 1864 г., д.76, лл. 180-198.

[4] Там же, оп.1, (кн.2), 1866 г., д. 2784, лл. 159 об. – 160.

[1] ЦГИА, ф. 678, оп.1, д. 610, 1866 г., лл. 34-37.

[2] Рап. кутаисск. ген.-губерн. главнокомандующему Кавк. АРМ. от 13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн.2), 1866 г., д. 2784, л. 160.

[3] ЦГИАГ. ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 246, л.л. 34–48.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, д- XXVI, лл. 29–34.

только к разрешению вопроса об их освобождении от личной зависимости, но не освобождает их и что они по-прежнему должны пока отбывать владельцам обычные повинности «и за нарушение своих обязанностей к владельцам будут подвергаемы еще большим против прежнего взысканиям»[1]; комиссии предлагалось «объявлять подведомственным крепостным, чтобы они не надеялись при освобождении на пособие правительства для выкупа своих повинностей»[2].

В.И. Ленин в статье «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция» писал: «...Пока крепостники не свергнуты, никакие реформы и особенно аграрные реформы невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения... «Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники... «Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой»[3].

Именно потому, что эту реформу проводили крепостники-помещики, «пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»[4].

При том большом разнообразии и сложности, порой запутанности вопроса о крестьянских категориях, степени и формах их зависимости от владельцев, определявшимися в сущности лишь одними нормами обычного права, а не письменными кодексами, комиссии Сулхана Баратова, как и предыдущей комиссии ген. Понсэ, разумеется, было нелегко справиться с указанной задачей. А абхазские феодалы еще больше осложняли вопрос, стремясь расширить свои права и, следовательно, претензии к правительству при проведении реформы.

Крестьяне, естественно, оказывали сопротивление подобному стремлению своих господ. Борьба эта, проходившая через всю историю подготовки и проведения крестьянской реформы в Абхазии,

[1] Там же, оп.3, 1866 г., д. 1013.

[2] Письмо Святополк-Мипского наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г., ЦГИА, ф. 649, оп.1, д. 409, лл. 37-44.

[3] Ленин В.И. Соч. т.17. – С. 94-95.

[4] Ленин В. И. Соч., т. 17. – С. 94–95.

являлась неразрывной частью той общей борьбы, которая вызывалась крепостническим характером проектируемой реформы. С тем и другим было связано и восстание абхазского крестьянства в 1866 г.

Наместник Кавказа в своем письме Александру II в июле 1863 г. писал: «Весьма часто крестьяне отказываются исполнять те повинности, которые издавна исполняли по обычаю их отцы и предки... Можно предполагать, что крестьяне от нетерпения получить свободу позволяют себе теперь подобные домогательства, к тому же мой приезд вложил в их умы надежду, что немедленно будут освобождены. В то же время бывают и такие нередкие случаи, где помещики, предвидя приближение срока разрешения крестьянского вопроса, хотят воспользоваться последним временем, чтобы присвоить себе от крестьян как можно более и, так сказать, выжать из них последний сок»[1].

Крестьянство Абхазии достаточно хорошо представляло сущность реформы. Оно не могло не знать, что в тех частях Грузии, где реформа уже была проведена, значительная часть крестьян осталась без земли. В самом деле, если до реформы крестьянство в Восточной Грузии владело землей в количестве 84.665 десят., то после реформы в его распоряжении осталось всего лишь 55.679 десят., т. е. у него отрезали 28.986 десят., что составляло около двух пятых всего крестьянского надела. В последствии наместник Кавказа кн. Воронцов-Дашков в своей записке на имя царя вынужден был признать, что «отмена крепостного права в пределах Закавказья, а особенно в Грузии, была проведена на условиях, особенно льготных для помещиков и невыгодных для крестьян, причем правительство... увеличило земельные повинности крестьян в пользу помещиков выше существующей в крепостное время нормы»[2].

В «Краткой записке о сословно-поземельных отношениях в Абхазии» недвусмысленно подчеркивалось, что в последнее время среди крестьян зарождались опасения «относительно крайне неблагоприятной и стеснительной для них поземельной реформы»[3]. На лыхненском сходе 26 июля 1866 г. крестьянский оратор О. Шам-

[1] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 607, л.л. 26 об.–27.

[2] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем – генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. (СПБ), 1807. – С. 68.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 51 об.

ба ясно заявил: «Как мы слышали, разрешение крестьянского вопроса идет постепенно, сначала в (Восточной) Грузии, потом в Имеретии и Гурии»[1].

А.В. Пахомов в одном из своих писем И. К. Багратион-Мухранскому в 1868 г., между прочим, указывал, что представители местной феодальной знати дают Сухумской сословно-поземельной комиссии ложные показания, «врут они немилосердно». Но «их выдают их же собственные крестьяне, которые очень хорошо понимают, что они нисколько не выиграют, если их теперешние господа будут богаче землею»[2].

Крестьяне вполне понимали, что царское правительство, проводя реформу, и в Абхазии будет придерживаться своего принципа: «освобождая» крестьян, отрежет от них лучшие земли, заставит уплачивать помещикам огромный выкуп и, тем самым, вынудит крестьян снова идти в кабалу к помещику в качестве арендатора или батрака.

Наместник Кавказа по поводу проведения крестьянской реформы в Абхазии писал: «...Необходимо совершить прекращение личной зависимости при полном, по возможности, возмещении тех потерь, которые понесут владельцы с освобождением их зависимых»[3].

Вместе с тем, проведение земельной реформы в Абхазии рассматривалось как один из элементов прочного приобщения Абхазии к российской государственности. Ярким выразителем точки зрения, что разрешение земельного вопроса облегчит подчинение края российскому управлению, был полк. Коньяр. Он хотя и подчеркивал, что необходимо установить размер вознаграждения «высших сословий за теряемые ими преимущества», но с презрением относился к местному населению и в силу этого считал унизительным приравнение к русскому дворянству абхазских помещиков, в поддержке которых царское правительство уже не нуждалось. Вследствие этого, а также в колонизационных целях Коньяр начал отрицать право на землю не только у крестьян, но и у князей и дворян. «Никто в Абхазии, писал он, – не может быть признан землевладельцем, вся земля составляет собственность государства, которое вправе распорядиться ею полновластно по своему усмотрению и согласно с видами своими». При этом Коньяр вполне сознавал, что «если б мы вздумали разрешить поземельный вопрос на этих основаниях, то, без сомнения, возбудили бы общий ропот и подвергли бы себя обвинению в несправедливости, в своекорыстных и угнетательных намерениях». Вместе с тем, Коньяр предлагал обложить податью поголовно все население одновременно с проведением реформы[1]. Эта точка зрения, направленная к известному ослаблению значения и влияния высшего сословия, между прочим, была несколько противоположна намерениям предшественника Коньяра ген. Шатилова, стремившегося с помощью абхазских феодалов «создать спокойствие в крае».

Святополк-Мирскип также не разделял полностью взгляда полк. Коньяра «на право поземельной собственности в Абхазии», считая его крайним[2], и указывал, что первоочередной задачей является только собирание сведений[3].

Уже после подавления восстания наместник Кавказа, старавшийся ответственность за события переложить на местных администраторов и изобразить их действительно преступную деятельность, как главную причину восстания, признавал обращение с князьями и дворянами Абхазии неправильным, подчеркивая, что «по делу крестьянской реформы» местные чиновники «позволяли изыскивать заранее неуместные толкования по своему личному взгляду на этот вопрос», тогда как их задача должна была ограничиться только собиранием предварительных сведений. Генерал Гейман также отмечал, что царские власти «хотели сразу сломить, начали притеснять князей и дворян»[4].

Однако точка зрения полк. Коньяра, которую С. Эсадзе назвал «новым направлением»[5], была принята. Это обстоятельство по сути дела и вызвало отставку ген. Шатилова, система действий которого

---

[1] Показания Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз.ч., 1866 г., д.54, лл. 32-47.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп 1, 1868 г., д. 29, л. 364.

[3] Цит. по статье А. В. Фадеева «Крестьянская «реформа» в Абхазии». «Известия АН СССР», 1935 г., № 7. – С. 639.

[1] ЦГИАГ, ф. 545. оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л.л. 15–23.

[2] Там же, л.л 9–14.

[3] ЦГИА, ф. 649, оп. 3, д. 409, л.л, 37–44.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, 1856 г., д. 6696, л. 326 об.

[5] Эсадзе С. Указ. соч. – С. 267.

не была одобрена[1], хотя впоследствии именно Коньяр был объявлен одним из виновников возмущения. Это делалось для собственной перестраховки, чтобы свалить на убитого полковника всю ответственность за события в Абхазии, столь серьезно встревожившие царское правительство. Таким образом, было решено провести реформу не только за счет дальнейшего закабаления крестьянства, но и за счет уменьшения политического влияния абхазских феодалов.

Это было вызвано и политическими, и фискальными интересами, стремлением к сохранению в руках государства максимума земель в качестве определенного колонизационного фонда. После введения в Абхазии русского управления правительство уже не столь нуждалось в поддержке местной знати. В «Записке» по 3 отделению Кавказского горского управления по вопросу об определении личных и поземельных прав населения Абхазии, относящейся к 1867 г., мы читаем по этому поводу: «Некоторые абхазские роды заявляют претензии на права дворянские, на исключительное перед остальным населением положение. Подобные голословные заявления лет за 20 или 30, может быть, и имели бы силу, и в различных административных видах за ними, быть может, укрепились претендуемые права; в настоящее время нам предстоит другая задача, мы свободны от этих административных взглядов..., нет надобности заискивать расположением лиц, причисляющих себя к высшему сословию и тем самым заявляющих как бы о влиянии своем на народ: владычество русских достаточно утвердилось, чтобы обойтись без этих мер...»[2].

«Новый курс», которым руководствовались члены комиссии майора Баратова в своей практической деятельности, еще сильнее активизировал дворянскую оппозицию, недовольную «вследствие потери своих интересов, утраченных вместе с удалением владетеля»[3]. Крестьянская реформа ставила дворян перед неблагоприятной для них перспективой потери значительной части земель и доходов. Кроме того, была охвачена тревогой и та часть феодалов, которая находилась в стороне от этой оппозиционной группы. Святополк-Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г. совершенно ясно делил феодальную оппозицию на две части: «Одни, – писал он, – более преданные в политическом отношении, желая соблюсти свои выгоды, хотели затруднить и замедлить освобождение крестьян и подвластных; другие, желающие по вражде к нам или фанатизму переселиться в Турцию, давно искали средства увлечь туда за собою своих подвластных и полагали достигнуть этого производством в народе беспорядков»[1].

Именно благодаря политической и классовой близорукости царских администраторов некоторые князья и дворяне приняли участие в восстании. Правда, как известно, в действительности реформа и в Абхазии была проведена в интересах помещиков, последние получили крупные наделы[2] и 400 тыс. рублей от казны в виде единовременного пособия. Но в 1866 г. они имели некоторые основания опасаться реформы. Наместник Кавказа в письме Александру II от 5 августа 1865 г. недвусмысленно говорил о неудовольствии тех лиц, «которые опасаются отмены холопства и подвластных (крестьянский вопрос)»[3]. Так, гагрские князья и дворяне были охвачены тревогой, что «у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию»[4].

Святополк-Мирский подчеркивал тот факт, что участие представителей высшего сословия в восстании в той степени, в какой оно имело место, произошло вопреки их действительному желанию: «успех превзошел их ожидания и намерения». При этом, однако, Мирский, а вслед за ним и историк С. Эсадзе, преувеличивали роль дворянства и совершенно искажали роль крестьян, характер выступления последних, рассматривая это выступление как роковое заблуждение, в которое крестьянство будто было введено дворянской оппозицией, так как движение крестьян было направлено

[1] Святополк-Мирский признавал, что «взгляд его (Шатилова. – Г. Д.) не был согласен с принятой системою, и он получил другое назначение». (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2). 1866 г., д. 2784. л. 162 об.).

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л.л. 41–90.

[3] Письмо наместника Кавказа военному министру от 10 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., д. 54, лл. 28–30.

[1] ЦГИАЛ, ф 649, оя. 1, д, 409, л.л. 37–44.

[2] Например, князья Шервашидзе в разное время получили: сыновья последнего владетеля Георгий и Михаил–1.700 десят., Георгий Дмитриевич – 6.000 десят., Самсон и Прокопий–4.125 десят. и т. д.

[3] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 610, 1866 г., л.л. 29–33.

[4] Рапорт воин, нач-ка укр. Гагр кутаис. ген.-губерн. от 4 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 86 об.

против правительства, якобы «заботившегося» об его освобождении[1]. На самом же деле возмущение крестьянства было закономерным ответом на антикрестьянскую и антинародную политику царизма и местных помещиков. Наиболее сознательные крестьяне понимали истинный смысл «критики» реформы со стороны дворянской оппозиции. А. Н. Дьячков-Тарасов писал: «Между некоторыми анхаю нашлись умные люди, критически относившиеся к слухам о русских реформах в Абхазии и мало доверявшие россказням абхазских дворян»[2].

Вместе с тем, сами феодалы не могли не учитывать решающую причину волнения крестьянской массы – грабительские условия реформы. Коньяр уже в рапорте от 23 июля 1866 г. на имя Мирского указывал, что когда «влиятельные» лица различных сословий, владевшие крепостными, предположили, что освобождение крестьян не может произойти за счет вознаграждения от казны, они начали убеждать крестьян: налагая выкуп на них самих, правительство не только не улучшает их положение, но даже отягощает, так как независимо от выкупа они, взамен настоящих повинностей, будут платить государственную повинность[3].

Интересно также отметить, что князья Шервашидзе впоследствии, в «Объяснительной записке по делу о наследстве князей Шервашидзе – Абхазских», писали: «В действительности же, как позднее оказалось, поводом к возникновению беспорядков в 1866 году послужило неумело и бестактно вводимый в то время манифест об освобождении крестьян в Абхазии...; при этом грубое и распущенное отношение к населению начальствующих мелких чинов (участкового начальника, канцелярских писцов, урядников и пр.) вызвали народное волнение»[4].

Крестьян особенно волновали сведения о выкупе своих земель у помещиков, тех земель, которые были расчищены самими крестьянами и издавна считались их собственностью. «По случаю «освобождения», – писал В. И. Ленин, – крестьян заставляли «выкупать»

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кя. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160 об.; Эсадзе С. Указ. соч. – С. 269.

[2] Дьячков-Тарасов А. И. Указ. соч. – С. 186.

[3] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч„ 1866 г., д. 54, л. 116.

[4] Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. – С. 92.

их собственные земли...»[1]. Впоследствии, в 1867 г., когда вновь было приступлено к подготовке крестьянской реформы в Абхазии, в Сухумскую сословно-поземельную комиссию, учрежденную в том же году для этой цели, «стали поступать претензии зависимых людей, заявлявших свои права и на земли, занятые помещиками; «они, земледельцы, являются исконными поселенцами, а помещики лишь силой захватили власть как над землями, так и над людьми»[2].

В архивах сохранились документы, содержащие многочисленные факты из истории борьбы между крестьянами и феодалами накануне реформы. Крестьяне категорически выступали против всякого намерения заставить их откупиться. Так, когда в 1867 г. начальник Окумского округа майор Щелкачев в с. Бедия объявил, что все крестьяне должны выкупиться от зависимости, анхаю заявили, что им «нет надобности выкупаться, потому что земля и без того им принадлежит»[3].

Недовольство крестьян еще больше усилилось, когда они узнали, что в инструкции комиссии Баратова не проводилось никакой разницы в положении анхаю и других категорий крестьян.

Разочарование крестьян, за которым последовало открытое выступление, логически вытекавшие из «крепостнического способа» проведения реформы, были одними из звеньев данного явления в общероссийском масштабе. Здесь, как и повсюду, вполне были применимы слова Александра II, сказанные еще летом 1858 г. в ответ министру внутренних дел С. С. Ланскому на поданную им записку по поводу проекта назначения временных генерал-губернаторов: «Кто может поручиться, что когда новое положение будет приводиться в исполнение и народ увидит, что ожидания его, т. е. что свобода по его разумению не сбылась, не настанет и для него минута разочарования?»[4].

Некоторые из представителей царской военной администрации на Кавказе не только связывали восстание 1866 г. с фактом проведения крестьянской реформы и характером этой реформы, но и

[1] Ленин В.И. Соч., т.17. – С. 95.

[2] Авалиани С. Указ. соч., т. 11. – С. 74.

[3] ЦГАА. ф 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л.л. 1.17–120.

[4] Цит. по сб. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», ч. I и II, изд. АН СССР, М.–Л., 1949. – С. 3.

рассматривали его как звено в общей цепи борьбы крестьянства против грабительской сущности реформы, развернувшейся в тех областях края, где реформа не была еще проведена и шла подготовка к ее осуществлению, и, вместе с тем, указывали на значение восстания 1866 г. в Абхазии в деле усиления этой общей борьбы.

В одном документе, являющемся, по-видимому, приложением к докладу и. д. помощника начальника Кубанской области по управлению горцами есаула Ротова от 22 июля 1867 г., мы читаем: «И помещикам и крестьянам стало ясно, что крестьянская реформа, охватившая их (горцев Кубанской области, – Г. Д.) со всех сторон, неизбежно коснется и их. Последствия такого сознания не замедлили обнаружиться: крестьяне, рассчитывая на свое близкое освобождение, стали оказывать неповиновение владельцам и не желали исполнять свои прежние повинности... Самые тревожные слухи для помещиков и крестьян приносились то из Кабарды, то из Закавказья и Цебельды, начались разнообразнейшие толки; крестьяне предрешали вопрос в свою пользу, помещики в свою. Это напряженное состояние дошло до крайних пределов в июле прошлого года (1866 г. – Г. Д.), когда в Кабарде начались работы по собиранию сведений о зависимых сословиях, с гласною целию освобождения крестьян, а в Сухумском отделе разразилась катастрофа возмущением некоторой части населения Абхазии. В это тревожное время все отношение начальства было направлено лишь к удержанию крестьян в прежних повиновениях, а владельцев от резких заявлений против крестьянской реформы»[1]. Есаул Ротов признавал, что и нельзя было ожидать от массы крестьян благодарности за реформу, «которая ставит их в самое тяжелое положение...»[2].

В обстановке мощного восстания в Абхазии и сочувственного отношения к нему со стороны крестьянства соседних областей царская администрация вынуждена была даже приостановить работу по подготовке проведения грабительской реформы в ряде районов Кавказского края и перейти к методу «психологической подготовки» крестьян к этой реформе. Так, и. д. помощника начальника Кубанской области подполк. Дукмасов в секретном письме начальнику Зеленчукского округа подполк. Калиновичу от 28 июня 1866 г.

[1] ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 593, л.л. 6–8.
[2] Там же, л. 2.

сообщал о вспыхнувшем в Абхазии восстании «весьма серьезного свойства» и давал указания по предотвращению распространения этого восстания в смежных с Абхазией районах, предписывая: «Сообщенное вам, секретно, распоряжение о собирании сведений по крестьянскому вопросу не приводите в исполнение[1], ограничившись составлением списков, впредь до особого распоряжения. Подтвердите им, что освобождение крестьян непременно состоится, но не теперь, – владельцам нужно время, чтобы устроиться. Крестьянам внушите, что об них не забыли, но что правительство, заботясь об них, не может обидеть владельцев. Принимайте самые энергические меры к удержанию крестьян от своеволия...»[2].

Таким образом, крестьянство Абхазии выступало не против реформы, а против крепостнического характера данной реформы, против выкупа, обезземеливания, против господства помещичьего землевладения, а также против самодержавного деспотизма. Вот коренные причины, определившие и время возникновения. и характер, и масштабы восстания 1866 г.

[1] В феврале 1866 г. начальник Кавказского горского управления разослал начальникам Терской и Кубанской областей предписание «о сборе необходимых сведений о зависимых сословиях в Терской и Кубанской областях». При этом прилагалась программа сбора сведений. Начальники округов приступили к сбору сведений по этой программе.
[2] ГАКК, ф. 452, оп.2, д. 517, лл. 5-5 об.

● ГЛАВА ТРЕТЬЯ ●

ХОД, ХАРАКТЕР И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ВОССТАНИЯ

Члены комиссии майора Баратова, приехавшие в Сухум 10 июля 1866 г., немедленно приступили к работе, направившись в разные районы Абхазии. Баратов отправился по селам Сухумского округа и Абжуйской Абхазии, Корганов – в Цебельду, Черепову был поручен сбор сведений по Бзыбскому округу, с которым он был знаком еще по своей работе в составе комиссии ген. Понсэ. В помощь Черепову были назначены и. д. начальника Бзыбского округа Измайлов и «народные судьи» дворянин Титу Маргания (Маан) и анхаю Камхаз Хагба[1].

Деятельность свою в Абхазии Черепов[2] начал 15 июля[3] в с. Пицунда, где к тому времени, по распоряжению Измайлова, были созваны жители названного села. Черепов произнес речь. Он повторил наставление полк. Коньяра о том, что прислан высшим начальством для того, чтобы объявить о намерении правительства произвести «освобождение» зависимого сословия, но для этого предварительно необходимо собрать сведения о размере повинностей зависимых сословий помещикам для определения меры выкупа крестьян от владельцев. «Выкуп же должен упасть не на счет

[1] В следственном деле эта фамилия дана в сокращенном и несколько искаженном виде – Хак, вместо Хаг (Ҳагба).

[2] А. П. Черепов являлся одним из столоначальников в Департаменте государственных имуществ главного управления наместника Кавказа.

[3] Рапорт Коньяра кутаис. ген -губернатору от 23 июля 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 218.

С. Эсадзе и некоторые другие авторы ошибочно пишут 17* июля, а в документе «Из следственного дела» указывается 14 июля.

казны, а на счет выкупаемых»[1]. Далее Черепов «что-то темно и непонятно сказал насчет ахашала, так что было заметно всем, что он скрывает что-то и не высказывает вполне истину» и т. д.[2].

После этого состоялись выборы по одному депутату от каждого села. Черепов выслушал их. Когда же дело дошло до поземельного права, он начал обвинять крестьян в ложности сообщаемых ими сведений. Черепов заявил, что он сам хорошо знает отношения между подвластными и владельцами, обычаи, нравы и семейный быт абхазского народа и «даже все подноготное от первой до последней туземной женщины»[3]. Вместе с тем, Черепов начал отвергать права всех владельцев на землю, утверждая, что они не помещики, а только ахылапшю[4]; грубо выражался по адресу князей Инал-ипа[5].

Этот момент подчеркивал и Г, Ткецишвили. «В этом разговоре, – писал он, – чиновник Черепов употреблял, кроме общих оскорбительных выражений, и частные для князей Иналиповых. Так, например, оп говорил, что Иналиповы вовсе не князья, а потомки ахылапшю, народный старшина, который был выбран их предками старшиною, а теперь присваивают над ними помещичью власть и княжеское достоинство; что слово Инал значит кузнец и предки Иналиповых были не что иное как простые кузнецы»[6]. При этом Черепов завел спор даже с членами комиссии.

Князья Инал-ипа демонстративно ушли домой, но просили, чтобы показания были сняты с их подвластных крестьян. Измайлов вынужден был убеждать Черепова «не оскорблять князей, собирать сведения миролюбивым путем, но г. Черепов настойчиво, не изменяя своих грубых манер, требовал от окружного начальника, чтобы он принял принудительные меры и заставил население дать

[1] В инструкции Кавказского горского управления, данной комиссии Баратова, говорилось: «Вам (членам названной комиссии. – Г. Д) следует объяснять, что выкуп личной зависимости агырва, а также выкуп повинностей анхае никаким образом не будет принят на счет казны, а будет предоставлен собственным их средствам, на основании указанных правительством правил». (ЦГИАГ, ф. 416 оп 3 1866 г., д. 1013, л. 7 об.).

[2] Из следствен, дела. ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, лл. 230–231.

[3] Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/948, аз. ч. 1866 г., д. 54, лл. 32–47.

[4] Ахылапшю (ахылапшюы) – в данном случае означает «покровитель».

[5] Из следствен, дела, л. 231.

[6] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 32–47.

требуемые сведения». Однако Измайлов на это не решился и один уехал в с. Лыхны, в окружное управление. Крестьяне, узнав условия предполагаемого, «освобождения» и рассматривая такое «освобождение» за выкуп, как «величайшее для себя бедствие»[1], также отказались давать сведения и, заявив об этом Черепову, разошлись по домам[2]. Рассерженный Черепов уехал к начальнику Пицундского укрепления кап. Воронову, сказав, что он у последнего соберет нужные ему сведения.

В следственном деле говорится, что «это несогласие и раздор, поселив недоверие и неуважение (к) комиссии, послужили как бы причиной или поводом неисполнения народом дальнейших ее требований»[3]. Мирский даже полагал, что, не смотря «на скопление стольких элементов неудовольствия и волнения», восстание в Абхазии не вспыхнуло бы, если бы не случайность назначения для собирания сведений в Бзыбской Абхазии чиновника Черепова, «ненавистного народу по прежним действиям, в бытность членом комиссии генерала Понсэ... В других частях отдела собирание сведений не встретило сопротивления, только в Бзыбском округе все фатально соединилось для ужасной катастрофы»[4].

Майор Баратов в рапорте Кавказскому горскому управлению от 29 июля 1866 г. сообщал, что 17 июля он прибыл в с. Ачапара, а затем последовательно переезжал в селения Тхина, Члоу, Джгерда и 25 числа прибыл в Адзюбжа, собрав сведения у более 1/3 числа жителей округа. Дача сведений со стороны жителей шла «без малейшего сопротивления»[5]. Нечего, конечно, доказывать что кутаисский генерал-губернатор Мирский преувеличивал роль Черепова в возникновении восстания. Но не приходится отрицать и значения этого факта.

---

[1] Хачапуридзе Г.В. Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии. Сб. Ф.Е. Махарадзе и Г.В. Хачапуридзе «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии». Жур. – газ. объединение. (М), 1932. – С. 70.

[2] Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32–47.

[3] Из следственного дела, л. 231–231 об.

[4] Рапорт кутаис. ген.-губернат. главнокомандующему Кавк арм. от 13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 16.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, л. 12.

Между тем, известие о том, что пицундские крестьяне отказались дать показания, и слухи о причинах этого отказа «распространялись по всему Бзыбскому округу»[1].

18 июля в с Калдахвара собрались жители Мчишьнырцв[2] – территории между р. Бзыбь и р. Мшичь[3]. Но крестьяне «единогласно и положительно» отказались отвечать на предложенные комиссией вопросы, утверждая, что они не могут этого сделать отдельно от других селений Бзыбской Абхазии, так как «имеют исстари данный обет и присягу ни на какие важные вопросы не давать ответов одной общине отдельно от других». Все усилия Черепова и князей Инал-ипа склонить крестьян на дачу ответов не увенчались успехом[4].

Измайлов в тот же день, 18 июля, по поводу указанного события доносил полк. Коньяру следующее: жители Мчишьныцв хотя «собрались в м. Калдахвара, но положительно отказались дать какие-либо показания на месте, прося дозволить им выполнить все от них требуемое в Лыхны при окружном управлении, объясняя: при бывшем владетеле все анхаве присягою условились во всех важных делах собираться в Лыхны. При неоднократных убеждениях моих жители Мчиш Нырц оставались при своем желании, несмотря даже на то, что я предупреждал их – ежели они не дадут показаний на месте, то за такое ослушание, быть может, правительство освободит их агыруа и ахашал без всякого вознаграждения. О вышеизложенном доношу вашему высокоблагородию (и) прошу снабдить предписанием, какие я должен принять меры, чтобы заставить жителей дать требуемые показания»[5].

19 июля отказались дать сведения также крестьяне селений Апцхва, Мгудзырхва и Чаабалурхва, куда прибыла комиссия[6].

---

[1] Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32–47.

[2] Мчишьнырцв – буквально: по ту сторону р. Мчишь (Мчышь); эта речка впоследствии русскими была названа еще «Черной речкой».

[3] На территории Мчишьнырцв были расположены следующие селения: Калдахвара, Блабурхва Бармышь, Апцхва, Мгудзырхва, Маанихва, Шлара, Папцва и Чаабалурхва.

[4] Рапорт Измайлова Коньяру от 18 июля 1866 г- ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 5.

[5] Там же.

[6] То же от 20 июля. Там же, л. 6; Из следствен, дела, л. 232.

Уже после схода жителей Мчишьнырцв Измайлов пришел к заключению, что «подобное упорство» крестьян он встретит «в большей части населения Бзыбского округа». В связи с этим начальник округа 19 июля написал очередной рапорт на имя полк. Коньяра, документ очень важный с точки зрения выяснения главной непосредственной причины восстания. «Ежели верить дошедшим до меня слухам, – писал Измайлов, – причина (сопротивления крестьян. – Г. Д.) следующая: так как все зависимое сословие, согласно инструкции, предупреждается о том, что выкуп будет произведен на их счет, то они признали за лучшее не соглашаться на те требования, с которыми к ним обратятся, и объясняли себе так: «сначала заставят нас откупиться от самих владельцев, а потом обложат податью казны и тогда не будет уже возможности освободиться». Измайлов еще раз подчеркивал, что «сопротивление выказано и будет выказываться» со стороны анхаю и агыруа.

Что же касается князей и дворян, то Измайлов лишь допускал, что, «наверное, можно думать, что тавады и аамыста участники этого дела»[1]. Коньяр.же, как мы видели в рапорте его на имя кутаисского генерал-губернатора от 23 июля 1866 г., указывал, что вообще владельцы крепостных в крайнем случае рассчитывали, что их крестьяне будут освобождены не иначе, как с вознаграждением помещиков от казны.

То, что Измайлов по слухам знал и предполагал о причинах недовольства крестьян, в тот же день, 19 июля, он воочию услышал на сходе жителей Апцхва, Мгудзырхва и Чаабалурхва. Здесь один из крестьян прямо заявил: «Не намерены получать свободу выкупом на свой собственный счет и согласны считать себя государственными крестьянами, если государство на их выкуп употребит свое добро»[2]. Полк. Коньяр в рапорте от 23 июля также писал, что в некоторых (следовательно, в нескольких) селениях было заявлено, что у зависимых сословий нет желания выкупать самих себя, и .что если правительство хочет освободить их, то оно само обязано принять на себя и выкуп.

Еще более ясно прозвучали мотивы выступления крестьян в устах их выборного О. Шамба, который в своей речи 26 июля заявил: «Мы не понимаем такого освобождения крестьян, как вы нам объявляете. У нас нет собственных средств выкупиться от помещиков, как вы нам предлагаете... Если правительству угодно освободить крестьян от помещиков, то мы надеемся, что государь будет к нам милостив, обратит внимание на нашу бедность, выкупит нас крестьян, а наших помещиков не оставит без вознаграждения от себя, а не из нашей собственности»[1].

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 7.

[2] Из следственного дела, л. 2-32.

В противном случае крестьяне просили отсрочить или даже и вовсе отложить проведение реформы. Это, разумеется, не означало выступления крестьянской массы против реформы в принципе, тем более в угоду помещикам. Здесь имело место своеобразное проявление борьбы против крепостнического характера подготавливавшейся реформы. Вообще же, как уже отмечалось, отношение крестьянства к реформе было положительным. Комиссия, образованная для рассмотрения проектов инструкций по поземельному устройству населения Абхазии, на своем заседании 10 марта 1883 г. констатировала, что известие о реформе вдохновило население, усилилась его заинтересованность в хозяйственной деятельности: «стремление к новым расчисткам (земель от леса. – Г. Д.) и перенесению усадебных мест» ближе к полевым угодьям «обнаружилось особенно в это время»[2]. С 1866 г., «предвидя скорое проведение реформы в крае, каждый из жителей... старался захватить как можно более земли»[3].

Полк. Коньяр в цитированном рапорте от 23 июля 1866 г подчеркивал, что «влиятельные» лица разных сословий, владеющие крепостными людьми, увидев ошибочность своего расчета в отношении освобождения крестьян с вознаграждением помещиков от казны, начали убеждать крестьян, что, «налагая выкуп на них самих, правительство не только не улучшает их положение, но даже отягощает его, так как независимо от выкупа они, взамен настоящих повинностей будут платить государственную подать»[4]. Князь Мирский также писал о том, что представители высшего сословия выставля-

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32–47.

[2] ЦГИАГ, ф. 231, 1882 г., оп. 2, д. 49, л. 105.

[3] Рапорт пред Сухумской сословно-поземельной комиссии Введенского от 30 декабря 1882 г. начальнику Кавказского военно-народного управления. Там же, лл. 62-62 об.

[4] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз.ч., 1866 г., д. 54, л. 116.

ли перед крестьянством «предпринимаемую правительственную меру, как в высшей степени стеснительную и несправедливую»[1].

Как известно, впоследствии крестьянская реформа в Абхазии проводилась в таком духе, что выкупалась не земля, а лишь повинности. В 1866 же году вопрос ставился о том и другом, и эта постановка вопроса сразу вызвала недовольство крестьян, которые к тому же требовали произвести выкупную операцию за счет государства.

При этом крестьяне наивно не верили, что император и его наместник предполагали «освободить» их так, как это предлагали полк. Коньяр и члены комиссии. «Откровенно должны сказать вам, – заявлял О. Шамба, – что мы не верим, что государь император и великий князь наместник кавказский соизволили освободить крестьян в Абхазии таким образом, как вы нам предлагаете. Мы подозреваем, что вы сами повели так это дело, чтобы заслужить внимание высшего начальства»[2]. Поэтому крестьяне пытались произвести давление на местную администрацию, чтобы заставить ее «стать» на правительственный путь разрешения этого вопроса.

Более того, крестьяне, «желая добиться истины, чтобы знать как следует поступать» на своих собраниях, решили избрать депутатов и командировать их в Тифлис, «чтооы из уст великого князя наместника узнать эту истину, и, в свою очередь объяснить древние права обитателей Абхазии»[3]. Однако Коньяр и Черепов сочли поездку в Тифлис недоверием к себе и депутации во главе с эшерским крестьянином О. Шамба было отказано в разрешении выехать по назначению. Полк. Коньяр обещал сам приехать на сход населения Бзыбскои Абхазии и выслушать его требования для передачи их наместнику. Между прочим, Георгий Шервашидзе впоследствии писал по этому поводу: «На наш взгляд, этот последний отказ со стороны полковника Коньяра был фатальной ошибкой»[4].

Тем временем дворянская оппозиция, мечтавшая извлечь из назревавшего движения свои личные выгоды, начала активно действовать. Протурецко настроенные абхазские феодалы пытались даже провоцировать новые осложнения между Россией и

[1] ЦГИА, ф. 649, оп.1. д. 409, лл. 37-44.

[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз.ч., 1866 г., д. 54, лл. 32-47.

[3] Дьячков-Тарасов А. Н.. Указ. соч. – С. 186.

[4] Шервашидзе Г. Так ли пишется история. Газ. «Закавказье», июня 1910 г., № 126.

Турцией. Некоторые из них были связаны и с англо-французской агентурой. Так, Хасан Маргания (Маан), сын которого принимал участие в восстании, в Трапезунде и в Батуме вел какие-то переговоры не только с турецкими пашами, но и с французским консулом в Трапезунде.

Об этом сообщал русский генеральный консул в Трапезунде А. Мошнин, внимательно следивший за деятельностью Х. Маргания[1], хотя и не ручался за точность этих сведений, оговариваясь: «по слухам», «полагают», «будто бы», «как сообщают» и т. д. Мошнин замечал: «Все эти слухи заслуживают некоторого вероятия, особенно если мы припомним отправку к нашим пределам французских инженеров, чтобы привести наскоро в порядок укрепления Карса и Баязида». Приведем и следующие слова консула: «Хасан Морган (Маргания. – Г. Д.) сейчас прислал ко мне узнать о подробностях и причинах восстания»[2]. При этом оказывается, что Хасан Маргания беспокоился по поводу выселения его зависимых крестьян, «без которых он не может здесь жить и которых будто наше правительство не выпускает»; он вообще «рассчитывал», что восстание примет благожелательный для него характер и размер[3].

Агитация протурецких элементов среди абхазских крестьян не только не имела успеха, но была встречена ими враждебно. Крестьян не могла, конечно, воодушевить перспектива подпасть под ярмо султанской Турции.

Между тем события в Бзыбской Абхазии развивались своим чередом. После неудачи, постигшей Черепова, Измайлов решил собрать жителей с. Дурипш. Он рассуждал так: «Если в этом селении, где насчитывается до 400 дворов, будут даны удовлетворительные ответы, то везде пойдет хорошо, тогда раскроется вся истина–по-

[1] Донесение Мошнина в императорскую миссию от 1 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 50 лл. 50–51; Письмо Мошнина Старосельскому от 3 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн.2), 1866 г., д. 2784, лл.92-93.

[2] Донесение Мошнина в императорскую миссию от 1 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 50 лл. 50–51.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л.л. 92, 93; Сообщение Мошнина Старосельскому от 24 август 1866 . Там же, л. 94.

Между прочим, впоследствии, во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Х. Маргания играл активную роль на стороне Турции и был назначен «правителем» Сухума. (АКАК, т. XI, ч. I. – С. 49).

чему произошло между народом такое недоразумение»[1]. При этом Измайлов указывал, что и с. Дурипш было «сговорено воедино с остальными», но все успокоилось благодаря действиям тамошнего дворянина Соломона Лакрба[2]. По словам Г. Ткецишвили, Измайлов и Черепов полагали поправить дело перенесением своего местопребывания в другое селение, и поэтому приступили к собиранию сведений в с. Дурипш.

Встревоженный событиями, полк. Коньяр в сопровождении переводчика Г. Ткецишвили 21 июля отправился в Бзыбскую Абхазию. В с. Лыхны ему было сообщено, что во всем округе заметно сильное волнение, за исключением с. Дурипш. Коньяр тотчас же направился в это последнее селение, где был созван сход (около 300 чел.). Коньяр произнес речь, в которой также пытался изложить основы готовившейся реформы[3]. «Выкуп, говорил он, – должен быть из собственности зависимых сословий, переоцененной из натуральных повинностей на деньги, но когда этот выкуп последует с соизволения государя императора, это ему неизвестно, однако как бы велика или мала ни была выкупная сумма, она будет с рассрочкою, так что правительство не допустит народ разориться»[4]. (Подчеркнуто мною. – Г. Д.). Затем он потребовал, чтобы крестьяне дали чиновнику Черепову все требуемые сведения.

«К крайнему сожалению, – писал Коньяр, заверения старшин оказались неосновательными»: собравшиеся по указанным выше соображениям заявили, что считают для себя преждевременным ставить предлагаемый вопрос[5], указывая при этом на Самурзаканское приставство и Мегрелию, где крестьянская реформа не была еще осуществлена. «Но если бы даже эти области были уже заняты этим вопросом и уже освобождены в них крепостные, – говорилось далее, то и тогда бы следовало дать некоторое время Абхазии; однако если и этого не хотело сделать начальство, то по крайней мере надобно было начать собирание сведений с какого-нибудь конца Абхазии, а не с середины»[1].

[1] Из следственного дела, л. 232.

[2] Рапорт Измаилова Коньяру от 20 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн.2), 1866 г., д. 2784, л. 8-8 об.

[3] Рапорт Коньяра ст 23 июля 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 218.

[4] Показание Г. Ткецишвили ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32–47.

[5] Рапорт Коньяра ст 23 июля 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 218

Коньяр еще раз приказал крестьянам безоговорочно представить Черепову требуемые сведения и предупредил, что «если они добровольно не дадут, то он заставит их сделать это силою оружия». При этом полковник потребовал, чтобы крепостные крестьяне – ахашвала – отделились от массы, и чтобы переписали их. Однако, жаловался Коньяр в своем рапорте на имя кутаисского генерал-губернатора от 23 июля 1866 г., «ни увещания, ни угрозы не могли заставить общину отступиться» от ее требований. Более того, крестьяне, оказывая явное неповиновение, обнажили оружие, когда Коньяр потребовал выдачи одного из главных инициаторов неповиновения, который, между прочим, схватил первого попавшегося ахашвала, пытавшегося отойти и стать отдельно по указанию полковника. Но крестьяне были удержаны «дворянами и членами суда, которые заслонили собой Коньяра и разогнали народ»[2].

Коньяр поспешно удалился. В упомянутом рапорте он следующим образом объяснял этот свой поступок. «Не имея в распоряжении своем никакой вооруженной силы, кроме конвоировавших меня 12 казаков и 10-ти милиционеров, я не решился принять тут же какие-либо понудительные меры против вооруженного сборища из 300 человек, в которых я заметил явную готовность, в случае надобности, оказать сопротивление, тем более, что опасался, чрез подание однажды повода к открытой борьбе весь край может быть вовлечен в вооруженное восстание, которого мне необходимо было избежать по одному тому же, что для отпора у меня имелось в виду не более двух рот, в составе 225 человек, находящихся далеко от места действия».

По той же причине Коньяр вынужден был отказаться и от своего намерения произвести аресты в с. Дурипш в ночь с 21 на 22 июля, где населением были «приняты меры для вооруженного сопротивления». Коньяр отказался также от мысли вызвать к себе представителей селений, с целью переговорить с ними и «стараться вразумить их, а через них и все население», потому что, писал он, «с раз-

[1] Показание Г. Ткецишвили ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32–47.

[2] Из следственного дела, л. 233.

ных сторон получили достоверные сведения, что утром 22-го числа в трех пунктах округа были сборища, на которых жители приняли взаимную присягу – по требованиям начальника являться не иначе, как всем населением разом».

Считая бесполезным вести какие-либо переговоры с населением о выполнении ими требований властей, считая также рискованным прибегать к силе, Коньяр решил незамедлительно обратиться к кутаисскому генерал-губернатору с ходатайством о возможно скорой присылке в Абхазию двух батальонов и двух орудий, после чего можно было бы «приступить к водворению порядка», не опасаясь неуспеха[1].

23 июля жители нескольких селений Бзыбской Абхазии, как сообщал Измайлов, «сделали народную тревогу», начавшуюся со стороны с. Дурипш. В местечке Ажьимчигра (с. Лыхны) собрались – жители селений Дурипш, Бгарданы, Хуап. Измайлов послал дворянина Титу Маргания узнать о цели схода. В объяснениях последнего Измайлову о причинах и требованиях схода мы имеем, несомненно, проявление стремления дворян выдвинуть частично свою программу. В данном случае это излагалось дворянином Титу Маргания и диктовалось дурипшскими дворянами Смелом Лакрба и Соулахом Маргания. Титу сообщил Измайлову, что жители выражают неудовольствие по поводу, во-первых, удаления владетеля Абхазии помимо их желания; во-вторых, нежелания спросить их мнения о допущении оставить детей бывшего владетеля в крае на помещичьих правах; в-третьих, стремления правительства освободить всех от зависимости. Наконец, требовали освобождения арестованных за разные проступки из лыхненской тюрьмы. Сообщая о вышеизложенном полковнику Коньяру в рапорте от 23 июля 1866 г., Измайлов спрашивал, какие он должен принять меры, «если вся возмущающаяся толпа решится напасть на гауптвахту, чтобы освободить арестованных т е следует ли сопротивляться, несмотря на ничтожную сравнительно с жителями округа силу (50 казаков), за исключением больных и командированных, или же, во избежание потери, как только толпа (начнет) требовать освобождения арестантов и бросится на гауптвахту, часовым отступить без всякого сопротивления»[2].

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч,, 1866 г., д. 54, лл. 114–115.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 120.

23-го же. июля в Сухум выехал и Черепов и доложил Коньяру о том, что ему не дают никаких сведений. В тот же день правителя канцелярии начальника Сухумского военного отдела майора К. Красницкого отправили к кутаисскому генерал-губернатору с рапортом об отказе крестьян Бзыбского округа давать показания чиновнику Черепову. Коньяр, указывая на слабость сухумского гарнизона, просил прислать войска, о чем говорилось выше[1].

Это донесение Коньяра было получено кн. Мирским 2о июля на пути из Зекарского ущелья, куда он сопровождал наместника Кавказа. Наместник определенно недооценил события в Абхазии, «так как, – рассуждал он, – никаких тревожных слухов до сих пор из Абхазии получаемо не было, и так как в конце лета, как известно, там свирепствуют лихорадки, то до осени войск отправлять туда нежелательно». Решено было послать начальника Горского управления полк. Старосельскою, «для разъяснения недоразумения на месте и принятия административных мер»; последний был вызван в Боржом, где 27 числа состоялось совещание с ним о предстоящей его командировке[2]. Вместе с тем, кутаисским генерал-губернатором с разрешения наместника было предписано Коньяру не настаивать на требовании от жителей Бзыбской Абхазии показаний по вопросу об «освобождении» крестьян до прибытия в Абхазию «достаточной силы для прекращения великого непослушания»[3].

Между тем, по признанию самого Святополк-Мирского, события в Абхазии «устремились быстро к страшной катастрофе»[4]. По всем селам шла подготовка к созыву всеобщего схода 25 июля, чтобы «окончательно решить, что надо делать»[5]. К указанному времени ожидали возвращения своих депутатов. Но последние, как было сказано, не получили разрешения со стороны начальства поехать в Тифлис. Это неожиданное возвращение представителей еще больше усилило волнение крестьян[6].

[1] Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 88.
[2] Письмо наместника Кавказа Александру II от 5 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 678., оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 29–33.
[3] Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 88.
[4] Там же, лл. 88-89.
[5] Из следственного дела, л. 233 об.
[6] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 185.

Такая тревожная обстановка сложилась в этот момент не только в одной Бзыбской Абхазии. Достаточно указать на тот факт, что в Цебельде капитан Шавров вынужден был приостановить собирание сведений по крестьянскому вопросу и приехать в Сухум, чтобы просить полк. Коньяра «дозволить не объявить жителям о способе выкупа их из зависимости»[1].

25 июля полк. Коньяр получил от кап. Измайлова очередное известие о массовом сборе населения Бзыбской Абхазии «с оружием в руках для заявления своих претензий и жалоб» на царское правительство[2].

По рапорту Измайлова, а также донесению и личному докладу Черепова о положении в Бзыбской Абхазии полк Коньяр решил 20 июля отправиться в Лыхны. Он вызвал к себе в кабинет переводчика Г. Ткецишвили и приказал быть готовым к выезду, так как «поедет в Бзыбский округ для наказания, жителей»[3]. Оценивая серьезность положения, Коньяр решил, во-первых, взять с собой князей Георгия и Александра Шервашидзе (сына и брата бывшего владетеля) и, во-вторых явиться на место без значительных войск. Он надеялся использовать свое личное «влияние» и присутствие абхазских князей, чтобы не только остановить начавшееся движение, но и заставить население «немедленно исполнить приказание начальства»[4].

Отказ Коньяра от значительной охраны был рассчитан на то, чтобы «не произвести напрасную тревогу», «опасаясь придать происшествиям слишком большое значение». Между прочим, Мирский подчеркивал, что это обстоятельство не только не оправдало себя, а, напротив, способствовало восстанию, «увеличило его размеры и значение»[5].

Но Коньяр опасался и другого. Находившиеся в это время в Сухуме воинские части были незначительны, так как войска вели дорожные работы вне Абхазии. Следовательно, при таком настроении населения, не имея под рукой достаточных военных средств для того, чтобы «силою заставить упорствующих выполнить требования правительства», полк. Коньяр не рисковал вывести последние силы из Сухума. Поэтому он и просил кутаисского генерал-губернатора о присылке в его распоряжение 2-х батальонов, «надеясь, что присутствие их немедленно поставит население в надлежащие отношения к власти»[1].

[1] ЦГИА, ф, 649, оп. д. 409, л.л. 37–44.
[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 28–30.
[3] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32 – 47.
[4] Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г. л. 89 об.
[5] Там же.

Коньяр вместе с названными выше лицами на военной шхуне «Соук-су» 25 июля прибыл в м. Гудауты. Здесь его встретил кап. Измайлов с отрядом казаков. Измайлов доложил Коньяру о событиях в округе.

Узнав, что коестьяне собираются в с. Акваскямца, Коньяр послал Титу Маргания объявить им, чтобы они сказали, где желают объясниться, а сам отправился в с. Лыхны. Скоро к нему вернулся Титу и сообщил, что население просит отложить собрание до следующего дня. Коньяр согласился.

Между тем, переводчик Г. Ткецишвили слышал от одного человека, что толпа намерена напасть на полк Коньяра и других этой же ночью. Но Коньяр не поверил этому сообщению.

26 июля Коньяр послал корнета кн. Толупара Анчабадзе (Ачба) с требованием, чтобы собравшиеся прибыли в с. Лыхны. Анчабадзе встретил группы крестьян, уже направлявшихся в с. Лыхны. По его словам, люди вообще были чем-то очень недовольны; каждый из них имел при себе мешочек с провизией на несколько дней и, наконец, некоторые из группы анухвцев, псырцхинцев и ешерцев (в числе которых был и молодой кн. Заурбек Дзапш-ипа) говорили: «Полковник все-таки не исполнит наших требований, между тем на объяснение с ним потребуется много времени; не лучше ли, когда подойдем к дому владетеля, прямо напасть на него?» Корнет Анчабадзе обо всем этом немедленно доложил полк. Коньяру. Но тот и этому не придал никакого значения, заявив: «Все это вздор, вы, кажется, струсили»[2].

Собравшиеся жители Бзыбской Абхазии расположились на окраине обширной Лыхненской площади (Лыхнашта) в местности Ажарыца (Ажаррыца). По сведениям Г. Ткецишвили, численность людей превышала 5 тыс., а по другим данным собралось более 7 тыс. человек[3]. Крестьяне составляли основную массу. Люди стояли по сословиям. Почти все были вооружены.

[1] Кавказ», 1 сентября 1866 г., № 68. «Восстание в Абхазии».
[2] Из следствен. дела, л.л. 234, 242.
[3] Из следствен, дела, «Кавказ», 1 сентября 1866 г., №68.

Полковник Коньяр в сопровождении Измайлова и его адъютанта, казачьего офицера Артюхова, переводчиков Георгия Ткецишвили, Соломона Лакрба, Давида Ермолова и Толупара Анчабадзе, князей Георгия и Александра Шервашидзе, окружных судей подпоручика Титу Маргания, Шмафа Маги, Ивана Годжгиар-ипа и Камхаза Хагба[1] явился часа в 3 дня[2] (на место, где в настоящее время находится здание средней школы). Полковника встретили сдержанно. Навстречу к нему вышли выборные (депутаты) в количестве 8 человек[3], которые должны были говорить от имени народа и передать Коньяру желание последнего. Все они были, как сообщает следственное дело, из «вольных жителей (анхаю. – Г. Д.) и крестьян» (ахоую. – Г. Д.), и по словам Г. Ткецишвили, из «простого народа, т. е. подвластных». Одним из этих выборных был знаменитый оратор, эшерский крестьянин Осман Шамба, произнесший «с согласия прочих» речь, не раз цитированную нами выше. Переводчики передавали ее по частям. Г. Ткецишвили, потом и Т. Анчабадзе совершенно охрипли и не могли больше говорить; их сменил Г. Шервашидзе. Оратор же все гремел, поминутно обращаясь к сходу с вопросом: «Так ли я передал ваши мысли. Народ постоянно выражал криками одобрение и согласие»[4].

Изложив приведенное выше, Шамба просил еще раз разрешения послать депутацию к наместнику Кавказа, или, в крайнем случае, к кутаисскому генерал-губернатору.

Выступивший затем полк. Коньяр отверг одну за другой все просьбы населения, изложенные в речи О. Шамба. На заявление Коньяра, что крестьяне не будут зависеть от помещиков, дворянин Титу Маргания заметил: «Они наши рабы были и будут». Крестьянин Хучина Гагулия (Дзыгə-ипа) крикнул : «Врешь. Мы землей не зависим»[5]. Так в ходе восстания с самого начала обнаруживалось различие между истинными намерениями дворянской оппозиции и требованиями крестьянства.

[1] Черепов и Суринович оставались во владетельском дворце.

[2] По сообщению Г. Ткецишвили, в 1 час дня, по данным же командира 3 дивизиона Кубанского казачьего войска старш. Карженского, в 2 часа дня.

[3] По показанию одних, их было 6 человек.

[4] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32–47.

[5] Фадеев А. Крестьянское восстание 1866 г. в Абхазии. – С. 123.

Возмущение собравшихся достигло крайнего предела, когда полк. Коньяр категорически сказал: «Что же касается до ваших жалоб о строгости наказания, которым мы вас подвергаем за ваши» поступки, то эти наказания будут еще больше усилены. «Вы достойны более строгих наказаний..., я объявляю всенародно, что буду строго преследовать всех... и если бы все абхазцы оказались... достойными наказания, то я употреблю все усилия и исходатайствую у высшего начальства разрешение выселить всех их...» Затем Коньяр потребовал немедленно исполнить приказание начальства и дать необходимые сведения чиновнику Черепову, приступив к этому делу в его же присутствии. «Если вы добровольно не исполните этого, – угрожал полковник, – я заставлю исполнить его силою. Вам будет плохо, но тогда не пеняйте на меня»[1].

Когда полк. Коньяр кончил говорить, О. Шамба обратился к нему со следующими словами: «Нет, полковник, мы не можем исполнить вашего требования, довольно. Сердце наше переполнилось терпением, мы больше не можем терпеть, оставьте нас в покое». При этом он произнес по-русски: «Нет, полковник, нет, полковник». Потом Шамба обратился к сходу «Так ли? Ведь вы не соглашаетесь на требования полковника?» В ответ раздался громкий крик всего народа: «Так, мы не соглашаемся»[2].

Коньяр заявил, что среди населения находятся заговорщики которые возбуждают его, и что их для спокойствия необходимо выселить из края. В ответ на это крестьяне Маф Амс-ипа и Шпагу Дзган-ипа[3] дали выстрелом сигнал к нападению на царских администраторов. По сообщению старика Кансоу Таркил, выстрелил также ажьимчигрский крестьянин Кайнагу Мачич-ипа (Кобахия). Сделал выстрел и молодой князь Заурбек Дзапш-ипа. По свидетельству очевидцев, крестьяне Гыдж Отырба и Шпагу Дзган-ипа «сделали в народе тревогу, стали его волновать и стрелять»[4]. Другими, кто начал призывать к выступлению, согласно тому же следственному делу, были крестьяне Ханашв Калги, Какучал-ипа, Лаз Асадзба, Зафас Чанба, Гуд Дбар, Кубзач Цахтыр-ипа.

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1886 г., д. 54, л.л. 32 –47.

[2] Там же.

[3] В документе неверно, – Шбук Дзаган-ипа.

[4] Из следствен. дела, л. 243 об.

Люди выхватили ружья из чехлов и бросились на полк. Коньяра и его свиту. «Произошло страшное смятение». Испугавшиеся князья и дворяне приняли все меры, чтобы приостановить выступление крестьян. Об этом факте говорится в следственном деле и в показании Г. Ткецишвили, а также в рапорте Мирского от 13 сентября 1866 г. «Князья и дворяне, свидетельствовал Ткецишвили, – стоявшие впереди толпы близ Коньяра, стали между ними и народом и начали кричать народу, как будто желая спасти нас: «Что вы делаете, не губите себя», а нам говорили: «Бегите, спасайтесь, видите, как народ озлоблен на вас». В следственном деле говорится: «Народ, несмотря на действия некоторых князей, дворян и старшин, которые убеждали его не делать беспорядков и разгоняли плетьми и палками, бросился за Коньяром». В рапорте Мирского говорится: «Полковник Коньяр с вышеупомянутыми лицами и под защитой некоторых лиц высшего сословия отступил в дом бывшего владетеля».

Коньяр и сопровождавшие его лица направились во дворец, где «для большей безопасности» закрылись в спальне. Повстанцы успели уже дать несколько выстрелов, прежде чем Коньяр скрылся в доме Шервашидзе[1]. Святополк-Мирский в письме к наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г. подчеркивал: «Простой народ выхватил ружья и начал стрелять»[2]. В это время кто-то из толпы потребовал освободить всех арестованных. Коньяр приказал Измайлову выдать ключ от тюрьмы (гауптвахты). Вместе с тем, он дал приказ, чтобы вообще сняли охрану и не стреляли в толпу. Казаки, охранявшие тюрьму, оставили пост и кинулись к полк. Коньяру.

Тем временем повстанцы разделились на две части. Большая часть их бросилась против сотни казаков[3], располагавшейся невдалеке от владетельского дома, и завязала с ней бой. Другая группа начала осаждать дворец.

Коньяр и прочие офицеры переоделись в черкески, которые сняли с себя находившиеся в комнате абхазские князья а дворяне. Затем полковник написал записку в Сухум, чтобы предупредить нападение. Характерно, что эта записка была послана через крестьянина Мусы Агрба. Ему, как крестьянину, легче было выполнить это поручение.

[1] Из следствен. дела, л. 242 об.–243 об.

[2] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37–44.

[3] В с. Лыхны стояла 5-я сотня 3-го дивизиона Кубанского казачьего войска под командой сотника Москаленко.

Вместе с тем, Коньяр решил сделать ложное сообщение о том, что будто кн. Г. Шервашидзе убит. С этой целью дворяне Шмаф Маги и Камлат Маргания, а также ашнакума Муса Габлия вышли на балкон, плача и ударяя себя по лицу. Они уговаривали разгоряченную массу разойтись по домам. Но этот маневр не удался. Некоторые ответили, что это небольшая беда, ведь убит же отец его. Однако толпа отхлынула назад и на некоторое время стрельба прекратилась, но скоро снова возобновилась[1]. Ткецишвили свидетельствовал, что кн. Г. Шервашидзе подошел к окну и крикнул: «Что вы делаете, сумасшедшие, зачем убиваете нас»[2].

Не помогла и попытка Александра Шервашидзе уговорить крестьян. Один свидетель события рассказывал следственной комиссии, что его посылал кн. Александр уговорить крестьян, но последние его прогнали[3].

О дальнейшем ходе событий существуют различные версии. По сообщению одного очевидца, кн. Г. Шервашидзе вышел из комнаты, сказав, что он пойдет успокаивать толпу; вслед за ним вышли кн. Александр и все другие князья и дворяне[4]. По показанию же Ткецишвили, толпа ворвалась в дом и, заняв две первые комнаты, начала вламываться в спальню, требуя выдачи князей Георгия и Александра и Титу Маргания, которые и были отпущены полк. Коньяром[5]. Но следственная комиссия считала всего вероятнее, что в это время находившиеся в комнате потеряли полное присутствие духа, каждый заботился, как мог, о своем спасении, и Георгий, если и вышел без приказа Коньяра, то потому, что полковник прежде предлагал ему выйти, но его удерживали переводчики[6].

Между тем, большая часть повстанцев продолжала бой с казачьей сотней. Казаки сперва защищались на открытом месте, но потом, видя, что повстанцы превышают их численностью в несколько десятков раз, заперлись в конюшне и начали стрелять оттуда. Од-

[1] Из следствен. дела, л. 238.

[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч,, 1866 г., д. 54, л.л. 32–47.

[3] Из следствен. дела, л. 239.

[4] Там же.

[5] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32–47.

[6] Из следствен. дела, л. 239.

нако скоро повстанцы подожгли помещение, и когда пламя обняло его, казаки начали выбегать оттуда. Некоторым из них удалось пробиться сквозь густую толпу повстанцев и укрыться в недалеко стоявшем полуразрушенном каменном доме. Оттуда казаки вечером перебрались в древнюю Лыхненскую церковь, где засели на хорах. Во время схватки повстанцы потеряли, согласно следственному делу, около 20 человек[1]. Среди них был и Алхас Маргания.

Повстанцы долго преследовали оставшихся в живых казаков, но убедившись в трудности успеха, двинулись на помощь к группе, осаждавшей дворец. Крестьянин Какучал-ипа, крикнув: «Кто молодец[2] – пойдемте», повел всех и впереди толпы поднялся на балкон. Впереди толпы, бросившейся в дом, был и крестьянин Зафас Чанба. Из дворян вместе с названными лицами шли Шмаф и Эльмурза Маргания, движимые чувством мести за убитого их брата Алхаса, «несмотря на энергичные убеждения и препятствиях- со стороны их отца; был, и Кизилбек Маргания. Тквач Эмухвари воскликнул: «Кто не женщина–за мной», и начал ломать дверь дворца. Скоро повстанцы ворвались в первую комнату; заняв и вторую комнату, они подошли к спальне, требуя, чтобы Коньяр открыл дверь и чтобы все вышли во двор, угрожая в противном случае спалить дом[3].

Так как никто не тронулся с места, то повстанцы начали ломать дверь, но она оказалась настолько крепкой, что удалось выломать только одну ореховую квадратную доску, вставленную посередине. Через образовавшееся в двери отверстие начали стрелять в комнату. «Утомленные криками и волнением», подпоручик Суринович, Черепов и другие вышли через это отверстие и были тут же убиты. Вскоре были убиты Коньяр, Измайлов и офицер Артюхов, к которым в комнату, выломав двери, ворвалась толпа повстанцев[4].

---

[1] В рапорте Управления 6 корпуса жандармов наместнику Кавказа от 5 августа 1866 г. (ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, л. 2) указывается 80 чел., но цифра эта крайне преувеличена; к истине ближе данные следственного дела.

[2] Очевидно, «кто мужчина» (или «кто герой») – обычное восклицание у абхазцев.

[3] Из следствен. дела; Показание Г. Ткецишвили.

[4] В следственном деле и в показании Г. Ткецишвили сообщаются следующие подробности об этом событии. Суринович, по выходе из комнаты, бросился на шею дворянина Эльмурзы Маргания с просьбой спасти его. Тот под своей защитой повел было Суриновича из дому, но в это время Кизилбек Маргания оторвал его от Эльмурзы и вырвал у него шашку, а крестьянин Тапагу Чибзук-ипа выстрелил в Суриновича и убил его. Черепова же били шашками и кинжалами на балконе и на лестнице; первый удар нанесли ему шашкой крестьянин Зафас Чанба и Шмаф Маргания; сойдя вниз, израненный Черепов был настигнут крестьянином Какучал-ипа, от удара кинжала которого чиновник и упал мертвым. Тем временем были выломаны двери и в комнату, где находились Коньяр, Измайлов, Артюхов и Ермолов. Первым был убит Измайлов крестьянином Хакуцвом Ханашв-ипа, потом Артюхов. Коньяр же спрятался в камине. Д. Ермолов закрыл его собой и стал просить стоящих рядом Тыча Маргания и двух его братьев спасти полковника, обещав за это большую награду. Братья Маргания действительно заслонили Коньяра. Но в это время на пороге показался Кизилбек Маргания, имевший какую-то обиду на Ермолова, выстрелил в него, пуля, пройдя между ног последнего, ранила одного из братьев Маргания – Якуба. Ермолов и раненый были выведены из комнаты. Место Ермолова занял лыхненский дворянин Шахан Маргания, также пытавшийся спасти полковника: он предлагал за жизнь Коньяра одному из подошедших к нему повстанцев корову, буйволицу и кинжал. Но тот, опасаясь быть обманутым, стал требовать кинжал тут же немедленно, а когда и Маргания, опасаясь, как бы этим же кинжалом не был умерщвлен Коньяр не отдал его, тот бросился на Маргания и начал силой вырывать кинжал. Во время этой схватки крестьянин Ханашв Калги из ружья произвел выстрел в Коньяра. Его примеру последовал Таго Мканба. Коньяр, раненный в ногу, выпал из камина на пол, после чего Тыч Маргания и Татал Инал-ипа сделали в него еще два выстрела. Полк. Коньяр был убит.

Кроме указанных лиц, были еще убиты из первой сотни седьмого Кубанского конного казачьего полка 1 сотник, 2 урядника и 52 приказных и казаков[1].

Спаслись же из названной сотни 34 человека, которые скрывались несколько дней в церкви; оттуда их вывела жена кн. Александра Шервашидзе, которая до этого посылала им провизию, привела их в Гудауты и на судне, нанятом ею же, отправила в Сухум[2]. Впоследствии наместник Кавказа в своем отношении военному министру от 19 октября 1869 г., воздавая должное жене кн. Александра Шервашидзе за такой поступок, подчеркивал, что члены семьи последнего не только не принимали участия в восстании 1866 г., «но жена его даже ознаменовала себя... спасением от мятежников, в опасности для себя самой, более 30 человек наших казаков, тайно укрывавшихся в церкви в сел. Лыхны»[3].

---

[1] Рапорт командира 3 дивизиона Кубанск. казачьего войска наместнику Кавказа от 2 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кн.2), 1866 г., д. 2784, л.21; Письмо наместника Александру II от 21 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп.1, 1866 г., д. 610, лл. 24-37.

[2] Из следствен, дела, л. 237.

[3] ЦГВИА, ф. 400, оп. 268/908, аз. ч., 1866 г., д. 47, л.л. 1–5 об.

26-же июля повстанцы устроили нападение и на Гудаутскую карантинно-таможенную заставу, притом так внезапно, что надзиратель заставы, губернский секретарь Корзун, едва мог уйти на баркасе с несколькими лицами и спастись под прикрытием артиллерийского огня шхуны «Соуксу», стоявшей на рейде. Каменное здание заставы было сожжено, а ее имущество погибло[1]. Указанное военное судно в 8 часов вечера того же дня прибыло в Сухум, после чего здесь и стало известно о событиях в Бзыбской Абхазии и о предстоящем нападении на гор. Сухум[2].

После лыхненского выступления кн. Александр Шервашидзе отцравился в свое имение в с. Аацы, а Георгий – в с. Дурипш, в дом дворянина Джигва Лакрба. Отсюда кн. Георгий через Г. Ткецишвили послал письмо кутаисскому генерал- губернатору. В доме Д. Лакрба, как указывается в следственном деле, собрались князья и дворяне, желавшие сделать сына бывшего владетеля своим руководителем. Тут же изготовили «княжеское знамя» и начали призывать население стать под ним[3].

Уже вечером 26 июля было объявлено по селениям о походе на Сухум. Мнение о том, что приказ об этом исходил от кн. Георгия Шервашидзе, неосновательно. Во всяком случае, в следственном деле мы читаем: «Было ли это приказание отдано Георгием или действовала тут партия именем его, следствием не открыто»[4]. Другим объектом нападения было выбрано Пицундское укрепление, занятие которого имело большое значение для обеспечения тыла, чтобы в дальнейшем сосредоточить все силы на штурм Сухума.

26 июля часть повстанческих отрядов, состоявшая из жителей Аацы, Анухва, Псырцха, Яштхуа и Гума, двинулась к Сухуму. Однако движение повстанцев было задержано разлившейся рекой Гумиста в результате сильного дождя. Всадники переправились через бурную реку, пешие же ушли с нижнего течения реки и направились вверх, к с. Гума. Но туда они поспели только 27 июля[5].

---

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, л-л. 3–4; ЦГИА, ф. 649. оп 1. д. 230, л.3.

[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 268/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, оп. 258/908, л. 22; Рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 101.

[3] Из следствен. дела, л.л. 254–254 об.

[4] Из следствен. дела, л. 254 об.

[5] Рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 102.

В Сухуме были приняты экстренные меры. Помощник начальника местных войск Кутаисского генерал-губернаторства полковник фон Кульман, получив сведения о событиях в Бзыбской Абхазии в 8 часов вечера 26 июля, тотчас же принял на себя командование всеми войсками, расположенными в Сухуме, и сообщил в Кутаис о событиях в Абхазии[1]. В Сухуме в это время было всего 4 некомплектных роты кавказских линейных батальонов, причем часть солдат находилась вне города, на сенокосе, а налицо было всего 2 роты под командой поручика Самойленко и капитана Леуса. Начальник гарнизона подполк. Завадский немедленно послал нарочных вызвать солдат с покосов. После этого был отдан приказ: трем стрелковым и одной линейной ротам №№ 34, 35 и 36 батальонов занять позиции на главных входах в город. Стрелковая рота была расположена близ Ботанического сада, рота Леуса – на р. Беслетке, чтобы занять на левом ее берегу дорогу из селений Абжаква и Акапа. Для защиты моста через эту реку была поставлена команда. На церковной площади был создан резерв при трех орудиях и были заняты посты в Сухумской крепости.

Орудия, стоявшие на батареях крепости, а также на военной шхуне, были обращены на дорогу от р. Гумиста на высоты, прилегающие к Сухуму. Из Баалоуской поляны (Трапеции)[2] были эвакуированы лазареты и больные (до 500 чел.) и размещены частью на судах, частью в крепости и управлении портом. Некоторые жители города перебросились со своими семействами и имуществом в крепость и на военные судна[3]. Почти все местное население города Сухума было удалено[4]. Управляющий Сухумской карантинно-таможенной конторы распорядился казенный сундук с деньгами и штемпелями, а также денежные документы передать для хранения на военный

---

[1] Содержание рапорта полк. Кульмана было изложено в телеграмме кн. Мирского на имя наместника Кавказа от 28 июля 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп.1, л. 409, л.26.

[2] Название «Баалоуская поляна» происходит от фамилии Баалоу, которая, по-видимому, проживала в этой местности. Причем, вся возвышенность, на которой расположена поляна, именовалась «Хатхуа». Название же «Трапеция» было дано русскими в первой половике XIX в., в связи с постройкой там армейских казарм.

[3] Рапорт Кульмана Мирскому от 31 июля 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 268/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 22 – 23; А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ., соч. – С. 188–189.

[4] Рапорт Святополк-Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 102.

транспорт стоявший на рейде; все прочее казенное имущество перевести в крепость, куда перешел и сам он с чиновниками[1].

Вместе с тем, полк. Кульман приказал начальнику Сухумской морской станции капитану 1-го ранга Газришеву послать транспорт «Воин» и шхуну «Редут-Кале» в Поти и Гагры для принятия находившихся там войск. Кроме того, Кульман предписал начальнику Потийской рабочей колонны прибыть немедленно в Сухум с подчиненными ему войсками, а командиру Кавказского линейного № 33 батальона выслать из Гагр стрелковую роту и 400 молодых солдат маршевого батальона; пицундскому же воинскому начальнику было предложено принять возможные меры предосторожности на случаи нападения на укрепление[2].

27 июля, в 3 часа дня, повстанцы в числе до двух тысяч человек конницы и пехоты (по официальном версии) с боем заняв Баалоускую поляну, где были расположены войсковые казармы и лазарет, спустились в Ботанический сад, а затем, под прикрытием домов, начали двигаться к морю[3]. Повстанцы старались охватить город с трех сторон и оттеснить стрелков. Они ставили задачу завладеть крепостью, для чего заготовили лестницы[4]. Наступательные действия крестьян стрелки отражали более 10 раз штыками. В конце концов повстанцы не выдержали и отступили к центру города. Пламя пожара охватило много строений. Расположенные на Баалоуской поляне Кавказского линейного № 35 батальона, казармы .№ 6/ батальона и др. постройки также загорелись[5]. Многие из них загорелись от разорвавшихся бомб, которыми осыпала повстанцев крепостная артиллерия.

На роту Леуса также бросилась большая масса повстанцев по дороге из с. Акапы. Но, расположив удобно солдат в канавах, за пригорками и заборами огородов, Леус организовал такую оборону, что повстанцы вынуждены были отойти обратно. Собрав свои силы, они снова бросились вперед с целью прорваться в город, но снова были отбиты. Не удался и третий натиск. Безуспешно кончилась также попытка повстанцев поодиночке обойти позицию роты[1]. Их все время подвергали артиллерийскому обстрелу со стороны моря и крепости.

Наконец, двигавшиеся к крепости повстанцы также были оттеснены – их обстреливали из ружей, а также из горных орудии, которые возили по улицам на руках[2]. Перестрелка продолжалась в течение всего дня и ночи.

Таким образом, занять город в целом и в первую очередь крепость повстанцам не удалось. Они стали лагерем на Баалоуской поляне; делились по селам, на «огни». Кроме того повстанцами был избран Совет из четырех человек: крестьян Камагаза Хагба, Зафаса Гумба и Лаза Ладария и дворянина Шмафа Маги[3].

Другой отряд повстанцев, состоявший из 1 тыс. человек, 26 июля перерезал пути от Пицундской крепости, заняв все дороги вокруг нее. Но вечером 27 июля повстанцы разошлись, также не достигнув своей цели. Действительная причина этого факта остается невыясненной. Объяснение воинского начальника Пицундского укрепления капитана Воронова несогласием окрестных жителей «из уважения» к долговременному его знакомству с ними[4] является по меньшей мере неубедительным особенно, если иметь в виду дальнейшие события в этом районе, о чем будет сказано ниже. Если же Воронов имел в виду некоторых помещиков, то он был прав. Так, блабурхвские феодалы Кубзач Цышв (?ышə), Тагу и Едык Блаб с самого начала действовали вместе с царским гарнизоном указанного укрепления против повстанцев[5].

Одновременно с наступлением на Сухум начались волнения также в Цебельде и в Сухумском округе. Однако выступления здесь с самого начала встретили препятствия. Во-первых, некоторые

[1] Отнош. инспектора Кутаис. карантинно-таможен. окр. Филавельфина бар. Николай от 18 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, д. 185, л.3.

[2] Рапорт полк Кульмана от 31 июля 1866 г. Копия этого рапорта наместником Кавказа была послана воен. министру Милютину для доклада императору; ныне она хранится в ЦГВИА, ф. 4Ш, оп. 268/908, аз. ч„ 1866 г., д. 54, л.л. 22–27.

[3] Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г., л.л. 23–23 об.

[4] Стефанов Т.Т. Михайловский крепостной пехотный батальон. Батум, 1906. – С. 321.

[5] Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г., л. 23 об.

[1] Дьячков-Тарасов А.Н. Указ. соч. – С. 189.

[2] Телеграмма Кульмана ген. Оклобжио от 29 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 1085, 1866 г., д. 118, л.7.

[3] Из следствен, дела, л.л. 255 – 256.

[4] Рапорт кап. Воронова в штаб Кавказ. воен. округа от 28 июля Ш66 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2). 1866 г., д. 2784, л. 14.

[5] Из следствен. дела, л. 262.

князья этих районов сразу же выступили на стороне царизма. Так, дальский князь прапорщик Алмахсит[1] (Михаил) Маршания со своим отрядом, совместно с полуротой солдат (50 чел.) Кавказского линейного N° 35 батальона, начал оборонять от повстанцев Цебельдинское укрепление, засев в нем и оставив дом пристава и слободку, находившиеся вне укрепления, а также пытался отрезать путь восставшим к Сухуму.

Еще 26 июля Алмахсит находился в Сухуме, получив известие о восстании, он немедленно поскакал в Цебельду. Собрав отряд 70 человек ввел в укрепление, а остальных поставил на позиции в окрестностях. Его примеру последовал цебельдинский князь Хирипс Маршания, отряд которого находился постоянно в сборе для обороны укрепления. Кроме того, Алмахсит Маршания снял и перевел в Цебельдинское укрепление сотню Кутаисского конно-иррегулярного полка, находившуюся на постах на Военно-Сухумской дороге[2]. Заодно с Алмахситом действовал и его младший брат Адамур Маршания. Благодаря этим мерам повстанцы не смогли завладеть укреплением. Однако сообщение Цебельдинского укрепления с Сухумом было прекращено[3]. Впоследствии спасенный кн. А. Маршания гарнизон ударил в тыл повстанцам.

Во-вторых, как доносил полк. Кульман, Сухумский окружной начальник майор И. Бутми де Кацман своими действиями удержал от присоединения к восставшим около двух третей населения данного округа и, собрав «милицию», главным образом из князей и дворян, первым бросился на повстанцев и задержал их[4]. Наместник в письме императору от 21 августа 1866 г. отмечал, что в Цебельде «себя примерно вел князь Алмахсит Маршания из Дала, которого я весною окрестил в Тифлисе » Святополк-Мирский также подчеркивал, что при нападении на Сухум 27 июля судьи и старшины Сухумского округа находились при Бутми де Кацмане и некоторые из них принимали участие в борьбе с повстанцами[5]. Кроме того, Бутми де Кацман, систематически сообщая в Сухум сведения о намерениях

[1] В документах неверно, – Алмасхит.
[2] Рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 102.
[3] Стефанов Т.Т. Указ. соч. – С. 324.
[4] Рапорт Кульмана от 31 июля 1866 г.. л.л..22 об. 23.
[5] Рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 102.

повстанцев, способствовал Кульману в принятии «своевременно необходимых мер предосторожности»[1].

Тем не менее повстанцы на рассвете 28 июля заняли приставский дом и окружили укрепление в Цебельде. Вместе с тем часть повстанцев двинулась в сел. Герзеул, чтобы пресечь путь последним на случай их отступления к Сухуму[2]. Начальник гарнизона[3] послал в лагерь повстанцев к Ширинбею Маршания человека с требованием гарантировать неприкосновенность приставского дома, на что тот ответил отказом. Причем, на просьбу Коншоква Маршания об этом же кн. Ширинбей подчеркнул, что в движении участвуют крестьянские массы и пусть «останавливают их сами» власти, которые будто бы до сих пор защищали их интересы в ущерб владельцам.

Арестованные за различные проступки и содержавшиеся в приставском доме были освобождены. Затем, несмотря на все противодействия кн. Коншоквы Маршания, повстанцы разгромили приставское управление, форштадт и т. д. и начали ружейный обстрел укрепления. Из последнего отвечали ружейным и орудийным огнем[4]. Приступы были ежедневны. В числе осажденных находился и протоиерей Давид Мачавариани[5].

Ширинбей Маршания три раза посылал Коншокву Маршания в Мармбское укрепление с предложениями его начальнику. Первый раз он сообщил, что если Алмахсит со своим отрядом выйдет из крепости и станет по одну сторону, то Ширинбей станет по другую. В противном же случае он не отвечает за действия повстанцев, которых не сможет удержать. На это начальник крепости ответил, что «преданных не выгоняет.» Второе и третье предложения имели один смысл: предлагалось начальнику укрепления вывести гарнизон, обещая конвоировать его до Сухума. Если же этого не будет сделано, подчеркивалось еще раз, Ширинбей не в силах удержать

[1] Рапорт Кульмана от 31 июля 1866 г., л. 23.
[2] Путь этот во все время событий был занят повстанцами.
[3] Цебельдинский пристав кап. Шавров 26 июля находился в Сухуме и не мог уже папасть в Цебельду; начальство над Цебельдинским укреплением приняло флот капитан-лейт. Корганов, посланный туда для сбора сведений по крестьянскому вопросу.
[4] Из следствен. дела, л.л. 263–263 об.
[5] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. – С. 298.

повстанцев от нападения па укрепление. При передаче этих предложений во второй раз Коншоква прибавил и от себя: в случае отказа, через два часа начнется штурм укрепления повстанцами. Начальник укрепления отверг предложения Ширинбея и чуть было не расстрелял Коншокву.

Между князьями, примкнувшими к восстанию, произошли новые разногласия. Кизилбек Маршания был недоволен тем, что указанные выше предложения были посланы от имени Ширинбея. Со своим отрядом он выделился из общей повстанческой массы. За ним Ширинбей посылал гонцов, но тот ответил, что он никогда, не увидит его более. Повстанцы, подняв знамя и приготовившись к нападению, двинулись на штурм укрепления. Но артиллерийский огонь заставил их отступить назад. С наступлением же ночи цебельдинцы рассыпались по балкам, в которых скрывались до утра. На другой день, под влиянием каких-то обстоятельств, вероятно, агитации со стороны некоторых князей, повстанцы заявили, что прекращают осаду укрепления и даже выдали заложников. Но, тем не менее, дороги от Цебельды к Сухуму ими были заняты, а через некоторое время они двинулись к Сухуму.

Первые известия о событиях в Абхазии в Кутаисе были получены вечером 26 июля от полк. Кульмана. Святополк-Мирский в это время отсутствовал. Правитель военной канцелярии генерал-губернатора полк. Кутаисов, немедленно сообщая содержание донесения полк. Кульмана, указывал, что уже сделано распоряжение: послан транспорт для перевозки всех войск, находившихся на работах в Поти; в Сухум потребована из Гагр стрелковая рота и 400 солдат маршевого батальона. Далее он спрашивал, не будет ли приказано ему взять из Кутаиса две роты и отправиться с ними на компанейском пароходе, а также ускоренным маршем двинуть две или три роты из Зугдиди[1].

В Боржоме, в резиденции наместника Кавказа, первые известия о восстании в Абхазии были получены из Поти 27 июля, к моменту возвращения наместника с кн. Мирским из поездки по Кутаисской губернии. Для наместника это было большой неожиданностью. Он был очень встревожен. Еще не высохли чернила на его донесениях в адрес императора и военного министра, в которых он сообщал о «блестящих» делах, «мире и тишине» по всему краю, в частности, в Абхазии, и вдруг... «страшный бунт». В письме Александру II от 5 августа наместник писал: «Абхазское восстание меня гораздо более занимает и печалит... Ты себе можешь представить, как эти известия нас поразили!»[1] Военному министру Д. А. Милютину он также писал: «Вы себе можете представить как я огорчен и озабочен,., событиями в Абхазии»[2].

[1] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л. 3.

Получив известие о событиях в Абхазии, наместник тотчас же командировал Мирского в Сухум «для принятия ближайших мер» к подавлению восстания и в то же время отдал приказ: направить в район восстания форсированным маршем полки 39 пехотной дивизии и 9 рот линейных батальонов находившихся на дорожных работах в Зекарском ущелье; со стороны Кубанской области направить 2 сотни казаков 'Кубанского казачьего войска через Шиплипский перевал а на всех прочих сообщениях, ведущих из Абхазии через Главный Кавказский перевал в эту область, выставить в виде кордона еще несколько сотен, чтобы не допустить повстанцев под защиту неприступной местности. От полков 19 пехотной дивизии 2 батальона и 4 горных орудия 19-й бригады были посланы «с возможной скоростью» в Новороссийск для дальнейшего отправления их морем в Сухум. Кроме того, был собран казачий отряд из 5-ти батальонов и 2-х сотен около ст. Сторожевой, назначение которого состояло в оказании содействия в случае необходимости, войскам кутаисского генерал-губернатора, с которым он должен был войти в связь, а также в прикрытии границы Кубанской области в верховьях р Бзыбь.[3]

Вместе с тем, 27 июля в Поти из Сухума прибыл экстренный пароход с предписанием от находившегося там помощника начальника войск в Кутаисской губернии: двум батальонам, работающим в порту, немедленно садиться на суда и со всеми боевыми принадлежностями и десятидневным провиантом отправиться в Сухум.

Между тем, абхазские крестьяне, получив подкрепление на рассвете 28 июля «с большим ожесточением повторили нападение на Сухум»[4]. Они снова повели атаку па войска сухумского гарнизо-

[1] Там же, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л. 29.

[2] Рукописное отделение Государствен. библиотеки СССР имени В.И. Ленина. ф. Д.А. Милиютина, шифр: 1424/2, л. 188 об.

[3] Донесение наместника Кавказа воен. министру Милютину от 9 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258-908, аз.ч., 1866 г., д. 54.

[4] «Кавказ» 4(16) сентября 1866 г., № 69.

на, стараясь оттеснить их к морскому берегу. Но эта атака была отражена стрелками ружейным огнем и артиллерией – картечью. Некоторые дома войскам «приходилось брать штурмом; горцы гибли в них, – писал полк Кульман, – но не сдавались, кроме, однако же, 3 человек захваченных нами в одной из засад»[1].

Повстанцы, зная, что гарнизон слаб, старались до прибытия подкрепления завладеть городом[2]. Находившиеся в .крепости на четырех бастионах полевые орудия действовали бесперебойно как картечными, так и гранатными выстрелами, направленными в толпы повстанцев и в дома, в которых последние имели засады. Кроме того, корвет «Вепрь», шхуна «Соук-су», крейсируя вдоль берега, обстреливали фланговые подступы к городу и повстанцев, находившихся в более отдаленных от крепости местах[3].

Тем временем повстанцы сожгли армейские казармы, дома на возвышенностях и много других строений и, засев в занятых домах, в том числе в доме Коньяра, постепенно продвигались к крепости.

Святополк-Мирский телеграфировал из Кутаиса наместнику последние известия из Сухума, полученные с парохода «Сестрица», прибывшего из Сухума в Поти, и сообщенные ему майором Чернявским. Половина Сухума сожжена, говорилось в этой депеше; повстанцы ждут еще подкрепления, войск очень мало, батальоны в 12 часов будут там; «из этого заключаю, что дело очень серьезное». Вместе с тем, сообщал он далее, предписано: остальные полки 39 дивизии пустить в долину Риона до Кутаиса, чтобы по обстоятельствам отправить в Сухум. Кроме того, Мирский полагал нужным вызвать в Кутаис два дивизиона артиллерии из окрестностей Тифлиса и т.д[4].

Командир винтового транспорта «Воин», капитан II ранга Ревуцкий, телеграфировал из Поти наместнику о том, что он получил от начальника Сухумской морской станции в 12 часов ночи на 28 июля предложение принять десант и отправиться в Сухум[5]. Действительно, «Воин» вошел в Сухумскую бухту в 3 часа дня 28 июля и высадил

[1] Рапорт полк. Кульмана кутаисскому генерал-губернатору от 31 июля 1866 г., л. 24 об.

[2] Рапорт полк. Кульмана кутаисскому генерал-губернатору от 31 июля 1866 г., л. 24 об.

[3] «Кавказ» 4(16) сентября 1866 г., № 69.

[4] ЦГИА, ф. 649, оп.1, д. 409, л.24.

[5] Там же, д.402, л.1.

на берег весь № 37 батальон (5 рот) и 2 роты Кавказских линейных №№ 31 и 22 батальонов[1]. Кавказский линейный № 37 батальон под командой подполк. Фульгина решил обойти повстанцев: колонна из 3-х рот во главе с самим Фульгиным двинулась в обход города налево, колонна из 2-х рот – направо.

Повстанцы всячески пытались приостановить движение войск, но их силы оказались недостаточными. Корреспондент газеты «Кавказ» запечатлел самоотверженный поступок одного повстанца, мужественно отбивавшегося от 10-ти солдат; «все направляемые в него пули не попадали». Взбешенный этим, поручик Гогиджанов сам с шашкой бегом бросился на повстанца. Последний быстро повернулся и столь же моментально направил ружье на атаковавшего его противника. Но... осечка. Безымянный герой упал с рассеченным черепом от шашки поручика. Крестьяне под сильным натиском войск вынуждены были оставить город[2]. Наместник Кавказа в письме Мирскому от 3 августа 1866 г. писал: «Непостижима для меня настойчивость, с которою бунтовщики атаковали Сухум[3].

29 июля Георгий и Александр Шервашидзе прибыли в Баалоуский лагерь. Князья и дворяне встретили Георгия официально-торжественно. Ему стали петь песню, в которой возвеличивали и характеризовали его как владетельного князя символически развевали «княжеское знамя». Таким образом, в ходе восстания наступил период, когда реакционное требование феодальной оппозиции о восстановлении владетельства было провозглашено официально, как лозунг всего движения.

Но было бы неправильно думать, что крестьянские массы отныне боролись за эти реакционные идеалы князей и дворян. Напротив, как раз на этом этапе восстания произошло более глубокое размежевание между' крестьянскими повстанцами и феодальной группой. Однако, конечно, было бы другой крайностью умалять значение патриархальности и классовой ограниченности крестьянской массы. Для многих крестьян знамя сына владетеля было знаменем борьбы против угнетения и эксплуатации не только цар-

[1] Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г.

[2] «Кавказ». 4(16) сентября 1866 г., № 69.

[3] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л. 6.

скими властями, но и абхазскими феодалами, ибо владетель «господствовал» и над последними.

Следует также сказать, что сам Георгий Шервашидзе в эти дни недвусмысленно выражал мнение о ненужности и невозможности осуществления политического плана дворянской оппозиции. Известно, например, что когда Георгию пропели куплет: «Когда в тебе, князь Георгий, было четыре четверти то русские убили твоего отца, теперь же, когда ты достиг пяти четвертей, тебе удалось отомстить русским за твоего отца», он вскочил с места и заявил: «Отец мой никогда не был убит русскими, а вы... хотите сделать меня виновником всего этого» и рассерженный вышел из толпы[1].

29-го же июля из разных селений Бзыбской Абхазии прибыло еще несколько крестьянских отрядов. В лагерь было привезено и «народное знамя», изготовленное из красного кумача с вышитой на нем шашкой. Эго знамя находилось в руках жителей селения Гума и держал его крестьянин Джигра Аюдзба. Княжеское же знамя было вручено дворянину Беслангуру Мканба[2]. В штурме Сухума участвовали крестьяне 31 селения (Калдахвара, Блабурхва, Отхара, Хуап, Мгудзырхва, Звандрипш, Эмхы, Джирхва, Чигурхва, Дурипш, Ачандара, Лыхны, Куланурхва, Аацы, Анухва, Псырцха, Ешера, Гума, Яштхуа, Цебельда (Цабал) и др.).

29 июля на Совете был разработан план штурма Сухума. Операции предполагалось провести по всем правилам. Этому должен был способствовать тот факт, что в числе находившихся здесь князей и дворян были лица, имевшие военные офицерские чины. Наступление должно было начаться на рассвете 30 июля с трех сторон. Один отряд должен был двигаться по главной улице, и завладеть городом. Второй отряд, в авангарде с гумцами, - нанести удар по крепости. Между прочим, среди гумских крестьян было много бежавших сюда от своих помещиков из разных селений Абхазии незадолго до этого[3]. Абжаквцы, цебельдинцы и другие готовились ударить со стороны р. Беслетки. Отряд, действовавший в Бзыбской

[1] Из следственного дела. л. 256.

[2] Из следственного дела, л.л. 256 – 256 об.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л- 479.

После поражения восстания эти крестьяне, «боясь ответственности за участие в восстании 1866 года, удалились на свои мест».

Абхазии, должен был занять Пицундское укрепление[1]. Вместе с тем, были приняты срочные меры для снабжения повстанческих отрядов продовольствием, для чего была установлена особая подать «ажидз» и приступлено к ее сбору[2].

Кроме того, Георгий Шервашидзе послал Халыбея Маргания в Цебельду к кн. Алмахситу Маршания с предложением – немедленно оставить защиту укрепления. Александр Шервашидзе сам ездил к Ширинбею Маршания, чтобы договориться с ним насчет наступления на Сухум. Однако кн. Алмахсит не только не согласился с требованием из повстанческого лагеря, но советовал и кн. Георгию как можно быстрее явиться в Цебельдинское укрепление, начальник которого обещает принять его ласково и быть ходатаем за него перед кутаисским генерал-губернатором. В противном случае, «он, Алмахсит, лишается в нем своего любезного молочного брата». Ширинбей же принял активное участие в организации и отправке значительного отряда. Но абжаквский князь Беслан Чаабалурхва загородил этому отряду путь к Сухуму. Беслан Чаабалурхва и Эдги Эристо были вызваны в лагерь. Согласно следственному делу, их вынудили согласиться принять участие в наступлении на Сухум со стороны р. Беслетки, совместно с цебельдинцами и другими[3].

На рассвете 30 июля, часа в 4 или 5, второй отряд повстанцев, предназначенный для занятия города, как описывает корреспондент газеты «Кавказ», «довольно стройно, рядами, со значком (знаменем. – Г. Д.)..., с военною песнью вышел из ущелья и направился по улице подгорной слободки к саду»[4]. Оттуда он стремительно бросился на войска, стараясь прорваться в город. Но повстанцы наткнулись на крупные силы. Царское командование уже успело сосредоточить в Сухуме до 8 тыс. штыков и сабель с артиллерией[5]. Кроме того, в это время к Сухуму двигались подкрепления, например, из Поти 30 июля была отправлена стрелковая рота, прибывшая из Озургети[6]; 31 июля – 9 линейных рот[7]. Заметив, что две роты начали их обходить, по-

[1] Из следствен, дела, л.л.'258–258 об.

[2] ЦГИАГ., ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 247, л.л. 13–19.

[3] Из следствен. дела, л.л. 257–258 об.

[4] «Кавказ», 8 сентября 1866 г., № 70.

[5] Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г.

[6] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 27.

[7] Там же. л. 31.

встанцы бросились в шашки. Но, не выдержав напора превосходящих сил противника, они, обстреливаемые с бастионов крепости, направились в Ботанический сад, где и закрепились.

29 июля наместник Кавказа сделал первое сообщение Александру II о событиях в Абхазии. «С прискорбием доношу, в Абхазии бунт, – телеграфировал он, – полковник Коньяр с начальником округа и сотнею казаков окружены значительною толпою в Соуксу (Лыхны. – Г. Д.), сведений об их участи не имею; половина Сухума сожжена, войска туда направлены из Поти, Кутаиса, Константиновского»[1]. В то же время наместник сообщал военному министру Д. А. Милютину, что восстание в Абхазии «принимает серьезные размеры», и обещал «энергическими распоряжениями... вскоре подавить»[2].

Правительство было крайне обеспокоено положением дел в Абхазии. Оно боялось распространения восстания не только по всей Абхазии, но и по всему Кавказскому краю. Шла самая интенсивная переписка между наместником Кавказа, с одной стороны, и Александром II и военным министром Д. А. Милютиным, с другой. Император, внимательно следивший за событиями в Абхазии, систематически отвечал на официальные отношения и частные письма с Кавказа по поводу восстания. В телеграмме на имя вел. кн. Михаила Николаевича от 22 августа 1866 г. Александр II писал: «Известия из Абхазии меня крайне огорчают. Надеюсь, что все меры будут приняты для водворения порядка»[3].

Во всех областях Кавказа местным властям были сделаны сообщения о событиях в Абхазии. В одном из них, посланном во Владикавказ начальнику области, говорилось: «В Абхазии возмущение. Коньяр и бзыбский окружной начальник Измайлов убиты, часть Сухума сожжена, настоящая причина неизвестна; последний предлог – крестьянский вопрос. Стягиваются 12 батальонов с артиллериею. Князь Мирский отправился в Сухум»[4].

Повсюду принимались экстренные меры, чтобы, во-первых, мобилизовать силы на подавление восстания, и, во- вторых, предотвратить распространение движения на другие области Кавказа. В этом отношении весьма показательно письмо и. д. помощника начальника Кубанской области по управлению горцами подполк. Дукмасова начальнику Зеленчукского Округа подполк. Калиновичу от 28 июля 1866 г. Сообщив о начавшемся восстании в Абхазии и о том, что из Кубанской области перевозятся морем войска для подкрепления тех частей, которые уже находились там, Дукмасов предупреждал, что соседство Зеленчукского и Эльбрусского округов и других районов с Абхазией «делает их чрезвычайно важным в настоящих обстоятельствах», и поэтому просил немедленно сообщить ему «о том действии, которое произвело на горцев вверенного вам округа (сообщение) о беспорядках в Сухуме, – известие, последовавшее за кабардинскими событиями. На будущее же время следить, чтобы в народе не распространялись свободно слухи, могущие иметь дурное значение для спокойствия края. Такие слухи нужно уметь направить таким образом, чтобы они имели вид замысла людей злонамеренных... Еще раз предупреждаю вас, – писал Дукмасов далее, – что сухумские события весьма серьезного свойства, и нужно вам озаботиться приисканием людей вполне благонадежных, на которых необходимо возложить собирание сведений о состоянии умов не только в своем округе, но и в соседних, не исключая и Кабардинского, беспокойное состояние которого может иметь весьма дурное влияние на горцев Кубанской области». Призывая к чрезвычайной осторожности и «такту», Дукмасов рекомендовал относиться «даже шутя и с сожалением к абхазцам и мингрельцам (они тоже, кажется, возмутились)». Словом, советовал Дукмасов, необходимо принимать такие меры, «как будто бы есть достоверное известие о существовании общего заговора единственно в том убеждении, что осмотрительность никогда не может быть излишнею, ежели только она не носит характера трусости; самонадеянность же при настоящих обстоятельствах в Сухумском отделе была бы преступлением»[1].

На одно из таких писем есаул Желтоноскин из Армавира 31 июля 1866 г. отвечал, что, «сознавая всю важность» восстания в Абхазии и то, что оно легко может отозваться среди населения, готового выступить самым решительным образом, он принимает все

[1] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г д. 54, л. 2.
[2] Там же. ф. 38, оп. 30/286, св. 879, 1885 г., д. 12 г, л. 135.
[3] ЦГИА, ф Зимн. дворца, 1862 г., д' 2732/а, л. 233.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л 33.

[1] ГАКК, ф. 452, оп 2, д. 517, л.л. 2–4.

меры «следить за настроением умов туземцев и за теми слухами, которые будут распространяться между ними»[1].

Вместе с тем, были приняты меры по замятию перевалов, прежде всего, Марухского, по которому преимущественно осуществлялась связь между Абхазией и районами Северного Кавказа. Кроме того, ставилась задача захватить скот из Абхазии, пасшийся на северном склоне Кавказского хребта, и людей, находившихся при нем. В том году на пастбище, например, между Тебердой и Марухом находилось 9 цебельдинских кошей с 12.000 баранов; лошадей было около 100 голов. С этой целью, в связи с получением начальником Кубанской области от наместника Кавказа телеграммы 1 августа 1866 г. о восстании и в Цебельде, был составлен специальный отряд (у ст. Сторожевой) под командованием подполк. П. Дукмасова, а также собрана «милиция» в Зеленчукском и Эльбрусском округах, о действиях которых речь будет идти ниже[2].

Несмотря на все это, восстание в Абхазии нашло известный отклик в ряде других районов Кавказского края и сыграло определенную роль в дальнейшем усилении борьбы крестьянства здесь в рассматриваемый период. Выше цитировался документ, в котором ясно говорится, что напряженное положение, например, в Кубанской области, вызванное подготовкой к крестьянской реформе, «дошло до крайних пределов» в июле 1866 г. в связи с восстанием в Абхазии и началом работы по собиранию сведений о зависимых сословиях в Кабарде[3].

Утром 30 июля в Сухум прибыл кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский. В своем рапорте па имя наместника от 13 сентября 1866 г. Мирский писал следующее о положении в Абхазии в этот момент: «Бзыбский округ и часть Сухумского (около пяти тысяч дворов) были в полном восстании. В остальной части Сухумского военного отдела власть наша уже не существовала и волнение угрожало разлиться по всей Абхазии... Всякое сухопутное сообщение по Военно-Сухумской дороге было прекращено. Капитан-лейтенант Корганов писал из Цебельды, что если вся Абхазия восстанет, то князь Михаил Маршани не будет в состоянии

[1] Там же, л. 9 об.
[2] Там же, л.л. 15–15 об , 91.
[3] Там же, д. 593, л. 8.

удержать дальцев, и укрепление будет взято. В это время в Сухуме находилось уже 16 рот...».

Вместе с тем, он сообщил, что сделал в пути распоряжения для скорейшего движения в Сухум войск, находившихся на работах в Кутаисской губернии, и сбора «милиции» в Мегрелии и Гурии. Кроме того, встретив шхуну в районе Гудавы, конвоировавшую управление Абжуйского округа и сотню казаков, следовавших по берегу моря в Мегрелию, Мирский предложил им немедленно повернуть на Окум с приказанием и. д. начальника округа есаулу Миронову – собрать «милицию» в Самурзаканской и Абжуйской Абхазии, двинуться с ними по направлению к Сухуму и заготовить дрова на Военно-Сухумской дороге для войск. О своих задачах Мирский писал: обезопасить г. Сухум, подать помощь Цебельдинскому укреплению, восстановить сообщение с Цебельдой и по Военно-Сухумской дороге и «остановить распространение восстания»[1].

Во второй половине дня 30 июля войска под общим командованием Мирского перешли в контрнаступление. Но так как, писал корреспондент газеты «Кавказ», «абхазцы удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревьями, то их нелегко было оттуда выбить»[2]. Активная перестрелка продолжалась более 4 часов и прекратилась лишь к самому вечеру[3]. Корвет и шхуна обстреливали город с северной и южной сторон[4]. Повстанцы в конце концов отступили в свой лагерь.

Группа же, которая должна была занять крепость, запоздала и, заметив указанную неудачу, не приняла боя и поспешно ушла назад, даже оставив знамя на месте. В этом сыграл свою роль гумский кн. Мажара Анчабадзе, предательская роль которого обнаружилась очень скоро. Неожиданно открыто изменил и абжаквский кн. Беслан Чаабалурхва. Его немедленно вызвали в лагерь, но он не явился и велел передать, что отныне будет выступать на стороне правительственных войск. Вследствие этого было парализовано и действие отряда, занимавшего высоты со стороны Беслетки. Дезорганизованные крестьяне разошлись по домам. Правда, це-

[1] ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., 1866 г., оп. 253/908, д. 54, л.л. 102 об.–-104.
[2] «Кавказ», 8 сентября 1866 г., № 70.
[3] Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г., л. 25 об.
[4] Рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 103.

бельдинские крестьяне и в этот день несколько раз врывались в город. Но это не могло спасти положение. Так сказывалось отсутствие единства и твердого руководства. Силы крестьян оказались слишком распыленными, а их действия несогласованными, чтобы вести борьбу с регулярными войсками. Измена феодалов довершила дело.

Восстание не было поддержано населением части Сухумского округа и Абжуйской Абхазией, хотя эти районы, по свидетельству Мирского, и находились «в большом волнении»[1]. В следственном деле имеется указание на то, что представители феодальной оппозиции посылали в последнюю своих людей (Уазбакьа Маргания, Учана Дзапш-ипа, Соломона Званба и др.), чтобы подговорить «влиятельных лиц» «возмутить» население; но это было уже после неудачи под Сухумом, поэтому указанное предложение было отвергнуто. Возможно и то, что поскольку данным делом занялись князья и дворяне, которые в этот период уже открыто говорили о цели своей борьбы, эти призывы не имели успеха среди крестьян. Кроме того, безусловно, имел значение и тот факт, что абжуйский князь Григорий Шервашидзе не примкнул к восстанию, а затем принимал участие в его подавлении.

Что же касается крестьянских руководителей, то они не сумели наладить связь с крестьянством соседних районов и поднять его на борьбу. Тем не менее отдельные абжуйские крестьяне принимали участие в восстании, а один из них – Мсоуст Пилия был даже в числе активных деятелей и впоследствии оказался в составе трех, заключенных в Метехский замок. Кроме того, как свидетельствовал управляющий имением кн. Д. Г. Шервашидзе Егор Туркия, крестьяне Григория Шервашидзе участвовали в разгроме келасурского имения Д. Г. Шервашидзе[2].

Власти настолько были не уверены в абжуйских крестьянах, что командующий войсками в Сухуме отдал распоряжение о снятии Очемчирской карантинно-таможенной заставы[3], так как ей «небезопасно было оставаться в Очемчирах», и эвакуации ее в Сухум.

[1] Письмо Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 1 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 20–23.

[2] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 24, л.л. 1–3.

[3] ЦГАА, ф. 8, д. 37, л. 89.

Ее действительно перевезли в Сухум 30 июля на военном судне со всем имуществом, кроме мебели. Застава обратно была возвращена и открыла свои действия лишь 10 августа 1866 г. [1]

Отряд, действовавший в Бзыбской Абхазии, имел такие результаты. 29 июля повстанцы снова расположились вокруг Пицундского укрепления и в 11 часов утра следующего дня начали штурмовать его, но сильный огонь гарнизона заставил их и на этот раз отступить и скрыться в лесу. В 3 часа того же дня крестьяне сожгли на берегу моря барказный двухэтажный каменный пост и т. д. 31 июля снова было устроено нападение на имущество воинской части, а 1 августа крестьяне разошлись, оставив небольшой отряд в лесу[2].

Крестьяне, вместе с тем, разгромили владетельский дворец в с. Лыхны, – факт, очень интересный для характеристики движения. Очевидец события Антон Пилия[3] утверждает, что разгром дворца крестьянами произошел именно вскоре после убийства Коньяра[4].

В Сухуме, за время штурма города, было разбито и сожжено много административных зданий, домов должностных лиц и богачей, в том числе дома полк. Коньяра, Измайлова и иеромонаха Абхазской архиерейской кафедры Макария, армейские казармы и другие[5]. Кроме того, были сожжены кордонные посты, помимо пицундского, на реках Гумиста и Келасури[6], а также таможенные посты от Пицунды до Моквы, по морскому берегу и по Военно-Сухумской дороге[7].

Было разгромлено и имение крупнейшего абхазского помещика Д. Г. Шервашидзе в Келасури, – факт, чрезвычайно показательный с точки зрения характеристики антифеодального содержания восстания. Из ведомости о пострадавшем имуществе кн. Шервашидзе.

[1] ЦГИАГ, ф 416, оп. 3, 1865 г., д. 185, л.л. 3–4 об.

[2] Рапорт начальника укр. в Пицунде кап. Воронова в штаб Кавказ. воен. округа от 2 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г.. д.2784, л. 20.

[3] А. Пилия живет недалеко от Лыхненской площади; во время восстания 1866 г. ему было 16 лет (согласно метрическому свидетельству, 27 августа 1955 г. ему исполняется 105 лет).

[4] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф- 1, д. 92, л. 11 об.

[5] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1867 г., д. 2801: И. А. Дубровский. Путевые заметки. 1869 г. Рук. отделение Государствен. Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютина, шифр: 1424/2, л. 7 об. – 8.

[6] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, л.л. 3–4 об.

[7] Там же, ф. 545, оп.1, (кн.2), 1867 г., д. 2801.

составленной управляющим имением последнего Егором Туркия и поданной им 31 августа 1866 г. в специальную комиссию, видно, что было забрано и разбито больших винных кувшинов и разной гончарной посуды – 1.568 штук; снято с дома около 20 рам со стеклами, а в более 50 рамах стекла побиты; повреждено и выломано много дверей. Кроме того, сожжено дубовой драни 3 тыс. штук, потравлены покосы, поломана и сожжена ограда двора и т. д. При этом обращает на себя внимание следующее примечание Е. Туркия: «Вся означенная посуда, как мы осведомлены, забрана людьми (крестьянами.– Г. Д.) князя Григория Шервашидзе». Общая сумма убытков, понесенных кн. Шервашидзе, была оценена (Егором Туркия) в 1.225 руб. 50 коп. серебром[1].

После 30 июля повстанцы снова пытались организовать штурм Сухума, при этом возлагали большие надежды на цебельдинцев. Совет еще раз посылал Ал. Шервашидзе в Цебельду, к Ширинбею Маршания, для совещания о нападении на Сухум, и оттуда, действительно, опять поступило подкрепление[2].

Перед выступлением в лагерь прибежали два келасурских жителя, которые сообщили ультиматум кутаисского генерал-губернатора о немедленном прекращении всякого сопротивления. В наступившую ночь гумский князь Мажара Анчабадзе и другие феодалы начали уверять повстанцев, что войска скоро нападут на лагерь; они распускали и другие слухи провокационного характера с целью дезорганизации повстанцев. Надо сказать, что эта пропаганда «произвела на всех пунктах смятение», и повстанцы отступили дальше от Сухума, за р. Гумиста[3]. Однако часть повстанцев, численностью в 900 человек, до 5 августа все еще находилась вокруг Сухума, по ночам подползая к пикетам противника и ведя перестрелку. После 5 августа и они разошлись[4].

В сообщении, полученном наместником от кн. Мирского 1 августа, говорилось, что тяжелое время для Сухума миновало, наступление предполагается числа 3 августа[5]. Однако Мирский в письме

[1] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 24, л.л. 1–3.
[2] Следствен, дело, л. 260.
[3] Там же л.л. 260–260 об.
[4] «Кавказ», 8 сентября 1866 г., № 70.
[5] Телеграмма наместника Кавказа Александру II от 2 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз ч., 1866 г., д. 54, л. 4.

наместнику от 1-го же августа писал: «Трудно предвидеть, какой оборот примут дела и как долго придется здесь повозиться. Поэтому осмеливаюсь просить распоряжений вашего высочества о приготовлении еще двух батальонов в Константиновском, чтоб они были готовы прибыть сюда тотчас по моему требованию»[1].

От Мирского требовали решительных действий. Но при всем своем старании Мирский не мог добиться этого. Мирского даже обвиняли в медлительности. Более того, писали царю о незнании им края и беспечности вообще по управлению[2]. Мирский, возражая своим противникам, писал наместнику Кавказа (30 августа 1866 г.), что задача «усмирения Абхазии» оказалась гораздо труднее, чем она представлялась на первый взгляд. Он отмечал, что местность здесь не благоприятствует наступательным действиям и удобна для обороны. Кроме того, он считал, что силы, направленные в Абхазию, до прибытия отряда ген. Геймана (27 августа) и еще двух батальонов из Новороссийска, были слишком недостаточны «для решительных военных действий с разных сторон»[3].

За Мирского заступился сам наместник Кавказа, который в письме Александру II от 22 сентября 1866 г. отводил все обвинения против него, стремясь оправдать его в глазах императора. В письме Мирскому от 3 августа 1866 г. наместник писал: «Нисколько не виню вас за мнимую медлительность, напротив, вполне одобряю, что в ожидании прибытия войск вы не покинули города с слабым гарнизоном». Далее наместник сообщал, что отправка Елизаветпольского полка, против ожиданий, запоздала, но он должен быть в Сухуме 3 августа, а также батальон Крымского полка, на днях и Ставропольский батальон. «Когда все эти части соберутся, – писал вел. князь, – полагаю, что вы будете достаточно сильны для наступательных действий»[4].

[1] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 20–23.
[2] Письмо наместника Кавказа Александру II от 22 сентября 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л. 39.
[3] ЦГИА, ф. 649, оп. 1. д. 409, л-л. 60–69.
[4] Там же, д. 230, л. 5

●ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ●

ПОРАЖЕНИЕ ВОССТАНИЯ

1 августа Баалоуская поляна была занята войсками Минский писал наместнику, что он для перехода в наступление ждет еще прибытия войск, направленных из Зекарского ущелья через Поти, и из Константиновска; особенно он был озабочен обеспечением сообщения по Военно-Сухумской дороге; положение Цебельды, являющейся ключом позиции, будет иметь важное значение: «часть оной в брожении», – писал Мирский[1]. 2 же августа колонна войск под командой полк. Мачавариани[2] переправилась через р. Ингур; к ней в с. Окум присоединилась казачья сотня, а также «милиция» (300 чел.), собранная абжуйскими и самурзаканскими феодалами[3].

3 августа в Сухум прибыли из Новороссийска 3 роты[4]. К этому дню здесь уже был собран отряд из 6 стрелковых и линейных рот Кавказских линейных батальонов с артиллерией и кавалерией, общим числом до 3 тыс. человек. Кроме того, сюда двигались полки 39 пехотной дивизии. Кавказский линейный № 35 батальон вошел в отряд в составе 3 рот (9 офицеров и 622 солдата)[5]. 4 августа в Сухум прибыла из Поти гурийская «милиция» под командой кн. Эристави[6].

[1] Письмо вел. кн. Михаила Николаевича Александру II от 5 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 610, 1866 г., лл. 29–33.

[2] Колонна состояла из: 8 сотен «милиции» мегрельских феодалов, 2 сотен Кутаисского конно-иррегулярного полка и 2 стрелковых рот Кавказских линейных № 30 и 31 батальонов.

[3] Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г. лл. 104-105.

[4] Телеграмма Мирского наместнику Кавказа от 3 августа 1866 г. Ц1 И А, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 35.

[5] Стефанов Т. Т. Указ. соч. – С. 324.

[6] Телегр. кн. Мирского наместнику Кавказа от 4 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 36.

3 августа Мирский вызвал в Сухум старшин окрестных селений, жители которых принимали участие в штурме города. Им было объявлено, что за поднятие оружия последует строгое наказание посредством военных действий, если жители окажут малейшее сопротивление; административным и судебным путем если они окажут «полное послушание». Старшины заявили, что население готово принять наказание. Тогда Мирский приказал, на первый раз, доставить немедленно в Сухум все захваченные вещи, не встречаться с войсками иначе, как без оружия, и исполнять все указания окружного начальника, вещи начали поступать уже с 4 августа. Подобное же распоряжение было сделано и в Цебельде[1], где скоро последовали такие же результаты.

Надо заметить, что Мирский придерживался одобренной наместником тактики: действовать с моря, прорываясь колоннами к горам и вдоль них[2]. 6 августа в Цебельду была направлена колонна войск под начальством командира Кавказского линейного № 35 батальона полк. Котляревского[3], возвратившаяся в Сухум 10 числа, оставив в укреплении 2 роты и снабдив гарнизон всем необходимым. Во время движения к Цебельдинскому укреплению эта колонна, дойдя 8 августа до Герзеула, в том месте, где дорога в Цебельду отделяется от Военно-Сухумской дороги, встретилась с колонной полк. Мачавариани, двигавшейся уже к Сухуму. В результате было восстановлено сообщение с Цебельдой и по Военно-Сухумской дороге[4].

В Сухум из Поти были доставлены 8 августа батальон Кубанского и 5 рот Дербентского полков; вслед за ними дивизион батареи имени вел. кн. Михаила Николаевича[5].

Тем временем на северном склоне Кавказского хребта части специального отряда достигли района расположения цебельдин-

[1] Письмо Мирского наместнику Кавказа от 6 августа и рапорт от 13 сентября 1866 г., лл. 104 104 об.

[2] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 239. л. 6; д. 409, л.л. 20–23.

[3] В состав колонны входили: 2-й батальон Крымского полка, 1-п батальон Ставропольского полка, стрелковая рота Кавказского линейного № 32 батальона, линейная рота № 33 батальона, 3 роты № 35 батальона и взвод сухумской артиллерии.

[4] Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., лл. 104 об. –105.

[5] Телеграммы майора Чернявского наместнику Кавказа от 8 и 9 августа 1866 г ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 49 – 50.

ских и дальских пастухов. Первое столкновение с ними произошло 8 августа на вершине горы Теберды, где на единственной тропе засела небольшая группа пастухов. Отряд под командой начальника Эльбрусского округа кап. Петрусевича, несмотря на двукратную попытку пробиться вперед, вынужден был отступить. Пастухи отчаянно защищали свою позицию, чтобы дать стадам время уйти за горы. Но на р. Хасаут был захвачен табун в 59 лошадей, принадлежавший кн. Ширинбею Маршания[1]. 9 августа кап. Петрусевич послал на Тебердинский перевал карачаевцев, которые имели несколько, стычек с цебельдинцами (15 человек), оставшимися здесь после сражения 8 августа, чтобы следить за движением войск[2]. Наконец, 15 августа колонна войск, ведя поиски, в районе Домбай-Ульген настигла цебельдинцев и дальцев (25–30 человек), гнавших стада баранов и коз. Пастухи защищались до последней возможности; они взбирались на скалы и оттуда сталкивали громадные камни; войскам «некоторые места приходилось брать штурмом». Но в конце концов горсточка пастухов, имея в своих рядах убитых и раненых, вынуждена была отступить. Войска отбили 1.800 баранов[3]. Впоследствии выяснилось, что часть захваченного скота принадлежала дальцам (Алмахситу Маршания и др.), поэтому бараны, по ходатайству кн. Мирского, были возвращены их хозяевам, а конский табун был продан с аукционного торга[4].

Дальнейшей задачей Мирский считал: окончательное подавление восстания в Бзыбской Абхазии, наказание «виновных и упрочение спокойствия края на будущее время». Для достижения этих целей Мирский выдвигал два способа: открыть немедленно военные действия против повстанцев по мере прибытия войск, или сосредоточить достаточные силы для принуждения населения, если возможно, без кровопролития исполнить все требования властей, в случае сопротивления – «наказать страшно ослушников».

[1] Рапорт нач. Эльбрусского округа кап. Петрусевича командующ. войсками Кубан. области от 10 августа 1866 г. ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, лл. 40–41.

[2] Рапорт замещающ. начальника Эльбрус, округа и. д. начальника Кубан. обл. по управлен. горцами от 12 августа 1866 г. ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, л. 41 об.

[3] Рапорт и. д. нач. Эльбрус, округа командующ. войсками Кубан. области от 19 августа 1866 г. ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517 лл. 58–59.

[4] ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, л.л. 96, 127.

Хотя Мирский и писал, что первый способ соответствовал более «естественному желанию скорейшего наказания» повстанцев и «казался на первый взгляд скорее ведущим к цели», но вынужден был признать, что по «внимательному обсуждению дел» этот способ оказывался «весьма рискованным к ненадежным». Он выдвигал следующие доводы: местность в Абхазии, в особенности осенью, представляет величайшие затруднения для военных действий. Единственная колесная дорога между Сухумом и р. Бзыбью пролегала лишь до Гудаут на морскому берегу, далее она шла по садам и лесам; затем существовали только тропинки, едва проходимые для конницы. Люди живут разбросанно, разбросаны и их небольшие посевы. При таких условиях, столь выгодных для населения, знающего местность и умеющего ею пользоваться, на верный успех военных действий можно рассчитывать только при больших силах, наступающих с разных сторон совместно с «милицией».

«Малейшая же неудача в настоящих обстоятельствах, – писал Мирский, – немного значительная потеря с нашей стороны, тотчас преувеличенная народной молвой, не только возвысила бы дух мятежников, но могла бы поощрить к восстанию всю Абхазию, и тогда трудно сказать, сколько бы понадобилось средств и времени для восстановления спокойствия в. этом крае. Даже если бы сопротивление ограничилось пределами Бзыбского округа, открытие военных действий со стороны лишь морского прибрежья имело бы столь же невыгодные последствия. Жители Бзыбского округа (3.726 дворов) по мере наступления наших войск имели бы возможность удаляться постепенно в горные трущобы, простирающиеся на огромном пространстве до верховьев Бзыби, Мзымты и далее. Преследовать их там было бы весьма трудной и долгой задачею».

Признавая все эти доводы, наместник одобрил второй способ, «в сущности обещающий более скорый и действенный успех, но требующий некоторой выдержки и терпения», – как характеризовал его Мирский.

Мирский считал, что наилучшей мерой наказания массы восставших являлось поголовное обезоружение населения. При этом он замечал, что такая мера, «никогда еще не применявшаяся на Кавказе», представляла немало затруднений. Для ее исполнения было признано необходимым обеспечить, прежде всего, достаточ-

ную военную силу, которая бы убедила население в невозможности оказать сопротивление. Поэтому было решено приступить к обезоружению населения постепенно, разделив территорию между Бзыбью и Кодором на ряд участков, стараясь в одно время иметь дело лишь с каждым из них отдельно[1].

В это время от правительства было получено известие о наделении кавказских военных властей широкими полномочиями для действий в Абхазии. Вот что писал по этому поводу наместник в письме Милютину от 10 августа 1866 г.: «Благодарю вас за испрошенное у его величества полномочие вводить в Абхазии все то, что признается безотложно необходимым. Ожидаю курьера, отправленного из Петербурга 4-го числа, с нетерпением 12-го или 13-го»[2].

Утром 12 августа наместник на корвете «Львица» прибыл в Сухум. Несколькими часами раньше высадился последний десант из Поти. Теперь налицо был весь отряд[3]. Съехав на берег, наместник объехал все войска, расположенные частью вокруг города на позициях, частью в казармах и на площадках внутри города. Частям, которые участвовали в отражении повстанцев, он объявил благодарность и от имени царя наградил многих лиц.

13 августа в Сухум прибыло судно «Тигр» под флагом генерал-адмирала, с которого высадились великий князь Констанин Николаевич и царский наследник Николай Александрович. Они, так же как и наместник, объехали войска на позициях. Затем царские «особы» были на нескольких судах, между прочим, на транспорте

[1] Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., л.л. 106–106 об.

[2] Рукописное отделение Государствен. Библиотеки СССР имени В.И. Ленина, ф. Д. А. Милютина, шифр: 1424/2, л. 189.

[3] В состав отряда входили: пехота – по батальону Крымского и I Ставропольского полков; все полки 39 дивизии, за исключением пяти Я рот, оставленных при обозе в Имеретии; 35, 36 и 37 линейные батальоны в полном составе, стрелковые роты 30 и 31 батальонов, по три роты о2, 33 и 34 батальонов и четыре сотни гурийской пешей «милиции» и другие части феодального ополчения; кавалерия –дна сотня Кубанского казачьего № 7 полка и три сотни Кутаисского конно-иррегулярного полка; артиллерия – батарейный дивизион и горный взвод вел. князя Михаила Николаевича, батареи Кавказской гренадер, бригады, горный дивизион 19 бригады и горный взвод и пешие команды при орудиях на вооружение к тому времени упраздненной сухумской крепостной артиллерии. Кроме того, остатки другой сотни Кубанского № 7 казачьего полка пешими 45 чел. и 1 офицер, спасшиеся из бывших в Лыхнах с полк. Коньяром.

«Воин», который грузил пехоту и артиллерию для десанта; он поднял 80 лошадей и более 600 солдат[1].

Десант готовился к высадке в м. Гудауты и в с. Псырцха. На следующий день, 14 августа, один отряд в 8 батальонов и дивизиона горных орудий под командой полк. Бибикова высадился у Гудаут. В с. Псырцха 16 августа высадился отряди помощника начальника 39 дивизии ген. Лерашева в составе 5 батальонов гурийской пешей «дружины» и взвода горных орудий. 16 же августа в Гудауты прибыл кн. Мирский. Десантным войскам не было оказано почти никакого сопротивления. Мирский вызвал к следующему дню, 17 августа, старшин всех селений Бзыбского округа, за исключением селений Анухва, Псырцха и Ешера.

17 августа часть войск (Елизаветпольский полк, 2 батальона 19 дивизии при 4 горных орудиях) была двинута в с. Лыхны для торжественных похорон убитых 26 июля и «сожжения домов, где имело место происшествие»[2]. «Вчера похоронил с почестями мертвых и сжег дома в Соуксу», – сообщал Мирский наместнику 18 августа 1866 г.[3]

К вечеру 17 августа войска возвратились в Гудауты. Прибыли в лагерь и старшины. Последним было объявлено то же, что и жителям Сухумского округа, «и дан выбор между полною покорностью и послушанием или беспощадной истребительной войной». Бзыбцы через своих представителей еще до этого заявили, что складывают оружие, «драться не будут и принимают всякое наказание»[4] Теперь старшины повторили это. Мирский потребовал, чтобы к 19 августа было возвращено все захваченное имущество и выданы «зачинщики» восстания. Вещи были доставлены немедленно, но в отношении инициаторов и активных участников восстания старшины и «почетные жители» заявили, что они хотят и будут об этом стираться, но не могут обещать полного успеха. Мирский ожидал именно такого от-

[1] Письмо наместника Кавказа Александру II от 21 августа I 1866 г. ,ЦГИА. ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 34-37); Письмо Мирского наместнику Кавказа от 30 августа 1866 г (ЦГИА, ф. 649 оп. 1, д. 409, л.л. 60 – 69)

[2] Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., л 107; Телегр. Мирского наместнику Кавказа от 16 и 17 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 52–53.

[3] ЦГИА, ф. 649, оп. I, д. 409, л. 54.

[4] Письмо наместника Кавказа Александру II от 10 августа 1866 г. ЦГИА, ф-678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 29–33.

вета, он просто добивался сознания в этом, чтобы объявить приказ о выдаче оружия. Факт отказа жителей выдать «главных виновников» Мирский объяснял их общественным устройством и образом жизни, «нравственным и материальным разъединением»[1].

Приказ о выдаче оружия был объявлен 20 августа; было заявлено, что кто утаит и не выдаст оружия, тот будет выслан из Абхазии[2]. Учитывая, что население могло оказать сопротивление этой мере, Мирский решил перебросить на левый берег р. Бзыбь находившиеся между Адлером и Гаграми батальон Севастопольского полка и 3 сотни казаков, потребовать из Кокстантиновского еще 2 батальона 19 пехотной дивизии. Решено было, вместе с тем, направить к границам Абхазии отряд помощника начальника Кубанской области по местным войскам ген. Геймана, перевалившего в это время через Санчарский перевал[3]. Этот отряд, состоявший из 5 батальонов2 горных орудии, и 2 сотен казаков, был сформирован в станице Старожевои и следовал в течение 19 дней[4]. Ему отводилась особая задача. Наместник Кавказа еще 5 августа 1866 г. писал Мирскому: «Если состояние Сухумского округа и Цебельды в особенности сомнительное, не сочтете ли полезным теперь же двинуть отряд г.-м. Геймана через перевал? Полагаю, что это движение весьма будет содействовать быстрому восстановлению порядка»[5].

21 августа в с. Лыхны и в некоторых других селениях было приступлено к выдаче оружия. Дав «должные наставления» полк. Бибикову, оставшемуся за старшего здесь, Мирский 22 августа отправился в с. Псырцха, в колонну ген. Левашева и приказал последнему объявить жителям селений Анухва, Псырцха и Ешера приказ о выдаче захваченного имущества и активных участников восстания. Здесь повторилось тоже самое, что и в других местах. Тогда было приступлено к обезоружению населения[6].

[1] Телегр. Мирского наместнику Кавказа от 8 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 48.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 130.

[3] Письмо Мирского от 30 августа (ЦГИА, ф. 649, оп. 1 д 409, лл. 60-69) и рапорт от 13 сентября 1866 г. (л. 107 об.) наместнику Кавказа.

[4] Письмо наместника Кавказа от 22 сентября 1866 г. ЦГИА ф. 678, оп.1, 1866 г., д. 610, лл. 39-40.

[5] ЦГИА, ф. 649, оп. 1. д. 230, л. 4.

[6] Там же, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл.60–69.

23 августа кн. Мирский в своей очередной телеграмме на имя наместника сообщал: «Бзыбцы, начали выдавать оружие, но вяло. Придется, вероятно, употребить военную силу. Дал срок до 26. Считаю необходимым обезоуржить постепенно всю Абхазию»[1].

23 же числа в Сухуме высадились 2 батальона из Константиновского, 24 – Севастопольский батальон и казаки прибыли в местности Бамбора, а к 26 ожидалось прибытие отряда Геймана в Гума. Срок для выдачи оружия жителями Анухва Псырцха и Ешера поэтому был назначен на 26 августа в 9 час. утра. В случае неисполнения этого приказа, Мирский грозил «показать пример над этими деревнями и страшно их наказать».

26 августа был отдан приказ об одновременном движении трех колонн: одной – от Гудаут в с. Анухва под командой полк. Разумихина[2], другой – от позиции Левашева под его же командой в с. Псырцха[3]; третьей – от р. Гумиста на с. Ешера подкомандой полк. Мачавариани[4]. Все эти колонны должны были охватывая названные селения, войти между собой в связь. Таким образом Мирский надеялся захватить не только пустые дома но и жителей, или часть из них, тем более, что появление отряда ген. Геймана затрудняло им отступление в горы.

Ген Левашеву, находящемуся на центральной позиции в пункте назначенном для сдачи оружия, было приказано остановить движение колонн, если население исполнит требование о сдаче оружия.

26 августа жители Анухва, Псырцха и Ешера начали сдавать свое оружие, вследствие чего Левашев приостановил движение войск. Впоследствии были посланы в эти селения небольшие колонны, где их встречали только безоружные жители.

Полковник Бибиков со своей стороны сделал с колонной движение к остальным селениям Бзыбского округа до р. Бзыбь. Везде

[1] Там же, л. 55.

[2] Елисаветпольский полк, батальон Ставропольского, батальон Крымского и дивизион горной артиллерии 19 арт. бригады.

[3] 2 батальона Бакинского и 2 батальона Кубанского полков гурийская «милиция», горный взвод гренадерской арт. бригады и стрелковые роты №№ 30 и 31 батальонов.

[4] Батальон Крымского, батальон Ставропольского, сводно-стрелковый батальон, 3 сотни конно-иррегулярного полка, 1- сотен конной и 1 сотня пешей «милиции».

жители не дожидаясь прибытия войск, сносили оружие Гудауты и Пицунду. Однако были люди, которые отказывались сдавать оружие и бежали в лес. Мирский в телеграмме наместнику писал: «Большая часть Бзыбского округа выдали оружие. Немногие ослушники преследуются небольшими командами войск»[1].

Обезоружение Бзыбского округа было закончено 31 августа. Осталось оружие только у пастухов, находившихся с стадами на отдаленных горных пастбищах. Мирскии торжествующе телеграфировал наместнику о том, что обезоружение Бзыбского округа завершено[2]. Однако, несомненно, много еще оружия было скрыто населением.

В последней телеграмме Мирский сообщал, что 2 сентября он приступает к обезоружению Сухумского округа до Кодор а, в Цебельде будут обезоружены селения, прилегающие к Сухумскому округу[3].

Наместник внимательно следил и направлял указанную операцию, категорически требуя строгой решительности и своевременности. В письме Мирскому от 24 августа 1866 г. вел. князь писал, что он искренно радуется по поводу сдачи оружия бзыбцами, выражая надежду, что генерал-губернатор заставит их быстрее исполнять требования начальства. Наместник считал необходимым их «хорошенько постращать» и вообще с ними «покончить раз и навсегда». При этом наместник выражал недовольство Мирскому и требовал объяснения, почему тот в ожидании прибытия новых войск медлит и стремится запять выгодные позиции, прежде чем приступить к карательным мерам; оп находил совершенно достаточным двух десантных отрядов, которыми располагал Мирский и которые уже заняли предполагаемые местности.

Наместник предписывал разоружение, как меру наказания, провести и в других «виновных, деревнях Абхазии. Но для Бзыбского округа выражение наместника «покончить раз и навсегда» предполагало еще: «по отобрании у них (бзыбцев,– Г. Д.) всего оружия применить к ним... сожжение аула и поголовное его выселение в Россию». «Не найдете ли возможным и полезным, – спрашивал наместник, – хотя несколько или даже одну деревню в Соуксу (с. Лых-

[1] ЦГИА. ф. 649, оп. 1, д- 409, л. 70.
[2] Там же, л. 71.
[3] Там же, л. 71.

ны. – Г. Д.) или окрестных немедленно сжечь и отправить в Ростов?» «Убежден, – мотивировал он это свое предложение, – что подобные меры сильнейшим образом подействуют на все абхазское население и заставят их... исполнять наши требования». Наместник на этом не останавливался и считал «полезным» и всех остальных бзыбцев также выселить немедленно в Ставропольскую губернию, что нетрудно будет исполнить с приходом отряда ген. Геймана. Наконец, наместник оговаривался, что все это он пишет как свои мысли, которые еще не предписывает к исполнению, а предлагает на обсуждение. «Что найдете возможным, исполняйте немедленно, на что не решитесь, спишитесь со мною откровенно», – замечал вел. князь[1].

В письме от 30 августа 1866 г. Мирскому наместник выражал свое полное удовлетворение по поводу разоружения Бзыбского округа, кроме «небольшого числа ослушников», и надежду, что эти последние «скоро будут переловлены мелкими командами»[2].

Надо сказать, что на решение бзыбцев сдать оружие без сопротивления определенно повлиял новый начальник округа кн. Чавчавадзе. В письме жителей сел этого округа начальнику Сухумского отдела (в конце 1868 г.) рассказывалось, что выборные от населения лица хотя и согласились на сдачу оружия, но много было еще сомневавшихся, которые говорили, что «несчастное для нас время приблизилось..., если только мы положим оружие, то мы с семействами будем арестованы и будем находиться в самом несчастном положении; к тому же говорили, что начальник (Мирский. – Г. Д.) обещает за это дело предать нас огню», поэтому они и высказали: «иметь при себе оружие». Некоторые с семействами даже собрались на берегу моря. Но в это «самое жаркое время» окружным начальником был назначен Чавчавадзе, который постоянными своими советами уговорил колебавшихся людей снять оружие и сдать[3]. Наиболее «упорствовавшими» были жители сел Анухва, Псырцха и Эшера, приступившие к выдаче оружия только 25 августа[4].

Из Бзыбского округа войска, за исключением трех батальонов 19 дивизии, были переброшены в Сухумский округ по направлению

[1] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л.л. 9–10.
[2] Там же, ф. 678, оп. 1, д. 612, л. 12.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1. (кн. 1), 1866 г., д. 324, л.л. 5–10.
[4] ЦГИА, ф. 649, оп 1, д 409, л.л. 56–58.

к Цебельде. 2 сентября одна колонна была передвинута с Гумисты к Маджарскому посту. Бакинский, Кубанский, Дербентский и Елизаветпольский полки 3 и 4 сентября перешли на позицию у Келасури. Старшинам Сухумского округа также был объявлен приказ о выдаче всего огнестрельного оружия, находящегося у населения. Этот приказ был исполнен к вечеру 5 сентября почти без всякого сопротивления.

Вслед за этим было приступлено к обезоружению той части населения Цебельды, которая принимала участие в восстании, а именно жителей сел Абгалахара, Амхел и Герзеул, всего около 400 дворов. Еще 3 сентября жители Цебельды и Дала, не участвовавшие в восстании, просили Мирского не двигать войска в этот район и предоставить им склонить тех, которые предназначены к обезоружению, исполнить приказ. Согласившись с этим, кн. Мирский остановил войска на позициях у Маджарского поста и Келасури. Отряд ген. Геймана во всё это время, с 27 августа, оставался на Гумистинской позиции, «весьма выгодной в военном отношении». С этого пункта он угрожал населению Бзыбского и Сухумского округов и Цебельды. Мирский отмечал, что появление этого отряда «более всего содействовало успешному окончанию дел в Абхазии».

7 сентября Мирский телеграфировал наместнику из Сухума, что обезоружение пятисот дворов цебельдинцев кончается без препятствий; отпущена 39 дивизия; отряд ген. Геймана и войска Кубанской области, кроме двух батальонов и двух орудий, также отпускаются; болезненность и холерные случаи увеличились[1].

7 сентября цебельдинский пристав капитан Шавров прибыл в Сухум с донесением, что села Абгалахара, Амхел и Герзеул также выдали оружие.

Наместник Кавказа в тот же день из Кутаиса телеграфировал ген. Карцову, что обезоружение Сухумского округа уже исполнено; ожидается тоже самое в Цебельде через посредство Алмахсита Маршания; отряд надо пододвинуть к Келасури «на всякий случай»[2].

Согласно общей ведомости о количестве конфискованного огнестрельного оружия, было отобрано всего: 5.667 ружей, 670 пистолетов; из них в окружных управлениях было оставлено: 492 ружья и 3 пистолета. Конфискация оружия была произведена по 63 селам[1].

[1] Там же, л. 72.
[2] ЦГИА, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 91.

Восстание крестьян было подавлено с помощью князей и дворян. Многие из них принимали активное участие в карательных действиях царских войск против крестьянского населения. В составе этих войск находились феодальные ополчения, так наз. «милиция» из Абжуйского и Сухумского округов, Самурзаканского и Цебельдинского приставств. Наместник Кавказа в письме императору от 21 августа особо отмечал, что абжуйский князь Григорий Шервашидзе явился с двумя сотнями «милиции». Писал также о заслугах дальского князя Алмахсита Маршания. Последний «изъявил готовность со своей милицией явиться к кн. Мирскому и деятельно содействовать войскам в поимке виновников»[2]. В Цебельде была собрана «милиция» Хирипсом Маршания. Причем, семейства членов «милиции» также были освобождены от сдачи оружия. Многие из феодалов были награждены орденами и медалями, чинами и деньгами за их активное участие в подавлении восстания. Так, штабс-ротмистр кн. Бахва Эмухвари получил орден Станислава 3 ст. с мечами и бантом[3], кн. Толупар Анчабадзе был произведен в прапорщики[4]. Акапский князь юнкер Чапияк Маршания доставил письмо Святополк-Мирского Г. М. Шервашидзе и привел в Сухум 4 старшин для переговоров; затем был назначен к ген. Левашеву в с. Псырцха и «исполнял в точности и с усердием все его поручения, за что награжден медалью», – как констатировал сам Ч. Маршания[5]. Дворянам Таго Маргания, Махмуду Лакрба, Зафасу Багба, Бзо Папба и др. были выданы денежные подарки «за содействие, оказанное ими при поимке абреков»[6]. В архивных документах встречаются имена и других абхазских феодалов, которые отличились в «походе» и «делах» 1866 г., как, например, дворянин Соломон Лакрба[7]. Всячески способствовали и многие старшины. Они также выдавали активных участников восстания, помогали в их розыске и аресте.

[1] Там же, л.л. 296–299, 302–314.
[2] Там же, ф. 678, оп. 1, 1866 р., д. 610, лл. 34–37.
[3] ГАКК. Приказы по Кавказ, воен. окр. за 1866 г., инв. 1630.
[4] Там же, инв. 1629.
[5] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1965 г., д. 180, л. 289.
[6] Там же, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 221.
[7] ЦГИАГ, ф. 955, д. 8, л. 18.

Вслед за окончанием обезоружения на указанной территории жителям остальных районов Абхазии до Ингура также было категорически запрещено носить огнестрельное оружие, исключая тех случаев, когда это дозволялось местным начальством. Управляющему Мегрелией было предложено воспретить появляться оттуда с оружием в пределы Абхазии, в противном случае виновников подвергать аресту[1]. Надо заметить, что кн. Мирский считал необходимым постепенно обезоружить вообще всю Абхазию. Но это мнение не было одобрено наместником, считавшим несправедливым такое наказание по отношению к тем, которые не принимали участия в восстании. Однако дело было не в «справедливости». Немного ниже вел. князь признавался: «Опасаюсь, что они найдут это вопиющею несправедливостью и окажут сопротивление»[2]. (Подчеркнуто мною. – Г. Д.).

Наместник писал Александру II, что в Абхазии «все кончено». Он дал себе полную волю для безмерного самохвальства. «Достигнутый результат, – говорил наместник, – еще небывалый на Кавказе: два округа – Бзыбский и Сухумский по р. Кодор и более 400 дворов в Цебельде безпрекословно сложили все огнестрельное оружие... Все это исполнено без выстрела и кровопролития, и войска служили только угрозой»[3]. В телеграмме от 30 августа 1866 г. Александр II отвечал: «Радуюсь лучшими известиями из Абхазии»[4].

С первого сентября, вслед за обезоружением Бзыбского округа, как уже отмечалось, было приступлено к роспуску войск из так называемого «Абхазского отряда», насколько это позволяли морские и сухопутные перевозочные средства. План порядка эвакуации, войск был одобрен наместником, что видно из его писем Мирскому от 30 августа 1866 г.6 и Александру II от 22 сетнября 1866 г.[5] Сперва была отпущена «милиция», затем – 37 линейный батальон и 30, 31, 32 роты. Части 39-ой пехотной дивизии выступили из Келасури в Мегрелию двумя эшелонами 6 и 7 сентября. Генералу Гейману, за отсутствием, кн. Мирского, было поручено как можно поспешно отправить в Кубанскую область, частью морем и частью сухим путем, войска его отряда, а также 39 пехотную дивизию (начальник ген. Тархан-Моуравов).

[1] Предписание Мирского и. д нач-ка Сухумского отдела от 9 сентября 1866 г. ЦГИАГ, ф 545, оп. 1. (кн. 2), 1866 г., д. 2734, л. 129.

[2] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л. 9 об.

[3] Там же, Ф. 578, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 39–40.

[4] Там же, ф. Зимн. дворца, 1862 г., д. 2732/А, л. 236.

[5] Там же, ф. 678, оп. 1, д. 612, л. 12.

Временно в Абхазии были оставлены, кроме местных гарнизонов (4 линейных батальона), два батальона 19 пехотной дивизии, взвод горных орудий, две сотни казаков. О назначении этих войск Мирский писал, что они «будут там полезны до окончания суда над главными виновниками и поимки беглецов». По подсчетам ген. Геймана, движение войск стоило казне 500 тыс. рублей[1].

Рассматривая действия войск в Абхазии как серьезную военную операцию и придавая исключительно важное значение подавлению восстания, царское правительство щедро наградило многих чинов регулярных и иррегулярных войск теми или иными знаками отличия, повышением в чинах и денежными наградами[2]. Приказом наместника по Кавказскому военному округу от 13 августа 1866 г. «за особое отличие, оказанное... при обороне гор. Сухума 27, 28, 29 и 30 июля, а также и в других делах и перестрелках, бывших во время абхазского возмущения», было награждено 24 человека[3].

Кроме того, наместник в приказе по Кавказской армии от 17 сентября 1866 г. объявил благодарность 7 лицам из высшего командного состава, а также войскам Сухумского гарнизона и другим частям и всем чинам Черноморской флотилии, участвовавшим в подавления восстания. Кутаисский генерал- губернатор кн. Мирский заслужил также «царскую милость». «Прежде всего, – писал наместник Кавказа Мирскому по этому поводу (14 ноября 1866 г.), – поздравляю вас, любезный Дмитрий Иванович, с царской милостью. Я счастлив, что государь император уважил мое ходатайство, наградив вас достойно вашим заслугам, особенно в отношении блистательной развязки абхазского возмущения»[4].

[1] Письмо ген. Геймана гр. Евдокимову от 20 октября 1866 г., ЦГВИА. ф. ВУА, 3 856 г., д. 6696, л. 326 об.

[2] См. рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., л.л. 11]–112; «Кубанские ведомости», 15 октября 1866 г., л. 41; «Кавказ», 1866 г. №68.

[3] ГАКК. Приказы по Кавказ. воен. округу за 1866 г., инв. № 1624; в книге Т. Т. Стефанова «Михайловский крепостной пехотный батальон», в прилож. XXXII, дается список лиц (7 чел.) из Михайловского батальона, награжденных за участие в подавлении восстания 1866 г. в Абхазии.

[4] Приказы по Кавказ. воен. округу за 1866 г. ГАКК, инв. № 1630.

Приказом кутаисского генерал-губернатора от 9 августа 1866 г., с целью выявления как казенного, так и частного имущества, захваченного и погибшего во время штурма Сухума, были учреждены две комиссии. Первая комиссия–под председательством сухумского коменданта подполк. Павлова для «приведения в известность утрат казенных»; членами ее были назначены кап. Купрюхин (линейный батальон № 35), кап. Сосновский и инженер штабс-кап. Степанов (линейный батальон № 37). На вторую комиссию было возложено определить потери частных лиц, а также принимать имущество для передачи их владельцам[1]. Ее возглавлял командир линейного № 34 батальона подполк. Завадский; членами являлись управляющ. таможенной конторой Быков, чиновник Извеков и архитектор Войнков[2].

В Сухуме по приказу наместника Кавказа были учреждены две следственных комиссии. Одна из них – «для раскрытия» участников восстания и определения степени их виновности, после чего «главнейшие зачинщики» должны были быть преданы полевому суду и повешены. В состав этой комиссии, действовавшей с 31 августа по 19 октября 1866 г., входили: капитан-лейтенант Корганов (председатель), капитан Кавказского линейного батальона Капашевич, штабс-капитан № 34 батальона Копиболоцкий и аудитор того же батальона коллежский секретарь Трескинский (делопроизводитель). Для «усиления действий комиссии» приказом и. д. начальника Сухумского отдела ген.-м. Толстого от 22 сентября были включены в качестве членов комиссии поручики № 34 батальона Латт и № 36 батальона Гейдушен.

Вторая («особая») комиссия, работавшая с 5 августа по 11 октября 1866 г., имела своей задачей произвести административное

[1] Согласно ведомостям потерь военных лиц, а также гражданских чиновников и пр., было заявлено убытков на 95.603 руб. 25 коп.: определено вознаграждение на 61.487 руб. 87 коп. Жена полк. Коньяра получила в виде единовременного вознаграждения 2.774 руб.

Согласно «списку лицам, пострадавшим от потерь, понесенных во время абхазского возмущения в 1866 году в домах, в которых были абхазцы», показано потерь – 149.393 р. 62 к: определено комиссией – 102.049 р. 68 коп.: выдано пособия – 100 руб. (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1867 г., д. 2801, л.л. 47 – 92 об.).

Управляющий имением кн. Г. Д. Шервашидзе представил комиссии ведомость на сумму 1.225 руб. 50 коп. серебром (ЦГИАЛ, ф. 1110, оп. 1, 1866 г., д. 24, л.л. 2 об.– 3).

[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1867 г., д. 2801, л. 21.

расследование причин восстания, а также выяснение поведения и действий семейства кн. Шервашидзе[1]. Наместник Кавказа в своем письме Александру II от 22 сентября 1866 г. заявлял, что груд этой комиссии считает «весьма важным: она должна выяснить поводы неудовольствий абхазцев и указать ошибки, сделанные как местною властью, так и центральною, и тем послужить для нас уроком для будущих действий».

В состав второй комиссии входили помощник начальника Кавказского горского управления полк. Павлов (председатель) и правитель военной канцелярии кутаисского генерал-губернатора полк. гр. Кутаисов. Вел. князь писал Мирскому (24 августа 1866 г.): «Знаю, что Кутаисов занят теперь очень, но делать нечего, считаю обязанность, возложенную на комиссию, столь важною, что причины неудобства должны исчезнуть»[2].

Непосредственные распоряжения «для окончательного и прочного установления порядка» в Абхазии Мирский возложил на вновь назначенного начальника Сухумского отдела ген. Толстого, который, вместе с тем, был включен в комиссию Павлова.

Мирский в своем рапорте наместнику от 15 сентября 1866 г. сообщал, что «из главных виновных, указываемых общественной молвой, к 9 сентября 8 человек находились в бегах. Приняты всевозможные меры к их поимке. Остальные или уже арестованы, или подвергаются беспрепятственно аресту, постепенно, по мере обнаружения их виновности».

Следственная комиссия опросила большое количество людей. Как уже говорилось, в списке лиц, проходивших в следственном деле в качестве зачинщиков восстания, большинство составляли крестьяне, многие из которых были признаны главными инициаторами. Князья и дворяне намеренно выдавали участников восстания из крестьян.

В августе 1866 г. активные участники восстания, признанные «важными преступниками», крестьяне Науруз Шакрыл и Мсоуст Пи-

[1] См. письмо наместника Кавказа Александру II от 22 сентября. 1866 г., а также: рапорт и. д. нач. Сухум. отдела ген. Толстого Мирскому от 24 сентября 1866 г.; отношен, нач. Кавказ, гор. управления нач-ку штаба Кавказ. воен. округа от 17 декабря 1866 г.„ тоже интенданту Кавказ. воен. округа от 24 марта 1867 г. (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л.л. 274, 316 об., 323).

[2] ЦГИА, ф. 649, оп.], д. 230, л.л. 9 об. – 10.

лия и князь Учан Дзапш-ипа были отправлены в Тифлис, в Метехский замок, куда они были доставлены из Кутаиса 23 августа. И. д. тифлисского коменданта в своем отношении начальнику Кавказского горского управления от 26 августа 1866 г. сообщал, что названные лица помещены в Метехский замок, каждый в отдельной камере, для содержания под арестом, «сделано распоряжение иметь за ними строгий и внимательный надзор и не дозволять им между собою и ни с кем посторонним переговаривать и переписываться»[1].

Вместе с этими лицами в Тифлис был отправлен и кн. Александр Шервашидзе, выселение которого из Абхазии также было признано необходимым[2]. Характерно, что в официальной переписке говорилось по этому поводу: «Сейчас отправляются к вам (полк. Старосельскому. – Г. Д.) с особым офицером важные преступники и Александр Шервашидзе»[3]. Характерно было и то, что Ал. Шервашидзе, до 17 октября 1866 г. находившийся под надзором полиции, а затем под арестом в Метехском замке, содержался в особой комнате и имел хорошее суточное содержание; семье же его было назначено 250 руб. в месяц[4].

Полевому суду было предано 15 человек[5]. В начале декабря 1866 г. в Сухуме, на берегу моря, за крепостью, на глазах тысяч людей[6], были повешены крестьяне Ханашв Калги (Ҳанашә Калҟы) и Какучал-ипа и дворянин Казилбек Маргания, которые, как говорилось в приказе по Кавказскому военному округу от 5 апреля 1867 г., «по произведенному по полевым уголовным законам военному суду над жителями, виновными в возмущении и убийствах, совершенных абхазцами 26-го июля 1866 г., более других оказались виновными»[7].

Из Абхазии было выселено 30 человек участников восстания[8]. Из одного документа, датированного 24 октября 1866 г., узнаем, что в Новороссийск было отправлено под стражей 12 душ, но ввиду отсутствия там соответствующего помещения и денег на их содержание, они были переведены в Ставрополь[1]. Среди них были крестьянин из с. Аацы Б. Отырба, Куджба, Ширинбей Маршания. В телеграмме полк. Старосельского в Екатеринодар полк. Пиленко от 26 октября 1866 г. говорится: «Содержать там (в Ставрополе. – Г. Д.): мужчин на гауптвахте арестованными, женщин, детей, прислугу под надзором. Содержание по положению»[2]. Многие из высланных, преимущественно крестьян, были отправлены в Сибирь. Таким образом, репрессивные меры против участников восстания были проведены с классовых позиций.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 53.
[2] Там же, л. 89.
[3] Там же, л.л. 43 и 47.
[4] Там же, л.л. 48–50, 204, 229.
[5] ЦГИА, ф. 649, оп. 1,. д. 409, л. 80.
[6] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. С. 190.
[7] «Кавказ», 30 апреля 1867 г., № 188.
[8] Письмо наместника Кавказа Александру II от 9 января 1867 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 611, л. 2 об.

* * *

Чем объяснить тот факт, что восстание, которое так сильно встревожило царское правительство, прекратилось почти внезапно? Почему крестьяне, которые так храбро дрались с регулярными войсками, прекратили вооруженное сопротивление фактически после неудачного штурма Сухума? Наконец, чем было обусловлено то явление, что разоружение населения произошло без каких-либо серьезных столкновений, а расстрел и выселение нескольких лиц из активных участников восстания также не вызвали почти никаких протестов? Правильные ответы на эти вопросы могут иметь важное значение для выяснения причин поражения и характера восстания 1866 г.

Сопротивление повстанцев царским войскам было вполне возможно в августе 1866 г., при тех условиях, в которых находились восставшие. Их было значительное число, и они обладали достаточным количеством оружия. Как мы видели, население выдало властям более 6.300 ружей и пистолетов. Надо полагать, что у него оставалось еще большое количество оружия, скрытого им. Повстанческие массы, при желании, могли хорошо использовать и то преимущество в стратегическом от- .ношении, которое представлял им край: леса, горы, ущелья и пр. Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г. подчеркивал, что в Абхазии такая местность, что, несмотря ни на какую численность войск, при военных действиях нельзя рассчитывать на верный и постоянный успех. «Опыт доказал

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 207.
[2] Там же, л. 208.

мне, что такое для наших войск лес при отчаянном неприятеле. Во всяком случае, неизбежна большая потеря»[1].

Учитывая именно все это, царские генералы мало надеялись на скорую ликвидацию восстания. Мирского обвиняли в нерешительности и в незнании края. На самом же деле поведение Мирского было обусловлено как раз неплохим знанием Абхазии. Он медлил, чтобы создать огромное военное преимущество. И он действительно создал большой вооружённый кулак. Войска и вооружение, сосредоточенные в то время в Абхазии, как мы видели, достигали внушительных размеров. Край очутился в кольце, все горные входы и выходы были закрыты, берег охранялся военными судами.

Таким образом, крестьяне боролись храбро, их было достаточно много, они были вооружены, природные условия благоприятствовали им для продолжения борьбы. Но у них не было твердого руководства и необходимой организованности. Состав повстанческой массы был неоднородным. Классовые стремления отдельных участников движения чем дальше, тем больше расходились.

Ни Георгия Шервашидзе, ни дядю его Александра Шервашидзе нельзя считать руководителями восстания 1866 г. Георгий Шервашидзе впоследствии по своим социально-политическим взглядам примыкал к либерально-дворянской интеллигенции, возглавлявшейся в Грузии писателем И. Чавчавадзе. Ни в 1866 г., ни впоследствии Г. Шервашидзе не был сторонником вооруженного выступления против царского самодержавия[2]. В этом отношении характерен разговор между Георгием и Александром Шервашидзе 26 июля 1866 г., после убийства Коньяра. В местности Ажарыца Александр подошел к задумчиво стоявшему Георгию и, оправдывая себя, сказал: «Может быть, ты думаешь, что я виновник этого дела; уверяю тебя, что никакого заговора не было»[3]. Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г. писал: «Может, он (Георгий. – Г.Д.) иногда говорит неосторожно и недовольно твердо отказался, когда ему твердили о восстановлении владельческих прав, но сам он ничего дурного не делал и не помышлял»[4].

[1] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37–44.

[2] См. С. Джанашия. Указ. соч. вып. III, Тбилиси, 1939.

[3] Записка нач. Кавказ, горек, управл. от 16 января 1867 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 247, л.л. 6–10.

[4] ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37–44.

Наместник Кавказа в письме Александру II от 21 августа 1866г. сообщал: «Поведение моего адъютанта кн. Георгия Шервашидзе почти выяснилось: кн. Мирский совершенно убежден в его невинности и незнании о готовившемся возмущении. Еще в начале лета, когда мой Трубецкой был в Абхазии, Георгий говорил ему, что желал бы поскорее уехать, ибо, видя столько около себя интриг, опасался, чтобы его как-нибудь не очернили и не опутали»[1]. Наместник Кавказа считал совершенно доказанным, что Георгий Шервашидзе во время восстания случайно оказался в Сухуме[2] и «также случайно, единственно вследствие требования полк. Коньяра, попал в с. Лыхны»[3]. Об этом же писал Мирский в письме наместнику от 6 августа 1866 г. Более подробно разъясняя это обстоятельство, наместник говорил, что когда полк. Коньяр в последний раз отправлялся в Лыхны, то он пожелал взять с собой князей Георгия и Александра Шервашидзе, надеясь их «присутствием успешнее воздействовать» на население. «Но Георгий не хотел ехать, и потребовал даже предписания от Коньяра, и только убеждения покойного заставили его отправиться. Наконец, будучи в плену, он постоянно писал и умолял, чтобы его выручили»[4].

Далее наместник подчеркивал, что во время восстания Георгию было всего только 19 лет[5], что «критиковать весьма легко, но, поставив себя в то крайне критическое и опасное положение, в ко-

[1] Там же, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 34–37.

[2] Г. Шервашидзе, состоявший адъютантом при наместнике Кавказа, последним был отпущен в Абхазию в июне 1866 г. на некоторое время в связи с похоронами его отца, Михаила Шервашидзе.

[3] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 171–178.

[4] Святополк-Мирский в телеграмме на имя наместника Кавказа от 30 июля 1866 г. сообщал, что получил письмо от Георгия Шервашидзе. «говорит, что в плену, и просит спасти, кажется, искренно». (ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л 28). В следственном деле также указывается, что Георгий это письмо написал после выступления в Лыхны, в доме дворянина Джигва Лакрба (с. Дурипш), и послал его кн. Мирскому через переводчика Г. Ткецишвили (л. 254 об.). Об этом свидетельствует и Г. Ткецишвили в своем «Показании»: «Князь Георгии Шервашидзе, узнав, что мы спасены, прислал мне секретно бумагу и просил скорее отправиться в Сухум и доставить ее кутаисскому генерал-губернатору князю Святополк-Мирскому... Бумагу от князя Георгия Шервашидзе генерал-адъютанту князю Святополк-Мирскому я передал полковнику фон Кульману в Сухуме» (л. 47).

[5] Г. М. Шервашидзе родился в 1846 г., умер в 1918 г.

тором находились все бывшие с Коньяром, трудно решить, как сам бы поступил в этом случае!».

В третьем пункте заключений, в своем отношении Д. А. Милютину, наместник писал, что во время последовавших событий (с 25 июля по 5 августа) Георгий оказался «пассивным орудием» в руках представителей феодальной оппозиции («державших его под постоянным надзором и водивших его с собою везде, где был нм нужен»). Но при том «ни разу даже не попытался образумить» восставших. «Есть основание верить тому, продолжал наместник, – что кн. Георгий думал неоднократно покинуть мятежников и выйти в Сухум[1], но не рискнул, однако, и в этом случае, несмотря на близость расстояния, ни одной попыткой почти до совершенного прекращения волнения. Нет никакого сомнения, что поведение кн. Георгия в глазах населения приняло тот вид, который пожелали придать ему лица, руководившие этим делом, и что в народном сознании он являлся в настоящем случае вполне сочувствующим возмущению, в видах мести за удаление отца его. Обстоятельство это, придающее особенное значение виновности князя Георгия в смысле политического влияния и последствий присутствования его в рядах мятежников, не должно, однако, по мнению моему, служить причиной к увеличению обвинения по одному тому, что при полном упадке нравственных сил и при врожденной ему неспособности противиться влиянию окружающих его лиц, какого бы рода влияние это ни было, его нельзя признавать в полной мере ответственным за свои действия».

Наместник, а также кн. Мирский, пребывание в лагере повстанцев Георгия Шервашидзе, кстати, о чем писал и сам Г. Шервашидзе, рассматривали как вынужденное, как плен, а явку его к властям, что последовало сейчас же после поражения восстания, как освобождение из этого плена[2]. О последнем факте мы имеем следующее свидетельство полковника Давыдова: кн. Мирский, желая «спасти

[1] В следственном деле сообщается такой факт. На рассвете 30 июля 1866 г., перед началом последнего наступления повстанцев на Сухум, кн. Георгий Шервашидзе заявил: «Меня поставили в такое положение, что я не могу явиться к русским (царским властям. – Г. Д.), которые меня вскормили и воспитали, предпочитаю себе смерть» (л. 258 об.).

[2] См., напр., письмо вел. кн. Михаила Николаевича воен. министру Д. А. Милютину от 19 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 28–30.

Георгия Шервашидзе, попавшего, по-видимому, против своего желания» в восстание, послал к последнему «доверенное лицо»; ночью он явился в Сухум, в крепость[1]. Наконец, в упомянутом выше письме Александру II наместник сообщал: «Теперь Георгий умолял дать ему случай кровью смыть лежащее на нем пятно, на что я охотно согласился; он назначен в отряд г.-м. Левашева, который высадился у р. Псырт» (Псырцха – Г. Д.)[2]. Однако, ничего неизвестно о деятельности Георгия в составе названного отряда.

Насколько была незначительна степень вины кн. Георгия Шервашидзе перед правительством, показывает еще тот факт, что по отношению к нему наместник Кавказа считал возможным ограничиться переводом его на службу в войска Оренбургского военного округа, предоставив ему, если пожелает, выйти в отставку, но, во всяком случае, без права возвращения на Кавказ[3]. Таким образом, наместник предлагал не исключать кн. Георгия из армии и даже не понижать в чине, а лишь перевести его в указанное место в том же чине[4]. Так писал человек, который не любил и преследовал впоследствии Г. Шервашидзе[5], об ограниченности роли последнего в восстании 1866 г.

Ни в упомянутых, ни в других официальных документах нет никаких указаний насчет каких-либо попыток со стороны Г. Шервашидзе установить связи с Турцией или стремления его бежать туда. Если в этом роде выяснилось бы хоть что-нибудь, то, разумеется, правительство этого не простило бы кн. Георгию. Правда, некоторые лица сообщали следственной комиссии «факты», компрометировавшие Г. Шервашидзе в этом отношении[6]. Но дело, очевидно, в

[1] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 190.

[2] Речь идет о высадке десантного отряда ген. Левашева у Псырцха уже после прекращения восстания, 16 августа 1866, г.

3 ЦГВИА. ф. 400, оп. 258/908, аз. ч-, 1866 г., д. 54, л.л. 171–178.

Это мнение вел. князя Михаила Николаевича было утверждено Александром И в апреле 1867 г. (ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч-, 1866 г., д. 54, л. 217 об.).

[4] Утверждение Александра II об отчислении кн. Г. Шервашидзе от должности адъютанта наместника Кавказа «с оставлением по армейской пехоте тем же чином» последовало в первой половине сентября 1866 г. (ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 52-53.

[5] Акад. С. Н. Джанашиа писал: «Михаил Николаевич в лице Георгия Шервашидзе видел природного врага. К этому присоединились антипатии личного характера в семье великого князя по отношению к Шервашидзе» («Сб. Руставели. К 750-летию «Вепхисткаосани». – С. 200).

[6] См. «Из следствен, дела».

том, что авторами этих «показаний» являлись некоторые представители протурецких элементов дворянской оппозиции[1], и делалось ими это, понятно, с той целью, чтобы облегчить свою участь за счет Георгия Шервашидзе.

Молодой Георгий Шервашидзе помимо его воли был провозглашен «владетелем» и «главой восстания». Нельзя не признать справедливым по отношению к кн. Георгию следующее место «Объяснительной записки» князей Шервашидзе: «...Ежели князья Шервашидзе, офицеры русской службы, обвинялись в подстрекательстве к восстанию, или участии в нем, то они без всякого колебания должны были быть преданы военному суду, который приговорил бы их, по всей вероятности, к расстрелу, или при особом снисхождении, – к разжалованию в рядовые»[2].

Что же касается кн. Александра Шервашидзе, то в его поведении вообще нет почти ничего неясного. Это был яркий представитель реакционной феодальной верхушки, мечтавший о восстановлении былых порядков в Абхазии и действовавший активно в этом направлении. Он, несомненно, был причастен к дворянскому заговору, возникшему еще до восстания, и являлся одним из проводников линии феодальной оппозиции в самом восстании. Кн. Александр проявил активность в том и в другом случае, хотя он, подобно Георгию, 26 июля случайно оказался в сел. Лыхны. В частности, стремясь использовать начавшееся движение исключительно в интересах своего класса, он старался увлечь повстанцев на этот путь, сбивая их с противоположного – антифеодального. Кроме того, как чувствуется на основании некоторых документов, кн. Александр, по-видимому, был не прочь прибегнуть для этой цели к помощи султанской Турции. Между прочим, его поведение в период оккупации побережья Абхазии турками во время Крымской войны, когда он никуда не уезжал из края, было подозрительным, если не больше этого[3].

[1] Князь Гыд Инал-ипа, князья Маршания, дворяне Маргания дворянин Джигва Лакрба и др.

[2] Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет, князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. – С. 91–92.

[3] Баграиион-Мухранский, которому было поручено расследовать поведение в те годы Ал. Шервашидзе в Абхазии, доносил ген. Реаду, что Ал. Шервашидзе,

В записке, составленной следственной комиссией, по поводу обвинений, предъявленных кн. Александру Шервашидзе, говорится: «Обвинения эти принимают характер большой определенности и достоверности»[1]. Наместник Кавказа, сопоставляя роль Георгия с ролью Александра в восстании 1866г., писал, что последний всегда был известен как человек слабого характера и ограниченного ума; «я нахожу, что по летам и по характеру поведения своего во время восстания он гораздо менее может иметь права на какое-либо извинение. Исследование всех действий его убеждает, что действия эти, если и не были сознательно соображены и взвешены с могущими произойти от них последствиями, то все-таки были произвольными и не являлись исключительным результатом чужого влияния»[2]). Александр Шервашидзе, имевший чин подполковника и числившийся по армейской пехоте, был исключен из службы[3]. Следовательно, политические убеждения Ал. Шервашидзе настолько не вызывали опасения, что правительство не сочло нужным применить к нему более строгих мер.

Не могли быть действительными руководителями движения и два брата Маргания и другие феодалы, которые принимали участие в восстании и впоследствии за это были подвергнуты правительством различным репрессивным мерам. Представители дворянства, бывшие по той или иной причине недовольными новым управлением, ждали, когда назреет открытое выступление крестьянской массы против царской администрации, чтобы, воспользовавшись этим движением, приступить к осуществлению своих планов. В крайнем случае, они надеялись, что русская администрация будет вынуждена сама расширить их права.

Часть местных феодалов определенно надеялась на поддержку внешних сил. Однако расчеты на эту поддержку не оправдались. Общеполитическая ситуация была такой, что правящие круги Турции, Англии и Франции не могли открыто вмешиваться в события, происходившие в Абхазии. Кроме того, от-

облеченный в звание паши, приняв управление Абхазией, действует как «человек, движимый собственным убеждением». (ЦГВИА, ф. 482, д. 110, л. 155 об).

[1] ЦГИАГ. ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 247, л. 6–10.

[2] Отнош. главнокомандующего Кавказской армией военному министру от 23/28 февраля 1867 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 171–178.

[3] Там же.

ношение крестьянских масс к такого рода вмешательству было отрицательным.

Многие же помещики в движение были втянуты совершенно случайно, а некоторые – по принуждению. Эти лица при первой возможности, в особенности после неудачи штурма Сухума, открыто изменили и приняли, наравне с другими феодалами, участие в подавлении восстания регулярными войсками, а до этого кое-кто из них вел подрывную работу. Оставшихся же до конца верными движению попутчиков из дворян было мало. Причем, часть из них продолжала сопротивляться только потому, что не рассчитывала на примирение с правительством. Феодальные группировки, участвовавшие в движении, не только не могли выделить авторитетного руководителя, который бы мог возглавить восстание в целом, но вообще не могли объединить массы, выступая за чуждые последним интересы. Как только феодалы открыто перед крестьянами объявили о своих подлинных целях, восстание пошло на убыль.

Однако крестьяне также не смогли выдвинуть из своей среды твердых, признанных руководителей, последовательно руководивших их борьбой.

Нам известны имена отдельных крестьян, игравших активную роль в восстании 1866 г. Из всех 21 человека, проходивших в следственном деле как «виновники лыхненского события», 12 являлись крестьянами, часть из которых были признаны главными инициаторами восстания. Именно крестьяне Гыдж Отырба, Шбук Дзган-ипа, Ханашв Калги, Какучал-ипа и др. одними из первых начали «волновать массу и стрелять». Последние двое были среди трех расстрелянных в Сухуме за подавлением восстания, как «более других виновные». К сожалению, имена крестьян героев штурма Сухума наши документы не сохранили. Следственное дело почему-то ограничивается лишь участниками лыхненских событий, хотя оно и охватывает весь период борьбы, в том числе и штурм Сухума. Наши устные источники (воспоминания и фольклор), подчеркивая провокационную деятельность дворянства, в качестве инициаторов и героев событий выдвигают представителей крестьянства; популярны имена, например, Кайнагу и Петра Мачич-ипа (Кобахия), Гыджа Отырба и Коблуха Аджба. В следственном деле и в других документах особенно отличившимися характеризуются, кроме названных выше, крестьяне Лаз Асадзба, Зафас Чанба, Гуд Дбар, Науруз Шакрыл, Мсоуст Пилия и др. Многие из них были арестованы и сосланы, а Шакрыл и Пилия были в числе трех, заключенных в Метехском замке в Тифлисе. Вообще среди репрессированных после подавления восстания крестьяне составляли абсолютное большинство.

В тех органах, которые возникали в ходе восстания, крестьяне преобладали. Так, в Совете четырех, избранном, невидимому, в период штурма Сухума с определенными функциями, трое были крестьяне-анхаю. Все 6 или 8 депутатов во главе с О. Шамба, выбранные населением для ведения переговоров с полк. Коньяром в с. Лыхны, являлись крестьянами. Выдвигая собственных руководителей из своей среды, крестьяне, однако, не сумели дать тогда общепризнанных руководителей, способных по-настоящему возглавить движение. Безусловно, весьма деятельным и авторитетным был Осман Шамба, но дальше 26 июля, т. е. после события в с. Лыхны, мы его почти не встречаем[1]. Тогда же обрывается и роль Х. Калги, Г. Отырба, Какучал-ипа и др. До конца же действуют К Хагба и З. Гунба, но они, как видно, не отличались особой решительностью. Повидимому, большую роль играли в ходе восстания Пилия и Шакрыл, однако мы знаем только то, что они были заключены в Метехский замок, как «опасные преступники».

Говоря об участниках восстания, необходимо также еще раз подчеркнуть, что основную массу и решающую силу на всех этапах движения составляло крестьянство в целом. К сожалению, у нас нет точных данных об общем количестве участников восстания. Русский генеральный консул в Трапезунде А. Мошнин сообщал, что число повстанцев считают до 15 тыс. человек[2]. Эта цифра почти согласуется с сообщениями стариков современников: 15–20 тыс. человек.

---

[1] За исключением одного случая, когда О. Шамба в 1869 г. выступает в качестве депутата, члена словесного суда Пицундского округа по делу звандрипшских анхаю Чкок. Между поколениями этой фамилии и дворянами Званба сначала XIX в. происходила борьба; последние стремились подчинить себе первых, а те решительно выступали против подобной попытки. Борьба закончилась, наконец, перед самой крестьянской реформой, в конце 1869 г., когда указанный суд определил: «Анхаве Согума, Мазлоу и Тыгва Чкоковых от всякого дальнейшего притязания со стороны дворян Званбаевых освободить навсегда и последним в домогательстве их отказать». (ЦГАА. ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 182).

[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 50–51.

Ясно, что такую массу могли составить лишь крестьяне, так как, по данным Сухумской сословно-поземельной комиссии, на принадлежность к привилегированному сословию во время реформы претендовало по всей Абхазии всего лишь до 4 тыс. душ обоего пола[1]. В ведомости о количестве огнестрельного оружия, конфискованного после поражения восстания у населения, в количестве 6.337 штук, значатся, в основном, крестьянские фамилии[2]. Мирский также подчеркивал, что именно крестьяне представляли основную повстанческую массу. Ставя вопрос о восстановлении разрушенных гарнизонных и таможенных постов, Мирский указывал, что эту работу следовало бы возложить на «взбунтовавшееся народонаселение, но оно находится в таком состоянии бедности, что это, вероятно, для него невозможно». Имелась в виду, конечно, крестьянская масса[3].

К следственному делу приложен список «предводителей партии», участвовавших в штурме Сухума (около 80 чел); среди них, судя по фамилиям, преобладали князья и дворяне. Этот факт легко может ввести в заблуждение, если не учесть того обстоятельства, что в данном случае слово «предводитель» вовсе не означало руководитель или командующий. Здесь речь шла вообще о владельце («покровителе») того или иного села или местности, который мог и не участвовать, а многие действительно не принимали никакого участия в штурме Сухума. Более того, в списке значатся и лица, выступавшие на стороне царских войск, участвовавших в подавлении восстания[4].

Площадь непосредственного распространения восстания охватывала всю Бзыбскую Абхазию, Цебельду и часть Сухумского округа. Остальная часть Сухумского округа и Абжуйская Абхазия были «в большом волнении, но открыто не восстали[5]. Однако некоторые крестьяне из последней приняли активное участие в движении 1866 г. Согласно списку «предводителей партии» («огней»), приложенному к следственному делу, в штурме Сухума всего участвовали жители 31 селения.

[1] ССКГ, III. – С. 6

[2] ЦГИАГ, ф. 545-, оп 1, (кн 2), 1866 г., д. 2784, л.л. 296–299, 302 – 314.

[3] Там же, л. 127 об.

[4] Из следственного дела, л. 79.

[5] Письмо Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 1 августа 1866 г., ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 20–23.

● ГЛАВА ПЯТАЯ ●

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОССТАНИЯ

1

Еще не закончилось разоружение населения, как царское правительство поспешно принялось за «административное устройство» Абхазии, за усиление административно-полицейского аппарата. Военный министр Д. А. Милютин в своем отношении управляющему делами Кавказского комитета 3 августа 1866 г. писал, что «настоящую необходимость немедленного введения окончательной организации» в Сухумском отделе Александр II считает «ввиду последних событий в Абхазии», т. е. восстания 1866 г.[1]. Уже в одном из первых сообщений о восстании в Абхазии наместник Кавказа просил военного министра добиться утверждения царем проекта положения и штатов управления Сухумского отдела[2], и разрешения ввести их немедленно[3]. Член Сухумской сословно-поземельной комиссии А. Н. Введенский писал, что на необходимость проведения некоторых административных преобразований «указало абхазское возмущение»[4].

Постановление об этом, вынесенное Кавказским комитетом в соответствии с предложениями ген. Бартоломея, было утверждено

[1] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1866 г., д. 30, л.л. 5–6.

[2] Комиссия для составления проекта положения и штатов управления Сухумского отдела была учреждена в 1864 г., после упразднения Абхазского владетельства, и закончила свою работу к апрелю 1866 г.

[3] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1856 г., св. 879, д. 12 г, л. 135.

[4] Введенский А. Абхазцы (азега)... – С. 7.

императором 11 августа 1866 г.[1] Абхазия (Сухумский отдел) была разделена на управление городом Сухумом и округа: Пицундский, Цебельдинский, Драндский и Окумский. Таким образом, были ликвидированы Цебельдинское и Самурзаканское приставские управления, а Бзыбский, Сухумский и Абжуйский округа были переименованы в Пицундский, Цебельдинский и Драндский округа. Упразднялись также управление командующего войсками в Абхазии и его гражданская канцелярия по управлению г. Сухумом, Сухумская городская ратуша и Сухумское комендантское управление.

По всем частям управления начальник Сухумского военного отдела (на эту должность был назначен ген. М. Толстой) подчинялся кутаисскому генерал-губернатору. Округа были вверены окружным начальникам. Во главе г. Сухума были поставлены городничий и городское полицейское управление. В качестве судебных органов были учреждены: в г. Сухуме – «Главный суд» (для всего края), в котором председатель назначался правительством; в округах – словесные суды, в них председательствовали начальники округов. В селениях были назначены старшины, ведавшие, ко всему прочему, сбором податей. Была учреждена земская стража, состоявшая из пяти урядников и подчиненных им стражников[2].

Согласно предписанному наместником Кавказа указанию, население Абхазии было обложено подымной государственной податью. В приказе наместника по Кавказскому военному округу от 11 января 1868 г. сообщалось, что объявленная ко взносу подать с жителей края собрана безнедоимочно за весь 1867 г.[3].

В 1867 г., вместо Толстого, начальником Сухумского отдела был назначен ген. Гейман. О качестве этого администратора можно судить по письму жителей сел Бзыбской Абхазии на имя наместника Кавказа в ноябре 1868 г.: «Просьбу нашу, которую приносили генералу Гейману, при сем представляем[4] и всепокорнейше осмеливаемся доложить о бедственном нашем положении, что мы уа генерала Геймана не имеем никакой надежды о благополучном нашем сожитии и водворении; к тому причины: что при первом его прибытии, когда весь Пицундский округ представился к нему в Сухуме, он не затрудняясь объявил нам следующие слова: «Хотя государь простил вам за преступления ваши, но я не прощу... Мы, услышавши от него слова эти, удивлялись и пришли в большой ужас...»[1].

[1] Приказ военного министра по этому поводу вышел 24 августа 1866 г.

[2] Положение об управлении Сухумским отделом. Временные правила об устройстве судебной части в Сухумском отделе ЦГИАЛ. ф 1268, оп. 1866 г., д. 30, л.л. 33–41. См. также приказы по Кавказскому воен. округу за 1866 г. ГАКК, инв. № 1629

[3] «Кавказ», 19 (31) января 1868 г., № 8

[4] Речь идет о цитированном уже заявлении жителей селений Бзыбской Абхазии в том же 1868 г.

В 1868 г. последовала новая административная реформа. Постановление об этом было утверждено императором 27 мая 1868 г. Согласно этому постановлению, Абхазия была разделена на два округа: Пицундский и Очемчирский. Каждый из округов делился на два участка: Пицундский – на Гудаутский (от Гагр до р. Псырцха) и Гумистинский (от р. Псырцха до р. Кодора); Очемчирский – на Кодорский (от р. Кодора до р. Гализга) и Самурзаканский (от р. Гализга до р. Ингура). Для надзора за устройством поселений в Цебельде было учреждено особое попечительство, а для сбора доходов с имений бывш. владетеля Абхазии – должность заведывающего оброчными статьями. В том же году были введены общинные и сельские управления. Все села Абхазии были разделены на 41 общину с общинными и сельскими старшинами и общинными судами.

2

Одновременно происходит переселение части абхазского населения в Турцию (махаджирство). Это было результатом, главным образом, провокационной деятельности султанских и других иностранных агентов, некоторых представителей царских властей и абхазских феодалов – изменников родины. Русский генеральный консул в Трапезунде А. Мошнин сообщал в русское посольство в Турции (28 июля 1867 г.) о том, что некоторые абхазские феодалы «очень старались переселить» в Турцию «своих соотечественников, преимущественно рабов»[2], а иностранные агенты всячески способствовали им. Царская администрация до поры до времени не препятствовала этой провокации.

Что же касается абхазских крестьян, то они в своей массе, как об этом уже частично говорилось, не хотели покидать роди-

[1] ЦГИАГ, ф. 80, д. 238, л.л. 3–4.

[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч, 1866 г., д. 54, л. 252.

ну, соглашаясь в крайнем случае ехать в Сибирь, но только не в султанскую Турцию[1]. Источники нередко сообщают и о случаях, когда крестьяне скрывались, избегая переселения[2]. Чтобы доказать свою лояльность, те крестьяне, которые считались мусульманами, массами принимали христианство. Наместник Кавказа в письме Александру II от 31 марта 1867 г. констатировал, что жители Бзыбской Абхазии «не желают идти в Турцию» и, имея в виду указанную часть населения, добавлял: «все принимают добровольно христианство»[3].

В результате событий 1866 г., махаджирства и эпидемических болезней население Абхазии сократилось с 79.190 к январю 1866 г.[4] до 64.933 душ в конце 1867 г.[5]

3

Восстание 1866 г. дало возможность крестьянам лучше разглядеть подлинное лицо князей и дворян, лучше осознать, свои собственные интересы. Оно глубже раскрыло классовые противоречия между крестьянством и помещиками. Таким образом, восстание имело важное значение для роста классового самосознания крестьянства. Крестьянские выступления, имевшие место после восстания 1866 г., носили ярко выраженный антифеодальный характер. Все чаще встречаются факты отказа в выполнении крепостнических повинностей, бегства, крестьян от своих помещиков и т. д.

Случаи отказа крестьян выполнять повинности стали особенно массовыми в имении кн. Г. Д. Шервашидзе. Управляющий этим имением Е. Туркия вынужден был прибегнуть к посредству сухумской полиции, требуя «взыскания денег с тех лиц, которые отказались платить ему»[6]. А. В. Пахомов 17 июня 1868 г. также просил управление Пицундского округа «о принуждении подвластных князя Георгия к исполнению лежащих повинностей в пользу помещика, как

[1] ЦГИАГ, ф 80. д 238, л л. 5 – 10.
[2] См., напр., ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, 1867 г., д. 253, л. 172.
[3] ЦГИА, ф, 678, оп. 1, 1867 г., д. 611, л. 10.
[4] ЦГИАГ, ф. 545., оп.1, (кН.1), 1865 г., д. 107, лл.48-49, 54.
[5] ССКГ, вып. 1, отд. гор. лет. – С. 13.
[6] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 378.

это делалось, прежде, при жизни покойного гвардии полковника князя Дмитрия Шервашидзе...»[1].

В заявлении от 11 сентября того же 1868 г. начальнику Пицундского округа А. В. Пахомов приводил следующие конкретные случаи. Жители: с. Багажишта – анхаю Сасрыква и Фат Харазия, Мурза Микая, Багыр Чкотия и Кваташь Джегелия; поселка Цамбейквара–анхаю Чагыр и Аджгя Тванба и с.. Пшап Хакуцв Шалаберия и два дыма Тванба (Сейлух-ипа) «отказываются платить ажидз». Далее он просил внушить указанным жителям, чтобы они «лучше выполняли свои обязанности относительно помещика». При этом А. В. Пахомов подчеркивал, что отказываясь отбывать повинность в пользу помещика, они сопротивляются приказанию начальства[2]. В ответ на заявление А. В. Пахомова начальник Пицундского округа майор Бутми де Кацман 11 октября 1868 г. сообщил, что Багыр Чкотия, Кваташь Джегелия и Мурза Микая давно ушли от кн. Г. Д. Шернашидзе. Что же касается остальных, то «мною им приказано отбывать все повинности, которые отбывали они при жизни покойного их помещика князя Дмитрия»[3].

Сохранился весьма любопытный список крестьян, правда, неполный, по 10 селениям кн. Г. Д. Шервашидзе, составленный 8 декабря 1869 г. Интересно уже само название документа: «Список абхазцам поселенцам с отметкою, которые не выходили на работу и выходили». Против многих фамилий, к сожалению, нет никаких отметок, но из отмеченных в указанном году на работу вышли (преимущественно по 3 дня) только 40 анхаю; не вышли – 96. Интересно также заметить, что список крестьян по 6 селениям (Багажишта, Багбаран, Гульрипш, Дранда, Келасури и Пшап) состоит лишь из одних не вышедших на работу анхаю. Особенно характерен тот факт, что отказывались выходить на работу не только анхаю, но и ахоую. Таких, например, по с. Абжаква значатся 2 чел., а по с. Гума–10, из коих против трех написано «не желает», против еще трех имеется отметка о их переселении в другие места (очевидно, бежали)[4].

А. Пахомов и Е. Туркия часто заводили тяжбы с крестьянами. В этом отношении показателен спор между ними и анхаю с. Мерхеул

[1] Там же, л. 307.
[2] Там же, л.331.
[3] ЦГИАЛ, Ф. 1087, оп. 1, (кн. 1), 1868 г., д. 29, л. 342.
[4] Там же, ф. 1110, оп. 1, 1869 г., д. 30, л.л. 1–5.

Гусейном и Халылом Браскил, отказывавшимися отбывать повинности в пользу Г. Д. Шервашидзе[1]. Однако все старания и Пахомова, и Туркия, и властей были тщетными. Когда наследник Димитрия Шервашидзе, кн. Георгий, после 14-летнего отсутствия, явился в имение своего отца, председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии сообщил ему, что из 695 дымов анхаю, на которых, как на подвластных, указывал его поверенный, только 56 были обязаны выкупом своих повинностей. «А остальные отвергли свою подвластность мне», – жаловался сам кн. Г. Д. Шервашидзе. При этом он просил, чтобы размер пособия за повинности этих 56 дымов был бы исчислен не только по тем повинностям, какие они отбывали в день объявления «Положения» о реформе, но и по тем, которые они прекратили отбывать до этого[2].

Вместе с тем, А. В. Пахомов называл и имена отдельных руководителей этой антифеодальной борьбы. Анхаю с. Пшап Алхаз Шалаберия, имеющий «очень большое влияние в народе», Чагыр Вардан (Ѳардан) в с. Абжаква, Куджба и Ахмат Мсыр-ипа в с. Бырцха «постоянно возбуждают народ к невыполнению обязанностей его относительно помещика (Г. Д. Шервашидзе. – Г. Д.) и имеют даже вредное влияние и в правительственном отношении»[3].

Такое явление наблюдалось и в других местах Абхазии. Так, дворянин Мырзакул Акиртаа из с. Аацы в 1870 г. заявил жалобу, что 40 дымов анхаю Цугба прекратили отбывать ему повинности. Впоследствии указанные крестьяне вообще отрицали свою зависимость от Акиртаа и объявили себя дворянами[4]. Так поступили в том же селении и 27 дымов анхаю Отырба по отношению к дворянам Багба, а анхаю Малия - по отношению к Акиртаа[5]. В Абжуйской Абхазии в с. Квитаули вся фамилия анхаю Когония объявляла отношения между ней и кн. Шервашидзе, как отношения между «дворянами» и «удельными» князьями[6]. В том же году крестьяне с. Члоу отказались служить кн. Анчабадзе (Ачба) и нести в его пользу какие бы то ни было повинности. Анчабадзе вынужден был обратиться за помощью к начальнику Сухумского отдела ген. Геиману, который «восстановил порядок военной силой[1].

[1] Там же, ф. 1087, 1871 г., д. 30, л.л. 44–45.
[2] Там же, л.л. 56–57.
[3] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп.1, (кН.1), 1876 г., д. 1409, лл. 3-13.
[5] Там же, д. 1392, лл. 2-11.
[6] Там же, д. 1389, лл.3-5.

Наместник Кавказа в письме Святополк-Мирскому еще 24 августа 1866 г. писал: «Старосельскому поручено подробно переговорить с вами о дальнейшем ходе крестьянского дела в Абхазии. Ввиду случившихся прискорбных событий считаю совершенно невозможным приостановить собирание сведений по этому вопросу; бзыбцы после примерного их наказания без сомнения, должны будут выполнить всякие наши требования; (Абжуйском. – Г.Д.) округе; но надобно настоять и поставить на своем месте, не то опять выйдет поблажка»[2].

Наместник в своем отзыве тому же кутаисскому генерал-губернатору от 9 февраля 1867 г. предлагал объявить абхазскому населению, что оказанное этим населением сопротивление «не может, конечно, изменить принятого правительством решения, и что рабы и другие зависимые сословия в Сухумском отделе будут освобождены, как это и было прежде объявлено»[3].

И для царских чиновников было ясно, что, как говорил член Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. Шредер, «устройство Абхазии является важнейшей необходимостью»[4]. Святополк-Мирский в предписании новому начальнику Сухумского отдела от 9 сентября 1866 г. внушал: «Предстоящее освобождение зависимых сословий составляет в настоящее время самую главную задачу в здешнем крае, собирание сведений и показания по этому вопросу послужило поводом или предлогом к восстанию. Во всех отношениях необходимо продолжать это дело». Далее Мирский просил представить ему как можно скорее соображения по этому предмету[5]. Майор Чавчавадзе самыми верными путями к достижению «успокоения населения» Абхазии также считал «разрешение вопросов поземельной собственности и сословных прав...»[6].

[1] Антелава И.Г. Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии. «Сообщения АН Груз. ССР», т. X, №4. Тбилиси. 1949. – С. 252.
[2] ЦГИА, ф. 649, оп.1, д. 230, лл. 10-11.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 20.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л.л. 179–187.
[5] Там же, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 134.
[6] Рапорт кн. Чавчавадзе от 4 июня 1867 г. ЦГИАГ, ф. 545, 1865 г., оп. 1, (кн. 1), д, 180, л.л. 143–143 об.

Кроме того, как мы уже указывали, восстание 1866 г. сыграло определенную роль в дальнейшем усилении борьбы крестьянства, в особенности в тех районах Кавказского края, где крестьянская реформа не была еще проведена. Царское правительство вынуждено было, с одной стороны, еще больше спешить с проведением этой реформы и, во-вторых, действовать осторожнее.

Подготовка к реформе в Абхазии, прерванная событиями 1866 г., официально была возобновлена в 1867 г. Была учреждена Сухумская сословно-поземельная комиссия под председательством подполк. П. Краевича[1]. Эта подготовка еще больше усугубила классовые противоречия между крестьянами и феодалами. Абхазское дворянство вначале было чрезвычайно встревожено вестью о крестьянской реформе, но впоследствии, когда оно убедилось в неизбежности проведения этой реформы и в Абхазии, активно втянулось в подготовительную работу для того, чтобы при проведении реформы максимально защитить свои сословные интересы. Сперва эта активность, как отмечалось, выражалась в том, что дворянство путем саботажа старалось продлить подготовительную работу и этим оттянуть осуществление реформы; но затем, когда правительство потребовало ускорить представление проекта реформы, дворянство начало всячески обосновывать свои права и претензии. Это стремление абхазских феодалов нашло свое яркое отражение в докладной записке их депутатов от 23 марта 1870 г., представленной в Комитет по освобождению зависимых сословий среди горского населения Кавказа[2].

Как писал С. Л. Авалиани, «против притязаний владельцев, конечно, восставали зависимые разряды населения»[3]. Мы уже приводили сообщение А. Н. Дьячкова-Тарасова о том, что крестьяне знали уже от своих тифлисских депутатов о тенденции помещиков «и были в оппозиции к дворянам», что они заявляли: «тавадам перестали верить»[4]. В архивах сохранились интересные документы, сообщающие многочисленные факты из истории борьбы между

[1] Сухумская сословно-поземельная комиссия была утверждена 16 мая 1867 г., и приступила к своей работе 3 июля того же года.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л.л. 38–45.

[3] Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II. – С. 74.

[4] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 204.

крестьянами и феодалами в Абхазии непосредственно накануне реформы.

Борьба эта развертывалась главным образом вокруг земельного вопроса. Председатель Сухумской сословнопоземельной комиссии А. Н. Введенский констатировал, что с 1866 г., предвидя скорое проведение реформы в крае, жители старались захватить как можно больше земли. Так «это движение» очень сильно развивалось в Самурзаканском участке. Например, в бывший охотничий Коджельский лес в 1868 г. «вторглись» жители Цхири, Чубурисхинджи, Гудава, Репи и Шешелети, а жители Набакеви и Баргеби начали рубить набакевский лес.

Сухумская сословно-поземельная Комиссия, рассмотрев результаты обследования положения дел в указанных селах, в ноябре того же 1868 г. постановила: возвратить на прежние места жительства 7 семейств, поселившихся в 1866 г. на р. Сида «вопреки запрещения начальства»; 15 семейств, поселившихся в 1867 г. на р. Ткумушкур, и всех «произвольно поселившихся» в Коджельский лес жителей Гали, Цхири и Чубу-рисхинджи. Это постановление комиссии было приведено в исполнение начальником Сухумского отдела, но «в полной силе оно продолжалось не долго». «Произвольные захваты» еще больше усилились, а в конце 70-х г.г., по словам самих крестьян, они носили характер «сильного расселения» жителей[1].

В Абжуйской Абхазии известно смелое выступление крестьянина с. Джгерда Кублуха Агумаа против крепостнического характера крестьянской реформы[2].

Абхазские крестьяне по-прежнему не мирились и с колониальной политикой самодержавия. Из ведомости о числе местных жителей, содержавшихся в 1868 г. под арестом «за разные преступления», видно, что за «дерзость против начальства и неповиновение» было арестовано 8 чел., из которых крестьян было 6 чел.[3]

19 февраля 1871 г. в Абхазии было объявлено об отмене крепостного права[4]. Эта реформа, как по всему Закавказью, была еще

[1] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 49, л.л. 63–65.

[2] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1,. д. 94, л. 10.

[3] «Кавказский календарь на 1870 г.». – С. 420.

[4] «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе» было утверждено 8 ноября 1870 г.

более грабительской, чем в России. А по поводу положения русского крестьянства после реформы В. И. Ленин писал: «Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России»[1].

Грабеж по случаю так называемого освобождения, мошенническое сколачивание помещиками капитала из крестьянских выкупных, разбой и обман, –- так характеризовал и К. Маркс грабительскую сущность крестьянской реформы 1861 года в России[2].

За счет абхазского крестьянства был закреплен прочный союз между царизмом и основным контингентом местных феодалов, покончивших со своими сепаратистическими настроениями. Проводя реформу, царизм стремился повсюду обеспечить интересы дворянства. Реформа, проведенная на выгодных условиях для последнего, еще больше закабалила крестьян: они получили земли гораздо меньше, чем имели до «освобождения». В частности, крестьяне анхаю, являвшиеся наиболее свободными из всех зависимых крестьян Абхазии, поголовно должны были в качестве «временно-обязанных» доставлять помещику скот, кукурузу (около 16 пудов), вино (около 10 ведер), исполнять полевые работы и пр. Показательно, что накануне утверждения положения о крестьянской реформе в Абхазии представители абхазского дворянства умоляли, чтобы крестьяне «непременно тотчас же выкупились», так как, рассуждали они, оставшиеся в обязанных отношениях «весьма будут плохо отбывать прежние повинности», добавляя при этом, что если крестьянам предоставить выбор выкупа или обязательных отношений на «волю», то, «может быть, ахоую и многие выкупятся, но из анхаю, наверное, никто».

Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. П. Краевич, сообщавший об этом факте, писал еще об одном весьма показательном откровенном заявлении помещиков. Представители последних, объясняя «основную причину всех их домогательств», высказали А. В. Пахомову, что какие бы и где бы правительство ни дало им земельные наделы, но «если только низшие сословия будут вполне обеспечены землею для своей потребности, то положение их, высшего сословия, будет все-таки и надолго еще

[1] Ленин В.И. Соч., т. 17. – С. 65.
[2] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. XII. – С. 86, 98.

весьма стеснительным, так как земли эти останутся и без рабочих и без арендаторов. Они же сами к работе не привыкли, а денежных средств для обработки земли чужими руками у них нет»[1].

Группа крестьян в своем заявлении от 7 ноября 1882 г. наместнику Кавказа по уполномочию 1.500 крестьянских дворов селений Гали, Чубурисхинджи и Гудава, Самурзаканского участка, писала, что Сухумская сословно-поземельная комиссия создала новое положение, а именно: «земли и угодья, в продолжение веков занимаемые крестьянами, отвела в собственность князьям, а крестьянам отвела, до которых не касались рука и труд человека. Мало того, что этим несправедливым действием лишила нас труда удобренных пахотей и лугов, но к вящему отягощению нашего положения... в границы участков, отведенных князьям, включила во многих местах: дома, виноградные сады, усадьбы и даже церкви и мельницы наши...»[2].

В жалобе от 4 октября 1882 г. указанные крестьяне также заявляли: «Мы поставлены от всего этого в такое положение, что не можем уже существовать, потому что усадьбы наши, сады, дома, пастбища и все, чем мы жили и существовали, все это отдано высшему сословию, даже дороги к водопою, доступ к морскому берегу и лучшие пахоты взяты от нас и отданы дворянам, которые начали уже обращаться с нами, как с своими крепостными людьми, требуя с нас платы за пастьбу скота и пользование лесом...»[3].

И все же реформа была шагом вперед в историческом развитии всей страны, так как она была по своему содержанию буржуазной реформой, хотя и проводилась в жизнь руками крепостников и крепостническими методами. «Это, – писал В. И. Ленин, – был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ниже был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем свободнее от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. Поскольку крестьянин вырывался из-под власти крепостника, поскольку он становился под власть денег, попадал в

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014т л.л. 33–33 об.
[2] Там же, ф. 231, оп. 2, д. 49, л.л. 16 об. – 17.
[3] Там же, л. 22.

условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года развитие капитализма в: России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века»[1].

К. Маркс еще в статье «Освобождение крестьян в России» указывал, что реформа неизбежно послужит сигналом для массового восстания среди сельского населения России[2].

Действительно, грабительский характер реформы вызвал массовое крестьянское движение.

Выступления крестьян Абхазии смыкались с широким крестьянским движением, происходившим по всей Российской империи и расшатывавшим основы социально-политического» строя царской России.

[1] Ленин В. И. Соч., т. 17. – С. 95–96.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XI, ч. I. – С. 545.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вследствие того, что не сохранилось никаких письменных документов, которые бы исходили непосредственно от самих повстанцев, ряд моментов восстания остается недостаточно освещенным. Мы лишены возможности твердо сказать, например, как именно формулировали свои требования крестьянские массы. Официальные же архивные материалы далеко недостаточно раскрывают моменты антифеодальной борьбы в движении 1866 г., поэтому описание этой стороны, к сожалению, не отличается полнотой.

Тем не менее, на основании того, что разбросано в тех же официальных документах, можно сделать вывод, какими причинами сами крестьяне объясняли свое участие в движении; главнейшими из них являлись, как мы видели, крепостнический характер подготавливавшейся реформы и грубый произвол представителей местной администрации. Нет сомнения, что в ходе восстания крестьяне острее выдвигали требования антифеодального характера.

Совершенно очевидно, что наиболее сознательная часть абхазского крестьянства во время восстания 1866 г. не верила своим князьям и дворянам, неоднократно предававшим в прошлом их интересы и являвшимся их классовыми врагами. Но основная масса крестьян в этом вопросе, как и во многих других, проявляла классовую ограниченность и политическую отсталость, черты, свойственные крестьянству вообще в прошлом. Для идеологии восставших крестьян характерны были царистские черты. Выступая против крепостнических условий предстоявшей реформы и колониального гнета, т. е. развивая борьбу прогрессивного, освободительного характера, они не проявили твердости и последовательности в от-

ношении своих князей и дворян. Более того, крестьяне в значительной степени уступали руководство восстанием (особенно на втором этапе) представителям дворянской оппозиции; стремившимся направить движение на путь, враждебный интересам крестьян.

Этому способствовало, по крайней мере, три обстоятельства:

Во-первых, часто от имени крестьянства выступали представители его зажиточной части.

Во-вторых, старинные обычаи, в силу которых тот или иной феодал считался «покровителем» крестьян данной общины, еще сохраняли свою силу. В частности, имело место известное патриархальное отношение определенной части крестьянства к владетельской семье.

В-третьих, представители феодальной оппозиции всячески стремились играть на недовольстве крестьян царской администрацией. Вначале, когда движение носило более крестьянский характер, феодалы маскировали свое действительное стремление. Свои цели они открыто провозгласили лишь после лыхненских событий, в особенности в дни штурма Сухума, т. е. на втором этапе борьбы... Тогда крестьянам стало ясно, чего добивались феодалы. Первая неудача под Сухумом окончательно сорвала маски с мнимых «союзников» крестьян. Началось массовое бегство этих «союзников» в лагерь экспедиционных войск, чтобы, активно участвуя в подавлении восстания, «реабилитировать» себя. Приведенные во второй главе настоящей работы слова Святополк-Мирского о том, что участие представителей высшего сословия в восстании 1866 г. в той степени, в какой оно имело место, произошло вопреки их действительному желанию: «успех превзошел их ожидания и намерения»[1] – относятся как раз к характеристике рассматриваемой группы феодалов. Но и оставшимся в рядах восставших отдельным князьям и дворянам крестьяне, по-видимому, больше не доверяли, поскольку они воочию убедились, что те также добивались осуществления лишь своих собственных целей, совершенно чуждых массе трудящихся. В этом отношении чрезвычайно интересно сообщение А. Н. Дьячкова-Тарасова, который писал, что впоследствии, когда вновь было приступлено к подготовке крестьянской реформы, анхаю, ахоую и ахашвала были «в оппозиции к дворянам» и заявили, что

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 16 об.

«они тавадам перестали верить»[1]. Вот почему крестьяне без дальнейшей борьбы сложили свое оружие.

Может быть, не случайно, что факт разгрома помещичьего имения в Келасури произошел именно в этот период. Сложили оружие и те немногочисленные феодалы, которые, не рассчитывая на примирение с правительством, продолжали сопротивление. Но это была просто капитуляция, так как они были лишены поддержки масс; их руководители попали в руки царских войск или скрылись в Турцию[2].

В восстании 1866 г. в Абхазии было вплетено реакционное, феодально-националистического характера выступление части абхазских феодалов, возлагавших надежды на помощь врагов России и исконных врагов края, стремившихся использовать восстание в своих интересах, в целях восстановления владетельной власти и всех старых привилегий князей и дворян.

Но выступление абхазского крестьянства в 1866 году было выражением протеста масс против насилия и эксплуатации и поэтому являлось прогрессивным, освободительным. Однако крестьяне не имели ясной программы действий, обнаружили слабое развитие классового сознания, недостаточное понимание ими своих классовых интересов. Они не развернули полностью собственные требования, были опутаны дофеодальными, патриархальными пережитками и т. д. Вследствие этих обстоятельств восстание не пошло вглубь и вширь. Оно оказалось локализованным, не распространившись даже на значительную часть Абхазии; силы крестьян оказались раздробленными и распыленными.

Крестьянские восстания, писал И. В. Сталин, «могут привести к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»[3].

Развитие капитализма в России обусловило возникновение этого нового класса – пролетариата. Рабочий класс России в союзе с трудящимся крестьянством, под руководством Коммунистической

[1] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. – С. 204.
[2] Дьячков-Тарасов А. Н. Указ соч. – С. 190.
[3] Сталин И. В. Соч., т. 13. – С. 112 –113.

партии, совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, свергнул власть империалистической буржуазии и помещиков и установил диктатуру пролетариата.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране было создано первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, которое провозгласило политику мира и дружбы народов, равенство и суверенность всех народов России, сплотило народы нашей Родины в единую братскую семью под знаменем пролетарского интернационализма[1].

[1] «Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654–1954 гг.)». Госполитиздат, 1954. – С. 17.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Конспект книги Гакстгаузена «Сельское устройство России». «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. XII.

Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма, 1947. – С. 447.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1952.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. Соч., т. 1.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.

Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма. Соч., т. 5.

Ленин В. И. К вопросу об общенациональной революции. Соч., т. 12.

Ленин В. И. Крестьянская «реформа» и пролетарско-крестьянская революция. Соч., т. 17.

Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права. Соч., т. 17.

Ленин В. И. Критические замечания по национальному вопросу. Соч., т 20.

Сталин И. В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос? Соч., т. 1.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2.

Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11.

Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Соч., т. 13.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Госполитиздат, 1938.

«Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654–1954 гг)». Госполитиздат, 1954.

II.Архивные материалы

I. Неопубликованные

Центральный государственный военно-исторический архив.

Фонд Военно-ученого архива, дела 6239, 6312, 6331, 6349, 6417, 6470, 6540, 6597, 1032.12, 18509–18514, 40–192, 42–601, 42–972, 42-976, 45240 и др.

Фонд Главного штаба, дела 36, 39, 47, 54.

Фонд Генерального штаба по делам кавказским, дела 12 г, 16, 192.

Фонд Инспекторского департамента, д. 546.

Фонд Кавказской войны, дела 110. 127.

Из фонда № 283 дело 151.

Центральный государственный исторический архив.

Фонд Михаила Николаевича (вел. кн.), дела 402, 409, 230, 612.

Фонд Александра Николаевича (императора Александра II), дела 14, 607, 608, 610–612.

Фонд Зимнего дворца, дело 2732/а.

Фонд Шервашидзе, дела 15, 24, 32.

Центральный государственный исторический архив Ленинграда.

Фонд Шервашидзе, дела 29, 30, 36, 37.

Фонд Кавказского комитета, дела 30, 74, 76, 82, 109, 111, 155.

Фонд Сената департамента герольдии, дело 968.

Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.

Фонд Кавказской археографической комиссии, дела 11, 23, 26, 76, 177, 178, 180, 182, 183, 185, 187, 188, 190, 191, 398, 403, 606, 622, 745, 962, 1010–1020, 1033 и др.

Фонд Кавказского военно-народного управления, дела 75, 76, 107, 180, 246, 247, 252, 257, 258, 273, 314, 324, 422, 614, 753, 966, 986, 996, 1392, 1389, 1408, 1409, 2638, 2784, 2796, 2799, 2800, 2801 и др.

Фонд Канцелярии наместника кавказского, дела 190, 652, 677, 753, 1476.

Фонд Канцелярии начальника Черноморской береговой линии, дело 69.

Фонд Главного штаба Кавказской армии, дела 74, 177.

Фонд особо важных дел, дела 36, 41.

Фонд Комиссии для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края по Военно-народному управлению, дела 49, 253, 271.

Фонд Военно-исторического отдела Кавказского военного округа, дела 29, 36.

Фонд Контрольного департамента Главного управления наместника кавказского, дело 11.

Фонд Штаба местных войск Кавказского военного округа, дело 118.

Центральный государственный архив древних актов.

Фонд Воронцовых, дела 1261, 1333, 1663.

Фонд Ермоловых, дела 256, 267.

Ленинградский филиал Центрального государственного военно-исторического архива.

Фонд библиотеки, книги 7109, 7110, 7111 и др.

Архив Академии наук СССР в Ленинграде.

Фонд Н. Ф. Дубровина, дело 274.

Фонд П. К. Услара, дело 107.

Государственный архив Краснодарского края.

Фонд Черноморской береговой линии, дела 19, 122, 124, 125, 170, 297, 394, 397, 480,619, 655, 706, 709, 717, 749, 756, 757, 761, 818, 1209, 1212, 1674 и др.

Фонд Канцелярии войскового атамана Черноморского казачьего войска, дела 1, 2.

Фонд Канцелярии помощника начальника Кубанской области по управлению горцами, дела 517, 527, 593.

Фонд библиотеки, инв. 1629 и 1630 – «Приказы по Кавказскому военному округу за 1866 г.».

Центральный государственный архив Абхазской АССР.

Фонд Сухумской сословно-поземельной комиссии, дела 5, 7.

Фонд Сухумской епархии, дела 5, 24.

Фонд Сухумской таможни, дело 7.

Рукописное отделение Государственной Библиотеки имени В. И. Ленина.

Фонд Д. А. Милютина, 1424/2, 10499/1.

Рукописное отделение Государственной Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Бумаги: П. Д. Эльпидова, т. VII, ОИПБ за 1898 г., Спб, 1912; И. В. Помяловского, ОИПБ за 1907 г., Спб, 1914.

Апрелев В. П. Два года в Абхазии. Историко-этнографический опыт. Ноябрь 1868 г. Шифр: Г IV. 551/54.

Крыжановский М. Последний абхазский бунт. Очерк событий 1877 г. Шифр: F IV. 838.

Рукописное отделение Государственного музея Грузни имени акад. С. Н. Джанашиа.

Фонд М. Туманова, дело 376.

Фонд Е. Г. Вейденбаума, дела 33, 34, 357, 461, 422, 466. 622 и др.

Кабинет истории СССР Сухумского Госпединститута им. А. М. Горького.

Рукопись предания об убийстве Манучара Шервашидзе.

Архив Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.

Фонд Отдела языка и литературы, дела 58/80, 71/74а.

Фонд Отдела истории и этнографии, дела 27, 29, 92–94

Рукопись Г. Ф. Чурсина «Материалы для этнографии абхазов» (1937 г.).

Рукопись А. В. Фадеева «Материалы по истории Абхазии первой половины XIX века» (1938?.).

Использованы также хранящиеся в фонде Отдела истории и этнографии копии некоторых документов, выявленных А. В. Фадеевым в 1934–1935 гг. в Центральном архиве внешней политики (ЦАВП).

Кроме того, просмотрены материалы и привлечены отдельные сведения **из Центрального государственного военно-морского архива (ЦГВАМА):**

Фонд Абхазской экспедиции, дела 3, 11, 13, 23, 25, 37, 41, 43, 47, 51, 89.

Фонд Штаба командующего Черноморским флотом, дела 30, 49.

Фонд Департамента морск. мин., дела 4244, 4307.

Фонд Инспекторского департамента, дела 25, 1927, 4010, 4250, 4340, 4956.

2. Опубликованные[1]

Отчет о ходе внешней торговли по Сухум-Кальскому карантинно-таможенному округу за 1847 г. Газета «Кавказ», 1848 г., № 11.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Изд. Архива главного управления наместника кавказского, т. I–XII, Тифлис, 1866–1904.

Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1865 г. Тифлис, 1866.

Приказы по Кавказскому военному округу. «Кавказ», 1866 г., № 68.

[1] Материалы этого рода даны в хронологическом порядке – по дате издания.

Приказ по Кубанскому казачьему войску от 13 августа (1866 г.), № 77. «Кубанские войсковые ведомости», 1866 г., № 41.

Приказ но Кавказскому военному округу. «Кавказ», 1867 г., № 188.

Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыбью. ЗКОСХ, 1867 г., № 5–6, Тифлис.

Положение о крестьянах и поселянах Закавказья, ч. 2, Тифлис, 1886.

Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет, князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден, 1913.

Гугушвили П. В. Сельское хозяйство и аграрные отношения, т. I-II, Тбилиси, 1938, 1950 (АН Груз. ССР. Социально-эконом. история Грузии. 1801 –1921 гг. Источники и материалы).

К истории крестьянской реформы в Грузии (на груз.яз.). Исторический вестник», 4, Тбилиси, 1948,

Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права, ч. I и II. Изд. АН СССР, М.–Л., 1949.

Отмена крепостного права. Изд. АН СССР, М.–Л., 1950.

Документы по истории Грузии (1862–1917), т. 1, ч. 1, под ред. проф. Ш. К. Чхетия. Архивное управление МВД Грузинской ССР, Тбилиси, 1954.

III. Литературные материалы

Абрюцкий. Статистический взгляд на Абхазию. Газ. «Тифлисские ведомости», 1831 г., №№ 24–29, Тифлис.

Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. Газ. «Кавказ», 1866 г., №№ 72 и 74.

Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», вып. III, Спб, 1893.

Авалиани С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. I–II, 1913; т. IV, 1920, Одесса.

Аджинджал И. А. и Адзынба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов. «Труды Абхазского государственного музея», вып. 1, Сухуми, 1947.

Антелава И Г Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. X, № 4, Тбилиси, 1949.

Антелава И. Г., Дзидзария Г. А., Олонецкий А. А. Из истории крестьянской реформы в Абхазии. «Исторический архив», т. V, М.–Л., 1951.
Ахалая И. Д. Крестьянская реформа в Мегрелии. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1949.
Анчабадзе З. В. К вопросу о роли торгово-ростовщического капитала в дореформенной Грузии. Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 30, Тбилиси, 1954.
Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района. «Кавказский этнографический сборник», т. I, изд. АН СССР, М., 1955
Багратиони Вахушти. География Грузии. ЗКОРГО, кн. XXIV, вып. 5, Тифлис, 1904.
Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I, М., 1923.
Bell. Journal d'une residence en Circassi pendat les annes 1837, 1838 et 1839 par James Stanislas Bell armateur du Vixen., т. 1. Париж 1841.
Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. «Кавказ», 1860 г., №№48–49.
Бартоломей И. А. и Мачавариани Д. Нечто о Самурзакани. ЗКОРГО, кн. VI, Тифлис, 1864.
Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. III, Спб, 1869.
Бороздин К. А. Закавказские воспоминания, Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. Спб, 1885.
Бжания Ц. Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуа (по этнографическим материалам). Автореферат кандидатской диссертации. Сухуми, 1954.
Бегизов В. Д. Крестьянское движение в Юго-Осетии в первой половине XIX века. Автореферат диссертации. Тбилиси, 1953.
(Воскобойников и Г урьев). Отчет горных чиновников Воскобойникова и Гурьева о геогностических исследованиях в Черномории и на восточном берегу Черного моря. «Горный журнал», Спб, 1833, № 9.
Волконский Н. 1840, 1841, 1842 гг. на Кавказе. «Кавказский сборник», т. XIII.
Введенский А. Н. О положении Абхазии в религиозном отношении. «Кавказ», 1868 г., № 5.

Введенский А. Н. Абхазцы (азега) – по поводу сочинения г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих». ССКГ, вып. VI, Тифлис, 1872
Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. ССКГ, вып. VI, Тифлис, 1872.
Воронцов-Дашков. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. (Тифлис), 1907.
Воробьев Н. И. Указатель сочинений о Черноморском побережье Кавказа, вып. 1, Птг. 1915.
Гюльденштедт И. А. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия г-на академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1870, 71, 72 и 73 годах. Изд. Акад. наук, Спб., 1809.
Gamba. Vovage dans la Russie meridionale, et particnlierement daus les provinces situess au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824; par le chevalier Gamba.., т.I Париж, 1826.
Гурьев. О нахождении лигнита в Абхазии. «Горный журнал», ч. III, кн. V, Спб, 1843.
Г. С. Возвращение. «Кавказ», 1852 г., ,М« 71–72 74 76–77.
Гавриил. Из путешествия архиепископа имеретинского Гавриила для обозрения абхазских и самурзаканских. приходов. «Кавказ», 1869 г., №№ 5–6, 12–15.
Гавриил. Обозрение абхазских приходов в 1869г. имеретин, епископом Гавриилом. «Кавказ», 1869, №№ 42–44.
Гавриил, епископ Имеретии. Обозрение абхазских и самурзаканских церквей в 1870 г. Путевые заметки. «Кавказ», 1870 г-, №№ 136, 137, 142.
Горец. Черкесы в Турции. «Кавказ», 1877 г., № 134.
Городиевский П. О занятии Сухума в 1877 г. «Кавказ», 1877 г-, №№ 216 и 251.
Гизетти А. Л. Хроника кавказских войск, ч. II, Тифлис, 1896.
Гизетти А. Л. Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн Кавказо-горской, персидских, турецких и в Закавказском крае. 1801 – 1885 гг., под. ред. В- Потто- Тифлис, 1901.
Гизетти А. Л. Библиографический указатель печатным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. Спб, 1901.

Гукасянц Л. Поземельное дело в Сухумском округе. Жур. «Кавказское сельское хозяйство», 1895 г., №№ 78–79.
Гарсеванов Ал. Страницы из недавнего прошлого Абхазии. Газ. «Закавказье», 1910 г., № 91, Тифлис.
Гулиа Д. История Абхазии, т. 1, Тифлис, 1925.
Греков Б. Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. Соцэкгиз, М.–Л., 1940.
Гугушвили П. В. К истории чайной культуры в Грузии и на Кавказе. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. VI № 2, Тбилиси, 1945.
Гвритишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии. (Сатавадо-сенерии) Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1952.
Дадиани Николай. Картвелта Цховреба (История. Грузии или жизнь Грузии). В переводе Е. С. Такайшвили. СМОМПК, вып. 31, Тифлис, 1902.
Дюкруаси. Краткое описание главных торговых путей сообщения Закавказского края. ЗКОРГО, кн. 1, 1852 г.
Дюбуа де Монперэ Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1, Сухуми, 1937.
Дьячков-Тарасов Н. Несколько слов о заселении Цебельды. «Кавказ», 1868 г., № 129.
Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. II–III, Спб, 1871.
Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. (Этнографический очерк). ЗКОРГО, кн- XVI, Тифлис, 1894.
Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. ЗКОРГО, т. XX, Тифлис, 1910.
Джавахов Ив. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. Спб, 1906.
Джанашия Н. Религиозные верования абхазов. «Христианский восток», т. IV, вып. 1, Пгр, 1915.
Джанашия Н. Абхазский культ и быт. «Христианский восток», т. V, Пгр, 1917.
Джанашиа С. Н. Давид Чхотуа и его очерки о поэме Руставели. «Сборник Руставели. К 750-летию Вепхис-ткаосани». Тбилиси, 1938.
Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Изд. Абгиза, Сухуми, 1940.

Дзидзария Г. А. Соломон Званба. Биографическо-библиографический очерк. «Труды Абхазского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР», XXIII, Сухуми, 1949.
Дзидзария Г. А. Антифеодальные крестьянские выступления в предреформенной Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской СССР», XXVI, Сухум, 1955.
Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, М.–Л., 1946.
Дружинин Н. М. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями накануне реформы 1861 года. «Вопросы истории», 1954 г., № 7.
Дзидзигури Л. М. Крестьянская реформа в Абхазии. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1953.
Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 30, Тбилиси, 1954.
Евецкий Орест. Статистическое описание Закавказского края, ч. 1–11, Спб, 1835.
Ермолов А. П. Записки, ч. II, 1816–1827 гг. М. 1868.
Зубарев Д. Абхазия. «Русский вестник», т. V, Спб, 1842.
Званбай С. Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии. «Кавказ», 1855 г №№ 81–82.
Завадски Ф. А. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867 г., №№ 59-61.
Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Госполитиздат, 1954.
Иона, иеромонах. О новых успехах христианства в Абхазии. «Кавказ», 1870 г , № 94.
Иокимов А. Абхазцы. «Кавказ», 1874 г., № 39.
И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симона-Канонитский монастырь. М., 1898.
Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества в. кн. Михаила Николаевича. Тифлис, 1901.
Игнатович И. Крестьянские волнения первой четверти XIX в. «Вопросы истории», 1950 г., № 9.
Инал-Ипа Ш. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.
Колюбакин И. Об Абхазии. «Кавказ», 1853 г № 71.

Ковалевский Евг. Очерки этнографии Кавказа. «Вестник Европы», т. III, М., 1867.
Краевич П. Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе (Абхазии и Самурзакани). ССКГ, вып. V, Тифлис, 1871.
Калантаров Г. Крепостное право в Грузии в начале настоящего столетия. ССКГ, т. II, Тифлис, 1872.
Кучаев М. Феодализм и закрепощение в Закавказье. «Русский вестник», 1893 г., январь и март.
Кудрявцев К. Материалы по истории Абхазии, Сухум, 1926 (на титульном листе ошибочно: 1922 г.).
Киквидзе А. Я. Общественно-политическое движение в Грузии в XIX веке. (Национально-освободительная борьба). Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1952.
Кумыкин Т. К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 года. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. IX, Нальчик, 1954.
Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», т. 1, изд. АН СССР, М., 1955
Лаврентьев. Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. «Военно-статистическое описание губерний и областей Российской империи», т. XVI, ч. 5, Спб, 1858.
Линден В. Сухумский округ. «Кавказский сборник на 1917 год». Тифлис, 1916, Отд. справочный (Отдел общий – V).
Люлье Л Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927.
Лященко ПИ. История народного хозяйства СССР, т. 1, Огиз–Госполитиздат, 1947.
Лавров Л. И. Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII–XIX веках. «Советская этнография», 1948 г., № 4.
Лемонджава Д. М. Вооруженное восстание крестьян в Мегрелии в 1856–57 гг. Автореферат кандидатской диссертации. Сухуми, 1950.
Линков Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825–1861 гг. Учпедгиз, М., 1952.
Миансаров М. Bibliographia Caicasia et Transcaucasia. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям о Кавказе, Закавказье и племенам, эти края населяющим, т. 1, Спб, 1874–1875.

Муравьев Н. Н. Война за Кавказом в 1855 году, т. II, Спб, 1877.
Мачавариани К. Абхазские вина. ТКОСХ, Тифлис, 1888, № 3.
Мачавариани К. Очерки Абхазии. «Черноморский вестник», 1899 г., №№ 254, 279.
Мачавариани К. Д. Метафизические размышления. Кавказские очерки. Батум, 1901.
Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913.
Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. «Материалы по этнографии России», т. 1, Спб, 1910.
Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. Краткий исторический очерк. Заккнига, (Тифлис), 1931.
Махарадзе Н. Б. Восстание в Имеретии в 1819– 1820 гг. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. III, изд. АН Груз. ССР, Тбилиси, 1942.
Малеев В. П. Древесные экзоты Абхазии и их лесоводственное значение. Сб. «Абхазия. Геоботанический и лесоводственный очерк». Изд. АН СССР, М.–Л., 1936.
Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. Соцэкгиз, 1937.
Маркова О. П. Финансово-экономическое обследование Грузии в первой трети XIX в. «Исторические записки», 1949 г., т. 30.
Маркова О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г. Изд. АН СССР, М., 1951.
Мочалов В. Д. Крестьянская реформа Е Закавказье. «Доклады и сообщения института истории АН СССР», вып. 3, М., 1954.
Нордман А. Д.) Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю. «Журнал Министерства народного просвещения», 1838 г., №11, Спб.
Образцов П. Из отголосков прошлого. (Воспоминания абхазского крестьянина), «Сотрудники Закавказской миссии», 1914 г., № 1, Сухум.
Олонецкий А. А. Православная церковь как орудие колониальной политики царизма в Абхазии. «Материалы, по истории Абхазии», вып. XV, сб. 1, изд. АбНИИ АН СССР, Сухуми, 1939.
Олонецкий А. А. Сухуми в первой половине XIX столетия. «Труды Абхазского государственного музея», вып. I, Сухуми, 1947.

Олонецкий А. А. К вопросу о крестьянской реформе в Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», XXV, Сухуми, 1954.
Олонецкий А. А. Из истории великой дружбы. (Очерк из истории грузино-русских взаимоотношений в первой половине XIX столетия). Тбилиси, 1954.
Пушкарев С. О виноградниках и виноделии в Абхазии. «Кавказ», 1852 г, №№ 27–29.
Пушкарев С. Краткий очерк портов Северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания. ЗКОРГО, кн. II, Тифлис, 1853.
Пушкарев С. Абхазия и абхазцы. «Кавказ», 1854 г., № 61.
Пушкарев С. И. Приложения к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря». ЗКОРГО, кн. II, 1853.
Пушкарев С. Еще раз об Абхазии. Письмо редактору газеты «Кавказ». «Кавказ», 1874 г., № 99.
Пахомов А. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении. ЗКОСХ, вып. 1–2, Тифлис, 1867.
Похомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. ЗКОСХ, вып. 1–2, Тифлис, 1868.
Проценко Ю. Вопрос о Кавказской железной дороге. «Кавказ», 1868 г., № 140.
Прудков Е. Из Сухума. «Кавказ», 1870 г., №№ 82, 96, 97 и 106.
Прудков Е. Очерки Цебельды. «Кавказ», 1870 г., №№ 87 и 89.
Прудков Е. О табаководстве. «Кавказ», 1874 г.,, № 54.
Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. II, вып. IV, Спб, 1886.
Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе, под ред. ген.-м. В . Потто, т. III, ч. II, Тифлис, 1904.
Пирцхалашвили А. Г. Имеретия и Гурия в период 1804–1840 гг. Сб. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 1, Тбилиси, 1942.
Пагирев Д. Д. Предметный указатель к «Перечню некоторых книг, статей и заметок о Кавказе». ЗКОРГО, кн. XXX, добавление, Тифлис, 1914.
Reineggs J. Allgemeine historisch – topgrapische Beschreibung des Caucasus, t. II, Gotha, 1797.

Радожицкий Ил. Взгляд на флору восточного берега Черного моря. «Журнал садоводства», 1842 г., № 5, М.
Реклю Элизе. Земля и люди. «Всеобщая география», кн. 4, т. 6, Спб, 1898.
Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949.
Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, кн. 2, Спб, 1847.
Свешников В. Из письма о Сухуме. «Кавказ»,. 1853 г., № 95.
Соковнин. Мысли о Сухуме. «Морской сборник», XXVI, 1856 г., № 14.
Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», 1872 г., №№ 9–10; 1874 г., №№ 4–7, 9.
Семененко Павел. Экономический очерк. «Кавказ», 1874 г., № 44.
Стефанов Т. Т. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819–1906. Юбилейный выпуск. Составил Т. Т. Стефанов. Батум, 1906.
Семин О. Великая годовщина. Аграрный вопрос и крестьянская (крепостная) реформа на Кавказе. Киев, 1911.
Сопия А. А. Дворянство и крестьянская реформа в Восточной Грузии. Автореферат кандидатской диссертации. Сухуми, 1950.
Сихарулидзе Ю. М. Крестьянское восстание в Грузии 1841 года. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси. 1953.
Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера, ч. I–II, М., 1864.
Студинецкая Е. Н. Быт и культура кабардинского народа (XVIII–XIX вв.). (Историко-этнографический очерк). «Сб. статей по истории Кабарды». Нальчик, 1954.
Тропов Н. Сухум к его лихорадочность. ЗКОРГО, кн. VI, Тифлис, 1864.
Тимофеев С. Н. Очерк виноградарства и виноделии в Сухумском округе. «Сб. сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе», вып. IV, Тифлис, 1896.
Ушаков Н. И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, ч. I, Спб, 1836.
Услар П. К Гурийский отряд в 1855 году. «Кавказский сборник», т. V, Тифлис, 1880.
Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, 1.– Абхазский язык. Тифлис, 1887.
Уварова. Абхазия, Аджария, Шавшетия и Посковский участок, ч. II, М., 1891.

Филипсон Г. И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. «Русский архив», кн. 6, М., 1883.
Фон-Дервиз Н. Сухумский округ в сельском и лесном отношениях. «Кавказское сельское хозяйство», 1894 г., № 48, Тифлис.
Фон-Дервиз Н В. Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего). ЗКОРГО, кн. XXV, Тифлис, 1906.
Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931.
Фадеев А. В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932.
Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии, т. I, Сухум, 1931.
Фадеев А. В. Крестьянское восстание 1866 года в Абхазии. «Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения», т. II, Сухум, 1934.
Фадеев А. В. Крестьянская «реформа» в Абхазии. «Известия Академии наук СССР», 1935 г., №. 7.
Фадеев А. В. Лыхненское восстание 1866 г. Газ. «Советская Абхазия», 24 июля 1936 г.
Фадеев А. В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года. «Материалы по истории Абхазии», вып. XV, сб. 1, изд. АбНИИ АН СССР, Сухуми, 1939.
Фадеев А. Абхазия в первой четверти XIX века. «Труды Одесского Госуниверситета. История», т. 1, Одесса,. 1939.
Хачапуридзе Г. В. Гурийское восстание в 1841 году. Заккнига, 1931.
Хачапуридзе Г. В. Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии. Сб. Ф. Е. Махарадзе и Г. В. Хачапуридзе «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения, в Грузии». Жур.-газ. объединение, (Москва). 1932.
ХачапуридзеГ. В. Об историческом значении, присоединения Грузии к России. «Вопросы истории», 1954 г., № 5.
Чернышев К. Еще об Абхазии. (Отрывок из письма к А. П. Берже). «Кавказ», 1854 г., №№ 81–83.
Чанцев И. Очерки Абхазии в культурном и историческом отношениях. «Кавказ», 1874 г., № 125.
Читая Г. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. II, №№ 3–4, Тбилиси, 1941.
Шавров Н. А. Проект гавани в Сухуме и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки. «Морской сборник», т. VIII, № 4, апрель, 1862 г.

Шервашидзе Г. Так ли пишется история. (Письмо в редакцию). «Закавказье», 1910 г., № 126.
Шервашидзе Г. Открытое письмо агроному в Гудаутском участке г-ну Ефимову. «Сухумский вестник»,. 1917 г., № 67.
Шадури В. Русские писатели о Грузии, составил Вано Шадури. Тбилиси, 1951.
Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска, т. II, Екатеринодар, 1913.
Эшибая Фома. Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы. СМОМПК, вып. 11, 1891.
Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказским краем, составитель Семен Эсадзе, т. I, Тифлис 1907.
Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа. Тифлис, 1914.
Эсадзе Семен. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. «Кавказский календарь на 1913 год». Тифлис, 1912.
О торговле с горскими племенами Кавказа на северо-восточном берегу Черного моря. «Закавказский вестник», 1848 г №№ 13–16.
Опыт развития лучших сортов табака в Закавказском крае. «Закавказский вестник», 1848 г., № 20.
Из Сухума. (Сведения). «Морской сборник», XXII № 6. 1864.
Восстание в Абхазии. «Кавказ», 1866 г., № 68.
Из Абхазии. «Кавказ», 1866 г., № 69.
Корреспонденция «Кавказа». «Кавказ», 1866 г., № 69
Корреспонденция «Кавказа». «Кавказ», 1866 г., № 70.
Абхазия. «Кавказ», 1866 г., № 80.
Из Абхазии. «Кавказ», 1867 г., № 40.
Кодифицированный свод о зависимых сословиях по Кубанской области. «Кубанские войсковые ведомости», 1867 г., № 15.
Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I, отд. II Тифлис, 1869.
Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии. ССКГ, вып.IV, 1870, стр. 27–44.
Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе (Абхазии и Самурзакани). ССКГ, вып. V, 1870.
Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. (Извлечение из трудов Сухумской сословно-поземельной комиссии, представленных в 1869-м году). ССКГ, вып. III, 1870.

Война 1877 и 1878 гг., т. III, вып. 1, под ред. ген.-м. Зыкова. Спб, 1882.
Утверждение наше в Абхазии. «Кавказский сборник» т. XIII, 1889.
Русский биографический словарь. Спб, 1911, стр. 100–М. Г. Шервашидзе.
Кроме того, использованы отдельные сведения из ряда других названий, в частности, статей и сообщений, помещенных в газ. «Кавказ» (№ 11 за 1848 г., № 28, 40 и 43 за 1852 г.. №№ 40 и 48 за 1866 г., №№ 43, 46 и 188 за 1867 г., № 8 за 1868 г., №№ 133 и 139 за 1870 г.) и «Дроеба» (№№ 260 и 282 за 1909 г.), «Кавказском календаре» (на 1850, 1867, 1870 и 1883 гг.), «Кавказском сборнике», СМОМПК и т. д., ссылки на которых сделаны в научном аппарате исследования.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.
ВУА – Военно-ученый архив.
ЗКОСХ – Записки Кавказского общества сельского хозяйства
ЗКОРГО – Записки Кавказского отделения Русского географического общества.
ВПСЗРИ – Второе полное собрание законов Российской империи.
СМОМПК – Сборник материалов описания местностей и племен Кавказа.
ССК – Сборник сведений о Кавказе.
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.
ТКОСХ – Труды Кавказского общества сельского хозяйства.
ЦГАА – Центральный Государственный архив Абхазской АССР.
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
ЦГВИА – Центральный Государственный военно-исторический архив.
ЦГИА – Центральный Государственный исторический архив
ЦГИАЛ – Центральный Государственный исторический архив Ленинграда.
ЦГИАГ – Центральный Государственный исторический архив Грузинской ССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Декабристы в Абхазии 3
Ссыльные декабристы на Западном Кавказе 62
Участники польского движения 20–40-х гг. XIX в. в Абхазии 211
Из прошлого сухумского Ботанического сада 238
Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века 243
Приложения 334
Биографо-библиографический очерк о С. Т. Званба 379
Абхазо-убыхский союз в освободительной борьбе
на Западном Кавказе в первой половине XIX века 418
Об илорском святилище 455

Восстание 1866 года в Абхазии

Введение 462

Глава пятая.
Социально-экономические отношения в Абхазии
в предреформенный период 485
Глава вторая.
Непосредственные причины восстания 564
Глава третья.
Ход, характер и движущие силы восстания 600
Глава четвертая.
Поражение восстания 640
Глава пятая.
Последствия восстания 667

Заключение 679

Источники и литература 683

Список принятых сокращений 699

Г. А. ДЗИДЗАРИЯ

ТРУДЫ

II том

ГЬ. А. ЗИЗАРИА

АУСУМҬАҚӘА

II атом

Редактор **Дбар А.Я.**
Корректор **Чкок Л.М.**
Компьютерный набор **Чамагуа Л.Р.**
Компьютерная верстка **Гунба Н.Г.**

Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Тираж 500. Физ. печ. л. 44.
Заказ № ....

Республика Абхазия. РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.